

В. Красных

*«Свой» среди «чужих»:
миф или реальность?*

ББК 81.2Р
К78

*Издание осуществлено при участии
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

Красных В. В.

К78 «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?.— М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.— 375 с.
ISBN 5-94244-004-2

Издание предназначается для широкого круга специалистов, интересующихся проблемами социальных наук, в первую очередь вопросами общей теории дискурса, семантики и прагматики языкового общения, психолингвистики, интерактивной социолингвистики, теории коммуникации, когнитивной и социальной психологии, социальной культурологии и герменевтики.

ББК 81.2Р

ISBN 5-94244-004-2

© В. В. Красных, 2003
© Оформление. ИТДГК «Гнозис», 2003

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Глава 1. Языковое сознание (общие положения).....	7
Глава 2. Человек говорящий.....	40
Глава 3. Коммуникация (определение понятия и структуризация).....	71
Глава 4. Успешная коммуникация.....	92
Глава 5. Текст как единица дискурса.....	111
Глава 6. Ментефакты культурного пространства (определение понятия, система, бытование).....	154
Глава 7. Прецедентные феномены.....	169
Глава 8. Стереотипы (определение понятия, классификация, функционирование).....	230
Глава 9. Концепты (как ментефакты культурного пространства).....	266
Глава 10. Фрейм-структуры сознания.....	273
Глава 11. Коды культуры и эталоны русского мира.....	297
Глава 12. Теория и практика межкультурного общения.....	316
<i>Заключение</i>	334
<i>Список литературы</i>	341

Чужой он и есть чужой. Что в нем хорошего? Если не девушка, конечно. Что хорошего? А может, ему и не так голодно, чужому. Может, он как-нибудь так, обойдется. Передумает есть. А свой — он теплый. У него и глаза другие. Смотришь — и видишь: кушать хочет. Прямо чувствуешь, как у него нутро светло. Свой • — он немножко как ты сам.

Т. Толстая. Кысь

Человеку, для достижения неисчислимого множества целей, достаточно только чувствовать себя частью своего народа и пользоваться этим, и до сих пор лишь немногим ученым удавалось уловлять отдельные, сравнительно мелкие черты склада мысли, характеризующего народ. Изучение направлений народной мысли, условленных языком, стало быть того, что одно только и должно называться народностью, есть высочайшая задача языкознания.

А. А. Потебня. О национализме

ПРЕДИСЛОВИЕ

В наши дни все больше развиваются межкультурные контакты, изменения происходят все чаще и все стремительнее, мир еще больше «сжимается»: от нескольких часов полета «Конкорда» до нескольких секунд обмена репликами по электронной почте. Меняется мир — меняется человек, и следовательно, не может не меняться гуманитарная наука и научная парадигма гуманитарных исследований. Все это неотвратимо требует нового осмысления проблем, как уже давно известных, так и актуальных для нового времени. Поэтому далеко не случаен всплеск интереса к таким молодым научным направлениям, как когнитивная лингвистика, социолингвистика, психолингвистика, этнопсихология, этнопсихолингвистика, лингвокультурология.

В название этой книжки я вынесла вопрос, который является сегодня едва ли не самым актуальным как для собственно научных исследований, так и для практики межкультурного общения. Но чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, а что же на самом деле предопределяет национально-культурную специфику дискурса. В связи с этим я постаралась изложить и аргументировать основные положения, касающиеся языкового сознания, дискурса, текста, коммуникации и — в частности — межкультурного общения. Особое внимание при этом я уделяла ментефактам русского языкового сознания, которые предопределяют специфику русского культурного пространства. Кроме того, я посчитала необходимым обозначить те проблемы, которые представляются мне особо важными сегодня.

Книга содержит 12 глав, которые с точки зрения содержания «распадаются» на две части. Первая «часть» — главы с первой по пятую — посвящена в первую очередь общелингвистическим проблемам. В этих главах я рассматриваю те феномены и те факторы, которые влияют на коммуникацию как таковую. Во второй «части» основное внимание уделяется национально-культурной специфике коммуникации, национально-культурной составляющей дискурса. Я предлагаю свое видение системы «базовых» ментефактов, кодов культуры и эталонов русского мира, особо останавливаясь на прецедентных феноменах и стереотипах. В Заключении же я позволила себе не только кратко изложить основные положения работы, но и обозначить те направления научных исследований, которые представляются мне наиболее актуальными для современной филологической науки.

В основу этой книги легло мое диссертационное исследование, которое было благополучно защищено в 1999 г. на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Но, конечно, эта книжка — не диссертация: во-первых, текст и структура работы были серьезно переработаны, во-вторых, я значительно расширила круг обсуждаемых проблем, в-третьих, я обновила практически весь иллюстративный материал

(не потому, что прежний был плох; просто появился более поздний, не менее наглядный, а в чем-то и более богатый).

И последнее небольшое замечание. Может статься, что чтение этой книги не будет легким, но я искренне хочу надеяться, что время, затраченное на нее, не покажется потраченным зря.

* * *

Я выражаю свою искреннюю сердечную признательность своему Учителю, не только в науке, но и в жизни, профессору Майе Владимировне Всеволодовой.

Я благодарна выдающимся ученым, которые в свое время взяли на себя нелегкий труд ознакомиться с моим исследованием и сделали ряд ценнейших замечаний, — проф. Л. В. Златоустовой, проф. А. А. Леонтьеву, проф. Ю. Е. Прохорову.

Особые слова благодарности я хочу адресовать проф. Ю. А. Сорокину, общение с которым, равно как и наши иногда резкие и острые споры по актуальнейшим вопросам современной науки, его неожиданные, подчас обескураживающие, но всегда глубокие и заставляющие задуматься суждения во многом повлияли на меня как на исследователя.

Слова искренней признательности я адресую проф. В. Н. Телия, личное общение с которой заставило меня по-новому взглянуть на объект и предмет моих исследований. Именно ее научная школа на сегодняшний день, по моему глубокому убеждению, является единственной серьезной и действительно научной школой лингвокультурологии. Общение с самой В. Н. Телия и ее учениками не только доставляет мне огромную радость, но и многому меня учит. Тот фрагмент работы, который посвящен лингвокультурологическим вопросам, написан в значительной мере под их влиянием.

Особую благодарность я хочу выразить Альфреду Сергеевичу Белану, без которого не могла бы состояться экспериментальная часть моего диссертационного исследования, легшего в основу настоящей книги.

И, наконец, особо теплые слова я хочу обратиться к своим коллегам по научному семинару «Текст и коммуникация» — д. ф. н. Д. Б. Гудкову и И. В. Захаренко. В течение уже целого ряда лет мы работаем вместе, и многие идеи, изложенные в этой книжке, выработывались нами совместно. Разработанная концепция когнитивных пространств, когнитивной базы, прецедентных феноменов — плод наших совместных интеллектуальных усилий. В настоящее время мы вместе работаем над описанием основных ментефактов русского культурного пространства. Кроме того, на строгий и доброжелательный суд моих коллег я выносила и многие положения этой книги, и теперь на первых же ее страницах я хочу искренне поблагодарить их за высказанные в ходе обсуждения вопросы, сомнения и замечания.

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ (ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ)

В эту главу, открывающую книгу, я посчитала необходимым включить самые общие представления о том, что есть сознание и языковое сознание, картина мира и языковая картина мира, как соотносятся сознание, мышление и интеллект между собой и с культурой, как взаимосвязаны язык и культура. Для этого мне придется изложить основные взгляды ведущих исследователей на эти и некоторые другие важнейшие проблемы. Я прекрасно понимаю, что каждая из заявленных проблем достойна отдельного и очень серьезного разговора. Но я и не претендую на всеохватность и изысканную глубину в этих вопросах. Тогда зачем же я вообще начинаю этот разговор? Дело в том, что, не определив основные понятия и не договорившись о терминах, невозможно подступиться к тому вопросу, который вынесен в название самой книги. Кроме того, чтобы ответить на этот вопрос: миф или реальность сама возможность быть «своим» не только для «своих», но и для «чужих», — необходимо понять, что скрывается за терминами «свой» и «чужой», а для этого нужно проанализировать и по возможности структурировать национально-культурную составляющую дискурса. А вот для этого надо разобраться в феномене «человека говорящего», понять, что делает его «своим» для одних и «чужим» для других. Можно ли сделать это, не рассматрив, хотя бы вкратце, вышеперечисленные проблемы? На мой взгляд, нет. Вот и ответ на вопрос, почему и зачем я начинаю книгу с таких общих вещей. Кому-то, например специалистам в области психологии или психолингвистики, многое, о чем я говорю в этой главе, покажется хорошо известным. Таким искушенным читателям я заранее приношу свои извинения. Но вместе с тем я надеюсь, что какие-то идеи окажутся внове и для них. И все-таки эта глава в первую очередь адресована тем, кто в силу своих научных (да и общечеловеческих) интересов ранее не сталкивался с психолингвистическим подходом к изучению ментально-лингвального комплекса¹ и всего блока проблем, связанных с тем когнитивным пластом, который стоит за коммуникацией и во многом ее обуславливает.

¹ Ментально-лингвальный комплекс «представлен тремя ипостасями: мышлением, сознанием и языком. Будучи ипостасями единого, названные объекты единосущны, неслиянны и в то же время нераздельны» [Морковкин, Морковкина 1997: 19].

И еще одно предварительное замечание. В предыдущей своей книге я уже высказывала предположение, что мы живем в эпоху нового «Возрождения». Но только не в сфере искусств, а в области научных знаний. И антропостремительные тенденции в научных исследованиях (причем не только гуманитарных), и антропоцентризм научных подходов, и развитие дисциплин, так или иначе связанных с изучением человека (психолингвистика, когнитивная лингвистика, этнопсихология, этнопсихолингвистика и др.), далеко не случайны. Все это свидетельствует о том, что в центре внимания ученых стоит Человек, причем уже не просто *homo sapiens* как некий индивид, но *homo sapiens* — личность, носитель сознания, обладающий сложным внутренним миром, принадлежащий той или иной культуре.

СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Итак, что же «хранится» в голове человека? Как функционируют эти «единицы хранения»? Чтобы ответить на эти вопросы и, возможно, наметить некоторые структурные элементы «концептосферы»², нам необходимо остановиться на определенных взглядах на природу человека и человеческого сознания, изложенных в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, Н. И. Жинкина, а также их последователей³. Тем более что именно этим взглядам я и стараюсь следовать в своих собственных рассуждениях.

Но начнем с самого начала, т. е. с определения психики как таковой. «Психика, — пишет А. Н. Леонтьев [Леонтьев 1972: 18], — свойство живых, высокоорганизованных материальных тел, которое заключается в их способности отражать своими состояниями окружающую их, независимо от них существующую действительность. Психические явления — ощущения, представления, понятия — суть более или менее точные и глубокие отражения, образы, снимки действительности...» Следовательно, делает вывод ученый, они вторичны, действительность — первичное, определяющее. При этом специфика психики заключается в том, что «ощущение *предметно*, отражает свойства предметов действительности» [Леонтьев 1972: 158]. (Следует, очевидно, в скобках заметить,

² Я намеренно взяла это слово в кавычки, поскольку мне близка идея Ю. А. Сорокина о том, что «единицами хранения» в данном случае являются скорее образы и представления, а не «концепты». Единственное уточнение — я предпочла бы менее категоричное утверждение в форме «не только... но и»: «не только концепты, но и образы и представления». Впрочем, о концептах мы поговорим подробнее в одной из последующих глав.

³ Современная лингвистика характеризуется отходом от естественнонаучной методологии и признает, что функционирование языка помимо естественной, «материальной», объективной причинности предполагает включение субъективных, присущих только человеку факторов [Dineen 1995: 8—9] (цит. по: [Макаров 1998: 11]). Следовательно, работы психологов имеют для сегодняшних лингвистических исследований непреходящее значение, поскольку (и об этом писал еще И. А. Бодуэн де Куртенэ) «то, что существует и движется в мозгу, а собственно говоря — в психике, обладает... закономерностью психических наук» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 65].

что понимание действительности, характерное для представителей отечественной психологии и философии, сводится приблизительно к следующему: действительность есть «наличное бытие природных и социальных явлений, закономерная реализация конкретных возможностей развития природы и общества, все существующее, в противоположность всему неосуществленному, т. е. тому, что могло быть и не будет» [Брудный 1972: 7].)

Таким образом, мы приходим к необходимости остановиться немного подробнее на феномене отражения действительности, являющемся краеугольным камнем не только в психологии, но и в философии. Важным моментом психологических исследований следует признать постулат о том, что отражение у живых организмов никогда не является пассивным процессом, при этом сама организация и деятельность живого организма является отражением объективных свойств окружающей среды. Более того, всякое психическое отражение есть результат реальной связи, реального взаимодействия живого, высокоорганизованного, материального субъекта и окружающей его материальной действительности [Леонтьев 1972: 54, 287—288].

Наличие психики, т. е. способности активного отражения окружающей действительности, отличает живой субъект от неживого. Однако в самой этой способности заложено и разграничение внутри класса «живых высокоорганизованных материальных тел» — отличие человека от животных, ибо психическое отражение, характерное для животных, оказывается противопоставленным сознательному отражению, специфически присущему человеку; последнее же есть отражение предметной действительности в ее отделенности от наличных отношений к ней субъекта, т. е. отражение, которое выделяет объективные устойчивые свойства окружающего предметного мира⁴. Так мы подходим к понятию сознания, которое есть специфически человеческая форма отражения действительности и высший тип психики [Леонтьев 1972: 263, 273, 285].

Последнее утверждение, с которым мы не можем не согласиться, безусловно, требует определенных уточнений. Во-первых, что есть действительность и, во-вторых, как понимается отражение. Начнем с первого вопроса.

Разбирая концепцию О. Розенштока-Хюсси, К. Гарднер пишет, что, по мнению философа, человечество было сформировано четырьмя типами речи: 1) племенная речь отсылала человека к прошлому, 2) храмовая речь, наподобие той, что родилась в Древнем Египте, направляла человека к звездам, 3) речь Древней Греции посредством поэзии и философии сосредоточивала человека на его

⁴ Ср.: «Когниция [как «познание, познавание» и «мышление, размышление»] ярко отражает сущность homo sapiens'a и его интеракцию, взаимодействие со средой, направленные на выживание человека, совершенствование его приспособления к природе, познание мира и т. п. Когниция есть проявление умственных, интеллектуальных способностей человека и включает осознание самого себя, оценку самого себя и окружающего мира, построение особой картины мира — всего того, что составляет основу для рационального и осмысленного поведения человека» [КСКТ 1996:81].

внутреннем «я», 4) речь народа Израиля посредством пророчеств обращала человека к его будущему. Христианство сплестило эти четыре модуса речи в единое целое. Такое понимание позволило О. Розенштоку-Хюсси на основе четырех **ориентаций** в действительности сделать вывод о наличии «креста реальности» [Гарднер 1969: 8—9]. Четыре ориентации, четыре «фронта жизни» (прошлое, будущее, внутреннее и внешнее) составляют «доступную нам действительность», которая предстает не как круг, а как крест [Розеншток-Хюсси 1994: 59]. Это положение принципиально важно, так как, в соответствии с таким пониманием, действительность оказывается намного шире материального мира, непосредственно окружающего человека. Следовательно, *действительность* может быть определена как *все сущее, материальное и идеальное, реально существующее и воображаемое* (в виде, например, воспоминаний о прошлом, мечтаний о будущем, плодов воображения и фантазий), *принадлежащее сознанию и лежащее вне его*⁵ (не за границами сознания, а именно вне его, т. е. материальный мир, который может восприниматься по пяти чувственным каналам). И если космос (вселенная, универсум), понимаемый как все познанное и непознанное, все познаваемое и непознаваемое, индифферентен к процессу познания, не связан с сознанием и, следовательно, может включать в себя нерасчлененное **н и ч т о**, то действительность, связанная с процессом познания, с сознанием, содержит **н е ч т о** и **ч т о - т о**, а лежащее за границами сознания ничто входит в действительность только через указанные категории (**н е ч т о** и **ч т о - т о**) (о вхождении в сознание нерасчлененного **н и ч т о** через стадии **н е ч т о** и **ч т о - т о** — см. [Чернейко 1997₂: 13]). Таким образом, элементами (фрагментами) действительности являются факты в самом широком смысле: от артефактов до ментефактов. Следовательно, в действительность оказываются включенными и «домоуправ» (работник ЖЭКа или ДЭЗа), и «домовой». Мир художественной литературы при этом представляет собой, так сказать, «вторичную действительность», «виртуальную реальность», которая тоже является частью действительности. Из этого следует, что персонажи художественных произведений, населяя данную «вторичную действительность», созданную автором, также входят и в действительность «первичную». Иначе говоря, конкретный «домоуправ», с которым можно поговорить по телефону, — «элемент» действительности (это, очевидно, ни у кого не вызывает возражений), но и домовой, которого можно никогда в жизни не увидеть (и более того — в существование которого можно *ине* верить), и Остап Бендер, вынужденный стать в конце своей «карьеры» домоуправом, суть такие же «элементы» действительности, как и реальный работник ДЭЗа, несмотря на абсолютно различную природу данных феноменов.

⁵ Ср.: «Действительность, лежащая вне сознания, становится реальностью сознания только через ее дискретизацию, универсальная форма которой — понятие, являющееся инструментом дискурсивного мышления» [Чернейко 1997₂: 26]. О разграничении понятий «действительность» vs «реальность» — см. указ. соч., с. 9—28.

Следующий вопрос: как понимать отражение. Конечно же, речь в данном случае идет не об отражении, например, в зеркале и даже не об отпечатке ноги на мокрой глине⁶. В данном случае отражение понимается как процесс восприятия информации при одновременной ее когнитивной обработке (хотя и не всегда осознаваемой на уровне рации). Воспринимая информацию, например, о каком-либо предмете (в широком смысле), человек определяет его, некоторым образом классифицирует и «помещает» на определенное место в той картине мира, которая у него уже существует (конечно, это достаточно грубое представление процесса, который уже подробно описан в литературе). Иначе человек не мог бы ориентироваться в мире, представляя собой вечную *tabula rasa*. В данном вопросе я стою на материалистической точке зрения, считая, что мир, окружающий *конкретного* человека, первичен, а сознание *данного конкретного* человека является отражением (не зеркальным — *sic!*, а в том понимании, как это было сказано ранее) действительности. Косвенным подтверждением этого служит, по-моему, широко известный психологический эксперимент, когда человека просят нарисовать несуществующее животное. Как правило, фантастические создания являют собой контаминацию элементов уже известных данному конкретному человеку реально существующих животных. Безусловно, такие результаты не могут быть объяснены одной единственной причиной. Процессы, проходящие в «черном ящике» (в мозгу человека, в сознании человека), очень сложны, до конца не познаны и не поняты. Они являются предметом изучения психологов, нейрофизиологов и представителей других специальностей, не связанных напрямую с лингвистикой. Нас это интересует в значительно меньшей степени и никоим образом не является предметом нашего разговора. Все, что нам необходимо в данном случае, — это определить некоторые основные, принципиально важные для нас понятия, что я и попыталась сделать.

Следующий вопрос — это вопрос о соотношении сознания и действительности, о «вхождении» сознания в действительность. Это вопрос философский и, как многие философские вопросы, является по сути вопросом «верований». Если попытаться кратко на него ответить, то ответ может прозвучать слишком категорично (чего мне бы не хотелось). Но тем не менее мой ответ положительный: сознание входит в действительность. Однако отношения между указанными феноменами не есть отношения части и целого. Если само сознание — отражение действительности, то «содержание» сознания — идеальная сторона действительности. Однако поскольку ментефакты⁷ суть элементы «содержания» сознания, между идеальной стороной действительности и сознанием не следует ставить знак равенства (как невозможно поставить знак равенства между рыбой и водой, хотя рыба живет только в воде). Вся информация, воспринимаемая чело-

⁶ Повторим, что в психологии отражение понимается как всегда активный процесс.

⁷ О ментефактах русской культуры и «русского мира» мы поговорим отдельно и достаточно подробно в одной из последующих глав.

веком, поступает по пяти материальным каналам (я говорю только о том, что уже известно и опять-таки не вызывает возражений). Но из этого не следует, на мой взгляд, вывод о материальности самого сознания⁸. Итак, сознание, нематериальное по своей природе, является фрагментом действительности, поскольку последняя включает в себя и нематериальные феномены.

Важно отметить, что сознание человека существует в виде 1) ментальных образов, доступных наблюдению в интроспекции только для субъекта сознания, 2) в «овнешнениях» этих ментальных образов, т. е. в виде деятельности, в которой субъект сознания воплощает эти образы, и 3) в виде предметного воплощения этих образов, т. е. в продуктах, результатах этой деятельности [Тарасов 1993₁: 6].

Человек есть существо общественное, «*социальное* по своей природе, человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях *общества*, в условиях созданной человечеством *культуры*» [Леонтьев 1961: 3]. И раз так, то сознание человека «есть отражение действительности, как бы преломленное через призму общественно выработанных *языковых*⁹ значений, понятий», а «индивидуальное сознание человека возможно лишь в условиях существования сознания общественного» [Леонтьев 1972: 283]. «Сознание есть продукт развития материи, есть продукт развития *жизни*. Это *высшая* форма отражения, форма *специфически человеческая*, возникшая в ходе исторического развития, в результате перехода к специфически человеческому образу жизни — к жизни в обществе, к *общественным отношениям*» [Леонтьев 1994: 27].

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

В работе лингвиста (вернее, особенно в таковой) все рассуждения о сознании и всем комплексе проблем, с ним связанных, будут неполными, если не остановиться на проблеме языкового сознания.

Говоря о языковом сознании, я имею в виду ту «ипостась» сознания, которая связана с речевой деятельностью личности. Другими словами, я не различаю принципиально «сознание» и «языковое сознание» (отмечу, что многие психологи и психолингвисты также используют оба термина «для описания одного и того же феномена — сознания человека» [Тарасов 1993₁: 7]). Я просто делаю акцент на одном из аспектов данного явления.

⁸ В связи с этим вспоминается картина Рене Магритта «Удел человеческий»: картина, изображенная на холсте, настолько точно воспроизводит фрагмент окружающего мира, что первоначально воспринимает именно как данный фрагмент. Сама картина («холст») материальна, окружающий мир (включая и изображенный фрагмент) материален, но мир художника (тот мир, который он видит «внутри» себя) нематериален, и тот фрагмент, который художник написал на картине, будучи изначально материальным и материальным на холсте, вместе с тем нематериален.

⁹ Ср.: Сущность сознания — отражение действительности. Действительность осознана человеком постольку, поскольку она отражена через посредство *языковых значений*; следовательно, язык есть действительное сознание [Брудный 1972₂: 219] (выделено мною. — В. К.).

Сразу же необходимо небольшое отступление. И касаться оно будет соотношения мышления и языка. Одна из причин, по которой я останавливаюсь на этом именно сейчас, заключается в том, что некоторые исследователи если и не ставят знака равенства между сознанием и мышлением, то не разграничивают их жестко. Для меня же сознание и мышление — вещи разные. Однако, во избежание дальнейшей путаницы, я рассмотрю эту проблему в настоящем разделе, чтобы далее к этому не возвращаться.

Итак, полярными взглядами на указанное соотношение являются точки зрения *вербалистов* (в терминологии Б. А. Серебренникова) и *антивербалистов*. Как справедливо отмечают В. В. и А. В. Морковкины, «главное, а может быть, и единственное положение, принимаемое всеми без исключения исследователями, состоит в признании несомненной связи между рассматриваемыми сущностями» [Морковкин, Морковкина 1997: 11]. Но единство взглядов на этом заканчивается. В работах вербалистов прослеживается мысль о «неразрывности тех уз, которые связывают мышление и язык, о невозможности помыслить акты мышления иначе как на базе и с помощью языка» [Там же: 12]. К числу вербалистов следует отнести М. Мюллера, В. фон Гумбольдта, Ф. Д. Э. Шлейермахера, Ф. де Соссюра, А. А. Реформатского и других. Некоторые сомнения вызывает у меня причисление к вербалистам И. Канта и А. Ф. Лосева: и тот, и другой ученые считали, что мысль и язык настолько тесно связаны, что практически неразсторжимы. Казалось бы, это не что иное, как вербалистская позиция. Однако, учитывая, что и Кант, и Лосев были в первую очередь философами, то вполне вероятно, что «мысль», о которой они говорили, действительно может быть выражена только с помощью языка. К тому же Кант говорил о том, что язык есть «лучший способ обозначения мысли»¹⁰(значит, есть и другие?). Но думаю, что полную ясность в этот вопрос могут внести именно философы, я же ограничусь сказанным. Антивербалисты утверждают принципиальную возможность невербального мышления, полагая словесное мышление лишь одним из типов мышления как такового. В качестве аргументов приводятся поведение шофера за рулем, ручной труд, участие в шахматной партии, а также мышление глухонемых, у которых, по словам А. Г. Руднева, мышление осуществляется на базе чувственных ощущений. Думаю, что осторожно, но все-таки можно говорить, что решение математической задачи, написание музыкального диктанта или создание картины действительно требуют не столько вербального, сколько иного типа мышления. К числу антивербалистов относят Н. И. Жинкина, Ж. Пиаже, Б. А. Серебренникова, П. Я. Гальперина и других. Интересно, что А. Н. Леонтьеву принадлежит следующее высказывание: «Современные генетические исследования открыли бесспорный факт существования процессов мышления, про-

¹⁰Кстати, Л. В. Щерба тоже считал язык «наилучшим и наиудобнейшим» средством для выражения мыслей и чувств. Но исключает ли это признание наличия других средств? На мой взгляд, нет.

текающих также и в форме внешней деятельности с материальными предметами» [Леонтьев 1975₂: 44]; а Л. С. Выготский считал, что наглядно-действенное и наглядно-образное мышление предшествует в онтогенезе вербально-понятийному. То есть получается, что оба ученых придерживались явно антивербалистской точки зрения. И в то же время именно Л. С. Выготский и, вслед за ним, А. Н. Леонтьев утверждают языковую природу сознания (см. далее).

Но есть и третья точка зрения, предлагающая иную интерпретацию соотношения языка и мышления. Она представлена в уже цитированной работе В. В. и А. В. Морковкиных. Итак, что же пишут исследователи? «Действительно, если согласиться, что типы мышления выделяются в зависимости от того, что выступает в качестве единицы, с помощью которой нерасчлененный мыслительный процесс разделяется на отрезки, способные к перестановкам и комбинированию, то становится ясным: такого рода единицами могут быть лишь сущности, изоморфные по своей природе самому мышлению. Поскольку мышление имеет информационную природу, постольку образы, действия, формы, краски, звуки и т. п. в том только случае могут рассматриваться как единицы мышления, если они выступают в п р е о б р а з о в а н н о м виде, совместимом с природой мыслительной деятельности, т. е. если они предстают как определенные информационные сгущения» [Там же: 15—16]. На мой взгляд, этот тезис абсолютно корректен и не вызывает сомнений. Под каждым словом из приведенной цитаты я могла бы подписаться. Однако дальше авторы, признавая язык «принципиально основным информационным каналом, питающим мышление и сознание», утверждают, что «все остальные источники информации соединяются с мыслительной сферой *только через посредство языка*, т. е. с обязательным преобразованием сигналов в информационные сгущения, *соотносящиеся с традиционными языковыми и речевыми единицами*» [Там же: 16] (выделено мною. — В. К.). И иллюстрируют это положение на примере образа, понимаемого как «нерасчлененный смысл» (безусловно!), как «сведенную в точку содержательную сторону определенного текста» (а вот это уже спорно). Говоря об образе, авторы считают, что «в действительности мы и здесь имеем дело с языковой (речевой) единицей — текстом» [Там же: 16]. Но ведь это не всегда! И цитата из С. Л. Рубинштейна, известнейшего психолога, положение не спасает, ибо, на мой взгляд, С. Л. Рубинштейн имеет в виду функциональную соотнесенность «образа» и «речевого образа». См.: «Образы, которыми оперирует человек, это "означенные", как бы речевые образы. Поэтому образы могут *функционировать* в мышлении наряду с речью, со словами и *выполнять в нем функцию*, аналогичную той, которую выполняют эти последние» (выделено мною. — В. К.). Действительно, текст может быть «свернут» в смысловую «точку» (см. концепт Н. И. Жинкина) и потом «развернут». Действительно, образ может быть представлен (репрезентирован) как текст. Но ставить знак равенства между образом и текстом — это требует очень серьезных объяснений, поскольку звучит по меньшей мере спорно. Ну и, кроме того, у меня вызывает возражение понимание текста как «языковой

(речевой) единицы» (но об этом в одной из последующих глав). (Более подробно о вербалистах и антивербалистах — см. [Указ. соч.: 11—17], хотя, повторю, далеко не со всеми идеями, высказываемыми авторами, я могу согласиться.)

Как бы там ни было, все представленные точки зрения все-таки позволяют думать, что мышление и сознание суть феномены разные, хотя и тесно связанные. И если трудно утверждать, что мышление осуществимо только с помощью слов, то говорить о языковой природе сознания, пожалуй, вполне допустимо. Тем более в рассуждениях лингвиста, рассматривающего речевую деятельность человека. Но вернусь к тому тезису, что «языковое сознание» может в ряде случаев выступать синонимом «сознания» (что мы видим в работах многих психолингвистов). Говоря «языковое сознание», я имею в виду тот аспект, который непосредственно связан с процессами порождения и восприятия речи, который не может миновать лингвист в своих исследованиях и через рассмотрение которого мы подходим к изучению национального ментально-лингвального комплекса, национальной концептосферы, ибо «язык овеществляет ментальное» [Гийом 1992: 71]. При этом следует, думаю, согласиться с тезисом о том, что языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих. Оно может быть исследовано только как продукт прошедшей, бывшей¹¹ деятельности, т. е. может стать объектом анализа только в своих превращенных, отчужденных от субъекта сознания формах культурных предметов и квазипредметов (под последними понимаются «культурные предметы, используемые в качестве тела знака») [Тарасов 1993: 8, 7]. Данное положение восходит, очевидно, к идее А. А. Потебни: «Наш опыт показывает, что настоящее наше состояние не подлежит нашему наблюдению и что замеченное нами за собой принадлежит уже прошедшему» [Потебня 1989: 153].

Повторю, что для Л. С. Выготского и, вслед за ним, для А. Н. Леонтьева сознание имеет языковую, речевую природу: «Иметь сознание — владеть языком. Владеть языком — владеть значениями. Значение есть единица сознания (имеется в виду языковое, вербальное значение). Сознание при этом понимании является знаковым»¹² [Леонтьев 1993: 16]. Развивая учение Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьев утверждает, что если язык понимается как единство общения и обобщения, как система значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме существования, то «языковое сознание», т. е. сознание, рассматриваемое как опосредованное значениями, оказывается близким к пониманию «образа мира» в современной российской психологии. Именно через образ мира, который человек носит в себе, он воспринимает мир; ср.: «Мир глазами человека — это вид мира на основе обработки, которой мы умеем под-

¹¹ И — на основе данного опыта — потенциально возможной? Хотя, безусловно, любое «потенциально возможное», как только становится осуществленным, моментально переходит в разряд «бывшего».

¹² Ср.: «... язык является по существу системой значений; он не может не означать что-либо, и все его существование заключается в значении» [Рикёр 1995: 51].

вергать мир, заключенный в нас» [Гийом 1992: 144]. Соответственно, язык человека — «это поверхностная структура, в которой с помощью текстов фиксируется модель мира, которую мы несем в своем сознании» [Тураева 1994: 105], поскольку «сам язык, как некая значащая система, требует соотношения с существованием» [Рикёр 1995: 24]. Вспомним в связи с этим слова Т. П. Ломтева: «Принципиально нельзя построить предложение из слов естественного языка таким образом, чтобы отсутствовало отражение при наличии отражаемого, т. е. так, чтобы знак соотносился с действительностью, минуя ее отражение в человеческой голове» [Ломтев 1979: 19]. Следовательно, «можно полагать, что между действительной, реальной ситуацией и отражающим эту действительность высказыванием (результатом речевых действий) находится некий промежуточный этап — этап членения ситуации для специфических целей» [Шахнарович, Юрьева 1990: 21]), само же членение действительности связано с тезаурусом [Шрейдер 1980: 46—48].

Важно также и то, что языковое сознание, по мысли А. Вежбицкой, имеет много разных уровней и что оно содержит как факты, лежащие на поверхности, так и другие факты, которые скрыты очень глубоко [Вежбицкая 1996: 244], иначе говоря, «сознание имеет глубину» [Леонтьев 1993: 18]. При этом то, что скрыто в глубине, можно «вытащить» на поверхность, в светлое поле (см. об этом, например, в работах Э. Сепира, А. Вежбицкой, А. А. Леонтьева). Таким образом, «языковое сознание — это форма существования индивидуального, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» [Зимняя 1993: 51].

Итак, сознание (языковое сознание) имеет языковую природу, «манифестирует» себя в языке, и язык, по идее Лейбница, есть наилучшее¹³ отражение человеческой мысли (ср.: «Язык есть деятельность человека, направленная всякий раз к определенной цели, к наилучшему и наименее удобному выражению своих мыслей и чувств» [Щерба 1974: 102]), язык есть то, в чем и при помощи чего, по мысли А. Н. Леонтьева, существует сознание общества (ср.: «Язык есть разновидность человеческого поведения. Человеческое поведение есть факт психологический (биологический), как проявление человеческого организма, и факт социологический, как такое проявление, которое зависит от совместной жизни этого организма с другими организмами в условиях взаимодействия» [Якубинский 1986: 17]). Языковые данные при этом играют решающую роль в выявлении фундаментальных моделей мышления у различных групп населения [Вежбицкая 1996: 291—292]. Процесс формирования языкового и неязыкового сознания лежит в основе процессов формирования общения, но вместе с тем, сам процесс формирования сознания возможен лишь в общении [Уфимцева 1993: 59].

¹³ Еще раз повторю, что «наилучшее» далеко не всегда значит «единственное».

КАРТИНА МИРА vs. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Если между «сознанием» и «языковым сознанием», по мнению ряда ученых, можно поставить знак равенства, то «картина мира» и «языковая картина мира» должны быть четко разведены¹⁴: как подчеркивает А. А. Леонтьев, следует иметь в виду, что понятие «образ мира» ни в коей мере нельзя считать тождественным таким понятиям, как «языковая картина мира» и «когнитивная картина мира» [Леонтьев 1993: 18]. Рассмотрим данный тезис более подробно.

По М. Хайдеггеру, «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» [Хайдеггер 1986: 103]. Иначе говоря, картина мира по сути есть отражение окружающего мира в голове человека (в том понимании, о котором говорилось ранее). Современные психолингвисты полагают понятия «сознание» и «картина мира (модель мира, образ мира)» близкими, если не синонимичными (см., например, работы А. А. Леонтьева, Н. В. Уфимцевой и др.). Картина мира формируется у индивида в процессе социализации и, следовательно, не может не нести на себе национально-культурный отпечаток. Для многих исследователей картина мира предстает как «сумма ментальных значений, наиболее общих представлений о мире» [Утробина 1997: 72]. Т. В. Цивьян рассматривает модель (картину) мира как результат переработки информации о среде и человеке, как сокращенное и упрощенное отображение указанной суммы представлений [Цивьян 1990: 5]. В. Г. Колшанский считает, что картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира [Колшанский 1990: 15]. Картина мира предстает как идеальное, концептуальное образование, имеющее двойственную природу: необъективированное — как элемент сознания, воли или жизнедеятельности, и объективированное — в виде различных следов сознания, воли или жизнедеятельности, в частности — в виде знаковых образований, текстов (в том числе — как искусство, архитектура, социальные структуры, язык) [Постовалова 1987: 66]. При этом картина мира, понимаемая как «известная интегральная система», характеризуется упорядоченностью и объединенностью значений и представлений, ее формирующих [Кубрякова 1986: 141].

Предпосылки «для соотнесения объективной реальности мира, независимой от сознания человека, и идеальной картины мира как продукта человеческого сознания» (т. е. реального мира и его отражения в голове человека — картины мира) создаются, по мнению В. Г. Колшанского, существованием «вторичного, идеального мира в языковой плоти» [Колшанский 1990: 18], т. е. языковой картиной мира, предстающей «в виде глубинного слоя общей картины мира» [Постовалова 1987: 66]. Каждый естественный язык, как пишет Ю. Д. Апресян, отражает определенный способ концептуализации (восприятия и организации) мира,

¹⁴ Отмечу, однако, что некоторые ученые не признают целесообразным выделение последнего понятия, аргументируя свою точку зрения тем, что язык и действительность связаны не напрямую, но опосредованно — через мышление.

при этом значения, которые выражаются в языке, формируют единую систему взглядов, представляющую собой некую «коллективную философию», которая «навязывается» всем носителям данного языка в качестве обязательной [Апресян 1995₂] (ср.: «Язык не отражает мир, а отображает его; эксплицирует и объективирует концептуальную картину мира человека» [Постовалова 1987: 67]). Таким образом, языковая картина мира может быть определена как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике [Маслова 1997₂: 49]. Если понимать «значения» очень широко: как образы, представления, смыслы, понимаемые по Ю. А. Сорокину¹⁵, — то с утверждением Ю. Д. Апресяна нельзя не согласиться. Однако положение о том, что «человек видит мир сквозь призму языковой картины мира» и что именно языковая картина мира «формирует тип отношения человека к миру, задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру»¹⁶ [Маслова 1997₂: 49], представляется нам излишне категоричным, ибо данные функции выполняет, очевидно, картина мира, в то время как языковая картина мира есть своеобразная материальная форма, в которой, по В. Г. Колшанскому, картина мира закрепляется и реализуется.

Таким образом, языковая картина мира обозначает «мир в зеркале языка», а картина мира (образ мира) понимается как «отображение в психике человека предметной окружающей действительности, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и подающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев 1993: 18], т. е. как результат прошлого того народа, к которому мы себя причисляем [Уфимцева 1996: 161].

Как показывают исследования, за внешним сходством формальной структуры ядра языкового сознания могут стоять совершенно разные «образы мира», как, например, у англичан и русских [Уфимцева 1996: 160 и предыд.]. Если Вы поговорите с англоговорящим о том, что стоит за теми или иными словами, то Вы увидите, что *дом* для русского — это не совсем то же, что *home* для англичанина или американца. Вполне вероятно, что Вы слышали из уст американца фразу «*He is a friend of mine*», которой тот представлял своего приятеля, с которым познакомился просто-таки накануне. Понятно, что для русского *друг* — это совершенно другое, друзей вообще не может быть много. А для американца, похоже, весь мир — друзья? Особенно если учесть, что в английском языке есть эквиваленты наших слов приятель (*friend*) и знакомый (*acquaintance*). Наверное, дело не столько в «национальном американском» или «национальном английском»

¹⁵ Представление — это любой психотипический образ (*идиообраз*; любое *идиозначение*, любая *идиокогитема*, любой *идиоаффект*, любая *идиоэмоционема*); смысл — совокупность усредненных идиообразов (идиокогитем и идиоэмоционем); значения же есть не что иное, как указание на те или иные классы этих совокупностей [Сорокин 1997₃: 45—46].

¹⁶ По сути это позиция релятивистов. Среди наиболее известных релятивистских теорий следует назвать концепцию конфигурации культур Р. Бенедикт, концепцию Л. Леви-Брюля (речь идет о противопоставленности первобытного мышления и логического европейского), идеи Ф. Боаса и, конечно, гипотезу лингвистической относительности Сепира—Уорфа.

характере, сколько в лингво-когнитивных феноменах: в том, что стоит за каждым из этих слов для англичанина, американца или русского. Или: там, где мы употребим *рад* или *обрадоваться*, англичанин ничтоже сумняшеся говорит *happy* (счастлив), и, похоже, действительно, пребывает *happy* по этому поводу. Так, фразу «*Я рада, что Вы пришли*» англичанка, хорошо говорящая по-русски и понимающая разницу между русскими *радостью* и *счастьем*, тут же перевела как «*I'm happy you came*».

С другой стороны, различия в языковых картинах мира далеко не всегда свидетельствуют о кардинальных различиях на определенных участках картины мира, (языкового) сознания — см., например, результаты экспериментов по изучению цветового поля профессора Е. Н. Соколова. Кроме того, еще в 1969 г. Б. Берлин и П. Кэй опубликовали результаты исследований¹⁷, в которых основное внимание было обращено не на границы между цветами, а на центр, т. е. на то, что они назвали *фокусными цветами*. А теперь я предоставляю слово этнопсихологу Т. Г. Стефаненко, которая подробно описала как само исследование, так и его результаты.

«На первом этапе авторы просили испытуемых — представителей 20 языковых групп, проживающих в США и знающих, кроме родного языка, английский, выделить базовые термины для обозначения цветов на их языке. Когда наборы цветообозначений были получены, испытуемые должны были из 329 образцов, окрашенных в разные цвета, выбрать: а) те, которые соответствуют каждой из выделенных цветовых категорий; б) среди них наиболее типичные, соответствующие каждой категории в наибольшей степени.

Как и следовало ожидать (продолжает Т. Г. Стефаненко), границы обозначения цветовых категорий в разных языках не совпали. Но выбранные испытуемыми «лучшие» для базовых цветов образцы (фокусные цвета) оказались одними и теми же: для черного, белого и красного цветов — в 20 языках, для зеленого — в 19, для желтого — в 18, для синего — в 16, для коричневого и фиолетового — в 15, для серого — в 14, для оранжевого и розового — в 11.

Таким образом, американские исследователи предложили систему цветовых универсалий. Кроме фокусных цветов универсальной они считают последовательность возникновения цветовых категорий в языках мира. Исследовав 78 языков, Берлин и Кэй пришли к выводу, что 11 основных цветов стали кодироваться в истории любого языка в фиксированном порядке, а стадии появления терминов представляют собой ступени лингвистической эволюции языков:

1. сначала появились названия для белого и черного цветов, и они имеются во всех языках (возможны варианты: «светлый теплый» и «темный холодный»);
2. если язык содержит три термина, то в нем имеется термин для красного цвета;

¹⁷ Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley: Univ. of California Press, 1969.

3. если язык содержит четыре термина, то в нем имеются термины либо для желтого, либо для зеленого цвета;
4. если язык содержит пять терминов, то в нем имеются термины и для желтого и для зеленого цветов;
5. если язык содержит шесть терминов, то в нем имеется термин для синего цвета;
6. если язык имеет семь терминов, то в нем имеется термин для коричневого цвета;
7. если язык имеет восемь и больше терминов, то в нем имеются термины для фиолетового, розового, оранжевого, серого цветов» [Стефаненко 2000: 81—82].

Интересно, что в «Илиаде» и «Одиссее» исследователи выявили трехчленную классификацию цветов, в которой основными были черный, белый, красный. Таковую же систему В. Тернер обнаружил и в языке африканского племени ндембу [Гам же].

Элеоноре Хайдер (подчас более известной под фамилией Рош) удалось доказать на материале 23 языков, что фокусные цвета более «кодируемы» (их термины короче и вспоминаются легче). Кроме того, исследуя цветовую картину у племени дани (Новая Гвинея), Хайдер (Рош) установила, что фокусные цвета лучше запоминаются, даже если в родном языке нет термина, обозначающего данный цвет. А. Вежицкая попыталась дать этому объяснение, найдя «естественные прототипы из окружающей среды», типа: черный — ночь, белый — день, синий — небо, зеленый — флора, красный — огонь [Вежицкая 1996].

Аналогичную картину можно наблюдать и в сфере грамматических категорий, где также может наблюдаться определенная асимметрия формы и значения: значение присутствует в сознании, но не имеет однозначной грамматической формы для своего выражения. Например, категория определенности /неопределенности в русском языке, как известно, не имеет грамматического выражения. Но разве мы не можем передать это грамматическое значение? Конечно, можем. Во-первых, это различные местоимения и наречия с частицами *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *кое-*. Во-вторых, это особые лексические средства, например, *некий* (человек), *нечто*. В-третьих, это порядок слов (*В комнату вошел человек. — Человек вошел в комнату.*). Или категория рода имен существительных в английском или шведском. Думаю, что определенным доказательством того, что в английском языке категория рода существует и присуща не только одушевленным предметам, служит местоимение *she* (она), замещающее слова, определяющие «плавсредства»: *ship, yacht, boat*. Безусловно, это связано с историей флота и — конкретно — с внешним видом судов (отсюда и убеждение, что «женщина на корабле — к беде»), но факт остается фактом: категория рода семантически английскому языку не чужда. Ну, а в шведском имеет место разграничение слов среднего и общего рода (*en bok* — книга ↔ *ett bord* — стол), но выражается оно артиклем, а не «формой» имени существительного (как в русском или, например, испанском: *uno amigo* — *una amiga*).

С другой стороны, языковая картина мира может оказывать весьма серьезное влияние на способ членения действительности и, следовательно, на картину мира. Например, многие, кто изучал языки со сложной системой времен, знают, как трудно подчас бывает овладеть не только и не столько формами времен, сколько «способом» членения временной оси. То же справедливо и по отношению к иностранцам, пытающимся овладеть видами русского глагола.

СОЗНАНИЕ — МЫШЛЕНИЕ — ИНТЕЛЛЕКТ

Я уже вскользь упоминала, что в современной научной литературе термин «сознание» зачастую оказывается членом синонимического ряда: сознание, интеллект, разум и мышление. В рамках когнитивной науки «сознание» и «интеллект» относят к обозначению форм высшей нервной деятельности, психических, ментальных систем и когнитивных способностей человека, а также — к отражению его активной познавательной деятельности и восприятию мира. Вместе с тем, сознание скорее представляет собой определенное состояние человека, включает представления о чувствах, эмоциях и ощущениях человека (хотя тоже, конечно, в репрезентированном их виде) и развивается под влиянием мышления [КСКТ 1996: 176].

Вслед за психологами, я использую термины «сознание» и «мышление», разграничивая их. *Сознание* определяется в психологической науке как «особое внутреннее движение, порожаемое движением человеческой деятельности», как «рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя» [Леонтьев 1975₂: 13, 97]. Иначе говоря, сознание — это одна из форм психики, функция мозга и отражение объективного мира в голове человека [Брудный 1972₂: 30]. *Мышление* же есть «процесс сознательного отражения действительности в таких объективных ее свойствах, в которые включаются и недоступные непосредственному восприятию объекты. Познание для человека возможно опосредованным путем — через мышление» [Леонтьев 1972: 278]. (При этом орудием мышления, отражающим «становление мысли», по идее С. И. Бернштейна, служит живая речь [Бернштейн 1972: 122].)

Что касается *интеллекта*, то, по выражению М. Коула, можно было бы привести цитаты из работ целого ряда выдающихся психологов (Goddart, Terman, Yerkes, Gould, Carroll и др.), но определение, которое дает С. Бердс, отражает общую направленность мысли исследователей: «Под интеллектом психолог понимает врожденную общую умственную способность. Она наследуется или по крайней мере врождена, а не обязана обучению или тренировке; она умственна, а не эмоциональна или нравственна, на нее не влияют трудолюбие или рвение; она общая, а не специфичная, то есть не ограничена никаким отдельным видом работы, но входит во все, что мы делаем, говорим или думаем. Из всех наших психических качеств эта способность наиболее широка» (цит. по: [Коул 1997: 72]). По мысли Н. Bergson, «интеллект, если рассматривать его в исходных чер-

тах, — это способность изготавливать искусственные объекты, в особенности орудия изготовления орудий, и неограниченно варьировать способы их изготовления»¹. Следовательно, по мысли ученого, человека с этой точки зрения, можно было бы называть не *Homo sapiens*, но *Homo faber* [Bergson 1983: 139] [Там же: 132]. Французы А. Бине (A. Binet) и Т. Симон (T. Simon) еще в начале XX века выдвинули тезис о главном качестве интеллекта, о его «фундаментальной способности, нарушение или отсутствие которой имеют первостепенную важность для повседневной жизни. Это — способность к суждению, иначе называемая здравым смыслом, практическим чутьем, инициатива, способность приспосабливаться к обстоятельствам. Хорошо судить, хорошо понимать, хорошо рассуждать — это сущностные деятельности интеллекта» [Там же: 70]. Отметим, что все психологи, говоря об интеллекте, определяют его как ту или иную *способность*.

Таким образом, можно выстроить некоторую триаду понятий: сознание — как *феномен*, как высшая форма отражения действительности, мышление — как *процесс* сознательного отражения действительности, интеллект — как умственная *способность*. Учитывая непосредственную связь между сознанием (языковым сознанием), интеллектом и мышлением, с одной стороны, и языком — с другой, можно, очевидно, провести определенную параллель между указанными феноменами и тремя ипостасями языка, выделяемыми А. А. Леонтьевым [Леонтьев 1969: 23]:

сознание (как феномен)	↔	язык как предмет;
мышление (как процесс)	↔	язык как процесс;
интеллект (как способность)	↔	язык как способность.

Ни у кого, пожалуй, не вызывает сегодня сомнения наличие связи между сознанием, мышлением, интеллектом и языком. Но еще остается не до конца решенным вопрос, существует ли подобная связь между указанными феноменами и культурой. И если таковая существует, то как и в чем проявляется? Я попытаюсь ответить на данные вопросы после того, как очень коротко остановлюсь на понятии культуры.

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ

Сегодня, пожалуй, невозможно привести единое, всеобъемлющее и всеобщее принимаемое определение столь сложного явления, как культура. Более того, я не считаю возможным (да и нужным) в этой книге просто привести списком существующие определения и понимания культуры, речь не идет даже о том, чтобы их рассмотреть и прокомментировать (хотя бы вкратце). И одна из причин в том, что счет таковых идет уже на сотни (см., напр., [Культурология 1995]). Я не культуролог, и вдаваться в детали различных дефиниций, определяя сильные и слабые стороны каждой из них, большую или меньшую их адекватность, точность, полноту и т. д. и т. п., я не считаю себя вправе, да, признаться, и не вижу

особого смысла. По крайней мере, в рамках данной работы. Я думаю, что сейчас необходимым и достаточным будет выделить некоторые взгляды, во-первых, дающие представление о существующем спектре идей и мнений, во-вторых, составляющие *minimum minimum* для понимания всего дальнейшего разговора, и, в-третьих, максимально соответствующие и наиболее полно отражающие мои представления о столь сложном явлении, каким является культура.

Позволю себе в этой связи сослаться на концепцию Э. Сепира, который, анализируя употребление термина «культура» в различных исследованиях, пришел к выводу, что самому термину обычно «приписывают три основных смысла или группы смыслов» [Сепир 1993: 466]. Во-первых, «культура» может использоваться как технический термин, охватывающий любые социально наследуемые черты человеческой жизни, материальной и духовной¹⁸. При таком понимании правила охотничьей игры южноафриканских бушменов, вера в амулеты у североамериканских индейцев, специфический тип трагедии в драматическом искусстве Афин времен Перикла и динамо-машина современной индустрии — все это в равной степени и без каких-либо различий есть элементы культуры. Каждый такой элемент представляет собой продукт коллективных духовных усилий человека, сохраненный в течение известного времени не как непосредственная, автоматическая результирующая неких чисто наследственных свойств, но как результат более или менее сознательных имитационных процессов, в совокупности охватываемых терминами «традиция» и «социальная преемственность». С этой точки зрения, все человеческие существа, или, во всяком случае, все группы таковых, наделены культурой, хотя формы культуры и степени ее сложности могут значительно различаться. Во-вторых, термин «культура» может относиться к некоторому довольно условному идеалу индивидуальной «благовоспитанности», в основании которой лежит незначительный корпус усвоенных знаний и опыта, состоящий по большей части из набора типовых реакций, санкционированных общественным классом и долгой традицией. При таком подходе культурный идеал — это идеал внешнего облика, идеал облачения и обхождения. В-третьих, культура понимается как цивилизация, взятая в той мере, в какой она воплощает в себе национальный дух, т. е. понятие культуры включает наряду с психологическими и псевдопсихологическими предпосылками национальной цивилизации также набор конкретных манифестаций, которые, как считается, для последней особенно характерны. Данная концепция культуры вкладывает в единый термин те общие установки, взгляды на жизнь и специфические проявления цивилизации, которые позволяют конкретному народу определить свое место в мире. Последнее понимание культуры ставит в центр внимания не столько то, во что верит тот или иной народ или что им создано, сколько то,

¹⁸ Ср.: культура — это «человеческая среда, все то, что помимо выполнения биологических функций придает человеческой жизни форму и содержание [...], сложный комплекс представлений, организованных в кодекс отношений и ценностей» [Бенвенист 1974: 30—31], это «совокупность всех общественных ценностей» [Школьник 1975: 171].

каким образом созданное этим народом и то, во что он верит, функционирует в его жизни, и какое значение все это имеет для данного народа. Поскольку нации несут на себе — в мыслях и в действиях их представителей — отпечаток «литературной формы», некоторой матрицы и следы этой матрицы более различимы в одних элементах цивилизации, чем в других, то специфическая культура нации — это такой набор элементов ее цивилизации, в котором отпечатки матрицы выражены с наибольшей рельефностью [Сепир 1993: 466—470]. Мне особенно близко (правда, с некоторыми оговорками¹⁹) последнее понимание культуры, так как оно объединяет в себе наиболее важные, на мой взгляд, компоненты, присутствующие в разрозненном виде в иных концепциях: внимание к общественному характеру культуры, с одной стороны, и выявление наиболее рельефных, матричных элементов той или иной национальной культуры — с другой

Американский культурантрополог М. Дж. Херсковитц (M. J. Herskovits) понимал под культурой часть окружения человека, созданную людьми (дается по: [Berry et al. 1992: 195]). Ряд психологов и философов полагает, что культура транслируется от поколения к поколению (см., например, [Dewey 1963; Delia et al. 1982]), и «с этой точки зрения культура может быть понята как целостная совокупность артефактов²⁰, накопленных социальной группой в ходе ее исторического развития. В своей совокупности накопленные группой артефакты — культура — могут рассматриваться как специфичное для вида средство человеческого различия. Это «история в настоящем». Способность развиваться в этой среде и обеспечивать ее воспроизводство в последующих поколениях составляет отличительную черту нашего вида» [Коул 1997: 133]. С. Geertz «уточнил» слова Макса Вебера о человеке как о животном, подвешенном в паутине смыслов, которую он сам и сплел, заявив, что такой паутиной считает именно культуру [Geertz 1973: 5]. Немногим позднее он, правда, предложил новую метафору, отказавшись от образа паутины: «Культура не похожа ни на кучу песка, ни на паутину, она скорее похожа на осьминога — довольно плохо интегрированное существо: то, что называют мозгом, более или менее удерживает ее в единой неуклюжей целокупности» (цит. по: [Коул 1997: 147]). В этнопсихологии подчеркивается, что культура — не набор, а система определенным образом взаимосвязанных элементов [Стефаненко 2000: 36].

И еще одно, принципиально важное замечание. В этнопсихологических исследованиях прослеживаются три основные тенденции: релятивизм, абсолютизм

¹⁹ Например, я разграничиваю понятия «культура» и «цивилизация», во-первых, как «данность», «фиксацию процесса» и сам «процесс» (см., напр., [Сорокин 1978]); во-вторых, как совокупность духовных и материальных ценностей без предпочтения какой-либо одной стороне, «матрицу» восприятия и поведения, с одной стороны (культура), и совокупность духовных и материальных ценностей, связанных в первую очередь с развитием техник и технологий, — с другой (цивилизация).

²⁰ Артефакт — материальный объект, изготовленный человеком. В антропологии артефакты изучаются как проявления материальной культуры. М. Коул рассматривает артефакты как «продукты истории человечества», включающие идеальное и материальное [Коул 1997: 131]. ..

и универсализм. Представляя эти тенденции, сошлюсь на Т. Г. Стефаненко [Стефаненко 2000], мнение которой я считаю безусловно авторитетным. Итак, основной «пафос» *релятивистских* взглядов заключается в следующем: *все культуры равные, но разные*. Основными представителями релятивизма считаются Л. Леви-Брюль, Ф. Боас, Б. Уорф, М. Херсковиц, Р. Бенедикт. *Абсолютисты* полагают, что *культуры одинаковые, но неравные*. К числу приверженцев этой концепции, на мой взгляд, можно было бы отнести таких исследователей, как R. S. Woodworth, S. Porteus, S. J. Gould, M. Wober. «Абсолютистом наоборот» Т. Г. Стефаненко называет М. Коула, который считает, что культуры равные и одинаковые, а существующие различия объясняет «неспособностью существующих методик выявить внутреннее сходство между психологическими явлениями» [Указ. соч.: 88]. Впрочем, Коула можно признать и представителем универсализма (в скобках замечу, что такое понимание идей М. Коула представляется мне более точным). В целом *универсалисты* рассматривают *культуры как равные, внешне разные, новосновесвоейодинаковые*. Подобные взгляды изложены, в частности, в книге, написанной J. W. Berry, Y. H. Poortinga, M. Segall, P. R. Dasen [Berry et al. 1992]. Едва ли не самым ярким исследователем, представляющим универсалистский подход, является создатель школы этнологического структурализма К. Леви-Строс (более подробно об этих тенденциях, а также о взглядах Л. Леви-Брюля и К. Леви-Строса с точки зрения этнопсихологии — см.: [Стефаненко 2000: 86—98]).

Ну а теперь вернемся к тому, как понимается культура в настоящей книге. В своих исследованиях и рассуждениях я придерживаюсь того понимания культуры, которое существует, в частности, в культурологии, лингвокультурологии и этнопсихолингвистической науке. Заметим, кстати, что это понимание ни в коей мере не претендует на абсолютную истинность, всеобщую признанность и универсальность, ибо это — точка зрения ученых, изучающих национальную специфику коммуникативного (и в первую очередь — речевого) поведения языковой личности как носителя национального ментально-лингвального комплекса, национального языкового сознания. Итак, культура — это «некоторая сумма персистентной технологии в отличие от цивилизации, понимаемой как некоторая сумма развивающейся технологии» [Сорокин 1978; 133], это «система сознания, связанная с определенной этнической системой (по Л. Н. Гумилеву)» [Уфимцева 1996; 91], это «поведение, объективно наблюдаемые действия в отношении к социальным и физическим предметам, общие для всех членов данного человеческого коллектива» [Ахманова 1957: 33], это «форма общения между людьми, которая «возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются... [...] ... культура имеет, во-первых, коммуникационную и, во-вторых, символическую природу» [Лютман 1994: 6] и, наконец, это «особая форма закрепления и передачи последующим поколениям достижений развития» [Леонтьев 1961: 6] и «именно культура является специфически человеческим способом трансляции знаний наряду с наследственной видовой памятью и индивидуальной па-

мятью²¹. Она же является и источником происхождения знаков (а значит, и значений), которыми питается индивидуальное сознание, и способов их употребления» [Уфимцева 1996: 92]. И здесь снова возникает вопрос о связи сознания (языкового сознания), мышления и интеллекта с культурой.

СОЗНАНИЕ, МЫШЛЕНИЕ, ИНТЕЛЛЕКТ И КУЛЬТУРА

При рассуждении об указанной связи может возникнуть вопрос, который более уместно было бы обсуждать в софистически-спекулятивном сочинении, однако уделим ему некоторое — минимальное — внимание. Итак, если культура — это то, что отличает человека от животного, и мы придерживаемся той точки зрения, что человека от животного (т. е. других «живых высокоорганизованных материальных тел») отличает сознание, то из этого может следовать вывод: культура равна сознанию. Указанные феномены, безусловно, взаимосвязаны, но ставить между ними знак равенства все-таки не стоит (как, очевидно, не стоит утверждать тождество между «механизмом» и «продуктом»): сознание «ингерентно» человеку, культура — «адгерентна». В том смысле, что феномен культуры присущ человеку и специфичен для человека, но культура — это способ фиксации приобретенного опыта и трансляции его последующим поколениям. Сознание «формируется» в обществе, культура создается обществом и в нем «бытует». Иначе говоря, человек как феномен «творит» культуру, но человек как индивид становится личностью, «входя» в культуру, поскольку «достижения исторического развития человеческих способностей не просто даны человеку в воплощающих их объективных явлениях материальной и духовной культуры, а лишь заданы в них» [Леонтьев 1961: 14], и в процессе их постижения человек становится личностью, развивая и оттачивая свою специфическую способность сознательного отражения действительности.

Поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем и т. д., сознание человека всегда этнически обусловлено [Леонтьев 1993: 20]. Этносоциокультурный фактор выявляется, в частности, в национально-этнических особенностях способа формирования и формулирования мысли [Зимняя 1993: 56] (поэтому, кстати, процесс обучения, по мысли А. А. Леонтьева, есть процесс формирования инвариантного образа мира [Леонтьев 1993: 20]). Очевидно, процесс этот носит во многом «неосознаваемый» характер, поскольку, по мнению Н. В. Уфимцевой, сама система сознания скорее всего определяется этническими стереотипами поведения и не осознается каждым отдельным носителем культуры, т. е. принадлежит коллективному бессознательному данного национально-лингво-культурного сообщества. Однако именно эта определенная систем-

²¹ Это созвучно идее конструктивизма, который «трактует культуру как трансцендентный исторический процесс смыслообразования, обеспечивающий готовыми значениями и символами интерпретирующих индивидов» [Макаров 1998: 41].

ность сознания, или образа мира, влияет на поведение представителей того или иного сообщества и определяет его [Уфимцева²² 1996₁: 161].

Итак, сознание оказывается связанным с культурой. А существует ли подобная связь между культурой и интеллектом? Отметим, что психологи, занимавшиеся кросс-культурными исследованиями, по-разному отвечают на этот вопрос и, если признают существование данной связи, по-разному ее оценивают.

И первое, о чем следовало бы сказать, — это о зрительных иллюзиях и о межкультурных различиях в этой сфере (дается по [Стефаненко 2000: 77—79]). В результате исследования, проведенного М. Сегаллом, Д. Кэмпбеллом и М. Херсковицем, были выдвинуты две основные гипотезы.

1) Гипотеза «мира плотников». В соответствии с этой гипотезой, люди, выросшие в условиях западной культуры, в большей степени по сравнению с тем, кто рос в традиционной культуре, подвержены иллюзии Мюллера-Лайера (рис. 1), поскольку их с детства окружает множество предметов с прямыми углами.

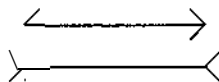

Рис. 1. Иллюзия Мюллера-Лайера.

Длина отрезков абсолютно одинакова, однако нижняя линия часто воспринимается как более длинная

2) Гипотеза «перспективной живописи». Согласно этой гипотезе горизонтально-вертикальной иллюзии (рис. 2) менее подвержены люди, которые редко видят горизонт или смотрят в даль, и наоборот, она чаще отмечается у людей, привыкших к бескрайним просторам.

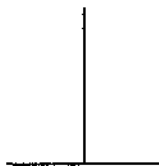

Рис. 2. Горизонтально-вертикальная иллюзия.

Длина вертикального и горизонтального отрезков абсолютно одинакова, однако вертикальная линия часто воспринимается как более длинная

В результате исследования был сделан вывод, что «восприимчивость к зрительным иллюзиям зависит от среды, в которой живет человек, т. е. от факторов культуры и экологии» [Там же: 78].

²² Отметим, что Н. В. Уфимцева использует термин «этнос», который я в своих работах стараюсь избегать, предпочитая более «громоздкий» термин — «национально-лингво-культурное сообщество». Почему? Об этом чуть позже.

Однако можно ли на этом основании делать вывод и о том, что интеллект также зависит от культуры и среды обитания? Посмотрим, как на этот вопрос отвечают исследователи.

Некоторые ученые использовали в кросс-культурных исследованиях «универсальные» IQ-тесты как измерители врожденного качества — интеллекта, которое, по их мнению, должно иметь одни и те же признаки во всех культурах [Gould 1977; 1981; Wober 1975] (см. подробнее [Коул 1977: 72—75]). Основоположником методики использования («культуронезависимых») тестов, измеряющих общий интеллект, выступил в начале XX века R. S. Woodworth, активным приверженцем этой методики являлся S. Porteus, использовавший в своих изысканиях единый «лабиринт-тест». И хотя еще в 1936 году F. L. Goodenough выступила против такого подхода с резкой и аргументированной критикой, остающейся актуальной и в наше время, горячие споры на эту тему ведутся до сих пор (см., например, [Irvine, Berry 1988; Segall et al. 1990]; критика — см. [Goodenough 1936; Cole 1996; Коул 1997]). Использование IQ-тестов в кросс-культурных исследованиях в целом не оправдало себя, хотя они вполне применимы, как пишет М. Коул, в сугубо прагматических целях (например, при отборе людей для выполнения определенной работы, для службы в бюрократическом аппарате и т. д.), и с этим трудно не согласиться.

Но возникает следующий вопрос: возможно ли создать культуронезависимый тест. По мнению K. Eells, это возможно, однако, чтобы быть признанным таковым (т. е. культуронезависимым), тест должен соответствовать трем критериям: 1) тест должен состоять из заданий, содержание которых должно быть общим (или равно неизвестным) для всех субкультур, в которых он будет использоваться; 2) он должен быть представлен на языке и другими символами (или материалами), равно известными (или неизвестными) в этих разных субкультурах; 3) он должен организовываться и проводиться так, чтобы вызывать равную степень интереса и мотивации у представителей этих разных субкультур [Eells 1951] (цит. по: [Коул 1997: 88]). Таким образом, если существует возможность создания культуронезависимых тестов для определения-«измерения» интеллекта, то можно сделать вывод о том, что, интеллект *не связан* напрямую с культурой (ибо, если бы это было не так, не было бы и необходимости в создании тестов указанного типа). Более того, говоря о тестовых баллах, Р. Е. Vernon, будучи, однако, приверженцем кросс-культурного исследования интеллекта, предложил разграничивать три вида интеллекта: «прирожденный интеллект», некий общий наследуемый компонент; культурный компонент, связанный со способами, которыми культуры совершенствуют природный интеллект, и «задачный» интеллект, который отражает опыт взаимодействия индивида с конкретными типами отобранных задач [Vernon 1969] (цит по: [Коул 1997: 74]). Интересно, что ученый выделяет «культурный компонент» как особый вид «интеллекта». Очевидно, речь может идти все-таки о том, что интеллект — как врожденная умственная способность — не зависит от национальной принадлеж-

ности того или иного индивида, но, вместе с тем, проявления его всегда национально маркированы. Однако парадокса здесь нет. Интеллект невозможно отграничить, «отъять» от сознания, последнее же всегда несет на себе национальную печать. Наличие сознания — один из дифференциальных признаков личности. Личность же формируется в обществе в процессе социализации. Следовательно, сознание не может не нести на себе отличительные черты того общества, в котором происходит становление личности. В процессе социализации индивид приобретает, в том числе, некую систему координат, в которой имеют место шкалы «верх/низ», «плюс/минус». Данные представления всегда национально маркированы: сравним, например, критерии истинной литературы в арабской и русской культурах (иллюстрацией может служить эпизод из романа С. Липкина «Декада», в этом эпизоде описывается восприятие «Муму» муллой, который захотел познакомиться с великой русской литературой и был весьма разочарован рассказом об «уроде» и «грязном животном» — пример Д. Б. Гудкова [Гудков 1997₂]) — шкала «верх/низ»; или — как крайний случай — отношение к каннибализму в современном, как принято говорить, «цивилизованном» обществе и в каком-либо племени Океании — ось «плюс/минус»). Таким образом, сознание (языковое сознание) всегда национально. Интеллект, также неотъемлемая часть личности, самым тесным образом связанная с сознанием, национальнонезависим. При этом следует, очевидно, разграничивать интеллект и мышление, понимаемое как процесс, манифестирующий и сознание, и интеллект. Иначе говоря, в мышлении, по-видимому, проявляется, с одной стороны, сознание (национально «субъективное», культурозависимое), а с другой — интеллект (национально «объективная», культурнезависимая способность). Однако эти три ипостаси психики человека взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Следует отметить, что психологи в последнее время все большее внимание уделяют «второй» психологии — *Völkerpsychologie* (термин В. Вундта — [Wundt 1921]), «культурной психологии» (термин С. Тулмина), т. е. психологии, в предмет исследования которой входят культура и высшие психические функции²³. Основоположник разграничения двух психологий, двух направлений психологических исследований — Вильгельм Вундт²⁴, полагал, что «*Völkerpsychologie* не

²³ Майкл Коул предлагает «вернуться к первым десятилетиям психологии и пойти по пути, тогда отвергнутому, пути, на котором культура вместе с природой и обществом располагаются на одном уровне при формировании отдельных человеческих характеров. Имя, которое в настоящее время получило это предприятие, — *культурная психология*, это главное проявление «второй» психологии конца XX века» [Коул 1997: 124].

²⁴ Справедливости ради отмечу, что *Völkerpsychologie* впервые встречается в названии «Журнала психологии народов и языкознания», который в 1859 г. начали издавать М. Лацарус и Г. Штейнталь. Это и позволяет ряду исследователей (например, Г. Т. Хухуни, Т. Г. Стефаненко) именно их считать основоположниками новой дисциплины — этнопсихологии. Кроме того, Т. Г. Стефаненко считает основателем сравнительно-культурной психологии английского ученого У. Риверса, которому принадлежат «первые серьезные сравнительно-культурные исследования в психологии, точнее в общей психологии» [Стефаненко 2000: 70].

может исследоваться лабораторными методами тренированной интроспекции, направленными на содержание сознания, поскольку высшие психические функции простираются за пределы индивидуального человеческого сознания» (цит. по: [Коул 1997: 42]). При этом обе ветви психологии: физиологическая психология и *Völkpsychologie* — должны взаимно дополнять друг друга, на основе чего могла бы сложиться единая, цельная психология. На протяжении долгих лет психологи проводили кросс-культурные исследования с целью выявить влияние культуры на интеллект (для этого часто использовались IQ-тесты) (об этом см., например, [Gould 1977; 1981; Wober 1975; Irvine, Berry 1983; 1988; Segall et al. 1990]; анализ разных точек зрения — см. [Коул 1997]). Однако, как показывают многочисленные работы, культура оказывается взаимосвязанной с сознанием и, «через» него, — с мышлением. Интеллект же во многом «культуронезависим» (об этом мы говорили несколько ранее).

В целом следует сказать, что именно общность присвоенной культуры, а точнее — общность распределенных культурных предметов²⁵ и освоенных вербальных описаний культурных предметов (или деятельностей) и определяет общность сознаний коммуникантов, которая в первую очередь обеспечивает возможность знакового общения, когда коммуниканты, манипулируя в межсубъектном пространстве телами знаков, могут ассоциировать с ними одинаковые ментальные образы [Тарасов 1993: 9]. Именно поэтому я не могу согласиться с идеей некоторых исследователей о том, что «человеческая деятельность порождает столь сложное и изменчивое разделение труда и опыта в пределах одной культуры, что не приходится ожидать, что какие-либо два члена некоей культурной группы присвоили одни и те же части "целого", каким бы оно ни было [D'Andrade 1989; Schwartz 1978; 1990]» (цит. по: [Коул 1997: 148]). Безусловно, индивидуальный опыт личности во многом специфичен, но не настолько, чтобы каждый член того или иного сообщества присваивал исключительно нечто, ему и только ему присущее. Если бы это было так, то ни о каком взаимодействии личностей не могло бы быть и речи. Иначе говоря, несмотря на все разнообразие индивидуальных «мозаик», сложенных из частей «целого», существует некое «ядро», объединяющее всех членов некоторой социальной группы и специфичное именно для данной группы (подробнее об этом мы говорим в главах, посвященных прецедентным феноменам и стереотипам).

Культура — достояние общественное, транслируемое от поколения к поколению, создаваемое, сохраняемое и «трансформируемое» обществом. Вместе с тем, культура — явление реальное, воспринимаемое и репродуцируемое через деятельность членов общества. Следовательно, культура предстает и отдельной

²⁵ По мысли Н. Самвеляна, «восприятие текста, описывающего культурный предмет и чувства, ассоциированные у русских с этим культурным предметом, есть его распределчивание и одновременно формирование определенного фрагмента национального сознания русских, внешней формой которого (т. е. фрагмента сознания) и является культурный предмет» [Тарасов 1993: 96—97].

личности. При этом культура национально-лингво-культурного сообщества предстает для каждого конкретного представителя данного сообщества как совокупность культурных предметов, которые даны каждому конкретному члену сообщества для распределения. В процессе последнего у человека формируются родовые способности в виде умений и навыков совершения деятельности по производству предметов — аналогов тех, которые были даны для распределения. Смысл распределения культурных предметов для конкретной личности состоит в формировании у данной личности способностей к деятельности по производству этих культурных предметов. Богатство сознания каждого конкретного человека зависит от объема присвоенной культуры, т. е. от совокупности распределенных культурных предметов. Общество, представляя каждому своему члену культуру для присвоения и построения своей личности, позволяет ему формировать себя, с одной стороны, как целостного, общественного человека, а с другой — ограничивает его рамками своей культуры, объемом культурных предметов [Тарасов 1993: 9—10].

Прежде чем идти дальше и перейти к рассмотрению таких понятий, как индивидуальное и общественное/социальное сознание, социализация личности, личность, языковая личность, необходимо остановиться подробнее на триаде «знак, значение, смысл», которой немалое внимание уделяли и уделяют многие психологи, психолингвисты, лингвисты, философы.

ПРОБЛЕМА ЗНАКА, ЗНАЧЕНИЯ, СМЫСЛА КАК ОБЪЕКТ РАССМОТРЕНИЯ РАЗНЫХ ДИСЦИПЛИН

Итак, становясь личностью, «врастая в цивилизацию», индивид переживает процесс социализации, т. е. «присваивает» сознание общества. Что же именно «присваивает» он в данном случае?

Излагая теорию Л. С. Выготского и размышляя над ней²⁶, А. Н. Леонтьев писал, что сам ученый называл свое учение *учением о системном и смысловом строении сознания*. Сознание при этом понимается не просто как «общий хозяин» функций, но характеризуется определенным *системным строением психических процессов*. Однако нельзя понять системное строение сознания, отвлекаясь от его *смыслового строения* [Леонтьев 1994: 34]. Следовательно, встает проблема знака, значения и смысла.

Данной проблемой занимались многие ученые, она представляет собой основное содержание многочисленных трудов по семиотике (см., например, «Труды по знаковым системам» тартуской школы семиотики, работы Р. Барта, Вяч. Вс. Иванова, Ю. С. Степанова, М. В. Никитина, Т. Б. Назаровой, а также: R. Jakobson, U. Eco, C. Pierce, S. Hervey, C. Morris, K. Silverman, T. Hawkes и

²⁶ Я имею в виду запись беседы Л. С. Выготского с А. Н. Леонтьевым 12.10.1933, сделанную последним.

многих других). Наше исследование не принадлежит к числу таковых, поэтому мы позволим себе (как и в случае с определением подобного, не менее сложного понятия — «культура») изложить лишь некоторые, принципиально важные для нас идеи.

«Знак как квазиобъект — прежде всего вещь, но особого рода — "чувственно-сверхчувственная" (К. Маркс), с помощью которой объективная реальность "презентируется" (А. Н. Леонтьев) сознанию субъекта в "сигнифицированной" (Л. С. Выготский) форме» [Базылев 1978: 12]. «Знак важен для нас не сам по себе, а потому, что, будучи доступнее означаемого, служит средством приблизить к себе это последнее, которое и есть настоящая цель нашей мысли» [Потебня 1958: И]. Таким образом, знак оказывается важным для нас «не сам по себе», а лишь в связи со значением и — шире — в контексте языка и сознания. Так, например, А. А. Брудный, рассуждая об указанных феноменах, писал, что «знак — материальный носитель *значения*²⁷ — особой формы отражения объективной действительности» [Брудный 1964: 3], «это материальный объект, через посредство значения приводимый в соответствие с некоторым другим объектом (или ситуацией)» [Брудный 1972₂: 209]. При таком подходе, значение, в самом широком смысле этого слова, понимается как свойство знака передавать информацию, которое реализуется при передаче и обработке информации [Брудный 1964: 3]. Понимание термина «информация» в данном случае, очевидно, аналогично тому, что представлено в работах Р. Шералиевой: информация есть знание о чем-либо или о ком-либо, т. е. осознанное, осмысленное отражение в форме понятий и суждений человеческим мозгом тех или иных закономерностей внешнего мира [Шералиева 1964: 28], это упорядоченное отражение реальных объектов, существующих независимо от воли и сознания человека [Шералиева 1980: 16]. Связывая такие явления, как отражение, информация и значение, Э. Д. Шукуров и В. К. Нишанов выдвигают тезис о взаимосвязанности «объективных оснований» для каждого из данных феноменов; так, объективным основанием существования и развития отражения, наряду со взаимодействием, исследователи полагают наличие разнообразных отношений; разнообразие и повторяемость последних является объективным основанием информации; соединение же отражения с информацией в их отношении к жизненно важным процессам служит, по мнению ученых, объективным основанием значения²⁸ [Шукуров, Нишанов 1980: 20—23]. Итак, будучи свойством знака передавать информацию, значения (точнее — значения знаков, значения, несомые знаками) должны сохраняться в памяти коммуниканта. Само по себе значение при этом оказывается избыточным,

²⁷ О том же см., например, [Шералиева 1969: 80]. Ср. с представлением многих современных психолингвистов о том, что «в знаке, как некоторой субстанции, никакого значения нет, это метафора» [Тарасов 1975₂: 159]. Думается, однако, что в указанных точках зрения никакого противоречия нет: очевидно, знак, сам значением не обладая, является *носителем* такового.

²⁸ Ср.: «Психическое отражение неизбежно зависит от отношения субъекта к отражаемому предмету — от жизненного *смысла* его для субъекта» [Леонтьев 1972: 288].

поскольку коммуникантам оно известно. Поскольку объем памяти коммуникантов так или иначе ограничен, в коммуникативном процессе повторно воспроизводятся тождественные элементы и тождественные отношения между ними. Последние можно описать как семиотическую *систему*, реализуемую в целях передачи информации, т. е. языка [Брудный 1972; 209].

В учении Л. С. Выготского знак есть то, что опосредствует процесс отражения в сознании. Сознание, собственно, и есть опосредованное отражение. Опосредствует сознание знак, ибо он имеет значение²⁹. Знак есть реальный носитель значения³⁰. Значение же есть общественно выработанное, т. е. выработанное в процессе общественной практики обобщение. Итак, *всякий знак имеет значение, знак есть то, что имеет значение*. Таким образом, знак для Л. С. Выготского *отнюдь не иероглиф*, но обобщенное отражение действительности, объективно фиксированное как конкретно-исторический факт человеческого знания. Классической формой знака является слово. Сознание имеет языковую, речевую природу. Язык — это «реальное сознание». Иметь сознание — значит владеть языком. Владеть языком — значит владеть значениями. Следовательно, *значение есть единица сознания*³¹ [Леонтьев 1994: 35]. Так в очень сжатом виде выглядят взгляды Л. С. Выготского на природу знака, значения, сознания и языка. Для нас они оказываются принципиально важны, поскольку подводят к следующему шагу: разграничению таких понятий, как значение и смысл.

Впервые проблему различения данных понятий в сфере психологии поставил в 1946 г. А. Н. Леонтьев; наиболее полно ученый изложил свои идеи в фундаментальном труде «Проблемы развития психики». В дальнейшем его концепция получила развитие, в частности, в трудах ученых, занимающихся психолингвистическими исследованиями.

По идее А. Н. Леонтьева, значение — это то, что открывается в предмете или явлении объективно: в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость. В этой форме, в форме языкового значения, оно составляет

²⁹Ср.: «Под значением знака понимается... нечто мыслительное, отражение, которое человек имеет в своем сознании» [Клаус 1967: 17].

³⁰Здесь нам представляется необходимым еще раз уточнить, что мы, вслед за современными психолингвистами, считаем, что знак является *носителем* значения, но сам такового не имеет.

³¹Ср.: «... значение — категория неязыковая по своей природе и является одной из специфических функций мышления или же одним из его материальных процессов». Это категория «неязыковая и невыводимая из знаковой структуры языка: языковой знак, следовательно, не включает в себя значения, которое является фактом сознания (психического) и представляет собой общий объект исследования лингвистики, логики и психологии (физиологии). Знак связан со значением исторически и синхронно... [...] Значение в отличие от понятия может быть определено как отношение сознания (мышления) к исторически сложившейся и социально обусловленной системе материальных знаков, которые являются опорой для анализирующей и обобщающей (абстрагирующей) деятельности сознания» [Волков 1966: 61, 69, 77].

содержание общественного сознания; входя в содержание общественного сознания, оно становится также и «реальным сознанием» индивидов, объективируя в себе субъективный смысл для них отражаемого. Следовательно, сознательное отражение психологически характеризуется наличием специфического внутреннего отношения — отношения субъективного смысла и значения. Последнее есть то обобщение действительности, которое кристаллизовано, фиксировано в чувственном его носителе, обычно им является слово или словосочетание (ср. с изложенной ранее идеей Л. С. Выготского). И так как значение принадлежит прежде всего миру объективно-исторических явлений, то круг представлений данного общества, наука, язык существуют как системы соответствующих значений [Леонтьев 1972: 288—289]. Более того, в рамках данной концепции, наука тоже есть система значений, язык вообще. Господствующий круг представлений, понятий — все это исторично, за всем этим не индивидуальный, а общественный опыт, общественная практика. Следовательно, это все — системы значений [Леонтьев 1994: 35].

Значения представляют собой «важнейшие "образующие" человеческого сознания», они «преломляют мир в сознании человека», в них «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» [Леонтьев 1975₁: 140, 141]. И если общество как таковое обладает значением слов, то конкретная личность включает полученные значения в свои деятельности, на основе чего возникают *отношения* к значению (вернее, части значения), и последнее приобретает *смысл* для личности. Следовательно, смысл — это всегда *личностное* отношение конкретного индивида к содержанию, на которое в данный момент направлена его деятельность. Иными словами, значение слов, действий человека — это то знание, усваивая которое, он становится личностью, членом конкретного общества; это общее для всех членов общества знание, которое именно поэтому и является необходимым условием любой коммуникации. Способность языковых знаков, которые в качестве воспринимаемых физических феноменов сами по себе ничего не значат, вызывать в мозгу коммуникантов одинаковые представления обеспечивается общностью значений языковых знаков у носителей языка. Иначе говоря, значение есть достояние всего общества, человек получает его в процессе социализации [Тарасов 1975₂: 153—155]. Таким образом, богатство сознания человека отнюдь не сводится к богатству его личного опыта³², ибо значение есть та форма, в которой отдельный человек овладевает *обобщенным* и отраженным человеческим опытом. Однако значение существует и как факт *индивидуального* сознания [Леонтьев 1972: 289], это социальный опыт личности, актуализируемый при продуцировании, восприятии и понимании речевых сообщений [Тара-

³² Эта мысль окажется для нас принципиально важной, когда мы будем обсуждать совокупность знаний и представлений личности.

сов 1975₂: 159]. Вместе с тем «значение не имеет своего существования иначе, как в конкретных человеческих головах; нет самостоятельного царства значений, вроде платоновского мира идей» [Леонтьев 1972: 289]. Таким образом, психологическое значение — это то, что стало достоянием индивидуального сознания (в большей или меньшей своей полноте и многосторонности), но было выработано человечеством и зафиксировано в форме понятия, знания или даже в форме умения как обобщенного «образа действия» или нормы поведения. И следовательно, значение есть отражение действительности независимо от индивидуального, личностного отношения к ней человека. Но вместе с тем психическое отражение неизбежно зависит от отношения субъекта к отражаемому предмету — от жизненного *смысла* его для субъекта [Леонтьев 1972: 288—290]. Что касается смысла, то он есть отражение фрагмента действительности в сознании через призму того места, которое этот фрагмент действительности занимает в деятельности данного субъекта [Леонтьев 1969₃: 216]. Смысл есть всегда смысл чего-то, поскольку не бывает «чистых» смыслов. При этом конкретно-психологически сознательный смысл создается отражающимся в голове человека объективным отношением того, что побуждает его действовать, к тому, на что действие направлено как на свой непосредственный результат, т. е. сознательный смысл выражает отношение мотива³³ к цели [Леонтьев 1972: 292—293]. Важно отметить, что мотивы не «отделены» от сознания, так как придают сознательному отражению субъективную окрасченность, которая выражает *значение* отражаемого *для самого субъекта*, его личностный *смысл* [Леонтьев 1971: 20]. Последний же выражает именно *отношение* субъекта к осознаваемым объективным явлениям, и поэтому смысл и значение внутренне связаны друг с другом. Но связь эта «однонаправленная»: смысл выражается в значениях (как мотив в целях), но не наоборот [Леонтьев 1972: 293] (о соотношении объективного значения и личностного смысла см. также [Леонтьев 1975₂: 140—158]). Однако смысл не содержится потенциально в значении и не может возникнуть в сознании из значения: он «*порождается не значением, а жизнью*» [Леонтьев 1947: 27]. Смысл зависит не только от индивидуального опыта и конкретной ситуации. В значительной мере он связан с профессиональной, социальной и вообще групповой принадлежностью данного человека [Леонтьев 1970: 342].

³³ «Единственный побудитель *направленной* деятельности — предмет, отвечающий данной потребности. Предмет потребности — материальный или идеальный, чувственно воспринимаемый или данный только в представлении, в мыслительном плане — *мотив деятельности*» [Леонтьев 1971: 13]. Достижение *целей* ведет к удовлетворению потребности, получившей свое предметное содержание в *мотиве* данной деятельности; *мотивы* «стоят за целями», побуждают и направляют деятельность, побуждают к достижению *цели* [Там же: 19] (выделено мною. — В. К.). Ср.: «Мотив — движущая пружина целенаправленной активности личности, это предмет (реальный или идеальный), удовлетворяющий моей потребности. Цель деятельности — некий объект, на который направлены мои конкретные усилия, целенаправляемые мотивом» [Тарасов 1975₂: 164].

Следуя учению Г. Фреге, Ю. А. Сорокин разграничивает значение как «сущность предмета, соотносенную с некоторым знаком», и смысл как «интерпретацию данного значения некоторым множеством реципиентов на основе данных коллективного и/или личного опыта» [Сорокин 1978;: 126]. Отметим, однако, что далеко не для всех психолингвистов оказывается важным указанное разграничение, так, например, Р. Титоне, определяя (денотативное) значение, пишет: «Значение — когнитивные, четко определенные и дифференцированные ассоциации, которые вызывает слово (например, "кошка") на основе опыта, включающие в себя дифференциальные признаки предметов» [Титоне 1984: 340]. В когнитивной лингвистике существует несколько отличное понимание данного термина. Так, например, постулируется, что значение предопределяется формой высказывания, а полный потенциал значений реализуется только при его интерпретации слушающим [Jucker 1995: 124]. В рамках психологической теории семантики (см., напр., работы Н. Putnam, С. К. Welsh, М. Cariou) значение «не равно интенционалу: иначе говоря, не все, что входит в значение слова или предложения, связано с необходимыми и достаточными условиями истинности высказывания» [КСКТ 1996: 178].

В своих изысканиях мы следуем взглядам Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, для которых значение — «это обобщение, обобщенное отражение действительности. Следовательно, значение должно изучаться именно как обобщение [...] *Адекватная характеристика обобщения заключается в раскрытии его строения*³⁴» [Леонтьев 1994: 36]. Говоря о внутреннем строении человеческого сознания, А. Н. Леонтьев выделяет: 1) значение; 2) смысл; 3) чувственное содержание³⁵ [Леонтьев 1972: 293]. К данным образующим сознания В. П. Зинченко добавляет биодинамическую ткань действия, в результате которого возникает чувственная ткань. Биодинамическая ткань действия есть, по В. П. Зинченко, совокупность динамических, силовых, темпоральных характеристик живого движения и предметного действия [Тарасов 1993;: 11].

Процесс восприятия объекта реальной действительности неязыковой природы приводит к формированию в сознании чувственной ткани, осмысляемой, а затем «означиваемой» при помощи общественно закрепленных знаний. Эти знания (значения), а следовательно, через них, и образы сознания (чувственная ткань + личностный смысл) могут функционировать в интересующем пространстве, быть доступными для восприятия только в том случае, если оказываются ассоциативно связаны с другим предметом, играющим роль тела знака

³⁴ «Значение характеризуется через ту систему процессов, которая требуется данным обобщением. Эта система процессов, взятая как характеристика соответствующего обобщения, и есть то, что Л. С. [Выготский] называет строением значения» [Леонтьев 1994: 36] (о строении значения Л. С. Выготского — см. [Указ. соч.: 36 и далее]).

³⁵ «Чувственное содержание (ощущения, чувствования, образы восприятия, представления) образует основу и условие всякого сознания. Оно является как бы материальной его тканью, тем, что образует богатство, многокрасочность сознательного отражения мира» [Леонтьев 1972: 294].

(означающего). Чаще всего значение связано с телом языкового знака, поэтому для А. Н. Леонтьева сознание является преимущественно языковым сознанием [Тарасов 1993, : 11]. Нельзя не согласиться с мыслью Е. Ф. Тарасова о том, что учение А. Н. Леонтьева об образующих сознания позволяет уточнить представление о знаке, так как «тело знака (означающее) связано в общественном сознании со значением (общественно закрепленным знанием), а в индивидуальном сознании — с чувственной тканью и смыслом» [Тарасов 1993, : 11—12]. (Забегаю немного вперед, скажу, что для нас разграничение «значение ↔ смысл» окажется особенно актуальным, когда мы будем говорить о прецедентных феноменах, в частности — о прецедентных высказываниях).

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Итак, как мы видели, культура оказывается связанной с сознанием, со сложным комплексом небиелогических, социально транслируемых знаний и отношений, со стереотипами поведения (в том числе и речевого)³⁶, с системой знаков и значений, т. е. с языком. Существование связи языковых особенностей с мировоззрением и настроением людей отмечал еще И. А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 8]. Ср. также: «... впечатления прошлого сохраняются в психической жизни масс равным образом в форме мнестических следов. При определенных благоприятных условиях их можно восстановить и оживить. Впрочем, чем более они древние, тем лучше они сохраняются. [...] Язык кажется превосходным средством передачи мнестических следов из поколения в поколение. Символы, которые он несет, незамедлительно узнаются и понимаются, начиная с раннего детства. Более того, мы располагаем мифами и религиями, которые лежат у истоков языка и которые сосредоточивают и сохраняют в течение тысячелетий очень древние идеи и ритуалы» [Московичи 1998, : 354]. Мне очень близка точка зрения Э. Сепира, который, не признавая настоящей причинной зависимости между культурой и языком, вместе с тем считал, что содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка и содержание языка неразрывно связано с культурой, которая в данном случае понимается как «ценностный отбор, осуществляемый обществом», «отобранный инвентарь опыта». Более того, ученый, по его собственному выражению, был склонен полагать, что возникновение языка предшествовало даже самому начальному развитию материальной культуры и что само развитие культуры не могло, строго говоря, иметь места, пока не оформился язык, инструмент выражения значения. Но, с другой стороны, язык не существует вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни. И если язык «есть то, как думают», то «культуру можно опре-

³⁶Ср.: «Любой стереотип культурного поведения соотносится с некоторым стереотипом» [Сепир 1993: 596].

делить как то, *что* данное общество делает и думает» [Сепир 1993: 42, 185, 193—194, 226].

В связи с этим уместно вспомнить доктрину лингвистического детерминизма — известную гипотезу Б. Уорфа (the Whorf Hypothesis), гласящую, что люди, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, по-разному воспринимают мир: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [Уорф 1960: 174].

Основные положения «гипотезы лингвистической относительности» Сепира—Уорфа сводятся к следующему: язык обуславливает тип мышления его носителей, способ познания окружающего мира зависит от языка, на котором осуществляется мышление. Данная гипотеза имеет «сильную» и «слабую» версии. Сторонники «сильной» версии полагают, что мышление напрямую зависит от языка, и следуют концепции лингвистического детерминизма. Однако в этом случае следует признать, что ни адекватное общение между носителями разных языков, ни перевод любой (!) литературы в принципе невозможны. Более того, в этом случае «изучение мира ограничилось бы только теми явлениями или чертами, которые закодированы в нашем языке» [Коул, Скрибнер 1977: 56], т. е. мировая наука оказалась бы абсолютно невозможной. Но ведь это не так. Сторонники «слабой» версии гипотезы лингвистической относительности считают, что языки различаются не столько тем, что с их помощью можно выразить, сколько тем, что с их помощью выразить легче. Из этого можно сделать вывод, что в зависимости от наличия/отсутствия в языке слов, обозначающих те или иные перцептивные категории, облегчается или затрудняется оперирование данными категориями в процессе мышления (чем легче обозначить, тем легче использовать). Эта версия гипотезы нашла подтверждение при исследовании восприятия цвета у американских индейцев зуни, в языке которых не различаются желтый и оранжевый цвета. Индейцы, говорившие только на своем родном языке, испытывали определенные затруднения в узнавании и разграничении этих цветов [Стефаненко 2000: 81]. Однако, как пишет Т. Г. Стефаненко, даже «слабая» версия гипотезы лингвистической относительности в последние десятилетия подвергается сомнению, и определенным аргументом в пользу такого «скепсиса» явилось выделение фокусных цветов, о чем я уже говорила ранее.

Но если говорить в целом, что следует признать, что гипотеза лингвистической относительности ставит очень важный, но, очевидно, риторический вопрос:

что же первично, что на что влияет — особенности восприятия и осознания окружающего мира влияют на нормы поведения или поведение личности влияет на сознание. Думается, что ответить на этот вопрос однозначно в принципе невозможно (ср. приведенные ранее точки зрения И. А. Зимней и Н. В. Уфимцевой), так как данные феномены связаны отношениями двунаправленной зависимости: одно обуславливает другое и одно влияет на другое.

Отмечу, что о роли языка в когнитивной, интеллектуальной деятельности человека, о взаимодействии и взаимовлиянии языка и культуры рассуждали и писали многие ученые: В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, П. Флоренский, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Р. О. Якобсон, Ш. Балли, Э. Сепир, Б. Уорф, Н. И. Жинкин, Ж. Вандриес, Г. А. Брутян, Б. А. Серебряников, Д. Хаймс, Дж. Кэрролл, Э. С. Маркарян, Е. Ф. Тарасов, В. Н. Телия и многие другие (см. достаточно подробный анализ различных точек зрения по указанным проблемам, например, в: [Маслова 1997₂: 33—40]).

ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ

Эта глава посвящена рассмотрению основного субъекта коммуникации — «человека говорящего». И первое, что следует отметить и с чего начать этот разговор, — это то, что сочетание «человек говорящий» (правда, как мне кажется, все-таки не в качестве термина) встречается, например, в работах И. А. Зимней [Зимняя 1993: 51], И. Н. Горелова и К. Ф. Седова [Горелов, Седов 1997: 112], В. В. и А. В. Морковкиных [Морковкин, Морковкина 1997: 18]. Можно его найти и в трудах Н. Д. Арутюновой, где он имеет вид *homo loquens* (очевидно, откуда он в латинском варианте и пришел в работы Морковкиных). Я же постаралась представить это сочетание именно как термин, наполнив его весьма конкретным содержанием и определив понятие, за ним стоящее [Красных 1997₄; Красных 1997₅]. В данной главе я предлагаю Вам обсудить такие понятия, как «личность», «языковая личность» и «человек говорящий», который предстает в совокупности трех «личностных» феноменов; рассмотреть, как соотносятся процессы социализации и инкультурации и что они собой представляют; проанализировать различия между знаниями и представлениями; а также поговорить о структуре знаний и представлений человека говорящего и тех когнитивных совокупностях, которыми он обладает.

ПОНЯТИЕ «ЛИЧНОСТЬ»

Первая проблема, с которой я начинаю эту главу, — это проблема личности и индивидуального сознания. Последнее неразрывно связано с сознанием общественным, поскольку психика личности есть отображение в сознании личности ее взаимодействия с другими людьми. При этом психика служит инструментом социальной регуляции актуальной деятельности, а сама деятельность осуществляется по образцам, в которых воплощен опыт общества. Иными словами, психика личности — хранительница образцов деятельности, канал социальной регуляции деятельности личности, независимо от ее произвола [Тарасов 1973: 37, 39]. У человека, в отличие от животного, имеет место социальное отражение, которое дает возможность регулировать, координировать и направлять свои действия к определенной цели, а также предвидеть их последствия [Шералиева 1980: 19]. Социальная психика есть система взглядов, убеждений, этических оце-

нок, эстетических вкусов, эмоций, чувственных настроений и т. д., присущих большим группам людей, классам, обществу в целом [Смирнова 1976: 35] (о сознании общества см. также [Леонтьев 1994: 28—30]). Таким образом, «индивидуальное сознание есть интернализированное в своей аксиологической сущности и сформированное (присвоенное) в своей языковой форме общественное сознание языкового коллектива (по А. А. Холодовичу), языковой общности... Индивидуальное сознание как высшая специфически человеческая форма психического отражения формируется, развивается в предметно-практической деятельности человека, в его общении с другими людьми. В такой трактовке индивидуальное сознание человека есть определенная проекция общественного» [Зимняя 1993: 51]. Вместе с тем, может иметь место и «обратное» влияние, когда образы индивидуального сознания становятся достоянием общественного сознания, когда они отображаются на культурные предметы и квазипредметы (тела знаков), означиваются через общественно закрепленные знания (значения) [Тарасов 1993₂: 90].

Если говорить в целом о сознании, то его можно определить следующим образом: сознание есть отражение действительности (в понимании: представленном ранее). Или более конкретно — сознание: 1) есть высшая функция мозга, 2) свойственно только человеку, 3) реализуется с помощью механизмов речи, 4) состоит в целенаправленном отражении объективного мира, регуляции действий и оценке их результатов, в контроле отношения к действительности. При этом взаимопереход между индивидуальным и общественным сознанием осуществляется в процессе *общения*¹ [Брудный 1972₂: 8].

Таким образом, носителем индивидуального сознания является личность как член общества, способная к коммуникации (общению) и осуществляющая оную. Вспомним в связи с этим разграничение «субъекта», предложенное А. Н. Леонтьевым [Леонтьев 1975₂: 173—175]: 1) особь (как отдельный субъект); 2) индивид (как генотипическое образование, отличное от других представителей того же вида); 3) личность. Личностью может быть только человек. «Что такое человек? — спрашивал Выготский. Для Гегеля — это логический субъект. Для Павлова — организм. Для нас — социальная личность, совокупность общественных отношений, воплощенная в индивиде» [Никитина 1993: 46]. Об этом же писал и Э. Сепир, говоря о пяти определениях термина «личность»: философском (личность — инвариант опыта), физиологическом и психофизическом (личность — бесконечно изменяющаяся реактивная система), социологическом (личность — постепенно пополняющаяся сущность) и психиатрическом (личность — сущностно неизменная реактивная система) [Сепир 1993: 582—586]. Исследователи, взглядам которых мы следуем, рассматривают личность в первую очередь как реактивную систему во всем многообразии ее проявлений, сущностно неизменную, но претерпевающую в процессе своего развития некоторые изменения,

¹ О коммуникации, общении мы будем говорить подробнее в следующей главе.

вызванные пополнением и корректировкой, как инвариантную совокупность опыта, как индивидуального, так и социального.

Итак, индивид становится личностью в процессе социализации, ибо генезис личности не может быть полностью объяснен биологически, хотя в основном и предопределен анатомическим и физиологическим складом индивида. Не менее важными, чем биологические, и обуславливающими развитие личности следует считать социально-психологические факторы-детерминанты детства [Сепир 1993: 583—584].

ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ

Начать разговор о социализации следует, очевидно, с определения самого термина. Существует понимание этого термина (представленное, например, в некоторых трудах Э. Сепира), при котором под «социализацией» понимается обретение тем или иным феноменом статуса социального явления; см.: «... в различных мировых культурах *социализация личностных черт* постепенно формирует предрасположенность к специфическим психологическим свойствам в культурах мира» [Сепир 1993: 586] (выделено мною. — В. К.). Но в этой книге Вы не найдете такого понимания социализации: вслед за психологами и психолингвистами, я употребляю этот термин по отношению к процессу становления личности, к процессу вхождения ребенка в социум, и в первую очередь — в этнос, национально-лингво-культурное сообщество, в «свою» культуру.

И раз речь зашла о «приобщении» к культуре, то, значит, необходимо сказать еще об одном термине, который используется этнопсихологами и отграничивается от собственно социализации. Я имею в виду термин «инкультурация» (его не стоит путать с «аккультурацией»), который ввел М. Херсковиц. Исследователь разграничивал понятия «социализация» и «инкультурация», понимая под социализацией вхождение в общество, приобретение опыта, необходимого для выполнения социальных ролей, а под инкультурацией — вхождение в культуру, освоение и присвоение присущих ей черт (мировидения и поведения). В результате инкультурации формируются когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство человека с представителями определенной культуры и отличие его от членов других культурных сообществ. Если согласиться с этим ученым и признать сам факт разграничения рассматриваемых понятий, то, пожалуй, такое их понимание окажется вполне оправданным (собственно говоря, даже внутренняя форма терминов наталкивает именно на такое их толкование). Особенно если учесть, что исследователь подчеркивал одновременность этих процессов. Однако я не могу согласиться с М. Херсковицем в том, что процесс инкультурации длится всю жизнь человека: от его рождения и практически до его смерти. Если это так, то это значит, что русский может стать (или быть признанным) полноценным членом русского национально-лингво-культурного сообщества только после своей смерти? Более чем сомнительно. «Дальнейшее» освоение культуры, овладение всеми ее богатствами и т. д. — да, действительно, мо-

жет длиться бесконечно, или вернее — до конца жизни. Но ведь культура — это не только Культура с большой буквы, не только шедевры, созданные ее представителями. Культура — это еще и «народные» представления (в том числе соотносимые с архетипами), и базовые оппозиции, и мировосприятие и миропонимание, и стереотипы, и проч., и проч. Следовательно, само вхождение в культуру, которое разрешает этническое самоопределение, с одной стороны, и позволяет говорить о межкультурных различиях — с другой, завершается гораздо раньше. Едва ли не одновременно с завершением процесса формирования характера, а затем и личности. Ж. Пиаже считал, что в 6—7 лет ребенок приобретает первые знания о своей этнической принадлежности (это первый этап формирования этнической идентичности). Современные исследования свидетельствуют, что диффузная идентификация с этнической группой может наблюдаться у детей в 3—4 года. Наблюдения родителей детей-билингвов и мои собственные наблюдения говорят о том, что дети уже в 5—6 лет различают «своих» и «чужих». Далее, Ж. Пиаже полагал, что в 8—9 лет ребенок четко идентифицирует себя со своей этнической группой, в нем просыпаются национальные чувства, а в 10—11 лет этическая идентичность формируется в полном объеме. В последнее время стали частотны выезды русских в другие страны на постоянное место жительства. И как показывает опыт, дети до 10 лет, которые вместе с родителями (а это важно для «поддержания» первой, родной культуры) покинули родину, достаточно легко входят в новую для них культуру, подчас вообще теряя связи с культурой, в которой они родились. То есть у них процесс аккультурации (вхождения в чужую культуру) практически переходит в процесс инкультурации (вхождения в свою культуру). Однако чем старше ребенок (чем он ближе к 10 годам), тем труднее это происходит. Если же в семье новых иммигрантов имеются дети не младшего подросткового возраста, а старше, то процессы аккультурации и инкультурации «совпадают» крайне редко, а сам процесс вхождения такого подростка (особенно если ему уже больше 15 лет) в чужую культуру может проходить весьма болезненно. Значит, «реальная» инкультурация (базовое формирование «национальной» личности²) завершается значительно раньше того срока, о котором говорит М. Херскович.

И еще одно. Не менее спорным мне представляется и тезис о том, что существует определенная зависимость социализации и инкультурации: не войдя в культуру, нельзя существовать как член общества. Все более расширяющиеся контакты представителей разных культур свидетельствуют об обратном. Сколько

² Признаться, я не люблю этот термин — национальная личность, поскольку он малоинформативен (личность или есть, или ее нет, а все остальное — ипостаси оной) и, честно говоря, отдает не очень хорошим душком. Я знаю, что некоторые авторы со мной не согласятся, но это их право. Равно как и мое право — считать так. В данном же случае мне пришлось воспользоваться этим термином, дабы избежать излишней тяжеловесности фразы. На самом деле я имела в виду личность как носителя национального ментально-лингвального комплекса, представителя определенной культуры и члена некоторого национально-лингво-культурного сообщества.

европейцев постоянно ездят на работу в другие страны, но от этого они не перестают быть, например, французами или немцами, работающими в Швейцарии, или нидерландцами, трудящимися в Бельгии, и т. д. Иначе говоря, они выполняют определенные социальные роли в условиях чужой для них культуры. И если бы они не справлялись со своими ролями, то они бы их потеряли (по субъективным или объективным причинам). Более того, если все-таки разграничивать инкультурацию и социализацию, то я думаю, что в подобных случаях (ежедневные или частотно-регулярные поездки на работу в другую страну) речь идет в первую очередь именно о социализации. Никак не об инкультурации. И очень сомнительно, что об аккультурации (если она и имеет место, то, на мой взгляд, носит весьма «поверхностный» характер).

Я посчитала необходимым столь пространно остановиться на данных вопросах, поскольку изложенные точки зрения (я имею в виду идеи Э. Сепира и М. Херсковица), во-первых, принадлежат признанным в науке авторитетам, а во-вторых, разделяются целым рядом исследователей. В моих же рассуждениях я, вслед за психологами, психолингвистами и этнопсихолингвистами, ограничиваюсь только одним термином — «социализация».

Итак, процесс социализации является главным процессом, который характеризует психическое развитие ребенка, ибо это есть специфический процесс усвоения (или присвоения) им достижений развития предшествующих поколений людей, которые в отличие от достижений филогенетического развития животных не фиксируются морфологически и не передаются путем наследственности, *человеческие* способности формируются в самом этом процессе [Леонтьев 1972: 538, 539]. В целом мышление и знания у людей каждого последующего поколения формируются на основе усвоения ими уже достигнутых успехов, познавательной деятельности прежних поколений. Иначе говоря, специфические человеческие способности и свойства не передаются людям в порядке биологической наследственности, но формируются у них прижизненно, в процессе усвоения ими культуры, созданной предшествующими поколениями [Леонтьев 1961: 7, 8]. Иначе говоря, в процессе социализации осуществляется трансляция культуры, и именно трансляция культуры представляет собой «содержание» процесса социализации. (Замечу в скобках, что с трансляцией культуры и во многом посредством ее происходит и становление самой культуры.) См.: «... мы живем от рождения до смерти в мире людей и вещей, который в большой мере таков, каков он есть, благодаря тому, что было порождено и передано нам предшествовавшей человеческой деятельностью. Когда этот факт игнорируют, опыт трактуют как нечто, происходящее внутри тела или души отдельного человека. Нет необходимости говорить, что опыт не возникает в вакууме, вне индивида существуют источники, порождающие развитие опыта» [Dewey 1969: 39] (цит. по: [Коул 1997: 133]).

Итак, биологически унаследованные свойства не определяют психических способностей человека, не содержащихся виртуально в его мозгу. Мозг заклю-

чает в себе не те или иные специфические способности, а лишь *способность к формированию этих способностей* [Леонтьев 1972: 208]. Ср.: «Справедливо, конечно, что человек в некотором смысле предназначен к тому, чтобы говорить, но это всецело связано с тем, что рождается он не только в природе, но и в лоне общества, которое не может не приобщить его к своим традициям» [Сепир 1993: 28]. Само развитие и формирование психических функций и способностей, свойственных человеку как существу социальному, происходит в совершенно специфической форме — в форме процесса усвоения, овладения. Данный процесс присвоения отдельными индивидами опыта, накопленного человечеством на протяжении всей истории его развития и воплощенного в объективных продуктах его коллективной деятельности, — это всегда *активный* процесс. Объективно действия и операции, необходимые для того, чтобы ребенок научился правильно пользоваться предметом³, воплощены, *даны* в предмете, но для ребенка, субъективно, они только *заданы* [Леонтьев 1972: 185, 536]. Иначе говоря, решающим фактором в развитии психики человека мы можем признать социальное наследование [Уфимцева 1993: 74].

Данные положения самым непосредственным образом соотносятся с ключевой, по мнению R. A. Shweder, идеей культурной психологии. Эта идея заключается в том, что «не существует никакой отдельной самостоятельной социокультурной среды, независимой от человеческих способов извлечения из нее смыслов и возможностей, а всякий человек обретает свою субъективность и индивидуальную психическую жизнь посредством извлечения смыслов и возможностей из социокультурной среды и их использования» (цит. по: [Коул 1997: 125]).

Таким образом, чтобы «социализироваться», стать членом того или иного общества и, следовательно, личностью, индивиду необходимо усвоить, присвоить опыт, накопленный членами данного общества, достижения (духовной и материальной) культуры, научиться пользоваться объективными материальными предметами, созданными в процессе развития человечества. Иными словами, чтобы стать членом того или иного национально-лингво-культурного сообщества, необходимо «присвоить» сознание этого сообщества, т. е. систему значений (в широком смысле). Осуществляется это в основном «посредством общения с и приспособления к обладающему своими смыслами большому и устойчивому социальному миру, в котором они [индивиды] родились» [Delia et al. 1982: 156] (цит. по: [Макаров 1998: 41]). Однако помимо этого, необходимо также «присвоить» и этнические стереотипы⁴ (т. е. «настроиться на ритм данного этнического поля») [Уфимцева 1996: 95]. При этом одним из основных каналов получения культурной информации в процессе социализации ребенка, или, как назвал этот процесс А. Н. Леонтьев, «врастания ребенка в цивилизацию», является

³ «При этом предмет действия есть не что иное, как его осознаваемая цель» [Леонтьев 1972: 511].

⁴ О стереотипах мы будем подробно говорить в последующих главах.

язык [Шахнарович 1996: 104]. Ср.: «Язык — мощный фактор социализации, может быть, самый мощный из существующих» [Сепир 1993: 231]. Это обусловливается, думается, тем, что в системе языковых знаков смоделировано, отображено социальное бытие людей [Тарасов 1975₁: 142]. То, что культура «включена» в язык, — факт неоспоримый, поскольку язык как средство коммуникации вбирает в значения (номинативных единиц в форме энциклопедического, концептуально-эпистемического содержания знака или ассоциаций с акциональными или ментальными фреймами) все, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение. Язык обладает способностью накапливать и хранить в содержании единиц лексикона сведения о предшествующих (т. е. уже накопленных) знаниях об обозначаемом» [Телия 1996: 84, 85]. В силу только что сказанного язык (как языковая компетенция) не сводим к ряду или к системе чисто формально лингвистических правил и категорий типа тех, с которыми мы имеем дело на уроке родного языка. Язык есть часть социальной памяти, совокупность значений (не языковых), составляющих ориентировочную основу деятельности (не только речевой, но и другой, например, познавательной)⁵ [Леонтьев 1996: 43—44]. Это созвучно идее В. Н. Телия о том, что «концептуальное осмысление категорий культуры находит свое воплощение и в естественном языке» [Телия 1996: 82]. По мнению Э. Сепира, речь по природе своей — «неинстинктивная, приобретенная», «культурная» функция [Сепир, 1993: 29]. О том же писал и Л. В. Щерба: психофизиологическая речевая организация индивида, которая не может просто равняться сумме речевого опыта данного индивида, а должна быть своеобразной переработкой данного опыта, вместе с обусловленной этой речевой организацией деятельностью является *социальным* продуктом [Щерба 1965], т. е. складывается в процессе социализации.

ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Интерес к человеку, к личности, к «Я» (Его) нашел свое отражение в многочисленных и разнообразных трудах исследователей, работающих в самых разных отраслях знания: философии, психологии, социологии, лингвистики и т. д. Современный взгляд на «Его» характеризуется пониманием человеческого «Я» (личности) как многоуровневого, многоаспектного явления, представляющего в различных формах: «Я» феноменологическое, биологическое, материальное,

⁵ Отсюда вывод: в иноязычной аудитории «надо преподавать язык как отображение *социокультурной реальности*» [Леонтьев 1996: 44] (выделено мною. — В. К.). Иначе говоря, необходимо формировать различные компетенции: языковую, речевую, коммуникативную, а также компетенцию культурную. Отмечу, однако, что я могу согласиться с приведенными высказываниями А. А. Леонтьева, если признать нерелевантным в данном случае разграничение языка и дискурса. Это разграничение в целом для меня принципиально важно, но я признаю, что в ряде случаев, подобных рассматриваемому, оно может «игнорироваться», не учитываться, дабы избежать излишней дробности понятий и не увлечь в сторону.

интерактивное, языковое, идеологическое и т. д. (см., например, [Mead 1934; Cooley 1964; Strauss 1969; McCall, Simmons 1978; Stryker 1980; Couch et al. 1986; Turner 1988; Denzin 1989, 1989,]; см. обзор различных точек зрения — [Макаров 1998: 37 и далее]).

В последнее время все большую популярность среди исследователей приобретает учение о языковой личности (см., например, [Богин 1985; Караулов 1987; Сидоров 1989; Сухих 1989; Taylor 1989; Пушкин 1989, 1990; Lorrain 1990; White 1992; Fitzgerald 1993; Keith, Pile 1993; Shotter, Gergen 1994] и др.). Следует признать, что сам термин «языковая личность», введенный в повседневный научный лексикон Ю. Н. Карауловым [Караулов 1982], относится к числу «модных» в наше время: он встречается в трудах многих исследователей, воспринимается уже как нечто само собой разумеющееся и не требующее дополнительных расшифровок. Вместе с тем, нельзя не отметить, что, хотя сам термин стал привычным и в некоторой степени устоялся, а стоящее за ним «понятие — "языковая личность" — распространилось в лингвистической литературе особенно широко в последнее десятилетие» [Караулов 1995: 63], все-таки не существует еще единой, принятой и признанной всеми трактовки рассматриваемого понятия (см., например, [Тезисы 1995]). В конце 1995 года на конференции «Этническое и языковое самосознание» Ю. Н. Караулов предложил некоторые результаты обобщения и осмысления различных пониманий рассматриваемого понятия и представил «трехчастную структуру (1. ядро; 2. модификации; 3. периферия) данного понятийного поля:

1. языковая личность: ниша в предмете (лингвистики); субъект (осмысливший мир и отразивший его в своей речи); индивид; автор текста; носитель языка; информант; активный информант; пассивный информант; говорящий⁶; речевой портрет...

2. языковая личность специалиста-филолога (филологическая личность); персонаж (художественного произведения); конкретная историческая личность; национальная языковая личность...

3. научная парадигма "человек и язык"; связь "язык — человек"; антропологическая лингвистика; антропологическая лингвистика; национальная культура; АЛ-модель языка; СЛ-модель языка; знание языка; знание о языке; языковая картина мира; знания о мире; тезаурус языковой личности; языковое сознание; (национальное)

⁶ Подобное понимание, возможно, было приписано и мне, так как в своих тезисах я писала, что «когнитивный подход дает возможность конкретизации данных свойств (характеристик текста) с учетом языковой личности адресанта (говорящего)». Однако в данном случае слово, заключенное в скобки — «говорящий», относится только к термину «адресант» для более точного понимания последнего, так как нигде в моем тексте не встречается прямого противопоставления «адресант — адресат», что уже само по себе позволило бы избежать путаницы и недоразумений. Термин же «языковая личность» представляется мне более сложным и входящим в иную парадигму, о чем мы будем говорить в настоящей главе немногим позднее.

самосознание; менталитет народа; ментальное пространство (носителя языка); ассоциативные связи; ассоциативное поле; лексикон внутренний; лексикон индивидуальный; лексикон языковой личности; психолингвистический эксперимент; прецедентный текст» [Караулов 1995: 63—65].

Я позволила себе привести столь длинную цитату, поскольку, во-первых, она содержит систематизацию существующих в настоящее время взглядов на «языковую личность» как таковую; во-вторых, приведенный перечень показывает, с одной стороны, открытость списка, сохраняющуюся до сих пор, а с другой — представляет достаточно широкий спектр различных трактовок рассматриваемого понятия.

Что касается самого феномена, то еще в 1989 году Ю. Н. Караулов предложил структуру языковой личности, которая «представляется состоящей из трех уровней: 1) *вербально-семантического*, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя — традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) *когнитивного*, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную "картину мира", отражающего иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания — к знанию, сознанию, процессам познания человека; 3) *прагматического*, включающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [Караулов 1989: 5] (выделено мною. — В. К.). Итак, в структуре языковой личности выделяются три уровня, три составляющих: вербально-семантический, когнитивный и прагматический. Первым ученые занимаются давно и успешно, последние два стали объектом пристального внимания исследователей в последние десятилетия, что связано с развитием психолингвистики, теории речевой коммуникации, теории речевых актов, когитологии и когнитивной лингвистики. Подобное положение дел обуславливается, со всей очевидностью, тем, что представители самых разных научных дисциплин (лингвистики, психологии, философии и т. д.) проявляли и проявляют все возрастающий интерес к тому, что стоит за языком, за речью, за речевой деятельностью. То есть к самому человеку, при этом не только как к носителю некоего сознания, осуществляющему некую деятельность, но как к носителю — в том числе — сознания языкового, осуществляющему — в ряду других видов деятельности — деятельность речевую.

В связи с проблемой языковой личности вновь оказался актуальным вопрос, над которым размышляли многие ученые еще со времен Фердинанда де Соссю-

ра, — вопрос о соотношении языка и речи⁷. Сегодня эта проблема рассматривается рядом авторов сквозь призму языковой личности, а языковая личность, соответственно, осмысляется в свете указанной дихотомии. Логичным результатом подобных размышлений стал тезис о наличии не только феномена языковой личности, но и феномена речевой личности [Клобукова 1995: 322—323; а также: Клобукова 1997]. При этом понятие «речевая личность» оказывается релевантным не только в сфере лингводидактики, где оно и было выдвинуто, но и как феномен более общего плана, как один из объектов теории речевой деятельности. Таким образом, «если языковая личность — это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность — это языковая личность в парадигме реального общения» [Прохоров 1996: 59]. Вместе с тем мне представляется, что рассмотренный ряд: языковая личность — речевая личность — не завершен, в нем не хватает одного звена и что в целом следует говорить не столько о дихотомии, некой бинарной оппозиции, сколько о триаде понятий.

ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ

Прежде чем обговаривать третий компонент цепи, обратимся к идее Ф. де Соссюра о том, что следует разграничивать язык (*Langue*) и языковую способность (*Faculté du Langage*) и что их совокупность есть речевая деятельность (*Langage*), противопоставленная речи (*Parole*), как потенция и реализация⁸ [Соссюр 1933]. Иначе говоря, выделяются четыре «компонента»: 1. язык (*L*); 2. языковая способность (*FLg*); 3. речевая деятельность (*Lg*); 4. речь (*P*). Отношения данных «компонентов» могут быть выражены с помощью следующей формулы:

$$\left\{ \begin{array}{ccc} L + FLg = Lg \end{array} \right\} \leftrightarrow P$$

1 2 3 4

где (1) и (2) составляют (3), противопоставленное (4).

Те же понятия, как нам представляется, рассматривает и А. А. Леонтьев, предложивший противопоставление трех составляющих: язык как предмет — язык как процесс — язык как способность, — которые «есть *части* речевой деятельности»⁹ [Леонтьев 1969: 23]. Таким образом, речь идет также о четырех феноме-

⁷ Хотя целый ряд исследователей полагает, что данное разграничение эфемерно и нерелевантно.

⁸ Схожие идеи можно найти у таких ученых, как Л. Ельмслев, А. И. Смирницкий, Г. В. Колшанский, которые также противопоставляли язык и речь, как потенциальное и реальное. О. Есперсен и А. А. Реформатский противопоставляли язык и речь, как социальное и индивидуальное. Близкие идеи высказывали социологи, например, Ж. Вандриес, который считал язык «идеальной лингвистической формой, тяготеющей над всеми индивидами данной социальной группы» [Вандриес 1937: 224]. Р. О. Якобсон говорил о языке и речи как о коде и сообщении. Н. И. Жинкин рассматривал речь как «применение языка в процессе общения» [Жинкин 1958: 13]. Именно эту точку зрения назвал «единственно приемлемой» А. А. Леонтьев [Леонтьев 1969: 23].

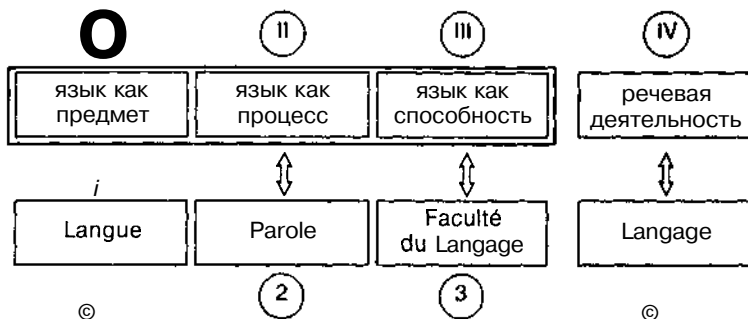
⁹ Теория, описывающая речевую деятельность, и есть, в понимании А. А. Леонтьева, психолингвистика [Леонтьев 1969: 49].

нах: I. язык как предмет; II. язык как процесс; III. язык как способность; IV. речевая деятельность, отношения между которыми могут быть описаны следующей формулой:

$$I + II + III = IV.$$

Между точками зрения Ф. де Соссюра и А. А. Леонтьева существует определенное соответствие, которое может быть показано следующим образом:

Схема 1. Соотношение концепций
Ф. де Соссюра и А. А. Леонтьева

Предложенная А. А. Леонтьевым система содержит феномены, с которыми можно соотнести явления, о которых мы говорили ранее: языковая личность и речевая личность соотносятся соответственно с (I) (язык как предмет) и (III) (язык как способность).

При этом языковая личность и речевая личность суть феномены парадигматические, и если языковая личность есть сама парадигма, то речевая личность представляет собой элемент такой парадигмы. Но, как известно, система проявляет себя в функционировании, следовательно, помимо системного аспекта, существует и аспект функциональный. Функционирование системы (парадигмы) — это (в различных лингвистических традициях) «реализация, Parole, речь», или — в терминах А. А. Леонтьева — «язык как процесс». И этому компоненту соответствует не языковая личность и не речевая личность, но личность, участвующая в коммуникации, причем не вообще, но здесь и сейчас, т. е. «коммуникативная» личность. Таким образом, представляется целесообразным разделить и некоторым образом определить следующие понятия:

О человек говорящий — личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (охватывающая как процесс порождения, так и процесс восприятия речевых произведений)¹⁰;

¹⁰ Таким образом, «человек говорящий» оказывается достаточно широким термином, поскольку обозначает не только автора (т. е. собственно «говорящего»), но и реципиента (т. е. «слушающего»).

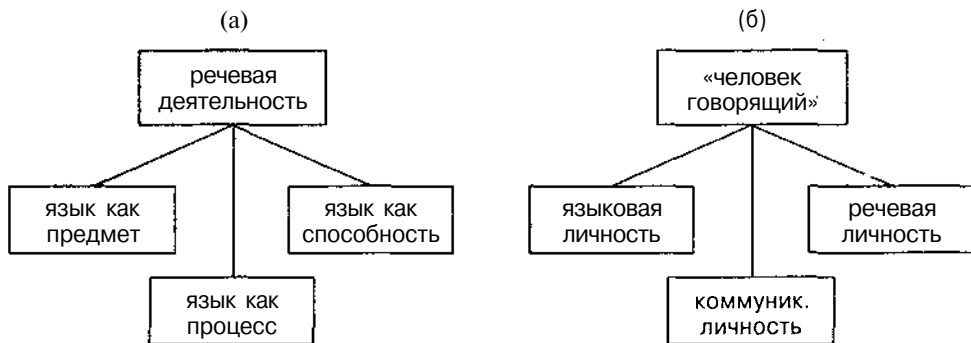
- языковая личность — личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений;
- ◇ речевая личность — личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических);
- ◇ коммуникативная личность — конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации.

Предлагаемая мною система «личностных» феноменов непосредственно соотносится с системой «языковых» феноменов А. А. Леонтьева (см. сх. 2).

С х е м а 2. Системы понятий:

(а) предложенная А. А. Леонтьевым;

(б) предлагаемая мною.

Подобное разграничение возможно и, как представляется, необходимо только в рамках научного исследования в целях теоретического осмысления данного феномена, поскольку очевидно, что каждый человек, как «человек говорящий», в каждый момент своей речевой деятельности¹¹ выступает одновременно в трех ипостасях: как языковая личность, речевая личность и коммуникативная личность. (Отмечу в скобках, что предложенная концепция «человека говорящего» и разграничение феноменов языковой, речевой и коммуникативной личности нашла свое отражение и получила развитие в сфере лингводидактики — см. [Михалкина 1998, 1]).

¹¹ «Реальный процесс, происходящий в общении,— это не установление соответствия между речью и внешним миром, а установление соответствия между конкретной ситуацией, подлежащей обозначению деятельности, т. е. между содержанием, мотивом и формой этой деятельности, с одной стороны, и между структурой и речевыми элементами речевого высказывания — с другой. [...] Речевая деятельность — единство общения и обобщения, которое можно представить как одновременное осуществление в речевой деятельности нескольких функций языка» [Леонтьев 1969, : 19, 31].

И последняя маленькая ремарка в разговоре о человеке говорящем. В этой книге основное внимание уделяется языковой личности, так как именно эта ипостась человека говорящего связана с когнитивными феноменами, актуализирующимися и проявляющимися в процессе коммуникации, и человек говорящий, рассматриваемый в первую очередь именно как языковая личность, является носителем определенных знаний и представлений.

ЗНАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Итак, я изложила актуальные теоретические положения психологов и психолингвистов, взглядам которых я следую, и свою собственную точку зрения на природу феноменов, которые имеют принципиальное значение для понимания того, что и почему позволяет личностям осуществлять совместную деятельность (в том числе речевую деятельность в процессе коммуникации). И теперь можно перейти к рассмотрению того, что хранится в виде некоторых «знаков», «обладающих» значением, т. е. являющихся носителем такового. Другими словами, настало время представить понимание таких терминов, как «знания» и «представления». Я никоим образом не претендую на глобальное осмысление данной весьма сложной философской проблемы. Я просто излагаю то понимание феноменов, к которому я пришла в результате размышлений и которое было обусловлено всем ходом моих исследований. Замечу, кстати, что оно [понимание] определенным образом коррелирует с пониманием данных феноменов, характерным для работ, в частности, по когнитивной лингвистике и психологии.

Итак, *знания* для меня — это некие «информационные», «содержательные» единицы, которые требуют не столько интеллектуально-творческой работы, сколько работы памяти, их совокупность представляет собой некоторую определенным образом структурированную и иерархизованную систему (например, то, что $2 \times 2 = 4$, нужно знать, а не считать каждый раз заново; к знаниям же относится и та информация, которой обычно обучают в школе: математические правила, физические и химические законы, географические сведения, точная информация о событиях: что, когда, где произошло, — имена исторических деятелей и годы их жизни и т. д.). Ср.: «Знания — это конструкции, обладающие постоянством и существенно не зависящие от выполняемой задачи. *Знания хранятся в долговременной памяти*, и до тех пор пока их специально не модифицировали, предполагается, что они имеют *ту же самую форму*» [Ришар 1998: 5]. А также: «Знание — то, что уже отложилось в сознании и составляет часть *памяти*. Знание — это не собрание случайных фактов, а набор сведений, объединенных в определенную упорядоченную *систему*» [КСКТ 1996: 28—29] (выделено мною. — В.К.). И в этом смысле при строгом подходе к терминам «знания» и «информация» их необходимо четко разграничивать: информация есть совокупность *упорядоченных* единиц, знания же представляют собой систему единиц *структурированных* и *иерархизованных*; информация есть *элементы*, единицы системы, зна-

ния же есть *система* таких. В нашем исследовании мы говорим о знаниях именно в последнем понимании данного термина. Знания имеют необходимым условием максимально возможную «объективность», «адекватность», «истинность»¹².

Термин «*представления*», в рамках нашей концепции, мы используем в широком смысле, т. е. «представления» в нашем определении включают в себя собственно представления, образы и понятия, а также связанные с ними оценки и коннотации. Ср.: «Представление — субъективное отражение связей и отношений действительности, и это субъективное отношение эмоционально» [Шахнарович, Юрьева 1990: 23]; а также: «... Представление— это любой психотипический образ (*идиообраз*; любое *идиозначение*, любая *идиокогитема*, любой *идиоаффект*, любая *идиоэмоционема*)» [Сорокин 1997₃: 45]. Таким образом, можно полагать, что «объективные» знания противопоставлены «субъективным» представлениям, при этом знания по сути своей всегда есть достояние коллективное¹³; что касается представлений, то они могут быть как коллективными, так и индивидуальными. Здесь представляется необходимым сделать следующую оговорку: понятие «социальные представления» ввел S. Moscovici, и изначально речь шла о социальных формах представления научного знания [Moscovici 1976]. По мысли М. Л. Макарова, данная теория исторически восходит к разграничению индивидуальных и коллективных представлений в социологии Э. Дюркгейма [Дюркгейм 1995]. Излагая теорию Э. Дюркгейма, С. Московичи пишет: «Согласно Дюркгейму, каждый из нас двойственен. С одной стороны, мы обладаем коллективным сознанием, включающим в себя верования и представления, которыми мы владеем совместно с другими либо по традиции, либо по согласию. С другой стороны, мы обладаем индивидуальным сознанием, содержащим идеи и образы, которые нам присущи и которые мы получили с помощью опыта или рассудка. Эти два состояния сознания разделяются и противостоят друг другу, и наше существование было бы в значительной степени осложнено, если бы общество не гармонизировало их. Оно достигает этого или благодаря соответствию индивидуальных сознаний коллективному сознанию, или через соответствие индивидуальных сознаний, которые поддерживают друг друга и взаимно дополняют друг друга» [Московичи 1998₂: 129—130]. Использовал понятие Дюркгейма «коллективные представления» и Л. Леви-Брюль. Коллективные представления, понимаемые как система верований и чувств, общая для членов общества и не зависящая от бытия отдельной личности, транслируются, по идее Леви-Брюля, из поколения в поколение, «навязывая себя личности», т. е. они становятся «продуктом не рассуждения, а веры» [Леви-Брюль 1994: 20]. (К этому принципиально важному положению мы вернемся, когда будем говорить о соотношении мифологического и логического мышления чуть далее в этом разделе.)

¹² Данные слова в кавычках, поскольку я несколько скептически отношусь к идее полного знания и абсолютной истины.

¹³ Отмечу, однако, что в лингвистической литературе есть работы, в которых рассматриваются различия между коллективным и индивидуальным *знанием* [Залевская 1992].

Наиболее часто приводимая дефиниция понятия «социальные представления» принадлежит D. Jodelet: «Категория *социальное представление* обозначает специфическую форму познания, а именно, знания "здорового смысла", содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловлены. В более широком плане социальные представления — это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения... они обладают особыми характеристиками в области организации содержания, ментальных операций и логики. Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределены контекстом и условиями их возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которым они служат во взаимодействии с миром и людьми» [Jodelet 1984: 361—362] (цит. по: [Макаров 1998: 47]). U. Flick рассматривает социальные представления как интерактивно воспроизводимый процесс понимания явления и способ коммуникации по их поводу [Flick 1995: 74—75]. Для S. Moscovici социальные представления — явление более социальное, чем когнитивное, они есть многоуровневая система действий, идей и ценностей, обладающая двойственной функцией: во-первых, установить порядок, позволяющий индивидам ориентироваться в материальном и социальном мире и воздействовать на них; во-вторых, обеспечить членам сообщества возможность общения, снабдив их кодом для социальных обменов, наименований и классификации различных аспектов жизни, индивидуальной и групповой истории [Flick 1995: 74] (см. подробный анализ теорий, рассматривающих социальные представления, в [Макаров 1998: 46 и далее]). Применительно к лингвистическим исследованиям о разграничении социального и индивидуального писал еще И. А. Бодуэн де Куртенэ, различая в языке «как *индивидуально-психическое*, так и *коллективно-психическое*» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 163] (выделено мною. — В. К.).

То понимание, которое я вкладываю в термин «представления», некоторым образом соотносится с понятием *imago*: «Лица и ситуации прошлого принимают в нашей психике форму *imago* — наглядных представлений. По аналогии с картинками Эпиналя [города во Франции, прославившегося народными картинками] они дают эффект присутствия отсутствующему, упрощая его черты. В основном речь идет о лицах и ситуациях, с которыми мы идентифицируем себя, о наших родителях, нашей нации, о войне или революции, с которыми связываются наши особенно сильные эмоции: "Имаго может равно объективироваться как в чувствах и поведении, так и в образах" — J. Laplanche et J. V. Pontalis: *Vocabulaire de la psychanalyse*, P.U.F., Paris, 1967, p. 196» [Московичи 1998: 355]. Иначе говоря, для нас оказываются важными образность, функциональная компенсаторность, эмоциональная окрашенность и оценочность.

Говоря об индивидуальных и коллективных представлениях, разграничиваемых в рамках предлагаемой концепции, я не беру пограничные случаи, как, например, гипотетически возможный спор об устройстве вселенной между представителем современного цивилизованного, как принято говорить, мира и племе-

нем, находящимся на уровне развития каменного века, какие еще можно найти в джунглях Африки, Америки или Океании. Или столь же гипотетическую дискуссию между теми же «высокими сторонами» о том, хорошо или плохо есть себе подобных. В древности, например, люди верили, что Земля покоится на трех слонах и одной черепахе (как один из вариантов устройства мироздания). Тогда это были *знания*, основанные на общих представлениях о сути предмета. То, что Солнце вращается вокруг Земли, являлось до Н. Коперника элементом *знаний* и считалось объективным, единственно возможным постулатом, своего рода аксиомой, не требующей каких бы то ни было доказательств, этому учили и это не нуждалось в проверке и подтверждении. Но сегодня, имея новые *знания* о мироздании (аксиоматичные, «объективные» на сегодняшний день), мы говорим о *представлениях* древних или средневековых ученых. В данном случае критерием разграничения является «объективность», «адекватность» первых и отсутствие данных качеств у вторых. Что касается различий между индивидуальными и коллективными представлениями, то совершенно очевидно, что они далеко не всегда совпадают. Так, мы можем не соглашаться с «общепризнанной» и/или «официальной» оценкой того или иного произведения, того или иного события, того или иного персонажа. Вспомним в связи с этим, например, ситуацию, имевшую место в советские годы, когда официальная оценка была единственно разрешенной, но при этом, пожалуй, далеко не всегда являлась «*общепризнанным*» коллективным представлением (в нашем понимании), но она была хорошо известна и являлась безусловно *коллективным* достоянием. Так, столь неоднозначные персонажи советской истории, как Павлик Морозов и Павка Корчагин, как показывают результаты анкетирования, получают диаметрально противоположные оценки информантов (от абсолютного «плюса» до абсолютного «минуса»). При этом «плюсы»/«минусы» не обуславливаются возрастом информантов. Таким образом, можно предположить, что и в советские годы данные персонажи имели несколько «вариантов» представлений: во-первых, официальное — абсолютно положительное, оно закладывалось в процессе «официального» воспитания и образования, представляло собой «официальное» коллективное представление; во-вторых, индивидуальное — могло совпадать с официальным представлением и быть положительным, но могло и значительно отличаться от него и носить сугубо негативный характер. Такие индивидуальные негативные представления также могли складываться в некоторое коллективное представление. При этом каждый представитель того или иного сообщества, имея свое собственное представление, несомненно, знает и о том, как воспринимается тот или иной «культурный предмет» (воспользуемся термином Н. В. Уфимцевой) в контексте той или иной, в нашем случае — русской, культуры.

Приведу несколько примеров. Так, я могу не любить произведения Л.Н. Толстого, музыку П. И. Чайковского или живопись «передвижников». Но, если я «социализовалась» в условиях русской культуры, я не могу не знать, что и Толстой, и Чайковский считаются великими русскими авторами, а творчество «пере-

движников» относится к русской классике. Далее, я могу увлекаться Филоновым, любить Зверева или считать вершиной русского изобразительного искусства картины Шагала, Малевича или Кандинского. Но, хочу я того или нет и независимо от моих пристрастий и личных (индивидуальных) представлений, если я принадлежу русскому национально-лингво-культурному сообществу, я не могу не знать то, что известно подавляющему большинству моих «культурных соотечественников». Хотя бы на уровне «*imago*». Что я имею в виду? Думаю, что, к сожалению, не всякий русский без труда назовет авторов таких картин, как, например, «Бурлаки на Волге», «Боярыня Морозова», «Тройка» или «Грачи прилетели» (соответственно Репина, Сурикова, Перова и Саврасова). Более того, я легко могу представить, что известную картину Шишкина «Утро в сосновом лесу» многие, ни секунды не сомневаясь, назовут «Мишка косолапый» (по названию конфет, на фантике которых изображен фрагмент этого полотна). Но образ любого из названных произведений безусловно известен любому социализированному (инкультурированному) представителю русского национально-лингво-культурного сообщества. Если у меня таких знаний нет, то нет и не может быть абсолютной уверенности в том, что мое общение с русскими будет адекватным и успешным, так как в своей речи русские будут апеллировать именно к подобным феноменам, предполагая, что они известны их собеседнику.

Итак, для общения более важными оказываются не индивидуальные, а коллективные представления, как бы они ни отличались от тех, которые лично дороги каждому из коммуникантов. И речь идет именно о представлениях, поскольку последние включают в себя оценки и коннотации, субъективные по природе своей¹⁴.

Но и это еще не все. У меня вообще могут отсутствовать какие бы то ни было индивидуальные представления, сложившиеся на основе моего собственного индивидуального опыта. Но для адекватной коммуникации я обязательно должна владеть представлениями коллективными. К примеру, я могу считать главного героя романа Сервантеса «Дон Кихот» глупым, жалким стариком и абсолютно не разделять симпатий автора. А кто-то другой может считать Дона Кихота милым, но странным и неадекватным человеком. А некто третий может оценивать его просто как опасную личность (наличествуют индивидуальные

¹⁴ Ср. с идеей Г. Фреге о том, что представление есть внутренний образ предмета, «возникший из воспоминаний о чувственных впечатлениях, которые человек имел раньше. Представление субъективно: оно часто проникнуто эмоциями, ясность его отдельных частей различна и постоянно меняется; даже у одного и того же человека представления, связанные с одним и тем же смыслом, в различное время различны; представление одного не есть представление другого» (цит. по [Леонтьев 1969, : 56]). Таким образом, представление для Фреге субъективно, так как индивидуально и лабильно, на основании чего оно и противопоставляется смыслу как категории объективно-логической [Леонтьев 1969, : 57]. Я же, говоря о «субъективности» представлений, беру термин в кавычки, так как предполагаю существование представлений не только индивидуальных, но и коллективных. Но для всех рассуждений оказываются важными «чувственные впечатления», т. е. эмоции, оценки и коннотации, связанные с тем или иным феноменом.

представления). Так, актриса Т. Васильева, безусловно, симпатизируя и сочувствуя Дону Кихоту, назвала его «клоуном номер раз в мире» (передача «Времечко. Ночной полет» от 27.02.99), а известный актер, режиссер и писатель В. Ливанов считает Дон Кихота достаточно страшным персонажем, предтечей кровавых диктаторов (та же телепередача от 13.05.99; см. данную трактовку образа в фильме В. Б. Ливанова «Дон Кихот возвращается»). А теперь сравните это с высказыванием молодой актрисы об О. Ефремове: «Поработать с Олегом Николаевичем Ефремовым мне не пришлось, но несколько раз мы встречались и подолгу разговаривали. У него была великолепная идея сделать новую версию «Вишневого сада»... Да... Ефремов — истинный Дон Кихот нашего времени...» [АиФ, 2001]. Шут? Фанатик? Конечно, нет! Бессребреник, светлая возвышенная личность — вот что имела в виду актриса. (Кстати, именно это и соответствует тому образу Дона Кихота, который бытует в русском национально-лингво-культурном сообществе.)

Итак, я могу иметь свое собственное представление как о самом романе, так и о главном герое (наличествуют индивидуальные представления) или вообще не читать этого произведения (индивидуальных представлений нет), но если кто-либо назовет кого бы то ни было *Дон Кихотом*, то я, безусловно, пойму, что имеется в виду.

Итак, если говорить о разграничении знаний и представлений на уровне синхронии и попытаться обобщить только что сказанное, то основные различия могут быть представлены в виде следующих оппозиций:

ЗНАНИЯ	ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
формируются информационными единицами	представлены образами (в самом широком смысле)
коллективны	коллективны и/или индивидуальные
характеризуются «объективностью»	характеризуются «субъективностью» (внешней и внутренней ¹⁵)
«аксиоматичны», т. е. не требуют доказательств	«теоретичны», т. е. могут требовать доказательств и объяснений
хранятся в «развернутом» виде (в виде единицы информации)	хранятся в «свернутом» виде (в виде образов)
требуют работы памяти; «рациональны»	требуют интеллектуально-творческой работы; «интуитивны»
неаксиологичны (коннотативно нейтральны)	аксиологичны (необходимо включают коннотации, оценки)
лишены эмоциональной окрашенности	связаны с интенсивной эмоциональностью

¹⁵ Внешняя субъективность характерна для коллективных представлений, внутренняя — в первую очередь для индивидуальных.

А теперь давайте посмотрим на наше мышление и попытаемся определить, какое оно? Логическое, дискурсивное, как утверждают некоторые исследователи, или мифологическое? И так ли уж далеко мы ушли от наших далеких предков, чье мышление было «первобытным», «примитивным», мифологическим?

И здесь нам опять нужно вспомнить идеи Л. Леви-Брюля, касающиеся коллективных представлений «примитивных народов» [Леви-Брюль 1994], которые (представления) играют основную роль в мышлении мифологическом. Исследователь выделял несколько особенностей таких коллективных представлений. Первое, они обладают крайней эмоциональной интенсивностью. Второе, они нечувствительны к логическим противоречиям. Третье, они непроницаемы для объективного опыта. Четвертое, они обладают мистическим содержанием. Пятое, они имеют свои собственные законы, главный из которых — закон партиципации (или сопричастности, в интерпретации Т. Г. Стефаненко).

Если мы внимательно посмотрим на наше сегодняшнее мышление (я не беру сейчас собственно научное мышление в прямом смысле этого слова), то обнаружим в нем практически все эти черты. Да, они проявляются несколько иначе, но они есть, и не признавать этого факта — значит закрывать глаза на существующее положение вещей.

Так, в обычной нашей жизни мы не стремимся анализировать существующие у нас представления и некритично относимся к вновь поступающей информации, если источник ее кажется нам «благонадежным» и авторитетным. Если поступающая извне информация противоречит существующим представлениям, то именно информация оценивается как неверная, не соответствующая действительности. Мы воспринимаем образы и оперируем ими как чем-то нерасчленимым, единым в своей сущности. При этом образы эти всегда аксиологичны, а оценки, как правило, «полярны»: или абсолютный «плюс», или столь же абсолютный «минус». При этом если оценки меняются, то только на противоположный знак и, как правило, с «плюса» на «минус». Склонность принимать как данность тот или иной образ, в том числе и заключенные в нем оценки, и предпочтение, отдаваемое тому или иному авторитету, во-первых, свидетельствуют о принадлежности к определенной социальной группе или о желании принадлежать ей, во-вторых, служат «маркерами» для различения коммуникативных партнеров и размещения их на шкале «свой — чужой».

«Поверь мне. Уж я-то знаю», — вот классическое проявление мифологического мышления. Причем услышать эту фразу или «прочитать» ее между строк можно в любом типе дискурса: от повседневного до научного (даже так). Я уже не говорю о политическом дискурсе.

Таким образом, для нас сегодняшних так же, как и для «примитивных народов» (по Леви-Брюлю), характерны недискретность образов, некритичность восприятия, однозначность и субъективность оценок (или «хорошо», или «плохо», никаких «золотых середин» и аналитичности восприятия), значительная эмоциональность восприятия образов и значимость их (образов) в социальном плане.

Иначе говоря, и коллективные представления, которыми мы обладаем, и само наше мышление обнаруживает массу черт мышления мифологического.

Впрочем, это далеко не новость в научных рассуждениях. Так, сам Л. Леви-Брюль в более поздних своих работах признал гетерогенность мышления (т. е. наличие индивидуальных и коллективных представлений у любого человека, принадлежащего любой социальной группе) и наличие некоторых особенностей мифологического мышления у современников. А его научный оппонент К. Леви-Строс постулировал универсальность бессознательных структур классифицирующего мышления и использование бинарных оппозиций при категоризации мира, которые свидетельствуют об отсутствии качественных различий между научным и мифологическим типами мышления [Леви-Строс 1994; 1985]. Вместе с тем, по мысли исследователя, различия все-таки существуют, и касаются они в первую очередь следующего: миф ориентируется на чувственные качества, наука же — на абстрактные свойства вещей¹⁶.

Обобщая все только что сказанное, следует отметить, что для коммуникации представления оказываются не менее, а подчас и более важными, чем знания (речь не идет, разумеется, о случаях, когда общение затруднено собственно лингвистическими причинами, как, например, плохое знание языка одним из коммуникантов). Почему? Ответ, на мой взгляд, достаточно очевиден. Во-первых, могут различаться сами представления (например, опросы показывают, что Стаханов воспринимается как герой, как фанатик и как «длутая фигура»). Во-вторых, оценки могут категорически не совпадать (например, для одних Павлик Морозов — герой, оцениваемый сугубо положительно, для других — предатель отца, оцениваемый, разумеется, однозначно отрицательно). Все это создает потенциальную опасность крайне неприятной коммуникативной неудачи. И опасность очень серьезную, поскольку, в отличие от знаний, представления аксиологичны и связаны с эмоциональностью, бытуют как таковые и не подвергаются внутреннему анализу. Следовательно, конфликт может быть спровоцирован не на рациональном, а на чувственно-эмоциональном уровне. И в этом случае весьма затруднительно бывает найти способ разрешения конфликта и прийти к некоторой договоренности по сути обсуждаемых вопросов.

КОГНИТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОГНИТИВНАЯ БАЗА

Первое, что следует отметить, — об этих когнитивных совокупностях уже много писали и говорили участники научного семинара «Текст и коммуникация», который работает на филологическом факультете МГУ с 1996 г. Постоянными участниками семинара с момента его основания являются Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и автор этой книжки. Многое из того, что я излагаю в этом разделе, уже было опубликовано как в наших коллективных, так и в авторских

¹⁶Я советую познакомиться с интересным, подробным, хотя и не бесспорным анализом идей Л. Леви-Брюля и К. Леви-Строса, который представлен в [Стефаненко 2000: 80—98].

работах. Но тем не менее, я все-таки позволю себе изложить основные положения еще раз, поскольку прекрасно понимаю, что далеко не все мои читатели имели возможность с ними познакомиться.

Итак, каждый человек говорящий, каждая языковая личность обладает некоторым набором знаний и представлений. Как мы видели, эти знания и представления могут носить как индивидуальный, так и коллективный характер. Приведу пример из предыдущей моей книги. В русском фольклоре есть небезызвестный персонаж — *Баба-Яга* (вспомним, кстати, Леонида Филатова: «Ну, случайно, ну, шутя, Сбилась с верного пути! Дак ведь я — дитя природы, Пусть дурное, но — дитя!») или: «Я — фольклорный элемент, У меня есть документ, Я вообще могу отседа Улететь в один момент!»¹⁷). Предположим, что некто глубоко симпатизирует этой «старушке», она кажется ему вовсе не злобной, не отвратительной, а вполне добродушной пожилой дамой, которую вечно обманывают разные Иваны — либо царевичи, либо дураки (часто, впрочем, в одном лице). Вместе с тем, будучи воспитан в русском национально-лингво-культурном сообществе, этот некто прекрасно понимает, что для большинства русских *Баба-Яга* — ведьма в ступе или на помеле, только и знающая, что делать всякие гадости «добрым молодцам». Более того, если какую-либо даму назовут в присутствии такого человека *Бабой-Ягой*, то он поймет это как откровенно грубое высказывание по поводу внешности (вспомним, что «классическая» *Баба-Яга* — старое, уродливое существо, с крючковатым носом, да еще к тому же с «костяной ногой», что следует из текстов сказок) и, возможно, характера «описываемой» дамы (вспомним, например, эпизод из фильма «Дорогой мой человек», когда маленькая девочка с удивлением спрашивает своего отца: «А разве добрые Бабки-Ёжки бывают?»), что предполагает существование только злых «Бабок-Ёжек»). Таким образом, человек имеет как бы два разных «образа» одного и того же предмета: индивидуальное представление и коллективное¹⁸, — которые базируются на знании текстов русских сказок и *инвариантах восприятия* самого персонажа. Однако если человек является специалистом по фольклору, занимается русским народным творчеством, русской традиционной культурой, то он, как профессионал в этой области, не может не владеть дополнительной, специальной информацией о данном персонаже как таковом и о его месте в системе других образов русского фольклора. Иначе говоря, у такого человека будет еще и «третье» представление о *Бабе-Яге* — представление, присущее специалисту, сформированное на основе знаний, обязательных для члена профессиональной группы, профессионального социума (вспомним, кстати, что «помимо индивидуального опыта и конкретной ситуации, смысл в значительной мере связан с профессиональной, социальной и вообще групповой принадлежностью данного человека» [Леон-

¹⁷ Филатов Л. А. Про Федота стрельца, удалого молодца (сказка для театра по мотивам русского фольклора). Минск; М., 1990. С. 112—113.

¹⁸ Ср. с идеей о двух началах, присущих человеку: индивидуальном (психическом) и общественном (социальном), — и логически вытекающим из нее [идеи] принципом социально-психологического детерминизма (термин Т. Slama-Cazacu) [Пименов 1976: 5].

тьев 1970: 342] и что личность «входит» в общество через социальные группы [Тарасов 1975₂: 155]]. Следовательно, мы имеем дело не с двумя, но с тремя «наборами» знаний и представлений: (1) индивидуальным и двумя коллективными: (2) социальным и (3) национальным¹⁹. Соответственно, нами выделяются²⁰:

- *индивидуальное когнитивное пространство (ИКП)* — определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый человек говорящий;
- ◇ *коллективное когнитивное пространство (ККП)* — определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум;
- *когнитивная база (КБ)* — определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета²¹.

В силу объективной минимизации хранящих феноменов сама КБ будет являть собой, скорее всего, также «минимизированную», достаточно, но не жестко ограниченную совокупность феноменов-«культурных предметов», представляющую собой «открытое» множество. «Открытое» не в смысле «бесконечное», но лишь как способное к изменениям, когда какой-либо элемент заменяется другим, аналогичным по природе и функциям. Как проходит процесс минимизации? Иными словами, каков путь приобретения тем или иным феноменом статуса элемента (единицы) когнитивной базы? Думается, что этот процесс имеет двунаправленный характер: подвергаясь определенной (заданной когнитивной базой) обработке, феномен входит в КБ, и становясь элементом КБ (вернее — став таковым), он задает «правила» обработки аналогичных феноменов при их восприятии, т. е. выступает как некий эталон (мы рассматриваем более подробно алгоритм приобретения феноменом статуса прецедентного и его функционирование в качестве такового в одной из последующих глав). Данный алгоритм в

¹⁹ Ср.: «Но посредством говорения (и вот это уже к растениям и животным не относится) человек может в каждый данный момент раздвигать границы внутреннего пространства, делая его все более и более емким. Роза всегда остается розой. Человек же принадлежит к ряду сообществ различной численности и предназначения — семье, городу, расе, цивилизации, церкви, роду человеческому — в той мере, в какой он творчески относится к языку этих сообществ» [Розеншток-Хюсси 1994: 58].

²⁰ Концепция была разработана в рамках деятельности научного семинара «Текст и коммуникация».

²¹ Ср.: «Можно сделать вывод, что принадлежность к определенной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации индивидуума в данном обществе, и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности) выбора элементов периферии» [Прохоров 1996: 14] (выделено мною. — В. К.). Термин «национально-детерминированное минимизированное представление» принадлежит Д. Б. Гудкову [Гудков 1994].

некоторой степени аналогичен процессам анкоринга и объективизации [Moscovici 1984₂]. Суть процесса анкоринга заключается в том, что новые феномены: впечатления, отношения, отношения, объекты — интегрируются в рамки того, что уже известно (существующего мировоззрения и известных категорий и прототипов). Анкоринг не является «чисто» когнитивным процессом, поскольку в нем [в процессе анкоринга], по мысли D. Jodelet, значения и смыслы интерпретативно приписываются, предизируются феноменам. Обработка, которой подвергаются новые феномены, ведет к изменениям последних и имеет, по идее U. Flick, социальную природу. Объективизация (по S. Moscovici) есть второй механизм превращения незнакомого знания в «знакомое». Он сводится к тому, что абстрактные концепты преобразуются в «нечто почти конкретное». Как это происходит? Извне поступает иконическая сущность неясной идеи или предмета, которая переходит в образ. Затем это соотносится с комплексом образов, символизирующим комплекс идей, или прототипом (т. е. со структурой «фигуративного ядра») (более подробно об этих процессах см. [Moscovici 1984; Макаров 1998: 47—49]).

В связи с вышеизложенным возникает целый ряд вопросов. Во-первых, это вопросы, требующие подхода с точки зрения *синхронии*. Например, где проходит граница между разными трансформациями одной КБ, с одной стороны, и разными КБ — с другой; т. е., так сказать, горизонтальный срез. Так, нам представляется весьма затруднительным, если не невозможным проведение четких и жестких границ между когнитивными базами, к примеру, восточнославянских народов. Вместе с тем, белорусская и украинская когнитивные базы имеют, по видимому, определенные зоны пересечения с когнитивными базами балто-славян (например, литовской), западных славян (например, польской), а украинская КБ — также и с когнитивной базой молдаван и т.д. Иначе говоря, имеет место некий континуум, в котором нет резких границ между разными когнитивными базами. Но совершенно очевидно, что данная проблема требует самостоятельных, глубоких и очень серьезных исследований. Помимо этого, говоря о синхронии, следует также иметь в виду и, так сказать, вертикальный срез, который также ставит целый ряд вопросов, связанных с границами когнитивной базы и коллективных когнитивных пространств (об этом соотношении мы подробнее поговорим далее в настоящей главе).

Во-вторых, вопросы, требующие подхода с точки зрения *диахронии*, «истории». Например, как следует рассматривать русскую КБ, современную и предыдущих веков: как единую или как разные? Данный вопрос, на наш взгляд, также требует дополнительных размышлений и отдельного разговора. Но кое-что уже можно сказать и сегодня. Если это одна КБ, то почему понадобились комментарии к тому же «Евгению Онегину», которые по объему превосходят сам роман? Вспомним, например, комментарий Ю. М. Лотмана. С другой стороны, работы В. В. Колесова, в которых он рассматривает в том числе и языковое сознание наших предков, далеких и не очень, дают ценнейший материал для понимания

языкового сознания современного русского. А учитывая, что КБ является «вмештилицем», «локусом» эталонов культуры, то нам, соответственно, необходимо понять, почему именно те, а не иные феномены становятся эталонами. Без попытки проникнуть в тайны (языкового) сознания, без осмысления базовых оппозиций культуры, соотносимых с архетипическими представлениями, это представляется по меньшей мере весьма затруднительным. Следовательно, уходя «в глубь веков», мы тем самым приближаемся к пониманию человека говорящего сегодняшнего дня (вот такой парадокс). Замечу, что некоторые из данных вопросов затрагивались участниками научной дискуссии, проведенной в ИЯ РАН в январе 1998 года (см. [Дискуссия 1998]).

Следует отметить, что не только когнитивная база, но и когнитивные пространства являются национально-детерминированными и национально-маркированными. И в этом принципиальное отличие предлагаемой концепции от гномического (культурного) кода Р. Барта [Барт 1994; а также: «S/Z». Р., 1970]. Дело в том, что (энциклопедические) знания действительно могут «объединять», но представления, за этими знаниями стоящие, могут значительно различаться и провоцировать конфликты (например, *Суворов* для русских и поляков, *Бородино* для русских и французов, *Чингисхан* для русских и монголов, *Хиросима* или *Том Сойер* для русских и американцев и т. д.).

Национально-культурные детерминированность и маркированность когнитивных совокупностей вполне объяснимы, так как «ядром» когнитивных пространств (и индивидуального, и коллективного пространства монокультурного социума) служит когнитивная база того национально-лингво-культурного сообщества, которое является родным для носителя/ носителей данного когнитивного пространства.

Таким образом, каждый человек говорящий обладает своим ИКП, набором ККП (семейное, профессиональное, конфессиональное ККП и т. д.) и КБ того национально-лингво-культурного сообщества, членом которого он является. ИКП человека включает в себя и КБ, и ККП всех социумов, в которые он входит. Схематично это может быть изображено следующим образом²²:

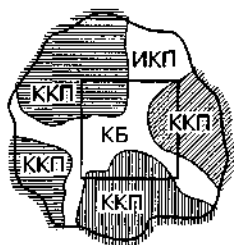

Схема 3. Строение совокупности знаний и представлений личности (ИКП)

²² Все индивидуумы, принадлежащие одному национально-лингво-культурному сообществу и входящие в различные социумы, обладают ККП, частью которых является КБ, однако на схеме это трудно показать по чисто техническим причинам. Поэтому, имея в виду только что сказанное, я тем не менее позволю себе представить такой (двухмерный) вид схемы.

Как видно из схемы, ИКП включает в себя (в том числе) набор коллективных пространств тех социумов, членом которых данный человек является, и — как минимум — ядро национальной когнитивной базы того национально-лингво-культурного сообщества, в которое он входит. Другими словами, ИКП содержит как личный опыт, так и «социальные» знания и коллективные представления, которые человек приобретает в процессе социализации, ибо «психика человека формируется как своего рода *единство* физиологических предпосылок и социальных средств. Лишь усваивая эти средства, *присваивая* их, делая их частью своей личности и своей деятельности, человек становится самим собой» [Выготский 1956: 9]. Иначе говоря, в процессе социализации человек «присваивает» «социальные средства», «достижения развития предшествующих поколений», «культурную информацию» и т. д. Это — путь вхождения, «врастания» в то или иное национально-лингво-культурное сообщество.

КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ

Когнитивные пространства и когнитивная база формируются *когнитивными структурами (КС)*, которые представляют собой некую «содержательную» (т. е. имеющую определенное содержание-значение) форму кодирования²³ и хранения информации. Когнитивные структуры суть определенным образом организованные и структурированные участки когнитивного пространства. Это своего рода «элементарные» единицы, т. е. базисные, основные, с одной стороны, и далее неделимые и нечленимые — с другой. Когнитивные структуры формируют нашу компетенцию и лежат в ее основе. Информация, кодируемая и хранимая в виде КС, включает в себя сведения (знания и представления) не только о реальном окружающем мире, но и знание языка и знание о языке. Следовательно, мы выделяем феноменологические и лингвистические когнитивные структуры.

Феноменологические когнитивные структуры (ФКС) формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы, т. е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях искусства, в том числе и литературных, и т. д.

Лингвистические когнитивные структуры (ЛКС) лежат в основе языковой и речевой компетенции, они формируют совокупность знаний и представлений о законах языка, о его синтаксическом строении, лексическом запасе, фонетико-фонологическом строе, о законах функционирования его единиц и построения речи на данном языке.

Когнитивная структура — неделимая и нечленимая когнитивная единица, хранящая «свернутое» знание и/или представление. Если мы попытаемся «раз-

²³ Под кодированием я, вслед за психологами, понимаю «перевод информации, воспринятой органами чувств, на язык, понятный мозгу», по формулировке Р. С. Немова.

вернуть» КС, то мы вынуждены будем проделать практически то же, что мы делаем, переводя внутреннюю речь во внешнюю. При развертывании КС имеет место вербализация, а это значит, что активизируются не только когнитивная структура-«объект», но и когнитивные структуры-«посредники» — те, с помощью которых и происходит вербализация, т. е. ЛКС. С этим связаны определенные (и большие!) трудности в изучении самих КС, которые, как «поручик Киже, фигуры не имеющий», предстают исследователю лишь в опосредованном виде. И тем не менее представляется возможной (и необходимой) попытка рассмотрения самих КС и их проявления в коммуникации.

Следует отметить, что некоторые ученые противопоставляют когнитивные структуры и элементы языковой способности (см., например, [Шахнарович 1979]), понимаемой как «следствие отражения сознанием человека системы родного языка», как «некая система элементов и правил их выбора» [Шахнарович 1979: 6]. Я же считаю, что языковая способность непосредственно связана с когнитивными структурами, конкретнее — с теми, которые определяются как лингвистические когнитивные структуры. Последние, и тут я не могу не согласиться с мнением коллег (см. указ. соч.), действительно складываются (в процессе онтогенеза) во многом самостоятельно и действуют относительно обособленно от собственно когнитивных и связанных с ними, но относительно независимых (на ранних этапах) семантических структур — по А. М. Шахнаровичу, или от феноменологических структур — по предлагаемой концепции (хотя между указанными семантическими и феноменологическими структурами знак равенства поставлен быть не может).

Когнитивные структуры определенным образом соотносятся с разными видами компетенции: они формируют нашу компетенцию и лежат в ее основе. В лингвистической, психолингвистической, лингводидактической литературе выделяются в первую очередь языковая, речевая и предметная компетенции. В последнее время особо пристальное внимание исследователей привлекает компетенция культурная. В докторской диссертации И. В. Михалкина [Михалкина 1998,] предлагает некоторую классификацию типов компетенций, в которую входят языковая, речевая, социолингвистическая, цивилизационная, предметная, стратегическая, дискурсивная и коммуникативная компетенции. Последняя предстает как высшая форма владения языком, как итоговая цель обучения, т. е. может быть определена как конгломерирующая форма компетенции (И. В. Михалкина). Указанные виды компетенции представляют собой некую иерархическую структуру, в которой могут быть выделены не только высший уровень, но также и базовый и промежуточный. Иначе говоря, языковая, речевая, предметная и культурная компетенции являются элементами базового уровня данной системы, они достаточно самостоятельны и независимы (первые две, разумеется, в большей степени связаны между собой, нежели другие виды компетенции из последнего перечня). Определенное сочетание данных компетенций позволяет говорить о компетенции более «высокого» порядка, например:

Сязыковая + речевая) + предметная = социолингвистическая;
 предметная + социолингвистическая = стратегическая; и т. д

Я не могу не согласиться с цитируемым исследователем, что венчает эту «пирамиду» компетенция коммуникативная. Если говорить о «базовых» видах компетенции (языковой, речевой, предметной, культурной) и «высшей» компетенции — коммуникативной, а также об их соотношении с феноменологическими и лингвистическими когнитивными структурами, то можно, очевидно, выявить некоторые параллели (см. табл. 1).

Таблица 1. Соотношение вида компетенции и типа КС

КОМПЕТЕНЦИЯ	КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ
языковая речевая	ЛКС
предметная	ФКС
культурная	ФКС ЛКС
коммуникативная	ЛКС + ФКС

Иначе говоря, языковая и речевая компетенции формируются в первую очередь именно лингвистическими когнитивными структурами. Предметная (профессиональная, научная и т. д.) компетенция самым тесным образом связана с феноменологическими когнитивными структурами, хотя трудно говорить о ФКС «в чистом виде», без задействования ЛКС. Однако если мы наблюдаем за межкультурным общением²⁴ коллег в области, например, математики, физики или химии, имеющих общий код в виде формул, то окажется, что их предметной компетенции и, следовательно, ФКС, которыми обладают коммуниканты вполне достаточно для адекватного общения (хотя и в весьма специфической ситуации, разумеется). Культурная компетенция формируется как лингвистическими, так и феноменологическими когнитивными структурами в их взаимосвязи, т. е. лингвистическими КС, за которыми стоят феноменологические, и наоборот, феноменологическими, вербализуемыми определенными лингвистическими когнитивными структурами. В первую очередь это связано с различными культурными предметами, которые рассматриваются в совокупности их формы (вербального выражения — ЛКС) и содержания (образа, представления — ФКС). И, наконец, коммуникативная компетенция необходимо включает в себя в качестве компонентов все только что указанные виды компетенции и, следовательно, самым непосредственным образом формируется и ФКС, и ЛКС.

²⁴ Имеется в виду общение представителей разных национально-лингво-культурных сообществ.

С различными когнитивными структурами связаны и разные «картины мира», о которых мы говорили ранее: очевидно, что ЛКС самым непосредственным образом участвуют в формировании языковой картины мира, в то время как «материалом» формирования (концептуальной) картины мира служат в первую очередь ФКС. Последние имеют (или могут иметь) вербальную «оболочку», т. е. выступают в паре с ЛКС.

Поскольку ЛКС и ФКС, как правило, неразрывно связаны, то и функционируют они, так сказать, «в связке», однако в определенные моменты человеческой деятельности на первое место, так сказать, могут выступать либо феноменологические, либо лингвистические когнитивные структуры. Так, например, если мы, забегая несколько вперед, обратимся к проблеме восприятия текста, то окажется, что уровни восприятия речевого сообщения (по А. Р. Лурии [Лурия 1979]) тоже, по-видимому, связаны с активизацией когнитивных структур разных типов: на первом уровне (на котором имеют место процессы расшифровки воспринимаемых языковых кодов) активизируются в первую очередь ЛКС; на втором уровне (на котором происходят процессы расшифровки глубинного смысла, который лежит за воспринимаемым сообщением) основная «нагрузка» приходится на ФКС. То же справедливо, на мой взгляд, и когда мы обращаемся к проблеме разграничения понимания и интерпретации текста [Кубрякова 1987₁]: в понимании главную роль играют ЛКС, при интерпретации — актуализируются ФКС (вкратце разница между пониманием и интерпретацией может быть определена следующим образом: «*Интерпретация* происходит в общем контексте познавательной и оценочной деятельности человека в отличие от *понимания*, происходящего в опоре на язык» [Там же: 93—94]). И наконец, для распределения речевого текста требуются лингвистические знания (т. е. ЛКС в рамках предлагаемой концепции), а для распределения предметов, на которые указывается в тексте, требуются также и энциклопедические знания [Тарасов, Соснова 1985: 35], т. е. ФКС (в скобках замечу, однако, что только «энциклопедических» знаний зачастую бывает недостаточно, для указанной процедуры могут оказаться необходимыми как раз не энциклопедические знания, но «знания» образов и представлений, коннотаций и оценок, бытующих в том или ином национально-лингво-культурном сообществе, т. е. тех феноменов, которые называются прецедентными и рассматриваются в последующих главах).

«ПРОСТРАНСТВО» vs. «БАЗА»

В связи с вышеизложенным может возникнуть вопрос: почему, говоря об индивидуальных и коллективных совокупностях знаний и представлений, используется термин «пространство», а когда речь идет о совокупности знаний и представлений, присущих национально-лингво-культурному сообществу, упо-

требуется термин «база»²⁵? Терминологический «разнобой» диктуется не любовью к разнообразию, а весьма объяснимым стремлением к точности терминов: в данном случае разность терминов обуславливается разностью понятий, которыми мы оперируем.

Форма хранения информации, способ оперирования ею — это то, что «объединяет» индивидуальное и коллективное когнитивные пространства, с одной стороны, и когнитивную базу — с другой. Действительно, и ИКП, и ККП, и КБ формируются когнитивными структурами и представляют собой совокупности знаний и представлений, т. е. содержат феномены одной природы. Но на этом сходство заканчивается. Различия же касаются в первую очередь «единиц хранения». Их конкретный «набор» в когнитивных пространствах и в КБ будет отличаться не только по содержанию и по степени известности другим (языковым) личностям, но и по степени «обработанности».

РУССКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Но существует ли пространство на национальном уровне? Очевидно, на этот вопрос следует дать положительный ответ. Таковым в нашем случае является русское культурное пространство, которое выступает как форма существовавшая культуры в сознании человека [Гудков, Красных 1998].

Национальное культурное пространство — это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится «ощутимым» при столкновении с явлениями иной культуры. Национальное (в нашем случае — русское) культурное пространство «включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-культурного сообщества» [Там же].

Иначе говоря, русское культурное пространство — это совокупность *всех* индивидуальных и коллективных когнитивных пространств. И поскольку «ядром» всех когнитивных пространств является когнитивная база, служащая тем стержнем, который «скрепляет» все когнитивные пространства и предопределяет их национальную специфику, то, следовательно, КБ является «ядром» и куль-

²⁵ Справедливости ради отмечу, что в некоторых самых ранних своих работах я вообще старалась не использовать термин «база», и, более того, я делала попытки некоторым образом обосновать такое свое нежелание, говоря о преимуществах термина «когнитивное пространство» по сравнению с термином «когнитивная база». Однако в ходе дальнейших самостоятельных исследований, а также благодаря научному общению с коллегами по семинару «Текст и коммуникация» я пришла к необходимости все-таки ввести этот термин в понятийно-терминологический аппарат и «развести» его с термином «пространство», изначально и прочно занявшим место в моих работах, т. е. уточнить и более точно и строго разграничить их. Помимо того, дальнейшие исследования потребовали и выделения разных типов когнитивного пространства и, более того, разных типов пресуппозиций, о чем мы будем говорить в одной из последующих глав.

турного пространства. Русская когнитивная база проецируется на русское культурное пространство и входит в него как неотъемлемая часть. С другой стороны, само русское культурное пространство «отражается» в русской когнитивной базе в редуцированном, минимизированном виде. Однако это не просто «эффект бинокля» (ближе/дальше; больше/меньше), поскольку русское культурное пространство — это *все* многообразие знаний и представлений носителей русского ментально-лингвального комплекса, в то время как русская КБ — это не просто сокращенный вариант некоторого списка феноменов. Минимизация осуществляется не путем уменьшения «объема», но через «качественное редуцирование», через создание инварианта восприятия того или иного культурного предмета. В этом — одно из отличий культурного пространства от когнитивной базы, которая включает в себя не все многообразие феноменов, но лишь те, которые являются (национально) прецедентными.

Еще одно отличие русского культурного пространства состоит в том, что в него, помимо *всех* указанных знаний и представлений, входят также и стереотипы (стереотипы-образы и стереотипы-ситуации) и культурно значимые фреймы (см. последующие главы).

Как мы видели ранее в этой главе, индивидуальное когнитивное пространство, коллективное когнитивное пространство и когнитивная база отличаются, так сказать, «полнотой охвата»: внутренним наполнением и внешним масштабom. *Внешний масштаб* — число языковых личностей, для которых когнитивная совокупность является общей. При этом КБ не всегда однозначно шире коллективного когнитивного пространства, так как последнее может охватывать представителей нескольких различных национально-лингво-культурных сообществ. *Внутренний масштаб* — «охват» совокупности знаний и представлений как таковой, ее наполнение. При этом можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что когнитивная база в любом случае «меньше» индивидуального когнитивного пространства. Уверенность эта коренится в следующем. С одной стороны, в когнитивную базу входят не все культурные феномены, а только инварианты восприятия оных, сама же КБ есть необходимо обязательный минимум знаний, совокупность национально-детерминированных и минимизированных представлений, она представляет собой общую часть, зону пересечения совокупностей знаний и представлений всех входящих в то или иное национально-лингво-культурное сообщество. С другой стороны, индивидуальное когнитивное пространство обязательно включает в себя не только элементы когнитивной базы, но и элементы коллективных когнитивных пространств, а также индивидуальные знания и представления самой личности, которые не всегда совпадают с коллективными (социумными или национальными).

Русское культурное пространство в силу своей природы по *внешнему масштабу* соотносится с когнитивной базой, поскольку оно и есть определенная «увеличенная проекция» последней, оно представляет собой совокупность всех когнитивных пространств, ядром которой является когнитивная база, и, будучи

русским культурным пространством, оно, естественно, представляет собой форму существования культуры в сознании представителей русского национально-лингво-культурного сообщества. По *внутреннему масштабу* русское культурное пространство, будучи *пространством*, соотносимо с когнитивными пространствами же (индивидуальным и коллективным), т. е. оно включает в себя не только необходимо обязательные знания и минимизированные представления — инварианты восприятия прецедентных феноменов, являющиеся элементами когнитивной базы, но и все элементы всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств всех представителей русского национально-лингво-культурного сообщества.

КОММУНИКАЦИЯ (ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И СТРУКТУРАЦИЯ)

Эта глава книги посвящена вопросам, связанным с проблемами человеческой речевой коммуникации, так как именно в процессе коммуникации происходит социализация (и инкультурация, если выделять это понятие) индивида и становление личности. И именно в коммуникации человек говорящий проявляет себя во всех своих ипостасях и реализует себя как (языковая) личность. Те, кто имел возможность познакомиться с моими предыдущими работами, пожалуй, найдут в этой главе много того, о чем они уже читали. Но тем не менее, я решилась на такой весьма неоднозначный шаг (повторить уже опубликованное), ибо уверена, что, не представив общего понимания того, что есть коммуникация, невозможно говорить о дискурсе, о его национально-культурной составляющей и о тех «опасных зонах», которые и свидетельствуют в пользу «своего» и выдают «чужого».

РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Противопоставление языка и речи можно найти в работах представителей разных школ и направлений и имеет свою богатую историю: это и идеи младограмматиков, социологов, и труды Ф. де Соссюра, А. Гардинера, Л. В. Щербы, и исследования психологов и психолингвистов. Не имея возможности подробно излагать основные существующие точки зрения (поскольку это требовало бы отдельного большого разговора), остановлюсь лишь на тех взглядах и идеях, которые оказали основное влияние на формирование предлагаемой концепции.

Итак, основополагающее разграничение языка, языковой способности, речевой деятельности и речи мы находим в трудах Ф. де Соссюра (об этом мы более или менее подробно говорили при обсуждении феномена языковой личности). В статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», которая впервые была опубликована в 1965 г., Л. В. Щерба выделяет три аспекта языковых явлений [Щерба 1965; 1974]:

1. *речевая деятельность* — процессы говорения и понимания;
2. *языковые системы* — словари и грамматики языков (выводятся на основании всех актов говорения и понимания, которые имеют место в определенную эпоху жизни некоторой общественной группы);

3. *языковой материал* — совокупность всего того, что говорится и понимается такой группой.

Речевая деятельность обуславливается сложным *речевым механизмом* — речевой организацией человека, который есть психофизиологическая организация индивида. Кстати, А. А. Залевская считает, что, поскольку речевая организация есть фактор, обуславливающий и речевую деятельность, и ее проявления в языковом материале и в языковой системе, то следует говорить не о трех, но о четырех аспектах языковых явлений [Залевская 1977; 1999]. (Нельзя не признать, что эти положения Щербы, с одной стороны, соотносимы с некоторыми постулатами современной ПЛ, а с другой — в них заложены концептуальные идеи, разрабатываемые и развиваемые современной дискурсивной лингвистикой.)

В работах психологов также представлено разграничение речевой деятельности, речевых актов, языковых средств и языковой структуры (Карл Бюлер); речевой деятельности как функции, «языка» как системы, говорения как речевого произведения и «речи» как речевого механизма (А. Делакруа). В целом наиболее важной для психологов является оппозиция механизм/процесс [Леонтьев 1969; 22 и далее]. При этом речь понимается как «применение языка в процессе общения», но сама речь не является «простой манифестацией языка, она имеет собственную структурную и функциональную специфику» [Жинкин 1958: 13, 21].

Современные психологи, психолингвисты и лингвисты, вслед за Л. С. Выготским и А. Н. Леонтьевым, рассматривают речевую деятельность как один из видов деятельности как таковой. Но что есть деятельность? В психологии деятельностью называются «только такие процессы, которые, осуществляя то или иное отношение человека к миру, отвечают особой, соответствующей им потребности» (например, запоминание) и которые характеризуются психически тем, что то, на что направлен данный процесс в целом (его предмет), всегда совпадает с тем объективным, что побуждает субъекта к данной деятельности, то есть мотивом [Леонтьев 1972: 509—510]. Психолингвисты понимают речевую деятельность как «единство общения и обобщения, которое можно представить как одновременное осуществление в речевой деятельности нескольких *функций языка*» [Леонтьев 1969; 31], как «особым образом организованную активную и целенаправленную деятельность человека, регулируемую некоторой системой мотивов» [Гридин 1975: 56].

«Речь встраивается в другую деятельность и существует как "самодовлеющая" активность, субъективно реализуемая ради нее самой. Она существует одновременно как средство достижения неречевых целей и как самоцель. Речь есть одновременно орудие деятельности и деятельность» [Пименов 1975: 33]. Ср.: «Речь — это инструмент, наиболее приспособленный для развития мысли» [Бутон 1984: 320]. Более того, речь — это еще и «средство регуляции поведения других людей, целиком подчиненное задачам информирующего», из чего следует, что речь может выступать в двух функциях: инструментальной и символической [Тарасов 1973: 39—40]. «Речевое поведение — последовательный (серийный)

процесс, в котором задаются генерализованные схемы действия, т. е. постоянные модули речевого выражения, которые и определяют последовательность специфических актов (речевых высказываний). Такие акты сами по себе и по своим ассоциациям, наверное, не имеют временной соотнесенности» [Титоне 1984: 348].

Насколько же речевое поведение спонтанно или прогнозируемо? Носит ли речевая деятельность абсолютно творческий характер или она предполагает постоянное воспроизведение предшествующего опыта, так сказать, «цитирования по памяти»? Существуют две диаметрально противоположные точки зрения. Один «полюс» представлен исследователями, считающими, что осуществлять речевую деятельность — это значит постоянно продуцировать и интерпретировать новые высказывания, которые говорящий (воспринимающий) никогда не слышал раньше. В соответствии с этой точкой зрения, речевая деятельность является творческим процессом, по выражению И. И. Ильсова и Т. В. Рябовой, «создания уникальных комбинаций единиц речи», т. е. деятельности, которой нельзя обучить в строгом смысле этого слова [Негневицкая 1975: 131]. Другой «полюс» представлен, например, работами Б. М. Гаспарова, который считает, что в основании мнемонического владения языком лежат коммуникативные фрагменты (КФ), т. е. «отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний». «КФ — это целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как *целое* в высказываниях, поступающих к нему извне» [Гаспаров 1996: 117, 118 и далее] (выделено мною. — В. К.). Основываясь на факте своего «личного языкового мира», Б. М. Гаспаров выдвигает тезис о том, что языковая память выносит те или иные коммуникативные фрагменты на поверхность сознания, поскольку в своем предыдущем языковом опыте человек либо сам употреблял их в своей речи, либо встречал в устных или письменных текстах, с которыми ему приходилось соприкасаться [Там же: 118]. Следовательно, «вся наша языковая деятельность — и создаваемая, и воспринимаемая нами речь — пронизана блоками-цитатами из предшествующего языкового опыта» [Там же: 119]. Схожие идеи высказывает и Ю. Н. Караулов: «... я утверждаю со всей определенностью, что синтаксемы, зафиксированные в парах S — R, не являются результатом порождения, *не возникают в акте творения*, творческого созидания словосочетания именно на данный случай, а *воспроизводятся* спонтанно и бессознательно подобно любой другой целостной единице (штампу, идиоме, афоризму) в том виде, как они неоднократно употреблялись ранее в текстах данной языковой личности или ее референтной группы. Таким образом, в актах обычной, нормальной коммуникации, если только у нас нет специальной установки на творчество, на отказ от привычного и обычного, мы *оперируем автоматизмами* — готовыми формулами и рутинными

оборотами, постоянно "*цитируя себя*", если воспроизведенную из собственных прежних текстов синтаксему или словосочетание позволено будет назвать "цитированием"» [Караулов 1996: 73] (выделено мною. — В. К.). Иначе говоря, язык есть некий ментально-лингвальный аналог небезызвестной игры «Lego», а наша речевая деятельность заключается в том, чтобы из уже существующих «деталей» создать «новый» предмет. Таким образом, творчество в процессе речепо-рождения ограничивается тем, что из некоторого изначально имеющегося «набора» выбираются те или иные «детали», которые «компонуются» в том или ином порядке.

Вместе с тем, ряд лингвистов не занимает в этом вопросе столь полярные позиции и высказывает менее категоричное, менее радикальное мнение, видя в процессе даже повседневной коммуникации две стороны «медали» — «цитирование» и творчество: «Речевая деятельность человека строится главным образом на использовании *готовых* коммуникативных единиц. Формируя высказывания, мы обязательно прибегаем к схемам, шаблонам, клише. А без овладения жанрово-ролевыми стереотипами общения, в которых языковые единицы достаточно прочно увязаны с типическими ситуациями, взаимодействие языковых личностей было бы затруднено. И все же, при справедливости приведенных рассуждений, допустимо говорить и об эстетических элементах обыденной каждодневной коммуникации. Своеобразие живого разговорного общения как раз состоит в том, что трафаретность и шаблонизация сочетается в нем с отчетливо выраженной установкой на творчество» [Горелов, Седов 1997: 137—138].

Что касается моих взглядов на данную проблему, то они не столь категоричны и близки последней точке зрения. С одной стороны, проведенное исследование того фрагмента языкового сознания, который связан с прецедентными феноменами и стереотипами, показало, что, действительно, существует целый ряд феноменов, которые могут быть описаны как фрейм-структуры сознания и, в определенном смысле, не столько производятся в речи каждый раз заново, сколько «воспроизводятся». Но, с другой стороны, даже воспроизводя «старое», мы каждый раз создаем «новое» — как в известном примере М. В. Панова: фонема <a> никогда не может быть представлена *одним и тем же* реализующим ее звуком [a], даже если этот звук будет произносить один и тот же человек, поскольку каждый раз звук [a] будет разным. Таковую же картину мы имеем, и когда говорим о некоторых «воспроизводимых» единицах иной природы: во-первых, сама единица может подвергаться некоторой трансформации, а во-вторых, в коммуникации я каждый раз порождаю и воспринимаю *абсолютно новый текст*, так как текст есть единица дискурса, дискурс же представляет собой компонент ситуации (об этом мы подробно поговорим в последующих главах), а ситуация никогда не бывает одной и той же. И в этом смысле даже «цитирование», «воспроизведение» (хотя, мне кажется, эти слова надо понимать все-таки скорее метафорически, нежели в прямом смысле) носит творческий характер. И речевая деятельность как таковая — процесс тоже безусловно творческий.

Поскольку «деятельность человека включена в *общение* даже в тех случаях, когда внешне он остается один» [Леонтьев 1961: 14], мы переходим к рассмотрению такого феномена, как коммуникация¹.

КОММУНИКАЦИЯ

«Коммуникативную деятельность следует понимать как совокупность, в конечном итоге, социально-исторически детерминированных человеческих действий, включающих производство и восприятие речевых высказываний, являющихся результатом и выражением происходящих в сознании процессов, и для реализации которых необходима система физиологических процессов» [Хартунг 1973: 7—8]. Коммуникативная деятельность всегда является только одним из компонентов в совокупности различных видов деятельности и, будучи включенной в данную совокупность, коммуникативная деятельность связана с мотивами и целями той деятельности, которая в конкретном случае явилась причиной возникновения коммуникации [Там же: 9, 11]. Ср. с идеями Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьева, которые считают, что речевые действия развертываются только в совместной неречевой деятельности людей, и их смысл может быть адекватно понят лишь в структуре неречевой деятельности [ППМК 1974: 83]. При этом коммуникативная и умственная деятельности связаны отношениями взаимного проникновения: коммуникативная деятельность появляется или как результат или как исходная точка умственной деятельности [Хартунг 1973: 10].

Общение, или коммуникация, — одна из сторон взаимодействия людей в процессе их деятельности [ППМК 1974: 28]. Общение есть необходимое и специфическое условие жизни человека в обществе [Леонтьев 1961: 14]. Общение начинается с того, что человек испытывает какую-либо потребность, обычно лежащую за пределами собственно общения, в сфере той деятельности, которую это общение обслуживает [ППМК 1974: 31]. Для психологов, психолингвистов «общение есть одновременно отношение, деятельность и процесс» [Брудный 1972, 3; 1972, 228]. Общение «провоцируется» проблемной ситуацией [ППМК 1974: 32]. Общение в психологическом смысле всегда есть процесс решения коммуникативной задачи [Там же: 32]. Коммуникативная задача «связана с ориентировочно-планирующей деятельностью субъекта общения» [Аврамченко et al. 1976: 106]. Однако наряду с коммуникативной задачей необходимо исследовать *перцептивную задачу*, опосредующую процесс восприятия речи, ибо данный процесс в большинстве своем также целенаправлен, избирателен и ситуативно обусловлен, так как общение имеет двусторонний характер, а значения порождаемого и воспринимаемого сообщения в психологическом смысле разнятся;

¹ Отмечу, что для меня термины «общение» и «коммуникация» в принципе синонимичны. Использование разных терминов продиктовано соображениями скорее стилистическими, нежели содержательными.

соответственно, перцептивная задача решается «в той или иной зависимости от оценки реципиентом конкретно-данной ситуации и своего места в ней» [Там же: 104, 106].

Коммуникация — одна из форм всеобщей связи между явлениями, а именно — направленная связь [Брудный 1972: 5; 1972: 71], которая выражается в передаче сигналов (последнее не обязательно осознанный, осмысленный процесс) [Брудный, Шукуров 1977: 26]. В рамках теории коммуникации общение есть процесс циркуляции информации в обществе [Брудный 1972: 6]. На основании «точной адресованности» сообщения выделяются коммуникации аксиальная (точно адресованная) и ретиальная (например, в средствах массовой коммуникации) [Брудный, Шукуров 1977: 28]. Авторы цитируемого сочинения выделяют три функции коммуникации: 1) активизационная (побуждение к действию в определенном, осознанном направлении; например, приказ, девиз); 2) интердиктивная (функция запрещения); 3) дестабилизирующая (например, угроза, проклятие) [Там же: 29—30].

Общение — это взаимодействие на основе взаимного психологического отражения [Платонов 1973: 28]. Исходя из того, что «слово — это не только выражение понятий, но и способ вызывания мыслей, эмоций, образов и ассоциаций», К. К. Платонов выдвигает тезис о том, что в любом словесном общении реализуются все четыре функции слова, но доминирование каждой из них определяет четыре типа общения: (1) интеллектуальное; (2) эмоциональное; (3) образное и (4) ассоциативное словесное общение [Там же: 28].

С позиций конструктивизма коммуникация рассматривается как «одна из частных категорий социальной интеракции», «где в фокусе координации оказываются коммуникативные интенции, так как именно интенции являются отправным пунктом всего процесса общения, выражая внутренние состояния людей. Вывод: в коммуникации стратегии каждого индивида направляются как его собственным внутренним состоянием, так и представлением о внутренних состояниях других. Коммуникация характеризуется намерением каждого участника выразить "Я", признанием Другими этого намерения, организацией действий (индивидуальных актов) и взаимодействия (социальной интеракции) в соответствии с этими взаимонаправленными интенциями» [Макаров 1998: 42]. Таким образом, с указанных позиций коммуникация представляет собой «частный случай интеракции, опирающейся на интерпретацию, предполагающей координацию действий во взаимодействии, а также удовлетворяющей потребности выражения внутренних состояний» [Там же: 42].

Взаимодействие личностей не беспорядочно, а системно. В общении личности реализуют социальные отношения, которые накладывают ограничения на актуальное поведение, организуют его системно [Тарасов 1973: 42]. В целом «речевые действия совершаются в структуре специфической деятельности — в структуре *социального взаимодействия*», ибо само межличностное общение есть «деятельность, создающая предпосылки усвоения социального опыта в форме зна-

чения языковых знаков», следовательно, общение носит сугубо социальный характер [Тарасов 1975₁: 144, 143]. По определению Г. В. Колшанского, коммуникация есть не что иное, как перенос информации в человеческом коллективе, т. е. в итоге коммуникация — реализация общественного характера сознания [Колшанский 1984: 89]. С позиций социального конструкционизма, коммуникация представляет собой первичный социальный процесс [Cronen 1996; Shotter, Gergen 1994: 14—24] (более подробно см., например, [Макаров 1998: 44—45]).

Итак, коммуникация включена в социальные отношения общающихся, это — две неразрывные стороны речевого взаимодействия. При контакте личность входит в систему социальных отношений, следовательно, деятельность оформляется по некоторым правилам, реализующим данные отношения. Правила социального взаимодействия, трансформировавшись в социогенные компоненты психики личности (сформировавшиеся в ходе социализации личности) обуславливают деятельность в соответствии с социальными правилами (ролевыми предписаниями, которые понимаются как социальные нормы) уже независимо от ее произвола. Психика личности, сформировавшись в процессе социализации под влиянием усвоения социального опыта общества, является каналом социальной регуляции и устраняет, хотя и не полностью, произвол коммуникантов в выборе альтернативных языковых средств. Каналом социальной регуляции взаимодействия, независимой от произвола коммуникантов, является сама социальная деятельность, обуславливающая в свою очередь регулятивный характер психики личности [Тарасов 1975₁: 144—145]. Таким образом, «при речевой деятельности условия деятельности — это не только технологические условия, *асоциальные правила социального взаимодействия личностей*», что связано с тем, что речевая деятельность личности «по своей природе изначально контролируется присутствием собеседника (так как речевое сообщение в нормальном случае всегда имеет адресата)» (речевая деятельность в таком понимании является объектом теории речевой коммуникации) [Там же: 139].

Вспомним в связи с этим слова Л. Блумфилда о том, что «речевой акт (и, как мы увидим дальше, его воплощение в слове), а также весь ход практических событий до и после речи зависят от всей истории жизни говорящего и слушающего» [Блумфилд 1968: 37], т. е. «от психосоциальных факторов, которые определяют отношения между говорящим и слушающим» [Пименов 1975: 36—37]. При этом для общения крайне важна корректировка с ориентацией на реципиента, «обратная связь наиболее четко и полно проявляется в диалоге, когда... говорящий постоянно ориентируется на слушающего, контролирует его реакцию и на основании этого регулирует свое речевое поведение» [Мигачев 1975: 201] (см. также последовательные этапы при решении коммуникативной задачи, в число которых входит контроль эффективности через обратную связь [ППМК 1974: 33]; о том же писали и многие психологи).

Как видим, многие исследователи настойчиво подчеркивают социальный характер коммуникации: «коммуникация есть не только и не столько взаимо-

действие людей в обществе, но и — прежде всего — людей как *членов общества*» [Леонтьев 1972, : 20]. Более того, А. А. Леонтьев полемизирует с коллегами, которые понимают коммуникацию «как простую "передачу" информации от одного индивида к другому или, что то же, как обмен такой информацией», ибо общение «как система целенаправленных и мотивированных процессов, обеспечивающих взаимодействие людей в совместной деятельности, процессов, актуализирующих социальные отношения и индивидуально психологические взаимоотношения и использующих для этого специфические средства, прежде всего языковые», есть процесс внутренней саморегуляции общества или другой социальной группы и «лишь вторично межиндивидуальный процесс» [Леонтьев 1996: 42—43]. Нельзя не согласиться с идеей исследователей, что общение носит сугубо социальный характер и происходит между личностями, т. е. индивидами, прошедшими процесс социализации — «вращения» (по А. Н. Леонтьеву) ребенка в общество.

ЦЕЛЬ КОММУНИКАЦИИ

Коммуникация, как всякая деятельность, имеет свои мотивы и цели. Ряд исследователей считает, что целью коммуникации является воздействие (см., на» пример, утверждение о том, что акт общения — это всегда психологическое воздействие [ППМК 1974: 34], или тезис о том, что основная цель коммуникации — эффективное речевое воздействие [Каспранский 1986: 150]). Сама же коммуникация при таком подходе может определяться как «столкновение семантических структур» [Назаретян, Розов 1978: 73]. И следовательно, продуцирование любого текста (а именно посредством текстов и осуществляется человеческая вербальная коммуникация) преследует цель преобразования некоторого более или менее конкретного адресата, образы исходного и искомого состояния которого неизбежно присутствуют в совокупной модели среды источника, составляя основную часть содержания текста и определяя его форму. То есть генетически и фактически исходная фундаментальная функция сообщения — целенаправленное преобразование сознания адресата, и именно этой задаче (независимо от степени осознания ее коммуникатором) подчинены номинативная, экспрессивная и прочие функции текста [Там же: 72—73]. Для того чтобы понять условия и причины успешного воздействия, авторы [ППМК 1974] вводят понятия «поле значений» и «смысловое поле». Итак, «поле значений», присущих тому или иному индивиду, есть структуризация присвоенного им общественного опыта, т. е. та «сетка», та система категорий, с помощью которой он этот мир расчленяет и интерпретирует [Там же: 35]. Однако, на мой взгляд, в данном случае не учитывается личный опыт «индивида» (языковой личности): если бы имел место только общественный, социальный опыт, то «сетки» у всех представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества (или, как минимум, того или иного социума в рамках такового) были бы одинаковы и коммуникация, по

мнению Ю. М. Лотмана, была бы невозможна. Вместе с тем, нельзя не признать, что как система координат, задающая систему оценок, это понятие «работает»; и в этом смысле оно в некоторой степени близко понятию «когнитивная база», представленному в предыдущей главе (близко, но не тождественно — sic!). Что касается понятия «смысловое поле», то оно трактуется как «структура отнесенности значений к выраженным в них мотивам; включенность значений в иерархию деятельностей индивида» [Там же: 36] (это некоторым образом соотносимо с нашим понятием «индивидуального когнитивного пространства»). Исходя из общего представления о разграничении значения (как достояния общества) и смысла (как сугубо индивидуальной категории), авторы указанного сочинения делают вывод о том, что поле значений есть абстракция от смыслового поля. Оно представляет собой совокупность общих для всех членов данной социальной группы характеристик смыслового поля, которые как бы «выносятся за скобки». Следовательно, речевое воздействие в психологическом плане состоит в том, что на основе моделирования смыслового поля реципиента (по сути — двойного моделирования: наличного и желаемого состояния этого смыслового поля) и на основе знания о правилах оптимального перевода смыслового поля в значения говорящий кодирует желаемые изменения в смысловом поле реципиента в виде языкового (речевого) сообщения. Реципиент, воспринимая данное сообщение, декодирует его и «извлекает» из него скрытую за внешним планом (планом значений) глубинную информацию, которая обуславливает реальное или потенциальное изменение его деятельности. При этом в звене говорящего происходит переход от simultанности (одновременности) к сукцессивности (последовательности), а в звене реципиента — обратный переход от сукцессивного, линейного речевого сообщения к simultанному представлению его содержания [Там же: 36, 39—40].

Изложив вкратце некоторые взгляды ученых на природу и цели коммуникации, предложу свое определение коммуникации. Итак:

человеческая коммуникация есть процесс взаимодействия двух или более языковых личностей с целью передачи/получения/обмена информацией, т. е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности.

Поскольку под коммуникацией понимается процесс передачи/получения/обмена информацией, то число коммуникантов всегда больше или равно двум.

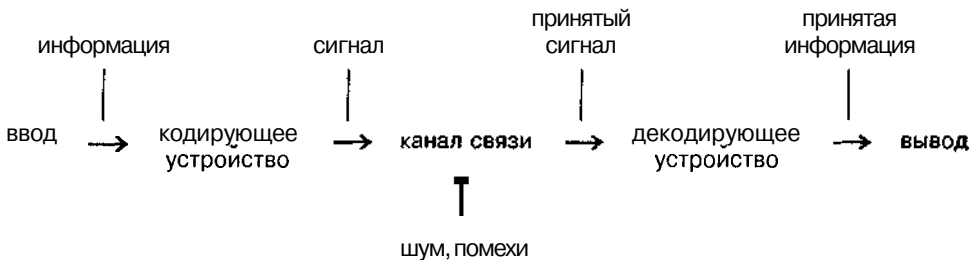
² Под предлагаемое определение подпадают и случаи вербализуемой внутренней речи, монологической автокоммуникации, если рассматривать данные случаи как «внутренний» разговор с предполагаемым собеседником или реальным партнером, в том числе и «общение» человека с самим собой, со своим alter ego. Однако в этом случае имеется целый ряд особенностей (обусловленных в первую очередь спецификой самой внутренней речи), которые не позволяют однозначно считать или не считать подобное «общение» таковым в прямом смысле этого слова. (Ср. с уже процитированной нами идеей А. Н. Леонтьева о постоянной включенности человека, его деятельности в общение [Леонтьев 1961: 14].)

При этом коммуникация для меня — это не только сиюминутный акт общения, когда процессы порождения и восприятия практически одномоментны, но и общение, когда восприятие дистанцировано от порождения во времени и пространстве (например, личная переписка). Таким образом, канал передачи информации (устная или письменная форма общения) оказывается при таком подходе нерелевантен, хотя, справедливости ради отмечу, что для тех случаев коммуникации, которые анализируются в настоящем исследовании, очевиден примат устной формы. Художественную или, скажем, научную литературу я принципиально не рассматриваю, так как в этих сферах действуют, со всей очевидностью, свои, во многом отличные и специфические законы.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ И ЕГО СТРУКТУРА

В лингвистической литературе, посвященной анализу общения, представлены три основные модели коммуникации: кодовая модель, инференционная модель и интеракционная модель (см. обзор литературы в [Макаров 1998: 22—29]).

Кодовая модель коммуникации предстает в следующем виде:

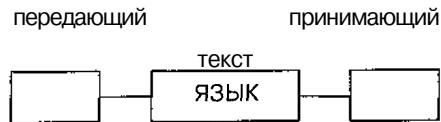
Данная модель (представленная в том или ином виде) рассматривается, например, в работах [Shannon, Weaver 1949; Богушевич 1985; Каменская 1990; Гойхман, Надеина 1997]. Данная модель демонстрирует возможность воспроизведения информации на другом конце цепочки благодаря процессу коммуникации, осуществляемому посредством преобразования сообщения, неспособного самостоятельно преодолеть расстояние, в сигналы кода, которые можно транслировать. Однако эта модель не смогла адекватно описать реальные процессы коммуникации на каком-то естественном языке, так как понимание предполагает не только декодирование, но и нечто большее [Макаров 1998: 22, 23].

Инференционная модель коммуникации [Grice 1971, 1975, 1978, 1981; Bach, Harnish 1979; Sperber, Wilson 1995], в отличие от кодовой модели (где участники, сообщение и сигнал связаны симметричным отношением кодирования и декодирования), в качестве функционального основания имеет принцип выводимости знания. Иницирует общение желание личности не передать информацию, но сделать интенции понятными другим. Речевые средства для выражения намерений — высказывания. Их содержание не ограничено (в отличие от кодо-

вой модели) репрезентативными сообщениями о положении дел, они могут выражать, например, эмоции. Интенции сами по себе совсем не пропозициональны, по своей природе они сродни установкам или мотивам, но содержание высказываний пропозиционально. Интенции определяют, как должно пониматься данное пропозициональное содержание. Сюда относятся и те случаи, когда в сообщении отсутствует пропозициональное содержание и она не использует никакого кода [Макаров 1998: 24]. Анализируя данные модели, М. Л. Макаров делает вывод о том, что ни информационно-кодовая, ни инференционная модель, отдельно взятые, не могут объяснить феномена языкового общения [Макаров 1998: 25].

Интеракционная модель коммуникации [Schiffirin 1994] предполагает анализ речевого взаимодействия с учетом социально-культурных условий коммуникации. Общение, с точки зрения данной модели, может состояться независимо от того, намерен ли говорящий это сделать и рассчитано ли данное высказывание на восприятие слушающим. Оно происходит не как трансляция информации и манифестация намерения, но как демонстрация смыслов, не обязательно предназначенных для распознавания и интерпретации реципиентом. Практически любая форма поведения: действие, бездействие, речь, молчание — в определенной ситуации может оказаться коммуникативно значимой. Данная модель предполагает ситуативную привязанность речи, что выражается в использовании широкого социально-культурного контекста [Макаров 1998: 26, 27].

Возрастающий интерес к феномену языковой личности привел к тому, что «полюсы» «ставшей уже традиционной модели коммуникации, типа:

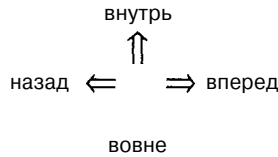

усовершенствованной Р. О. Jakobsonом» [Jakobson 1960: 12], и легшей «в основу всех коммуникационных моделей» [Лотман 1992: 12], привлекают все большее и большее внимание исследователей. Вспомним в связи с этим коммуникативную модель [Комлев 1992: 21], «полюсы» которой представлены *сознанием* говорящего (на «входе») и *сознанием* слушающего (на «выходе»). В указанных моделях коммуникация рассматривается как триединство: порождение—речь—восприятие, — каждое звено которого равно значимо и равно важно.

В центре этой триады стоит речь, что закономерно, ибо «речь — это вид межчеловеческой коммуникации» [Розеншток-Хюсси 1994: 49]. Речь есть деятельность (о чем писали Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев и другие), которая осуществляется посредством общения [Каримова 1991: 31]. Деятельность же есть «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование» [БСЭ 1972, т. 8: 180—181]. Таким образом, современный исследо-

ватель оказывается перед необходимостью изучения «совмещенной» реальности, где вербальные феномены существуют в невербальном мире как его часть, а невербальный мир отражается в зеркале вербальности. В связи с этим мне представляется актуальным включать в исследование не только «учет всех аспектов механизма порождения, начиная с этапа мотивации», который является обязательным в советской психолингвистике [Красиков 1990: 18] (что отличает оную от многих исследований западных ученых), но и рассмотрение всего спектра факторов, «провоцирующих» порождение речи и обуславливающих ее восприятие и понимание. Иначе говоря, в центр внимания должен быть поставлен коммуникативный акт во всем многообразии своих проявлений. (В скобках замечу, что в современной лингвистике термин «коммуникативный акт» понимается очень широко: от обмена текстами, произнесенными устно или написанными в принятой языковой системе [Смирнов 1986: 17], до ролевой ситуации, в которой роли регламентированы социальной и национально-культурной средой, регулирующей с помощью языковых и неязыковых стереотипов иерархию мотивов и, соответственно, личностных смыслов коммуникантов [Рыжков 1985: 20]).

Коммуникация (общение) есть процесс, разворачивающийся во времени и пространстве. «Всякий раз, когда мы говорим, мы утверждаем себя в качестве живых тем, что занимаем центр, из которого глаз смотрит назад, вперед, внутрь и наружу. Говорить — значит находиться в центре креста реальности:

Четыре стрелки указывают четыре направления, от которых не уйти никакому живому существу. Человек, беря слово, занимает свою позицию во времени и пространстве. «Здесь» он говорит в направлении из мира, что находится снаружи, в свое собственное сознание. А «теперь» он говорит в промежутке между началом времен и их концом»³ [Розеншток-Хюсси 1994: 55—56]. Ср.: «Во времени текст воспринимается как своего рода стоп-кадр, искусственно застопоренный момент между *прошедшим* и *будущим*. Отношение прошедшего и будущего не симметрично. Прошедшее дается в двух его проявлениях: *внутренне* — непосредственная память текста, воплощенная в его внутренней структуре, ее неизбежной противоречивости, имманентной борьбе со своим внутренним синхронизмом, и *внешне* — как соотношение с внетекстовой памятью» [Лютман 1992: 27] (выделено мною. — В. К.).

³ О нарушении «постулата нормального общения», об отсутствии связи между словом и денотатом, об освобождении от законов языка при обозначении места и времени, т. е. о «данных с обратным знаком», которые **позволяют увидеть реальный мир, см.** [Ревзина 1978; Ревзина. Ревзин 1971].

Любой процесс в той или иной степени поддается сегментации. Коммуникация также позволяет проводить определенное разграничение внутри себя. Таким сегментом коммуникации, фрагментом общения может быть признан *коммуникативный акт*.

Оговорюсь сразу, что в данном случае «акт» понимается скорее в «театральном» смысле: как некое действие, происходящее в определенный момент в определенном месте, на пересечении осей пространства и времени, это некая «сцена» из жизни, в которой действуют персонажи⁴. И в связи с этим сделаем необходимое уточнение: коммуникативный акт и речевой акт — явления разные. Известная, доказавшая собственную состоятельность и давшая интереснейшие результаты теория речевых актов (J. L. Austin, J. R. Searle, J. Barwise, J. Perry, N. Fotion, E. В. Падучева, Е. Э. Разлогова и др.) рассматривает в первую очередь отдельные речевые действия (слово «акт» в названии данной теории является, на мой взгляд, калькой с английского языка, в котором «act» значит «действие»). См.: «Внимание исследователей речевых актов было направлено преимущественно на *реплики-стимулы* и их коммуникативные цели. Исключение составляют *ответы*, изучаемые обычно в рамках вопросно-ответных единств. [...] По мере развития теории текста речевые акты стали описываться с учетом их места в том или ином типе дискурса. Однако и здесь в фокусе оставались инициальные *реплики*. Зависимое положение и предсказуемость вторых *реплик* всегда оттесняли их на периферию» [Аругюнова 1998: 660—661] (выделено мною. — В. К.). Речевой акт понимается как коммуникативное *действие*, структурная единица языковой коммуникации, *дискретно* выделяемый *такт*, *квант* дискурса [МЯДИС 1987: 10, 17,41].

В центре же нашего внимания сейчас стоит фрагмент коммуникации более, так сказать, крупный. Ядром такого фрагмента является текст, который может быть представлен монологом, диалогом или полилогом. И следовательно, теория речевых актов применима в нашем случае в весьма ограниченном виде (только при рассмотрении отдельных речевых действий, входящих в анализируемый текст).

Коммуникативный акт — единица реальная и в то же время условная. Парадоксальность такого положения дел обуславливается тем, что, с одной стороны, коммуникация, будучи процессом, обладает таким свойством, как членимость, но с другой — границы такой единицы подвижны, субъективны и в достаточной степени размыты. Вместе с тем, я полагаю возможным не только утверждать само существование такой единицы, но и рассматривать ее составляющие и компоненты, определить ее специфику и — в дальнейшем — выявить относительную типологию коммуникативных актов.

⁴ Ср.: «... лингвистика скучна постольку, поскольку ее не занимают секреты *использования* имен и *ответное реагирование*. [...] Имена и ответы помещают сиюминутное усилие *двух* говорящих в один ряд со *всеми* подобными усилиями, которые производились когда-либо перед тем и будут производиться когда-либо после» [Розеншток-Хюсси 1994: 51] (выделено мною. — В. К.).

Итак, коммуникативный акт есть, говоря словами О. С. Ахмановой, «функционально цельный» [Ахманова 1957: 13] фрагмент коммуникации. Каждый коммуникативный акт имеет два «плана», две составляющих: ситуацию и дискурс, — которые представляют собой как бы две стороны одной медали.

Ситуация — фрагмент объективно существующей реальности, частью которой может быть и вербальный акт.

Дискурс — вербализованная речемыслительная деятельность, включающая в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты. (Ср.: Дискурс — «это сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие» [Каримова 1991: 8].)

Можно выделить четыре компонента и, следовательно, четыре аспекта каждого коммуникативного акта (см. схему 4):

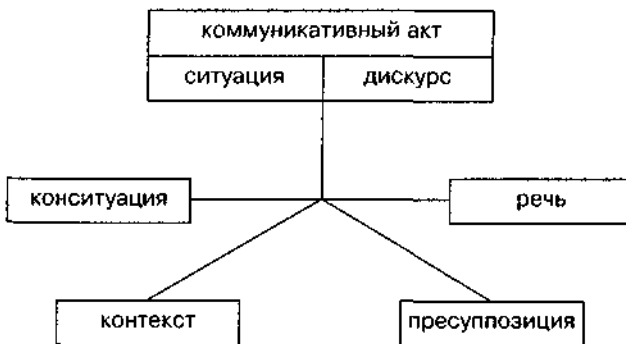
(1) экстралингвистический аспект; *конситуация* — объективно существующая собственно экстралингвистическая ситуация общения; условия (в самом широком смысле) общения и его участники (т. е. кто, что, где, когда);

(2) семантический аспект; *контекст* — имплицитно или эксплицитно выраженные смыслы, реально существующие, являющиеся частью ситуации, отражающиеся в дискурсе и актуальные для данного коммуникативного акта;

(3) когнитивный аспект; *пресуппозиция* — зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств (фондов знаний) коммуникантов, включая и представления коммуникантов о конситуации⁵;

(4) (собственно)лингвистический аспект; *речь* — продукт непосредственного речепроизводства, то, что продуцируют коммуниканты.

Схема 4. Структура коммуникативного акта

⁵ Ср.: «... глубинное изучение речевого поведения, обязательно включающего в себя использование семантических значений, возможно только на основе *познавательной теории*. Если язык не сводится к простому набору речевых форм, но включает в себя намерения кодификатора и восприятие декодификатора, то отсюда следует, что при объяснении речевого поведения нельзя обходить стороной или не учитывать процессы и содержание познания» [Титоне 1984: 342].

Конситуация и речь эксплицитно присутствуют в любом коммуникативном акте, представляя собой, так сказать, «поверхностные компоненты» его структуры. Можно с большей или меньшей долей уверенности сказать, что именно они (конситуация и речь) будут играть определяющую роль при выявлении границ и специфики того или иного коммуникативного акта. Пресуппозиция и контекст, будучи имплицитно представлены в коммуникативном акте, являют собой его «глубинные компоненты» и образуют некий макрокогнитивный пласт. Этот своего рода «теневого кабинет» будет участвовать в определении границ и специфики коммуникативного акта опосредованно: через речь, в ней проявляясь и на нее влияя.

Остановимся на указанных компонентах чуть подробнее.

Конситуация важна для нас постольку, поскольку знания и представления о ней (т. е. где, когда, с кем и почему я говорю) так или иначе влияют на процесс коммуникации. Очевидно, что в процессе общения коммуниканты постоянно получают новую информацию о ситуации, дополняющую те знания, которые каждый коммуникант «получает» после первоначального «сканирования» конситуации, в которой протекает или должна протекать коммуникация⁶. Дальнейшие обращения в речи к имеющейся у каждого из коммуникантов информации базируются именно на этих сведениях. При этом такое обращение может осуществляться путем (а) непосредственной отсылки к конситуации или контексту (например, использование указательных или личных местоимений, апелляция к контексту-тени и т. д.) или (б) апелляции к пресуппозиции, зачастую через сравнение, сопоставление реальной ситуации с той, знания о которой входят в коллективное когнитивное пространство или когнитивную базу (т.е. с прецедентной ситуацией); например, обращение к знакомому, совершившему недостойный поступок: *Нучто, получил свои 30сребреников?*

Экстралингвистические условия общения, в которых происходит тот или иной конкретный коммуникативный акт, как правило, не меняются быстро, поэтому конситуация — достаточно константный, стабильный компонент коммуникативного акта.

Более пристального внимания заслуживает макрокогнитивный пласт коммуникации, представленный *пресуппозицией* и *контекстом*. Вкратце (пока) замечу, что эти термины по-разному понимаются и трактуются различными учеными (см., например, работы Сёрля, Чейфа, Лакоффа, Арутюновой, Падучевой и других).

О пресуппозиции мы будем говорить отдельно и достаточно подробно, пока же скажу только одно: *пресуппозицию* я понимаю как зону пересечения индивидуальных когнитивных пространств, актуализирующуюся в коммуникации, релевантную «здесь» и «сейчас».

⁶ Подобное «сканирование» является обязательным, так как прежде чем начать говорить или писать, автор должен «оценить» саму ситуацию, условия предстоящего общения.

Поскольку термин *контекст* также относится к числу популярных, думается, необходимо небольшое отступление, чтобы представить некоторые основные точки зрения на природу данного явления. Итак, основное деление может быть представлено следующим образом: *внешний контекст дискурса* — ситуация, тип деятельности, антропологические, этнографические, социологические, психологические, языковые и культурные переменные; *внутренний контекст дискурса* — ментальная сфера коммуникантов [Макаров 1998: 114]. Г. Парре выделяет пять теоретических моделей контекста [Parret 1983: 94—98]: 1) речевой контекст, или котекст; 2) экзистенциальный контекст (подразумевает мир объектов, состояний, событий, т. е. то, к чему отсылает высказывание в акте референции); 3) ситуационный контекст; 4) акциональный контекст (конституируется речевыми актами); 5) психологический контекст (включает ряд психологических и когнитивных категорий).

В рамках предлагаемой концепции выделяются три типа контекста⁷: 1) микроконтекст (эксплицитно содержится в микротексте, ближайшем речевом окружении), 2) макроконтекст⁸ (эксплицитно содержится в макротексте, отдаленном, дистанцированном речевом окружении) и 3) контекст-тень (имплицитно содержится в ситуации). Понимание контекста коммуникантом входит в его индивидуальное когнитивное пространство. Одинаковое понимание контекста коммуникантами является частью пресуппозиции. С другой стороны, сама пресуппозиция является частью контекста, актуализируясь в нем.

МАТРИЦА КОММУНИКАТИВНОГО АКТА

Непосредственное рассмотрение матрицы коммуникативного акта необходимо предварить следующим замечанием: я опираюсь на результаты исследований, представленные в работах различных исследователей, таких, как, например, Л. П. Якубинский, Р. О. Якобсон, Е. А. Земская, А. А. Леонтьев, И. А. Зимняя, Д. Н. Узнадзе, Т. В. Рябова, Р. А. Каримова и др., а также использую некоторые идеи, выработанные в процессе работы уже упоминавшегося семинара «Текст и коммуникация». Подчеркну еще раз, что в настоящей работе анализируются коммуникативные акты, в которых имеет место преимущественно устное общение, хотя под рассматриваемые случаи подпадают и обмен письменными сообщениями (в форме записок, факсов, писем и т. д.). Иначе говоря, ядром таких коммуникативных актов являются спонтанные речевые тексты.

Я считаю, что матрица коммуникативного акта может быть описана в терминах «составляющих», определенное сочетание «значений» которых и дает нам тот или иной вид конкретной матрицы конкретного коммуникативного акта.

⁷ Об этих типах контекста я писала в своей кандидатской диссертации, а также в ряде работ.

⁸ Следует отметить, что данный термин иногда используется для обозначения совершенно иного вида контекста, например: макроконтекст «для устноразговорной стилиевой сферы — это сама жизненная ситуация» [Авалиани 1974: 5].

Отмечу, кстати, что о структуре коммуникативного акта в связи с проблемой использования разговорной речи еще в 1978 г. писала Е. А. Земская [Земская 1978]. В указанной работе ученый приводит перечень компонентов коммуникативного акта, связанных с коммуникантами и с конситуацией. Данные компоненты имеют некоторые аналоги в предлагаемой мною матрице, но в целом, несмотря на определенную общность подходов, структура коммуникативного акта Е. А. Земской и «моя» матрица различны, так как они преследуют разные цели, что обуславливает разность параметров, поставленных во главу угла. Итак, список «составляющих», в рамках представляемой концепции, выглядит следующим образом:

конситуация

составляющие (параметры) I порядка

1 группа

- 1) контактное vs. дистантное общение
- 2) число коммуникантов:
 - а. «авторов» (реально и активно участвующих в общении)
 - б. реципиентов⁹

2 группа

- 3) профессиональная принадлежность и профессионально-интеллектуальный уровень коммуникантов
- 4) социальные роли коммуникантов
- 5) степень знакомства/интимности коммуникантов
- 6) официальность vs. неофициальность общения
- 7) стандартность vs. нестандартность обстановки общения
- 8) эмоциональное состояние коммуникантов

составляющие (параметры) II порядка

- 9) степень заинтересованности в действии:
 - а. которое осуществляется (установка, по Д. Н. Узнадзе¹⁰, и предустановка, по Г. Линднеру, соотносимая, на мой взгляд, с семантической установкой при восприятии [Исенина, 1969])
 - б. о котором говорится

⁹ Я остановилась на термине «реципиент» как на наиболее удачном для обозначения того, кто воспринимает текст. К сожалению, термины «собеседник, читатель, слушатель» слишком привязаны к определенному виду речевой деятельности; термин же «адресат» предполагает непосредственную направленность на него речевого действия, что наблюдается не всегда. Того же, кто порождает текст, т.е. «продуциента», в другой терминологии — «коммуникатора», я называю «автором».

¹⁰ Под «установкой» понимают особое состояние психики с функцией предуготовленности к восприятию определенного объекта (явления) или его качества на основе прежнего опыта его восприятия или на основе воспитанного (в ходе обучения через устные или письменные тексты) типа восприятия данного объекта [Горелов, Седов 1997: 96].

- 10) степень мотивированности речевого действия
- 11) степень вероятности действия, о котором говорится
- 12) степень обязательности действия, о котором говорится:
 - а. для автора
 - б. для реципиента

пресуппозиция и контекст

составляющие (параметры) III порядка

- 13) наличие пресуппозиции
 - а. микропресуппозиции
 - б. социумной, константной пресуппозиции
 - в. макропресуппозиции

Параметр «контактное vs. дистантное общение» отражает оппозицию: непосредственный визуальный контакт/отсутствие такового. Последнее имеет место при разговоре по телефону, например, или когда коммуниканты находятся в разных помещениях (комнатах) и/или обмениваются письменными текстами (письмами, факсами). Для (3—5) параметров присуща трехчленная оппозиция, т. е. «выше/равно/ниже». При этом следует иметь в виду, что параметр (5) может иметь несколько вариантов «сочетания» составляющих: так, высокая степень знакомства может сочетаться с низкой степенью интимности (например, в случае общения со старым знакомым, не ставшим другом, или со старшим (дальним) родственником и т. д.).

Составляющие первого и второго порядков являются частью конситуации. Они делятся на две группы: составляющие (1—2) — объективные, констатные, изначально «заданные» параметры, они носят абсолютно объективный характер и не могут по-разному оцениваться коммуникантами; составляющие (3—8), будучи объективными параметрами конситуации, могут, тем не менее, получать разные оценки коммуникантов.

Составляющие второго порядка (9—12) представляют собой субъективные, переменные характеристики конситуации, они предопределяют прагматическую направленность текста.

Если составляющие (3—8) будут скорее всего оцениваться коммуникантами одинаково, но допускают разные оценки, то составляющие (9—12) предположительно имеют различные оценки, но могут оцениваться коммуникантами одинаково, т. е. в случае (3—8) предполагается совпадение оценок, расхождение случайно, в случае же (9—12) расхождение вероятно, совпадение «идеально», хотя и возможно. Естественно, что полное совпадение оценок (1—12) создает условия однозначно адекватной коммуникации.

Составляющие третьего порядка относятся к пресуппозиции и — через нее — к контексту. В данном случае речь идет о типе пресуппозиции, которая имеет

место в конкретном коммуникативном акте. Если наличествует только пресуппозиция, включающая в себя исключительно знания и представления о ситуации общения, то вполне вероятно, что не все смыслы будут понятны коммуникантами. И наоборот, если в пресуппозицию входят знания и представления коммуникантов по более широкому кругу вопросов, то с большой долей уверенности можно говорить, что коммуниканты будут понимать контекст и их речь будет полна намеков, скрытых апелляций, не совсем понятных или совсем непонятных для стороннего наблюдателя (при условии, конечно, что последний не входит в то же национально-лингво-культурное сообщество или в тот же социум, что и коммуниканты). Абсолютно непонятной для третьего лица речь коммуникантов окажется тогда, когда коммуниканты являются членами достаточно узкого социума и апеллируют в процессе коммуникации к феноменам, являющимся прецедентными только для данного социума, т. е. узко социумно-прецедентным). Наличие широкой пресуппозиции или ее отсутствие априорно предполагается коммуникантами и проверяется ими методом проб и ошибок непосредственно в процессе общения при восприятии чужих текстов (когда они выступают в роли реципиента) и путем контроля за восприятием порожденных ими текстов (когда они выступают в роли автора).

Предварительный анализ составляющих коммуникативного акта позволяет сделать вывод о том, что они могут:

1) *находиться в отношениях дополнительной дистрибуции.*

например, степень обязательности действия, о котором говорится; к примеру:

высокая степень для автора = обещание;

высокая степень для реципиента = приказ;

2) *образовывать эквиолентную бинарную оппозицию:*

например, контактное (а) vs. дистантное (б) общение:

(а) непосредственный контакт при устном общении или обмен записками сидящих в одном помещении;

(б) переписка на расстоянии или устное общение при отсутствии непосредственного визуального контакта (по телефону или когда коммуниканты находятся в разных комнатах);

3) *образовывать оппозицию из трех элементов:*

например, социальные роли коммуникантов:

(1) положение автора выше, чем положение реципиента;

(2) автор и реципиент занимают одинаковое положение;

(3) положение автора ниже, чем положение реципиента.

При этом маркированным, очевидно, оказывается сочетание (2) и (3), т. е. положение автора не выше положения реципиента;

- 4) *образовывать привативную множественную оппозицию*, в которой маркированным оказывается компонент, содержащий «единицу»:
 например, число коммуникантов-(потенциальных) авторов:
 (1) = 1, следовательно, продуцируется монолог;
 (2) > 1, следовательно, продуцируется диалог или полилог (последнее разграничение не всегда актуально).

Приведу в качестве примера того, как «работает» данная матрица, следующий материал. Поскольку здесь невозможно представить все возможные варианты сочетаний составляющих коммуникативного акта, ограничимся рассмотрением некоторых коммуникативных актов, представленных монологическими высказываниями и совпадающих по определенным параметрам. Итак, неизменным в нашем случае являются следующие составляющие (соблюдена нумерация приведенного выше списка):

- 1) контактное общение;
- 2) число коммуникантов = 2;
- 3) профессиональная принадлежность и профессионально-интеллектуальный уровень коммуникантов совпадают;
- 4) социальное положение автора выше, чем положение реципиента;
- 5) высокая степень знакомства; низкая степень интимности;
- 6) неофициальное общение;
- 7) нестандартная обстановка общения (по Е. А. Земской);
- 8) эмоциональное состояние коммуникантов — нейтральное;
- 9) степень заинтересованности коммуникантов в действии, которое осуществляется и о котором говорится — высокая;
- 13) наличие широкой пресуппозиции (а-в), т. е. коммуниканты входят в одно национально-лингво-культурное сообщество и в один социум (в нашем случае — профессиональный); другими словами, они обладают когнитивной базой приблизительно в одной степени и коллективным когнитивным пространством — как минимум — одним.

Варьирование оставшихся трех параметров приводит к различным коммуникативным актам (так как коммуникативные установки автора и, следовательно, речевые действия (РД) (акты) продуцируемые им будут различны). Покажем это с помощью таблицы (см. табл. 2).

Если изменить еще и 9-й параметр (составляющую), то можно получить следующую картину:

- 9б) степень заинтересованности автора в действии, о котором говорится — низкая;
- 10) степень мотивированности речевого действия — высокая;
- 11) степень вероятности действия, о котором говорится — низкая;
- 12) степень обязательности действия, о котором говорится:
 - а) для автора — нерелевантно;
 - б) для реципиента — низкая.

Таблица 2. Соотношение набора составляющих коммуникативного акта (КА) и коммуникативный тип последнего

Составляющие КА	Степень	Степень	Степень
10) степень мотивированности речевого действия	высокая	высокая	высокая
11) степень вероятности действия	высокая	низкая	низкая
12) степень обязательности действия а) для автора б) для реципиента	высокая —	— высокая	— низкая
Коммуникативный тип	обещание (категории.)	требование	просьба
	<i>комм. тип</i>	<i>комм. тип</i>	<i>комм. тип</i>

Такое сочетание составляющих дает в результате коммуникативный тип, который традиционно определяется как «совет».

Я представила только самые общие положения, касающиеся возможной матрицы коммуникативного акта. Однако следует отметить, что работа над этой проблематикой только начата и, безусловно, требует дальнейших наблюдений и размышлений. В результате может быть выявлена и описана система и может быть составлен реестр реально возможных коммуникативных актов.

УСПЕШНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Эта глава посвящена выделению различных типов коммуникации, условиям, обеспечивающим успешное и адекватное общение и возможным проблемам в коммуникации. Коммуникация, как мы говорили в предыдущей главе, носит «самоочевидный» социальный характер и возможна только как совместная деятельность личностей, т. е. «членов общества», последние же (общества) крайне различны. И раз так, то, следовательно, сама коммуникация будет естественно «распадаться» на несколько типов в зависимости от того, кто именно участвует в процессе общения. Иначе говоря, именно социальная природа коммуникации во многом предопределяет ее существенные черты, цели и задачи и позволяет говорить о разных типах общения. Но прежде чем предложить одну из возможных классификаций такого феномена, как коммуникация, остановимся на проблеме разграничения различных социальных групп, которое может лежать в основе такой классификации.

НАЦИОНАЛЬНО-ЛИНГВО-КУЛЬТУРНОЕ СООБЩЕСТВО vs. СОЦИУМ

Вопрос о соотношении социума и национально-лингво-культурного сообщества и их разграничении необходимо требует определения самих понятий: социум и национально-лингво-культурное сообщество (этнос). Данная проблема не входит в число тех, которые я поставила себе целью осветить в настоящей книге, и должна, на мой взгляд, рассматриваться в отдельном, самостоятельном изыскании. Причем свое слово в этом должны сказать социологи, этнологи, этнопсихологи.

В этой книжке, как Вы, наверное, заметили, я стараюсь не использовать термин «этнос», так как сегодня, хотя сам термин используется достаточно широко, все еще не существует ни единого определения данного понятия, ни общепризнанного понимания природы этноса, его характера и строения [Этнология 1994]. Именно поэтому данному весьма «привлекательному» термину я предпочитаю значительно более громоздкое и менее удобное, но зато и менее «маркированное» сочетание «национально-лингво-культурное сообщество».

Но раз термин «этнос» все-таки существует и, более того, участвует в формировании названий разных научных дисциплин (этнография, этнология, этно-

лингвистика, этнопсихология, этнопсихоллингвистика), пожалуй, необходимо хотя бы вкратце представить разные точки зрения на то, что же это такое.

Л. Н. Гумилев, к которому я испытываю искренне и глубокое уважение, активно использует этот термин, хотя четкого катафатического определения этого понятия, которое бы прослеживалось во всех его рассуждениях, я в его работах так и не нашла. В целом исследователь понимает под этносом коллектив людей (динамическую систему), который противопоставляет себя другим динамическим системам как «мы» и «они» и имеет свою внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения. И главное: для Л. Н. Гумилева этнос — явление скорее географическое, природное, нежели социальное [Гумилев 1990; 1993].

Для Ю. Б. Бромлея и его школы этнос (нация) — это прежде всего исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, которые обладают 1) общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики и 2) сознанием своего единства, с одной стороны, и отличия от других подобных образований — с другой (т. е. самосознанием), что фиксируется в самоназвании данной совокупности (см., например, [Бромлей 1983]). Однако это определение, казалось бы полное и исчерпывающее, может быть применено и к отдельным социальным группам, не являющимся этносами или не получившим статуса этноса (например, профессиональные социумы или те же казаки). Кроме того, существуют многоэтнические нации, следовательно, возникает вопрос: к какому «уровню» этноса применимо это определение? И наконец, наличие этнической общности как изначальной характеристики человеческого общества не может быть признана обязательной. В связи с этим целый ряд отечественных исследователей, признавая, вслед за Ю. Б. Бромлеем, этносом социальное образование, сложившееся в ходе исторического развития, полагают необходимыми и некоторые уточнения этой теории. Так, некоторые исследователи считают этносом группу, члены которой имеют общую страну происхождения и считают себя носителями общей культуры. Есть исследователи, которые полагают, что этнические общности как социальные конструкты возникают в результате деятельности и усилий политиков, духовных авторитетов и т. д. При этом в основе таких общностей лежит этническая идентичность и возникающая на ее основе солидарность.

По концепции С. В. Лурье, этнос — это социальная общность, которой присущи культурные модели, обуславливающие характер поведения человека в мире. Эти модели направлены на сохранение этноса. Они представляют собой всегда несознаваемый и устойчивый пласт психики, который включает в себя и мыслительные модели. Совокупность адаптивных моделей может быть понята как культура, следовательно, этнос — это общность носителей определенной культуры [Лурье 1997].

С точки зрения психологической науки этническая общность — это прежде всего общность представлений о каких-либо признаках, а не сама по себе культурная отличительность. Этнос для психолога и этнопсихолога — это устойчи-

вая в своем существовании группа людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие [Стефаненко 2000: 31—32].

Достаточно радикальный взгляд на этнос заключается в том, что этнос рассматривается как общность, которая возникает только в результате потребности человека к созданию групп и никоим образом не связана ни с государством, ни с экономикой, ни с политикой, ни даже с культурой или языком. Принадлежность же того или иного индивида к тому или иному этносу определяется многими этнографами и этнопсихолингвистами, полностью или частично разделяющими такую точку зрения, не на основе каких-либо четких и однозначных параметров-признаков, но исключительно на основе самоопределения личности (см., например, [Белков 1993]).

Однако для наших нужд ни одно из приведенных пониманий этноса не подходит, поскольку нам требуется объективный критерий, необходимый и достаточный для лингвистического исследования, который мог бы разграничить разные «уровни» и типы коммуникации. Хотя замечу, что подход психологов, равно как и концепция С. В. Лурье мне глубоко симпатичны. Но их определения тоже не «работают» на разграничение социума и «этноса». А ведь именно это нам сейчас и нужно: не столько определить само понятие «этнос», сколько отграничить его от другого понятия — «социум».

В связи с этим рискну предложить признак, который может, как мне кажется, служить дифференциальным признаком, разграничивающим социум, с одной стороны, и национально-лингво-культурное сообщество — с другой. Социум всегда объединен *одним* признаком (конфессией, профессией, принадлежностью к тому или иному роду занятий, к тому или иному поколению, увлечением каким-либо одним делом — хобби и т. д.)¹. Национально-лингво-культурное сообщество всегда объединяет *совокупность* признаков² (например, язык,

¹ Изучение социальных групп имеет долгую и богатую историю; в литературе представлено немало их классификаций и типологий, напр.: [Smith 1945; Cartwright, Zander 1968; Berkowitz 1978; Baron et al. 1992; Hare 1992; Bach, Harnish 1979; Argyle 1969; Андреева 1980] и др.; см. анализ различных точек зрения в [Макаров 1998: 56 и далее].

² Справедливости ради, однако, следует отметить, что не все исследователи согласились бы с такой концепцией (так, напр., Л. Н. Гумилев придерживался иной точки зрения [Гумилев 1990; Гумилев 1993]). Однако в литературе можно найти идеи, аналогичные высказанной (напр., [Герд 1995; Этносы 1993]). Ср. также: «"Национальность" есть широкое объединение прежде всего по эмоциональным признакам. Исторические факторы, создающие ощущение национального единства, весьма разнообразны: политические, языковые, географические, иногда специфически религиозные. Подлинно расовые факторы тоже иногда играют роль, хотя упор на принадлежность к расе" обычно имеет скорее психологическое, нежели строго биологическое значение. В пределах той территории, где господствует общность национального чувства, и язык и культура становятся более однородными и специфичными, так что языковые и культурные границы обнаруживаются в меньшей мере тенденцию к совпадению. Однако и в самых благоприятных случаях языковое объединение никогда не абсолютно, а культурное объединение носит в общем поверхностный, так сказать, политический характер, не проникая вглубь и вширь» [Сепир 1993: 189]. Схожие идеи высказывали И. И. Ревзин, Ю. М. Лотман.

религия, общая история, единые традиции и обычаи, уклад жизни и т. д.). Каква эта совокупность, что это за признаки, ее составляющие, — предмет особого разговора, который вести, очевидно, следует специалистам в данной области. Для нас же актуально только одно — наличествует один релевантный в конкретном контексте объединяющий признак или совокупность таковых, и, следовательно, тогда мы говорим о социуме или о национально-лингво-культурном сообществе.

ТИПЫ КОММУНИКАЦИИ

Как уже не раз отмечалось, социальная природа коммуникации самоочевидна: именно в общении происходит процесс становления (языковой) личности и именно в общении личность себя проявляет. Общение — процесс «взаимный», т. е. необходимо требует участия нескольких коммуникантов, каждый из которых есть «человек говорящий» в совокупности всех своих проявлений.

На основании того, что ставится во главу угла, какие аспекты коммуникации привлекают особое внимание и являются предметом рассмотрения, выделяются различные типы коммуникации.

Так, если для анализа не релевантна социумная и/или этническая принадлежность коммуникантов, если нас интересует только «общечеловеческое» в коммуникации, то в центре внимания оказывается межличностное общение как таковое (такой подход типичен, в частности, для психологических исследований). Исходя из этого, *межличностное общение* понимается как общение личностей вне их принадлежности к тому или иному социуму (на до-национальном, национальном или сверх-национальном уровнях). Однако если для анализа коммуникации важна социумная и/или этническая принадлежность коммуникантов (а данная принадлежность во многом обуславливает специфику общения на том или ином языке), то следует, очевидно, говорить о двух основных оппозициях:

- моносоциумная vs. межсоциумная коммуникация и
- моноэтническая/монокультурная vs. межэтническая/межкультурная коммуникация.

Если для анализа релевантным оказывается вхождение личности в определенный социум, то *моносоциумная коммуникация*, понимаемая как общение членов одного социума, может быть противопоставлена *межсоциумной коммуникации*, понимаемой как общение представителей разных социумов. Говоря о моносоциумном vs. межсоциумном общении, я имею в виду общение членов одного vs. разных социумов вне их национально-лингво-культурной принадлежности (последняя в данном случае оказывается нерелевантной). Межсоциумное общение — основной объект, например, социолингвистических, частично — этнолингвистических исследований, теории речевой коммуникации. На этом уровне (на уровне межсоциумного общения) начинает работать принцип разграничения «свой — чужой». Оценка другой личности и «присвоение» ей того или ино-

го статуса происходят через восприятие ее (личности) коммуникативного поведения. Через коммуникативное же поведение личность заявляет себя и свое место: хочу я быть «своим» или я манифестирую и подчеркиваю свою «чуждость». Разумеется, коммуникативное поведение (а мы сейчас говорим именно о нем): проявление «стереотипов мышления и поведения», соблюдение определенных «норм и правил» (в терминологии И. А. Стернина), привычки, система навыков и умений и т. д. — все это далеко не всегда поддается саморефлексии (особенно это касается неречевого поведения, хотя и речевому поведению данная «трудность» тоже не чужда). Вместе с тем аффектация (подчеркивание «я свой» или «я чужой») — это всегда осознанный процесс. Особую роль во всем этом — и при «неосознанном» проявлении, и при аффектации — играет речевое поведение. Сравните с примером Э. Сепира: «Он говорит, как мы, — значит, он наш» [Сепир 1993: 232].

Противопоставление «свой — чужой» и роль коммуникативного поведения оказываются релевантными, и когда мы рассматриваем общение представителей социальных общностей иной природы — разных национально-лингво-культурных сообществ. На этом «уровне» разграничиваются *монокультурная коммуникация* и *межкультурная коммуникация*. *Монокультурная коммуникация* понимается как общение представителей одного национально-лингво-культурного сообщества, обладающих, соответственно, единой когнитивной базой. *Межкультурная коммуникация* есть, соответственно, общение представителей разных национально-лингво-культурных сообществ, носителей разных ментально-лингвальных комплексов, обладающих разными национальными когнитивными базами³. В целом, думается, не будет преувеличением сказать, что между межсоциумным общением и межкультурной коммуникацией много общего (по большому счету, межкультурная коммуникация — один из видов межсоциумного общения). Однако между ними есть и принципиальные различия.

При межсоциумном общении первостепенное значение имеют 1) различия коллективных когнитивных пространств тех социумов, в которые входят коммуниканты (например, в случае профессиональных социумов), и 2) расхождения на уровне представлений (например, в случае генерационных социумов). Понятно, что при наличии единой когнитивной базы в условиях межсоциумной коммуникации существует большое «поле» для взаимопонимания, при этом возможно «прогнозирование» с определенной долей «попадания».

При межкультурной коммуникации различий может быть больше, чем совпадений, причем последние будут, скорее всего, квазисовпадениями. «Прогнозирование» проблематично, более того, оно может создавать дополнительные проблемы. С одной стороны, если мы, например, предполагаем, что собеседнику

³ Ср.: «Межкультурная коммуникация есть процесс непосредственного взаимодействия культур, а весь процесс такого взаимодействия осуществляется в рамках несовпадающих (частично, существенной степени, иногда и полностью) национальных стереотипов мышления и поведения, что существенно влияет на взаимопонимание сторон в коммуникации» [Стернин 1996: 97].

не известен феномен, к которому мы апеллируем, начинаем объяснять свои слова, это может вызвать обиду, так как данный феномен может входить в число «очевидных» для собеседника («я это знаю, не надо мне этого объяснять»). С другой стороны, если мы считаем, что феномен, к которому мы апеллируем, известен собеседнику («ну кто ж этого не знает!»), но на самом деле этот «прогноз» ошибочен, то возможно непонимание. (Справедливости ради замечу, что такое может случиться не только в межкультурной коммуникации, но в последнем случае это наиболее вероятно.)

В связи с только что сказанным позволю себе небольшое отступление. Рассуждая о философии Декарта, М. К. Мамардашвили пишет: «Нарисуем прямую линию или прямоугольный треугольник. Они одинаковы для нас в смысле некоего идеального объекта. Допустим, вот я нарисовал и веду процесс математического рассуждения, пытаюсь доказать какую-то теорему о треугольнике или прямой линии. Рассуждая, я думаю о прямых линиях, о треугольнике. То есть я вижу эти предметы прямыми или треугольными. Но Декарт спрашивает, вернее, говорит так... если бы идея прямой линии не была нам врождена, то мы не видели бы никаких прямых линий. Почему? По следующей причине. Ведь мы считаем, что все наши идеи имеют свои причины во внешнем мире. Например, идея линии треугольника должна иметь причину: в мире есть линии и есть треугольники. Но, скажет Декарт, в мире ни одна линия не является прямой. В мире вообще нет правильных треугольников, и, более того, их нет и на моем рисунке, исходя из которого я рассуждаю о прямых линиях. Каким же образом я вижу прямую линию? Узнаю (если воспользоваться более психологическим выражением), глядя на явно непрямую линию — и она не может быть прямой, — узнаю, что она прямая? Или вообразите, что из этих нарисованных черточек складывается лицо какого-нибудь знакомого вам человека. Задайте вопрос (для психологов это банальность): детерминировано ли этими черточками то, что я узнал здесь Иванова? Я узнал его именно по этим черточкам, в них увидел Иванова, но узнавание Иванова не детерминировано этими черточками. То есть я знаю до узнавания» [Мамардашвили 1993: 65] (а также: [Указ. соч.: 69, 80, 87, 124]). Вот это очень важно (именно поэтому я и привела столь пространную цитату): *узнаю до узнавания*. А если на рисунке не четкие линии, складывающиеся в более-менее определенную фигуру, а некое «размытое» изображение с расплывчатыми границами? Или если перед нами, например, знаменитый тест «Чернильные пятна» Роршаха, которые нужно интерпретировать? Тогда один человек может увидеть в этом «облаке» треугольник, другой — квадрат, третий — круг (пример Д. Б. Гудкова), а в некоторой конфигурации штрихов — господина Иванова, а не, скажем, мистера Смита или герра Мюллера. Следовательно, каждый *видит то, что он знает, и для того чтобы видеть, надо знать*. Но как на самом деле я могу знать, что на рисунке треугольник или Иванов, а не квадрат или Браун? Очевидно, что я знаю это потому, что я родилась и выросла именно в этом месте и в это время и социализировалась именно в данном национально-

лингво-культурном сообществе. Если бы я принадлежала другому сообществу, то я знала бы и, следовательно, видела бы совершенно другие предметы. Таким образом, будучи человеком, я обладаю способностью знать и видеть, а будучи членом определенного национально-лингво-культурного сообщества, я знаю и вижу именно это, а не то. Все эти рассуждения имеют принципиальное значение в первую очередь для межкультурной коммуникации, но могут оказаться релевантными и когда мы рассматриваем межсоциумное общение. В последнем случае национальное может как бы отступать на второй план (но оно никогда не исчезает — sic!), и уже то, что я знаю как член социума, предопределяет то, что я вижу. Только что сказанное оказывается релевантным при определении типа коммуникации.

Типы коммуникации, о которых мы говорили (межкультурная vs. межсоциумная), являются «основными», так сказать, «базисными». Однако каждая личность существует не сама по себе (если не брать в расчет маргинальную ситуацию Робинзона Крузо сразу после кораблекрушения), но в обществе, то есть входит в те или иные социумы и функционирует в поле того или иного национально-лингво-культурного сообщества. Следовательно, указанные типы коммуникации выступают не в «чистом» виде, но предстают как результат некоторого пересечения «осей»: $S = 1$ о $S > 1$ (где S — число социумов) и $N = 1$ ↔ $N > 1$ (где N — число национально-лингво-культурных сообществ). Следовательно, в реальности мы имеем следующие типы коммуникации:

- (1) моносоциумная монокультурная коммуникация;
- (2) межсоциумная монокультурная коммуникация;
- (3) моносоциумная межкультурная коммуникация;
- (4) межсоциумная межкультурная коммуникация.

Совершенно очевидно, что в первом случае (1) вероятность коммуникативных сбоев и провалов стремится к нулю. Во втором случае (2) проблемы в коммуникации вполне возможны. Что касается случаев (3—4), то самым «опасным» с точки зрения потенциальных конфликтов окажется последний случай (4).

Представим себе гипотетическую ситуацию, что во всех случаях (1—4) коммуниканты одинаково хорошо и свободно владеют языком, на котором осуществляется общение (особенно актуальным это требование оказывается для межкультурной коммуникации). Тут для «чистоты картины» мы даже можем «заставить» коммуникантов говорить вообще на каком-нибудь языке, не являющемся родным ни для кого из них; например, русские говорят по-французски или испанец и немец общаются на русском). Легко предположить в этом случае, что максимально затрудненной окажется межсоциумная межкультурная коммуникация (4), наиболее простой — моносоциумная монокультурная (1).

Итак, как следует из хода предыдущих рассуждений, коммуникация может быть успешной или неуспешной. Успешная коммуникация — это адекватная коммуникация, при которой достигается более или менее полное, но обязательно

достаточное, с точки зрения коммуникантов, взаимопонимание. В случае неуспешной коммуникации возможны *коммуникативный сбой* (недостаточно адекватная коммуникация, недостаточно полное взаимопонимание участников коммуникации) и *коммуникативный провал* (неадекватная коммуникация, полное непонимание коммуникантами друг друга).

Среди факторов, обуславливающих адекватную коммуникацию, т. е. успешное ее протекание, в числе первых можно и нужно назвать определенную общность «знаний»⁴ коммуникантов. Более конкретно о проблемах, возникающих в том или ином типе коммуникации, мы будем говорить при обсуждении понятия «пресуппозиция».

УСЛОВИЯ УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Как я уже говорила, основным условием успешности коммуникации является, на мой взгляд, адекватность последней. (При всем своем глубочайшем уважении к Ю. М. Лотману я не могу согласиться с его идеей, что «целью коммуникации, как показывает само слово (*communitas* — общность, общение), является адекватность общения» [Лотман 1992: 12]).

Одним из важнейших факторов (не единственным, но, пожалуй, основным), обуславливающих адекватность коммуникации, как неоднократно утверждали различные исследователи, является наличие общего фонда знаний коммуникантов.

Если исходить из того, что специфика общения при использовании конкретного национального языка состоит 1) в специфике построения речевой цепи, осуществляемого по грамматическим правилам этого языка, и 2) в специфике образов сознания, отображающих предметы конкретной национальной культуры, то понятно, что для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали 1) общностью знаний об используемом языке (и общностью навыков речевого общения), а также 2) общностью знаний о мире в форме образов сознаний [Тарасов 1996: 8]. Первое со всей очевидностью соотносимо с общностью выделяемых нами лингвистических когнитивных структур, второе — феноменологических. Другими словами, совершенно очевидно, что для общения коммуникантам необходима общность знаковых средств и определенная общность социального опыта. И хотя «последняя никогда не бывает полной» [Тарасов 1975₁: 146], все-таки можно говорить о потенциальной возможности

⁴ Ср.: представители теории речевой коммуникации говорили о необходимости «определенной общности социального опыта, [которая] никогда не бывает полной» [Тарасов 1975₁: 146]. Знак равенства между данными понятиями: общность социального опыта и общий фонд знаний — может быть поставлен, если: 1) рассматривать данные феномены с точки зрения конкретного акта коммуникации; 2) понимать социальный опыт как совокупность тех знаний и представлений, которые индивид получает в процессе социализации. Ср. также: «Речевой акт (и, как мы увидим дальше, его воплощение в слове), а также весь ход практических событий до и после речи зависят от всей истории жизни говорящего и слушающего» [Блумфилд 1968: 37].

зоны пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, достаточной для адекватной коммуникации. Более того, зачастую наблюдается такое взаимопонимание коммуникантов, которое часто называют пониманием с полуслова, когда, как писал В. М. Бехтерев, «один какой-нибудь, часто даже несущественный, а иногда и крайне преобразенный признак или часть предмета, явления или вообще действия или движения становится знаком, или символом, вызывающим реакцию, равнозначную с реакцией, вызываемой цельным предметом, явлением, действием или движением» [Бехтерев 1918: 161].

Очевидно, это связано с тем, что «идеальная коммуникационная ситуация» возникает, по мысли Ю. А. Шрейдера, не тогда, когда смысл и содержание совпадают (это, видимо, в принципе невозможно), но когда хорошо согласуются содержание, вкладываемое в текст автором, и извлекаемая адресатом семантическая информация. Для этого нужно не только и не столько наличие у автора и адресата общей структуры поля значений, сколько общность отмеченных элементов в этом поле, однозначно выделяемых участниками коммуникации элементов — «фокальных точек». Последние «связаны не с языком, а с речью, с конкретной коммуникативной ситуацией» [Шрейдер 1980: 33—34]. Я считаю, что «идеальная» ситуация общения имеет место именно тогда, когда у коммуникантов максимально широкая пресуппозиция (что возможно при «совпадении» коллективных когнитивных пространств и активизации одних и тех же участков когнитивной базы), которая и позволяет им «отмечать» одни и те же «фокальные точки». И тогда, в таких ситуациях «для выражения своей мысли, иногда достаточно сложной, говорящий употребляет условный знак-сигнал, который понятен слушающему в силу его знакомства с конситуацией, общности каких-то предварительных сведений, разъясняющего жеста и т. п. По существу мы имеем дело с явлением, при котором происходит сплав (синтез) звуковой речи и невербальных средств коммуникации (*общности апперцепционной базы*⁵ и/или конситуации, иногда жеста)» [Земская 1979: 64—65] (выделено мною. — В. К.).

Итак, что же необходимо для адекватной коммуникации? На первый взгляд ответ кажется очень простым и самоочевидным: надо знать язык (как совокупность лексики и грамматических правил), на котором происходит общение. В идеале еще хорошо бы знать правила этикета, немного историю, культуру и литературу того народа, на языке которого говоришь. Но если первое еще можно признать более или менее обязательным, то второе — явно не из области «необходимых» знаний: они традиционно воспринимались или как некое средство продемонстрировать вежливость по отношению к представителям другой культуры или просто как то, что может помочь поддержать разговор (во всяком случае, если речь не идет о профессиональной подготовке филологов, историков или, скажем, искусствоведов). Однако все не так просто, как кажется.

⁵ *Общность апперцепционной базы* понимается как наличие общих предварительных сведений, общего житейского опыта у собеседников [Земская 1979: 8], вследствие чего многое можно не называть, не объяснять, оставлять невыраженным.

Исследования в области нейрофизиологии доказали, что геометрическая модель цвета, например, имеет форму многомерного шара (я имею в виду уже упоминавшиеся работы, выполненные под руководством профессора Е. Н. Соколова). В связи с этим еще в середине 90-х я осмелилась высказать предположение, которое до сих пор никто не оспорил. Суть его в следующем: когнитивное пространство человека также может быть представлено в виде «магического шара», заполненной сферы, каждая точка которой имеет определенное множество векторов деятельности: вербальной, ментальной, физической, эмоциональной. Следовательно, воздействуя на сознание по одному из векторов, т. е. создавая возбуждение в какой-либо точке сферы, можно вызвать определенную реакцию, идущую из той же точки, но по другому вектору (вектору другой деятельности). Например, вербальным воздействием вызывая определенное эмоциональное состояние, стимулируя умственную деятельность, понуждая к физическому действию и т. д. Отсюда и коммуникативные типы высказываний, и коммуникативная целенаправленность (виды воздействия).

Каждый человек обладает своим собственным уникальным «шаром» (индивидуальным когнитивным пространством). Однако определенные «традиции», существующие в каждом национально-лингво-культурном сообществе и зафиксированные в виде знаний и представлений, входящих в когнитивную базу, способствуют тому, что определенные когнитивные структуры разных людей, принадлежащих данному сообществу, располагаются примерно на одних и тех же участках когнитивного пространства. (Впрочем, можно предположить, что универсальные понятийные категории, которыми обладает человек как таковой, также имеют приблизительно одинаковое местоположение на сфере когнитивного пространства.) И следовательно, чем меньше площадь и толщина разброса, тем больше понимания между обладателями сравниваемых сфер, и наоборот. При соответствии определенных участков когнитивного пространства образуются зоны пересечения, которое я и называю общим фондом знаний, или пресуппозицией. Пресуппозиция в глобальном смысле является тем фондом знаний, которым обладает любой говорящий на данном языке. Но пресуппозиция может быть и в более узком смысле слова: как общий фонд знаний коммуникантов, зона пересечения их индивидуальных когнитивных пространств (ИКП), актуальная «здесь» и «сейчас». В своих работах я использую именно последнее понимание термина.

ПОНЯТИЕ ПРЕСУППОЗИЦИИ

Итак, совокупность знаний и представлений, которой обладает человек как самостоятельная личность, член социума и представитель национально-лингво-культурного сообщества, крайне важна для общения и актуализируется именно в процессе коммуникации, обуславливая успешное ее протекание. Ср.: «Незнание действительности, которая стоит за высказыванием, становится причиной

коммуникативных недоразумений» [Горелов, Седов 1997: 88]; а также: «Для успеха коммуникации необходим *общий фонд знаний и верований*, иначе говоря, у коммуникантов в феноменологическом поле должен присутствовать общий набор контекстуальных пропозиций — общий пресуппозиционный фонд, без которого *совместная* деятельность порождения и понимания дискурса затруднена или невозможна» [Макаров 1998: 107] (разрядка моя. — В. К.). Таким образом, говоря о корпусе знаний и представлений человека, мы выделяем собственно когнитивный аспект и аспект функциональный. Когнитивная база и когнитивные пространства (индивидуальное и коллективные) реализуются и актуализируются в *пресуппозиции*.

Прежде чем более подробно говорить о пресуппозиции в предлагаемом понимании, позволю себе вкратце остановиться на истории данного термина (вкратце потому, что данный термин используют в своих работах многие исследователи и рассмотреть более или менее подробно все случаи упоминания понятия, стоящего за данным термином, не представляется возможным). Итак, впервые понятие пресуппозиции было предложено в 1892 г. Г. Фреге [Frege 1892]. Однако в широкий научный обиход данное понятие вошло в середине XX века. И с тех пор оно пользуется определенной популярностью у представителей разных школ и направлений (см. [Арутюнова 1973; Стросон 1982; Абызова 1986; Столнейкер 1985; Keenan 1971; Stalnaker 1972, 1974; Karttunen 1974; Dinneen 1979; Gazdar 1979; Dinsmore 1981; Levinson 1983; Mey 1993; Sperber, Wilson 1995; Brown, Yule 1996; Yule 1996] и многие другие работы). В англоязычной литературе данное понятие часто обозначается разными терминами, например, *presupposition*, *background knowledge*, *shared code*, *shared meanings* и др. Если обобщить основные случаи употребления термина «пресуппозиция», то можно сделать вывод, что «с текстоцентрической точки зрения пресуппозиция трактуется как частный случай инференции — как суждение, выводимое из данного высказывания по определенным правилам истинности или уместности. С другой стороны, по своему определению эти суждения относятся к предварительным условиям реализации высказывания, что ближе коммуникатороцентрическому подходу к анализу дискурса. Итак, пресуппозиция рассматривается как такой смысловой компонент высказывания, истинность которого необходима, чтобы оно: 1) не было семантически аномальным (семантическая пресуппозиция); 2) было уместным в контексте (грамматическая пресуппозиция)» [Макаров 1998: 104]. Семантическая пресуппозиция понимается как «пропозициональная установка, а не семантическое отношение. Пресуппозиции в таком понимании имеются скорее у людей, чем у пропозиций или предложений. ... Любой участник речевого контекста (отдельное лицо, группа лиц...) может быть субъектом пресуппозиции. В качестве ее содержания может выступать любая пропозиция» [Столнейкер 1985: 427]. Таким образом, «пресуппозиция когнитивно предваряет высказывание, ее инференционная природа — это только атрибут интерпретации, в ходе которой пресуппозиция становится доступной для анализа» [Макаров 1998: 106]. Праг-

матическая пресуппозиция определяется в литературе как: 1) представление говорящего о контексте; 2) общие или фоновые знания; 3) уместность/успешность высказывания. Как справедливо отмечает М. Л. Макаров в цитируемом сочинении, речь в данном случае идет, очевидно, об одном и том же, а именно: о представлениях коммуникантов о контекстуальных условиях (по ван Дейку) актуализации высказываний в дискурсе. Прагматическая пресуппозиция, по мнению ряда ученых, «предопределяя уместность и / или успешность высказывания, опирается на информацию, данную в контексте и когнитивно освоенную коммуникантами» [Там же: 106] (см. [КСКТ 1996; Bach, Harnish 1979; Stalnaker 1972, 1974; Dinsmore 1981; Gumperz 1982; Ballmer 1982; Sperber, Wilson 1982; Werth 1984]). Общий фонд знаний при этом не является «механической» совокупностью индивидуальных фондов знаний коммуникантов. По мнению исследователей, занимающихся проблемой пресуппозиции, общий пресуппозиционный фонд постоянно меняется в каждом речевом акте и зависит от него. При этом основное внимание в данных работах уделяется пресуппозиции говорящего, элементы которой слушающий должен принимать на веру (классический пример, приводимый и анализируемый в очень многих работах, что позволяет нам не останавливаться на этом подробнее, — *Король Франции лыс*) (более подробно см.: [Brown, Yule 1996: 28—31, 79—94]).

Следует отметить, что в российской лингвистической традиции также широко представлены работы, рассматривающие феномен пресуппозиции. При этом пресуппозиция понимается как один из экстралингвистических факторов, которые вкупе с интралингвистическими факторами составляют предмет коммуникативной лингвистики. Пресуппозиция воплощает в себе тезаурус коммуникантов, который должен рассматриваться как часть культурной и научной компетентности коммуникантов при их равной языковой компетентности [Колшанский 1984: 9, 25]. И раз так, то категориями пресуппозиции признаются личность коммуниканта, его жизненный опыт, его социальная характеристика. В условиях реальной коммуникации пресуппозиция непосредственно соотносится с подтекстом и с эмоционально-экспрессивной семантикой текста. В пресуппозиции адресанта при этом выделяются четыре компонента: 1) социально-биологический и культурный тип человека; 2) конкретный мотив; 3) прогнозирование восприятия содержания коммуникативного акта адресатом; 4) тезаурус, который объединяет коммуникантов [Канонич 1987: 20, 24, 21]. Помимо термина «пресуппозиция» в работах российских лингвистов встречается также и уже упоминавшийся термин «апперцепционная база», которая понимается как наличие общих предварительных сведений, общего житейского опыта у коммуникантов [Земская 1978: 201].

На мой взгляд, никакого противоречия между приведенными точками зрения нет, ибо в основе своей они имеют представление о том, что пресуппозиция — это общий фонд знаний, общий опыт, общий тезаурус, общие предварительные сведения (термины могут быть различны), которыми обладают комму-

никанты. Различия в представленных пониманиях феномена обусловлены позицией исследователя и тем, что данный исследователь ставит во главу угла (логические основания высказывания, факторы, обуславливающие успешность протекания коммуникации или что-либо другое). Иначе говоря, пресуппозиция рассматривается исследователями с разных точек зрения, но каждым из них достаточно узко. Мне же представляется необходимым рассмотреть общий фонд знаний (пресуппозиционный фонд), который предопределяет и логичность, и уместность, и истинность высказывания, и успешность коммуникации, и многое другое, в более «глобальном» масштабе. Этим и обусловлено предлагаемое понимание пресуппозиции.

Итак, *пресуппозиция* есть зона пересечения когнитивных пространств коммуникантов, она актуализируется в процессе коммуникации, релевантна «здесь и сейчас». Выделяются три типа пресуппозиций: (1) микропресуппозиция, или ситуативная, спонтанная пресуппозиция (соотносимая с ИКП), (2) социумная, или константная, пресуппозиция (соотносимая с ККП), и (3) макропресуппозиция (соотносимая с КБ):

когнитивная база (КБ)	↔	макропресуппозиция
коллективное когнитивное пространство (ККП)	↔	социумная, «константная» пресуппозиция
индивидуальное когнитивное пространство (ИКП)	↔	ситуативная, спонтанная, микропресуппозиция.

Макропресуппозиция — тот фрагмент когнитивной базы, который релевантен и актуален для осуществляемого акта коммуникации. Актуализация макропресуппозиции возможна только в случае общения коммуникантов, обладающих одной когнитивной базой, или в случае, когда коммуникант-иностранец знаком с когнитивной базой (КБ) того национально-лингво-культурного сообщества, на языке которого ведется общение, или по крайней мере с тем фрагментом данной КБ, который релевантен для данного конкретного акта коммуникации. Итак, данный тип пресуппозиции соотносим с КБ, т. е. с наиболее консервативным корпусом знаний и представлений человека, поскольку КБ наименее подвержена изменениям: последние происходят медленно и обусловлены во многом общим ходом развития цивилизации (человечества в целом и данного конкретного национально-лингво-культурного сообщества в частности). Наиболее явные, яркие и быстрые изменения имеют место при смене эпох, при этом наиболее «болезненными» мне представляются изменения представлений, входящих в КБ.

Социумная пресуппозиция — фрагмент коллективного когнитивного пространства, актуализирующийся в коммуникации. Этот тип пресуппозиции возможен при общении людей, входящих в один социум; при этом принадлежность коммуникантов к одному национально-лингво-культурному сообществу и наличие единой для них когнитивной базы не являются обязательными. Данный

тип пресуппозиции соотносим с коллективным когнитивным пространством, которое менее консервативно, чем КБ, но носит значительно более константный характер, чем индивидуальное когнитивное пространство, которое постоянно претерпевает те или иные изменения.

Микропресуппозиция — общий фонд знаний коммуникантов о конкретной ситуации, в которой осуществляется конкретный акт коммуникации, это спонтанно возникающая «здесь и сейчас» зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств (ИКП) коммуникантов. Данный тип пресуппозиции имеет место всегда, в любой ситуации общения, он не зависит от наличия / отсутствия общей для коммуникантов когнитивной базы (КБ) или их коллективных когнитивных пространств (ККП) (хотя, безусловно, КБ и ККП могут определенным образом влиять на оценку ситуации коммуникантами). Микропресуппозиция включает в себя (1) знание конситуации, представление о ней; (2) знание контекста, т. е. понимание всех смыслов, релевантных для акта коммуникации; (3) понимание речи, если таковая имеет место. Микропресуппозиция может претерпевать постоянные изменения в соответствии с изменениями реальной ситуации общения.

Социумная (константная) пресуппозиция и макропресуппозиция значительно более стабильны и, как правило, остаются неизменными в процессе протекания коммуникативного акта (особенно очевидно это в отношении макропресуппозиции, которая может изменяться, лишь отражая изменения в когнитивной базе, которые происходят крайне медленно и достаточно болезненно для членов национально-лингво-культурного сообщества). В отличие от микропресуппозиции социумная пресуппозиция и макропресуппозиция не всегда имеют место: они явно отсутствуют, если коммуниканты не принадлежат к какому-либо одному социуму и / или к одному национально-лингво-культурному сообществу. Наличие же данных пресуппозиций может оказывать определенное влияние на коммуникацию и в определенной степени способствовать успешности ее протекания, так как макропресуппозиция и социумная (константная) пресуппозиция предопределяют вычленение коммуникантами одних и тех компонентов ситуации, представляющихся им наиболее значимыми, обуславливают одинаковость их оценок («верх / низ»; «плюс / минус»), диктуют отбор языковых средств и т. д.

Коммуникативные неудачи могут иметь место при различной оценке коммуникантами одних и тех же феноменов, т. е. не на уровне конситуации как таковой, но на уровне представлений о ней и ее оценки, т.е. пресуппозиции (например, различная оценка социальной роли коммуникантов). Кроме того, конфликты могут случиться и тогда, когда нет макропресуппозиции или социумной (константной) пресуппозиции. И поскольку пресуппозиция тесно связана с контекстом, то непонимание эксплицитно или имплицитно выраженных смыслов также может привести к коммуникативной неудаче. Это происходит, если один из коммуникантов не понимает смыслов, актуальных для данного коммуникативного акта, т. е. когда для одного из коммуникантов контекст остается

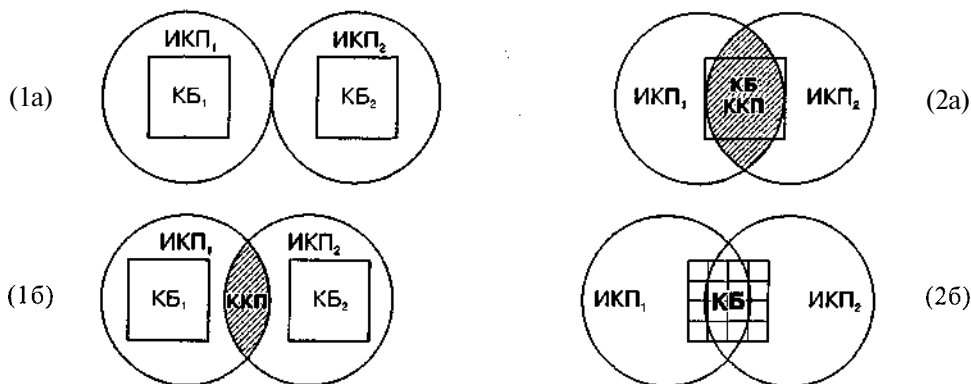
закрытым (*Я догадываюсь, что Вы что-то имеете в виду, но я не понимаю, что именно*) или неосознанным и, следовательно, «несуществующим» (*Я вообще не понимаю, о чем Вы говорите и что Вы имеете в виду*).

Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что проблемы в общении возникают тогда, когда (см. схему 5)⁶:

1) индивидуальные когнитивные пространства (ИКП) коммуникантов не совпадают, не пересекаются или пересекаются только на участке знаний сиюминутной ситуации общения (при этом оценка самой ситуации может быть различной) (а) или на участке знаний некоторого социума (б); т. е. когда коммуниканты обладают разными когнитивными базами (КБ);

2) ИКП коммуникантов совпадают, пересекаются, но при этом, обладая одинаковыми знаниями, коммуниканты имеют различные представления; иначе говоря, идет процесс изменения КБ: оставаясь в принципе единой для всех членов национально-лингво-культурного сообщества, КБ претерпевает определенные трансформации (в первую очередь на участке представлений); т. е. имеют место определенные расхождения при наличии единой, общей для коммуникантов КБ.

С х е м а 5. Возможные варианты зон пересечения ИКП

Очевидно, что первая ситуация (1а; 1б) характерна для коммуникации между носителями разных языков, представителями разных национально-лингво-культурных сообществ, т. е. при межкультурной коммуникации. При этом вариант (1а) показывает *межкультурную межсоциумную* коммуникацию; вариант (1б) возможен при общении членов одного социума (например, коллег, специалистов в одной области знаний или занимающихся одним делом), т. е. это *межкультурная моносоциумная* коммуникация.

⁶Я выражаю искреннюю благодарность И. В. Захаренко за идеи, высказанные в процессе обсуждения настоящей схемы и концепции в целом.

Вторая ситуация (2а; 2б) имеет место при общении представителей одного национально-лингво-культурного сообщества, т. е. *примокультурной* коммуникации: вариант (2а) — *монокультурная моносоциумная* коммуникация, вариант (2б) — *монокультурная межсоциумная*.

Проблемы в общении в первом случае (1а; 1б) порождаются непониманием и к непониманию приводят.

Во втором случае (2а; 2б) коммуникативные проблемы обуславливаются неадекватным пониманием и «неправильное» же понимание провоцируют. Скорее всего это происходит в первую очередь при *монокультурной межсоциумной* коммуникации, что и порождает, в частности, генерационные, социальные, конфессиональные и прочие конфликты.

Исходя из вышесказанного и на основе наблюдений (моих собственных и коллег, преподающих язык в иноязычной аудитории) были сформулированы некоторые выводы, касающиеся проблем в межкультурной коммуникации. Данные проблемы будут возникать в следующих случаях (дается в сопоставлении с монокультурной коммуникацией):

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ	МОНОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
1) Если оценка конситуации автором отличается от ее оценки реципиентом. Возможны нарушения этикета, «неадекватное» речевое поведение (некорректные комментарии, замечания, шутки) и т. д.	1) Едва ли возможно.
2) Если автор не понимает или неполностью понимает контекст. Возможны нетактичные вопросы и замечания; проговаривание (вербализация) и без того очевидных для реципиента смыслов.	2) Возможно при межсоциумной коммуникации.
3) Если реципиент не понимает или неполностью понимает контекст. Возможно «умалчивание» автором о том, что остается для реципиента «закрытым» или «несуществующим» контекстом. При этом возможна ситуация, с которой наверняка сталкивался каждый, кто изучал иностранный язык: <i>«Я понимаю каждое слово, пояне понимаю смысла, непонимаю, очемидетречь»</i> .	3) Возможно при межсоциумной коммуникации («выпадение» из общения).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ	МОНОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
4) Минимальная зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов при значительном их расхождении (т. е. отсутствие социумной пресуппозиции и/или макропресуппозиции). Отсутствие у реципиента тех знаний и представлений, которые, по мнению автора текста, входят в пресуппозицию: это может быть непонимание контекста; представление о конситуации, отличное от представления автора; незнание прецедентных феноменов. Возможны «не тактичные» и/или непонятные сравнения, апелляция к прецедентным феноменам, которые не являются таковыми для реципиента.	4) Едва ли возможно; но при межсоциумной коммуникации может иметь место апелляция к социумно-прецедентным феноменам, не являющимся прецедентными для собеседника.
5) Непонимание реципиентом коммуникативной целенаправленности текста, вызывающее неадекватную реакцию.	5) Едва ли возможно; только если что-то помешало общению.
6) Вследствие вышеназванного (1—5) неадекватный выбор языковых средств.	6) Возможно при межсоциумной коммуникации, но причиной может быть не (1—5), но осознанный выбор неадекватных средств (чтобы, например, «показать собеседнику его место») и т. д.

В качестве примеров приведу некоторые случаи, отмеченные при межкультурной коммуникации. Некорректное использование местоимений «ты/ Вы» при неправильной оценке социальных ролей партнеров при коммуникации. Такие случаи не следует путать со случаями языковой интерференции, когда в родном этикете иностранца нет обращения «Вы» (хотя в языке оно может быть представлено)⁷, как, например, в скандинавских языках. Так, в шведском языке в принципе существует форма «Ni» (аналогично русскому «Вы»), однако она может быть использована только при общении с очень пожилыми людьми. В других случаях подобное обращение будет вызывать у шведского партнера по коммуникации чувство «неловкости», как если бы в России иностранец обратился на «ты» к пожилому и уважаемому человеку.

⁷ О функционировании «ты» и «Вы» в разных языках мы поговорим отдельно в одной из последующих глав.

Далее, использование в стандартной ситуации «нестандартной» («нестереотипной») реплики, которое может вызвать различную реакцию русскоговорящих: от непонимания до мягкой улыбки (*«Это правильно, но это не по-русски»*) (об этом много писал и говорил Ю. Е. Прохоров; например в [Прохоров 1996]). Или же только вербальный ответ на просьбу, выраженную вопросительным предложением.

Таким образом, для адекватной коммуникации необходимым требованием (*conditio sine qua pop*) является наличие не только микропресуппозиции, но и макропресуппозиции, т. е. знакомство коммуникантов с одними и теми же элементами когнитивной базы того национально-лингво-культурного сообщества, на языке которого осуществляется общение. Особенно очевидным это требование оказывается для межкультурной коммуникации. Ср.: «Есть основание полагать, что главная причина непонимания при МО [межкультурном общении] не различие языков — сформировать навыки говорения (письма) и слушания (чтения) сравнительно просто, а различие национальных сознаний коммуникантов» [Тарасов 1996: 8]).

Конечно, обучая языку, невозможно «поменять» сознание (впрочем, это и не нужно пытаться сделать). Однако определенным образом «трансформировать» его, «расширить» представляется вполне реальным. Иначе говоря, наряду с языковой и речевой компетенцией необходимо формировать компетенцию культурную (в связи с этим вспомним еще раз неоднократно высказывавшуюся многими исследователями мысль, что коммуникативная компетенция необходимо включает в себя три составляющих: языковую, речевую и культурную компетенции). Несколько сложнее обстоит дело с монокультурной коммуникацией, как это ни парадоксально, поскольку в случае монокультурной, но межсоциальной коммуникации основные различия касаются не столько знаний, сколько представлений. А отказываться от своих убеждений или, по крайней мере, терпимо относиться к отличным представлениям и убеждениям других — ох как трудно! Подчас это бывает намного труднее, чем «просто» попытаться «войти» в мир другой культуры, в другую систему (не поэтому ли все гражданские войны столь жестоки и кровавы?).

С проблемой пресуппозиции связан, на мой взгляд, и вопрос о существовании инварианта текста и адекватности перевода. Много писали и спорили на тему: должен ли перевод быть «буквальным» или «адекватным», — и на основании того, какой принцип становился основополагающим, возникали разные школы перевода. Я не буду разбирать различные взгляды на эти проблемы, отослав пытливого читателя к «Интерпретативному переводоведению» [Базылев, Сорокин 2001], и просто выскажу ту точку зрения, которая, в рамках предлагаемой мною концепции, является, пожалуй, едва ли не единственно возможной. Итак, на мой взгляд, перевод должен быть адекватным, а таковым он может считаться, если воздействует на те же когнитивные структуры, на те же участки

когнитивного пространства, что и оригинал. Ср. с идеей Ю. Найда о «динамической эквивалентности»: «Прежняя установка в области перевода фиксировала внимание на форме сообщения, и особой радостью для переводчиков была возможность воспроизвести стилистические особенности: ритм, рифму, игру слов, хиазм, параллелизм и необычные грамматические конструкции. Новая установка же перешла от формы сообщения к *реакции получателя*. Таким образом, прежде всего следует определить, какова будет указанная реакция на переведенное сообщение. Эту реакцию необходимо *сравнить* с той, которая, по предположению, должна была быть у первоначальных получателей, знакомившихся с сообщением в его исходном виде» [Nida, Taber 1974] (цит. по: [Хухуни 1996: 211]) (выделено мною. —В. К.).

Набор конкретных языковых средств при этом (от текстообразующих элементов вплоть до текстообразующих категорий — см. следующую главу) может в большей или меньшей степени отличаться от инвентаря, используемого в оригинале. Вместе с тем, учитывая определенную универсальность гипотетически сферической модели когнитивного пространства, можно предположить, что разброс, разность используемых средств не будет абсолютно радикальной. Но необходимы дальнейшие сопоставительные исследования текста оригинала и текста перевода (в связи с этим представляется крайне интересным и перспективным сравнительное изучение текста-оригинала и авторского и «неавторского» переводов).

ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ДИСКУРСА

В этой главе основное внимание обращено на феномен, стоящий в центре коммуникативного акта, поддающийся непосредственному лингвистическому анализу и давно изучаемый представителями разных научных дисциплин, а именно: к тексту. Но текст рассматривается не столько как «изолированный» феномен, своего рода «вещь в себе», сколько как феномен, непосредственно связанный с экстралингвистической реальностью (и в том числе — с когнитивными явлениями), и следовательно, как единица дискурса. Читатели, знакомые с моими ранее публиковавшимися работами, найдут в этой главе не только изложение основных теоретических положений, но и их определенное развитие.

ПОНЯТИЕ «ДИСКУРС»

Термин «дискурс» столь популярен, столь и малоопределен. Сам термин ввел в обиход Ю. Хабермас для обозначения вида речевой коммуникации, предполагающего рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни. В научной литературе дискурс рассматривается как совокупность текстов с учетом их экстралингвистических параметров (в лингвистике); как общение, характеризующееся в качестве реализации определенных дискурсивных практик (по Фуко) (в социологии, социальной семиотике и политологии); как вид речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни (по Хабермасу) (в логике, философии, социологии и социальной семиотике) [Миронова 1997: 42, 47]. Однако даже в рамках лингвистической науки термин «дискурс» используется исследователями для обозначения феноменов разного порядка: спектр его употребления весьма широк, понимание же его колеблется от почти синонимичного термина *речь, связная речь* (Г. Г. Почепцов), *поток речи, сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, текст* (В. Г. Борботько), *от коммуникативно целостного и завершенного речевого произведения* [Клобуков 1995] *до определенного типа ментальности* (Н. Д. Арутюнова), *от вербализованного работающего сознания* (О. Г. Ревзина, О. В. Жукова) *до сложного коммуникативного явления, включающего наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие* [ван Дейк, 1989; Каримова, 1991], *от реального,*

естественного текста до речевых жанров. В целом следует отметить, что термин используется в узком и широком понимании. Дискурс в узком понимании является проявлением речевой деятельности (наряду с текстоидами) в разговорно-бытовой речи и представляет собой обмен репликами без особого речевого замысла (концепция О. Б. Сиротининой). Дискурс в широком понимании трактуется как проявление речедетельностных возможностей отдельной языковой личности (П. В. Зернецкий), как система коммуникации (Ю. А. Шрейдер, В. М. Сергеев) (см. обзор разных точек зрения в [Герасименко 1998; Мендже-рицкая 1997; Макаров 1998; Brown, Yule 1996], в работах Н. Н. Мироновой, а также см. историю вопроса в [Борботько 1998; Макаров 1998]). Обобщая существующий опыт анализа дискурса, D. Schiffrin выделяет три подхода к определению данного понятия [Schiffrin 1994: 20—43]: во-первых, дискурс определяется с позиций формально ориентированной лингвистики, когда дискурс понимается как произведение, превышающее по объему предложение; во-вторых, дискурс с функциональной точки зрения определяется как любое употребление языка; в-третьих, дискурс рассматривается с точки зрения взаимодействия формы и функции, как совокупность функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка (см. обзор подходов к изучению дискурса в [Макаров 1998: 69 и далее]).

Дискурс, как и текст, представляет собой сложный и неоднозначный феномен. Именно поэтому, очевидно, он не поддается единой (и единственно возможной) трактовке. Интересно, что исследователи, занимающиеся дискурсом на протяжении многих лет, дают подчас, если не противоречивые, то по крайней мере различные дефиниции феномена. Приведем в качестве иллюстрации определения «дискурса» из работ В. Г. Борботько, который изучает дискурс в течение долгого времени и докторская диссертация которого посвящена именно этому феномену. Итак, «дискурс — текст связной речи, состоящий из последовательности коммуникативных единиц языка, превышающих по объему простое предложение, которое находится в смысловой связи, выраженной лингвистическими средствами» [Борботько 1981: 19]. При этом сам автор признает, что не всякий текст есть дискурс: например, таковым не является «текст упражнения по грамматике» [Там же]. Дискурс — внутренне организованная последовательность комплексных единиц языка [Борботько 1983: 26]. Дискурс — комплексная коммуникативная единица языка с собственными структурно-семантическими характеристиками. Если дискурс завершен, т. е. в нем присутствуют такие характеристики, как связность, цельность, полнота и автосемантия (под которой понимается разрешенность всех вопросов референции внутри текста), то для его понимания адресату достаточно владеть синтаксисом и семантикой того языка (подъязыка), на котором он создан [Борботько 1982: 9—11].

Данные определения дискурса вызывают ряд серьезных возражений. Во-первых, по сути они представляют собой определения текста (о несводимости понимания дискурса к тексту — см., напр., [Виноград 1978]). Но даже по отношению

к тексту утверждение насчет достаточности знаний семантико-синтаксической системы языка по меньшей мере спорно. Во-вторых, дискурс никак не единица языка. Язык, речь, дискурс — явления если и не одного порядка, то во всяком случае не связанные отношениями иерархии. Они, безусловно, взаимосвязаны и взаимообусловлены, но как неправомерно говорить о речи как единице языка или языке как единице речи или дискурса, так же едва ли можно рассматривать дискурс как единицу языка или речи.

И наконец: «Дискурс, называемый также текстом связной речи, представляет собой речемыслительный процесс, приводящий к образованию структуры» [Борботько 1998₂: 1]. Данное определение весьма показательно, так как в нем «совместились» те понятия, которые подчас обозначаются термином «дискурс» и которые как раз и должны быть отграничены от последнего: это и текст, и связная речь, и речемыслительный процесс, и некоторая структура как результат данного процесса.

НАШЕ ПОНИМАНИЕ ДИСКУРСА

Отмечу, что мне наиболее близко понимание дискурса, представленное в работах, например, ванДейка, А. Е. Кибрика и Ю. Н. Караулова. Напомню, что последний понимает под дискурсом речевое произведение, которое рассматривается во всей полноте своего выражения (вербального и невербального, паралингвистического) и устремления с учетом всех экстралингвистических факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия. Однако, на мой взгляд, дискурс не только само произведение, но и деятельность (взятая в совокупности процесса и результата), в процессе которой речемыслительный продукт и порождается. Ср.: дискурс в понимании А. Е. Кибрика — «коммуникативная ситуация, включающая *сознание* коммуникантов (партнеров общения) и *создающийся в процессе общения текст*» [МЯДИС 1987: 41] (выделено мною. — В. К.). Это коррелирует с пониманием дискурса в современной психологии, которая определяет дискурс как социальную деятельность в условиях реального мира [Edwards, Potter 1992; Potter, Wetherell 1995], а также с трактовкой дискурса как подчеркнуто интерактивного способа речевого взаимодействия (хотя с оппозицией «дискурс/ диалог / процесс»vs. текст / монолог / продукт» я могу согласиться только с определенными оговорками, и в первую очередь мои возражения вызывает помещение в приведенную оппозицию диалога и монолога). Итак,

дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами.

При рассмотрении дискурса с точки зрения *результата* он (дискурс) предстает как совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации. При анализе дискурса как *процесса* дискурс представляет собой вербализуемую

(«здесь и сейчас») речемыслительную деятельность. В силу только что сказанного в предложенной дефиниции дискурса использована форма «*вербализованная*» деятельность. Дискурс имеет два плана — собственно-лингвистический и лингво-когнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс).

Существуют ли разные типы дискурса? Многие исследователи положительно отвечают на этот вопрос, с одной стороны, разграничивая, так сказать, национальные дискурсы (например, русский, английский, испанский и т. д.), с другой — в рамках одного национального дискурса выделяя, например, дискурс поэтический, эстетический, научный, критический, педагогический, юридический, политический¹ и другие [Миронова 1997].

Я полагаю, что безусловно можно говорить о «национальном» дискурсе (в предложенном понимании последнего термина). Таким образом, например, *русский дискурс — это вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата, обладающая как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами и осуществляемая на русском языке представителями русского национально-лингво-культурного сообщества*.

При этом, очевидно, возможны пограничные, переходные случаи, когда общение осуществляется, например, на русском языке представителями разных национально-лингво-культурных сообществ (вполне вероятная ситуация, к примеру, в любом учебном заведении, где есть иностранные студенты). О каком дискурсе в таком случае можно говорить: о русском или каком ином? Я думаю, что в подобной ситуации не представляется возможным определить дискурс как однозначно мононациональный, так как даже при идеальной русской лингвистической форме выражения когнитивные аспекты, т. е. то, что стоит за речью, за лингвистической формой, за языковыми средствами, будут весьма различны и отличны от русских.

Что касается выделения типов дискурса в рамках одного национально-лингво-культурного «поля», то поэтический дискурс есть дискурс поэтических текстов, принадлежащих представителям конкретного национально-лингво-культурного сообщества и предназначенных для представителей того же национально-лингво-культурного сообщества; а, соответственно, политический дискурс в России, например, есть русский дискурс в русской политической сфере. Иначе говоря, это не есть отдельные типы (в строгом смысле) дискурса, но лишь некоторые «модификации» последнего, определенным образом «адаптированные» в соответствии с той сферой, в которой он функционирует.

¹ Политическому дискурсу были посвящены даже отдельные рабочие совещания — см. [Политический дискурс 1997, 1998, 1999, 2000, 2001].

Дискурс, включающий в себя лингвистические и экстралингвистические компоненты, проявляется в коммуникации и в ней функционирует, коммуникация без дискурса невозможна.

Таким образом, с точки зрения лингвистики, дискурс является единым организмом, в котором одновременно реализуются самые разнообразнейшие аспекты не только языка, но и языкового мышления, поскольку «везде... за грамматическими и нормальными категориями скрываются психологические» [Выготский 1956: 334]. Текст же как реализация дискурса — «это, (по выражению Г. Вайнриха) безусловно, такое единство, в котором все взаимосвязано» [Дресслер 1978: 111].

ПОНЯТИЕ «ТЕКСТ»

Многие ученые уже достаточно давно пришли к идее «первичности» текста: с одной стороны, в процессе коммуникации мы говорим не отдельными, разрозненными предложениями, но текстами, с другой — именно текст получает исследователь языка в качестве исходного материала для анализа.

Сегодня уже мало кто спорит с идеей П. Хартмана о том, что все носители языка говорят только текстами, а не словами и не предложениями, по меньшей мере предложениями из слов в текстах. Ср.: «Мы не просто подбираем слова в высказывании соответственно отдельно окружающим нас предметам и явлениям, а вместе с тем строим высказывание сразу как *целое*» [Леонтьев 1965: 171—172]. Л. Ельмслев же считал, что исследователю языка в качестве исходного пункта дается именно текст «в своей нерасчлененной и абсолютной целостности». См. также: «Текст как одна из форм фиксации речи (речь *post hoc*) является превращенной формой общения, предстоящей лингвисту в качестве единственного объекта исследования, в котором опредмечен и замещен весь процесс общения» [Тарасов 1974: 98].

Оговорюсь сразу, что в данном случае речь идет о спонтанных речевых текстах, которыми обмениваются коммуниканты в процессе общения. Художественные тексты как таковые², научные тексты, тексты, «созданные» по установленным законам определенных жанров (например, докладные записки и т.п.), тексты, порожденные именно и в первую очередь как собственно письменные (а не как некоторая «фиксация» устного текста, как, например, записка или бытовое письмо) и т. д. в настоящем исследовании не анализируются. При этом едва ли не важнейшее и основополагающее деление текстов на диалог и монолог оказывается на некотором уровне анализа нерелевантным (см., напр.: «Разделение высказываний на диалогические и монологические условно, потому что монолог является частью диалога — любое общение возможно как обмен высказываниями: диалог. С другой стороны, основой диалогической речи является моно-

²Хотя я считаю вполне допустимым (с определенными оговорками, разумеется) использование в качестве примеров фрагментов художественных произведений — прозаических и драматических, — «воспроизводящих» реальные ситуации общения.

лог, так как правильное построение монологического высказывания предполагает ответ или воспроизведение» [Волков 1996: 11—12]). Однако следует постоянно держать в памяти их основные дифференциальные характеристики, о которых писал А. А. Леонтьев: диалог характеризуется реактивностью, монолог — развернутостью речи [Леонтьев 1974: 252], — а также мысль Л. П. Якубинского, которую он высказал в работе «О диалогической речи», о существовании промежуточных видов речи, когда диалог превращается в обмен монологами.

Однако текст как элементарная (т. е. базовая, минимальная и основная) единица дискурса — явление не только лингвистическое, но и экстралингвистическое. Данное положение лежит в основе наших рассуждений *о психолингвистике текста*; при этом «*текст*» рассматривается как объект изучения, вторая часть термина (*психолингвистика*) определяет, с каких позиций мы изучаем данный объект, а первая часть (*психолингвистика*) показывает, под каким углом зрения мы рассматриваем данное явление. Отмечу, что психолингвистика текста не является узкоприкладным, сугубо экспериментальным направлением исследования, но, напротив, совмещая и обобщая данные лингвистики и психологии, помогает понять природу текста как такового, определить некоторые закономерности его порождения и восприятия. Такой подход позволяет, на мой взгляд, лингвисту оставаться лингвистом и вместе с тем учитывать важнейшие факторы, обуславливающие функционирование изучаемого объекта.

Я предлагаю смотреть на текст как на основную единицу дискурса, «первичную языковую данность» [Шмидт 1978: 98] глазами лингвиста, который считает, что текст — явление не только лингвистическое, но и экстралингвистическое и поэтому не может рассматриваться исключительно в рамках автономной языковедческой науки. Этим и объясняется то понимание процессов порождения и восприятия текста как предмета особого направления научных исследований — психолингвистики текста, которое я предлагаю.

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ РАССМОТРЕНИЯ РАЗНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЛИНГВИСТИКИ

Как морфемы формируют слова, а слова складываются в словосочетания и предложения, так и предложения формируют некую единицу более «высокого уровня»³. Данная единица определялась разными исследователями по-разному: сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, речевое построение (*discourse*), глобальное единство, макроструктура, (сложное) высказывание, (сложная) фраза, текст. В наших работах используется последний термин — «текст».

Традиционное, по А. А. Леонтьеву, понимание текста сводится к тому, что текст есть *единица высшего уровня*, к которой можно прийти от и после предло-

³Об уровневой иерархии языка написано много работ, поэтому я позволю себе упомянуть лишь некоторые из них, не останавливаясь на этом вопросе более подробно; см., например, [Бенвенист 1965; Барт 1978] и др.

жения (при этом, однако, *не следует считать* текст некой «текстемой», *лингвистической единицей*) [Леонтьев 1976: 67, 68] (выделено мною. — В. К.). Текст представляется собой единицу в значительной степени «автономную», «самодостаточную», которая формируется единицами «низших» уровней, но не является простой суммой более «элементарных» единиц. Ср.: «Текст — это результат человеческой деятельности, который можно определить как такое единство предложений, которое направлено на выполнение стратегических и тактических задач общения в широком смысле» [Демьянков 1979: 113]; а также: «Текст — сложная коммуникативная единица наиболее высокого порядка, продукт и предмет коммуникативно-познавательной деятельности» [Дридзе 1981: 135].

В своих работах я различаю микротекст и макротекст (о чем мы будем говорить подробнее чуть позднее) и пользуюсь при этом соответствующими терминами. Однако говоря об общих закономерностях, характерных для любого текста независимо от формы его презентации (монолог или диалог), сложности структуры (микро- или макро-), стилевой принадлежности, степени «обработанности»⁴ и т.д., мы используем термин «текст» (как таковой) как наиболее адекватно называющий рассматриваемую единицу, выделяемую в дискурсе.

Текст — явление настолько многогранное и разноплановое, что не существует, да и вряд ли может существовать единое его понимание и определение. Сложность определения понятия «текст» обуславливается, по Г. П. Щедровицкому, тем, что каждый текст вплетен в множество разных деятельностей и существует как текст лишь благодаря тому, что он имеет определенные функции в этих деятельностях [Щедровицкий 1974: 204].

Каждый исследователь вкладывает в понятие «текст» свой собственный смысл и дает термину свое собственное толкование, исходя из постулатов той науки, представителем которой является, и в соответствии со своими научными взглядами, представлениями и пристрастиями, в соответствии со своей концепцией и пониманием природы языка и человека (ср.: «Объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что точка зрения создает самый объект» [Соссюр 1933: 33]).

Наиболее распространенным в лингвистике является взгляд на текст как на «определенным образом упорядоченное множество предложений, объединенных единством коммуникативного задания» [Ейгер, Юхт 1974: 103]. Следовательно, текст в широком смысле может быть определен как любой целостный (законченный) продукт речевой деятельности. Многие исследователи, однако, будучи не удовлетворены таким положением дел, выдвигают более узкое понимание текста, при котором к текстам относятся только «закрытые», фиксированные, «отграниченные», обработанные, осмысленные и/или письменные речевые произведения (И. Р. Гальперин, Г. В. Ейгер, В. Л. Юхт, Э. Г. Ризель, И. Г. Ольшан-

⁴См.: [Гальперин 1981: 18; 19; Белянин 1988: 15]. В указанных сочинениях речь понимается как результат спонтанного говорения, а текст в узком смысле — как обработанная речь.

ский и др.). Именно на этом критерии основано в ряде случаев разграничение текста и речи. При таком подходе к тексту нижней границей текста признается предложение, а верхняя граница задается самим автором [Ейгер, Юхт 1974: 104].

Многими лингвистами давно признано, что текст есть едва ли не основная единица коммуникации, ибо, по выражению Г. Вайнриха, «мы говорим нормально не разрозненными словами, а предложениями и текстами, и наша речь покоится на ситуации» (Weinrich 1966: 15; цит. по: [Шмидт 1978: 94—95]; вспомним в связи с этим и уже упомянутые идеи Й. Ельмслева, П. Хартмана, А. А. Леонтьева).

Такое понимание текста характерно не только для «чистых» лингвистов и философов языка, но и для тех исследователей, которые изучают речевые произведения с точки зрения психологии и психолингвистики: текст есть «основная единица коммуникации», «феномен реальной действительности и способ отражения действительности, построенный с помощью элементов системы языка» [Леонтьев 1979; Белянин 1988]; текст «содержит в себе как бы всю "картинку" ситуации общения в ее единстве и нерасчлененности» [Голод, Шахнарвич 1984: 33]. Мне представляется, что именно такая референция (соотнесенность с соответствующей ситуацией, о чем говорил еще Бенвенист) отличает текст от иных единиц — единиц языка, сама же ситуация имеет «статус полноправного компонента структуры текста» [Барт 1978: 447]. Психолингвистика изучает процессы производства и понимания речи, социальные, коммуникативные условия протекания этих процессов с учетом экстралингвистических факторов и психологической значимости знакомых единиц языка [Головина 1985: 47]. Порождение текста зависит не только от целей и условий коммуникации, но и от ситуации, которую он отражает [Аспекты 1982: 17]. Думается в связи с этим, что в определенной степени можно согласиться с идеей о том, что текст по сути является некоторой «единицей номинации» [Мелихова 1982] и что его наиболее важным аспектом является «номинативная сторона», т. е. соотнесенность языковых элементов с обозначаемыми ими внеязыковыми объектами, реально существующими или мыслимыми, так как всякий текст «говорит о чем-то» [Гак 1974: 61]. При мотивационно-целевом анализе, в основе которого лежит концепция Т. М. Дридзе, текст рассматривается как иерархия разнопорядковых смысловых блоков — предикаций (под предикацией в данном случае понимается выраженные в тексте или обусловленные текстом семантико-смысловые связи, существенные с точки зрения реализации основного замысла) [Биева 1982: 71].

Как отмечалось многими исследователями, текст как явление языковой и экстралингвистической действительности, представляет собой сложный феномен, выполняющий самые разнообразные функции: это и средство коммуникации, и способ хранения и передачи информации, и отражение психической жизни индивида, и продукт определенной исторической эпохи, и форма существования культуры, и отражение определенных социокультурных традиций и т. д. Все это обуславливает многообразие подходов, множественность описаний и многочисленность определений текста.

В связи с этим достаточно давно уже была выдвинута идея автономной науки о тексте — транслингвистики, лингвистики (связного) текста (о становлении лингвистики текста как самостоятельной дисциплины — см., напр., [Москальская 1981]). При этом задача данной научной дисциплины понималась как необходимость «найти и построить систему грамматических категорий текста с содержательными и формальными единицами именно этой сферы» [Николаева 1978: 10, 31], «описать сущность и организацию предпосылок и условий человеческой коммуникации» [Kallmeyer 1974: 25]. Однако попытки максимально точно и строго определить формальные и содержательные единицы сопровождались признаниями, что «грамматика текста есть, очевидно, грамматика полей и градуальных переходов, а не система оппозиций дискретных элементов» [Николаева 1978: 36]. Модели описания текста создавались учеными с учетом вертикального или горизонтального порождения текста⁵ [Николаева 1978: 24, 33, 39].

Так, с точки зрения *лингвистики текста*, текст есть «феноменологически заданный первичный способ существования языка» [Шмидт 1978: 105]; «любой отрывок связной речи, начиная от простого высказывания до целого романа» [Рахманкулова 1976: 3]; последовательность языковых единиц, построенная с помощью непрерывного местоименного сцепления [Harweg 1968: 148; цит. по: Шендельс 1987: 86]; последовательность высказываний с разным объективным содержанием и субъективными характеристиками (но не обязательно), цементируемая метатекстовыми отношениями [Шмелева 1988: 169]. Предложения, которых может быть сколь угодно много в тексте, формируют текст, если они имеют общую тему и связаны между собой логической связью [Jorgensen, Svensson 1987: 167]. Предметом лингвистики текста являются «языковые средства построения дискурса⁶, обеспечивающие его связность, цельность, полноту, законченность, общую модальность и т. д.» [Головина 1985: 46]. В рамках лингвистики текста «связный текст понимается обычно как некоторая (законченная) последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора» [Николаева 1978: 6], это «понятие одновременно синтагматическое и функциональное. Это — специальным образом организованная, закрытая цепочка предложений, представляющая собой единое высказывание» [Москальская 1981: 17]. Такое понимание текста некоторым образом соотносимо со взглядами на текст философов языка, для которых текст — это связная, компактная, воспроизводимая последовательность знаков или образов, развернутая по стреле времени, выражающая некоторое содержание и обладающее смыслом, в принципе доступным пониманию [Брудный 1985: 21; Нишанов 1986: 3]. Будучи «единым высказыванием», единой «связной, воспроизводимой последовательно-

⁵ На мой взгляд, не стоит столь резко (в виде бинарной оппозиции) противопоставлять вертикальное и горизонтальное порождение текста, ибо одно невозможно без другого, эти процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены.

⁶ Замечу, что в приводимой цитате автор использует термины «текст» и «дискурс» как синонимичные.

стью», текст вместе с тем «включается в цепь связей» и трактуется как «множество высказываний в их функции и — соответственно — как социокоммуникативная реализация текстуальности⁷» [Schmidt 1973: 150], как последовательность предложений, связанных друг с другом текстуальными связями [Isenberg 1968: 4; цит. по: Шендельс 1987: 86]. При этом текст есть «не просто совокупность цепочечных микроструктур, но некоторое глобальное единство, макроструктура», все высказывания которой «связаны не только линейной, но и глобальной когерентностью» [Николаева 1978: 34].

Текст понимается как структура любого законченного и связного, независимого и грамматически правильного письменного или устного высказывания (на эмическом уровне; например, Koch: «Textem») или как актуальная реализация этого высказывания (на этическом уровне; например, Harweg: «Textvorkommen») [Дресслер 1978: 114]. Текст как объект транслингвистики определяется как «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся к собственно языку» [Барт 1978: 444]. Текст может интерпретироваться и как относительно завершённый отрезок общения, как единица, структурированная и организованная по определенным правилам, несущая когнитивную, информативную, психологическую и социальную нагрузку общения [Колшанский 1984: 89].

С точки зрения *теории речевых актов*, диалогический текст (являющийся по сути одним из видов текста) представляется в виде «связной структуры минимальных единиц, формирующих статическую иллюкутивную структуру диалога». А «минимальная диалогическая единица, или минимальный диалог» понимается как последовательность реплик двух участников диалога — адресанта и адресата, характеризующаяся определенными особенностями [Баранов, Крейдлин 1992₁: 94, 99]. При этом диалог рассматривается как «система обязательств его участников по удовлетворению коммуникативной потребности собеседника» и определяется как «система иллюкутивных вынуждений» [Баранов, Крейдлин 1992₂: 84].

С точки зрения *современной лингвистики (художественного) текста* (учитывающей психолингвистические аспекты порождения и восприятия текста), «текст есть продукт, порожденный языковой личностью и адресованный языковой личности. В тексте реализуется антиномия: системность/индивидуальность». При этом признается, что «текст мертв без акта познания» [Тураева 1994: 106, 107].

Специфика же *психолингвистического подхода* к тексту «состоит в рассмотрении текста как единицы коммуникации, как продукта речи, детерминированной потребностями общения» [Белянин 1988: 9] (что явно коррелирует с теорией

⁷ Под текстуальностью понимается двустороннее явление, некоторая структура, обладающая как языковыми, так и социальными аспектами [Николаева 1978: 18].

коммуникации «чистых» лингвистов) (см. также [Стриженко 1976; Дридзе 1981: 135; Аспекты 1982: 65; Сорокин 1982; Кандинский 1982: 23; Абызова 1986: 23]). При таком подходе текст понимается как развернутое высказывание, «которое должно обладать законченностью в плане выражения замысла» и которое «должно быть представлено структурно в виде отдельных более или менее самостоятельных групп высказываний, связанных между собой на формально-грамматическом и семантическом уровнях» (идея высказывалась И. Р. Гальпериным⁸; цит. по [Белянин 1988: 17]). Текст признается единицей не языка, но речи, и понимается как «элемент системы коммуникации» [Аспекты 1982: 10], как подсистема акта коммуникации, которая (подсистема) связана с другими подсистемами — коммуникативными деятельностями, как максимальная единица функционирования языка и коммуникации, единственная самостоятельная речевая целостность [Сидоров 1982: 6—8]. Текст с точки зрения психолингвистики — сложная коммуникативная единица наиболее высокого порядка, продукт и предмет коммуникативно-познавательной деятельности [Дридзе 1981: 135]; это результат человеческой деятельности, который можно определить как такое единство предложений, которое направлено на выполнение определенных стратегических и тактических задач общения в широком смысле [Демьянков 1979: 113]. Текст в коммуникации — речевое произведение (высказывание⁹), обладающее сложной многоуровневой и многоаспектной структурой, которая соотносима с различными коммуникативными функциями текста [Романов 1986: 10]. Текст — это «знаковая продукция» (Ю. А. Сорокин), протяженность которой ограничивается «замыслом ее создателя» (Д. С. Лихачев), это «форма объективации субъективных смыслов автора во внешней, знаковой, языковой форме» [Шахнарович, Апухтин 1981: 114, 117].

Согласно *теории массовой коммуникации* (одному из направлений психолингвистики), текст также представляет собой иерархию коммуникативных программ и подчинен деятельности, в которую он включен (см. работы таких исследователей, как, например, А. М. Шахнарович, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Т. М. Дридзе, а также — И. Р. Гальперин, И. А. Зимняя, В. Г. Борботько, А. С. Штерн, Ю. В. Ванников, А. Е. Ножин и др.).

⁸ При этом текст, понимаемый как целостное речемыслительное образование, иногда (вслед за И. Р. Гальпериным) противопоставляется речи как результату спонтанного говорения, как речь обработанная — спонтанно порожденным высказываниям [Белянин 1988: 15]: текст есть «сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящего из ряда высказываний, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющий определенный модальный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанный» [Гальперин 1974: 67]. Из этого определения вытекает достаточно категоричный вывод о том, что «текст никак не связан с устной речью» [Там же]. С данными положениями (и исходным, и выводом из него) я никак не могу согласиться.

⁹ Следует отметить, что исследователи достаточно часто используют термины «текст», «высказывание», «фраза» как синонимичные или, по крайней мере, тождественные; ср.: «Если под фразой разумеется сложную фразу, т. е. сложное высказывание, то диапазон расширится от слова до текста» [Мелихова 1982: 67] (выделено нами. — В. К.).

Поскольку цель любого общения состоит в том, чтобы некоторым образом изменить поведение или состояние реципиента (собеседника, читателя, слушателя), т. е. вызвать определенную вербальную, физическую, ментальную или эмоциональную реакцию, то задачей любого текста является воздействие на реципиента¹⁰, которое возможно только в том случае, если автор текста выбрал языковые средства, адекватные своему замыслу (коммуникативной программе) (ср.: «Текст есть инструмент для выполнения некоторой задачи» [Кандинский 1982: 23]), а реципиент понял текст адекватно замыслу автора. И поскольку «текст не существует вне его создания и восприятия» [Леонтьев 1969: 15], но «существует только в процессе его смыслового восприятия или в процессе его производства» [Тарасов, Соснова 1985: 30], то, следовательно, задачей психолингвистики текста признается исследование процессов и механизмов порождения и восприятия текста во всей совокупности текстовых элементов и категорий. При этом «основой построения психолингвистической модели того или иного типа текста должен быть учет не только лингвистических аспектов его организации, но и психологических мотивов его порождения. Построение психолингвистической модели восприятия текста должно строиться как на основе учета содержательных и формальных характеристик текста, так и психологических закономерностей восприятия текста различными реципиентами» [Белянин 1988: 42].

Современные исследователи текста предпринимают попытки объединить и использовать опыт и собственно лингвистического, и прагмалингвистического, и социолингвистического, и психолингвистического подходов к анализу такого сложного феномена, каким является текст. Это связано, как мне кажется, с осознанием необходимости более широкого («философского») подхода на основе объединения опыта частных, узкоспециальных исследований, с одной стороны, а с другой — с гуманизацией лингвистической науки, с возрастающим интересом к субъекту коммуникации — человеку говорящему. В связи с этим лингвистика текста приобретает сегодня «статус науки, связывающей исследование языка с анализом социального взаимодействия, с психологией личности», и, таким образом, анализ текста, изучение того, как протекают процессы порождения и понимания текста, по сути становится изучением «мыслительных процессов и социально значимых действий людей» [Тураева 1994: 105]. Ср.: текст есть «продукт речемыслительной деятельности людей, возникающий и в процессе познания окружающей действительности, и в процессе непосредственно или опосредованной коммуникации»; он есть «материализация некоторой соответствующей его объему и характеру совокупности используемых при его создании выразительных средств конкретного языка и в этом смысле — непосредственная

¹⁰ Ср.: «Речь — это деятельность, предполагающая использование Языка с целью воздействия, регуляции мыслительной деятельности собеседника. Текст — это инструмент такого воздействия. Его природа, его устройство подчинены необходимости выполнения этой функции» [Рудяков 1997: 73].

данность последнего»¹¹ [Абрамов 1974: 3]. При этом «в центре внимания лингвистики текста находится поведенческий характер значения, его связь с контекстуальными условиями употребления»¹² Лингвистика текста концентрирует свое внимание не столько на стабильном значении, сколько на изменчивом содержании высказывания» [Тураева 1994: 107].

НАШЕ ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА «ТЕКСТ»

Представив вкратце разные точки зрения на текст, предложу свое понимание данного феномена, предварительно изложив некоторые исходные положения. Итак, *текст* (в первую очередь — спонтанный, речевой) есть:

- 1) *вербальный и знаково зафиксированный (в устной или письменной форме) продукт речемыслительной деятельности;*
- 2) *вербальная и знаково зафиксированная «реакция» на ситуацию;*
- 3) *опосредованное и вербализованное отражение ситуации;*
- 4) *речемыслительный продукт, который обладает содержательной завершенностью и информационной самодостаточностью;*
- 5) *речемыслительный продукт, который обладает тематическим, структурным и коммуникативным единством;*
- 6) *нечто объективно существующее, материальное и поддающееся фиксации с помощью экстралингвистических средств (например, орудий письма, бумаги, аудио-/видео пленки и т. д.);*
- 7) *некая особая предикативная единица, если под предикацией понимать вербальный акт, с помощью которого автор интерферирует («вписывает») в окружающую действительность отраженную в его сознании картину мира, результатом чего является изменение объективно существующего реального мира;*
- 8) *нечто изменяющее окружающий мир, экстралингвистическую реальность самим фактом своего существования;*
- 9) *с точки зрения формально-содержательной структуры и вычленения в дискурсе, текст есть речевое произведение, которое начинается репликой, не имеющей вербально выраженного стимула, и заканчивается последней вербально выраженной реакцией на стимул (вербальный или невербальный).*

¹¹ Представляется интересным в связи с этим замечание Л. С. Бархударова о том, что лингвистика текста рассматривает текст как единицу языка, но конкретный текст при этом является единицей речи [Бархударов 1974: 40]. Для меня текст не является ни единицей языка, ни единицей речи. Текст есть единица дискурса (аргументы в пользу такого понимания текста — см. немногим далее).

¹² «Лингвистика текста» в таком понимании некоторым образом коррелирует с предлагаемым подходом, который мы назвали психолингвистикой текста, поскольку в данном случае речь идет не только о собственно лингвистических аспектах текста, но и об экстралингвистических, связанных с мыслительными процессами (порождения и восприятия, в том числе), контекстом и конситуацией, что обуславливает внимание к деятельности человека.

Поскольку цель любого общения состоит в том, чтобы некоторым образом изменить поведение или состояние реципиента (собеседника, читателя, слушателя), т. е. вызвать определенную вербальную, физическую, ментальную или эмоциональную реакцию, то задачей любого текста является воздействие на реципиента¹⁰, которое возможно только в том случае, если автор текста выбрал языковые средства, адекватные своему замыслу (коммуникативной программе) (ср.: «Текст есть инструмент для выполнения некоторой задачи» [Кандинский 1982: 23]), а реципиент понял текст адекватно замыслу автора. И поскольку «текст не существует вне его создания и восприятия» [Леонтьев 1969: 15], но «существует только в процессе его смыслового восприятия или в процессе его производства» [Тарасов, Соснова 1985: 30], то, следовательно, задачей психолингвистики текста признается исследование процессов и механизмов порождения и восприятия текста во всей совокупности текстовых элементов и категорий. При этом «основой построения психолингвистической модели того или иного типа текста должен быть учет не только лингвистических аспектов его организации, но и психологических мотивов его порождения. Построение психолингвистической модели восприятия текста должно строиться как на основе учета содержательных и формальных характеристик текста, так и психологических закономерностей восприятия текста различными реципиентами» [Белянин 1988: 42].

Современные исследователи текста предпринимают попытки объединить и использовать опыт и собственно лингвистического, и прагмалингвистического, и социолингвистического, и психолингвистического подходов к анализу такого сложного феномена, каким является текст. Это связано, как мне кажется, с осознанием необходимости более широкого («философского») подхода на основе объединения опыта частных, узкоспециальных исследований, с одной стороны, а с другой — с гуманизацией лингвистической науки, с возрастающим интересом к субъекту коммуникации — человеку говорящему. В связи с этим лингвистика текста приобретает сегодня «статус науки, связывающей исследование языка с анализом социального взаимодействия, с психологией личности», и, таким образом, анализ текста, изучение того, как протекают процессы порождения и понимания текста, по сути становится изучением «мыслительных процессов и социально значимых действий людей» [Тураева 1994: 105]. Ср.: текст есть «продукт речемыслительной деятельности людей, возникающий и в процессе познания окружающей действительности, и в процессе непосредственно или опосредованной коммуникации»; он есть «материализация некоторой соответствующей его объему и характеру совокупности используемых при его создании выразительных средств конкретного языка и в этом смысле — непосредственная

¹⁰ Ср.: «Речь — это деятельность, предполагающая использование Языка с целью воздействия, регуляции мыслительной деятельности собеседника. Текст — это инструмент такого воздействия. Его природа, его устройство подчинены необходимости выполнения этой функции» [Рудяков 1997:73].

данность последнего»¹¹ [Абрамов 1974: 3]. При этом «в центре внимания лингвистики текста находится поведенческий характер значения, его связь с контекстуальными условиями употребления»¹² Лингвистика текста концентрирует свое внимание не столько на стабильном значении, сколько на изменчивом содержании высказывания» [Тураева 1994: 107].

НАШЕ ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА «ТЕКСТ»

Представив вкратце разные точки зрения на текст, предложу свое понимание данного феномена, предварительно изложив некоторые исходные положения. Итак, *текст* (в первую очередь — спонтанный, речевой) есть:

- 1) *вербальный и знаково зафиксированный (в устной или письменной форме) продукт речемыслительной деятельности;*
- 2) *вербальная и знаково зафиксированная «реакция» на ситуацию;*
- 3) *опосредованное и вербализованное отражение ситуации,*
- 4) *речемыслительный продукт, который обладает содержательной завершенностью и информационной самодостаточностью;*
- 5) *речемыслительный продукт, который обладает тематическим, структурным и коммуникативным единством;*
- 6) *нечто объективно существующее, материальное и поддающееся фиксации с помощью экстралингвистических средств (например, орудий письма, бумаги, аудио-/видео пленки и т. д.);*
- 7) *некая особая предикативная единица, если под предикацией понимать вербальный акт, с помощью которого автор интерферирует («вписывает») в окружающую действительность отраженную в его сознании картину мира, результатом чего является изменение объективно существующего реального мира;*
- 8) *нечто изменяющее окружающий мир, экстралингвистическую реальность самим фактом своего существования;*
- 9) *с точки зрения формально-содержательной структуры и вычленения в дискурсе, текст есть речевое произведение, которое начинается репликой, не имеющей вербально выраженного стимула, и заканчивается последней вербально выраженной реакцией на стимул (вербальный или невербальный).*

¹¹ Представляется интересным в связи с этим замечание Л. С. Бархударова о том, что лингвистика текста рассматривает текст как единицу языка, но конкретный текст при этом является единицей речи [Бархударов 1974: 40]. Для меня текст не является ни единицей языка, ни единицей речи. Текст есть единица дискурса (аргументы в пользу такого понимания текста — см. немногим далее).

¹² «Лингвистика текста» в таком понимании некоторым образом коррелирует с предлагаемым подходом, который мы назвали психолингвистикой текста, поскольку в данном случае речь идет не только о собственно лингвистических аспектах текста, но и об экстралингвистических, связанных с мыслительными процессами (порождения и восприятия, в том числе), контекстом и конситуацией, что обуславливает внимание к деятельности человека.

Высказанные положения требуют некоторых комментариев. Во-первых, я намеренно взяла слово «реакция» в кавычки, дабы избежать путаницы и понимания его с позиции бихевиоризма. Во-вторых, следует, очевидно, объяснить понимание текста как некоторой реакции на ситуацию и опосредованного ее (ситуации) отражения. По мнению психологов, даже у низших организмов реакция на раздражение проходит через «этап» ощущений. У человека данный процесс идет на более высоком уровне — через сознательное отражение действительности. Таким образом, (весьма грубо и приблизительно) цепочка может иметь следующий вид (более конкретно, применительно к тексту, — см. далее в настоящей главе):

ситуация → отражение → что есть / что хочу → мотив → действие

(некоторая корректировка уже существующей когнитивной картины мира; оценка того, что есть, и определение того, что должно быть)

(речевой акт)

речевое произведение

В-третьих, говоря о трех единствах, необходимо обязательных для текста, мы следуем идее О. И. Москальской о тематической, коммуникативной и структурной целостности текста [Москальская 1981]. Однако, критерий «коммуникативное единство», требует, на мой взгляд, некоторых оговорок: этот критерий однозначно работает при анализе монологических текстов; при изучении же диалогических текстов (например, вопросно-ответных единств) он должен быть некоторым образом уточнен, что и будет нами сделано немного позднее. В-четвертых, тезис об объективном материальном характере текста соотносится с мнением о том, что «текст — нечто существующее объективно, материально, независимо от воспринимающего субъекта» [Правдин 1976: 101] и, добавлю от себя, от автора текста, т. е. текст есть нечто претерпевшее отчуждение. И наконец, в-пятых, предложенное понимание предикативности текста перекликается с определением предикации в современной психолингвистике, в соответствии с которым предикация есть интеллектуальный процесс, в ходе которого порождается новый элемент — смысл. Следовательно, текст есть форма объективации субъектных смыслов автора во внешней, знаковой, языковой форме [Шахнарович, Апухтин 1981: 117].

Представленное выше понимание текста некоторым образом соотносится с идеей И. Г. Торсуевой о том, что текст как объект реальной действительности существует в четырехмерном гносеологическом пространстве. Иначе говоря, текст: 1) существует как качественная единица предметного мира, в которой системой является он сам; 2) существует как часть своей видо-родовой макросистемы и подчиняется ее закономерностям; 3) подчиняется закономерностям микромира, который действует в данных условиях, т. е. особенностям языкового материала; 4) включается в определенную среду, в систему внешних взаимодействий [Торсуева 1987: 149—150].

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТА

Будучи единицей дискурса, т. е. составляющей коммуникативного акта¹³, текст обладает теми же особенностями (во всяком случае — основными), которые характерны для коммуникативного акта как такового. Исходя из этого, можно утверждать, что правомерным будет выделение следующих аспектов, которые должны учитываться при изучении текста:

(1) *экстралингвистический*; текст есть реакция на ситуацию, одним из компонентов которой является конситуация, то есть собственно экстралингвистическая реальность; конситуация может «провоцировать» порождение текста и в любом случае в нем отражается, но не непосредственно, а через представление о ней¹⁴, последнее же (т. е. представление о ситуации) входит в пресуппозицию;

(2) *когнитивный*; именно наличие широкой пресуппозиции предопределяет успешное протекание коммуникации, т. е. отбор адекватных средств при порождении текста и адекватное его понимание;

(3) *семантический*; контекст, наряду с пресуппозицией, влияет на отбор языковых средств и строение текста, с одной стороны, а с другой — обуславливает адекватное его восприятие;

(4) *{собственно}лингвистический*; совокупность языковых средств, формирующих текст, вербальный продукт, который, повторим, по мысли Л. Ельмслева, получает ученый в качестве исходного материала для своих исследований.

Таким образом, текст есть продукт речемыслительной деятельности, который первый раз рождается в момент порождения его автором и может переживать последующие рождения при восприятии его реципиентом. Текст живет именно в момент своего порождения и восприятия. (Ср.: «Текст не существует вне его создания или восприятия» [Леонтьев 1969, 15]; текст «существует только в процессе его смыслового восприятия или в процессе его производства», а также: «Речевой текст как знаковое образование, имеющее материальную и идеальную сторону, существует только в процессе его производства и восприятия» [Тарасов, Соснова, 1985: 30, 33]). И это не противоречит высказанному тезису о «материальности» текста и возможности его «фиксации». Думается, аналогичная ситуация имеет место, когда речь идет, например, о музыкальных произведениях: музыка «живет», только когда звучит. Но никто и ничто не мешает «фиксиро-

¹³Ср.: текст — подсистема акта коммуникации, связанная с другими подсистемами — коммуникативными деятельностями [Сидоров 1982: 6].

¹⁴Ср. с уже приведенными нами идеями Т. П. Ломтева и З. Я. Тураевой, а также: «Можно полагать, что между действительной, реальной ситуацией и отражающим эту действительность высказыванием (результатом речевых действий) находится некий промежуточный этап — этап членения ситуации для специфических целей» [Шахнарович, Юрьева 1990: 21]. См. также: «Сам язык, как значащая система, требует соотношения с существованием» и «является по существу системой значений; он не может не обозначать что-либо, и все его существование заключается в значении» [Рикёр 1995: 24, 51].

вать» ее с помощью нотных знаков и чисто технических средств (чернил, бумаги, пленки), и в таком виде она может храниться сколь угодно долго, пребывая как бы во сне. При этом если нотную запись возьмет музыкант или некто, кто знаком с музыкальной грамотой, вполне очевидно, что музыка оживет в его голове, для других же людей она останется некой «виртуальной реальностью»: вроде, она есть (мы ее «видим», можем «взять в руки»), а вроде, ее и нет (мы ее не слышим). В таком же «виртуальном» состоянии пребывает и текст вне процессов порождения и восприятия.

Текст объективно предстает как некий текстовый инвариант, который допускает некоторое число вариантов, причем число вариантов, соответствующих данному инварианту, всегда свободно, но не бесконечно¹⁵. Текст «покоится на ситуации» (Г. Вайнрих): именно ситуация создает мотив и интенцию для порождения текста. Создавая текст, автор производит селекцию знаковых форм и отбирает те из них, которые, с одной стороны, максимально полно и адекватно отражают и выражают замысел, а с другой — максимально соответствуют «типу» реципиента, входят в его знаковую систему и смысловой код, что и позволяет последнему воспринимать и понимать текст. Таким образом, автор не только создает текст, но и некоторым образом прогнозирует его восприятие реципиентом¹⁶. Будучи явлением не только лингвистическим, но и экстралингвистическим, текст связан с окружающей действительностью отношениями двунаправленной зависимости.

Определив, что есть текст и указав его основные аспекты, необходимо определить и те признаки, которые данную единицу характеризуют, отличают от единиц иного рода и выделяют из числа подобных, вычлняя в дискурсе. Иначе говоря, необходимо найти и обосновать дифференциальные признаки текста и

¹⁵ Проблема вариативности представляется мне достаточно сложной, ибо что считать вариантным пониманием, а что непониманием (искаженным пониманием) текста? Когда речь идет о непосредственной коммуникации, то критерием может служить оппозиция: успешная коммуникация / коммуникативная неудача. Когда же мы имеем дело с художественным текстом, то ситуация намного сложнее. Что считать инвариантом? Текст, как его понимает автор, или текст, как его понимают читатели? (В связи с этим существуют и разные направления в изучении текста: первое исследует формирование замысла и порождение текста, т.е. идет от автора; второе анализирует восприятие текста и его замысла реципиентом, т.е. идет от читателя.) Уже стало общим местом упоминание об известных литературе примерах, когда конечный продукт не (полностью) соответствует первоначальному замыслу. Не является ли в таком случае художественный текст не только абсолютно самодостаточной единицей, живущей по своим собственным законам, но и третьим — и едва ли не самым важным — участником коммуникации, предопределяющим и, если угодно, диктующим реципиентам определенное понимание (при этом и сам автор выступает в роли реципиента)? И обуславливается ли это неадекватным замыслу выбором знаковых форм? Или, напротив, полной адекватностью данного выбора, не зависящего от рационального замысла автора? Данная проблема уже давно представляется мне весьма интересной и заслуживающей особого рассмотрения.

¹⁶ Об этом писали Н. И. Жинкин [Жинкин 1978], В. А. Звегинцев [Звегинцев 1980], А. И. Новиков [Новиков 1982], В. П. Белянин [Белянин 1988], А. Д. Швейцер [Швейцер 1988] и др.

обозначить его границы¹⁷. Для этого необходимо, на наш взгляд, оговорить основные характеристики текста как определенной единицы, выявить текстообразующие категории и определить основные компоненты, формирующие текст.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ТЕКСТА И ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ КАТЕГОРИИ

Говоря о дифференциальных признаках текста, о его основных характеристиках, мы используем идею О. И. Москальской о 3-х «целостностях», предопределяющих и обуславливающих цельность автономного речевого построения, определяемого как текст: смысловая целостность, коммуникативная целостность и структурная целостность [Москальская 1981: 17—30].

Данные характеристики едины для всех текстов, равно как едины для всех текстов и те текстообразующие категории, которые лежат в основе данных признаков (см. табл. 3).

Таблица 3. Соотношение дифференциальных признаков текста и текстообразующих категорий

ПРИЗНАКИ	КАТЕГОРИИ
тематическое единство	1) концепт текста 2) смысловое (семантическое) строение 3) логическое строение
коммуникативное единство	1) коммуникативное воздействие 2) эстетическое воздействие
структурное единство	1) синтаксические категории 2) лексические категории 3) фонологические категории

КОНЦЕПТ ТЕКСТА

Как видно из таблицы, *тематическое единство* охватывает психологическую категорию (концепт), семантику и логику текста. Под *концептом текста* понимается глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста. Являясь своеобразной «точкой взрыва», вызывающей текст к жизни, концепт служит, с одной стороны, отправным

¹⁷ Вопрос о границах текста представляется нам едва ли не самым сложным, хотя уже предпринимались попытки их определения; напр., [Дресслер 1978: 120—123; Москальская 1981: 30—42; Баранов, Крейдлин 1992: 84—99; Баранов, Крейдлин 1992: 84—93].

моментом при порождении текста, а с другой — конечной целью при его восприятии¹⁸.

Отмечу, что в литературе, с одной стороны, используется термин «концепт», а с другой — исследователи оперируют другими понятиями, соотносимыми с концептом текста в нашем понимании. Остановимся на этом несколько подробнее.

Понятие концепта в предлагаемой системе в некотором смысле соотносимо с «замыслом» текста по Л. С. Выготскому. Последний термин, однако, не представляется мне вполне удачным, поскольку предполагает некоторое логическое осмысление, концепт же, по моему убеждению, таковому предшествует. То же замечание справедливо и по отношению к использованию термина «концепт» в ряде работ, посвященных тексту. Так, А. А. Брудный, например, под «концептом» понимает «общий смысл» текста, противопоставляя его содержанию последнего (с таким противопоставлением я не могу не согласиться). Общий смысл (концепт) «позволяет соотнести содержание с конкретной действительностью, с мыслями и поступками человека» [Брудный, Шукуров 1977: 44—45]. Такое понимание концепта текста обусловлено, очевидно, самим термином «концепт», который используется во многих работах, посвященных исследованиям значения и смысла. Например, в книге Р. И. Павлиёниса «Проблема смысла» читаем: «... Процесс познания человека, заключающийся в развитии его умения ориентироваться в самом широком понимании этого слова в мире, является процессом образования смыслов, или *концептов*, об объектах познания, как процесс построения *информации* о них. Эта *информация относительно актуального или возможного положения вещей в мире...* и есть то, что мы называем "*смыслом*", или "*концептом*". Более строго концепт можно рассматривать как *интенциональную функцию*, определяющую множество объектов, или предметов; значениями такой функции, очевидно, могут быть как объекты (предметы) действительного мира, так и объекты (предметы) возможных миров». При этом термин «концепт» используется как «нейтральный относительно традиционно используемой в литературе паре понятий "означаемое — означающее", уже терминологически исключающей рассмотрение означаемого вне (без) означающего» [Павлиёнис 1983: 101—102].

Приведенное понимание концепта и наше понимание в основе своей имеют общий корень, однако они все-таки достаточно далеки. Гораздо ближе мне понятие *концепции*, предложенное Т. М. Дридзе и используемое в трудах некоторых исследователей. Итак, по определению Т. М. Дридзе, текст есть некая система смысловых единиц разной степени сложности, комплектности и значимости (с точки зрения достижения целей коммуникационно-познавательной дея-

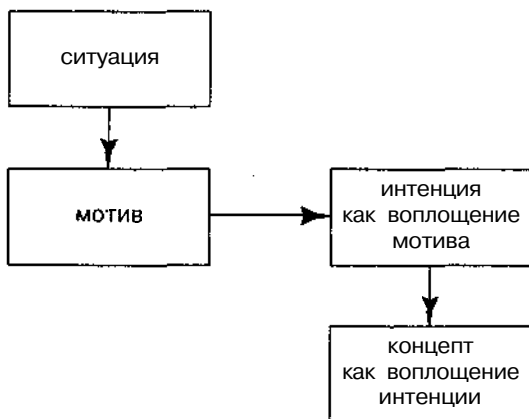
¹⁸ Об этом писал еще Л. С. Выготский в своем труде «Мышление и речь» [Выготский 1934: 315]; хотя ученый не оперировал понятием «концепт», в целом идеи Л. С. Выготского и наши принципиально совпадают; вернее — я стараюсь следовать общему направлению мысли Л. С. Выготского.

тельности), функционально (т. е. для конкретной цели/ целей) объединенных в единую семантико-смысловую структуру общей концепцией (замыслом). Концепция («главная мысль», «основная идея») может не иметь словесно выраженной формулировки в тексте, но может быть и вербализована, тем не менее она всегда присутствует в нем в виде определенной мотивации и, естественно, при любых обстоятельствах может быть словесно сформулирована. Если ее нет, то нет и текста [Дридзе 1981: 135; СВ 1976: 39, 48] (см. также [Астремская 1989: 164]).

Данное понимание концепции близко к тому, которое я вкладываю в термин «концепт (концепт текста)», однако только на этапе восприятия уже существующего (созданного, порожденного) текста. Но я считаю, что концепт текста «зарождается» значительно раньше — до момента начала порождения текста как речемыслительного продукта. Фактически «наш» концепт соотносится с *представлением* по Н. И. Жинкину и принадлежит предметно-изобразительному коду, ср.: «... Зарождение мысли осуществляется в предметно-изобразительном коде: представление так же, как и вещь, которую оно представляет, может стать предметом бесконечного числа высказываний. Это затрудняет речь, но побуждает к высказыванию» [Жинкин 1997: 18]. Другими словами, «зарождение мысли» — порождение концепта — происходит в предметно-изобразительном коде, «представление» — концепт текста — может иметь бесконечное число вербальных выражений — собственно текстов. Вместе с тем, в работах Н. И. Жинкина используется и термин «концепт», однако концепт по Жинкину — это «главная мысль», «основная идея», «концепция» (по Дридзе), т. е. опять-таки концепт релевантен только для уже порожденного текста, ибо, по Н. И. Жинкину, во внутренней речи текст сжимается в концепт (представление), содержащий смысловой сгусток всего текстового отрезка. Концепт хранится в долговременной памяти и может быть оттуда восстановлен, при этом «реконструкция» не всегда полностью совпадает с оригиналом [Жинкин 1982: 84]. Повторю, что с нашей точки зрения, концепт зарождается до порождения текста и «разворачивается» именно в процессе порождения последнего. Однако после порождения концепт никуда не исчезает, он наличествует в самом тексте (хотя и в скрытом зачастую виде). И вот на этом этапе наше понимание концепта и понимание его по Жинкину абсолютно совпадают. Таким образом, концепт текста, будучи воплощением интенции, служит «отправной точкой» для порождения текста, является целью при восприятии последнего, хранится в памяти (в долговременной памяти) в виде максимально свернутой структуры, некоего мыслительного сгустка, и может быть «повторно» развернут в абсолютно новый текст. При этом концепт текста, ставшего прецедентным, в результате действия алгоритма восприятия прецедентного текста претерпевает в процессе данной обработки определенные изменения и приобретает статус инварианта восприятия прецедентного текста (см. последующие главы).

Попытаюсь с помощью схемы показать, как я представляю себе «процесс порождения» концепта (см. схему 6).

С х е м а 6. Отражение ситуации в концепте

В связи с этим возникает вопрос о «рациональности» концепта. (Особенно актуален этот вопрос для исследователя художественного текста, ибо уже ни у кого не вызывает сомнений и возражений идея о том, что художественный текст во многом создается автором интуитивно.) На наш взгляд, представляется не совсем корректным ставить знак равенства между концептом и рациональным замыслом, с одной стороны, или концептом и «наитием» — с другой. Думается, что концепт в основе своей сугубо интуитивен и бессознателен¹⁹, однако в процессе порождения текста, уже на начальном этапе²⁰ концепт осознается автором на уровне «рацио». Однако данный вопрос заслуживает, как нам кажется, отдельного рассмотрения с точки зрения психологической науки.

Вместе с тем представляется достаточно очевидным уже сейчас, что монологические и диалогические, например, тексты различаются на уровне концепта. Специфика последних состоит в том, что в диалоге участвуют несколько коммуникантов, у каждого из которых имеется своя коммуникативная программа, своя тактика и стратегия коммуникации. У каждого из них рождается свой концепт, появляется свой мотив порождения текста. И следовательно, если они не могут (или не хотят) понять смысл и — через него — концепт текста собеседника, то они создают *параллельные* тексты (что весьма характерно, например, для «театра абсурда»). Если же участники диалога стремятся к успешной коммуникации, то они будут пытаться создавать *один* текст, отражающий ситуацию. При

¹⁹ О том, что источник, например, художественного творчества коренится в бессознательном, писал и Л. С. Выготский (см., например, [Выготский 1968]) и другие исследователи. И с этой точкой зрения трудно не согласиться.

²⁰ Вслед за А. А. Леонтьевым, мы считаем процесс порождения речи поэтапно формируемым речевым действием, которое является составной частью целостного акта деятельности [Леонтьев 1969, 3].

этом некоторый текст (макротекст) может содержать в себе несколько «подтекстов» (микротекстов). Роли коммуникантов в диалоге будут постоянно меняться: в каждый отдельный момент диалога кто-то один будет доминировать при создании текста. Доминирующий коммуникант будет выступать в роли «автора» текста, его собеседник будет выполнять роль реципиента, хотя и активно, возможно, участвующего в диалоге (более наглядно это представлено в схеме, показывающей модель коммуникативного акта — см. схему 11). Доминирующая роль может, на наш взгляд, определяться тем, чей концепт в данный момент развертывается в тексте. Так, если речь идет о вопросно-ответном единстве (представляющем собой текст), то доминирующая роль будет принадлежать тому, кто задал вопрос с неизвестным, определяющим (задающим) тему текста, ибо при правильном протекании диалога будет реализовываться именно концепт спрашивающего (автора вопроса); например (из разговора с ребенком знакомых): — *Привет, тебя как зовут?* — *Саша.* — *А это что? Твои рисунки?* — *Да... я тут вот... А ты умеешь рисовать?* — *Нет, так у меня, наверно, не получится...*) При этом реципиент должен понять смысл, реализующий концепт, «в середине» текста, т. е. как только вопрос задан, иначе не будет ответа или он будет неправильным. Следовательно, будет иметь место коммуникативный провал, и построение текста, адекватно отражающего ситуацию, окажется невозможным. Если вопрос продолжает (уточняет) тему текста, то в тексте разворачивается концепт автора первой (возможно, невопросительной) реплики. Данный концепт представляется реципиенту не (до конца) понятным, и поэтому последний уточняет смысл текста или фрагмент такового и — тем самым — концепт, лежащий в основе порождаемого текста; например: — *Слышала, NN скоро приезжает?* — *Да ты что?! А когда?* — *На следующей неделе. Во вторник, что ли...* (данные типы текстов — через классификацию неизвестного — мы подробно анализируем в нашей кандидатской диссертации).

СМЫСЛОВОЕ (СЕМАНТИЧЕСКОЕ) И ЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ ТЕКСТА

Семантическое строение есть содержательная структура элементов смысла текста. Семантическое строение учитывает также количество тем текста, его «смысловых ядер» (в терминах Е. Агриколы). При этом мы различаем «микротему», понимаемую как минимальное, нечленимое и неделимое смысловое ядро, и «макротему», которая может развиваться через две и более микротемы.

Ср. такое понимание с определением текста по Т. М. Дридзе как некой системы смысловых единиц разной степени сложности и значимости, объединенных в единую семантико-смысловую структуру общей концепцией, при этом макроструктуру текста образуют информационно-целевые блоки разного уровня, которые связаны с предикацией (по Н. И. Жинкину [Жинкин 1958]) [Дридзе 1981: 135]. Развивая идеи Т. М. Дридзе, Е. В. Астремская рассматривает текст

как потенциальный предмет (мотив) деятельности реципиента и высказывает мысль о том, что содержательно-смысловая структура текста сводится к иерархии целей и способов их достижения. Именно структурно-смысловая целостность текста является одной из его основных характеристик. Семантико-смысловая целостность текста обладает микро- и макроструктурой, последняя может быть представлена в виде иерархии разнопорядковых смысловых блоков — предикаций²¹ [Астремская 1989: 164]. В работах ряда исследователей эта же мысль выражена еще более категорично, например: наиболее важной чертой текста, отличающей его от всех других языковых образований, является наличие в тексте смысловой суперструктуры. Следовательно, минимальная единица текста — минимальная единица данной смысловой суперструктуры [Куликов 1983: 6].

Об иерархии элементов единого текста, с одной стороны, и разграничении макротекста со сложной внутренней структурой и совокупности текстов — с другой, написано немало работ. Так, с точки зрения И. Г. Ольшанского [Ольшанский 1974: 209—212], текст есть не всякое произведение речи (с этой мыслью нельзя, думается, не согласиться), но только осмысленная последовательность высказываний (фраз), образующая систему (данное требование оказывается релевантным, на наш взгляд, только для текстов, понимаемых по И. Р. Гальперину, т. е. написанных, законченных, обработанных и т. д.), и именно это служит основой разграничения единого текста и совокупности текстов. Внутри данной системы выделяется следующая иерархия ее элементов (заметим в скобках, что речь в данном случае, как и в большинстве работ, посвященных анализу текста, идет именно о письменных текстах):

макротекст	(единое речевое произведение)
Т	
субтекст	(часть, раздел, глава, параграф)
Т	
абзац	
Т	
ССЦ	(сложное синтаксическое целое)
Т	
микротекст	(одно предложение)

В настоящем исследовании анализируются тексты в первую очередь устные, спонтанные (аутентичные или призванные создавать иллюзию таковых, если их источником являются художественные тексты). В связи с этим представленная иерархия для нашего анализа не подходит по определению. Именно поэтому мы

²¹ Предикация понимается как выраженные в тексте или обусловленные данным текстом семантико-смысловые связи, которые существенны с точки зрения реализации основного замысла сообщения. Предикация первого порядка - передача основной цели, предикация второго и последующих порядков - передача общего содержания текста [Астремская 1989: 164].

говорим о разграничении макро- и микротекстов. Микротекст понимается в литературе как отдельный отрезок, который является относительно законченным в смысловом отношении [Котляр 1974: 143] (однако в этом случае остается непонятным, что является критерием разграничения микро- и макротекстов). Микротексты, с нашей точки зрения, могут быть определены, если воспользоваться высказыванием Л. С. Выготского, как «далее неразложимые живые части целого» [Выготский 1934: 48]. Микротекст содержит одну и только одну микротему, в нем разворачивается один и только один концепт; ср.: «Во всяком тексте, если он относительно закончен и последователен, высказана одна основная мысль, один тезис, одно положение» [Жинкин 1956: 250]; я думаю, что это требование справедливо именно по отношению к микротексту. Ср. также: «Единицей семантической организации текста в денотативном аспекте является обозначение (или номинация), как связь между языковым элементом и обозначаемым им внеязыковым объектом» [Гак 1974: 61; 1976: 6] (т. е. предикация в том понимании, которое представлено в настоящей книжке). В ряде работ для обозначения единицы, которую мы называем микротекстом, авторы используют другие термины, однако вкладывают в них аналогичное содержание. Например: термин «диктема», встречающийся в работах М. Я. Блоха и служащий для обозначения «элементарной единицы текста, которая формируется предложениями и выделяется собственной темой» [Блох 1987: 17] (выделено мною. —В. К.).

Такое понимание микротекста некоторым образом соотносится с идеей, разрабатываемой У. Чейфом, суть которой в достаточно упрощенном виде можно представить следующим образом: основной единицей устного дискурса является интонационная единица (ИЕ), соизмеримая с одной предикацией. ИЕ является отражением фокуса сознания, при этом фокус постоянно (не плавно) перемещается с одного фрагмента действительности на другой. Каждая ИЕ может содержать не больше одного элемента информации, не больше одной новой «идеи», под которой понимается некий референт: событие, состояние или участники таковых. По мысли У. Чейфа, можно говорить о двух основных явлениях (составляющих): ИЕ и дискурсе. Однако ученый признает и предложение как промежуточную между ИЕ и дискурсом единицу, соотносимую с суперфокусом сознания. (Интересна также и идея исследователя о сканировании суперфокуса и объяснении через это интонации завершенности.) (См. [Chafe 1994], а также обзор американской лингвистики А. А. Кибрика [Кибрик 1994]).

Хотя мы рассматриваем дискурс с иных позиций и под другим углом зрения, тем не менее можно, думается, говорить о некоторых параллелях, главная из которых следующая: (одна) минимальная единица плана выражения (в нашем случае — микротекст) содержит одну и только одну единицу плана содержания (в данном случае — референции) (микротему). Сочетание минимальных единиц обоих планов создает более сложные единицы — «макро-» (в наших терминах), или «супер-» (в терминах У. Чейфа), не являющиеся простой суммой единиц минимальных. И наконец, все единицы «складываются» в дискурс, по У. Чейфу, в

некое *речевое* построение, которое, в рамках нашей концепции, является не чем иным, как текстом. Кроме этого, я также считаю, что в минимальной единице (*микротексте*) имеет место только одна предикация, если под таковой понимать соотносение темы текста с экстралингвистической реальностью, что происходит в процессе вербализации «идеи» (темы).

Что касается идеи У. Чейфа о сканировании суперфокуса, то мне кажется, что аналогичный процесс (сканирование) имеет место и при порождении текста и носит нелинейный характер. Текст «рождается» в виде «сгустка» — свернутой смысловой структуры, развертывание которой может протекать непоследовательно (кому из авторов не знакомо желание записать «пришедшую в голову» мысль, которая относится к отдаленному элементу смысловой структуры создаваемого текста, и кто из нас не перебивал себя со словами «но подробнее об этом я скажу позже?»).

Логическое строение текста — это последовательность и структура представления смысловых элементов в процессе развертывания текста.

КОММУНИКАТИВНОЕ И СТРУКТУРНОЕ ЕДИНСТВА

Коммуникативное единство предопределяется коммуникативной целенаправленностью текста (ср.: «Текст — речевой отрезок, который характеризуется единством коммуникативного задания и системы форм его осуществления» [Полищук 1979: 3]). Можно согласиться с тем, что, «независимо от субъектов речевой деятельности, условия коммуникации требуют, чтобы речевой текст, являясь основной единицей общения, оказывал определенное воздействие» [Белянин 1988: 10]. Однако представляется необходимым оговорить следующее: любой текст (и «речевой», «импровизационный», и художественный, и какой бы то ни было еще) должен оказывать воздействие. Но воздействие это может быть различным в зависимости от коммуникативной программы автора, его интенций и концепта текста. *При коммуникативном воздействии* (что весьма характерно для речевых текстов) автор хочет сообщить информацию (рациональную или эмоциональную) или получить информацию (рациональную или эмоциональную); коммуникация осуществляется ради передачи / получения / обмена информацией; иначе говоря, цель коммуникации — вызвать ментально-вербальную или физическую реакцию. *При эстетическом воздействии* (которое особенно актуально, например, для художественных текстов) цель коммуникации — воздействовать на адресата-реципиента и вызвать его ментально-эмоциональную реакцию. Безусловно, такое разграничение является достаточно категоричным и в определенной степени грубым. В реальности оно едва ли может быть отмечено, так сказать, в «чистом» виде. Однако как некоторое принципиальное положение, задающее общее направление анализа и лежащее в основе системы «ядерных» категорий, оно, на наш взгляд, вполне допустимо.

Структурное единство на сегодняшний день, пожалуй, наиболее изученный и описанный аспект, что обусловлено, думается, тем, что оно имеет конкретное формально-знаковое выражение в виде языковых средств, поддающихся инвентаризации и определенной классификации, и сегодня уже существует целый ряд работ, посвященных именно языковым единицам, обеспечивающим структурную целостность текста²².

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ КАТЕГОРИИ, КОМПОНЕНТЫ И ЭЛЕМЕНТЫ

Таким образом, анализируя *тематическое* и *коммуникативное* единство, мы имеем дело с текстообразующими *категориями* (концепт текста, смысловое (семантическое) и логическое строение; коммуникативное и эстетическое воздействие). На уровне *структурного* единства текстообразующие *категории* (синтаксические, лексические, фонологические) соотносимы с текстообразующими *компонентами*, представленными различными языковыми средствами, которые в свою очередь имеют корреляты в виде текстообразующих *элементов*: в данных элементах и реализуются соответствующие текстообразующие компоненты в процессе создания (порождения) конкретного текста. Например, фонологические *категории* могут быть представлены такими *компонентами*, как интонация (тип ИК, место центра ИК), паузация, синтагматическое членение, тембр, темп, громкость, регистр и т. д.; *текстообразующими элементами* в данном случае будут конкретные реализации всех вышеуказанных компонентов. Аналогично и на уровне лексических и синтаксических категорий могут быть выявлены текстообразующие компоненты и элементы.

Отмечу, что с точки зрения психолингвистики выделяются две основные характеристики текста: связность и цельность. Связность текста понимается как категория лингвистики. Предложения, характеризующиеся признаком связности, воспринимаются как единство. Связность не имеет степени: либо она есть, либо ее нет. Цельность представляет собой категорию психолингвистики, она служит характеристикой текста как смыслового единства, единой структуры. [ПлиЛ 1979; Леонтьев 1974₂; 1976; СВ 1976: 46—47; Сахарный, Баринава 1987]. На мой взгляд, связность, как категория лингвистики, связана со структурным единством текста, а цельность, как категория психолингвистики, — с концептом и — через него — с психолингвистическими категориями текста.

И еще одно замечание, которое представляется необходимым сделать в связи с рассматриваемыми категориями: структурные и смысловые связи текста обозначаются в лингвистической литературе разными авторами различно [Шендельс 1987: 86—87]:

²² См., например, работы таких ученых, как: Р. Барт, В. Кох, К. Э. Хайдольф, М. Беллерт, Б. Палек, Т. ван Дейк, Г. Вайнрих, Т. Гивон, О. И. Москальская, Г. Е. Крейдлин и др.

КОГЕЗИЯ	КОГЕРЕНТНОСТЬ
И. Р. Гальперин	О. И. Москальская
М. А. К. Halliday	W. Fleischer
R. Hasan	G. Michel
	H. Bußmann

Указанные категории понимаются как фактуальная связь — когезия (N. E. Enkvist, E. Anderson, R. A. de Beaugrande, W. U. Dressier) или последовательность — когерентность (о когерентности см.: М. Д. Степанова, М. Г. Вейзе, D. Viehweger, E. I. Schendels, P. Вольперт, Н. Weinrich и др.). Когерентность, по мнению, ряда ученых, выполняет следующие функции: 1) обеспечивает смысловую связь между частями текста, которая требуется для выявления темы текста (гипертемы, микротемы); 2) осуществляет подготовку адресата к последующей информации; 3) производит укрепление «текстовой памяти», путем возврата к предыдущему через его повтор. Мы не включаем в наш анализ категории когезии и когерентности текста, так как рассматриваем текст не в рамках лингвистики текста, но предлагаем иной подход к изучению данного феномена, в основе которого [подхода] лежат наши взгляды на природу текста как единицы дискурса, т. е. продукта речемыслительной деятельности, на процессы порождения и восприятия которого значительное влияние оказывает целый ряд определенных лингво-когнитивных факторов.

Между представленными текстообразующими категориями существуют определенные связи, направленная зависимость которых определяется «жизненным моментом» текста: анализируем мы текст в момент его порождения или в момент его восприятия.

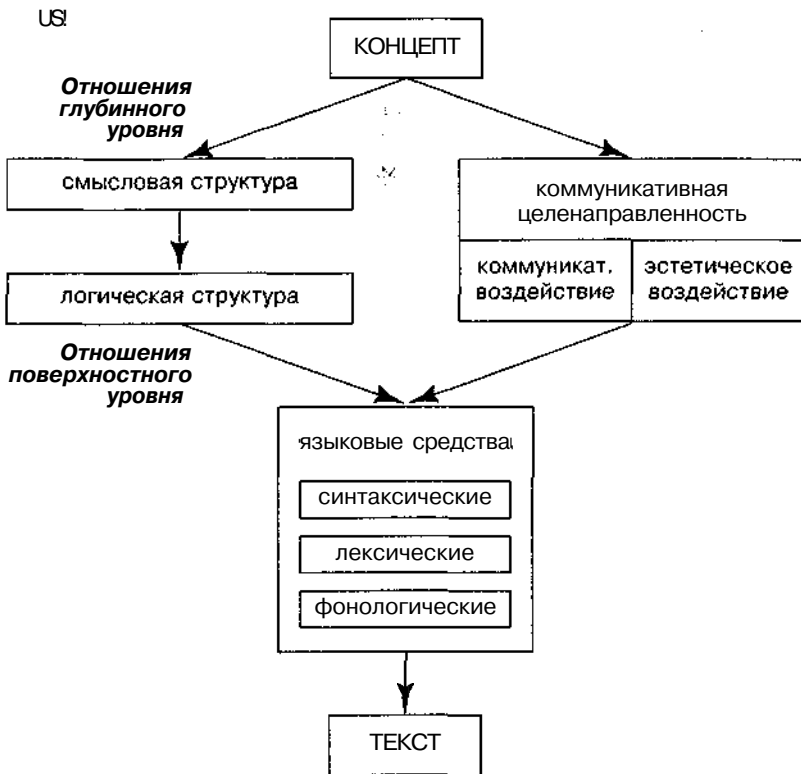
НАПРАВЛЕННЫЕ ЗАВИСИМОСТИ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ ПРИ ПОРОЖДЕНИИ И ВОСПРИЯТИИ ТЕКСТА

При порождении текста отправной точкой является концепт, который предопределяет смысловое (семантическое) строение текста, а через него — логическое строение. Помимо этого, концепт, отражая интенции автора и будучи опосредованным (через интенции) воплощением мотива порождения текста, задает коммуникативную целенаправленность последнего²³: коммуникативное или эстетическое воздействие. Логическое строение и коммуникативная целенаправленность диктуют выбор того репертуара языковых средств, который реально используется при порождении текста. Таким образом, существующие зависимости можно представить в виде следующей схемы²⁴ (см. схему 7).

²³ Данный аспект является едва ли не самым важным в процессе коммуникации.

²⁴ Эти идеи соотносятся с представлениями о реализации речевой программы, о трехчастном языковом процессе в рамках психологической теории А. Коэна и определением синтаксиса как «специальной формы семантики текста», которое дал Г. Вайнрих.

С х е м а 7. Связи текстообразующих категорий при порождении текста

Совершенно очевидно, что *при восприятии текста* реципиент идет в обратном направлении: от текста (в его вербально выраженной форме) к концепту. При этом для адекватного восприятия концепта принципиально важны:

- на поверхностном уровне* — контекст в самом широком смысле этого слова (микрконтекст, макрконтекст, контекст-тень);
- на глубинном уровне* — общий фонд знаний автора и реципиента, или пре-суппозиция.

(О двух уровнях переработки речевого сообщения, двух уровнях восприятия см., например, [Лурия 1979]: на первом уровне происходят процессы расшифровки воспринимаемых языковых кодов, на втором — процессы расшифровки глубинного смысла, который лежит за воспринимаемым сообщением; а также: поверхностный (грамматический) уровень, или уровень поверхностных структур, и глубинный (семантический) уровень, или уровень глубинных, смысловых структур [Зеленов 1986: 45], что некоторым образом может быть объяснено и через задействование когнитивных структур определенного типа: лингвистиче-

ских или феноменологических. Данные уровни не аналогичны тем, которые предлагаю я, однако некоторые параллели, безусловно, могут быть установлены.)

Таким образом, для адекватного восприятия текста (от вербально зафиксированного плана выражения до глубинного плана содержания — концепта) крайне важна конситуация в целом, охватывающая отношения как поверхностного, так и глубинного уровней²⁵.

В целом проблема восприятия, понимания, интерпретации речевого произведения широко отражена в литературе: см. работы таких ученых, как В. Б. Апухтин, И. В. Арнольд, Е. Г. Биева, А. А. Брудный, В. З. Демьянков, Т. М. Дридзе, Н. И. Жинкин, Ю. С. Зеленев, И. А. Зимняя, Е. С. Кубрякова, С. В. Куликов, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. Л. Никифоров, В. К. Нишанов, А. И. Новиков, И. П. Панков, М. Полани, М. В. Попович, М. Н. Правдин, Т. В. Рябова (Ахутина), Л. А. Селицкая, Е. Ф. Тарасов, Г. Л. Тульчинский, А. М. Шахнарович, J. Moravcsik, P. Ziff и многие другие.

С одной стороны, понимание текста рассматривается некоторыми учеными как *восстановление* по тексту внетекстовой реальности [Тарасов 1981: 111], структуры общения [Тарасов 1974: 99], с другой — ряд исследователей полагает, что нельзя «увидеть» смысл в тексте, цель — в действии, структуру — в предмете; их можно *построить*, установить, *создать* [Шукуров, Нишанов 1982: 8], и «понять» означает не «усвоить» смысл, а *«придать, приписать его»* [Никифоров 1982: 62] (выделено мною. — В. К.).

Восприятие текста рассматривается многими учеными как психологический процесс. Его сущность заключается в создании у реципиента *образа содержания текста*, последний же всегда динамичен. Иными словами, «он не *есть*, он *становится*, и лишь в постоянном становлении его бытие». Действительным предметом восприятия текста является не текст как лингвистическая данность, а содержание текста в широком смысле, т. е. то в его содержании, что существенно для дальнейшего использования в «большой» деятельности [ПЛиЛ 1979: 18—26].

Понимание есть процесс перекодирования, который позволяет осуществить переход от линейной структуры текста, образуемой последовательностью материальных знаков языка, к структуре его содержания [Новиков 1979: 92]. Понять текст — это значит совершить переход от его внешней языковой формы к модели предметной ситуации, составляющей его содержание [Биева 1987: 16]. В процессе понимания субъект (т. е. реципиент) создает одну или несколько мысленных моделей определенных фрагментов внешнего, внутреннего или воображаемого миров [Нишанов 1987: 123]. В основе процесса понимания лежит механизм декодирования, результатом которого призвана быть «модель состояний действительности, вычленимая и интерпретируемая на основе данной семиотической системы — языка» [Никифоров 1982: 37].

²⁵ Ср. с мыслью В. П. Белянина о том, что «реципиенту для понимания текста необходимо уметь понять его как знаковую упорядоченность смыслов, соотнести текст с действительностью, со своими знаниями и представлениями о действительности» [Белянин 1988: 33].

Следует отметить, что ряд исследователей разграничивают такие понятия, как восприятие и понимание речи, и тогда восприятие трактуется как получение некоторого продукта устройством, а понимание есть обработка текста, которая вызывает изменение внутреннего состояния устройства. При таком подходе в процессе понимания текста выделяются три этапа: 1) синтаксический анализ; 2) преобразование синтаксических структур текста в структуры внутреннего представления текста; 3) выбор единственной структуры внутреннего представления текста и присоединение ее к предметным знаниям. Если нет последнего этапа, то входной текст остается непонятным [Панков 1982: 57—62].

В литературе можно найти также и разграничение таких понятий, как понимание и интерпретация текста [Кубрякова 1987: 93—94]:

ПОНИМАНИЕ	ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
осмысление текста по его компонентам	переход в восприятии текста на более
соотнесение языковых форм с их значениями	глубинный уровень понимания, связанный с:
выведение общего смысла текста на основе непосредственно данных в нем языковых единиц и установления отношений между ними	1) процедурами логического вывода и получением знаний выводного типа
	2) соотношением языковых знаний с неязыковыми

Интерпретация происходит в общем контексте познавательной и оценочной деятельности человека в отличие от *понимания*, происходящего в опоре на язык, поскольку интерпретация есть 1) совмещение понятого в языковом отношении текста со знаниями о мире, 2) умозаключение о содержании текста, пропущенное через предшествующий опыт человека, 3) всегда выход за пределы текста как непосредственной данности, в рамках которой человек остается при простом осмыслении высказывания текста [Кубрякова 1987: 94].

Многие исследователи, рассматривая процесс понимания (восприятия, интерпретации) текста, отмечают, как и Е. С. Кубрякова, важность предшествующего опыта реципиента (или, по предлагаемой терминологии и рамках предлагаемой концепции, индивидуального когнитивного пространства — ИКП). Так, Е. Г. Биева пишет, что восприятие и понимание текста происходит при взаимодействии двух компонентов: 1) семантической организации и смысловой структуры текста и 2) того, что содержится в сознании и памяти воспринимающего индивида и включает уровень его языкового развития и запас знаний о предмете описания [Биева 1982: 67], т. е. фактически того, что мы называем ИКП. См. также: «... выделение информации из декодируемого текста и формирование его смысла определяется предшествующим опытом относительно референтов данной информации и его актуализацией в зависимости от прагматически значимых характеристик текста», и следовательно, прагматический аспект декодирования текста есть «информационно-смысловая интерпретация содержащейся в нем информации, актуальной для деятельности реципиента, реализующаяся

на основе его предшествующего опыта относительно содержания данной информации» [Никифоров 1982: 40, 44]. Однако для понимания, восприятия текста важно не только ИКП реципиента, но и общий фонд знаний коммуникантов, актуальный для данного конкретного акта коммуникации, т. е. пресуппозиция (в широком смысле — от микро- до макро-). И хотя авторы не пишут об этом прямо и делают акцент именно на знаниях реципиента, имплицитно наличие пресуппозиции предполагается, отсюда и признание необходимости наличия «социальных знаний», см.: «Смысловое восприятие текста предполагает не только соотнесение физической субстанции языковых знаков текста с общими для всех носителей данного языка социальными знаниями, т. е. знания языковых знаков, но и предполагает также соотнесение с теми социальными знаниями реципиента, которые имеются у него как у исполнителя деятельности, в которой был продуцирован воспринимаемый текст» [Тарасов 1985: 6]. И еще более категорично: «Для распредмечивания речевого текста [понимания — по Е. С. Кубряковой] требуются лингвистические знания, а для распредмечивания предметов, на которые указывается в тексте [т. е. для его интерпретации] требуются также и энциклопедические знания» [Тарасов, Соснова 1985: 35].

Из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что термины «восприятие, понимание, интерпретация» трактуются нами как синонимичные. В целом так оно и есть. Однако, если проводить некоторые границы между ними, то, пожалуй, следует признать, что первым этапом является именно *восприятие* текста как «прием» некоторого сообщения некоторым «устройством». Затем наступает этап осмысления, через анализ вербальной формы, который приводит к *пониманию* текста. И затем, путем соотнесения «декодированной», вычлененной из текста информации с имеющимися знаниями об экстралингвистической реальности (от знания конситуации общения до знания необходимых в данном конкретном коммуникативном акте элементов когнитивной базы), происходит *интерпретация* текста. Ср.: «Смысловое восприятие — процесс приема (рецепции) и осмысления, результирующегося в понимании (или непонимании) этого речевого сообщения» [СВ 1976: 6]. Иначе говоря, реципиент как бы «восходит» от восприятия текста к его интерпретации. Все три стадии крайне важны для осуществления адекватной, успешной коммуникации. Ср.: «Смысловое восприятие текста — это не только и не столько проблемы общего его понимания, как прежде всего проблема ориентации реципиента в том, что является целью или основным мотивом получаемого сообщения (т. е. адекватная интерпретация текста связана с пониманием концепта текста — sic! — В. К.), и в этой связи в концептуальной организации текста и текстовой комбинаторики» [СВ 1976: 34].

Говоря об адекватности восприятия и понимания текста, я имею в виду определенное соответствие между интерпретациями текста, которые даются автором и реципиентом (ср.: адекватная интерпретация имеет место, если реципиент трактует основную идею текста — основную концепцию, проводимую в нем, — адекватно замыслу коммуникатора [СВ 1976: 48]). И хотя я считаю, что каждый текст полипресуппозиционен (если использовать термин В. А. Звегинцева), мож-

но, очевидно, говорить о некоем «пресуппозиционном инварианте», который максимально полно и точно соответствует содержанию текста. Данный инвариант обуславливается совокупностью знаний и представлений, которыми обладает «средний» носитель данного языка, данного ментально-лингвального комплекса, с одной стороны, а с другой — определенной системой знаковых форм, которые служат для выражения данных знаний и представлений (ср.: пределы вариативности толкований зависят от инвариантных смыслов всей структуры и ее элементов в их взаимодействии; за данными пределами начинаются искажения [Арнольд 1974: 28]). Иными словами, наличие когнитивной базы обуславливает существование некоего «пресуппозиционного инварианта», или, если вернуться в рамки нашей терминологии, инварианта восприятия прецедентного текста и потенциального инварианта восприятия любого текста, ибо когнитивная база задает определенную систему координат, в которую «вписываются» и сквозь которую воспринимаются и оцениваются все новые порождаемые тексты.

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА

Итак, текст есть единица дискурса, манифестирующая лингвистические и экстралингвистические феномены, в которых проявляется языковое сознание и языковая личность как таковая.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных примеров, иллюстрирующих наши положения о тексте, представленные ранее, повторим основные понятия, которыми мы оперируем, и используемые нами термины.

Под *ситуацией* понимается фрагмент объективно существующей реальности, частью которой являются как экстралингвистические, так и собственно лингвистические феномены. Ситуация, вызывая определенную психическую реакцию, побуждает к некоторому действию: вербальному или невербальному. Данная реакция «оформляется» в *мотив*, который, в свою очередь, может воплотиться в *интенцию* вербальной реакции (отклика) на внешний раздражитель — ситуацию. Вербальная реакция на ситуацию, продукт речемыслительной деятельности и есть *текст*.

Однако мотив и текст связаны не столь прямолинейно. Мотив, будучи импульсом создания речевого произведения (текста), воплощается в концепт порождаемого текста. *Концепт текста* есть мыслительный сгусток, максимально свернутая глубинная смысловая структура, развертывание которой происходит в процессе порождения текста. Концепт является отправной точкой непосредственного порождения текста и в этом смысле соотносим с внутренней динамической схемой высказывания, или с внутреннеречевым замыслом высказывания, который «является сокращенным внутреннеречевым эквивалентом будущей внешней речи. От внешней речи он отличается грамматической неоформленностью, особым семантическим строем и редуцированием звуковой формы» [Рябова 1967: 86]. Очевидно, именно в концепте осуществляется внутреннее программирование речевого высказывания, т. е. «неосознаваемое построение неко-

торой схемы, на основе которой в дальнейшем порождается речевое высказывание» [Леонтьев 1967: 7]. Используя меткое сравнение А. А. Леонтьева, можно сказать, что концепт подобен поручику Кижэ, «фигуры не имеющему», т. е. еще не оформлен «ни лексематически, ни грамматически, ни тем более фонетически»²⁶. Развертывание концепта носит нелинейный характер, при порождении текста происходит «сканирование» развертывающейся семантической структуры (смыслового строения), которая может быть более простой или более сложной, одно- или многонаправленной, может реализоваться в микро- или в макротексте через раскрытие, вербализацию микро- или макротемы.

Микротема понимается нами как минимальное, нечленимое и неделимое смысловое ядро, «атомарная» тема. *Макротема*, соответственно, есть сочетание, совмещение микротем; плодом такого совмещения, слияния является некий феномен иного порядка — тоже смысловое ядро, но более сложной структуры, так сказать, «молекулярная» тема, если продолжить аналогию с естественнонаучными знаниями.

В *микротексте* имеет место только одна предикация, одно соотнесение темы текста, «идеи», выраженной вербальным актом, с экстралингвистической реальностью, что происходит в процессе вербализации идеи. Соответственно, *макротекст* характеризуется наличием нескольких предикаций. Таким образом, макротекст есть своего рода макроструктура, которая образуется «как некое многоуровневое целое, имеющее последовательность текстовых высказываний. Коммуникативные цели всех составляющих этой последовательности одни и те же, хотя конкретные реализации их разнятся, дополняют друг друга, имеют еще и "свои" цели, помимо общей» [Менг 1984: 249].

И еще одна оговорка, которая представляется необходимой. При анализе готового, уже существующего, «чужого» текста следует (да иначе, вероятно, и невозможно) идти тем же путем, которым идет обычно реципиент при восприятии текста: от формы (текстообразующих категорий, реализующих структурное единство) к содержанию (концепту). Иначе говоря, мы «восходим» от понимания слов и их значения к смыслу и мотиву высказывания, о чем писал еще Л. С. Выготский [Выготский 1982: 357—358]; т. е.:

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

мотив высказывания

Т

мысль собеседника

Т

понимание слов

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

почему говорит?

Т

зачем говорит?

Т

что говорит?

Т

как говорит?

²⁶ Справедливости ради, следует отметить, что А. А. Леонтьев привел это сравнение, говоря о «ядерных утверждениях» Осгуда [Леонтьев 1969: 125].

Рассмотрим текст максимально упрощенной структуры — микротекст, представленный монологической единицей.

Ситуация 1. На улице идет дождь. А. собирается выйти на улицу. Б. провожает А. в дверях:

(текст 1) *Возьми зонт: на улице дождь.*

(текст 2) *На улице дождь — возьми зонт.*

Ситуация 1 спровоцировала вербальную реакцию Б. (текст 1 или 2), которая может, кстати, сопровождаться и невербальной реакцией: например, если Б. протягивает зонт А. Тексты 1 и 2 являются микротекстами, так как характеризуются тремя единствами: тематическим, коммуникативным и структурным, — являющимися дифференциальными признаками текста. Данные признаки реализуются в текстообразующих категориях:

1) на уровне тематического единства (текстообразующие категории: концепт, смысловое строение и логическое строение текста): части текста могут легко меняться местами, поэтому тексты 1 и 2 являются синонимичными (различие в актуальном членении высказываний);

2) на уровне коммуникативного единства (текстообразующая категория в данном случае — коммуникативное воздействие): побуждение;

3) на уровне структурного единства (текстообразующими являются синтаксические, лексические и фонологические категории): тексты 1 и 2 представлены одним высказыванием; бессоюзие, но четко выраженные причинно-следственные отношения, легко восстанавливаемые из контекста; тексты произносятся как двусинтагменное, но единое высказывание, ибо в противном случае потеряется единая коммуникативная целенаправленность текста и его тематическая целостность.

Рассмотрим более сложный пример.

Ситуация 2. На улице идет дождь. А. собирается выйти на улицу. Б. провожает А. Б. смотрит в окно (текст 3), а потом обращается к А. (текст 4):

(текст 3) *На улице дождь.*

(текст 4) *Возьми зонт.*

Ситуация 2 спровоцировала вербальную реакцию Б. (тексты 3 и 4), которая также может сопровождаться невербальной реакцией (но: только текст 4). Тексты 3 и 4 являются самостоятельными микротекстами. Их принципиальное отличие от текстов 1 и 2 состоит в том, что:

1) на уровне тематического единства (текстообразующие категории: концепт, смысловое строение и логическое строение текста): тексты 3 и 4 не могут меняться местами, ибо такая мена привела бы к полному нарушению логики и разрушению смысла;

2) на уровне коммуникативного единства (текстообразующая категория — коммуникативное воздействие): текст 3 — констатация факта; текст 4 — побуждение; таким образом, имеет место различная коммуникативная направленность;

3) на уровне структурного единства (текстообразующими являются синтаксические, лексические и фонологические категории): тексты 3 и 4 произносятся как самостоятельные высказывания, разделенные паузой значительно большей, чем в текстах 1 и 2.

В целом различия между текстами 1 и 2, с одной стороны, и 3 и 4 — с другой, в первую очередь касаются текстообразующих категорий двух «верхних» этажей (тематическое и коммуникативное единства) и фонологических категорий.

Вместе с тем тексты 3 и 4, будучи микротекстами, формируют текст более сложной структуры — макротекст.

Причины подобного утверждения следующие:

1) единая ситуация, провоцирующая порождение микротекстов и отражаемая в макротексте, т. е. одна и та же ситуация вызвала более сложную реакцию: макротекст разворачивается через сканирование-развертывание двух микротем;

2) определенная логическая последовательность развертывания микротекстов (МТ): один является логическим стимулом другого; структура макротекста (МТ) может быть представлена на следующей схеме:

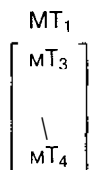

Схема 8. Структура МТ,

3) причинно-следственные отношения, существующие между текстами 3 и 4, могут быть эксплицированы на лексико-синтаксическом уровне средствами связи.

Возможны, однако, более сложные варианты (см. [Патрушев 1978; Красных 1992, Красных 1998₁, Красных 1999₁], когда сканирование макроструктуры (концепта макротекста) реализуется также в развертывании микроструктур (микротекстов). Общее направление развертывания макротекста определяется аналогично тому, как определяется общее направление векторов в математике. Наиболее явно это видно в монологических текстах. Однако подобная картина наблюдается и в диалогических построениях. (Подробный анализ текстов и модель их обработки представлены в [Красных 1998₁, Красных 1999₁].)

МОДЕЛЬ ПОРОЖДЕНИЯ ТЕКСТА

Анализируя текст как единицу дискурса, являющегося компонентом коммуникативного акта, исследователь сталкивается с необходимостью представления некой коммуникативной модели, учитывающей факторы, предопределяющие порождение того или иного текста и обуславливающие то или иное его восприятие. Воспользуемся определением модели, которое дал В. А. Штоф в работе «Моделирование и философия»: «Модель — такая мысленно представляемая

система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» (цит. по: [Каримова 1991: 35]). Под моделированием мы, вслед за А. Г. Алейниковым, понимаем «достраивание образа, картины мира на основе известных субъекту параметров в условиях информационной недостаточности, или в условиях неполной осведомленности». Следовательно, модель может служить «своеобразным инструментом познания» [Алейников 1988, : 68]. Таким образом, коммуникативная модель должна представить такое «отображение и воспроизведение» коммуникативного акта, которое позволило бы нам определить, что происходит, как и почему. Первыми двумя вопросами («что?» и «как?») много и успешно занимались ученые разных областей знаний: лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, психологии (см., напр., работы Л. С. Выготского, А. А. Леонтьева, Н. И. Жинкина, И. А. Зимней, А. Р. Лурия, Т. В. Ахутиной (Рябовой), Л. В. Златоустовой, Р. К. Потаповой, А. Е. Кибрика, Р. А. Каримовой, Ю. В. Красикова, С. Д. Кацнельсона и др.). Следует отметить, что в большинстве случаев исследователи рассматривали и предлагали модели либо порождения (см., например, [Леонтьев 1967; Леонтьев 1969₁; Леонтьев et al. 1972; Рябова 1967; Лурия 1979; Красиков 1990; Зимняя 1969; МЯДИС 1987]), либо восприятия (см., напр., Выготский 1982; Зимняя 1961; Зимняя 1973; Исенина 1969). Однако в литературе можно найти и исчерпывающие модели речевой коммуникации (например, [Ахманова 1957: 7; Златоустова et al. 1986: 5—7; Комлев 1992: 20—31]). Предпринимались также и попытки ответить на вопрос «почему?» (см., напр., [Jakobson 1960; Каримова 1991]), при этом учитывались факторы, влияющие «на формирование высказываний устного текста» [Каримова 1991: 32].

Представляется необходимым и оправданным начать с того фрагмента модели коммуникативного акта, который «отображает и воспроизводит» (В. А. Штоф) процесс порождения текста.

Для данной модели в целом оказывается актуальным наше положение о том, что каждый коммуникант (будь то автор текста или его реципиент) обладает своим индивидуальным когнитивным пространством, неотъемлемой частью которого является, в том числе, и когнитивная база (как минимум — ее ядро). На пересечении индивидуальных когнитивных пространств образуется некая зона «общих» знаний и представлений, актуальная «здесь и сейчас» — пресуппозиция. Последняя же при порождении текста может в определенной степени предопределять смысловую (семантическую) структуру и коммуникативную целенаправленность текста, а при восприятии оно — крайне важна для его понимания.

Представляется, что ситуация, провоцирующая порождение текста, и индивидуальные когнитивные пространства, лежащие «в основе» пресуппозиции, по отношению к концепту текста являются феноменами одного уровня, связанными отношениями взаимообусловленности. Повторим, что ситуация создает определенный мотив и каузирует определенные интенции порождения текста в

ответствии с когнитивными пространствами, которые, с одной стороны, обуславливают восприятие самой ситуации, а с другой — определяют характер мотивации и интенций. Таким образом, на «формирование» концепта текста оказывают влияние два фактора: ситуация и индивидуальное когнитивное пространство автора (его индивидуальный фонд знаний). Помимо этого индивидуальное когнитивное пространство автора «влияет» («через» пресуппозицию) и на смысловую структуру и на коммуникативную целенаправленность самого текста.

Подробная схема с учетом всех компонентов (составляющих) коммуникативного акта и, следовательно, аспектов текста будет иметь вид, представленный на схеме 9 (см. схему 9²⁷). Но сначала еще несколько коротких замечаний.

Ситуация как таковая важна на разных этапах²⁸ порождения текста:

- 1) на этапе *формирования* («рождения») концепта;
- 2) на этапе *отбора* языковых средств;
- 3) на этапе *проверки* (правильности выбора языковых средств) и — при необходимости — *корректировки* (выбора).

Последний этап имеет 2 фазы: 1) внутреннюю — до произнесения (автором осуществляется самоконтроль); 2) внешнюю — в процессе и после произнесения (автором осуществляется контроль за восприятием и реакцией реципиента и оценивается адекватность и успешность общения).

Конситуация (в процессе или после ее сканирования коммуникантом) и *контекст* (через актуализацию того или иного смысла) могут провоцировать рождение того или иного мотива и интенции²⁹ речевой деятельности (порождения текста). Воплощением интенции является концепт — глубинная свернутая смысловая структура текста. В процессе порождения текста происходит «сканирование» концепта (аналогичное, по-видимому, сканированию «суперфокуса сознания», по У. Чейфу [Chafe 1994]), результатом чего является его (возможно, нелинейное) развертывание в «поверхностную» смысловую структуру — смысловое строение, и задание (определение) коммуникативной целенаправленности текста или высказывания (как фрагмента текста, например, при диалоге). Для смыслового строения и коммуникативной целенаправленности текста актуальным и релевантным оказывается как индивидуальное когнитивное пространство автора в целом, так и тот его «участок», который входит в пресуппозицию (например, знание конситуации). Смысловое строение текста обуславливает его

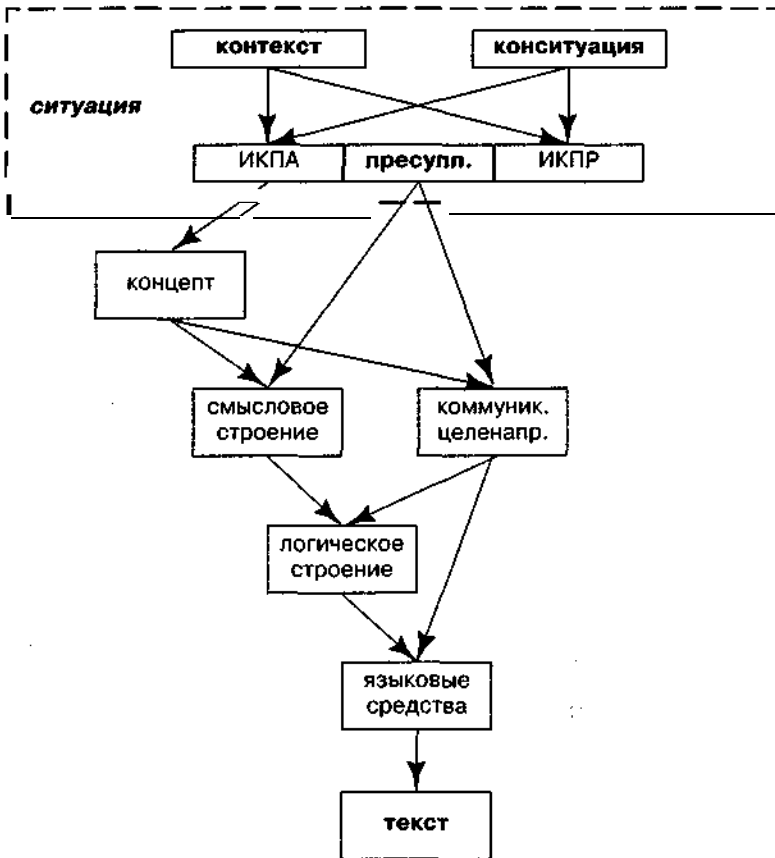
²⁷ Не могу не отметить, что все представленные в работе схемы, как всякая попытка более или менее жестко иерархизовать явления языка и речи, в значительной мере «искусственны», так как приходится раскладывать на составные части единый, цельный, живой организм («музыку я разъял, как труп») и достаточно приблизительны, так сказать, «грубы».

²⁸ Об этапах при порождении писали, например, [Леонтьев 1969; Лурия 1979; Рябова 1967; Чейф 1983] и другие лингвисты, психолингвисты и психологи.

²⁹ Напомню, что мы разграничиваем «мотив» как психическую реакцию на ситуацию и «интенцию» как психолингвистическую реакцию на ситуацию. Интенция есть определенное воплощение мотива.

логическое строение, на которое определенное влияние оказывает и коммуникативная целенаправленность. Логическое строение и коммуникативная целенаправленность определяют тот репертуар языковых средств, которые и представляют текст как вербальный продукт речемыслительной деятельности. В выборе языковых средств (синтаксических, лексических и фонологических) также «участвует» индивидуальное когнитивное пространство автора. На схеме³⁰ это может быть представлено так:

Схема 9. Модель порождения текста

³⁰ Обозначения, используемые в схемах 9, 10, 11: *ИКПА* — индивидуальное когнитивное пространство автора; *ИКПР* — индивидуальное когнитивное пространство реципиента; *пресупп.* — пресуппозиция; *коммуник. целенапр.* — коммуникативная целенаправленность. На схемах 9 и 10 жирным шрифтом выделены компоненты ситуации.

МОДЕЛЬ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА

Феноменологические (ФКС) и лингвистические когнитивные структуры (ЛКС) играют важнейшую роль не только при порождении, но и при восприятии текста. Реципиент получает текст, говоря словами Л. Ельмслева, «в нерасчлененной и абсолютной целостности». При физическом восприятии (акустическом или зрительном) реципиент проводит первичную обработку: ЛКС позволяют ему «анализировать» вербализованную знаковую форму (языковые средства), в результате чего он понимает логическое строение и коммуникативную целенаправленность текста. ФКС, входящие в индивидуальное когнитивное пространство реципиента как таковое и в пресуппозицию (например, понимание контекста, знание конситуации), способствуют правильному определению коммуникативной целенаправленности и подчас корректируют ее понимание. Особенно важным это оказывается, когда автор использует косвенные речевые акты, прецедентные феномены, опирается на конситуацию или отсылает реципиента к контексту. Понимание реципиентом логического строения и коммуникативной целенаправленности подводит его (через понимание смыслового строения) к восприятию, осознанию концепта текста. Знание и понимание текста становится частью индивидуального когнитивного пространства реципиента. Схематично только что сказанное может быть изображено следующим образом:

Схема 10. Модель восприятия текста

Иначе говоря, путь, который проходит реципиент при восприятии текста, может быть представлен в виде следующей цепочки:

физическое восприятие текста;

↓
 понимание прямого, «поверхностного»³¹ значения;

↓
 соотнесение с конситуацией, контекстом (в широком смысле);

↓
 понимание «глубинного» значения;

↓
 соотнесение с фондом знаний (ИКП, ККП), пресуппозицией;

↓
 интеллектуально-эмоциональное восприятие текста, осознание смысла текста, его концепта.

Таким образом, при восприятии текста, очевидно, имеют место три «уровня» значений текста и, соответственно, три уровня понимания текста (см. табл. 4).

Таблица 4. Соотношение уровней значения и понимания текста

Значение текста	Понимание текста
1) поверхностное	1) восприятие формы; понимание прямого значения (<i>восприятие</i>)
2) глубинное	2) понимание непрямого значения: дополнительных модусных смыслов, подтекстов и т. д. (<i>понимание</i>)
3) смысл	3) понимание смысла; восприятие концепта (<i>интерпретация</i>)

Данным уровням при восприятии текста соответствуют, на наш взгляд, уровни, точнее — степени адекватности выражения смысла (концепта) при порождении текста.

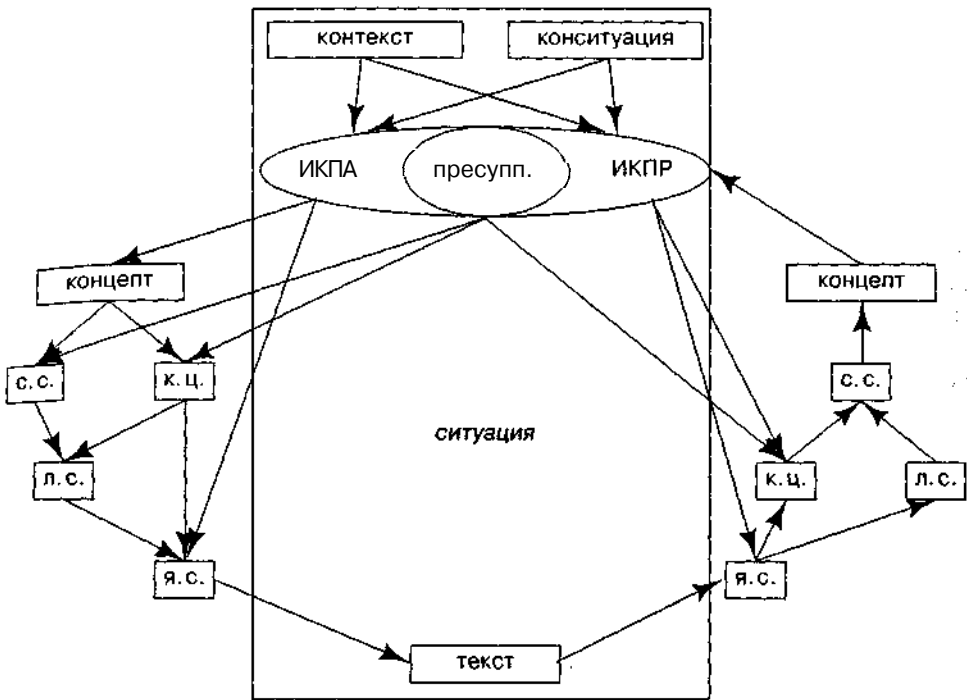
МОДЕЛЬ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА

И наконец, предложим целостную модель коммуникативного акта (см. схему 11³²). Процессы порождения и восприятия текста были нами только рассмотрены и насколько возможно подробно представлены в схемах 9 и 10.

³¹ В данном случае термины «поверхностное vs глубинное» используются не в рамках трансформационной грамматики, но лишь как более удачные, нежели «первичное vs вторичное», «мгновенное, спонтанное vs более глубокое» понимание текста (с точки зрения вкладываемого смысла, все три варианта терминологических оппозиций синонимичны).

³² Сокращения, принятые в схеме 11: *с.с.* — смысловая структура; *л.с.* — логическое строение; *к.ц.* — коммуникативная целенаправленность; *я.с.* — языковые средства.

Схема 11. Модель коммуникативного акта

Данная схема показывает коммуникативный акт, лингвистическим ядром которого является текст-монолог. При диалоге, когда текст порождается несколькими коммуникантами и происходит постоянная мена коммуникативных ролей, необходимо неоднократное прохождение изображенного на схеме цикла, при этом реципиент предшествующего фрагмента текста выступает в роли автора последующего.

Предлагаемая модель коммуникативного акта, в которой мы постарались отразить основные этапы процессов порождения и восприятия текста, отражает наши представления об указанных процессах. Модель позволяет, как мне кажется, учесть совокупность факторов, обуславливающих протекание коммуникации, рассматриваемой с точки зрения триединства:

автор — текст — реципиент.

Повторю, что среди структурообразующих компонентов коммуникативного акта выделяются четыре: *конситуация*, *контекст*, *пресуппозиция* и *речь*. Именно они определяют тот или иной характер двух составляющих любого коммуникативного акта: *ситуации* и *дискурса*. Однако признаюсь, что в настоящей работе мы не только пытаемся дать ответы, но и ставим новые во-

просы, которые представляются наиболее актуальными в свете лингво-когнитивного подхода к коммуникации.

«ПРОБЛЕМНЫЕ» ЗОНЫ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА

А теперь посмотрим на те «участки» модели коммуникативного акта, которые представляют определенную «опасность» для успешной коммуникации, особенно для коммуникации межкультурной. Говоря об этом, я буду постоянно обращаться к модели, изображенной на схеме 11, и пройду путь сверху вниз против часовой стрелки.

Итак, *при порождении текста* первая «проблемная» зона — это, как мы уже говорили, *пресуппозиция*. Неверная оценка элементов конситуации, недостаточный для данного КА общий фонд знаний и «критичные» различия в представлениях — все это может спровоцировать коммуникативный конфликт. Основные «ошибки», спровоцированные этой зоной, будут касаться неадекватного выбора языковых средств. Возможные последствия — непонимание и обида со стороны партнера по коммуникации. Это возможно при межсоциумном и — особенно — при межкультурном общении.

Далее, не менее значимым для успешной коммуникации оказывается *контекст*, который может быть «закрытым» или «неосознаваемым» одним из коммуникантов или всеми коммуникантами (в последнем случае коммуникативный провал гарантирован). Это может привести к «ошибкам» в смысловом и — особенно — в логическом строении текста, к «неадекватно» выраженной коммуникативной целенаправленности текста. Возможные последствия — неполное понимание или полное непонимание со стороны партнера по коммуникации, чувство дискомфорта или обиды, «неверная» реакция реципиента на слова автора. Это — вторая «проблемная» зона, особенно «реальная» в условиях межкультурной коммуникации.

Третью «проблемную» зону представляет *логическое строение* текста. Как мы увидим в одной из последующих глав, существует национальная специфика построения текста и дискурса. Сейчас очень коротко проиллюстрирую этот тезис несколькими примерами. Так, есть культуры, в которых партнеры по коммуникации стараются избегать прямых вопросов и столь же прямых ответов (например, японская культура). В целом ряде восточных культур (той же японской или китайской) не принято сразу переходить к сути обсуждаемого вопроса. Возможные последствия — чувство дискомфорта, которое может возникнуть как у реципиента, так и у автора после оценки им реакции на свои слова. Как видно из примеров, эта зона особенно актуальна для межкультурного общения.

Четвертая «проблемная» зона находится на участке отбора используемых *языковых средств*. Здесь, во-первых, выбор языковых средств, используемых автором, может оказаться ошибочным, в результате чего будут использованы средства, не соответствующие ожиданиям и предпочтениям реципиента и его

«личностному репертуару». Это возможно и при межсоциумной, и при межкультурной коммуникации. Во-вторых, автор может отобрать средства, не подходящие для точного и/или адекватного выражения коммуникативной целенаправленности. Такое представляется более вероятным в условиях межкультурного общения. И в-третьих, у инофона могут оказаться недостаточно сформированными языковая и речевая компетенции. Иначе говоря, его уровень владения языком может оказаться недостаточным для нормального протекания коммуникации. Возможные последствия — коммуникативные сбои и провалы, срыв коммуникации. Очевидно, что такое может случиться исключительно в условиях межкультурной коммуникации.

Итак, мы прошли путь сверху вниз: от зарождения концепта до порождения готового речевого продукта — текста. А сейчас попробуем «подняться» от воспринимаемого текста к пониманию его концепта.

Первая «проблемная» зона *при восприятии текста* — это, разумеется, его вербальная оболочка, т.е. *языковые средства*, которые использовал автор. И здесь мы имеем, так сказать, зеркальное отражение той картины, которую мы рассматривали на аналогичном участке при порождении текста. Во-первых, языковые средства, выбранные автором, могут спровоцировать непонимание текста реципиентом и/или вызвать у него чувство дискомфорта. Это может произойти как при межсоциумной, так и при межкультурной коммуникации. Во-вторых, языковые средства могут привести реципиента к неточному пониманию или полному непониманию коммуникативной целенаправленности самого текста. Так, особые проблемы возникают при использовании косвенных речевых актов. Такие случаи особенно частотны при межкультурном общении. Ну и, наконец, в-третьих, если реципиент-инофон недостаточно хорошо владеет языком, на котором происходит общение, то возможны коммуникативные сбои и провалы по собственно «лингвистическим» причинам. Возможные последствия — коммуникативные неудачи, вплоть до срыва коммуникации; проблемы в оценке коммуникативной целенаправленности текста и его логического строения. Это возможно при межкультурной коммуникации.

Вторая «проблемная» зона — это *коммуникативная целенаправленность* текста. Проблемы здесь могут быть спровоцированы в первую очередь языковыми средствами, которые формируют текст, а также недостаточно широкой пресуппозицией. И проблемы будут заключаться в том, что реципиент не сможет точно определить коммуникативную целенаправленность текста. Например, воспримет просьбу, выраженную в форме вопроса, за собственно-вопрос {*Вы не откроете окно?*} или один вид вопроса за другой (— *Выне знаете, который час?* — *Знаю.*) Возможные последствия — «неадекватная» реакция на слова партнера по коммуникации и затруднение в восприятии смыслового строения текста. Это более характерно для межкультурной коммуникации.

Третья «проблемная» зона представлена *логическим строением текста*. Проблемы на этом участке провоцируются в первую очередь языковыми средствами,

составляющими вербальную оболочку текста. При возникновении проблем на этом участке, во-первых, может быть затруднено последующее понимание смыслового строения текста, а во-вторых, у реципиента может возникнуть чувство дискомфорта, что также едва ли будет способствовать успешной коммуникации. Особенно актуальна эта зона для межкультурного общения, хотя может провоцировать неудачи и при общении межсоциумном.

Четвертую «проблемную» зону представляет *смысловое строение текста*. Проблемы на этом участке провоцируются ложно понятой коммуникативной целенаправленностью текста и неверно воспринятым его логическим строением. В результате в тексте как главные выделяются его второстепенные смыслы. Это может привести к неполному пониманию или полному непониманию самого текста, его концепта. В большей степени эта зона актуальная для межкультурной коммуникации.

И наконец, пятая «проблемная» зона — это «участок» *концепта*. Ложное понимание концепта текста провоцируется всеми предыдущими участками на «пути восхождения». Непонимание концепта или неверное его понимание означает, что текст не понят реципиентом, т. е. коммуникацию можно признать несостоявшейся. Это может произойти как при межкультурной коммуникации, так и в условиях межсоциумного общения.

Таким образом, как мы видели, при восприятии текста опасных «проблемных» зон больше, чем при его порождении. Но в целом можно сказать, что практически на любом участке коммуникативного акта могут произойти сбои и провалы. При этом причиной коммуникативной неудачи может послужить что-то одно (например, «неадекватное» логическое строение текста или «неудачно» выбранные языковые средства), а может быть и несколько причин. Кроме того, «ошибки» при порождении текста на определенном участке коммуникативного акта, как правило, провоцируют проблемы на аналогичном участке при его [текста] восприятии. И последнее. Реально определить, что же на самом деле явилось причиной сбоя или провала в общении можно, только проанализировав коммуникативные неудачи и все те факторы, которые обуславливают протекающие самой коммуникации.

МЕНТЕФАКТЫ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ, СИСТЕМА, БЫТОВАНИЕ)

Эта глава открывает как бы вторую часть книги, посвященную анализу национально-культурной составляющей дискурса. Национальная специфика коммуникации определяется тем национально-культурным компонентом, который входит в культурную компетенцию коммуникантов. Это тот компонент, который формируется в процессе социализации личности и который обуславливает национальную специфику ментально-лингвального комплекса представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества. Иначе говоря, это тот компонент, который определяет особенности национального (языкового) сознания, особенности того, что хранится в сознании человека говорящего и проявляется в коммуникации. Данные особенности отражаются и проявляются в наборе ментефактов культурного пространства, в системе национальных прецедентных феноменов, в массиве национальных стереотипов, в фрейм-структурах сознания и — на поверхности — в ассоциациях, рождающихся у представителей национально-лингво-культурных сообществ в процессе коммуникации. В этой главе мы остановимся на ментефактах, представляющих, говоря словами Ю. С. Степанова, «ключевые концепты» русской культуры.

МЕНТЕФАКТЫ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Итак, что же «хранится» в голове человека? Очевидно, разнообразные знания и представления. В том числе знания и представления об окружающем нас мире во всем многообразии его проявлений, о различных предметах и связях между ними. Как мы видели, «наборы» знаний и представлений носят в целом индивидуальный характер и могут значительно различаться. Однако ядро таких наборов всегда носит явно надиндивидуальный характер. Очевидно, в данное «базовое ядро стереотипных знаний» [Прохоров 1996: 14] и представлений входят знания и представления о феноменах, хорошо известных и не требующих каких бы то ни было объяснений и комментариев.

Какие же феномены окажутся в центре нашего внимания? Ответ и прост и сложен одновременно. Прост, поскольку краток и как бы лежит по поверхности: феномены, о которых мы говорим, суть *ментефакты*. А сложен ответ потому, что сразу возникает целый ряд вопросов, важнейший и простейший из которых: а что такое ментефакты? А чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспом-

нить, как мы понимаем сознание и действительность и как эти феномены между собой соотносятся. Напомню основные положения.

В понимании того, что есть сознание, мы исходим из постулатов отечественных школ психологии и психолингвистики (А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия, А.А.Леонтьев и др.). Если говорить коротко, то *сознание* есть специфически человеческая форма отражения действительности и высший тип психики (А.Н.Леонтьев). *Действительность* — это все сущее, материальное и идеальное, реально существующее и воображаемое (в виде, например, воспоминаний о прошлом, мечтаний о будущем, плодов воображения и фантазий), принадлежащее сознанию и лежащее вне его (не за границами сознания, а именно вне его, т.е. материальный мир, который может восприниматься по пяти чувственным каналам). *Соотношение сознания и действительности* может быть определено следующим образом (хотя это, возможно, и прозвучит слишком категорично): сознание входит в действительность. Однако это не отношения части и целого. Если само сознание — отражение действительности, то «содержание» сознания — идеальная сторона действительности. Напомню аналогию: аквариум, в котором плавают рыбки. Рыбки могут жить без воды? Нет. Рыбки и вода — одно и то же? Нет. Так вот, аквариум — это сознание, вода — идеальная сторона действительности, а рыбки — это ментефакты. Другими словами, *ментефакты суть элементы «содержания» сознания.*

СИСТЕМА МЕНТЕФАКТОВ: СТРУКТУРА И ЕДИНИЦЫ

Ментефакты могут классифицироваться и систематизироваться на разных основаниях. Я предлагаю следующую систему ментефактов, которая имеет несколько рангов разбиения. Первый ранг представлен шкалой «информативность ↔ образность», он дает триаду «знания — концепты — представления».

Полосы этой шкалы — знания и представления — различаются по целому ряду параметров (представлены информационными единицами или образами; коллективны или индивидуальны; «объективны» или «субъективны»; требуют или не требуют «доказательств»; хранятся в «развернутом» или «свернутом» виде; не включают или включают коннотации и оценки; требуют работы памяти или интеллектуально-творческой работы). Концепты занимают на указанной шкале срединное положение: они в определенной степени принадлежат сфере «рацио» и лишены образной прототипичности (сближаются со знаниями), но в то же время они включают в себя коннотации (сближаются с представлениями). Более подробно о том, что есть концепт, мы будем говорить в одной из последующих глав. Пока же отмечу, что среди наиболее важных, основных, или, пользуясь выражением Ю.С.Степанова, «ключевых концептов» русской культуры следует назвать такие, как *судьба, доля, воля, грех, душа, совесть* и т.д.

Знания и концепты являются «терминальными» элементами предлагаемой системы и не подвергаются дальнейшему членению (хотя в принципе это возможно).

Представления включают в себя собственно представления и образы, а также связанные с ними оценки и коннотации. Они поддаются дальнейшему членению на основе критерия, формируемого двумя основополагающими признаками: единичность vs. множественность и прототипичность vs. отсутствие таковой (прототипичность в данном случае понимается как наличие изначального «единого» визуального образа предмета).

Приведу примеры полярных феноменов, во-первых, именно потому, что они полярны и в них эти признаки проявляются максимально ярко и рельефно, во-вторых, потому, что эти феномены лучше всего изучены в свете предлагаемого подхода. Опять-таки все эти феномены мы будем детально рассматривать в дальнейшем, сейчас же я представляю общую систему тех феноменов, которым будет уделено основное внимание. Смотрите: *Пушкин* всегда один и уникален, равно как *Печорин*, *Ходынка*, «*Война и мир*» или «*счастливые часы не наблюдают*». Такие феномены (мы будем называть их прецедентными) всегда единичны и уникальны. Среди стереотипов (например, стереотипный образ *змеи* или стереотипная ситуация *экзамен*) мы не найдем ни одного, прототипом которого послужил бы единичный, уникальный феномен, в данном случае — конкретная змея или конкретный экзамен.

Между этими «полосами» (прецедентными феноменами и стереотипами) на пересечении указанных шкал выделяются еще два типа феноменов. Первый тип представлен «*бестиариями*»¹ — д^ухами, демонами, «населяющими» действительность того или иного национально-лингво-культурного сообщества, в окружении которых живут его (сообщества) представители. Для русских это в первую очередь *водяной и русалки*, *леший и кикимора*, *домовой и черт* (люди-полудемоны, типа *ведьма* или *волколак*, в рамках предлагаемой концепции, относятся скорее к стереотипным образам, нежели к собственно бестиариям).

Второй тип феноменов представлен «*артефактами*» — предметами из вторичного, как правило, сказочного мира, которые являются национально-маркированными и значимыми для данной культуры (например, *живая и мертвая вода* или *молодильные яблоки*).

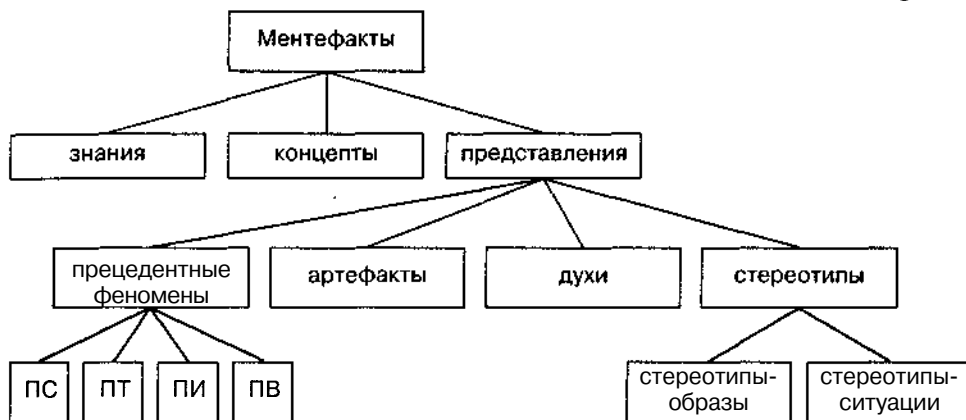
Итак, второй ранг разбиения феноменов дает четыре элемента системы: *прецедентные феномены* (ПФ), *д^ухи* *Бестиарии*, *артефакты*, *стереотипы*. Забегая немного вперед, скажу, что среди прецедентных феноменов выделяются ситуа-

¹ Данное употребление термина следует признать «неканоническим»: традиционно под бестиариями понимаются иносказательные употребления названий животных. То же замечание справедливо и по отношению к термину «д^ухи»: те персонажи, которые именуется в данной работе таким образом, в научных трудах обычно описываются как «мифологические персонажи», «персонажи низшей мифологии». Однако я полагаю, что использование терминов «бестиарии» и «д^ухи» в том значении, как они употребляются в этой книжке, вполне допустимо, поскольку эти персонажи, во-первых, часто принимают обличье представителей мира животных (напр., домовой, леший, водяной и т. д.), во-вторых, по сути сближаются с собственно д^ухами (домовой воспринимается как дух дома, дух первопредка; леший — дух леса, водяной — дух водного пространства и т. д.).

ция (ПС), текст (ПТ), имя (ПИ) и высказывание (ПВ), а среди стереотипов — стереотипы-образы и стереотипы-ситуации. Все перечисленные прецедентные феномены и стереотипы, равно как и концепты, будут рассматриваться и анализироваться в отдельных разделах этой книги.

Таким образом, у нас получилась некоторая система ментефактов, которая может быть схематично представлена следующим образом:

С х е м а 12. Система ментефактов

Посмотрим, как разграничиваются данные феномены по указанному критерию — сочетанию признаков: единичность и прототипичность.

Прецедентные феномены единичны и прототипичны. Изначально единичный образ может иметь множество «масок» (например, *дядя Степа* — это и милиционер, и человек огромного роста), но при этом сам феномен не поддается тиражированию, он может только копироваться. Это можно сравнить с альбомом по искусству: ведь репродукции, представленные в нем, — это не сами картины, равно как и многочисленные копии, написанные другими художниками, — это не оригинальное полотно.

Духи не единичны и не прототипичны, косвенным доказательством чего может служить множественность образов, в которых они предстают человеку. Так, *леший* — старое дерево, небольшой старичок, мужик выше леса; *домовой* — вообще невидим, может принимать образ отсутствующего члена семьи, животного и т. п.; *русалка* — прозрачное существо, обитающее в воде, может выходить на берег в виде молодой девушки; *водяной* — старик, который может оборачиваться камнем, корягой, плывущим по воде яблоком, даже туманом [СД-1, 1995], и т. д. И хотя у нас есть некое общее представление о том, как выглядят тот же водяной или, например, кикимора, но в данном случае, очевидно, следует говорить о том, что изначально множество образов путем некоторой селекции признаков сложилось в один «инвариантный» образ.

Кстати, некоторые фольклорные персонажи (например, *Иван-дурак* или *Василиса Премудрая*) образуют, на мой взгляд, некоторую зону перехода между собственно ПИ и бестиариями, как ни странно это звучит². С одной стороны, эти феномены, безусловно, относятся к прецедентным именам, а с другой — они так же многолики, как и духи, и имеют различные ипостаси. Так, Иван-дурак — это и Иван-царевич, и Емеля, и стрелец Федот (по другой версии — Андрей), и даже юродивый (см., напр., [Панченко 2000: 341—342]). А Василиса Премудрая — это и Василиса Прекрасная, и Елена Прекрасная³, и Марья Искусница.

Артефакты и *стереотипы* — не единичны, но прототипичны. Разница между указанными феноменами заключается в следующем.

Изначальный образ артефакта основывается на реалии с последующим *наращением* качеств и/или свойств предмета (*скатерть-самобранка* = «предмет + дополнительные свойства»; *ковер-самолет* = «предмет + дополнительное свойство»; *избушка на курьих ножках* = «предмет + дополнительное признак + дополнительное свойство» и т. д.).

Что касается стереотипа, то в самом термине «стерео — тип» заложена «полифоничность» предметов, это изначально собирательный образ. В отличие от артефактов, где идет наращение, здесь происходит *редуцирование* качеств и свойств предмета до значимого минимума (значимого прежде всего в когнитивном и дифференциальном планах).

Среди стереотипов, как я уже вскользь упоминала, выделяются стереотипы-ситуации (*очередь, транспорт, экзамен* и т. д.) и стереотипы-образы. Среди последних на основе того, к какому фрагменту мира принадлежит «предмет», можно выделить «мир флоры и фауны» (биоморфные образы: *дуб, береза, ворон, крыса, паук*), «мир человека» (антропоморфные образы, например: этнические стереотипы — *англичанин, немец, француз*; профессиональные — *учительница, банкир, геолог*; социумные — *новый русский, бомж*; «нелюди» — *ведьма, колдун, вампир*) и др.

ЗНАНИЯ

Как уже говорилось, «концепт» и некоторые виды «представлений» мы будем рассматривать в этой книжке особо. Поэтому сейчас останавливаться на них, пожалуй, и не имеет смысла. А вот на что стоит обратить внимание в этом

² Особо подчеркну, что в данном случае я говорю не об их происхождении, не о роли, которую эти феномены играют, и не о функциях, которые они выполняют в своих «источниках», не о мире (точнее — «свете»), которому они принадлежат. Я имею в виду близость феноменов по ряду признаков, которые позволяют их классифицировать и определять, что они из себя представляют, какой образ стоит за каждым из них и, следовательно, как они могут функционировать в дискурсе.

³ Желательно не путать с древнегреческой героиней, из-за которой случилась Троянская война. Русская Елена Прекрасная встречается, например, в «Сказке о Сером Волке и Иване-царевиче».

разделе — это знания, которые представляют собой третий элемент цепочки феноменов, выделяемых на первом уровне разбиения ментефактов.

Напомню, что знания — это некие «информационные», «содержательные» единицы, совокупность которых представляет собой определенным образом структурированную и иерархизованную систему (напр., математические и физические правила, химические формулы, местоположение географических объектов, место и даты событий и т.п.).

Представляя систему ментефактов, я говорила, что знания являют собой «терминальное» звено, т. е. не рассматриваются нами с точки зрения их дальнейшей классификации и разбиения на группы. Но все-таки одно разграничение я считаю необходимым ввести, раз уж в результате рассмотрения разных аспектов и сознания, и культуры, и дискурса мы должны разобраться в национальной специфике национального ментально-лингвального комплекса и выявить национальную составляющую дискурса, что и позволит ответить на вопрос: можно ли быть «своим» среди «чужих»? Итак.

Знания могут быть национально нейтральны, например: $2 \times 2 = 4$; на планете Земля есть 6 материков; автором «Илиады» и «Одиссеи» считают Гомера, а «Войну и мир» написал Л. Н. Толстой и т. д., и т. п.

Но вместе с тем существуют и знания национально маркированные, окруженные культурно-значимым ореолом, занимающие в культуре особое положение. Культурно значимые знания могут иметь коннотации (в этом их отличие от знаний как таковых), но в любом случае, в отличие от представлений, эти единицы не несут заложенную в них самих систему оценок, которая могла бы накладываться на окружающий мир. Приведу два, на мой взгляд, достаточно иллюстративных примера:

Хочу памятник Пушкину поставить... Проводили мы Анну Петровну, я и подумал... Ассоциации, знаешь ли. Там Анна Петровна, тут Анна Петровна... Мимолетное виденье... Что пройдет, то будет мило... Ты мне помочь должен [Толстая Т. Кись. М., 2000. С. 161]

— Меня зовут Александр Борисович. Можно просто Саша.

— А меня Наталья Николаевна, можно Наташа, — в тон ему ответила попутчица.

— Гончарова? — предположил Александр.

— Денисова, — рассмеялась Наталья Николаевна [Незнанский Ф. Опасно для жизни. М., 2000. С. 258] .

На мой взгляд, в данном случае речь идет о знаниях, которыми обладает любой средний представитель русского национально-лингво-культурного сообщества: все-таки Анна Петровна Керн как «мимолетное виденье» и Наталья Николаевна Гончарова известны практически всем русским.

К того же рода феноменам относятся и знания о таких персонажах русской истории, как, например, *Ярослав Мудрый*, *Борис Годунов*, *Меньшиков*, *Потемкин* и другие. Почему они причисляются к элементам знаний, а не прецедентным

феноменам? Попробую показать это на примере *Афанасия Никитина*, который также входит, как мне думается, в систему «информационных единиц». Следует отметить, что «информационная наполненность» данной единицы оказалась в значительной мере редуцированной и минимизированной, что в принципе характерно для многих единиц, хранящихся в сознании человека⁴. Причем в данном случае произошло не свертывание образа-представления в эмотивно-информативное «сгущение» (ср. *Иван Сусанин*, *Павлик Морозов*), а простое редуцирование информации: с именем Афанасия Никитина связано то, что он купец и что он «ходил за три моря». Это имя — Афанасий Никитин — не является «именованием» эталона, не выступает в роли символа совокупности дифференциальных признаков некоторого предмета и не функционирует как свернутая метафора, оно не несет систему оценок, и — самое главное — за ним не стоит инварианта восприятия, который позволял бы функционировать этому имени в качестве прецедентного. Таким образом, можно констатировать, что ниша, которую могло бы занять это имя, став прецедентным (богатый купец-путешественник⁵), оказалась нерелевантной для современного русского.

К национально-культурно значимым знаниям относятся также и некоторые исторические факты, например: *Москву основал Юрий Долгорукий в 1147 году*⁶, а *Петербург быч основан Петром Первым в 1703 году* (возможна минимизация за счет знаний, касающихся точной даты основания); *восстание декабристов было в 1825 году* (тоже возможны «проблемы» с датой); из более близкой истории — однозначно маркированными для русских являются даты *22 июня 1941* и *9 мая 1945* (день начала и день окончания Великой Отечественной войны) и т. д. Из «географических знаний» безусловно значимыми являются, на мой взгляд, *Волга*, *Сибирь*, *Байкал* и т. п.

Думаю, что примеры можно продолжать, но, пожалуй, можно остановиться и на уже сказанном. Тем более, что выявление корпуса национально маркированных и культурно значимых знаний еще ждет своего исследования.

⁴ Речь идет о бытовании феноменов в сознании «среднего» русского, типичного представителя русского национально-лингво-культурного сообщества, фактически — о массовом, обыденном сознании. И особо подчеркну, что в этой книге я не говорю о том, что должно быть и что представляется весьма желательным. Я говорю о том, что *есть*, не давая этому никаких оценок. Хотя признаю, что многое из того материала, который подвергается анализу в этой книге, мне не слишком нравится, но для того чтобы исправить существующее положение вещей и попытаться достичь «идеала», необходимо четко представлять себе, что мы имеем. Затем соотносить это с желаемым. И только после этого можно говорить о выработке неких тактик и стратегий для достижения желаемого результата. В противном случае можно впасть в «маниловщину», чего мне бы совсем не хотелось.

⁵ Эталоном и символом «богатого купца» для русских выступает скорее *Садко*. С путешественником несколько сложнее — в речи русских мне чаще встречалась «*лягушка-путешественница*», нежели какое-либо имя.

⁶ Это не бесспорно, так как к этому году относится первое упоминание о Москве, следовательно, она могла существовать и до этого, но я сейчас говорю об официальной дате.

БЕСТИАРИИ

При описании представлений, бытующих в сознании носителей русского ментально-лингвального комплекса, нужно иметь в виду, что эти представления могут иметь аналоги в других культурах. С одной стороны, это может помочь при описании русских феноменов, но с другой — мы можем иметь дело с квазисовпадениями, которые могут оказаться «ложными друзьями исследователя». Говорить о собственно специфике русских образов можно будет только тогда, когда будет осуществлен широкий круг исследований разных культур, причем эти исследования должны быть проведены на одних основаниях. Следовательно, сегодня представляется возможным говорить только о характерных чертах того, что есть в русской культуре.

Анализируя тот или иной образ, следует учитывать не только ту информацию, которую можно найти в словарях и энциклопедиях (на нее традиционно опиралось и опирается лингвострановедение), но и те *представления*, которые актуальны для носителей национальной культуры, которые первыми «всплывают» в их сознании при обращении к образу и к которым они апеллируют в своей речи. Подходы к такому лексикографическому представлению материала можно найти в работах представителей уже упоминавшегося научного семинара «Текст и коммуникация». Результатом же подобного описания должен стать словарь, который, как я надеюсь, выйдет в ближайшее время.

При представлении такого материала в словаре мы исходили из того, что считали необходимым дать оптимально полную и максимально адекватную картину описываемого фрагмента русского культурного пространства. В связи с этим, первым «пунктом», сразу после краткого «вводно-теоретического» вступления, мы предъявляем ту информацию, которую можно было бы назвать «фольклорно-энциклопедической», т. е. именно то, что можно найти в словарях, энциклопедиях, справочниках и специальных публикациях по русскому фольклору. Иначе говоря, здесь представляется бытование единицы в русском фольклоре. Естественно, что этот материал подвергался осознанному редуцированию с целью минимизировать его до некоторого инвариантного блока знаний (инвариантного в данном случае применительно к специальным знаниям, представленным в указанных изданиях).

Далее мы описываем некоторый стереотипный образ, стоящий за данной единицей. И в связи с этим возникает вопрос: нет ли здесь противоречия с тем, что я писала несколькими страницами ранее? Ведь, как было заявлено, бестиарии лишены прототипичности, т. е. не имеют изначального единообразного представления-образа. На мой взгляд, это мнимое «противоречие» разрешается достаточно просто. Дело в том, что у дѣхов действительно нет *изначального* единого образа: они могут представлять в разных обличиях, выступать в разных «одеяниях» и ипостасях, проявлять себя разными способами. Но вместе с тем существует некоторое общее, максимально концентрированное (т. е. свернутое

и насыщенное) эмотивно-информативное представление (и в этом рассматриваемые феномены сближаются с прецедентными), которое позволяет говорить о некоем инвариантом образе-представлении, бытующем в русском культурном пространстве.

Почему в данном случае речь идет о русском культурном пространстве, а не когнитивной базе? Дело в том, что представления о духах могут значительно различаться по регионам: северные представления могут отличаться от южных, западные от восточных. Немаловажную роль играют и конкретные условия проживания человека (и это еще одно доказательство того, что бестиарии не прототипичны, и еще одна причина минимизации представляемого материала). Так, *домовой* для человека, живущего в отдаленной деревне, и для горожанина, особенно обитающего в условиях мегаполиса, в общем-то не одно и то же. Для горожанина он значительно менее «значим» и играет несоизмеримо меньшую роль в повседневной жизни человека. Для жителя же деревни домовый может оказаться значительно более реальным и «осязаемым», чем, например, член правительства или президент МОК: последний человек видит только на экране телевизора (если таковой имеется), а домовый «обитает» в доме, время от времени «заявляет» о своем присутствии, с ним можно «столкнуться» в любое время.

Таким образом, мы полагаем, что бестиарии, как и собственно стереотипы, принадлежат русскому культурному пространству. Вместе с тем, что такое или — вернее — кто такой *домовой*, знает любой русский. И сколь бы не различались конкретные представления коммуникантов об этом персонаже, коммуникативной неудачи при упоминании домового в речи, на мой взгляд, не произойдет. Значит, есть некоторый набор черт, общий для всех русских. При этом он, очевидно, значительно меньше того набора дифференциальных признаков, которые актуальны для данного конкретного образа в том или ином регионе. И в этом — одно из отличий от прецедентных феноменов, которые имеют единый инвариант восприятия на национальном уровне (при этом, безусловно, возможна мена местами центральных и периферийных черт в зависимости от региона, но эта мена происходит в рамках единого образа).

Итак, говоря о бестиариях, мы выделяем некий инвариантный образ, стоящий за тем или иным именем (при этом мы опираемся на интроспекцию и результаты пилотажных опросов). Именно такой образ мы описываем в словаре, называя его «стереотипным». Кстати, он, действительно, в некотором смысле сближается со стереотипом по способу хранения и функционирования, но отличается от собственно стереотипа по первооснове и, так сказать, контексту собственного бытия.

В третьем пункте словарной статьи мы описываем условия, при которых возможна апелляция к данному образу и случаи употребления соответствующей вербальной единицы в речи.

Покажу на конкретных примерах, как «работает» такой подход.

ВОДЯНОЙ — один из древнейших мифологических персонажей (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики ситуации (3).

1. По народным поверьям, В. — злой дух, обитающий в воде, хозяин и покровитель водного пространства. В. — один из самых злых духов. Он может быть опасен, так как, заманив человека в воду, может его утопить, причем даже на мелком месте. Но как многие персонажи русской мифологии, неоднозначен; например, он помогает почитающим его рыбакам и морякам, спасая их во время бури.

2. в. — старик, с седой или зеленой бородой, весь в тине и водорослях; он связан с зеленым или сине-зеленым цветом. Живет, как правило, в омутах, водоворотах, в глубоких лесных озерах или рядом с водяными мельницами. Может издавать разные звуки, прячась от людей или, наоборот, заманивая их в воду, в первую очередь — всплески и шлепки по воде.

3. Современные русские могут обращаться к образу В. при характеристике:

> внешности человека, черты которой вызывают ассоциации с этим водным духом (например, мокрая одежда, изображение или наличие обитателей водоемов и т.д.):

12 июня каждый праздновал по-своему. Кто-то мокрый, как водяной, лихо отплясывал под бравурную фонограмму группы «Демо» в парку Гафури, кто-то наслаждался ежегодно-однообразным салютом... *Истерика, 2001*. Врединой, впрочем, он все равно остался. Вот, пожалуйста, наплел товарищу своему по имени Кузя-шлеп-нога, что в речке Черноголовке завелась рыба. Тот, простак, поверил. Удочки за плечо — и вперед. Наловил... Теперь Кузя весь обвешан зелеными лягушатами, как водяной. А Федя хихикает в бороду. *Рукотворные чудеса Тины Сан*.

Современные русские могут вспоминать **водяного** при различных звуках, связанных с водой, или когда видят пейзаж, похожий на место традиционного обитания водяного. В этом случае они имеют в виду собственно мифологический персонаж (1), т. е. духа воды, хозяина и покровителя водного пространства.

Сижу себе, закусуваю да посмеиваюсь, ожидая восхода луны. На озере темным-темно, ни лешего (вернее, ни *водяного*) не разглядишь, и только смутно проступает пятно Окольного острова. *Б. Акунин, Пелагия и Черный Монах*.

ДОМОВОЙ — один из древнейших мифологических персонажей (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики ситуации (3).

1 • Д. — домашний дух, хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие. Исторически связан с домашним скотом (лошадьми, коровами и т. д.), он может «обеспечивать» его благополучие, здоровье и плодовитость, а может и мучить животных, если они ему чем-то не нравятся. У Д., который, как правило, является мужским образом, могут быть и парные женские образы: или жена и дочь Д., или самостоятельная хозяйка дома.

Обычно Д. невидим. Он показывается как предвестник будущего: может предупреждать об опасности, отводить беду от дома. Как правило, появляется во сне или при гаданиях. Если предвещает добро, он смеется, гладит лохматой или теплой рукой, если же он предупреждает о чем-то плохом, то воеет, стучит, хлопает дверями, гладит холодной или голой рукой.

Д. изначально не враждебен человеку и не представляет опасности для живущих в доме. Если он любит семью, с которой он живет в одном доме, он помогает по хозяйству, заботится о животных, предупреждает об опасностях и охраняет дом. Но если его рассердить, то он может и вредить (например, бить посуду, прятать вещи, шуметь и т. д.). Чтобы не ссориться с Д., нужно соблюдать определенные запреты и предписания (например, членам семьи нельзя ругаться и ссориться, нельзя занимать его любимое место и т. д.). Хорошо делать ему подарки и подношения (например, молоко, конфеты).

С Д. связаны некоторые ритуалы и стереотипы поведения. Например, если в доме потерялась какая-то вещь, нужно сказать: «*Сам, сам, поиграй да отдай*». Считается, что после этого потерянная вещь находится сама собой. До сих пор, переезжая в новый дом или новую квартиру, русские первой в новое жилье запускают кошку. По поверьям, именно кошка связана с Д.: она легко находит с ним общий язык, и именно на кошке Д. въезжает в новое жилище. Д. не может покинуть свой старый дом без приглашения, поэтому, когда семья меняет место жительства, она должна позвать с собой и своего Д., иначе он, оставленный в старом доме, будет плакать и мстить новому хозяину дома, а семью, которая не позвала Д., ждут всякие несчастья. Есть и еще одна традиция: когда начинают строить новый дом, то в основание дома, в его фундамент кладут монетку как своеобразный подарок Д., который в этом доме будет жить.

2. Д. — старик, небольшого роста, с бородой. Существует поверье, что в богатом доме домовый лохматый, а в бедном — лысый. У Д. ладони и подошвы покрыты шерстью. Бытует представление, что Д. есть в каждом доме, причем даже в современном доме, в городской квартире.

3. Современные русские вспоминают **домового**, если в доме неожиданно «пропадают» какие-то мелкие предметы или раздаются странные звуки. Например, при рассказе о загадочно исчезнувших вещах русский может сказать: «*Домовой шалит*».

Всем студентам, жившим в общежитии с кореяночкой, знакома эта пытка: когда соседка просыпается засветло, как *домовой*, и начинает возиться, шебуршить, чем-то шоркать по физиономии, чтобы через два часа предстать перед светом зари преображенной до неузнаваемости. *Путешествиевокругсвета, 2001.*

Современные русские могут также вспоминать **домового**, когда имеют в виду собственно мифологический персонаж (1), т. е. домашнего духа, хозяина и покровителя дома:

С отчуждением смотрела Рита на эту панельную коробку с перегородками, к которой никак не приложимы были старинные поверья о *домовых*, о душе предметов и домов.
Т. Набатникова, Каждый охотник.

КИКІМОРА — является типичным русским женским мифологическим персонажем (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека или ситуации (3).

1. К. приносит вред, ущерб и мелкие неприятности. Согласно изначальным народным представлениям, К. живет в доме (как и *домовой*). Как правило, она делает

Мелкие пакости: бьет посуду, мешает спать, путает нитки. Но для современного русского К. — жительница болот (*кикимора болотная*).

2. К. — маленькая, скрюченная немолодая женщина или старушка, неопрятная, уродливая, растрепанная, худая и остроносая. Одета, как правило, очень неряшливо в лохмотья. Может издавать различные звуки: она кричит, хохочет, пищит. Живя на болоте, она, подобно *лешему*, пугает путников.

3. Современные русские могут назвать **кикиморой** женщину неопрятную, некрасивую, необаятельную и, как правило, худую. При этом может предполагаться, что эта женщина способна и на мелкие пакости. Подобная характеристика является, безусловно, негативной. Слово **кикимора** может употребляться и как универсальное оскорбление по отношению к женщине (как правило, не очень молодой и некрасивой):

Я тебе еще раз говорю... Слышишь? Ежели ты, старая *кикимора*, не уйдешь отсюда, то я тебя в порошок сотру!.. А. Чехов, *Юбилей*.

Современные русские могут обращаться к образу К., описывая неожиданно появившийся и/или пугающий и не слишком приятный объект (человека, предмет, чувство и т. д.).

Усталая женщина смежила веки, погасив тем самым божественные светильники. Все замерло на последней возвышенной ноте. Мужчина мог быть доволен собой. [...] А вот тут наконец и проклюнулся, высунул свою головку долг, будто *болотная кикимора*. Напомнил, зачем здесь находится старший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры, если он сам об этом забыл. Ф. Незнанский, *Ищите женщину!*— Представь себе: в темноте выскакивает на тебя нечто из кустов, как *кикимора* какая *болотная*. Знаешь, как я испугалась! — И что это было? — Да сын наших соседей по даче. Ну, я ему потом устроила... (реч.)

АРТЕФАКТЫ

Еще один тип представлений — артефакты, которые я представлю очень коротко (прецедентным феноменам и стереотипам будет уделено особое большое внимание в дальнейших главах книжки).

Итак, как я говорила, артефакты, в рамках предлагаемой концепции, понимаются как некоторые предметы из «вторичной» действительности, связанные в первую очередь с мифологическими представлениями. Среди артефактов можно выделить те, которые «имеют аналоги» в реальном, материальном окружающем человека мире, и те, которые относятся исключительно к миру виртуальному, к собственно вторичной действительности. И те, и другие артефакты встречаются, например, в сказках. О каких конкретно артефактах идет в данном случае речь?

Если мы рассмотрим такой предмет, как, например, *зеркало*, то мы увидим, что оно имеет как бы «двойную природу». С одной стороны, это вполне реальный, материальный предмет из первичной действительности, необходимая в быту вещь, которой люди пользуются на протяжении уже достаточно длительного

времени. Сдругой стороны, зеркало издревле наделялось некоей магической силой, волшебными свойствами, что связано с его способностью отражать предметы и, если брать более глубоко, с древнейшими представлениями о воде, которая также способна отражать окружающее, как известно, широко использовалась в гаданиях (см.: *как в воду смотрел*) и имела неоднозначную символику. (О воде, о древнейших представлениях, с нею связанных, о ее символических функциях можно говорить много и долго, но не это является сейчас предметом разговора, поэтому остановлюсь на сказанном.) Так вот, зеркало, наделяемое «экстраординарными» свойствами, обладающее способностью говорить, показывать прошлое и предсказывать будущее, выступает в роли некоторого персонажа и принадлежит, безусловно, реальности вторичной.

Предметы другого рода — это, например, *избушка на курьих ножках* и *стуна Бабы Яги, теремок, ковер-самолет, шапка-невидимка, меч кладенец* и другие. Это артефакты вторичной действительности, существующие только в виртуальном пространстве.

Такие феномены также описываются в указанном словаре ментефактов «русского мира». Принцип их описания в корне соответствует тому, который используется при составлении словарной статьи, посвященной дѹхам. Однако предварительная и подготовительная работа (по сбору, отбору, структурированию материала) носит несколько иной характер, поскольку, например, в отличие от дѹхов, артефакты прототипичны, т. е. достаточно легко поддаются описанию с точки зрения своего внешнего вида и выполняемых функций. Приведу конкретные примеры статей указанного словаря.

ША́ПКА-НЕВИДИ́МКА — не входит в число исконных атрибутов русских волшебных сказок.

1. Подобно *ковру-самолету*, Ш.-Н. проникла в русский фольклор с Востока. Упоминания о Ш.-Н. в большей степени характерны для авторских произведений (например, *А. С. Пушкин, «Руслан и Людмила»*) и современных интерпретаций сказок (например, для кино- и телеэкранизаций). Ш.-Н. воспринимается современными русскими как один из атрибутов волшебной сказки.

Ш.-Н. обладает волшебными свойствами: надев ее, человек становится невидимым. Положительный герой может получить Ш.-Н. в подарок (например, *от Бабы Яги*), выиграть ее или обменять на что-либо другое.

2—3. Русские могут вспоминать Ш.-Н., имея в виду, что кто-либо волшебным образом исчезает или остается незамеченным:

Он набросил обновку [подобие плаща] на плечи. Ничего особенного не произошло — а я-то ожидал, что Кофа тут же исчезнет, как сказочный герой, разжившийся *шапкой-невидимкой*. *М. Фрай, Темная сторона*. Художник, если вдуматься в смысл жития здесь, живет, тайной тропой передвигаясь по городу. Вместо отдельных встреч возникает «новая конспирология». Человек утаивает себя от города. Он заново приобретает способности сокрытия. Вот эта *шапка-невидимка* очень конкретно и индивидуально проявляется в каждой судьбе. *На дне, 2001*. Антону повезло больше: некоторое время его поче-

му-то не узнавали, и он разгуливал по фестивалю инкогнито. Может, ему помогала специальная шапка-невидимка. Интернет '99.

САПОГИ-СКОРОХОДЫ — не входят в число исконных атрибутов русских волшебных сказок.

1. Проникли в русский фольклор из западноевропейской культуры. Упоминания о С.-С. в большей степени характерны для современных интерпретаций многих, в том числе и русских, сказок (например, для кино- и телеэкранизаций). С.-С. воспринимаются современными русскими как один из атрибутов волшебной сказки.

С.-С. обладают волшебными свойствами: надев их, человек может быстро перемещаться, преодолевая за короткое время огромное расстояние.

2—3. Русские могут вспоминать Ш.-Н., имея в виду необычно высокую скорость перемещения кого- / чего-либо в пространстве:

... группа уфимских ученых / Придумала вещь тут одну. / Они сапоги-скороходы / Сумели в Уфе там воззвать, / Чтобы нам ощущение свободы / Такое всем нужное дать. / Сбылася мечта вековая, / Насколько возможно судить, / Теперь я быстрее трамвая / По улице буду ходить... И. Иртенев, *Сапоги-скороходы*. Проворству, с каким шагает по планете формат DVD, позавидуют сапоги-скороходы. Ни CD, ни VHS не могли похвастать таким ростом объема продаж в первые два года после своего появления... *Ni-fi.ru*, 2001. Сам «Спартак», купив Левицкого, Митревски, Цихмейструка, в наборе «рекрутов» впереди всех. Как видим, российский футбол все же не стоит на месте, хотя, конечно, пока сильно отстает от футбола испанского или английского, обутых в сапоги-скороходы. Д. Филипченко, *Весну принесет мяч*.

Апелляции к таким феноменам в речи, как мы видим, не только вероятны, но и абсолютно естественны, приведу еще несколько примеров из современной прессы (они были мной зафиксированы в номерах журнала «МК-Бульвар» в 2001 году). Итак.

Съемки происходили недалеко от станции Кузнечная (это в сторону Финляндии на электричке). Там есть деревенька Богатыри и пионерский лагерь... Мы в общем неплохо жили — свежий воздух, теремки замечательные.

Для детей... на пикнике наступает настоящий праздник жизни: во-первых, родители больше увлечены собой, во-вторых, очень много ровесников, а в-третьих, на ска-терти-самобранке вдруг вместе оказываются многочисленные детские сладости.

Кстати, Вы никогда не задумывались, почему москвичи, жители мегаполиса, бесконечно далекие, казалось бы, от леших, домовых, кикимор и прочей нечисти, называют 25-этажный дом, стоящий недалеко от станции метро «ВДНХ», «избушкой на курьих ножках»? Как это объяснить? Почему многие русские называют именно так свои дачные постройки, думаю, понятно, если мы вспомним, как выглядит «настоящее» жилище Бабы-Яги: маленькое, убогое, стоящее в лесу строение. Но дом, о котором я говорю, трудно назвать маленьким или убогим, да и стоит он, хоть и не в центре, но в давно и хорошо застроенном районе Москвы: практически напротив знаменитого монумента В. Мухиной.

Так почему же все-таки подобное именование дома-великана (великана для Москвы, разумеется) стало возможным? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, как русские традиционно строили жилые дома. Дело в том, что для русского зодчества абсолютно не было характерно размещать их на сваях. Приподнятыми над землей могли быть только хозяйственные постройки, а жилые строения, наоборот, делались приземистыми, да еще и стены по бокам присыпались землей. Так вот, оказывается, что в русской культуре едва ли не единственный дом, в котором живут и который приподнят над поверхностью на некоторых подпорках, — это дом Бабы-Яги, т. е. «избушка на курьих ножках». И большой современный дом, о котором мы сейчас говорим, стоит как бы на сваях. Эти сваи никакого отношения к куриной ноге, естественно, не имеют, но сам факт «приподнятости» его над поверхностью земли позволил перенести именование сказочного жилища на современное строение. Такого рода материал по мере необходимости также включается в нашу словарную статью.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Эта глава посвящена ядерным элементам русской когнитивной базы — прецедентным феноменам (ПФ). Данная концепция была разработана участниками уже упоминавшегося семинара «Текст и коммуникация» и неоднократно освещалась в наших как коллективных, так и авторских работах (включая докторские диссертации). В связи с этим я позволю себе изложить самую суть этой концепции и проиллюстрировать ее наиболее показательными, на мой взгляд, примерами. Более подробно я остановлюсь на структуре самой системы прецедентных феноменов и на том месте, которое эти феномены занимают в контексте современных исследований, а также покажу возможные зоны пересечения разных типов феноменов.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Разговор о прецедентных феноменах я начну с примеров, чтобы сразу ввести в круг тех явлений культуры, которые и станут предметом нашего рассмотрения в этой главе. Итак:

Красота несказанная, страшная; да нешто ж это Оленька? — сама *царица шемаханская!* [Толстая Т. Кысь. М., 2000. С. 251]

— Костюм от Ле Монти — это маскировка?

— Почему?

— Трубка у вас больно занятная. Номерная.

— Вы не правнучка *Пинкертона*?

— Я из рода *Шерлока Холмса*.

Нет, подумал *Пайпс*, ты, детка, из рода *Мата Хари*. И за платьицем этого не спрячешь. [Андреев О. Отель. М., 2001. С. 225]

Это, конечно, слова пустого бахвала, застольного шута, *человека «исторического» в ноздревском смысле*. [Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 25]

А счастье было так возможно... Пригрел змеюку на своей груди... Сердце красавицы склонно к измене... Судорожно затягиваясь сигаретой, Турецкий гнал из головы глупые фразы, извергавшиеся из глубин памяти. [Незнанский Ф. Кто правит бал. М., 2000. С. 308]

Вот верите, после того случая боялась с туристическими агентствами связываться. Подруга мне говорит: «Давай съездим в Италию». А я ей: «*Спасибо, лучше вы к нам!*» [МК-Бульвар, № 13, 2001]

Едва ли кому-либо придется расшифровывать, что имели в виду авторы приведенных цитат. Вполне вероятно, что может возникнуть вопрос, *почему* они это сказали, по какому поводу, но не *что* именно. Это вполне понятно и без комментариев. Причем не только авторам или их «искусственным» почитателям, но и широкому кругу читателей. Следовательно, мы имеем дело не с «закрытой» для посторонних системой единиц и значений, а с феноменами, хорошо известными любому «среднему» представителю русского национально-лингво-культурного сообщества. И раз так, то феномены эти относятся к национальной когнитивной базе (по крайней мере — к ее периферии). Такого рода феномены мы называем прецедентными.

Вспомним в связи с этим определение, которое Ю. Н. Караулов дал прецедентному тексту [Караулов 1987: 216] и которое было экстраполировано на прецедентные феномены¹ в целом (напомню, что термин «текст» понимается в рамках настоящего исследования в гораздо более узком смысле). И еще одно короткое замечание: в литературе уже обсуждались такие феномены, как прецедентный текст [Караулов 1987; Сорокин 1987; Сорокин, Михалева 1993], прецедентное высказывание [Костомаров, Бурвикова 1994; Захаренко 1997₂], прецедентные текстовые реминисценции [Прохоров 1996], прецедентное имя [Гудков 1994; Красных et al. 1997].

Итак, немного модифицируя определение Ю. Н. Караулова, скажем, что к числу *прецедентных* относятся феномены:

- 1) *хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»);*
- 2) *актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане,*
- 3) *обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества.*

Несколько комментариев к определению.

Прецедентный феномен «хорошо известен всем представителям» постольку, поскольку последние знают (как минимум) о его существовании и имеют некий общий, обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса, национально-детерминированный, минимизированный инвариант его восприятия. Другими словами, за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену «прозрачными», понятными, коннотативно окрашенными. И говоря о постоянной апелляции к прецедентным феноменам (а это является одним из признаков последних), мы имеем в виду, что «возобновляемость» обращения к тому или иному прецедентному фено-

¹ Отмечу, что участники семинара «Текст и коммуникация» неоднократно обосновывали в своих работах введенный термин (см. работы Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко и автора настоящего исследования 1996—1998 годов).

мену может быть «потенциальной», т. е. апелляции к нему могут и не быть частотными, но они обязательно понятны собеседнику без дополнительной расшифровки и комментария (в противном случае это будет апелляция не к прецедентному феномену — признаки 1—2). Однако данный критерий (постоянная возобновляемость в речи) ни при каких условиях он не может быть признан «факультативным» для прецедентных высказываний, вследствие чего мы поместили его в ряд обязательных дифференциальных признаков прецедентных феноменов.

Едва ли не главной дифференцирующей характеристикой ПФ является их способность 1) выполнять роль эталона культуры; 2) функционировать как свернутая метафора; 3) выступать как символ какого феномена или ситуации (взятых как совокупность некоторого набора дифференциальных признаков).

На мой взгляд, такая трактовка прецедентного феномена некоторым образом соотносится с пониманием «феномена» в философиях Декарта и М. К. Мамардашвили. Но мыслители говорили о феномене как таковом, а мы — об инварианте восприятия прецедентного феномена (ИВПФ). Вместе с тем я считаю возможным привести здесь цитату из «Картезианских размышлений», которая, как мне кажется, точно передает, что именно мы имеем в виду, говоря об ИВПФ: «... феномен передать словами нельзя. Он должен быть и, тем самым, быть нам известным, но не в смысле нашей возможности пересказа содержания этого феномена» [Мамардашвили 1993: 20] (выделено мною. — В. К). Другими словами, если перебросить мостик между анализируемой в указанном труде философией Декарта и нашими прецедентными феноменами, то окажется, что «феномен» по Декарту (и по Мамардашвили) тождествен «нашему» инварианту восприятия ПФ: его *не нужно* вербализовать (ибо, если он есть, то самим фактом своего существования, он говорит о том, что он известен). И хотя в большинстве случаев вербализация возможна, но она именно возможна, но не обязательна, и именно в большинстве случаев (т. е. как правило, возможна), но не всегда. Указанные соображения и позволили мне экстраполировать приведенное выше понимание феномена на ИВПФ, ибо невербализованность (а в ряде случаев и невербализуемость) ИВПФ в данном случае выступает как сильный член оппозиции: вербальные vs. невербальные ПФ, вербализуемые vs. невербализуемые.

Итак, прецедентные феномены могут быть как *вербальными*, так и *невербальными*: к первым относятся самые разнообразнейшие тексты как продукты речемыслительной деятельности, ко вторым — произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т. д. Апелляции в речи к невербальным феноменам возможны через прецедентные и не прецедентные феномены (например, персонаж Т. Васильевой в к/ф «Самая обаятельная и привлекательная» описывается как *крокодил с улыбкой Джоконды*). Однако в наших исследованиях мы рассматриваем в первую очередь *вербальные* прецедентные феномены: прецедентное имя и прецедентное высказывание² — и *вербализуемые*, т. е.

² - Данным феноменам посвящен ряд интереснейших работ Д. Б. Гудкова и И. В. Захаренко.

подающиеся вербализации, к которым мы относим прецедентную ситуацию и прецедентный текст. Последнее утверждение требует особых оговорок: сам текст, имеющий статус прецедентного, — феномен, безусловно, вербальный (как, например, «Анна Каренина» или «Евгений Онегин»), однако в сознании такой текст хранится, как правило, все-таки не от первого до последнего слова, но как некий «концепт» (по Н. И. Жинкину) на национальном, так сказать, уровне, т. е. как очень сжатый «образ», максимально «уплотненное» представление об этом тексте (включая сюжет, основные коллизии, персонажей, подчас какие-то детали и т. д.). Как показывают наблюдения, апелляции в речи происходят, как правило, именно к этому представлению, которое может быть «развернуто», вербализовано. Именно поэтому мы и относим прецедентный текст к числу вербализуемых феноменов.

Приведу то понимание данных феноменов, которое представлено в [Захаренко et al. 1997] с некоторыми уточнениями.

Прецедентная ситуация (ПС) — некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означаящим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (например, *Ходынка*, *Смутное время*) или не прецедентный феномен (*яблоко*, *соблазнение*, *познание*, *изгнание* — как атрибуты одной ситуации).

Прецедентный текст (ПТ) — законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-лингво-культурного сообщества. Обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы (напр., «*Евгений Онегин*», «*Война и мир*»), тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и т. д.

Прецедентное имя (ПИ) — индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, *Печорин*, *Теркин*) или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*, *Стаханов*). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ. ПИ может состоять из одного (например, *Ломоносов*, *Кутузов*) или более элементов (например, *Павлик Морозов*, *Баба Яга*), обозначая при этом одно понятие.

*Прецедентное высказывание (ПВ)*³ — репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая

³ В своих работах участники семинара «Текст и коммуникация» неоднократно доказывали возможность использования данного термина по отношению и к непредикативным единицам.

может быть или не быть предикативной. Это сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений. В когнитивную базу входит само ПВ как таковое и сумма его значений-смыслов. ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского ментально-лингвального комплекса. К числу ПВ принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, *Не спится, няня!, Кто виноват? и Что делать?», Ждем-с!*), а также пословицы (например, *Тише едешь — дальше будешь*).

Прецедентный текст и прецедентная ситуация «хранятся» в когнитивной базе в виде *инвариантов восприятия* и могут быть при необходимости «вербализованы» (поэтому, повторяю, ПТ и ПС относятся к числу вербализуемых прецедентных феноменов). Они могут быть актуализированы посредством вербальных средств через активизацию самого инварианта восприятия или через какую-то деталь, атрибут или символ самого прецедентного феномена [Захаренко et al. 1997]. В первом случае это может быть краткий пересказ или рассказ. Представьте, например, ситуацию, когда необходимо объяснить иностранцу что-то о «загадочной русской душе» или ответить ему на вопрос: «А что русские имеют в виду, когда говорят?...» Думается, русский не станет — во всяком случае сразу — вдаваться в какие бы то ни было подробности и высказывать собственные изначально полемические взгляды. Скорее всего он максимально сжато, «компактно», но при этом и максимально информативно изложит самую «суть», которую знают и «имеют в виду» все русские. Вот это и будет вербализация (один из возможных ее вариантов) того самого инварианта прецедентного текста или прецедентной ситуации, о которых мы говорим. Например, представьте такой пересказ «Му-му» И. С. Тургенева или рассказ о Куликовской битве или совете в Филях.

Прежде чем подробно рассмотреть данные феномены, представим еще одну их классификацию, критерием разбиения в которой служит «внешний масштаб», широта охвата — от социума до общечеловеческого сообщества.

СОЦИУМНО-, НАЦИОНАЛЬНО- И УНИВЕРСАЛЬНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Итак, прецедентные феномены могут быть: 1) социумно-прецедентными; 2) национально-прецедентными; 3) универсально-прецедентными⁴ (впервые мы выдвинули это положение в [Красных et al. 1997]):

Основным аргументом при этом является тот факт, что, как показали исследования, в функционировании «предикативных» и «непредикативных» прецедентных высказываний принципиальной разницы не наблюдается.

⁴ Особо оговорю, что «автопрецеденты» я принципиально не рассматриваю, так как они либо не отвечают самому определению прецедентных феноменов, либо входят в число (как минимум) социумно-прецедентных.

1. *Социумно-прецедентные* — феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т. д.) и входящие в коллективное когнитивное пространство. Эти феномены могут не зависеть от национальной культуры. Например, феномены, общие для всех мусульман (конфессиональный социум) или для врачей (профессиональный социум).

2. *Национально-прецедентные* — феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу.

Отмечу, что при переводе, в частности, художественной литературы квалифицированные переводчики дают дополнительные разъяснения, комментарии или интерпретации, раскрывая инвариант восприятия того или иного феномена, очевидный для носителей языка-оригинала, но закрытый для читателей перевода. Например, фраза:

Сквозь усталость меня стал точить червь сомнения относительно разумности моей поездки: не получится ли так, что, пролетев столько миль, я явлюсь на *свидание в Самарре*?

снабжена следующим комментарием переводчика:

То есть буду достигнут неизбежной судьбой (ассоциация с романом Дж. О'Хара «Свидание в Самарре»). [Брайан Форбс. Порочные игры. М., 1997. С. 322—323. Перевод М. Т. Ойзерман]

Если же таких комментариев не дается, то смысл аллюзии может остаться закрытым для читателей переводной версии произведения. См.:

Она чувствовала себя легко, бестелесно. Ей казалось, что ее куда-то уносит бризом, сильным бризом в бесконечные просторы. [...] «Очень скоро, — подумала она, — мне не понадобится и *торнадо*, как это случилось с *Дороты*. Всего лишь дуновения ветерка будет достаточно, чтобы *перенести* меня в мир иной». [Дин Куни. Видение. М., 1998. С. 92—93. Перевод О. Волосюк]

Думается, что отсылка к ситуации из сказки «Страна Оз» (и ситуация, и текст явно прецедентны для англоязычной культуры) была бы значительно более понятна русскому читателю, если бы переводчик вместо *торнадо* и *Дороты* использовал *ураган*, *унесший девочку Элли в волшебную страну*, или как минимум упомянул «Волшебника изумрудного города».

3. *Универсально-прецедентные* — феномены, известные любому среднему современному homo sapiens и входящие в «универсальное» когнитивное пространство («универсальную» когнитивную базу — ?).

Последний тип носит на сегодняшний день достаточно гипотетический характер⁵, однако он представляется вполне реальным. Приведу несколько при-

⁵ Поскольку, чтобы утверждать или отрицать существование некой универсальной когнитивной базы, необходимы широкие и глубокие исследования национальных когнитивных баз.

меров. Так, об амбициозном полицейском метро, пренебрежительно общавшемся с учеными, герой американского фильма⁶ говорит:

Я не знал, что теперь у нас *Наполеоны* идут работать в транспортную полицию.

Герой американского романа, актер-неудачник, так описывает себя:

Лицо у меня худое, с резкими чертами, лицо хищника. Волосы иссиня-черные. Кожа смуглая, зубы белые как сахар и ровные. И ко всему этому — легкая ироничная улыбка. Короче, по типуажу я скорее *Яго*, чем *Гамлет*. [*Лоуренс Сандерс*. Торговцы плотью. М., 1997. С. 11]

За именем Гамлет, однако, стоит не только внешность этого персонажа, но и ситуация, в которой он оказался, и текст, в котором эта ситуация описывается. Все эти феномены также относятся к числу гипотетически универсально-прецедентных феноменов. Приведу пример из американского фильма «Дом на холме». Автор реплики — хозяин дома — подстроил 3 года назад «ограбление» своего дома, чтобы получить страховку. Во время этого «ограбления» убили брата человеку, которому адресована реплика. После отсидки этот человек приходит в тот же дом, чтобы отомстить. Итак:

— Так-так-так... Ты пришел отомстить мне. *Гамлет выполняет свою священную миссию...*

Пример из романа «Колеса» известного англо-канадского писателя Артура Хейли, содержащий универсально-прецедентное, на мой взгляд, имя и его атрибут:

It was an interior trim inspector, an old-timer on the line, a runtish man with a face extraordinarily like that of *Hitler*. Inevitably, fellow workers called him *Adolf* and, as if enjoying the joke, the employee whose real name Zaleski could never remember — even *combed his short hair forward over one eye*. [*Arthur Hailey*. Wheels. London, 1973. P. 31]

В широко известном во всем мире фильме «Твин Пикс» между шерифом и агентом Купером происходит такой разговор:

— Да, шериф, что это вы тут расселись? У нас еще много дел.

— Кажется, мне пора изучать медицину.

— Зачем?

— Просто я чувствую себя *доктором Уатсоном*.

Приведу несколько примеров, которые были зафиксированы мною в отечественной литературе и в российских СМИ и которые, на мой взгляд, также могут принадлежать к числу потенциально универсально-прецедентных:

Антон небрежно сказал:

— Например, мы часто играем в *Вильгельма Телля*.

На сегодняшний же день работа начата только над русской когнитивной базой. И это — одно из направлений деятельности семинара «Текст и коммуникация».

⁶К/ф «Мутанты» (США). Приводя те или иные примеры, я никоим образом не оцениваю их «качества», равно как и интеллектуальный или эстетический уровень их источников

— По очереди, — подхватил Пашка. — Сегодня я *стою с яблоком*, а завтра он. [*Стругацкие А. и Б. Трудно быть богом*. М., 1991. С. 19]

Он бы мог умереть за деньги. Деньги — его идея, как свобода для *Спартака*. [*Токарева В. Все нормально, все хорошо // Сказать — не сказать*. М., 1991. С. 97]

Мой близкий друг Хабибуль, один из 25 детей дворника Хабибулина, жившего в подвале нашего дома, был моим верным *Санчо Пансой*. [Караван историй, август, 2001]

— А ты чего такая взъерошенная? С романом своим поссорилась?

— Хуже, Паша. Он мне предложение сделал...

— То есть, иными словами, этот твой *Ромео* хочет, чтобы ты со мной развелась?

— Именно. [*Маринина А. Когда боги смеются*. М., 2001. Т. 1. С. 261]

А Фрида, которой уже порядком надоел седобородый *Ромео* (Троцкий и нужен-то ей был только затем, чтобы заставить Диего немного поволноваться), и не пыталась сопротивляться его отъезду... [Караван историй, май, 2001]

[Герой произведения, Турецкий, в купе разговорился с попутчицей и пообещал ей, что она обязательно в него влюбится, так как это украшает жизнь, на что она ответила:]

— Ого! Я-то думала, что еду с застенчивым, интеллигентным человеком, а вы, оказывается, опасный тип! Ну вот что, *Казанова* транспортный! Хватит морочить голову бедной девушке. [*Незнанский Ф. Опасно для жизни*. М., 2000. С. 282]

В *Казановы* он, несмотря на красивое лицо и расшитый серебряной тесьмой мундир, не годился: на балы Черчилль привозил стопки книг и перелистывал их, когда другие танцевали. [Караван историй, май, 2001]

Например, специалисты утверждают, что 80% «Виагры», продающейся в московских аптеках, — фальшивка. Там-де и в помине нет силденафил цитрата — того самого вещества, делающего из слабака *Геракла*. [МК, 16.03.2001]

С работой, которую нельзя доверить компьютеру, справится талантливый «скульптор» в белом халате — этакий *Микеланджело*от стоматологии [МК-Бульвар, № 15, 2000]

... была убита женщина... Ей перерезали горло, изобразив обаятельную вторую улыбку от уха до уха... Пока мы «думали о всякой ерунде», произошло еще одно убийство... Точно такая же «вторая улыбка», только «*Джэконда*» была постарше... [*Макс Фрай. Лабиринт* (Чужак). М.; СПб., 2000. С. 234]

Еще несколько примеров из романа «*The Night Manager*», автором которого является John le Carré⁷ (в приводимых англоязычных примерах курсив авторский; интересующие же нас единицы выделены подчеркиванием):

In the matter of extraction public money from his ministry, Goodhew's quarter-century before the Whitehall mast is not in vain. He becomes a bureaucratic *Robin Hood*, fiddling the government's accounts in order to ensnare its wayward servants.

⁷The Night Manager. Ballantine Books, NY, 1994. P. 308, 423.

В качестве доказательства того, что имя Робина Гуда является прецедентным для русских, приведу несколько примеров. Следует отметить, что во втором примере это имя актуализируется через атрибут⁸; в данном случае — через название леса, где жили разбойники, предводителем которых и был Робин Гуд. Итак:

Не могу сказать, что я такой уж *Робин Гуд*, по крайней мере, мне хотелось сразу же надеть на себя эту маску достоинства. [АиФ, № 9, 2001]

— Мы этот лес *Шервудским* называем.

— Почему?

— *Даразбойники* здесь, только не такие *благородные*, как раньше. [Телесериал «Убойная сила — 3»]

А теперь вернемся к Ле Карре.

Burr's voice became a mile regretful. «Rattling days are over, Harry. The ship's sunk. Just one more rat, and that's your lot. [...] You know what this is, Harry?» He lifted the thick end of the tie. «It's Dr. Paul Apostoll's tongue, pulled through his throat, Colombian style, thanks to Harry Palfrey's rattling. You *sold* Apostoll to Darker. Remember? Ergo, you *sold* my agent Jonathan Pine to Darker also. [...] You *sold* Geoffrey Darker to Goodhew — except you didn't *really*, did you? You *pretended* to, then you doubled on yourself and *sold* Goodhew to Darker instead. What are getting out of it, Harry? *Survival*? I wouldn't bet on it. In my book you're due about one hundred and twenty pieces of silver out of the reptile fund, and after that it's the *Judas tree*. Because, knowing what I know and you don't, but what you are about to know, you are finally, terminally ratted *out*».

Последний пример представляет особый интерес, поскольку в данном случае апелляция к прецедентной ситуации осуществляется посредством сочетания *Judas tree* («*иудино дерево*»), прецедентного для англоговорящих, но явно не прецедентного для русских (хотя вполне прозрачного и понятного). Интересно, что в отечественном романе⁹ мы также встречаем это выражение, но оно приписывается автором этническому немцу:

[Речь идет о клубе самоубийц, все члены которого имели «клубные имена». Письмо, фрагмент которого приводится, было написано после убийства (неожиданного и «незапланированного») одного из членов клуба]

Это было уже не преступление страсти, но акция возмездия. С точки зрения Калибана, воспринимавшего членство в клубе как священное служение, Сирано был подлым предателем, заслуживающим *иудиной участи*. Именно поэтому [для «казни»] было выбрано *иудино дерево* — осина.

Отмечу, что для русских *иудино дерево*, т. е. дерево, на котором Иуда удавился, — осина, а вот для англоговорящих *Judas tree* — собственно название конкретного дерева. Кроме того, следует обратить внимание и на то, что в при-

⁸ То есть через некоторую деталь, с ним связанную. Как мы увидим чуть позже, подобная актуализация в принципе характерна для прецедентных имен.

⁹ *Акунин Б.* Любовница Смерти. М., 2001. С. 206.

веденном отрывке упоминается «иудина участь», также не являющаяся собственно прецедентным высказыванием, но для русских очевидная и понятная из прецедентной ситуации.

Таким же «не-прецедентным» является и сочетание «иудины деньги», но поскольку за ним стоят явно прецедентные феномены: Иуда, его предательство и 30 сребреников, которые он за него получил, — это выражение также оказывается абсолютно прозрачным:

Стражей закона интересовало: каким способом автор передает свои статьи на Запад (работы Прибыловского публиковались в газете «Русская мысль», выходящей в городе Париже), по чьей инициативе он их пишет и сколько *«иудиних денег»* таким способом зарабатывает? [МК, 31.03.2001]

Вместе с тем, такие универсально-прецедентные феномены таят в себе и огромную опасность, поскольку они могут оказаться квазипрецедентными. То есть они существуют как прецедентные в нескольких национально-лингво-культурных сообществах, имея одну и ту же «форму», но обладая разным (и подчас — принципиально разным) «содержанием». Приведу только два примера. Так, мои пилотажные опросы иностранных стажеров показали, что существуют значительные различия в инвариантах восприятия таких прецедентных имен, как *Наполеон* и *Дон Кихот*.

Русский, называя кого-либо *Наполеоном*, характеризует этого человека как человека с большими амбициями (вспомним классика: *Мы все глядим в Наполеоны*. .. и далее по тексту). Отсюда и *наполеоновские планы*:

Он вынашивает идею создания глобального спутникового телеканала, с передачами которого будут считаться все сильные мира сего. А пока в его голове зреют *наполеоновские планы*, Тернер... принимает участие в двух крупных регатах. [МК-Бульвар, №26,2001]

Пилотажный опрос французской аудитории показал, что для француза Наполеон связан в первую очередь с подвигами на любовном поприще. А теперь представьте себе, как француз воспримет фразу: «У меня *наполеоновские планы*». Хотя, справедливости ради, следует сказать, что на периферии ПИ *Наполеон* любвеобильность у нас тоже, пожалуй, имеет место. Например, в фильме «Маленький гигант большого секса» есть такой эпизод: главный герой Марат, девиз которого: «*Мадам, я в любви Наполеон!*» — случайно узнает, что его новая пассия является к тому же и любовницей Бери. Понятно, что это не могло на нем не сказаться, и во время любовной встречи он потерпел полное фиаско. Далее следует такой диалог:

— А говорил: в постели *Наполеон*.

— Мадам, у каждого *Наполеона* свое *Ватерлоо*.

Ватерлоо выступает для русских в роли символа полного краха, провала, проигрыша, о чем свидетельствует как только что приведенный пример, так и следующий:

... на сей раз парень сделал меня всухую, эта поездка стала чем-то вроде моего *Ватерлоо*, но у меня не было никаких сил бороться. [Макс Фрай. Волонтеры вечности. М.; СПб., 2000. С. 174]

[Идет партия в шахматы.] Соболев встал рядом, взглянул на доску, рассеянно подхватил припев:

— Фолишон-фолишонет... Сдавайтесь, д'Эвре, это же чистое *Ватерлоо*...

— Гвардия умирает, но не сдается, — француз дернул себя за узкую бородку и сделал ход, от которого ирландец [его партнер] нахмурился и засопел [Якунин Б. Турецкий гамбит. М., 2000. С. 57]

Кстати, фраза, произнесенная французом в последнем примере, относится к числу социумно-прецедентных и, по всей видимости, является для некоторого социума одним из атрибутов прецедентной ситуации (ПС) *Ватерлоо* и прецедентного имени (ПИ) *Наполеон*.

Что касается ПИ *Дон Кихот*, то его бытование в русской культуре мы уже упоминали, когда говорили о различиях между коллективными и индивидуальными представлениями. Результаты анкетирования показывают, что для русских *Дон Кихот* — эталон бескорыстия. Для испанцев же (точнее — для каталонцев), по свидетельству проф. О. М. Мунгаловой, *Дон Кихот* — человек не слишком умный, занимающийся чем-то ненужным и бесполезным. Для шведов или американцев, как показывают мои пилотажные опросы, *Дон Кихот* — человек, занятый бесполезным и бесплодным занятием. Это находит свое отражение и в литературе. Так, героиня романа «Рухнувшие небеса», который принадлежит перу достаточно известного автора детективных приключений, американского писателя Сидни Шелдона, журналистка по имени Дейна, пытается раскрыть тайну гибели семьи миллионеров. Дело в том, что у самой журналистки зародились сомнения по поводу несчастного случая, в результате которого погиб последний представитель рода. Для того чтобы понять, почему все члены семьи один за другим в течение короткого времени отправились в мир иной, Дейна старается найти ответ на вопрос: а были ли у этой семьи враги? Она встречается со многими людьми, кто был знаком с погибшими, и все в один голос твердили только одно: у столь замечательных людей не было и не могло быть врагов. И вот остался последний из знавших семью, на встречу с которым и отправилась журналистка. Но и этот выстрел оказался холостым, и героиня понимает, что пытается найти то, чего не существует.

Дейна взглянула ему в глаза. Черт поberi, он не лжет. Какого черта она тут делает? Настоящая *Дейна Кихот*. Только вот вокруг ни одной ветряной мельницы [Шелдон С. Рухнувшие небеса. М., 2001. С. 63]

В русской культуре этот элемент (заведомая бесполезность и безрезультатность действий), пожалуй, тоже входит в инвариант восприятия прецедентного имени (ИВПИ), но только при апелляции к ПС. Хотя и здесь оценка самого *Дон Кихота*, безусловно, положительная, чего нельзя сказать о представителях «германоязычных» культур. Чтобы не быть голословной, приведу пример апелля-

ции к ПС, в данном случае также имеется в виду небезызвестная схватка с ветряными мельницами. Итак, интервью с профессором психологии о проблемах современной семьи, который считает обсуждаемое поведение бесполезным и бесперспективным:

- Многие считают, что смогут перевоспитать своего будущего супруга.
- К сожалению, такого «перевоспитателя» можно сравнить с *Дон Кихотом, борющимся с ветряными мельницами...* И ни один психолог здесь не поможет. [МК, 13.03.1999]

В целом вопрос об универсально-прецедентных феноменах явно заслуживает самого серьезного дополнительного исследования. Равно как и вопрос о границах названных типов когнитивных пространств: коллективных (социумных) когнитивных пространств (ККП), когнитивной базы (КБ) и универсального когнитивного пространства (базы). Дело в том, что, во-первых, ККП-ва социумов могут одновременно *входить* в несколько когнитивных баз и, наоборот, *включать* в себя несколько КБ (например, ККП представителей одной области знаний, но различных национально-лингво-культурных сообществ). Во-вторых, границы между типами когнитивных пространств подвижны: те или иные когнитивные структуры могут относиться одновременно ко всем трем когнитивным совокупностям или принадлежать к одной или двум из них. При этом феномены могут со временем переходить из категории, например, национально-прецедентных в категорию универсально-прецедентных, и наоборот. Приведу несколько примеров. Первый иллюстрирует положение о том, что социумно-прецедентные феномены входят в коллективное когнитивное пространство, которое уже национальной когнитивной базы.

А: *Ну, как ты себя чувствуешь?*

Б: *Как Меньшиков в Березове.* [Пример М. В. Всеволодовой]

Третий участник коммуникации, не принимавший активного участия в данном фрагменте беседы, по наблюдению автора второй реплики (Б.), не понял ответа. Это значит, что Б. апеллировал к феномену, явно известному А., но не знакомому и не понятному для третьего участника беседы. Произошло это без «злого умысла», поскольку границы известности / неизвестности того или иного ПФ подчас неточно определяются участниками коммуникации (о чем мы говорили в одной из предыдущих глав). Таким образом, в данном случае мы имеем дело с ПФ, который может быть признан социумно-прецедентным и который входит в коллективное когнитивное пространство, представляющее собой более узкое образование, нежели национальная когнитивная база.

Примеры иного рода я нашла в англоязычной литературе. Те ПФ, которые мы рассмотрим в данном случае, являются также социумно-прецедентными и входят в коллективное когнитивное пространство. Однако последнее представляется мне в определенном смысле «шире», чем некоторая национальная когнитивная база, поскольку указанные феномены оказались известны не только пред-

ставителям английского (и американского¹⁰) национально-лингво-культурного сообщества, но и русским. Вместе с тем, нельзя не согласиться с тем, что данные феномены известны далеко не всем русским, англичанам и американцам. Иначе говоря, мы имеем дело с коллективным когнитивным пространством, которое одновременно и уже (поскольку включает феномены, не являющиеся национально-прецедентными), и шире (поскольку «охватывает» представителей нескольких национально-лингво-культурных сообществ) отдельной национальной когнитивной базы. И еще одно соображение. Думается, что, несмотря на известность данных феноменов представителям разных национально-лингво-культурных сообществ (их «опознаваемость») и их несомненный статус социумно-прецедентных, инварианты их восприятия в различных «культурных средах» могут различаться (и значительно). Следовательно, представляется необходимым, признав и закрепив на сегодняшний день за такого рода феноменами статус социумно-прецедентных, все-таки иметь в виду потенциальную возможность их «квазипрецедентности». Однако для того, чтобы дать точный ответ о реальной или квазипрецедентности того или иного феномена, необходимы дополнительные межкультурные исследования.

Итак, первые два примера обнаружены мною в уже упомянутом романе «The Night Manager»:

Привыкая к новому временному месту своего обитания, которое принадлежит крупнейшему торговцу оружием и которое называется Crystal, главный герой думает: Crystal, he repeated to himself as they carried him up the teak staircase. Crystal. *A Crystal as Big as the Ritz.* [John le Carre. Указ. соч. P. 216]

На мой взгляд, имеет место явная аллюзия на «Алмаз величиной с отель "Риц"» Ф. Скотта Фицджералда.

Второй пример не вызывает сомнений: апелляция к ПФ—к роману Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история д-ра Джекиля и м-ра Хайда»:

A stocky black manservant admitted them. He wore a green waistcoat and black trousers. A venerable black butler in a striped cotton waistcoat came forward to receive them. "For the Chief, please, Isaac", said Corkoran. "*Dr. Jekyll and Mr. Hyde.* We're expected."

В американском сериале «Путешествия в параллельные миры» главный герой, вернувшись именно из такого путешествия, не может «вспомнить», что «ужасного», о чем говорят окружающие, он делал в своем мире во время собственного отсутствия. (В конце концов выясняется, что вместо него действовал его двойник из «параллельного мира».) Пытаясь разобраться в происходящем, герой произносит следующее:

Я совсем схожу с ума... *То же самое случилось с доктором Джекилем.*

¹⁰ Речь идет об английских авторах, которые популярны не только в Великобритании, но и в США.

Апелляция к социально-прецедентному тексту была зафиксирована мною и в американском кинофильме «Это я, Натали»: героиня фильма, не слишком красивая девушка, говорит своему соседу-художнику, который пишет ее портрет:

Послушай, если ты раздумываешь заканчивать мой *портрет... Дориана Грея...* ты мне просто скажи, я не обижусь.

Пример апелляции к прецедентной ситуации из уже упоминавшегося романа Артура Хейли:

Within the auto industry, he was well aware, plenty of others would agree with him. A strong contingent of younger executives and a surprising sprinkling of topmost echelons conceded that basically — despite excesses and inaccuracies — the arguments of Vale and Nader [journalists] over past few years made sense. The industry had relegated safety to a minor role in car design, it had focused attention on sales to the exclusion of most else, it had resisted change until forced to change through government regulation or the threat of it. It seemed, looking back, as if auto makers had become drunken on their own immensity and power, and *had behaved like Goliaths, until in the end they were humbled by a David* — Ralph Nader and, later, Emerson Vale. [Arthur Hailey. *Wheels*. London, 1973. P. 59]

В романе другого английского автора¹¹ находим *кафкианский кошмар* как описание ужасной ситуации в жизни главного героя. В романе американского автора Дина Кунца читаем такой диалог двух главных героев:

— А я какая?

— Ты относишься к тому типу людей, которые всегда спрашивают, *по ком звонит колокол*, и всегда проливаешь ручьи слез на любом мало-мальски печальном фильме. [Дин Кунц. Видение. М., 1998. С. 54]

В американском телесериале «Детектив Нэш Бриджес» главный герой ловко открывает отмычкой потайную дверь. Его напарник немедленно реагирует на это:

Я за тобой, *Гудини*.

Примеры такого же рода были зафиксированы мною и в российских СМИ и в современной отечественной литературе:

И вот Боббит решил устроить шоу-аттракцион с ножом своей личной *Шарлотты Корде* — [ревнивой супруги] Лорены. [МК в воскресенье, 08.07.2001]

— Так, — вздохнул я, снимая очки, — *чем дальше, тем любопытственнее...*

К сожалению, мои собеседники не могли оценить уместность этой цитаты, поскольку они не были знакомы с *полным отчетом Алисы о путешествии по Зазеркалью*. Опять я ублажал исключительно себя, любимого. [Макс Фрай. Волонтеры вечности. М.; СПб., 2000. С. 389]

Я не удержался и украдкой оглянулся на нашего проводника. Его круглые глаза мерцали в темноте каким-то безумным красноватым сиянием... Я даже вздрогнул: на *Вергилия* этот дядя явно не походил.

¹¹ *Брайан Форбс*. Порочные игры. М., 1997. С. 397.

- Ты *Харон*, сэр Цвахта. Натуральный Харон! [...]
— Почему вы меня так назвали, сэр Макс? — вежливо спросил лесничий. [...]
— Потому что ты ведешь нас в подземный мир! — охотно объяснил я.
— А, понятно! — равнодушно согласился сэр Цвахта.
Я невольно улыбнулся. Понятно ему, видите ли!.. [Там же. С. 123—124]

Весьма интересные примеры такого же рода зафиксированы и проанализированы в [Конурбаев, Менджерицкая 1998], например: *The French lender's woman* — название статьи из газеты (издаваемой в формате журнала) «The Economist» о взаимоотношениях между французским банком и Голливудом, которое явно отсылает читателя к роману Джона Фаулза «*The French Lieutenant's Woman*». Или: *Not so Grimm* — статья, представляющая собой, по мнению М.Э. Конурбаева и Е. О. Менджерицкой, «развернутую метафору», с «аллюзией в названии на знаменитых немецких братьев-сказочников». И поскольку в статье речь идет о крушении коммунистических режимов и его последствиях, то ключевой образ — относящийся к эпохе маккартизма образ ведьмы («the wicked witch») — представляется указанным исследователям вполне предсказуемым.

В свете всего сказанного весьма перспективным представляется следующее направление исследований: определить, где же проходят границы между коллективными когнитивными пространствами и когнитивной базой, как влияют данные феномены друг на друга, а также существуют ли и, если да, то каковы различия в инвариантах восприятия социумно-прецедентных феноменов у представителей разных национально-лингво-культурных сообществ.

ПРЕЦЕДЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ

Прецедентная ситуация (ПС) — это некая «идеальная» ситуация, когда-либо бывшая в реальной действительности: *Смутное время*, *Ходынка*, *семибоярщина* (ср. еще недавно актуальное «семибанкирщина»), *Ватерлоо* — или принадлежащая виртуальной реальности созданного человеком искусства: *Монтекки и Капулетти*, *Ромео и Джульетта*, *бой часов в полночь* (из сказки о Золушке с последовавшим обратным превращением) и т. д. и т. п.

Какие ситуации могут быть отнесены к числу прецедентных? Если следовать нашему определению, то статус прецедентной будет иметь ситуация, которая, во-первых, хорошо знакома носителям определенного ментально-лингвального комплекса, во-вторых, актуальна в когнитивном плане, т.е. имеет инвариант восприятия, в который входят определенные минимизированные и национально-детерминированные знания и представления о самой ситуации, включающие в себя, в том числе, и коннотации, с данной ситуацией связанные, и, в-третьих, апелляции к которой частотны (как правило или потенциально) в коммуникации представителей данного национально-лингво-культурного сообщества.

Инвариант восприятия ПС (ИВПС) возникает не на пустом месте: ситуация оценивается определенным образом и вписывается в уже существующую си-

стему координат. Таким образом, ИВПС аккумулирует не только знания о данной конкретной ситуации, но и весь предшествующий опыт конкретного национально-лингво-культурного сообщества, представленный в виде уже существующих знаний и представлений и определенной системы оценок. Механизмом такой обработки является, по-видимому, некий национально-детерминированный алгоритм, позволяющий выделить существенные/несущественные элементы, которые оцениваются по шкалам «плюс/минус» и «верх/низ» (см. работы Д. Б. Гудкова¹² и И. В. Захаренко). Таким образом, инвариант восприятия прецедентной ситуации является своеобразной квинтэссенцией представлений о «добре и зле» на определенном участке, и в этом смысле ИВПС близок архетипу. Это точно и тонко подметил С. Московичи: «... знаменитые московские процессы (1936—1938 гг.) представляют собой кульминационный момент. Они инсценируют заговор, подготовленный против нового общества или же против партии, с целью открыть тайны, которые должны были храниться. *Представление, сделанное из этого, воссоздает типические персонажи*. с одной стороны, предатели, которые должны умереть, с другой стороны, верные хранители тайны, герои революции. Судебный церемониал и используемая речь предназначены для того, чтобы вызвать эмоциональную реакцию: страх и народную ненависть против внутреннего врага. Выдвигаемые аргументы апеллируют уже не к истине или лжи, а к тому, что их маскирует, к *добру или злу*, их вечному конфликту» [Московичи 1998: 423] (выделено мною.— В. К.). Будучи результатом действия указанного алгоритма и войдя в систему подобных ему феноменов, т. е. будучи воспринятым (рассмотренным и оцененным) сквозь призму когнитивной базы и став ее частью, ИВПС сам начинает задавать систему оценок на данном участке, или, по выражению М. К. Мамардашвили (хотя оговорюсь, что цитируемые слова относятся к совершенно другому объекту), «выступает по отношению ко всему остальному в качестве априорной структуры», которая «уже содержит в себе совершившийся первосинтез» [Мамардашвили 1993: 77]. Иначе говоря, приобретя статус прецедентной, ситуация начинает выступать как «эталон» ситуаций данного, определенного типа вообще. Покажу это на нескольких достаточно показательных, на мой взгляд, примерах.

Для бывших советских людей *1937 год* — не просто один год из истории, но, подобно *Смутному времени*, это — название определенной эпохи (которая, кстати, если подходить с позиций строгой хронологии, началась чуть раньше — в начале 30-х — и закончилась чуть позже — в 1938 г.), характеризовавшейся

¹² Д. Б. Гудков выдвинул идею о существовании такого алгоритма и убедительно продемонстрировал его действие на примере прецедентного имени [Гудков 1994] и прецедентного текста [Гудков 1997]. Идея о том, что когнитивная база в целом задает систему оценок, бытующую в том или ином сообществе, неоднократно обсуждалась на заседаниях научного семинара «Текст и коммуникация». Д. Б. Гудков в ряде своих работ высказывает интереснейшую, с нашей точки зрения, гипотезу, что когнитивная база сегодня выполняет ту же функцию, которую ранее выполнял миф.

определенными событиями, это — «именование», «название» прецедентной ситуации. Поэтому становится понятной фраза журналиста по поводу ареста его российских коллег в Минске и высказывание Е. М. Примакова, некогда выполнявшего функции премьер-министра России:

В Беларуси уже, похоже, опять наступил *1937 год* [МК, 20.08.1997]

Все делалось для того, чтобы создать в обществе мнение о том, что глава правительства ведет страну чуть ли не к *1937 году*. [*Примаков Е. Восемь месяцев плюс...* (цит. по МК, 2001)]

«Ребята действуют агрессивно, — заявил Юмашев. — Задействовано все — прокуратура, ФСБ, прослушка.» И здесь почему-то вспомнилось, как не без участия того же г-на Юмашева выгоняли В. Черномырдина, Е. Примакова, С. Степашина. И они уходили достойно, не вспоминая *37-й год*. [АиФ, № 48, 2001]

Эти примеры подтверждают, как мне кажется, корректность наблюдения С. Московичи.

С примером такого же рода я несколько раз столкнулась во время празднования 850-летия Москвы: на Воробьевых горах, где должно было состояться шоу Ж.-М. Жарра, образовалась огромная толпа, и люди, опасавшиеся возможных последствий (неразбериха, хаос, давка), покидали район Университета со словами: «Надо уходить: здесь будет *Ходынка*» (отмечено мною в течение 1 часа в речи разных людей).

Или вот как описывает дикое убийство из-за кода в подъезде «Хроника происшествий»: человек возвращался домой, заметил у подъезда «подозрительного типа», сначала начал набирать код, потом решил все-таки убежать, но:

... незнакомец догоняет недоверчивого мужика, начинает бить, требует сказать код... *Три цифры, три цифры, три цифры...* Бедняга стонет... Код он так и не выдал. Код смерти. Садист убил его... [МК, 27.02.1999]

Думается, что здесь имеет место апелляция именно к ПС, но реализуется она через использование прецедентного высказывания. Апелляция к ПС может осуществляться и с помощью прецедентного имени и/или краткого «описания» самой ситуации:

Наш парламент тут напрягся и — *чисто Зевс — родил из своей головы* законопроект о народных дружинах. [г/п «Итого», 31.01.1999]

Чернов был для своей должности не очень молод и оттого крут. Слишком долго [его] не замечали. [...] Другие двигались по служебной лестнице скачками. Он, *словно Сизиф, катил катил свой тяжеленный камень*. [*Андреев О. Вокзал. С. 10*]

... мое отсутствие их, кажется, очень подружило! Кто бы мог подумать: в конце концов, леди Меламори Блимм принадлежала к клану, с древних времен связанному с Орденом Семилестника, а Теххи была дочкой покойного Лойсо Пондохвы, Великого Магистра Ордена Водяной Вороны. Это покруче, чем *Монтекки с Капулетти*, что бы там они обе ни твердили о своем глубоком равнодушии к истории древней вражды своей могущественной родни... [*Макс Фрай. Волонтеры вечности. С. 560*]

Тот загадочный факт, что я парил над ночным Ехо, как *Винни-Пух на воздушном шарике*, казался мне всего лишь милым дополнением к диким событиям сегодняшнего вечера... [Макс Фрай. Темная сторона. С. 42]

Ген. прокурор исчез. Злые языки поговаривали, что он *бежал в женском платье на Кубань, дабы возглавить там красных казаков вестийхна Москву...* [МК, 03.04.1999]

Возможны случаи апелляции к ПС, описанной в прецедентном тексте, через имя одного из персонажей этого текста:

Котенок в руках подвыпившей пожилой бабы был жалкий и дрожащий.

— Бери, а то я его в *Муму* превращу, — пригрозила баба. [Андреев О. Отель. С. 20]

Среди прецедентных ситуаций можно обнаружить не только национально-, но и универсально-прецедентные. При этом инварианты их восприятий могут как совпадать, так и значительно различаться. Примером определенного совпадения восприятия прецедентной ситуации могут служить уже приводившиеся примеры универсально-прецедентных феноменов, а также следующий эпизод из американского фантастического телесериала «Вавилон-5», несколько раз демонстрировавшегося по российскому телевидению: бывший начальник безопасности космической станции выступает в войне против командира станции и его команды — некогда своих друзей; он получает от представителей противника некое предложение, предполагающее определенные действия, которые вполне могут быть интерпретированы как предательство и которые, разумеется, должны быть некоторым образом вознаграждены (и материально, и морально). Разговор между экс-начальником (Б) и его вербовщиками (А) заканчивается следующим образом:

А: От истины нас отделяют всего несколько дней. Многие ли могут сказать такое?

Б: Не знаю. Но последний, кто сделал такое, *получил 30 серебряников*.

Абсолютно аналогичные случаи актуализации той же ПС имеются в современной отечественной литературе. Так, героиня одного из романов Б. Акунина призывает главного героя серии романов «Приключения Эраста Фандорина» поучаствовать в пари и сделать ставку на одного из спорщиков. При этом следует иметь в виду, что сия молодая особа придерживается весьма прогрессивных взглядов и относится к самому Фандорину исключительно как к агенту полиции.

Ну что же вы! Поставьте на него. Что вам стоит! Наверняка ведь *получили* от своего сатрапа какие-нибудь *серебренники*. Я вам потом отдам. [Акунин Б. Турецкий гамбит. М., 2000. С. 59]

Претендующей на статус универсально-прецедентной представляется и следующая ПС, восходящая к тексту У. Шекспира:

— Подожди, подожди, а где это ты ее видел? — у этого чуда природы еще хватило нахальства изобразить на своем прекрасном лице выражение *мавританской ревности!* [Макс Фрай. Темная сторона. С. 334]

К случаям такого же рода можно отнести и ПС *открытие Америки*, тесно связанную с прецедентным именем *Колумб*. Вернее, данная ПС стоит за данным ПИ, и если называется ПИ, то тут же актуализируется ПС, входящая в инвариант восприятия этого ПИ. Но иногда указанная ПС актуализируется в дискурсе с помощью ее «называния».

Может, мы и *не откроем Америки*, но лишний раз познакомиться с нашими наблюдениями никому не повредит. [МК, 21.02.2001]

С другой стороны, не представляет большого труда обнаружить примеры и другого рода: когда восприятие той или иной ситуации различно в разных национально-лингво-культурных сообществах. Вот как, например, в романе «Интриганка» описывает конец Второй мировой войны (открытие второго фронта) и атомную бомбардировку Японии С. Шелдон:

В Европе союзники одерживали одну победу за другой. 6 июня 1944 года американские, британские и канадские войска высадились на побережье Нормандии, а через год, 7 мая 1945 года, Германия подписала безоговорочную капитуляцию. 6 августа 1945 года на японский город Хиросима была сброшена атомная бомба. Через три дня другая атомная бомба разрушила Нагасаки. 14 августа Япония капитулировала. Изнурительная и кровавая война закончилась.

В данном фрагменте отражается достаточно типичное, на наш взгляд, представление американцев на исход Второй мировой войны: войну выиграли союзники (отсутствие какого бы то ни было упоминания Советской армии весьма значимо), бомбардировка Японии оказалась «удачным» ходом, который позволил быстро сломить сопротивление противника и спас жизни многих солдат. Очевидно, что в русском национально-лингво-культурном сообществе открытие второго фронта воспринимается совершенно по-другому: вспомним в связи с этим эпизод из одного советского фильма о войне, в котором рядовые солдаты называют «вторым фронтом» мясные консервы, полученные от союзников. Что уж говорить о Хиросиме, ставшей именем ПС, которую можно описать как «атомный кошмар, всеразрушающая и безжалостная сила, несущая смерть, конец света».

Инвариант восприятия прецедентной ситуации (ИВПС), который и входит в КБ, представляет собой совокупность дифференциальных признаков самой прецедентной ситуации. Данная совокупность может быть более простой или более сложной, иметь большее или меньшее число элементов. «Атрибутами» ПС могут быть субъекты-персонажи и/или предметы, так или иначе в данной ситуации задействованные. И поскольку сам ИВПС подобен «поручику Кижэ, фигуры не имеющему», эксплицироваться, актуализироваться и/или вербализоваться он может именно через свои атрибуты. Например, вернемся еще раз к ситуации предательства: в данном случае в дифференциальные признаки однозначно входят, например, *Иуда* (прецедентное имя) и *30 серебряников* (прецедентное высказывание). Возможно, но об этом следует говорить с особой осторожностью,

в число дифференциальных признаков рассматриваемой ситуации входит и *поцелуй Иуды* (иная прецедентная ситуация)¹³. Таким образом, апелляция к данной ПС может быть осуществлена посредством целого ряда других прецедентных феноменов.

В ряде же случаев ситуация может иметь *одно-единственное* «имя», выраженное также другим прецедентным феноменом, например, *Нью-Васюки* — «имя» ПС, тесно связанной с прецедентным текстом-источником.

Откровенно говоря, не совсем понятен и гигантизм при строительстве нового зоопарка... В проекте заложен не просто крупнейший зоопарк в мире, а крупнее самых больших в несколько раз. Одним словом, очередные *Нью-Васюки*... [Мир новостей, 17.07.2001]

Аналогичный пример: *прорубить окно в Европу* (прецедентное имя *Петр I* будет в этом случае недостаточным).

В 1985 г., когда Горбачев лихо *прорубил окно в Европу*, откуда немедленно хлынул поток видеоклипов, роликов и телезаставок даже не второй а двадцать второй свежести, которые с энтузиазмом залили наши ранне-утренние эфиры, как засахаренным вареньем. [АиФ, № 11, 2001]

Интересно, что настенная реклама пива «*Невское*», которую еще пару лет назад можно было видеть, например, в московском метро, снабжена изображением *топора*, т. е. невербальный феномен может — а в данном случае и призван — вызывать определенные ассоциации. Однако, как показали пилотажные опросы, одного топора в данном случае оказывается явно мало. Только дав сочетание «топор + Невское», я смогла получить объяснение рекламы через ПС.

Однако в связи с этим сразу возникает ряд проблем.

Во-первых, конечно, прецедентный феномен-«экспликатор» может подвергаться определенной трансформации: вспомните пример из Б. Акунина, где говорится о сребрениках, но не называется сумма (изначальный атрибут ПС — *30 сребреников*). Это касается в первую очередь, разумеется, прецедентного высказывания.

Во-вторых, подчас бывает достаточно трудно определить, что является атрибутом чего: например, прецедентное имя — атрибут ПС, или наоборот. Чаще всего, очевидно, это абсолютно равнозначные и обоюдозависимые феномены. Например, *предательство* ↔ *Иуда*: как *Иуда* является атрибутом рассматриваемой ПС предательства, так и сама ПС входит в дифференциальные признаки данного прецедентного имени. Так, в статье об аресте экс-министра юстиции Ковалева журналист так вкратце описывает его карьеру в «высших эшелонах

¹³ Так, в МК от 20.02.99 был помещен следующий рисунок А. Меринова: на первом плане изображены два человека «библейской» наружности, один из них держит за спиной мешок, на котором написано «*50 сребреников*», на заднем плане — римские легионеры. Человеку с мешком приписаны слова: «*Я хочу подарить тебе поцелуй, который ты никогда не забудешь*» (атрибути ситуации в данном случае являются: сами участники, 30 сребреников и поцелуй).

власти»: Ковалев был вице-спикером Госдумы от КПРФ, но, когда вошел в кабинет министров, с КПРФ «порвал»; накануне президентских выборов «устроил Зюганову большую бяку», разгромив его предложения; после этого начались «крики» о расколе КПРФ. Такой рассказ журналист заканчивает фразой:

Ответным шагом власть в лице Черномырдина сохранила для *иуды* пост министра юстиции. [МК, 04.02.1999]

В-третьих, актуализация прецедентной ситуации может осуществляться путем использования какой-либо цитаты — прецедентного высказывания, с данной ситуацией тесно связанного и ее эксплицирующего, например: *тяжела ты, шапка Мономаха; и мальчики кровавые в глазах; Махмуд, поджигай; таможня дает добро; не пей — козленочком станешь* и т. д.

— А просто так, на слово, не веришь?

— *Не верю!*

— *Станиславский* ты мой. Иди в театр, работай режиссером и говори актерам «*Не верю!*» [Маринина А. Когда боги смеются. М., 2000. Т. 1. С. 243]

И наконец, в-четвертых, любая прецедентная ситуация может быть актуализирована с помощью единиц, не входящих в число прецедентных, «описательного» или путем «именования» (так мы называем некую *ситуацию предательством Иудой Христу*).

Вместе с тем, в целом ряде случаев именно «именование» ситуации представляет особую сложность, как в случае с *полночным боем часов* (вне контекста¹⁴ эти слова никакую ПС не актуализируют). Или еще одна прецедентная ситуация, которыми так богата Библия: атрибутами предлагаемой в качестве примера ситуации являются — *Ева, Адам, змий, яблоко* или *яблоко, женщина, соблазнение, (по)знание, гнев, изгнание*. Само перечисление атрибутов сделало понятным, о какой ситуации идет речь (неоднократные пилотажные опросы всегда давали однозначный результат, даже если среди атрибутов называлось всего три любых элемента из второго «списка»). Но как назвать эту ПС? Очевидно, найдется немало вариантов, но насколько они будут точны, лапидарны и однозначно понятны, так, как понятна сама ситуация? Отмечу, что обработка материалов АТРЯ¹⁵ показала, что экспликация прецедентной ситуации может быть осуществлена непрецедентным феноменом и при этом не быть ее «именованием», вербализация может быть достаточно неожиданной, но всегда «прочитываемой». Так, только что упоминавшаяся ситуация, вероятно, стоит за следующей ассоциацией: гнев → *яблоко* [К-1]. Однако за данной ассоциацией может стоять и другая ПС — *суд Париса*, и, соответственно, *яблоко*, врученное Афродите, и *гнев богинь: Геры и Афины* (при «дешифровке» этой ассоциации во время пилотаж-

¹⁴ Контекстом может служить упоминание хрустальной туфельки, Золушки, бала *и/* или волшебных превращений.

¹⁵ Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь. В 6-и томах. М., 1994—1998.

ных опросов ии. часто давали два варианта, указывая на обе ПС). Замечу, кстати, что точное знание всех деталей ситуации в данном случае совершенно не обязательно: необходимым и достаточным являются следующие «единицы» — *суд, выбор, трибогини (грации), яблоко, гнев*.

Подобное понимание прецедентных феноменов и прецедентной ситуации, в частности, позволяет по-новому взглянуть на традиционные объекты филологических исследований. Так, отталкиваясь от предлагаемого понимания прецедентной ситуации и опираясь на некоторые идеи В. Н. Телии и А. Е. Супруна о фразеологизмах (например [Телия 1996₂; Супрун 1995]), И. В. Захаренко высказала предположение, с которым я не могу не согласиться: очевидно, с точки зрения диахронии, за фразеологизмами стоит прецедентная ситуация [Захаренко 1997₁: 109]. Это позволяет рассматривать некоторые такие единицы (например, пословицы) как прецедентные высказывания, отграничивая их от собственно фразеологизмов [Красных et al. 1997].

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ

Повторю, что *прецедентный текст (ПТ)* есть законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Сам ПТ как таковой — феномен вербальный, однако в когнитивной базе он хранится в виде инварианта своего восприятия (**ИВПТ**). **ИВПТ** представляет собой структурированную совокупность минимизированных и национально-детерминированных представлений о ПТ (включая коннотации, с текстом связанные). **ИВПТ** относится к числу вербализуемых феноменов, поэтому апелляции к ПТ могут осуществляться:

- 1) через связанные с этим текстом прецедентные высказывания, в том числе — «именования» ПС из текста (вспомним *Нью-Васюки*);
- 2) с помощью прецедентных имен, в том числе — имен персонажей (вспомним человека «*исторического*» в *ноздревском* смысле или *Муму*);
- 3) описательно.

Совершенно очевидно, что только люди-книжки Р. Брэдбери могли производить по памяти художественные тексты (включая романы) от первого до последнего слова. В обычной жизни такого, как правило, не наблюдается. Однако есть прецедентные тексты, которые запоминаются целиком (детские стишки, анекдоты, тексты песен или рекламы и т. п.). Такие тексты функционируют либо как прецедентное высказывание (о котором говорится немногим позже), либо как собственно ПТ. Во всяком случае любой ПТ является прецедентным именно в силу наличия инварианта его восприятия. Знание **ИВПТ** — необходимо и обязательно для всех представителей данного сообщества; знакомство же с самим ПТ (именно как с текстом) — желательно, но не обязательно. Подчеркну особо, что, для того, чтобы иметь **ИВПТ**, понимать апелляции к нему и

самостоятельно обращаться к ПТ в своей речи, последнее требование (знание самого ПТ как вербального продукта) не обязательно для «своих» и не достаточно для «чужих» (инофонов). Почему необязательно для «своих»? Давайте попробуем честно ответить на вопрос: действительно ли все русские читали «Анну Каренину»? Думаю, что едва ли. Но рассказать, «в чем там суть», сможет едва ли не каждый. Разве не так? Почему недостаточно для «чужих»? А потому, что в разных культурах существуют свои эталоны литературы, выступающие в виде системы прецедентных текстов, которые предопределяют функционирование различных алгоритмов восприятия любых текстов.

Приведу примеры апелляции именно к прецедентным текстам, которые я обнаружила в современных изданиях в последнее время.

Так, в статье о том, что после публикации прокуратура начала предпринимать определенные действия, читаем:

Отрадно сознавать, что *мышкой* (см. русскую народную сказку «Репка») выступила наша газета. [МК, 05.02.1999]

Замечу, однако, что «прямого» названия текста, как в приведенном примере, обычно не требуется. Например, команда КВН «Парни из Баку» на играх 2000 года предложила такой вариант той же сказки:

А у наших соседей *посадил дед* коноплю. *Выросла* конопля *большая-пребольшая*. *Позвал дед бабу, внучку, Жучку, кошку, мышку...* *Тянут они* коноплю, *потянут...* Кочере, жили они долго и весело...

В разных источниках отмечены апелляции к одному и тому же феномену, но сам ПТ, к которому происходит апелляция, не называется:

Я, конечно, не советник компартии и не берусь что-то рекомендовать, но, по-моему, *органчик-то* сломался. Надо что-то делать, пока Геннадий Андреевич не рассказал что-нибудь о партийной кассе [т/п «Итого», 31.01.1999 (по поводу оговорки Зюганова: «теория ленинизма собрала тысячи, сотни тысяч рублей... людей»)]

Приятная неожиданность недели состояла в том, что президенту включили *органчик*. Последнее время россиянам по телевизору показывали только его динамику, мимику и артикуляцию, как в немом кино, а теперь к живому изображению наконец добавили звук... Первым делом *органчик*, с шипением и похрипыванием, рассказал высокой китайской делегации, что у президента в свое время была встреча с их лидером без галстуков... Вторым делом *органчик* поставил президента рядом с премьер-министром и заявил, что есть две твердые позиции... [МК, 27.02.1999]

Аналогичный пример:

В итоге жестокий ревнивец валится на колени, рвет на себе волосы и молит о прощении. Разыгранная от первой до последней буквы пьеса заканчивается жарким перемирием. Мужчина счастлив, что его не бросили. Женщина счастлива, что провокация удалась, и все прошло согласно сценарию. Как свидетельствует литература, иные *сцены ревности* заканчиваются не в пользу интриганки — *даму душат*. [МК, 27.03.2000]

Возможны апелляции к ПТ через имя: 1) либо через имя персонажа, 2) либо через имя автора этого текста:

- 1) На Выборгской сняли квартиру — с мышами, но зато в три комнаты. Чтобы *жить, как Вера Павловна с Лопуховым*: у каждого своя территория, а третья комната — для совместных бесед и приема гостей. [Якунин Б. Турецкий гамбит. С. 13]

Словарный запас английского сводился к самым необходимым выражениям и ненормально превосходил набор *Элочки-людоедки*. [Андреев О. Отель. С. 48]

Если вам удастся, как *Колобку*, уйти от Путина, уйти от Березовского, уйти от губернаторской власти, то вам удастся больше, чем нам. [г/п «Антропология», 09.03.2000; А. Боровик о региональных журналистах.]

Помню, вышла я как-то выгуливать собаку. И вдруг на пятом этаже останавливается лифт, и входит молодой человека, тоже с собакой, с фокстерьером. И я, как *Снегурочка*, влюбилась в первого встречного. Не знала, сколько ему лет, не знала, кто он, где живет, — ничего не знала. [МК, 31.03.2001]

- 2) Хоменко решил сократить расстояние по путям. Не шлепать же и дальше по грязи, тем более дорогу преградила необъятная *гоголевская* лужа. Разве что хряка в ней не было. [Андреев О. Вокзал. С. 19]

Неназывание текста возможно также и в тех случаях, когда: 1) назвать один источник невозможно; 2) у текста нет названия.

1) В этом случае может иметь место, например, апелляция к образу, сложившемуся на основе ИВПТ массива текстов, например:

... муж затевает ссору и во второй, и в десятый раз, в окно летят обручальные кольца, и наконец она отвечает ему матерной бранью. Тогда он приходит в себя: «Зиночка, моя *тургеневская девушка!* Что же я с тобой сделал?!» [Караван историй, 2001]

2) ПТ может не иметь названия, если это — текст рекламы или анекдота, однако апелляция к нему не становится от этого менее прозрачной:

Неуловимый Джо. Б. Березовский и его убийцы. [МК-Бульвар, № 1, 1999 (отсылка к тексту анекдота про «неуловимого Джо», который неуловим, поскольку никому не нужен и никто его не ловит)]

Следующий пример показывает, что апелляция может происходить не ко всему тексту, а только к какой-то его части; см. пример с «гоголевской лужей» или:

Кстати, несмотря на укоренившееся мнение, религиознее мы за последнее время не стали: 40,6% опрошенных не считают себя верующими. [...] Правда, большинство россиян (77%) продолжает верить в себя. И это внушает некоторую надежду, что *птица-тройка все-таки домчит нас куданадо* [МК, 19.02.1999 (речь идет о результатах социологического опроса)]

Интересны примеры апелляции к целому ряду прецедентных феноменов, сконцентрированных в одном ПТ, т. е. к самому ИВПТ, к ПС, к ПВ и к ПИ, с данным текстом связанных.

1) Апелляции к ПТ (ИВПТ) через прецедентное высказывание (ПВ):

Но Скуратов — не Илюхин. Он абсолютно вменяем. Даже предпринятые полторы недели назад попытки заменить прокурорских охранников (вместо надежных парней внедрить «казачков») не стали достоянием общества [МК, 03.04.1999].

2) Апелляции к ПТ (ИВПТ) через ПВ и связанную с ним ПС, которая описана в тексте:

Но, оказывается, даже в столице [Москве] поставить диагноз больному могут лишь после смерти. А если учесть, что инкубационный период болезни [«коровье бешенство»] приблизительно 10 лет, понятно, что ответственные за здоровье чиновники ничем не рискуют. Это как в притче: *или осел умрет, или султан, или Ходжа Насреддин*. [МК, 14.03.2001]

— Так что, получается, *Акела промахнулся?*

— Да, *Акела промахнулся*.

Последний пример был зафиксирован нами в передаче 21.04.99, когда журналисты радиостанции «Эхо Москвы» обсуждали решение Совета Федерации о «неутверждении отставки Генпрокурора». Один из них (автор второй реплики) утверждал, что «президентская команда отвратительно подготовила вопрос», что и спровоцировало, очевидно, его собеседника (автора первой реплики) на подобную ассоциацию (Ельцин ↔ Акела и отказ СФ поддержать решение Президента об отставке Скуратова вследствие провала помощников Президента ↔ ситуация «подготовленной» неудачи на охоте).

3) Апелляции к ПТ (ИВПТ) через прецедентное имя (ПИ) и связанную с ним ПС, которая описана в тексте, или путем называния самого текста, ПИ и ПС, описанную в нем:

... он, сильный и способный не самопожертвования человек, полюбил ее как *Пигмалион Галатею*. Античная легенда повторилась на новый лад — *древний ваятель одушевил прекрасную статую*, а Мейерхольд подарил своей молодой жене новую жизнь. [Караван историй, 2001]

Макс Фадеев — продюсер, композитор, автор песен и аранжировщик, короче — абсолютный *творец-пигмалион* группы «Total». [МК, 07.02.001]

— Так вам надо взять и заткнуть уши! — восторженно сообщил я. Мне осенило мгновенно: не зря же я в свое время раза три перечитал «Одиссею», Если уж *этот хитроумный дядя* смогал таким примитивным способом *оградить свою команду от целого хора сладкоголосых сирен*, почему это не должно сработать с одним-единственным сладкоголосым мошенником! [...] — Нужно залепить уши воском... Воск — это страшная сила! — я упорно придерживался классических канонов: что было хорошо для сэра *Улисса*, подойдет и нам! [Макс Фрай. Темная сторона. С. 249—250]

Кроме того, возможны апелляции к инвариантам разных ПТ и их контаминации. В следующем фрагменте один из персонажей рассказывает о своихключениях в Турции:

— Не тушуйтесь, господа, подходите. Я тут Эразму свою *шахерезаду* рассказываю.

— *Одиссею*, — вполголоса поправил Эраст Петрович, ретируясь за спину полковника Лукана.

— *Одиссея* — это когда в Греции, а у меня была именно что *шахерезада*. [Акунин Б. Турецкий гамбит. М., 2000. С. 68]

Как показывают наблюдения, такого рода случаи апелляции к «комплексу» прецедентных феноменов далеко не уникальны и, более того, достаточно частотны (о зонах пересечения / наложения различных ПФ — см. далее в настоящей главе).

Каким же образом текст обретает обрести статус прецедентного? Иначе говоря, каков *алгоритм становление прецедентного текста*? На мой взгляд, существует несколько вариантов когнитивной «обработки», в основе которых лежит алгоритм восприятия [Гудков et al., 1998]. При этом существует определенная *направленная зависимость* этих вариантов: второй «путь» невозможен без первого, третий — без первого и второго.

Первый путь. Текст становится хорошо известным всем представителям национально-лингво-культурного сообщества (или, как минимум, их подавляющему большинству).

Этого бывает достаточно, если текст достаточно короткий и некоторым образом «навязывается» членам сообщества. Примерами в данном случае могут служить детские сказки и стихи (при этом в каждой культуре существует свой «обязательный» набор таких произведений, с которыми знакомятся все личности, проходящие социализацию в данной культуре). Иногда дополнительным фактором становления ПТ может служить персонаж текста, чье имя имеет (приобретает) статус прецедентного (например, Колобок, «белый бычок» и др.). Как правило, такие тексты известны от первого слова до последнего и далеко не всегда могут «похвастаться» наличием своего инварианта восприятия (например, «Курочка Ряба», докучные сказки и т. д.). И в этом смысле такие ПТ сближаются с культурно значимыми знаниями¹⁶, но все-таки отличаются от них наличием коннотаций и связанностью с «интенсивной эмоциональностью».

Таким же образом могут приобретать статус прецедентных и тексты анекдотов или, например, песен. Но в последнем случае может «работать» не только широкая известность, но и более сложный механизм (и тогда мы имеем дело со вторым путем становления ПТ).

Второй путь. Широко известный текст максимально соответствует существующим в сообществе представлениям о произведениях данного типа, полностью отвечает предпочтениям и ожиданиям представителей данного сообщества. Будучи таковым, он обретает инвариант своего восприятия. Ему приписывается статус эталона, и он занимает свое место в ряду прецедентных феноме-

¹⁶ Это не то, что «дважды два — четыре», а то, что «Анна Петровна» для русских — это все-таки в первую очередь Керн. То есть знания, обладающие национально-маркированными предсказуемыми ассоциациями.

нов. В качестве примеров приведу романы Л. Н. Толстого, рассказы А. П. Чехова, пьесы А. Н. Островского, все творчество А. С. Пушкина. Интересно, что, например, пушкинские сказки, с одной стороны, полностью соответствовали представлениям о сказке как о феномене (недаром некоторые его сказки воспринимаются как народные, за что отдельное спасибо Арине Родионовне), а с другой — отвечали ожиданиям того времени. Поэзия Пушкина, ставшая эталоном поэтических текстов, также полностью отвечала ожиданиям и предпочтениям, бытовавшим в русском обществе того времени. Об этом можно говорить много и долго, но, поскольку основная мысль уже выражена, я позволю себе остановиться на сказанном.

Третий путь. Он имеет место в том случае, если «первоисточник» ПТ имел место в объективной действительности¹⁷. Иначе говоря, какой-либо реальный факт (событие или предмет) становится известным, и о нем складывается некое представление. Если это представление становится инвариантным на национальном уровне, то сам факт приобретает статус прецедентной ситуации и/или прецедентного имени. Независимо от прецедентности самого факта (т. е. от того, стал ли он ПФ), он может стать объектом авторского внимания и предметом описания в произведении/произведениях. Далее, созданный текст, посвященный данному факту, или один из таковых приобретает инвариант восприятия и становится прецедентным, проходя либо первый путь, либо второй.

Как я уже говорила, в основе алгоритма становления ПТ лежит алгоритм восприятия, который заключается в том, что многочисленные характеристики текста делятся на значимые, существенные vs. незначимые, несущественные. При этом первые фиксируются, структурируются и закрепляются в культуре, а вторые отбрасываются и игнорируются [Гудков et al. 1998]. По сути, алгоритм восприятия любого текста есть соотнесение текста с эталоном, «просеивание» всех характеристик текста через «эталонное сито», вычленение в тексте главного и отсеивание второстепенного. При этом и главное (существенные характеристики), и второстепенное (несущественные характеристики) предопределяется культурой и задается системой эталонов.

Алгоритм восприятия текста и национальный «набор» прецедентных текстов (эталон-ИВПТ, входящие в когнитивную базу) находятся в отношениях двунаправленной зависимости. С одной стороны, алгоритм восприятия — это тот механизм, который и «создает» инвариант восприятия прецедентного текста, т. е. ИВПТ *предопределяется* алгоритмом. С другой стороны, инварианты восприятия ПТ-ов, входя в когнитивную базу и будучи неотъемлемой частью этой своеобразной системы координат, сами задают некоторую систему оценок, выступая как «классические образцы», эталоны восприятия текстов вообще. Другими словами, ИВПТ *предопределяют* алгоритм восприятия. Таким обра-

¹⁷ Впервые этот путь рассматривался на примере стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» в коллективной статье участников семинара «Текст и коммуникация» [Гудков et al. 1995].

зом, ИВПТ и алгоритм восприятия текста образуют диалектическое единство, находясь в отношениях взаимодетерминированности и взаимозависимости. (Т. е. картина абсолютно аналогична той, которую мы рассматривали, говоря об инварианте восприятия прецедентной ситуации.)

И еще одно замечание, о чем неоднократно уже писалось: необходимо различать: 1) собственно сам ПТ и представление об этом тексте—ИВПТ; 2) ИВПТ, являющийся частью когнитивной базы, и индивидуальное представление о ПТ, входящее только в индивидуальное когнитивное пространство.

А теперь несколько выводов.

Инварианты восприятия ПТ-ов входят в национальную когнитивную базу. У каждого национально-лингво-культурного сообщества своя КБ, своя система эталонов и свой алгоритм восприятия текстов. Все это предопределяет разницу в оценках как самого текста, так и его персонажей. Чтобы «иметь» инварианты восприятия ПТ-ов определенной культуры, надо пройти процесс социализации в данной культуре. Из этого следует вывод, что инофон самостоятельно «приобрести» эти инварианты не может (если это происходит, то мы имеем дело уже не с инофоном, а с личностью, инкультурированной, социализированной в данной культуре). Следовательно, при межкультурной адаптации инофонов необходимо знакомить их с инвариантами восприятия ПТ-ов, бытующих в изучаемой культуре, и с алгоритмом восприятия текстов. Например, русская литература знаменита образом «маленького человека», что не характерно для целого ряда других культур. Герой русской культуры может быть страдающей, сомневающейся, рефлексирующей личностью (яркий пример — князь Мышкин), он может иметь физические недостатки (как Герасим или герой «Слепого музыканта» В. Короленко), он может быть «смешным», «нелепым», «неуклюжим» (как Пьер Безухов), он может принадлежать «дну жизни» (как многие персонажи М. Горького) и т. д. Все это немисливо для многих других культур (особенно — более традиционных). См.:

Традиционная корейская литература и фольклор не ведали противоречий формы и содержания. Положительный герой был всегда писанным красавцем, а отрицательный — мерзким уродом. Никаких *иванов-дураков*, *аленьких цветочков* и *квазимод*. [Караван историй, 2001]

Далее, русские по праву гордятся «Словом о полку Игореве», что вызывает недоумение у представителей восточных народов, в культуре которых герой не может потерпеть поражение на поле битвы, а если потерпел, то не может попасть в плен, а если уж оказался в плену, то он ни при каких обстоятельствах не может бежать оттуда. Если же все это с ним случилось, то ни при каких обстоятельствах он не может быть героем произведения, во всяком случае — главным и положительным.

Если мы сравним «счастливые финалы» («happy-end») русских и, например, корейских сказок, то мы увидим разительную разницу. Опросы стажеров из Южной Кореи показали, что счастливым финалом сюжета бытовой или вол-

шебной сказки для них является смерть главного героя. Так, многие корейские сказки заканчиваются тем, что главная героиня, трудолюбивая, несчастная, забитая, безропотная и беззлобная молодая девушка (эдакая корейская Золушка), обретает покой на небесах (т. е., проще говоря, умирает). И это считается более чем удачным концом ее приключений. Или, лучше сказать, злоключений. Но у нас-то все наоборот! Если наш герой и умирает, то случается это где-то в середине повествования, и после этого происходит обязательное его оживление (например, с помощью мертвой, а потом и живой воды). Вспомните русские классические сказочные финальные формулы: *и был пир на весь мир; и стали они жить-поживать, да добра наживать! горя не знать* и др. Иначе говоря, для русских одним из обязательных элементов сюжета волшебной сказки является свадьба героев, которая и венчает повествование.

А персонажи русского фольклора! Илья Муромец 33 года просидел на печи, но разве это имеет значение? Для нас он — герой и защитник земли русской. Да и Емеля для нас не столько лентяй, сколько добрый человек. А Иван-дурак на самом деле не так уж и глуп, но главное — он добрый, да и «дурак»-то он в сказках часто потому, что жалеет тех, кого можно было бы и не жалеть (другое дело, что потом все его несостоявшиеся жертвы начинают ему помогать). Примеры можно множить и множить. Но, опять-таки, инофон не поймет русское «ожидание чуда», не поймет, почему наши сказочные герои часто «ленивы» и «глупы», сколько бы сказок он ни прочитал. Эту нашу специфику надо показывать и объяснять, давая представление о главных, существенных характеристиках и о второстепенных, незначимых. Ведь совершенно очевидно, что лень не воспринимается русскими как великая добродетель, а трудолюбие — как великая глупость или грех. (Но именно это, кстати, инофон может вынести, прочитав многие русские сказки, о чем свидетельствует опыт работы в иноязычной аудитории.) Просто в каждой культуре есть своя система координат, на которой различные качества занимают свое, детерминированное культурой место. Вот это и надо объяснять и показывать. И тогда инофонам станет ясно, что, хотя для русских лень — это плохо, а трудолюбие — хорошо, все-таки доброта важнее трудолюбия, а жалость важнее голода, а честность важнее практицизма и т. д.

И последнее. Апелляции к ПТ и активизация ИВПТ в дискурсе, как мы видели, может происходить разными способами, «закрытыми» и непонятными для инофонов. Следовательно, необходимо создать инвентарь таких средств, обращение к которым наиболее характерно для носителей изучаемого языка, и описать как их самих, так и специфику их функционирования¹⁸.

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ

Напомню, что прецедентное имя (ПИ) есть индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом или с прецедентной ситуацией. Оно представ-

¹⁸ Подступы к подобному описанию см. [Красных et al. 1996].

ляет собой своего рода сложный знак, при употреблении которого происходит апелляция к набору дифференциальных признаков данного ПИ. Оно может состоять из одного или нескольких элементов, обозначая при этом одно понятие.

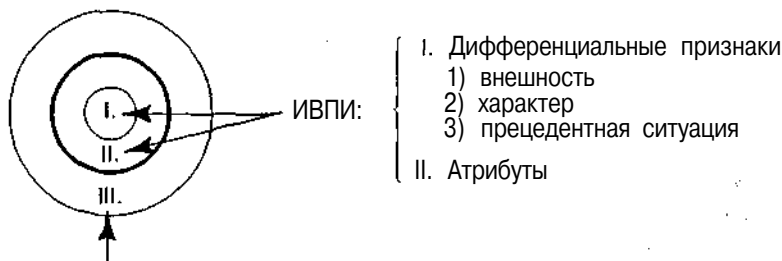
Форма хранения в когнитивной базе precedentного имени¹⁹ (и, забегая немного вперед, precedentного высказывания) отличается от формы хранения только что рассмотренных феноменов (ПС и ПТ). Как показывают исследования (см. работы И. В. Захаренко, Д. Б. Гудкова и мои 1996—1999 годов), в когнитивной базе хранится сам вербальный феномен, а также то, что за ним стоит и что, собственно, и делает его precedentным — совокупность дифференциальных признаков и атрибутов²⁰.

Отмечу, что есть свидетельства того, что ПИ как феномен давно известно русской культуре. Приведу только один пример.

Известный больше всего по Пугачеву второй и поистине классический тип самозванства был осмеян официальной историографией. Почин принадлежит Екатерине II, которая называла Пугачева «*маркизом*», т. е. мошенником, похожим на *маркиза Карабаса из «Кота в сапогах»*. [Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 32]

Итак, precedentное имя обладает определенной структурой, ядро которой составляют его дифференциальные признаки, а периферию — атрибуты (см. сх. 13²¹).

Схема 13. Структура ПИ

Потенциально возможные индивидуальные представления и знания о ПИ

Дифференциальные признаки составляют некую сложную систему определенных характеристик, отличающих данный предмет от ему подобных. Рассуждая о собственных именах в поэтическом идиолекте М. Цветаевой, О. Г. Резвина очень точно, на наш взгляд, определила специфику precedentных имен (хотя в

¹⁹ Precedentному имени посвящен целый ряд работ Д. Б. Гудкова, включая его докторскую диссертацию и научную монографию «Precedentное имя и проблемы precedentности» (М., 1999), а также работы других участников семинара «Текст и коммуникация».

²⁰ Термин «атрибут имени» принадлежит Д. Б. Гудкову [Гудков 1994].

²¹ Данная схема была представлена в [Захаренко et al. 1997]. Сокращения, принятые в сх. 13: ПИ — precedentное имя; ИВПИ — инвариант восприятия ПИ.

тируемом труде речь о «прецедентности» не шла): «Собственные имена реализуют свой выразительный потенциал не в идентифицирующей, но в характеризующей функции. Референт собственного имени выступает в таком случае как совокупность свойств, и в этом механизм уникального воздействия этих слов. Собственное имя может содержать такой набор семантических признаков, которые не имеют внутренней логической связи между собой и существуют благодаря одной уникальной реализации в конкретном лице или месте. Для подобного набора семантических признаков нет адекватного выражения вне собственного имени, обладающего к тому же неопределимым свойством наглядности» [Ревзина 1998: 60]. Исходя из того, что я абсолютно согласна с процитированными словами и полностью принимаю позицию О. Г. Ревзиной в данном вопросе, можно было бы сделать вывод, что я принимаю и семантический код Р. Барта. Действительно, можно обнаружить некоторые параллели между предлагаемым пониманием ПИ и семантическим кодом, который «находит глубокое обоснование в структуре личности и в чисто языковом ее представлении (*личность — совокупность сем, получившая собственное имя*)» [Ревзина 1997₂: 302] (выделено мною. — Б. К.). Однако, по Барту, «семантический код — код Личности — не просто произвольно рассыпан по тексту, одни из сем навязчиво повторяются, другие второстепенны, и существенна текстовая последовательность появления семантических признаков» [Ревзина 1997₂: 303]. Но то, что в тексте «навязывается» автором, далеко не всегда, думается, входит в дифференциальные признаки ПИ, это во-первых, а во-вторых, мы говорим о ПИ, «пришедших» не только из текстов художественной литературы. Собственно говоря, «источник» имени для нас зачастую оказывается вообще нерелевантен. И, следовательно, достаточно затруднительно, как мне кажется, применять семантический код (во всяком случае — в бартовском понимании) к *Ивану Грозному, Петру I, Павлику Морозову* или *Алексею Стаханову*.

Система дифференциальных признаков ПИ обладает определенной многоуровневой структурой, а не являет собой лишь совокупность некоторых признаков (ср. с идеей Ю. Д. Апресяна о том, что «лексическое или грамматическое значение — это не простая совокупность признаков, а сложно организованная структура смыслов, у которой есть свой внутренний синтаксис» [Апресян 1995]). В связи с этим сегодня не представляется возможным определить и привести точный и полный «набор» элементов, составляющих дифференциальные признаки того или иного ПИ, однако можно выделить, по крайней мере, несколько групп характеристик, определяющих денотат прецедентного имени [Захаренко et al. 1997]. Дифференциальные признаки ПИ могут включать характеристику предмета (см. схему 13): (1) по внешности, или (2) по чертам характера, или (3) актуализироваться через прецедентную ситуацию.

(1) Приведу примеры первого варианта — характеристика по внешности.

Варя слабо ахнула. Фандорин, которого она считала порядочным человеком, — полицейский агент? А еще *Печорина* из себя разыгрывает! *Интересная бледность*,

томный взор, благородная седина. Вот и доверяй после этого людям. [Акунин Б. Ту. рецкий гамбит. М., 2000. С. 38]

За ним, постукивая по полу тросточкой, неспешно вышагивал высокий, сухощавый господин в прекрасно сшитом сюртуке, белейшей сорочке с безупречными воротничками, да еще и в цилиндре — ни дать ни взять *граф Монте-Кристо*, вот и дворник его назвал «сиятельством». Сходство с бывшим узником замка Иф усугублялось благодаря холеной, бледной физиономии (надо сказать, весьма эффектной) и романтическими черными усиками. Да и возраст у шеголя был примерно такой же, как у парижского миллионщика — из-под цилиндра виднелись седые виски. [Акунин Б. Любовница Смерти. М., 2001. С. 69—70]

Сравнивая кого-либо с *Коцеем Бессмерным*, автор прежде всего имеет в виду внешнее сходство со сказочным персонажем: очень худой, тощий. Например, в статье «СЭС спит — ей кошки снятся», говоря о заинтересованности хозяев животных в привлекательном внешнем виде их питомцев, автор пишет:

... породистая кошка ни в коем случае не должна выглядеть *Коцеем*, иначе на вы- ставке награды ей не выдать. [МК, 06.06.1997]

Или:

И те, и другие девушки — что надо. *Мэри Поппинс* отдыхает. [МК, 16.03.2001]

В последнем случае имеет место апелляция к Мэри Поппинс из известного отечественного фильма, в котором она поет песенку, содержащую слова: «Ах, какое блаженство, знать, что я совершенство, знать, что я идеал».

(2) Примеры второго варианта — характеристика по чертам характера (включая проявление характера в действиях, поведении).

Россия — страна сложная... страна не колбасная. Это не страна *Штольца*... Не страна *Обломова* — это точно. Но и не страна *Штольца*... [Э. Радзинский в т/п «Итоги. Ночной разговор», 07.02.1999]

—Гордон — конкретный пример *Обломова*. *Обломова* перестройки... он перестроил душу...

— Да я *Штольц* скорее, чем *Обломов*. [т/п «Вместе», 10.03.2000]

— Что ж, хорошо-с, — в голосе Мизинова [шеф жандармерии] зазвучала тихая угроза. — Вы... узнали такое, о чем вам знать совершенно ни к чему. В целях государственной безопасности я помещаю вас под временный административный арест. Вас доставят под конвоем в кишиневский гарнизонный карантин и будут содержать там под стражей до окончания кампании. Так что пеняйте на себя.

Варя побледнела.

— Но я даже не повидалась с женихом...

— После войны повидаетесь, — отрезал *Малюта Скуратов* и повернулся к двери, чтобы кликнуть своих опричников... [Акунин Б. Любовница Смерти. С. 49]

О Господи, твоя воля!.. Прости, Господи, но что ж ты за дубина великовозрастная!.. *Митрофанушка*, *недоросль*, а еще Полины Михайловны сын! Впрочем, я сам виноват. Надо было тобой раньше заняться. [Толстая Т. Кысь. М., 2000. С. 161]

Для будущих энциклопедий: Александр Петлюра — король помоек, барахолкок, му-
со-
рных дел мастер, современный *Плюшкин*. [...] «А лошадь-то тебе зачем?» «Да, —
машет рукой, — театр «Эрмитаж» реквизит списывал, я и забрал.» Вот он весь в
этом. Натуральный *Плюшкин*. Залежи фуфакс, отдельные коллекции крепдешино-
вых платьев, тубетеек, среднеазиатских халатов. [МК, 24.02.2001]

Однажды утром Катя решила навести марафет в запущенной холостяцкой квартире,
добрую половину которой занимал ненужный хлам. «Ты настоящий *Плюшкин!* —
весело объявила она пришедшему под вечер мужу и указала на гору старого барахла,
сложенную в прихожей. — Пойдем отнесем все это не помойку.» [МК, 17.03.2001]

... они носились по Москве в поисках приличной мебели и хрусталя. Муза, как *Плюшкин*,
скупала комиссионки и тащила все в свое новое жилище. [МК, 16.03.2001]

... Жириновский выдает привычную *хлестаковщину*: «Украл миллион... миллиард...
Триллион долларов!!!» [МК, 17.03.2000]

(3) Третий вариант — актуализация ПИ через прецедентную ситуацию. Про-
иллюстрирую его следующим примером: приблизительно в 1995—1996 г. ре-
клама компании «Европа» неизменно сопровождалась фигурой *Петра I*, вызы-
вая устойчивую ассоциацию с *окном в Европу*, которое и «прорубил» указанный
правитель.

Аналогичные примеры.

Нам рассказали, как один семилетний мальчуган чуть было не проломил камнем
голову своему более удачливому сопернику, а заодно и любимой. Юный *Отелло*
был вовремя обезврежен бдительными вожатыми. [АиФ, № 26, 2001]

Леса обсыплет ложными огнецами; только зазеваешься — ан и чеченец нападет, а то
и *мамай*какой! [*Толстая Т.* Кысь. С. 288]

— Она показала, что подпись Ильи Висницкого под разрешением к применению
препарата — дело ее рук. И замолчала. И поверь мне, будет молчать, *как Зоя Космо-*
демьянская.

— Ну ты сравнил! Я, конечно, не ура-патриот, но разница между ними все же есть.

— Разница есть. И сходства есть. [*Незнанский Ф.* Опасно для жизни. М., 2000. С. 317]

На жену все время давили, чтобы я признал своего отца негодяем, что он совершал
преступления... Но я же не *Павлик Морозов*. Я этого не делал. [Серго Берия в т/п
«Большие родители»]

[Она] сказала, что снимет копии всех документов, с каких только сможет. И с запи-
сных книжек, которыми она пользуется, чтобы соединять отца с нужными людьми.
[...] Не нравятся мне эти девочки, больше похожие на мальчиков по имени *Павлик*
Морозов. [*Маринина А.* Когда боги смеются. М., 2001. Т. 2. С. 275]

— Папа, за мамой все дяденьки ухаживали...

— Чтты болтаешь, чудовище? Там и дяденек-то не было. Одни женщины с детьми.

— Так, вот с этого места, пожалуйста, поподробнее, — включился Александр.

— Да? Не было? А болгарские дяденьки? — прищурил свои синие глазенки *Павлик*
Морозов в юбке. [*Незнанский Ф.* Опасно для жизни. С. 96]

Анекдот дня: *Иван Сусанин* стал национальным героем, потому что никому не рассказывал о своей программе. {МК, 27.03.2000; на следующий день после выборов Президента, которым стал В. В. Путин}

Атрибутами ПИ называются некие «элементы», тесно связанные с означаемым ПИ, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации (кепка Ленина, бакенбарды Пушкина²², маленький рост Наполеона). В качестве атрибутов могут выступать некоторые детали одежды или внешности, которые принадлежат денотату (в другой терминологии — референту) и по которым его можно «идентифицировать», «узнать». Подобная «идентификация» может быть названа номинацией по атрибуту («именованием» предмета через его атрибут), посредством которой в коммуникации осуществляется апелляция к прецедентному имени. На этом приеме основаны многие анекдоты, карикатуры, он широко используется в кинематографии. Вспомним портреты-зарисовки К. Васильева (к примеру, портрет Д. Д. Шостаковича, на котором изображены только очки великого композитора, но «за ними», за их «полетом» легко «читается» образ самого их хозяина). Или фильм Т. Абуладзе «Покаяние», главный герой которого «составлен» из атрибутов различных прецедентных имен, т. е. деталей одежды и/или внешности, способных вызвать устойчивые и однозначные ассоциации с «денотатом» — реальным «хозяином» имени: усы Гитлера, очки Берии, френч Сталина, — а также бельканто и любовь к классической итальянской музыке, что вызывает ассоциацию с Муссолини. Вспомним также известное «Мы живем, под собою не чуя страны»... О. Э. Мандельштама или «То он в бронзе, а то он в мраморе» А. Галича, где именно по атрибутам легко восстанавливается образ Сталина.

Далее, рассмотрев в общем виде структуру прецедентного имени, обратимся к функциональному аспекту данного феномена. Анализ употребления ПИ в речевом общении показал, что именно структурное устройство прецедентного имени определяет особенности его функционирования в речи [Захаренко et al. 1997]. Прежде всего, прецедентное имя, как любое другое индивидуальное имя, способно именовать предмет, указывая непосредственно на денотат. В таком случае дифференциальные признаки прецедентного имени оказываются не релевантны, как бы «игнорируются», однако связь данного имени (в этом случае оно выступает в первую очередь как имя собственное, а не прецедентное) с «породившим» его текстом (в данном случае не важно, прецедентным или нет) может сохраняться, например: «*Обломов* — герой романа Гончарова».

²²Приведу в качестве примера небезызвестный фильм «Бакенбарды»: персонажи, подражавшие Пушкину, использовали определенные атрибуты образа поэта — бакенбарды, черный цилиндр, черный плащ на белой шелковой подкладке, тяжелая трость с большим наболдашником. Те же персонажи, начав подражать Маяковскому, обрились налысо, надели старые мешковатые штаны (брюками назвать сей вид одежды представляется несколько затруднительным) и «заслуженные» безразмерные свитера без ворота, т. е. начали эксплуатировать атрибуты образа другого великого поэта — «глашатая и бунтаря».

Отличительной особенностью функционирования ПИ является его способность употребляться в качестве «сложного знака», обладающего, помимо первого набора значений, некоторым инвариантом восприятия стоящего за именем «предмета». В этом случае имеет место апелляция к дифференциальным признакам ПИ, составляющим ядро инварианта его восприятия. При таком функционировании ПИ не требуются какие-либо комментарии или расшифровка как самого имени, так и ситуации, в которой оно употребляется, само ПИ оказывается «самодостаточным» («знак отделим от своего референта» [Бейтс 1984: 64]), чтобы выразить нечто большее, чем очевидное и непосредственное значение знака [Захаренко et al. 1997], например: «Как же! Жди! Он же шага лишнего не сделает, *Обломов* несчастный!» (а также см. приведенный ранее пример из выступления Э. Радзинского).

Итак, ПИ может функционировать либо как имя собственное, либо как имя прецедентное. Во втором случае можно выделить два основных типа ситуаций, в который употребляется ПИ²³.

1) ПИ функционирует именно как прецедентное имя как таковое. И здесь особую роль играет инвариант его восприятия. При этом имя может иметь одно «значение», характеризуя предмет либо по внешности, либо по характеру, либо по ситуации (см. приведенные выше примеры) или обладать определенной «полисемией» (сочетанием двух или трех характеристик).

а) ПИ, характеризующие предмет по одному из параметров:

Эта история может показаться посленовогодним бредом. Подозрительный иностранец становится начальником крупнейшего управления Госналогслужбы. Едва ли не садится в кресло замминистра. Вертит, как хочет пограничниками, таможенниками, милиционерами. Переносит таможенную границу. Подобное возможно только в России. И только при одном условии: за спиной новоявленного *Хлестакова* должен стоять кто-то из первых лиц государства... [МК, 05.01.1999]

Одна мадам, сторожившая дом не хуже цепного пса, вычислила грабителя, потому что при входе в парадное он... не вытер ноги! *Мегрэ* в юбке оперативно обзвонила жильцов, чтобы затаились, а потом вызвала милицию. [МК, 27.02.1999]

— О Красильниковой ничего нет?

— Нет. Ты теперь не ко мне, а к Колосову по этому делу обращайся. Он все нити себе забрал и информацию под сукно кладет. Нам, видишь ли, не доверяет. *Пшикертом!*

— Сергеев презрительно вскинул бровь. [*Степанова Т.* Звезда на одну роль. М., 1999. С. 317]

Ольга Николаевна с беспокойством вспомнила о том типе из уголовного розыска... Тоже мне, *Глеб Жеглов!* Если он и вправду из МУРа и вернется сейчас — он ведь обещал быть, — то его эти мерзавцы могут и убить... [*Незнанский Ф.* Направленный взрыв. М., 1999. С. 217]

Жегловы с Юго-Запада. 5 октября служба уголовного розыска столицы и ее сотрудники отметят круглую дату — ровно 80 лет назад в этот день был создан Москов-

²³ Об использовании ПИ в качестве имени-символа см. [Красных et al. 1997].

ский уголовный розыск (МУР). Накануне юбилея корреспондент газеты побывал в трех отделениях Службы криминальной милиции нашего округа. [За Калужской заставой, № 38, 1998]

Это было в 1964 году, в Каменец-Подольском. Со мной за парту посадили самую красивую девочку в классе. Мы ее прозвали *Мальвиной*. Естественно, я был горд. [Экстра-М, № 8, 2000; из интервью с Арк. Укупником]

И пусть отец видит это. Может быть, хотя бы сейчас он поймет, что она — взрослая красивая девушка, а не *гадкий утенок* десяти лет от роду. [Маринина А. Когда боги смеются. М., 2001. Т. 1. С. 207]

б) ПИ, которые могут (в принципе) характеризовать предмет по ряду параметров.

Говорили про генерала разное, Одни превозносили его как несравненного храбреца, *рыцаря без страха и упрека*, называли будущим *Суворовым* и даже *Бонапартом*, другие ругали позером и честолюбцем. [Акунин Б. Турецкий гамбит. С. 29]

А в руке вы несли палку из чистого серебра, что совсем уж необычно. Откуда серебряные россыпи у вас, хитровского *гавроша*? [Акунин Б. Любовник Смерти. С. 155]

Вкладывать деньги с выгодой становится все труднее. Отечественные *«буратишки»* внимательней приглядываются к инновационному бизнесу. [МК, 14.03.2001]

— Она, между прочим, тоже собралась на вечер.

— Кто? Эта *Буратина*? [характеристика героини с очень длинным носом; к/ф «Не хочу жениться»]

В «Аргументах и фактах» есть рубрика *Уголок Остапа Бендера* (имеет место апелляция к дифференциальным признакам, связанным с характеристикой «предмета»). В данной рубрике описываются различные ситуации, которые так или иначе могут быть подчас соотнесены с некоторыми ПС (400 способов относительно честного отъема денег у граждан), в которых действовал персонаж И. Ильфа и Е. Петрова (в таком случае ПИ *Остап Бендер* функционирует как имя-символ некоторой ситуации). Так же может функционировать *Ибарон Мюнхгаузен*, выступая то как имя-символ некоторой ситуации (полет на пушечном ядре в лагерь врагов, полет на Луну или вытаскивание из болота за волосы себя и своего коня и т.д.), то как «имя» некоторой совокупности дифференциальных признаков. Именно в последнем значении употреблено данное имя в следующей ситуации:

Знакомся, Шарапов. Это наш сотрудник. Гриша... Подпольная кличка — «б на 8». Непревзойденный фотограф и внук *барона Мюнхгаузена* [к/ф «Место встречи изменить нельзя»].

Следует отметить, что в ряде случаев имена такого типа могут провоцировать рождение «неологизмов», в основе которых лежит все тот же инвариант восприятия. Так, Г. Гурвич, создатель и первый руководитель театра «Летучая мышь», объясняя причины, побудившие его приехать в Москву, говорит, что во времена его юности уже был КВН, блистал Ю. Гусман, собирались (в том числе и в Баку) веселые и шумные компании:

Все это порождало у меня д'артаньяновский комплекс. Не *растиньяковский* — жентиться в Москве на богатой наследнице, а приехать в столицу бедным, со своей шпажкой, и действовать в рамках приличия. [МК, 13.03.1999]

Ждать его [Марлона Брандо] выздоровления было нельзя — комедия снимается *стахановскими темпами*, и релиз ее уже запланирован на 4 июля. [МК-Бульвар, № 12, 2001]

2) ПИ функционирует как символ другого прецедентного феномена (ПТ, ПС, другого ПИ), подчас выступая его атрибутом (например, *Буцифал* — атрибут ПИ *Александр Македонский*).

а) ПИ актуализирует ПТ (включая и ПС, с этим текстом связанные).

Героиня романа, вынужденная ехать на осле рядом с главным персонажем Фандориным, гарцюющим на лошади, так выражает свое внутреннее возмущение:

«Совсем отурчился в плену, — сердито подумала Варя. — Мог бы даму на лошадь посадить. И так бог знает на кого похожа, а тут еще изображай *Санчо Пансу при Рыцаре Печального Образа*.» [Акуниш Б. Любовник Смерти. С. 20]

Дайте двум людям пространство... и получится прочная семья! И, напротив, заставьте их из года в год совершать свой утренний ритуал в совмещенном санузле — и кто из них вспомнит, что в начале пути они обожали друг друга? Будь это хоть *Ромео и Джульетта*, они рано или поздно начнут подсыпать друг другу стрихнин» [МК-Бульвар, № 11, 1999]

Героиня романа, русская женщина, бывший специалист-переводчик, вынужденная одно время работать гардеробщицей в отеле, переживает случайный «роман» с американцем. Они вместе прекрасно провели вечер: ужин в ресторане, второй акт в Большом театре, романтическая прогулка по ночной Москве. А дальше происходит следующий диалог:

— Вы мне нравитесь, — сознательно брякнул Долтон и замер в ожидании пощечины.

Но пощечины не последовало.

Вера Михайловна отвернулась и покраснела, а про себя подумала: *Золушка*, ну форменная *Золушка* за 50 и *принц*... Сколько ему? [Андреев О. Отель. С. 397]

О потенциале «Нефтехимика» говорили его результаты в межсезонье. В общем: не то *Золушка*, готовая стать принцессой, не то темная лошадка, которая не прочь обыграть фаворитов. [Спорт-экспресс, 02.04.2001]

— *Часы 12 бьют*, — не выдержав пропел Турецкий.

— Что это? — удивился Рэдвей.

— *Золушка*, наверное.

— Ладно уже, давай по 30 грамм.

— За что? — оживился Турецкий.

— За *добрую фею*. [Незнатский Ф. Кто правит бал. С. 252]

б) ПИ актуализирует ПС.

Каждый человек должен придумать для себя несколько так называемых фраз-трафаретов, чтобы «гасить» ими «горячие», экстремальные ситуации. Такие фразы ис-

полняют роль *«Ивана Сусанина»*, они уводят человека в сторону от конфликта, заставляют задуматься о чем-то, что не имеет прямого отношения к ссоре. [МК, 13.03.1999]

На этом же построен и комический эффект в следующем фрагменте из фильма «Я шагаю по Москве» (пример И. В. Захаренко): первая встреча главных героев в поезде метро, один из них спрашивает, как добраться до необходимого ему места, и кто-то из пассажиров берется объяснить дорогу, в результате возникает спор. Далее следует такой диалог между пассажиром и героем Н. С. Михалкова:

— Я знаю Москву, как свои пять пальцев!

— А Вы случайно не *Иваном Сусаниным* работаете?

В телепередаче «Карданный вал» однажды я услышала такую «рекламу» новой системы спутниковой навигации для автомобилей.

Теперь не надо быть капитаном океанского лайнера или штурманом-асом. Заплатив всего полтора десятка тысяч долларов, Вы приобретете своего личного *Ивана Сусанина*.

Похоже, что журналистка, делавшая этот репортаж, даже не очень поняла, что она сказала. Признаться, это меня не очень удивило, поскольку бедному Сусанину вообще, похоже, не очень везет с нашими современниками. Как показали наши опросы, в ИВПИ *Иван Сусанин* входит то, что он «завел туда, откуда выхода нет или он затруднен». И все. А кого он завел, когда и зачем — это уже область знания интеллектуалов. К величайшему сожалению, шутка эта горькая, но правдивая. Вспомните один из выпусков передачи «О, счастливчик!». Молодая особа, претендовавшая мощью собственного интеллекта и бешеной эрудиции заработать миллион, долго думала над вопросом: «*Кого завел Иван Сусанин в болото?*» (В вопросе, как видите, на всякий случай даже болото указали, чтобы не перепутали чего, не дай Бог). Долго думала дама над выбором из четырех вариантов (за последовательность не ручаюсь, но варианты точные): а) шведов; б) французов; в) поляков; д) немцев. Четвертый вариант наша героиня с высшим юридическим образованием с сомнением, но все же достаточно быстро отмела: «Сусанин вроде был пораньше» (тут в логике ей не откажешь). Но вот остальные варианты никак не давались. Признаться, не помню точно, чем закончилась эта душераздирающая история. Разумеется, все подсказки были использованы (и как всегда «порадовал» зал), но вот удалось ли ответить на сей коварный вопрос — как-то выпало из моей памяти, настолько потрясла меня сама ситуация. Но если говорить серьезно, то это — классический пример того, как «работает» ИВПИ: *Сусанин кого-то куда-то* (но в плохое, неправильное место) *завел*. Так же, как и *Колумб что-то* (большое и важное, материк, наверное) *открыл* — один из вариантов ответов, полученных при анкетировании: «Колумб открыл Африку».

Надо сказать, что «не повезло» и Михаилу Илларионовичу Кутузову. Дело в том, что эталоном великого, гениального полководца для русских является

Суворов (см. вышеприведенный пример), т. е. ниша, которую по праву мог бы занимать Кутузов, оказалась занята. И имя Кутузова стало использоваться для обозначения человека (или другого живого существа), лишенного одного глаза и/или носящего черную повязку. Вспомните эпизод из известного фильма «Бриллиантовая рука»: именно так называет герой А. Папанова своего напарника (которого играет А. Миронов), вынужденного носить черную повязку на глазу, чтобы скрыть синяк.

в) ПИ актуализирует другое ПИ (может выступать его атрибутом).

— Вон он, ваш *буцефал*, — показал волонтер на бурого ишачка. — Неказист, зато падать невысоко. [*Акунии Б. Турецкий гамбит. С. 20*]

Откуда имя пришло в русскую культуру, как правило, не имеет значения. У нас прекрасно уживаются Колобок и Красная Шапочка, барон Мюнхгаузен и Данило-мастер, Квзимодо и Мерилин Монро, Агата Кристи и Воланд. Но иногда разные имена, пришедшие из разных культур (или русское имя и заимствованное) занимают в русском культурном пространстве аналогичные, равноуровневые и однопорядковые «ниши». И каждое из этих имен выполняет функцию эталона. Но сосуществование, «параллельное» функционирование таких феноменов возможно только в том случае, если они «разошлись» хотя бы по одному какому-то «параметру», например, по коннотациям: одно получило «плюс», а второе — «минус». Так «наш», «свой», разведчик *Штирлиц* оказался «в паре» с «не нашим», «чужим», шпионом *Бондом*.

Из того, что пишут о нем сегодня в США, следует, что Ханссен не шпион. Он — разведчик. Причем с большой буквы. *Штирлиц. Свой среди чужих*. [МК, 22.02.2001]

За последние годы мы обрели как минимум еще одну героиню и героя [Каменскую и Верлинова] — наш ответ *Бонду* [МК, 04.02.1998]

И последнее. В разных культурах могут различаться не только инварианты восприятия одного имени, но и разные имена выступать эталоном одного феномена. Иначе говоря, потенциальную опасность при межкультурной коммуникации представляют случаи: 1) за одним именем, бытующим в разных культурах, скрываются разные представления (одна форма — разные содержания); 2) одно «значение» имеет разные «вербальные репрезентанты», т. е. для его выражения используются разные имена (одно содержание — разные формы). Первый случай уже рассматривался ранее, а иллюстрацию второго случая я приведу сейчас. В русской культуре в роли эталона ученого могут выступать разные имена, каждое из которых имеет свой нюанс в значении: *Софья Ковалевская* — эталон женщины-ученого; *Ломоносов* — эталон универсально образованного, гениального ученого-самородка, основоположника многих наук; *Кулибин* — эталон талантливого инженера-самоучки, *Менделеев* — эталон крупного ученого, обладающего необыкновенной научной интуицией, автора основополагающих идей в какой-либо области знаний, и т. д. В связи с этим возникает несколько вопро-

сов. Например, какие имена будут выполнять функции подобных эталонов: *Ньютон*, *Эдисон*, *Маркони*, *Эйнштейн*? Какие имена окажутся «эквивалентами» русских? Все ли «ниши» в сфере науки окажутся актуальными для других культур? На сегодняшний день ответить на эти вопросы невозможно, они еще только ждут своего исследователя. Но вместе с тем, уже сегодня можно утверждать, что «выбор» имен, безусловно, определяется культурой того или иного сообщества и бытующим в этом сообществе представлением о развитии науки. Например, для русских совершенно очевидно, что радио изобрел *Попов*. Но задайте вопрос об этом американцу, и Вы услышите совершенно другое имя.

Итак, в нижеприводимых примерах фигурируют имена из русской и американской культур (правда, последний пример — слова американки, которые приписывает ей русский писатель, но, думаю, он в данном случае не слишком погрешил против истины).

Он человек феноменально образованный, разбирается во всем: от своей физики, которой он занимается уже много лет, до истории, философии, искусства... Причем, это не «нахватанность» — он действительно знает... Знаешь, такой *Ломоносов*... [зафиксировано в речи носителей русского языка]

К примеру, широко распространено стереотипное отношение к ученым и особенно академикам — мол, это такие очень заслуженные и умные люди, *Эйнштейны*, энтузиасты науки и бессребреники. [МК, 24.03.2001]

Может быть, вы видели, что творит, этот днепропетровский *Кулибин*? Он же просто бьет по деке правой рукой... [г/п «Антропология», 29.02.2000; этими словами ведущий выразил свое восхищение гитаристом современной рок-фолк-группы, которая принимала участие в передаче.]

Пусть наши молодые *Кулибины* и *Менделеевы* отправляются на процветающий Запад не как крысы с тонущего корабля, а с гордо поднятой головой. [МК, 22.02.2001]

Со времен *тульского Левши* Россия притягивает к себе охотников за новыми идеями со всего света. Ведь наши *Кулибины* могут сделать все, вплоть до сенокосилок с вертикальным взлетом. Увы, мы еще не умеем пользоваться плодами своих изобретателей, и много интересных разработок, которые поначалу нам кажутся бредовыми, потом за бесценно уходят на Запад. Над чем сейчас трудятся российские *Левши* и какая участь постигнет их «безумные» изобретения? [КП, 27.02.2001]

Она всегда верила — у каждого народа найдутся свои *эдисоны* и *маркони*. [Андреев О. Отель. С. 81—82]

И в заключение еще раз особо подчеркну, что на сегодняшний день представляется крайне актуальным выявить, исследовать и описать следующие случаи:

1) в культурах зафиксирован один и тот же феномен, но он имеет разные значения, т. е. одно означающее при разных означаемых (при этом важным окажется и «степень» расхождения значений);

2) одно означаемое имеет разные означающие в разных культурах (при этом важным окажется и «степень» тождественности означаемого);

3) в одной из сопоставляемых культур есть означаемое, но отсутствует означающее (ниша эталона существует, но не занята);

4) в одной из сопоставляемых культур отсутствует означаемое (эталон не актуален для данной культуры).

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Рассмотрим еще один вербальный прецедентный феномен, а именно: прецедентное высказывание (ПВ)²⁴.

Повторю, что прецедентное высказывание по «формальным показателям» является феноменом собственно-лингвистической природы. Оно обязательно неоднократно воспроизводится в речи, и в этом заключается его специфика и отличие от других прецедентных феноменов, которые могут быть *потенциально* частотными. С точки зрения формы (план выражения), ПВ может быть представлено либо (1) всем текстом-источником (например, небольшие детские стишки, докучные сказки), а текст, — единица дискурса, либо (2) некоторой единицей (словосочетанием, предложением, «фразой»), построенной по законам языка, но получившей статус прецедентного феномена, т. е. также принадлежащей дискурсу. Следовательно, не будучи отдельной единицей языка, ПВ функционирует как единица дискурса. За прецедентным высказыванием всегда стоит прецедентный феномен — прецедентный текст и/или прецедентная ситуация, играющие важную роль в формировании смысла высказывания [Захаренко et al. 1997]. Сравним с мыслью А. Е. Супруна: «То или иное использование готового текста не только воспроизводит точную и привычную формулировку, напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает определенное соотношение производимого текста с предшествующими, т. е. включает его в вертикальный контекст текстового универсума...» [Супрун 1995]. Как любой вербальный феномен, ПВ может рассматриваться в системном и функциональном аспектах. Таким образом, с точки зрения системного аспекта, структура прецедентного высказывания имеет следующий вид²⁵:

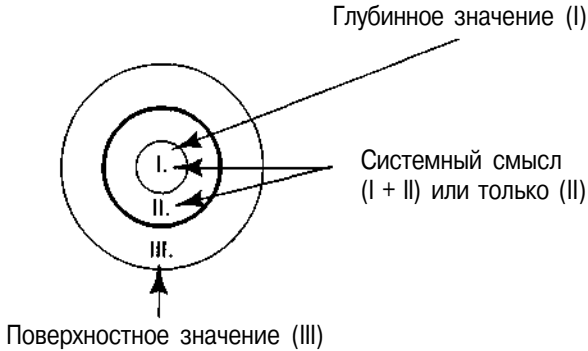
- 1) *поверхностное значение*, которое равно сумме значений компонентов высказывания;
- 2) *глубинное значение*, которое не равно простой сумме значений компонентов высказывания, но представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру;
- 3) *системный смысл*, представляющий собой «сумму» глубинного значения (при наличии такового) высказывания и знания прецедентного феномена (текста, ситуации) и связанных с последним коннотаций. При этом смысл может присутствовать в системе: (а) имплицитно и проявляться лишь в функциониро-

²⁴ Исследованию этого феномена посвящены научные изыскания И. В. Захаренко, к работам которой я апеллирую в этом разделе и отсылаю своих читателей.

²⁵ Подробнее см. [Захаренко 1997₂; Захаренко, Красных 1997].

вании в виде коннотаций и (б) эксплицитно, т. е. оказывать важнейшее и первоочередное значение в формировании функционального смысла высказывания (см. сх. 14²⁶).

С х е м а 14. Структура ПВ

Разграничение поверхностного и глубинного значений в рамках представляемой концепции имеет некоторые аналогии в лингвистической литературе; так, глубинное значение соотносимо с понятием «коллокация (collocation)»: когда значение более сложной единицы не равно простой сумме значений компонентов, но является семантическим результатом сложения значений. Иначе говоря, соединение «атомов» (конкретных компонентов) приводит к образованию некой «молекулы» (нового значения всей единицы). «Структурное устройство» ПВ проявляет себя в функционировании данных единиц. О функциональном смысле прецедентного высказывания, который необходимо «складывается» из системных значений, — см. работы И. В. Захаренко (в том числе и цитируемые в настоящей книге).

Как показывают наблюдения²⁷, выделенные уровни значений имеются не у всех ПВ, на основании чего выделяются, соответственно, несколько групп прецедентных высказываний.

Среди ПВ, обладающих «дефектной» парадигмой, выделяются те, у которых есть только поверхностное значение (1), и те, которые, наоборот, поверхностного значения не имеют (2).

(1) Группа ПВ, имеющих только поверхностное значение.

К слову говоря, первоначально предполагалось провести обыски более чем в 30 точках. Не исключено, впрочем, что в скором времени *сказка станет былью*. [МК, 04.02.1999]

Волк, сколько его ни корми, все равно будет смотреть в лес. *А москвич, испорченный жилищным вопросом, будет решать его всеми доступными способами*. Один из

²⁶ Схема впервые была представлена в [Захаренко et al. 1997].

²⁷ См. [Захаренко 1997₂; Захаренко, Красных 1997; Захаренко et al. 1997].

них — широко разрекламированная покупка квартиры в строящемся доме [МК, 02.02.1999]

Никто не сравнится по силе очарования с исполнительным секретарем СНГ Б. А. Березовским. Магнетизм его личности таков, что стоит какому-нибудь злому человеку нанять киллера с целью устранения *владельца заводов, газет, пароходов*, как зачарованный БАБом убийца [...] бежит к своей потенциальной жертве сдаваться [МК-Бульвар, №1, 1999]

«Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать.» Перефразируя классика, замечу: не продается наука, но можно ученых продавать. Можно и нужно. Чтобы страна ученых престала числиться *страной дураков*. [МК, 22.02.2001]

— Не знаю, уместно ли здесь вспомнить целину и БАМ, гражданскую и Отечественную. Сейчас тоже идет война. Золота с золотом. А на войне, как известно, жертвы неизбежны...

— *Короче, Склифосовский!*

— Дайте закончить. [Андреев О. Вокзал. С. 289]

Во всех вышеприведенных примерах соположение с ПТ-источником необязательно, и если оно имеет место, то служит только одному — созданию комического эффекта.

(2) Группа ПВ, не имеющих поверхностного значения. Эта группа, похоже, весьма немногочисленна.

А темные силы тем временем шли в наступление, выставив в авангарде Генерального прокурора... *Пепел Клааса стучал в сердце* прокурора... [МК, 27.03.1999]

Из головы не шел недавно состоявшийся разговор с этим новым знакомым. Обманет или не обманет? Если не обманет, то очень скоро у нее появятся деньги... А вдруг обманет? Тогда она *останется у разбитого корыта*. Тогда конеее отношениям с Володей... [Марицина А. Когда боги смеются. Т. 2. С. 77—78]

33-летняя Тереза осталась с тремя детьми — один из которых был нажит совместно с Крисом — и не самой дорогой машиной. [...] Крис же проживает нынче с мамой и наслаждается неожиданно упавшими [на него] деньгами. И правильно: *Боливар не выдержит двоих*. А уж пятерых тем более. [МК-Бульвар, № 14, 2001]

Из-за цен [...] современный *шершавый язык* любви [в объявлениях о знакомствах] стал похож на зашифрованные донесения *Алекса Юстасу* и наоборот. [АиФ, № 6, 2001]

Оксана говорила минут пять. Когда тема исчерпала себя, кассирша, как заводная кукла, начала все сначала, Тимошевский не перебивал. [...] Ему [Саушкину] было неприятно, что начальник сделал из живой, жизнерадостной девчонки *заводную куклу наследника Тутти*. [Андреев О. Вокзал. С. 276]

Среди ПВ, которые обладают и поверхностным, и глубинным значениями (третья большая группа), выделяются те, которые утратили связь с породившим их источником (автономные) (3.1), и те, полное понимание которых возможно только при апелляции к породившему их источнику (ПТ) и соположении с ПС (3.2).

(3.1) При употреблении ПВ этой подгруппы соположение реальной ситуации общения или сообщения (т. е. реальной ситуации, в которой происходит общение или о которой сообщается) с прецедентной ситуацией оказывается невозможным или необязательным. Иначе говоря, функциональный смысл ПВ при понимании глубинного значения высказывания понятен реципиенту и без описанной выше операции. Это значит, что в высказываниях такого типа системный смысл присутствует имплицитно. Интересно, что зачастую носители ментально-лингвального комплекса настолько не ощущают связь ПВ с породившим его источником, что возможны случаи контаминации разных феноменов. Приведу в качестве иллюстрации только один, но весьма показательный, на мой взгляд, пример.

Зато, пословамавтора «*Ромеои Джульетты*», счастливые часов не наблюдают. [МК, 15.05.2001]

Однако при использовании подобных прецедентных высказываний в коммуникации (так же, как и при употреблении ПВ первой группы) незнание самого ПВ может привести к непониманию реципиентом коннотаций, с ним связанных и обусловленных тем прецедентным феноменом, который за ним стоит.

Например: *Народ безмолвствует* — указание на ситуацию, когда все молчат. Но это поверхностное значение оказывается «прозрачным», за ним стоит другое (глубинное) значение — выражение покорности кого-/чего-либо кому-/чему-либо, которое играет главную роль в формировании функционального смысла высказывания. В данном случае соположение с ситуацией из ПТ-источника («Борис Годунов») не является абсолютно обязательным. Однако, если такое соположение имеет место, появляются дополнительные коннотации и элементы смысла, связанные с данной ПС.

Аналогичные примеры:

В ходе одного из опросов респондентам был предложен список известных актеров и актрис и задан вопрос: «Кто из них лучше всего воплощает характер русского человека?» Среди женщин с огромным отрывом (45%) победила Нона Мордюкова. [...] Разве рафинированная Марина Неелова, занявшая одно из последних мест в рейтинге, коня на скаку остановит, в горящую избу войдет? [МК, 19.02.1999]

Перефразируя классика, можно сказать, что *все благополучные страны похожи междусобой, а экономический кризис каждая страна переживает по-своему* [т/п «Федерация», 01.11.1998]

Все победители [футбольных состязаний] похожи друг на друга, каждый проигравший — несчастливо-своему. [МК, 23.02.2001]

Так и *остались* работники Кайла и отбойного молотка у *разбитого корыта*. [МК-Бульвар, № 1, 1999; о безрезультатной забастовке шахтеров]

(3.2) Подгруппа прецедентных высказываний, полное понимание функционального смысла которых возможно именно при соположении реальной ситуации, в которой используется ПВ, с прецедентной ситуацией или прецедентным

текстом, содержащим таковую, т. е. при актуализации системного смысла высказывания.

[Разговор героев повествования о шефе-«новом русском», которого за глаза называют Чучело]

— Оно у меня сейчас в меланхолии пребывает, доброе, безропотное. [...] Скоро взбрыкивать начнет...

— Почему оно тоскует?

— *Достигя высшей власти* — вот почему. Деньги *есть* — счастья нет. И скука нас все одолевает... [Степанова Т. Звезда на одну ночь. С. 287]

Примеры такого же рода, апеллирующие к одному прецедентному феномену.

Пепел Клааса стучал в сердце прокурора так громко, что в ночной тишине последним обитателям дворца казалось, что *железные шаги Командора* безжалостно развивают брусчатку Красной площади. [МК, 27.03.1999]

Каменный гость. Феликс Дзержинский и его Харитона [МК-Бульвар, № 1, 1999]

Последний пример — заметка о предложении депутата вернуть памятник Ф. Э. Дзержинскому на Лубянку — особенно интересен, поскольку поверхностное значение вполне прозрачно и метафора, на первый взгляд, понятна без комментариев — памятник из камня, *каменный*; гость, *каменный гость*. Однако если вспомнить ПТ-источник, то высказывание приобретет иной, более глубокий и «зловещий» смысл.

В связи с последней группой следует отметить, что возможна и классификация ПВ именно по связи с породившим их текстом. К первой группе относятся ПВ, которые сохранили тесную связь с текстом-источником (*Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел*). Вторую группу составляют ПВ, которые (1) утратили связь с породившим их источником и приобрели (приобретают) статус автономных²⁸ (*Я умываю руки; Он славно пишет, переводит* и др.), (2) никогда не имели такой связи (в ряде случаев потому, что сами являлись полноценным текстом) (*Нельзя объять необъятное*).

За прецедентными высказываниями всегда стоит комплекс когнитивных структур, феноменологических (как и за любым прецедентным феноменом) и лингвистических (как за прецедентным именем). При функционировании ПВ актуальными могут оказаться как лингвистические, так и феноменологические когнитивные структуры, либо активизируются только лингвистические (и с этим связаны разные типы ассоциаций, о которых мы будем подробно говорить позже). Применительно к прецедентным высказываниям можно предположить, что на уровне поверхностного и глубинного значений «работают» лингвистические когнитивные структуры, лежащие в основе нашей языковой и речевой компетенции, для системного смысла высказывания оказываются релевантными феноменологические когнитивные структуры, формирующие нашу, в том числе, культурную компетенцию.

²⁸

Об автономных ПВ — см. [Захаренко 1997.; Гудков et al. 1997].

СИСТЕМА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ: ЦЕНТР, ПЕРИФЕРИЯ И ЗОНЫ ПЕРЕХОДА

Прецедентные феномены составляют определенную систему, предстающую как основная составляющая когнитивной базы²⁹ и обладающую рядом характерных черт. Основной — парадоксальной — особенностью этой системы является, на мой взгляд, то, что, будучи «многомерной», она остается «плоскостной»: она не имеет «вертикали», а обладает в первую очередь «горизонталью». Иначе говоря, в данном случае едва ли можно говорить о строго иерархизованной «вертикальной» системной организации, так как элементы, входящие в систему и ее составляющие (т. е. прецедентные феномены), не строятся по оси «верх/низ», но соотносятся лишь по шкале вербализованности/невербализованности. Напомню, что ПИ и ПВ входят в когнитивную базу не только в совокупности своих дифференциальных признаков и значений-смыслов, но и как таковые. Они хранятся в виде феноменологических и лингвистических когнитивных структур и являются, таким образом, вербальными феноменами. В то же время ПТ и ПС входят в когнитивную базу как инварианты восприятия, хранятся в виде феноменологических когнитивных структур и являются, следовательно, феноменами вербализуемыми. Интересно, что актуализироваться данные феномены (как вербальные, так и невербальные) могут не только с помощью вербальных средств. В качестве иллюстрации приведу две рекламы, зафиксированные мною во второй половине 90-х. На первой — рекламе банка — была изображена белка, грызущая орех, перед белкой была аккуратная пирамидка из очищенных ядер. Думаю, что в данном случае абсолютно невербальными средствами осуществлялась апелляция к прецедентному тексту — инварианту его восприятия, и к конкретному прецедентному высказыванию из самого текста: *Белка песенки поет И орешки все грызет. А орешки не простые, Всескорлупки золотые, Ядра — чистый изумруд. Слуги белку стерегут.* На второй рекламе, принадлежащей достаточно известной фирме, была изображена в банке (в стеклянной) Золотая рыбка, символизирующая, очевидно, готовность и возможность удовлетворить любой каприз клиента. Думается, что в последнем случае имеет место апелляция скорее к инварианту восприятия прецедентного имени *Золотая рыбка* (сказочное существо, способное выполнить любое желание), нежели к инварианту восприятия прецедентного текста (едва ли кто-либо из клиентов захочет оказаться на месте старухи «у разбитого корыта»!).

Вместе с тем, сами прецедентные феномены (каждый из них в отдельности) обладают определенной «иерархией», если под таковой понимать вхождение/

²⁹ В КБ, помимо прецедентных феноменов, входят и определенные знания, но система ПФ представляет особый интерес, поскольку является не только неотъемлемой и основной составляющей КБ, но и во многом определяет структуру и операционные модели последней. Таким образом, анализируя систему ПФ, мы тем самым рассматриваем и принципы хранения единиц в КБ и модели оперирования ими. При этом мы, конечно, всегда помним, что КБ шире, чем собственно система прецедентных феноменов.

невхождение тех или иных «компонентов» конкретного феномена в когнитивную базу. Однако такая иерархия представляется весьма условной, поэтому более оправдано, думается, и каждый конкретный прецедентный феномен рассматривать с точки зрения горизонтальной структурной организации. И в таком случае структурная организация каждого прецедентного феномена окажется в некотором смысле аналогичной структурной организации системы в целом.

Говоря о горизонтальном устройстве рассматриваемой системы, правомерным будет выделение ее ядра (центра) и периферии. Как уже отмечалось, «ядерными» элементами когнитивной базы являются прецедентные феномены. Однако имелась в виду не столько их принадлежность к ядру КБ и, соответственно, к центру самой системы, сколько их «функциональное предназначение». На самом деле, центр КБ составляют не все прецедентные феномены, но лишь те, которые однозначно удовлетворяют данному в начале главы определению. И самое главное здесь — степень известности феномена и «одинаковость» представлений о нем (т. е. первый и второй критерии), а также их «свернутая метафоричность» и способность выступать в роли эталона и символа предмета или ситуации.

Разграничивая ядро и периферию системы, следует всегда иметь в виду, что границы между ядерной и периферийной зонами подвижны, вплоть домены местами. Ядерные в одних случаях элементы не только могут отходить от «центра», но и попадать в зону периферии, а на их место могут приходиться другие элементы, в других условиях входящие в периферию. В каких случаях это происходит и от каких условий зависит? Во-первых, различия могут наблюдаться по «вертикальной» — временной — оси (т. е. на диахроническом уровне). Во-вторых, значительные различия отмечаются и по «горизонтальной» — пространственной — оси: имеются в виду пространственные в прямом смысле этого слова отношения, т. е. место проживания членов данного национально-лингво-культурного сообщества (интересные наблюдения в этом плане сделала И. В. Захаренко). Помимо этого, принципиальное значение может иметь и возраст (хотя, как показал проведенный пилотажный опрос, возраст ии. оказывается релевантным далеко не всегда), и образование членов сообщества. Однако подчеркнем, что различия в данном случае касаются *места* того или иного феномена в структуре *одной и той же* системы, т. е. речь не идет о вхождении или невхождении феномена в систему как таковую (sic — !).

Экстраполируя идею Д. Б. Гудкова об алгоритме минимизации прецедентного текста на прецедентные феномены в целом, можно сказать, что интерпретация какого-либо феномена (т. е. его инвариант, включающий в себя, в том числе, и представление о самом феномене) обуславливается неким алгоритмом минимизации и, следовательно, «одной из главных причин различий в интерпретации [...] является разница в алгоритмах минимизации текста [прецедентного феномена как такового. — В. К], что приводит к различному делению его характеристик на существенные/несущественные», при этом «трансформация алгоритма возможна лишь при кардинальном изменении корпуса прецедентных

феноменов [...] что [...] может привести к распаду самого [лингво-культурного] сообщества» [Гудков 1997₂: 124, 126—127].

Таким образом, если речь идет о когнитивной базе единого национально-лингво-культурного сообщества, то вхождение прецедентного феномена в центр когнитивной базы предопределяется высокой степенью известности самого феномена (в случае с вербальными феноменами: ПИ и ПВ) и единым инвариантом его восприятия.

Периферию когнитивной базы составляют феномены, которые:

- 1) отличаются меньшей степенью известности (во-первых, с точки зрения «обязательности» для всех; во-вторых, с точки зрения степени знакомства с самим феноменом: например, я знаю или встречала феномен или его упоминание или ссылку на него, но я не понимаю, что это значит); т. е. безусловно входящие как минимум в коллективное когнитивное пространство как минимум одного крупного социума, например, социума, объединяющего людей традиционной для России конфессии (кстати, это не обязательно будет только христианство), или генерационного социума, или социума, объединяющего людей с одним (к примеру, высшим) уровнем образования, и т. п.;
- 2) имеют определенные расхождения в инвариантах восприятия; однако в этом случае *все* инварианты восприятия должны являться «обязательными», т. е. быть одинаково хорошо знакомы и понятны; иначе говоря, феномен может по-разному восприниматься и оцениваться носителями русского ментально-лингвального комплекса (от абсолютного «плюса» до абсолютного «минуса», как показывает проведенное анкетирование и о чем в ряде своих работ рассуждает Д. Б. Гудков), однако достаточная ориентация в конкретной ситуации общения позволяет без особого труда адекватно понимать и апелляцию к такому феномену³⁰;
- 3) относятся к числу «рождающихся» или «умирающих» (эпитеты-определения говорят сами за себя; более подробно об этих и других типах прецедентных феноменов — «вечных, бессмертных» и «сохраняющихся / изменяющихся» — см. [Красных et al. 1996]).

³⁰ Приведу в качестве примера отрывок из рецензии на премьеру оперы П. И. Чайковского «Опричник» в Большом театре. Статья носит название «Вечная Смута, вечные *Павлики Морозовы*». Итак: «Сюжет оперы... вечен для России: смута, *отречение от родных и близких по политическим убеждениям...* Андрей Морозов... *исторический прототип своего более знаменитого однофамильца Павлика, с легкостью отрекается от матери*, дабы получить блага опричнины и заодно отомстить своему врагу, который одновременно является отцом его невесты. Мать, боярыня Морозова, не осталась в долгу и прокляла сына. Невеста не особенно переживает по поводу поверженного папы — жених ей ближе (ну прямо «Тихий Дон!»). Проклятье сбывается — в конце концов все умерли» [МК от 10.02.99]. Или: «*Павлик Морозов обосновался в «МК»*. В казино «Космос» *своих сдавали по-крупному*» (заметка о супертурнире по шахматным поддавкам) [МК от 06.04.99].

Ядро когнитивной базы и ее периферия не разделены жесткой границей и не зафиксированы раз и навсегда.

С точки зрения с и н х р о н и и , между ними есть зона перехода. Например, так называемые «сохраняющиеся / изменяющиеся» прецедентные феномены (т. е. сохранившиеся как феномен, но с изменившимся инвариантом восприятия, например, *Два мира — два детства*). Такие феномены занимают промежуточное положение между: а) периферийными «рождающимися» (например, — *Ты где был? — Пивовил.*) и «умирающими» (например, *советское — значит отличное*), с одной стороны, и б) однозначно входящими в центр КБ «бессмертными» (например, *Счастливые часы не наблюдают*) — с другой.

С точки зрения д и а х р о н и и , периферийные прецедентные феномены могут постепенно «продвигаться к центру», вытесняя оттуда в область периферии, а то и за границы системы другие феномены, которые ранее принадлежали ядру системы (так, *Дон Жуан* со временем значительно «потеснил» Ловеласа, который вообще перестал восприниматься как прецедентное имя и «покинул» систему прецедентных феноменов). Следует отметить, что зоны перехода представляют собой зоны потенциальных коммуникативных сбоев и даже провалов, т. е. содержат определенную опасность возникновения конфликтов.

Как мы уже говорили, можно провести определенную аналогию между структурной организацией системы — системы ПФ и когнитивной базы в целом, и структурной организацией отдельного прецедентного феномена. Последний также имеет ядро (центр) и периферию. Собственно говоря, если строго подходить к терминам и стараться избегать терминологической путаницы, имело бы смысл говорить о центре системы и ядре каждого из составляющих ее элементов, четко их разграничивая. В ядро прецедентного феномена входит то, что входит и в когнитивную базу, т. е. то, что является «обязательным» для представителей данного национально-лингво-культурного сообщества.

В о - п е р в ы х ,

- для прецедентного имени — само имя, его дифференциальные признаки и атрибуты³¹;
- для прецедентного высказывания — само высказывание и система его значений-смыслов³²;
- для прецедентного текста и прецедентной ситуации — инварианты восприятия.

В о - в т о р ы х , «экспликаторы» инвариантов восприятия и то, что может быть использовано для «вторичной номинации» (это могут быть, в том числе, и атрибуты таких прецедентных феноменов, как имя или ситуация).

³¹ О ПИ — см. работы Д. Б. Гудкова.

³² Интересные размышления о прецедентных высказываниях можно найти в работах И. В. Захаренко.

В «третьих», то, что входит в инвариант восприятия прецедентного феномена, но не актуализируется в речи. Например, результаты ассоциативного эксперимента, зафиксированные в АТРЯ, показывают, что в инварианты восприятия Бабы-Яги и Кошечки Бессмертного входят такие качества, как злость и коварство. *Бабаяга*³³ ← злая (1), *Кошечка* ← злой (1) [К-4]; коварный → *Баба Яга*, *Кошечка* (1) [К-1]. Однако в коммуникации при использовании данных прецедентных имен происходит апелляция в первую очередь к внешности: *Баба-Яга* — страшная, отвратительная старуха; *Кошечка Бессмертная* — тощее, скелетообразное существо, что подтверждается также материалами АТРЯ: *Кошечка* ← тощий (2) [К-4], *Баба Яга* ← горб (1) [К-2].

Таким образом, можно предположить, что и ядро прецедентного феномена имеет горизонтальную структурную организацию: в нем также можно выделить центр и периферию. В центр входят те компоненты инварианта восприятия, апелляция к которым постоянно наблюдается в коммуникации и которые первыми «всплывают» при восприятии, а в периферию, соответственно, те компоненты, которые, не будучи частотными с точки зрения их использования в общении, позволяют однозначно и адекватно интерпретировать случаи апелляции к ним, если таковая имеет место (см. примеры выше).

Возвращаясь к разговору о структурной организации прецедентного феномена в целом, отмечу, что периферию последнего составляют знания и представления о нем, 1) безусловно входящие как минимум в коллективное когнитивное пространство как минимум одного крупного социума, 2) являющиеся частью индивидуальных когнитивных пространств. (Забегая немного вперед, скажу, что ядро прецедентного феномена «кристаллизуется» в виде фрейм-структуры, а периферия репрезентирует его культурно значимый фрейм и входит в национальное культурное пространство.)

После всего только что сказанного вернемся к тому парадоксальному утверждению, с которого мы начали рассуждения о структурной организации когнитивной базы, — к утверждению о многомерности и, одновременно, плоскостности рассматриваемой системы. Итак, система обладает центром (ядром) и периферией, и каждый феномен также обладает ядром (центром) и периферией. Центр системы составляют ядра одних прецедентных феноменов, ее периферию — ядра других. Но ядро самого феномена не отстоит от его периферии, которая не отделена, не оторвана, не изолирована от ядра, но «окружает» его, входя при этом не в центр системы и даже не в ее периферию (т. е. не в саму систему), но в когнитивные пространства. Таким образом, «картинка» в данном случае получается даже не трехмерной, а более сложной.

Рассмотрев структурную организацию системы и составляющих ее элементов, остановимся на вопросе структурных отношений между элементами. В данном случае также существуют определенные зоны перехода — зоны пересече-

³³ Повторю, что курсивом выделены слова-стимулы, а полужирным — реакции.

ния/наложения различных прецедентных феноменов. Иначе говоря, подчас бывает достаточно трудно однозначно определить принадлежность того или иного прецедентного феномена к конкретному «типу»: тексту, ситуации, имени или высказыванию. Это связано с тем, что, во-первых, прецедентные феномены могут восходить к одному источнику — к реальному предмету или реальной ситуации или к другому прецедентному феномену. И, следовательно, во-вторых, когда в речи происходит апелляция к одному из них, то за данным конкретным феноменом могут скрываться другие, т. е. может иметь место, так сказать, «последовательная» апелляция. Например, через прецедентное имя к прецедентному тексту и — через последний — к прецедентной ситуации: ПИ → ПТ → ПС. Или через прецедентное имя к прецедентной ситуации и — через нее — к прецедентному тексту: ПИ → ПС → ПТ. В таком случае прецедентное имя выступает символом прецедентного текста и/или прецедентной ситуации, в данном тексте описанной и входящей в инвариант его восприятия. Целую «россыпь» такого рода примеров можно найти, обратившись к Библии как к источнику многочисленных прецедентных феноменов.

Итак, какие же зоны пересечения/наложения прецедентных феноменов имеют место? Укажу основные и проиллюстрирую их примерами, взятыми из АТРЯ³⁴. Но предварительно сделаю необходимую оговорку: приводимые ассоциации:

(1) или дают в результате вербальный прецедентный феномен: имя или высказывание, — за которым может стоять вербализуемый прецедентный феномен: текст и/или ситуация (инварианты их восприятия);

(2) или представляют собой свернутые цепочки: через «пропущенный» (но легко восстанавливаемый) компонент вербального феномена стимул вызывает реакцию, эксплицирующую инвариант восприятия текста, имени или ситуации.

В любом случае ассоциации отражают, безусловно, только структурные отношения, существующие в системе, но все это так или иначе проявляется «функционально» — в коммуникации. Итак, зоны пересечения/наложения образуют³⁵:

1) ПВ / ПИ — ПТ / ПС (ИВПТ / ИВПС);

система значений-смыслов прецедентного высказывания (ПВ) и система дифференциальных признаков прецедентного имени (ПИ) обуславливаются прецедентным текстом (ПТ)/инвариантом его восприятия (ИВПТ); в ИВПТ может входить прецедентная ситуация (ПС) /инвариант ее восприятия (ИВПС);

³⁴ Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь. В 6 тт. М., 1994—1998. В квадратных скобках указан номер тома, например: [К-1] — Книга 1.

³⁵ Используемые аббревиатуры: ПВ — прецедентное высказывание; ПИ — прецедентное имя; ПТ — прецедентный текст; ИВПТ — инвариант восприятия ПТ; ПС — прецедентная ситуация; ИВПС — инвариант восприятия ПС.

Правила ПИ выступает как символ ПТ / ПС и актуализирует ИВПТ / ИВПС, при этом через ИВПТ / ИВПС возможны дальнейшие ассоциации.

Стимул	ИВПИ, обусловленный ПТ	Актуализация ПТ / ИВПТ через ПИ
Айболит → [К-3]	доктор(33); добрый(4); добрый доктор; очки(2); бессеребряный ³⁶ ; ветеринар; добряк; доктор добрый; доктор из сказки; друг детей (1).	сказка(4); звери(2); Бармалей; детство; животные, из Африки, собака Авва, Маршак, Мойдодыр, Чуковский, 66 (1).
Стимул	Актуализация ПТ / ИВПТ через ПИ	
Алладин → [К-3]	лампа(39); волшебник, джинн, сказка(5); и лампа(3); волшебная лампа, кувшин(2); Будур, колдун, отдай лампу, персик, сказочный(1); Азия, Саудовская Аравия(1); Хоттабыч(2); ибн Хоттаб, Шехерезада(1).	
Стимул	Актуализация ПТ / ИВПТ через ПИ	
Амфибия → [К-3]	человек(27); Человек-амфибия(2); Ихтиандр, фантастика(1); Беляев(3); фильм(1).	

См. также:

скупой → рыцарь (40) [К-1];

альй → парус (39) [К-3] и альй ← корабль (2) [К-2];

Аннушка ← масло (2) [К-2].

2) ПС — ПИ / ИВПИ; ПИ — ПС / ИВПС;

прецедентная ситуация (ПС) может входить в дифференциальные признаки прецедентного имени (ПИ) (как, например, в случае с *Иваном Сусаниным*) или, наоборот, прецедентное имя (ПИ) является атрибутом прецедентной ситуации (ПС) (как в случае с *Троянским конем*); однако в целом ряде случаев практически невозможно определить, что «первично», а что «вторично» (как в случае с *Колумбом и открытием Америки* или *Иудой и предательством*), и тогда решение зависит от конкретного объекта рассмотрения: если мы рассматриваем ПИ, то тогда ПС входит в дифференциальные признаки ПИ, а если в центре нашего рассмотрения стоит ПС, то тогда ПИ, соответственно, является атрибутом ПС.

борода → *Петр* / (1) [К-1];

бревно → *В. И. Ленин на субботнике, Ленин, субботник* (1) [К-3];

Архимед ← ванна (1) [К-2];

Аврора ← *начать* (1) [К-2];

³⁶ Так дано в АТРЯ.

Бастилия → *взята, пала* (5), *взятие* (2), *взята, товарищи!*, *коммуна, Парижская колтуна, разрушена, революция, символ победы, символ революции, штурм*(\) [К-3];

штурмовать → *Бастилию* (6),
Бастилия (1) [К-1];

Смею предположить, что последние примеры свидетельствуют о том, что в сознании русских некоторым образом смешиваются важнейшие события в истории Франции: падение Бастилии (ее штурм состоялся 14 июля 1789 и явился началом Великой французской революции, сама крепость-тюрьма была срыта в 1790 году); Парижская коммуна 1789—1794 гг. (орган парижского городского самоуправления в период Великой французской революции) и Парижская коммуна 1871 г. (первая пролетарская революция, первая диктатура пролетариата и т. д.).

3) ПИ/ПС — ПТ(ИВПИ/ИСПС — ИВПТ);

если имя или ситуация «принадлежат» тексту, то инвариант восприятия прецедентного имени (ИВПИ) и инвариант восприятия прецедентной ситуации (ИВПС) обуславливаются инвариантом восприятия прецедентного текста (ИВПТ); поэтому понятно, что при апелляции к ПИ или ПС вполне возможна актуализация ПТ / ИВПТ:

выстрел → *Пушкин*(6), *А.С. Пушкин; рассказ; Сильвио, повести Белкина; метель, Онегин* (1) [К-1].

Помимо указанных зон пересечения / наложения разных типов прецедентных феноменов (т. е. внутри системы), возможны также аналогичные зоны и между прецедентными феноменами и стереотипами (т. е. на границе системы). О последних мы будем подробно говорить в одной из последующих глав, поэтому сейчас я позволю себе ограничиться лишь тем, что покажу один из возможных вариантов зоны пересечения / наложения между прецедентными феноменами и стереотипами (в данном случае речь пойдет о стереотипном образе):

Стимул	Реакции	Тип феномена
театр [К-1]	→ вешалка (6), начинается с вешалки (1);	ПВ
	→ полон, Пушкин (1);	ПВ / ПТ (ИВПТ) / ПИ
	→ малиновый	ПВ / ПТ (если «берет»)
		стереотип (если «занавес»)

СИСТЕМА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Представив систему прецедентных феноменов³⁷, остановлюсь чуть подробнее на существующих в современной научной литературе терминах и понятиях, чтобы избежать возможной терминологической путаницы в дальнейшем.

Итак, в трудах ученых (Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева, Ю. Е. Прохоров, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, А. Е. Супрун и др.) встречаются понятия «прецедентный текст», «прецедентное высказывание», «текстовая реминисценция», «прецедентная текстовая реминисценция». На мой взгляд, за данными терминами скрываются понятия близкие, зачастую одной природы (хотя и не всегда), но, безусловно, разнопорядковые (о феномене прецедентности и прецедентных феноменах — см., например, научную дискуссию, проведенную в январе 1998 г. в Институте языкознания РАН — [Дискуссия 1998]). Это объясняется, думается, тем, что ключевым словом (и понятием) в данном случае является слово «прецедентный», которое исследователи понимают и трактуют приблизительно одинаково. Разница касается в первую очередь самих анализируемых феноменов и «степени» (в других терминах — «глубины») прецедентности.

Так, Ю. Н. Караулов определяет прецедентные тексты как «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987: 216]. Соответственно, прецедентными текстами для ученого являются цитаты, имена персонажей, названия произведений, а также их авторы. При этом произведения эти могут быть как вербальной, так и невербальной природы. Например, храм Василия Блаженного тоже может быть определен как текст. Отмечу, что подобное понимание «текста» встречается и в трудах других ученых: так, Ю. М. Лотман пишет: «*Культура* в целом может рассматриваться как *текст*. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию "текстов в тексте". Поскольку само слово "текст" включает в себя этимологию переплетения, мы можем сказать, что таким толкованием мы возвращаем понятие "текст" его исходное значение. Таким образом, само понятие текста подвергается некоторому уточнению. Представление о тексте как о единообразно организованном смысловом пространстве дополняется ссылкой на вторжение разнообразных "случайных" элементов из других текстов» [Лотман 1992: 121—122] (выделено мною. — В. К.). В данном случае в рассуждениях ученого представляются принципиально важными два тезиса: о «тексте в тексте» и о куль-

³⁷ Повторю еще раз, что эту концепцию активно развивают участники научного семинара «Текст и коммуникация».

туре-тексте. Правда, при таком подходе термин «текст» понимается очень широко и, на мой взгляд, теряет свою строгую «терминологичность». Но вместе с тем я не могу не признать, что в ряде случаев расширительное толкование какого-либо термина, в том числе и термина «текст», бывает вполне допустимым и — более того — оправданным, поскольку может не только не нарушать общей стройности и целостности теории, но и способствовать созданию таковой (что и наблюдается, например, в трудах Ю. М. Лотмана).

Несколько иначе трактуют понятие «прецедентного текста» Ю. А. Сорокин и И. М. Михалева: для указанных авторов «ПТ — это номены... но следующего характера: это некоторые вербальные микро- и макроединицы (в нашем случае) плана/сценария, указывающие на когнитивно-эмотивные и аксиологические отношения в плане/сценарии, это некоторые избирательные признаки, сопоставляющиеся с другими "заимствованными" и оригинальными признаками для создания "эстетической видимости"/типологического образа», «это, прежде всего, средства когнитивно-эмотивной и аксиологической фокусировки смысловой массы художественного текста, указывающие на глубину индивидуальной и групповой (социальной) памяти и свидетельствующие о способах художественной "обработки" актуальных для нас вопросов и проблем» [Сорокин, Михалева 1993: 104, 113]. При этом в роли прецедентных текстов выступают также заглавия, цитаты, имена персонажей и имена авторов произведений [Там же: 104]. Мне, безусловно, близко понимание текста как вербального феномена, во-первых, а во-вторых — трудно не согласиться с положением о том, что прецедентные тексты репрезентируют фрагменты «прецедентного поля» [Там же: 103], соотносимого некоторым образом (но не прямо — sic!) с представленным понятиями «когнитивное пространство / когнитивная база». Однако прецедентные тексты едва ли могут быть сведены только к текстам художественным и, следовательно, только к проблеме «художественной "обработки" актуальных вопросов и проблем». Кроме того, предлагаемая авторами система цитат-прецедентов строится на особых основаниях, отличных от тех критериев разбиения прецедентных феноменов, которые излагаются в этой книге.

Ю. Е. Прохоров, говоря о прецедентных текстах, предлагает ряд уточнений данного понятия: «1) прецедентные тексты есть принадлежность языковой культуры данного этноса, использование которых связано с их реализацией в достаточно стереотипизированной форме в стандартных для данной культуры ситуациях речевого общения: именно в этом случае, являясь принадлежностью прагматикона некоторой этно-культурной языковой личности, прецедентный текст может быть использован в общении, так как подразумевает аналогичное его наличие у другой личности; 2) если сам текст входит в прагматикон личности, совокупность личных деятельностно-коммуникативных потребностей, то его использование в речи связано уже с лингво-когнитивным уровнем, т. е. системой знаний о мире и образа мира, которые реализуются в данной этнокультуре [...]; 3) отсылка к прецедентным текстам имеет как прагматическую направлен-

ность, выявляя свойства языковой личности, ее цели, мотивы и установки, ситуативные интенциональности, так и лингвокогнитивную, реализация которой включает личность в речевое общение именно данной культуры на данном языке» [Прохоров 1996: 155—156]. Думаю, что нельзя не согласиться с Ю. Е. Прохоровым в том, что:

1) рассматривая прецедентные тексты, мы вольно или невольно выходим на лингво-когнитивный уровень,

2) сами ПТ принадлежат языковой культуре (хотя я бы все-таки говорила о том, что корпус прецедентных текстов принадлежит не *вербальной* культуре, а *культуре как таковой*, поскольку инварианты восприятия ПТ-ов входят в когнитивную базу, а сами ПТ принадлежат национальному культурному пространству);

3) апеллирование в речи к феноменам такого рода помогает ориентироваться в ситуации общения, проводя идентификацию по шкале «свой/чужой».

Вместе с тем, мне кажутся оправданными и некоторые уточнения и оговорки. Во-первых, сам прецедентный текст, по моему глубокому убеждению, не может быть использован в речи³⁸, поскольку «хранится» в когнитивной базе (и следовательно, в сознании конкретного члена конкретного национально-лингво-культурного сообщества) в виде инварианта восприятия, т. е. является феноменом скорее когнитивного, нежели собственно лингвистического характера (трудно представить себе человека, помнящего от первого до последнего слова, к примеру, роман «Война и мир», несомненно, являющийся прецедентным). Соответственно, в речи могут употребляться феномены иного плана: прецедентные имена и прецедентные высказывания, — которые могут выступать в качестве символов прецедентных текстов. Во-вторых, и это следует из только что сказанного, поскольку в когнитивной базе хранится инвариант восприятия прецедентного текста, но не сам ПТ, то, очевидно, апелляция к прецедентному тексту предполагает у собеседника аналогичное наличие не самого текста (поскольку такого — наличия, имеется в виду, — нет), а опять-таки инварианта восприятия.

И наконец, следует остановиться на понятии «текстовые реминисценции» (в терминах А. Е. Супруна) и «(прецедентные) текстовые реминисценции» (в терминах Ю. Е. Прохорова). Под текстовыми реминисценциями (ТР) А. Е. Супрун (и вслед за ним Ю. Е. Прохоров) понимает «осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. ТР могут представлять собой цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочета-

³⁸ Хотя можно предположить, что Ю. Е. Прохоров следует тезису А. Е. Супруна, специально отметившего, что «применение слова *использование* к прецедентным текстам относится скорее всего лишь к сознательному введению воспоминания о таком тексте в новый производимый в данный момент текст» [Супрун 1995: 26—27], однако, на мой взгляд, это может привести к некоторому непониманию и путанице.

ний), «крылатые слова», отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях. При ТР может иметься или отсутствовать разной степени точности отсылка к источнику» [Супрун 1995: 17]. При этом и для А. Е. Супруна, и для Ю. Е. Прохорова текстовые реминисценции суть языковые единицы [Там же: 25; Прохоров 1996: 157], хотя они и «отличаются от обычных языковых единиц особенностями своей воспроизводимости» [Супрун 1995: 28].

В связи с данным подходом возникает целый ряд вопросов: во-первых, как соотносятся текстовые реминисценции и собственно прецедентные феномены (в частности, прецедентные имена и прецедентные высказывания); во-вторых, единицами чего (языка, как утверждают процитированные только что авторы?) являются рассматриваемые феномены; в-третьих, релевантна ли для рассматриваемых феноменов категория социального/ индивидуального.

Итак, начнем с главного: как соотносятся между собой текстовые реминисценции и прецедентные феномены. Следует отметить, что к числу ТР А. Е. Супрун относит любые цитаты и ссылки на созданные ранее тексты (например, *Ha Ваш №...* [Там же: 19]), независимо от степени их известности другим членам какого-либо социума или национально-лингво-культурного сообщества. Как результат — в одном ряду оказываются феномены различной, подчас принципиально различной, с моей точки зрения, природы: от официальных ссылок на предшествующее деловое письмо до широко и хорошо известных имен и высказываний (которые мы и называем прецедентными), т. е. от автопрецедентов до универсально-прецедентных феноменов. Таким образом, ТР, по А. Е. Супруну, объединяют следующие феномены (будем использовать наши термины):

1) ссылки на предшествующий текст (например, документ), не являющийся прецедентным (ни по Ю. Н. Караулову, ни по Ю. А. Сорокину, ни по нашей концепции) (*Ha Ваш №*³⁹...);

2) цитаты, имена, названия, которые не могут быть признаны прецедентными⁴⁰ (*локальный комплекс Эммы Боварь; Чувствуешь себя вроде Цинцинната из «Приглашения на казнь»*);

3) индивидуальные неологизмы (которые, именно в силу своей индивидуальности, не могут быть прецедентными);

4) цитаты, имена, названия, используемые для обозначения «денотата» (*Его любимым героем был Атос из «Трех мушкетеров»*);

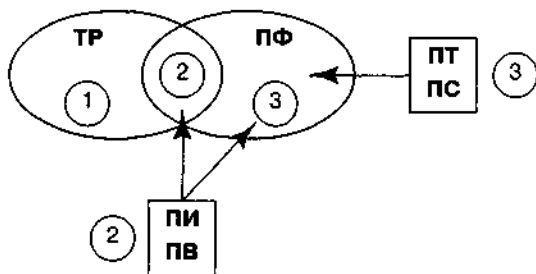
5) собственно прецедентные феномены: прецедентные тексты и имена

³⁹ Примеры, приводимые в этом абзаце, взяты нами из [Супрун 1995].

⁴⁰ В нашем понимании прецедентного феномена — как элемента национальной когнитивной базы.

Из сказанного выше следует, что текстовые реминисценции и прецедентные феномены, предлагаемые нами, пересекаются именно на участке прецедентных имен и прецедентных высказываний. Покажу это на схеме⁴¹.

Схема 15. Соотношение ТР и ПФ

Например, ТР = ПИ, восходящие к ПТ: *Обломов, Печорин, Дон Жуан*; ТР = ПФ, связанные с ПС: *Сусанин, Колумб*; ТР = ПВ, восходящие к ПТ: *Каким ты был... таким ты и остался; Нас ждет холодное лето 1994*; ТР = ПВ, связанные с ПС: *Ждем-с!*

Далее, текстовые реминисценции — как минимум те, которые представлены прецедентными именами и прецедентными высказываниями, — являются единицами не языка, но дискурса. Как и все прецедентные феномены, они не могут представлять собой «индивидуальные неологизмы» и находиться «на грани индивидуального и социального в системе языка и его использовании» [Супрун 1995:26], ибо «индивидуальность», «отдельность», «единичность», «окказиональность» оказываются противопоставленными «прецедентности» в нашем понимании⁴² (а я иду вслед за Ю. Н. Карауловым, Ю. А. Сорокиным, Ю. Е. Прохоровым). Кстати, именно поэтому, очевидно, Ю. Е. Прохоров, разграничивая текстовые реминисценции на ТР в структуре отдельной речевой личности и ТР в структуре речевого общения, только последние (т. е. ТР в структуре речевого общения) определяет именно как *прецедентные* текстовые реминисценции [Прохоров 1996: 157—158].

⁴¹ Сокращения, принятые в схеме 15: ТР — текстовые реминисценции; ПФ — прецедентные феномены; ПИ — прецедентные имена; ПВ — прецедентные высказывания; ПТ — прецедентные тексты; ПС — прецедентные ситуации.

⁴² Такого рода феномены могут быть определены как «автопрецеденты». И раз так, то они не могут быть отнесены к числу прецедентных Справедливости ради отмечу, что некоторые исследователи (например, Д. Б. Гудков) рассматривают такого рода единицы тоже как прецедентные. Но повторю еще раз — с этим я согласиться не могу (о причинах я говорила ранее). Далее, если все-таки считать такие феномены прецедентными с факультативным третьим признаком, то из их числа в любом случае должны быть безоговорочно выведены все прецедентные высказывания, для которых указаный третий признак — «постоянная возобновляемость в речи» — является обязательным.

Что касается функционирования собственно текстовых реминисценций (если согласиться с их существованием) и прецедентных феноменов, то тут тоже можно найти некоторые различия: ТР, как правило, сопровождаются упоминанием источника или автора (*как говорил...*, *как сказано в...*; более того, такое упоминание может представлять собой краткий рассказ о ситуации или лице); прецедентные же феномены, как правило, подобными ссылками не сопровождаются, так как, во-первых, подобные ссылки бывают либо не нужны (поскольку и так все понятно), либо не важны (поскольку важно содержание), во-вторых, источник (если таковой был) часто «забывается», «теряется», именно в силу своей нерелевантности, и в таком случае прецедентные феномены переходят в число автономных. Если же ссылка все-таки имеет место, то она выполняет не столько «информирующую», сколько «эстетическую» функцию, поскольку предполагается, что реципиент знает то, что автор специально проговаривает, следовательно, создается эффект иронии. Другой возможной причиной указания на источник может быть и то, что прецедентный феномен «восходит» как бы сразу к нескольким источникам: если он стал автономным и потерял связь с настоящим источником и стал приписываться другим, или если он действительно имеет нескольких «авторов» в силу «параллельного» существования или как результат «цитаты в цитате» (как, например, произошло с известным «Как хороши, как свежи были розы»), например: «Как там у Пушкина... или это не у Пушкина — *блажен кто...*» (пример из МК).

Вместе с тем нашей концепции созвучна идея о том, что «определенная часть ТР объединяет широкий круг общающихся, иногда практически всех носителей социолекта или всех носителей данного языка» [Супрун, 1995: 26] (т. е. носителей коллективного когнитивного пространства или когнитивной базы), и при этом «набор прецедентных текстов различен для разных членов социума» [Там же: 27]. С этим нельзя не согласиться, если под социумом в данном случае понимается национально-лингво-культурное сообщество, а тексты относятся к социумно-прецедентным. Таким образом, мы нашли еще один аргумент в защиту разграничения феноменов, «прецедентных» на разных «уровнях», для разных социальных групп: собственно социумов, национально-лингво-культурных обществ и человечества в целом.

В связи с рассматриваемыми проблемами следует упомянуть теорию интертекстуальности и понятие интертекста. Данной проблематике посвящены работы Р. Барта, Ж. Дерриды, А. А. Жолковского, О. Г. Ревзиной, И. П. Смирнова и др. Как пишет, О. Г. Ревзина, «в проекции на лингвистику текста и дискурса концепция М. М. Бахтина приводит к созданию теории интертекста: "... всякое новое произведение есть результат трансформации некоторого уже существующего, более того, освященного традицией текстового объекта"⁴³» [Ревзина 1998: 14—15]. И далее: «... интертекстуальный подход видит в тексте "не структуру, а

⁴³ Жолковский А. А. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 29.

структурацию" (Р. Барт), не "сложно построенный смысл" (Ю. М. Лотман), а непрерывный процесс означивания⁴⁴. И поскольку речь уже не идет о структуре, определяющей потенциальное множество текстовых интерпретаций, они зависят от объема знаний и воображения интерпретирующего, не требуя какой-либо аргументации» [Там же: 18]. В этой части теория интертекста очень близка нашей концепции. Принципиальные различия касаются в первую очередь объекта исследования: указанная теория анализирует художественный текст (см., например, работы Р. Барта, А. А. Жолковского, О. Г. Ревзиной). Так, рассуждая о теории интертекста, О. Г. Ревзина пишет, что «одна из интерпретаций *словесного творчества* в интертекстуальной парадигме состоит в том, что "...новые акты творчества совершаются на языке, в материале, на фоне и по поводу ценностей той *литературной традиции*, из которой они возникают и которую они имеют целью обновить"⁴⁵» [Ревзина 1998: 16] (выделено мною. — В. К.) (о том же см. [Фатеева 1997; Ревзина, в печати]). Что касается проводимых нами исследований, то, как я неоднократно подчеркивала, объектом нашего изучения и анализа являются тексты речевые, спонтанные, импровизационные, именно поэтому мы не используем теорию интертекстуальности, которая выросла из анализа художественного текста и, будучи примененной в этих целях, дает, безусловно, блестящие результаты.

СООТНОШЕНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ, КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР И КОГНИТИВНОЙ БАЗЫ

В связи с представленным и рассмотренным блоком феноменов возникает вполне естественный вопрос: как соотносятся такие понятия, как (1) когнитивная база (КБ), (2) когнитивные структуры (КС), формирующие КБ (как и прочие когнитивные пространства) и (3) прецедентные феномены (ПФ), которые хранятся в КБ в форме когнитивных структур и /или их определенных конфигураций?

Итак, когнитивная база (КБ) формируется когнитивными структурами (КС), это тот материал, из которого она «сделана». Прецедентные феномены (ПФ), будучи элементами КБ, также формируются когнитивными структурами и в форме последних хранятся в КБ. Но в последнем случае речь идет не только о «материале», «чистой» форме, но о некой «содержательной» форме. Иначе говоря, когнитивные структуры, будучи «содержательной» формой и «элементарной единицей», служат своего рода «строительным материалом» как для прецедентных феноменов, так и для когнитивной базы в целом. Прецедентные феномены, будучи основными составляющими КБ, создают определенную конфигурацию последней, придают ей специфический облик.

⁴⁴См. [Барт 1994: 425].

⁴⁵Жолковский А. А. Указ. соч. С. 30.

Попробую показать это на следующем примере. Представим себе некий дворец (пусть это будет КБ) из мрамора, украшенный мраморными же портиками, колоннами и статуями (ПФ). Из чего сделан сам дворец (КБ) и его детали (ПФ)? Из одного и того же материала — из мрамора (КС). Однако дворец, портики, колонны и статуи — вещи разные, но, безусловно, тесно связанные: данный дворец не может быть без данных портиков, колонн и статуй, являющихся неотъемлемой частью его архитектуры и интерьера и делающих данный дворец именно таким, каков он есть, и отличающих его от других архитектурных творений. С другой стороны, и перечисленные детали вне дворца, вне связи друг с другом, даже оставаясь по сути теми же самыми, будут уже иными: они потеряют свое прежнее «звучание» и «значение» (что на самом деле и происходит, если вспомнить случаи различных интерпретаций одних и тех феноменов в различных культурах; см., например, [Сорокин, Михалева 1993; Яценко 1997; Данилова 1997]).

За любым прецедентным феноменом (ПФ) всегда стоит комплекс когнитивных структур, как лингвистических, так и феноменологических. Так, вербальные ПФ (прецедентное имя, прецедентное высказывание) формируются и теми и другими⁴⁶. Вербализуемые ПФ — прежде всего прецедентная ситуация — представлены в КБ в виде (комплекса) феноменологических КС, однако при актуализации прецедентной ситуации в коммуникации «в дело вступают» лингвистические КС (сложность «разведения», «размежевания» на уровне одного ПФ тех и других мы уже упоминали). Что касается прецедентного текста, то в этом случае мы должны разграничивать (1) сам текст (как вербальный феномен), и тогда речь идет о двух типах КС, и (2) инвариант его восприятия (как вербализуемый феномен), и тогда мы имеем дело в первую очередь с феноменологическими КС⁴⁷.

Проблему соотношения данных когнитивных феноменов можно рассматривать также и в связи с проблемой лингвистических и психологических клише и штампов [Красных 1997₂; 1997_д]. В указанных работах был выдвинут тезис о том, что следует выделять клише сознания и штамп сознания, соотносимые с языковым клише и речевым штампом (см. гл. X).

⁴⁶ При этом в коммуникации актуализироваться могут и те и другие либо только лингвистические.

⁴⁷ Напомню, что в КБ хранится, как правило, именно инвариант восприятия прецедентного текста, который каждый раз при вербализации разворачивается в фактически новый текст. Эти новые порождаемые тексты объединены тем, что лежит в их основе, а именно — инвариантом восприятия прецедентного текста.

СТЕРЕОТИПЫ

(ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ)

Эта глава посвящена рассмотрению важнейших единиц культурного пространства, а именно: стереотипам. В наше время термин «стереотип» используется очень часто разными исследователями, представителями разных наук, которые, что понятно, вкладывают в сам термин различные понятия. Но кроме того, и в рамках лингвистической и лингвокультурологической наук до сих пор нет единого понимания термина «стереотип», что, безусловно, затрудняет общение исследователей и «затемняет» в некотором смысле их идеи. никоим образом не претендуя на истину в последней инстанции, я предлагаю свое понимание стереотипа, которое помогает, во-первых, отграничить стереотипы от других феноменов, часто смешиваемых с собственно стереотипами, во-вторых, разграничить разные типы самих стереотипов.

ПОНЯТИЕ СТЕРЕОТИПА

В научный обиход понятие стереотипа вошло с легкой руки У. Липпманна [Lippmann 1922]. Сам исследователь полагал, что «социальные стереотипы» помогают в первую очередь ориентироваться в массиве социальной информации. По Липпманну, стереотипы — это культурно детерминированные и определенным образом упорядоченные «картинки мира» в сознании человека, которые, с одной стороны, экономят его (человека) усилия при восприятии сложной информации, а с другой — фиксируют и сохраняют существующие ценности, способствуя тем самым и сохранению высокой самооценки самого человека. Липпманн объяснял функционирование стереотипа через анализ социально-психологических аспектов деятельности людей, рассматривая стереотип «в системе тех факторов, которые вызывают его появление и детерминируют его функционирование» [Рыжков 1988: 5]. Важнейшими характеристиками стереотипов со времен Липпманна считаются их неточность, ложность и эмоционально-оценочный характер.

Вопрос о стереотипе достаточно сложен, так как сам феномен «стереотип» может рассматриваться (и рассматривается) с разных точек зрения. Этому явлению уделяли и уделяют пристальное внимание ученые, работающие в самых разных областях знания: социологи, психологи, когнитологи, этнографы, лингвисты, этнолингвисты, этнопсихологи и этнопсихолингвисты (У. Липпманн,

И. С. Кон, Г. Тажфел, Ж. Коллен, Ю. Д. Апресян, Е. Бартминский, В. А. Рыжков, Ю. А. Сорокин, Ю. Е. Прохоров, С. И. Королев, П. Н. Шихирев, А. В. Михеев, С. М. Толстая, Т. Г. Стефаненко, О. Ю. Семендяева, Л. Г. Гусякова, А. К. Байбурин, С. В. Силянский, Г. С. Батыгин и др.).

Осознанно сузив круг проблем, связанных с рассматриваемым понятием, остановимся лишь на принципиально важных для данного разговора моментах.

В большинстве работ, так или иначе касающихся феномена стереотипа, последний рассматривается в контексте социального взаимодействия, как некая «модель» действия, поведения, связанная с определенным (национально) детерминированным выбором той или иной тактики и стратегии поведения в некоторой ситуации, обусловленным определенным набором потребностей и мотивов. При таком подходе стереотипы рассматриваются как «знаки, которые являются вербальной фиксацией определенным образом *опредмеченных потребностей* данной социальной группы, этноса, национально-культурного ареала», как «фиксированное отражение некоторой *деятельности*, продукты которой выступают в роли предметов, удовлетворяющих *определенным потребностям*». Стереотип при этом интерпретируется как «коммуникативная единица данного этноса, способная посредством актуальной презентации социально санкционированных *потребностей* оказывать побуждающее типизированное воздействие на сознание личности — социализируемого индивида, формируя в нем соответствующие мотивации» [Рыжков 1985: 15—16, 20] (выделено мною. — В. К.). Такого рода феномены было бы более корректно называть, вслед за Ю. Е. Прохоровым, «стереотипами речевого общения» или, еще точнее, стереотипами речевого поведения; они определяются как «социокультурная маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» [Прохоров 1996: 101]. При таком понимании стереотипа он выступает как «модель», «образец», «канон». И, следовательно, видовые понятия, в которых осознается индивидом стереотипизация (как результат некоторой «обработки» феномена), предстают, по идее Ю. А. Сорокиной, как стандарт и норма. Стандарт (как родовое понятие стереотипа) понимается как реализация некоторой семиотической и/или технологической модели на социальном и социально-психологическом уровнях, а норма (как родовое понятие стереотипа) рассматривается как реализация такой модели на языковом и психологическом уровнях [Сорокин 1985: 10].

Мы понимаем стереотип как явление несколько иного порядка. Для нас стереотип — это некоторое «представление» фрагмента окружающей действительности, фиксированная ментальная «картинка», являющаяся результатом отражения в сознании личности «типového» фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира. И в этом мои взгляды совпадают с мнением процитированных авторов. Однако стереотип как представление, в рамках предлагаемой концепции, может выступать в двух ипостасях: как

некоторый сценарий ситуации и как собственно представление, т. е. не только как канон, но и как эталон. В первом случае стереотип является стереотипом поведения и аналогичен стереотипу в понимании, рассмотренном ранее. Во втором случае стереотип выступает как стереотип-представление (именно об этом типе мы поговорим более подробно в настоящей главе).

Представлю свое понимание стереотипа как феномена, с тем чтобы более наглядно показать его место в общем контексте современных исследований и соотнести его с такими феноменами, как концепт, пропозиция, гештальт (об этом см. следующую главу), скрип, прецедентные феномены (см. настоящую главу).

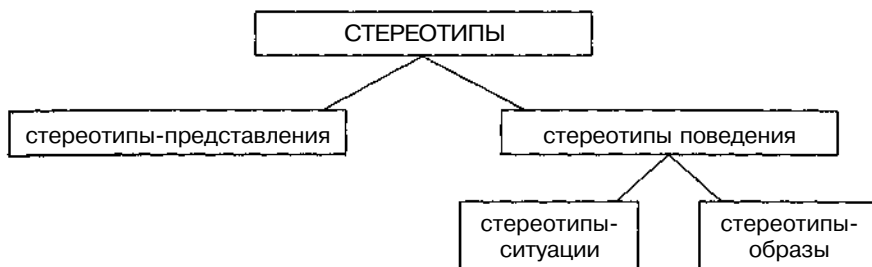
Особо подчеркну, что я рассматриваю стереотип с позиций лингвиста и, следовательно, в связи с коммуникативным и — в первую очередь — вербальным поведением. Итак:

стереотип есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа-представления] национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций).

Стереотип, с точки зрения «содержания», есть некий фрагмент (концептуальной) картины мира, существующей в сознании, некоторый образ-представление. Это некая ментальная «картинка», обладающая рядом специфических для нее свойств. Это некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации. Причем не о конкретном предмете или конкретной ситуации, когда-либо имевших место — неважно, в реальной или «виртуальной» действительности — и впоследствии приобретших статус «прецедента», но о предмете или ситуации, так сказать, «вообще» (например, стереотипный образ учительницы или стереотип — образ и ситуация — очереди).

Итак, стереотип как феномен имеет две разновидности (см. сх. 16). Первая группа стереотипов представлена *стереотипами поведения*, хранящимися в сознании в виде *штампов* сознания и выступающими в роли *канона*; они представляют собой инварианты деятельности, определяют коммуникативное (и в том числе — вербальное) поведение в той или иной коммуникативной ситуации. Иначе говоря, они, диктуя определенное *поведение*, выполняют *прескриптивную* функцию. Вторую группу стереотипов составляют *стереотипы-представления*, хранящиеся в виде *клише* сознания и функционирующие как *эталоны*; они также связаны с речевым поведением, его характеризуют и в нем проявляются. То есть они диктуют не столько само поведение, сколько набор *ассоциаций* и предопределяют языковую *форму*, их выражающую. Иначе говоря, они выполняют *предиктивную* функцию. И поскольку такие стереотипы есть определенное представление о предмете или ситуации, мы выделяем, соответственно, *стереотип-*

Схема 16. Классификация стереотипов

образ (форма хранения — клише сознания) и *стереотип-ситуацию* (форма хранения — клише сознания, но последнее может актуализироваться в коммуникации и как штамп сознания). Таким образом, мы разграничиваем, на первом уровне разбиения, стереотип поведения (штамп сознания) и стереотип-представление (клише сознания). На втором уровне — стереотип-ситуацию (клише / штамп) и стереотип-образ (клише). Это в некотором смысле соотносится с формами знания по Ж. Ф. Ришару, который выделяет: 1) знания об объектах (т. е. концепты) и их организацию в семантической сети; 2) знания о ситуациях и событиях, выраженные посредством схем; 3) знания о действиях и, в более общем смысле, о процедурах¹ [Ришар 1998: 15].

Стереотипы-ситуации включают в себя и определенное (предсказуемое, ожидаемое) поведение участников коммуникации. Таким образом, можно сказать, что стереотип-ситуация некоторым образом предопределяет стереотип поведения (например, стереотип-ситуация: *транспорт* → *билет*; стереотип поведения: обращение к ближайшему пассажиру «*Пробейте / Проконспектируйте / Передайте, пожалуйста*» и т. д.). Помимо этого стереотипы-представления сближаются с прецедентными феноменами: стереотипы-образы — с прецедентным именем, а стереотипы-ситуации — с прецедентной ситуацией (подробнее об этом мы говорим, рассматривая соотношение стереотипов и прецедентных феноменов).

Как и прецедентные феномены, обладая некоторым набором «обязательных», «предсказуемых» векторов ассоциаций, стереотип-представление хранится в сознании в виде фрейм-структуры, гранями которой являются клише / штампы сознания (см. следующую главу).

ПОНЯТИЕ СТЕРЕОТИПА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Если исходить из разделяемой многими авторами идеи о том, что стереотипы сознания — это «прежде всего определенное представление о действитель-

¹ Правда, замечу, что для Ж. Ф. Ришара «все эти знания — пропозициональные» [Ришар 1998: 15], с чем я согласиться не могу, причины чего объясняю далее в настоящей книге.

ности или ее элементе с позиции "наивного", обыденного сознания» [Прохоров 1996: 74], то окажется, что за любой единицей языка стоит стереотип, стереотипный образ (поскольку очевидно, что для русского, перса или японца, например, «стол» будет для каждого свой), а вся ассоциативно-вербальная сеть представляет собой не что иное, как «стереотипное поле», репрезентирующее «концептосферу» того или иного национально-лингво-культурного сообщества. С данным полем неразрывно связаны концепты, бытующие в том или ином языковом сознании. О концептах и о соотношении концептов и стереотипных феноменов мы будем говорить в следующей главе, а сейчас остановимся на соотношении таких понятий, как 1) стереотипы и скрипты / сценарии и 2) стереотипы и прецедентные феномены.

Итак, в связи с представленным пониманием стереотипа (и особенно стереотипной ситуации) может возникнуть вопрос о соотношении данных понятий и понятий «скрипт», «сценарий»², которые встречается в ряде работ (см., например, [Schank, Abelson 1977]). Напомню, что под скриптом понимается один из типов структур сознания, который описывает привычные ситуации как стереотипные смены событий. Скрипты, сценарии, или сценарные фреймы, содержат стандартную последовательность событий; при этом большинство скриптов усваивается в детстве как результат непосредственного опыта или наблюдения над другими людьми (и в этом смысле понятие скрипта соотносимо, по-видимому, с понятием этнического стереотипа³). Скрипты помогают заполнять пробелы: недостающие детали «вписываются» в общую картину ситуации, так что впоследствии бывает трудно отделить информацию «объективную», поступившую извне, от собственных «вставок» [Schank, Abelson 1977; Bower et al. 1979; Bellezza, Bower 1982: 3]. С одной стороны, между скриптами и стереотипами, в предложенном понимании, существуют определенные параллели, но с другой — есть целый ряд отличий, который я вкратце и перечислю:

- 1) скрипты относятся к ситуации и «работают» в основном на поведенческом уровне, это своего рода «модель» поведения⁴ (неважно, являюсь я активным участником ситуации или только ее «наблюдателем»); ср.: «сценарии организуют поведение и его интерпретацию» [Макаров 1998: 119];
- 2) скрипты «привязаны» в первую очередь к конкретной ситуации и касаются всех возможных вариантов ее развития (сценарии характеризуются ситуативной привязанностью и конвенциональностью [Макаров 1998: 119; Минский 1979; Шенк 1990; КСКТ 1996]);

² Часто эти термины используются как синонимичные. Поступим подобным образом и мы, поскольку стремимся не разграничить данные термины между собой, а отграничить их от наших терминов и понятий.

³ В данном случае не как представление о том или ином этносе (*настоящий француз, истинный англичанин*), но как представление, *присущее* тому или иному этносу (подробнее об этнических стереотипах см. последующие главы).

⁴ Сразу оговорюсь, что с точки зрения прагматики скрипт, сценарий очень близки стереотипу поведения, хотя между ними можно отметить и некоторые расхождения.

- 3) в связи с этим скрипт есть набор ожиданий, что в воспринимаемой ситуации (конкретной! — *В. К.*) должно дальше произойти [Schank 1990: 7];
- 4) поэтому — с определенной осторожностью и оговорками — можно, очевидно, считать скрипт поверхностной, конкретной и достаточно «дробной» репрезентацией и функциональной реализацией национального концепта.

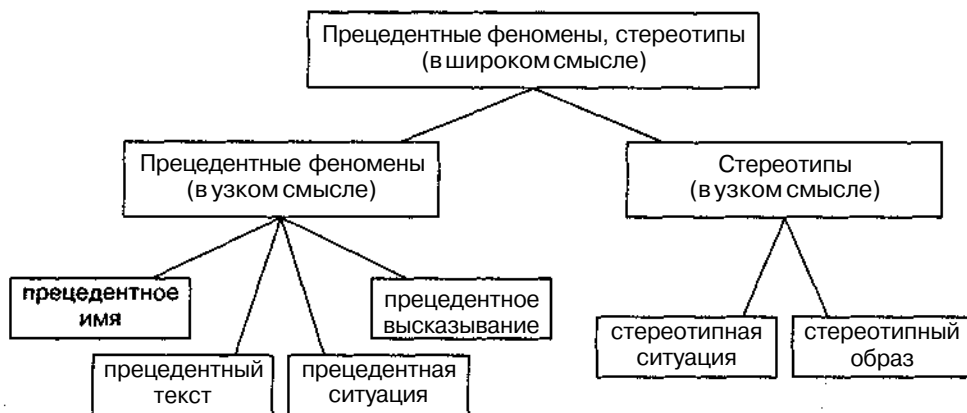
По концепции, рассматриваемой в [Макаров 1998: 122—124], когнитивные модели ситуаций общения представлены двумя группами: предметно-референтные ситуации и ситуации взаимодействия. «Когнитивный образ предметно-референтной ситуации, как правило, опирается на знания о предмете общения, связанном с ним предшествующем опыте и вероятностном прогнозировании. Этот образ может быть представлен в виде схемы или модели, — некоторой базовой структуры репрезентации знаний о предметно-референтной ситуации, причем... основной единицей декларативного знания в лингвистически и когнитивно релевантных процессах чаще всего является пропозиция... Когнитивный образ ситуации взаимодействия в ее динамике (аспект коммуникативного контекста), являясь общим знанием, функционирует в качестве одного из главных условий успешного акта общения, производства и интерпретации дискурса, шире — совместной деятельности. Этот когнитивный образ содержит знания о конвенциях, нормах, ритуалах, ролях коммуникативной деятельности... Участвующая в речи информация социокультурного характера, как правило, организована в виде сценариев и моделей. Образ ситуации взаимодействия предстает в качестве ситуативной модели или, иначе, сценария» [Макаров 1998: 122—123]. С моей точки зрения, предметно-референтная ситуация соотносима с «нашим» стереотипом-представлением (точнее — со стереотипом-ситуацией), а ситуация взаимодействия — со стереотипом поведения, в рамках предлагаемой теории, или со сценарием, по концепции других исследователей.

Стереотипы же — это своего рода ментальные «картинки» мира (образные и ситуационные), которые, безусловно, влияют на коммуникативное поведение и в нем проявляются. В отличие от скрипта стереотип предстает как минимизированное представление, некий инвариант, в совокупности «обязательных» валентных связей, репрезентируемых «предсказуемыми» векторами ассоциаций, хотя, конечно, «устанавливаемые в эксперименте ассоциативные связи ни в коей мере не носят инвариантного характера» [Леонтьев 1965: 184]. Конкретные ассоциативные связи — нет, но валентные связи и стоящий за фрейм-структурой феномен — пожалуй, да. Таким образом, установление некоторых аналогий между данными двумя понятиями возможно, но требует особой осторожности.

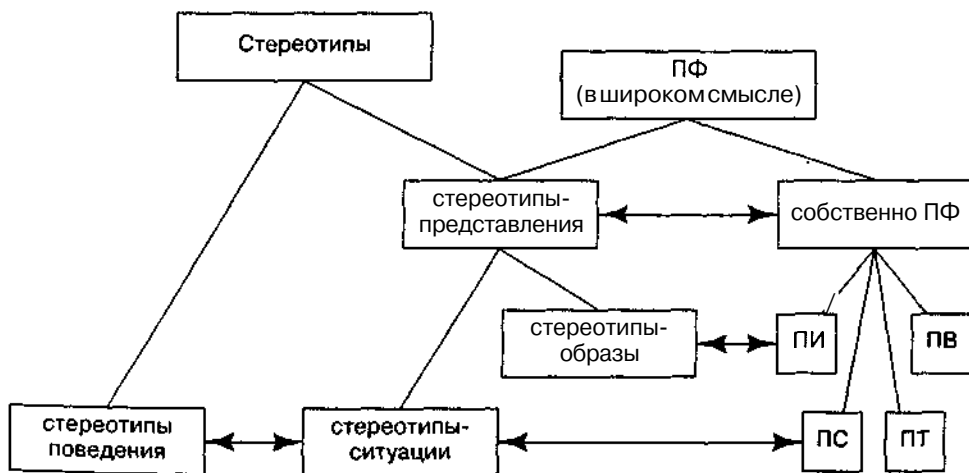
Далее, раз стереотип есть результат определенной минимизации, раз он «суперфиксированное, суперустойчивое представление» [Прохоров 1996: 75], то не окажется ли, что между стереотипом и прецедентным феноменом нужно ставить знак равенства? Тем более, что, если вспомнить то широкое понимание прецедентности, которое мы представили, приводя определение прецедентного текста по Ю. Н. Караулову, а также понимание стереотипа как формы обработки

информации и состояния знаний [Woods 1973: 39], то совершенно правомерным окажется утверждение, что прецедентными феноменами являются вообще все стереотипы, специфичные для того или иного национально-лингво-культурного сообщества, и наоборот, все прецедентные феномены по сути своей — стереотипы. За всеми явлениями такого рода стоят пучки предсказуемых векторов ассоциаций, т. е. фрейм-структуры. Однако мы разграничиваем стереотипы и прецедентные феномены (в широком смысле) на собственно прецедентные феномены и собственно стереотипы, среди последних мы выделяем стереотип-ситуацию и стереотип-образ. На схеме это выглядит следующим образом (сх. 17 и 18).

С х е м а 17. Типы феноменов

С х е м а 18. Соотношение феноменов

В качестве примеров стереотипов-представлений приведу отмеченные в АТРЯ ассоциации:

с т е р е о т и п ы - о б р а з ы :

пчела → *труженица* (30) [К-1],

французский → *грация, изысканные, изящный* (1) [К-3],

баран ← **упрямый** (23),

лимон ← **кислый** (107), **желтый** (24) [К-2];

с т е р е о т и п ы - с и т у а ц и и :

билет → *компостер* (1)[К-1], **аист** ← **капуста** (2) [К-2]

(во втором случае «центром» стереотипа является «аист»).

Однако, как показывают наблюдения, не всегда легко развести стереотип-ситуацию и стереотип-образ, поскольку, как я уже говорила, стереотип — это особое представление о предмете или ситуации; соответственно, предмет может входить в число «обязательных» для определенной ситуации и, наоборот, ситуация может относиться к числу таковых для определенного предмета. Например, **соблезнование** → *черная рамка, черные платки* (1), *траур* (4) [К-1] может быть интерпретировано и как стереотип-образ и как стереотип-ситуация.

Сразу оговорюсь, что ассоциация может «идти» от центра стереотипа к периферии, как в примерах с **пчелой** (поскольку **пчела** всегда *труженица*) или **французским** (поскольку **француз**, с точки зрения русского менталитета, обладает указанными качествами), или от периферии к центру, как в примере с **бараном** или **лимоном** (поскольку **упрямым** бывает не только *баран*, а **кислым** или **желтым** не только *лимон*). В последнем случае стереотип может «прятаться» за сеткой «свободных» ассоциаций и не всегда «с лета» прочитываться. Например: **талант** → *Париж; скрипач, скрипка* (1) [К-1]. Совершенно очевидно, что таланты обитают не только в Париже и отнюдь не обязательно играют на скрипке (хотя, в АТРЯ *скрипка* — это единственный музыкальный инструмент, отмеченный среди 544 реакций на стимул **талант**). Иначе говоря, *Париж* и *скрипка* не входят в стереотип **таланта**. Но если «перевернуть» картинку, то окажется, что Париж — это город, где традиционно собирались творческие (талантливые) личности (вспомним Монмартр, Монпарнас), а для того, чтобы играть на таком инструменте, как скрипка, обязательно наличие особых способностей (таланта). Таким образом, можно предположить, что **талант** является «обязательной», «предсказуемой» валентной связью для *Парижа* и *скрипки*, *скрипача*, т. е. входит в стереотипы данных «предметов». Такая же картина наблюдается и в случае с прецедентными феноменами: **талант** → *Моцарт* (1) [К-1] и **гений** → *Моцарт* (1) [К-3]. Талантливый, гениальный человек не всегда Моцарт, но вот *Моцарт* — это безусловно и бесспорно **талант** и **гений** (гениальность входит в дифференциальные признаки данного прецедентного имени, поэтому, кстати, *Моцарт* и является одним из эталонов гениальности).

А теперь вернемся к рассмотрению различий между прецедентными феноменами и стереотипами. Обобщая, можно сказать, что указанные феномены различаются по следующим параметрам: 1) форма хранения; 2) «первооснова», т. е. к чему «восходят»; 3) в какие когнитивные совокупности входят; 4) каков их характер. Рассмотрим эти различия более подробно.

(1) Первое различие касается формы хранения и — более конкретно — тех когнитивных структур, которые участвуют в собственно хранении и актуализации феномена в дискурсе.

Как я уже говорила, все знания и представления хранятся в виде когнитивных структур: лингвистических (ИКС) и феноменологических (ФКС). Прецедентные феномены могут храниться в виде:

(а) ФКС — инварианты восприятия прецедентного текста и прецедентной ситуации; они всегда могут быть вербализованы, но между ЛКС, которые могут актуализировать прецедентный феномен, и самим ПФ нет жесткой «привязки», т. е. при обращении в коммуникации к инварианту восприятия того или иного текста или ситуации возможно задействование разных ЛКС;

(б) ФКС и ЛКС — прецедентное имя и прецедентное высказывание, т. е. вербальная «оболочка» феномена и инвариант его восприятия: система дифференциальных признаков имени и совокупность значений/ смыслов высказывания;

(в) ЛКС — те феномены, которые описываются в этой книге как штампы сознания (см. следующую главу).

При апелляции к какому-либо прецедентному феномену активизироваться могут (а) либо только ЛКС, (б) либо ЛКС и ФКС. Соответственно, в первом случае мы имеем дело со штампом сознания (с собственно штампом или с клише, выступающим в качестве такового), во втором — с клише сознания.

Что касается стереотипов, то они, будучи определенными ментальными «картинками», образами-представлениями, хранятся в сознании в первую очередь в виде ФКС. Однако в числе «предсказуемых» валентных связей стереотипа могут быть и «обязательные» речевые формулы, закрепленные в сознании в виде ЛКС. Иначе говоря, такие речевые формулы (например, *кто последний I Вы последний* в стереотипе *очереди*) могут представлять собой обязательный «атрибут» стереотипа, если и входящий в сам стереотип, то только в его периферию, или находящийся на его границе. Таким образом, стереотип оказывается представленным в сознании феноменологическими когнитивными структурами, «окруженными» лингвистическими когнитивными структурами. И в данном случае однозначно утверждать можно только то, что стереотип (стереотип-представление) не может быть представлен только ЛКС, и не более того. Следовательно, по сравнению с прецедентными феноменами в целом, стереотипы имеют, так сказать, «более размытый образ». Они хранятся в сознании в первую очередь как клише (подобно прецедентным феноменам) или как штампы сознания (стереотипы поведения), но данные клише в значительно большей степени (по сравнению с ПФ) тяготеют к функционированию подобно штампам и, как

правило, «сопровождаются», находятся в окружении целого букета штампов сознания (особенно это актуально для стереотипов-ситуаций).

(2) Это связано, в частности, и с тем, что одно из основных отличий стереотипа от прецедентного феномена (с точки зрения «первоосновы») состоит в том, что за ПФ стоит некий конкретный, единичный феномен, так сказать, «денотат» (в другой терминологии — референт), к которому данный ПФ и «восходит». Что касается стереотипов, то в этом случае весьма затруднительно (точнее — невозможно) найти какой-либо конкретный единичный «прецедент», аналогичный тому, с каким мы имеем дело, когда анализируем собственно ПФ. Иначе говоря, за стереотипом стоит абстрактный, собирательный образ, о чем свидетельствует сам термин «стерео-тип».

(3) Третье различие стереотипов и прецедентных феноменов касается того, в какие когнитивные совокупности входит рассматриваемые феномены. Как мы видели, ПФ (в виде инвариантов восприятия и — в случае если есть «вербальная оболочка» — как вербальный феномен) входят в когнитивную базу. Другими словами, в КБ безусловно входят представления, в данном случае — инварианты восприятий прецедентных феноменов. Что касается знаний, то элементами КБ являются вербальные феномены: ПИ и ПВ. Знания же о конкретном лице, конкретной ситуации, о конкретном тексте и знание самого текста формируют культурно значимый фрейм и представляют собой фрагменты культурного пространства.

Стереотипы, в отличие от ПФ, не являются элементами таковой, будучи репрезентантами культурного пространства.

(4) Далее, прецедентные феномены, входящие в национальную КБ, могут носить как национальный, так и (гипотетически) универсальный характер (например, многое из того, что связано с Библией, безусловно, выходит за рамки не только национального сообщества, но, вполне возможно, и конфессионального христианского социума). При этом к числу «универсалий» может принадлежать: (1) сам прецедентный феномен, (2) фрейм-структура и, следовательно, векторы ассоциаций; при этом слоты, выделяемые в том или ином феномене в разных сообществах-этносах, могут не быть «фокальными точками» (по Ю. А. Шрейдеру), (3) коннотации. Обратившись к уже упомянутому нами, едва ли не самому прецедентному тексту — Библии, можно без особого труда найти примеры такого рода: *30 сребреников — Иуда — предательство — Последняя Вечеря — поцелуй предателя* и т. д., *Понтий Пилат — умывать руки* и др. Для того чтобы обнаружить различия в (2) и (3), необходимы дополнительные сопоставительные исследования. Сегодня мы можем апеллировать только к «отрицательному» материалу, который мы наблюдаем при общении с иностранцами и в процессе преподавания русского языка в иноязычной аудитории (когда иностранные собеседники совсем не понимают или не до конца понимают русский текст, делают «неправильные», с точки зрения русского, выводы, приводят «некорректные», на русский взгляд, примеры или сравнения и т. п.). Национальные же прецедентные феномены многочисленны, их рассмотрению посвящен целый ряд ра-

бот (см., например, работы участников упоминавшегося семинара «Текст и коммуникация»). Помимо этого, большинство примеров, приводимых в настоящей книге, также может быть отнесено к числу национально-прецедентных, поэтому не будем здесь останавливаться на таких феноменах подробнее и перейдем к обсуждению стереотипов.

Стереотипы, о которых идет речь в данной работе, всегда национальны. Правда, в ряде случаев можно найти аналоги в различных культурах. Однако при столкновении с такими «квазиуниверсалиями» необходимо проявлять особую осторожность: чаще мы имеем дело с феноменами конгруэнтными, но не тождественными, т. е. совпадая в целом или в основном, феномены могут различаться нюансами, деталями, имеющими подчас принципиальное значение. Например, рассмотрим, как носители русского национально-культурного менталитета представляют себе *смерть*, причем в прямом смысле этого слова, т. е. как стереотипный образ смерти, бытующий в русском национально-лингвокультурном сообществе (дается по АТРЯ, К-1):

смерть → с *косой* (6); *коса* (1); *старуха* (6); *старуха с косой* (1); *скелет* (3);
в образе *скелета* (1).

Этот же образ отражен и в текстах:

Я твердо знал, что не хочу умирать, мало того, я ни за что не стану умирать, что бы там ни думала на эту тему *костлявая дурица со своей бутафорской косой* [Макс Фрай. Волонтеры вечности. М.; СПб., 2000. С. 271]

... уму непостижимо, как могла *Смерть* избрать своим орудием этакого слюнтя? Неужто не нашлось подручного достойней? Просто даже посочувствовал ей, *безносой*. [Акунин Б. Любовница Смерти. М., 2001. С. 104]

Муж сидел рядом, держа Варю за руку. Ему казалось, что стоит хоть на секунду отлучиться — *старуха с косой* тут же заберет любимую. [Караван историй, ноябрь, 2001]

Стереотипный образ смерти европейцев, насколько можно судить по художественным произведениям, отличается от русского: во-первых, это мужчина, высокий и худой, во-вторых, он предстает в облике монаха, в-третьих, его атрибутом могут выступать шахматы (вспомним, например, известный фильм И. Бергмана «За семью печатями»).

Далее, различны в разных культурах феномен и ситуация *очереди*, следовательно, и образ-представление, и поведение⁵ в очереди будут различны: так, в России принято, как правило, спрашивать «*Кто последний?!* *Вы последний?!*» (данный стереотип, кстати, зафиксирован в виде ассоциаций в АТРЯ) или просто вставать в очередь; в ряде же европейских стран в «присутственных местах» (на почте, вокзале и т. д.) принято подойти к специальному аппарату и оторвать квиток с номером, а после этого просто следить за цифрами, загорающимися

⁵ Ср.: «... культура, мыслимая как "ряд" (вспомним Ю. Тынянова) либо как мозаика социальных норм и ценностей, реализуется через индивидуальные действия» [Панков, 1995: 22].

над окошками. Такие ситуации так или иначе, осознанно или интуитивно выделяются теми, кто работает с иностранцами, и если вспомнить учебники иностранных языков, то тематические блоки именно такие стереотипные ситуации и отражают (хотя, безусловно, в реальности таких ситуаций несоизмеримо больше, чем это может быть представлено в каком бы то ни было учебнике). Помимо ситуаций, к стереотипам принадлежат и определенные образы (последние всегда ярко национально маркированы). В качестве примеров можно было бы привести многочисленные стереотипы животных⁶ (и отсюда стереотипные сравнения, типа: *трудолюбив, как муравей* / *пчела*, *хитер, как лиса* и др.) или этнические стереотипы⁷ (типа: *любезный, любвеобильный, изысканный, как француз, пунктуальный, как немец, чопорный, как англичанин* и т. п.).

Если говорить о стереотипной ситуации, наглядным примером могут служить, пожалуй, следующие ассоциации: билет → *счастливый*, билет → *съесть*. Для представителя русского национально-лингво-культурного сообщества данная ситуация, думается, ясна и не требует каких-либо комментариев и объяснений. А вот иностранцу придется, очевидно, объяснять, что существуют «счастливые» билеты, и если такой билет *съесть*, то вполне можно рассчитывать на удачу или на «счастье». (Кстати, пилотажные опросы современных студентов показали, что те, кому около 20 лет, интерпретируют эту ситуацию так же, т. е. у них этот стереотип сохранился и не ушел вместе с медяками, кассами в транспорте и отрывными билетами.)

СТЕРЕОТИПЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

А теперь я позволю себе показать, как эти теоретические выкладки могут быть реализованы в конкретном применении при анализе и описании фрагментов русского культурного пространства. В качестве иллюстрации я приведу некоторые статьи из уже упоминавшегося словаря ментефактов русского культурного пространства⁸. Но прежде необходимо вкратце представить те принципы, по которым отбирался и структурировался материал и по которым строится сама словарная статья⁹.

⁶ См. далее в настоящей главе.

⁷ См. последующие главы.

⁸ В настоящее время научный семинар «Текст и коммуникация» работает в том числе над реализацией научно-исследовательского проекта «Русский мир». Неотъемлемой частью данного проекта является и создание указанного словаря.

⁹ В настоящей книге я привожу только те статьи словаря, автором которых являюсь я сама. Однако я должна особо подчеркнуть, что все статьи словаря без исключения обязательно проходили обсуждение на заседаниях семинара. Кроме того, и сами принципы выработывались методом проб и ошибок, когда приходилось делать по несколько вариантов статьи на одну и ту же единицу и не единожды перекомпоновывать и переструктурировать предъявляемый материал. В результате сегодня мы можем представить тот вариант статьи, который представляется наиболее адекватным и отвечающим нашим целям.

Итак, статья состоит из «вводной части», в которой указывается, входит или не входит данная единица в число русских мифологических персонажей, и если входит, то выполняет ли символьную функцию и вступает ли в оппозицию с другими единицами. Иначе говоря, в этой части дается краткая информация, которую мы для себя называем собственно «энциклопедической».

Например, *конь* является одним из самых мифологизированных животных в русском культурном пространстве. Подобно многим другим животным, он амбивалентен: связан, с одной стороны, с плодородием, с другой — со смертью. Иначе говоря, *конь*, будучи мифологическим персонажем, выполняет двойственную символическую функцию: выступает и как символ продолжения жизни (плодородия), и как символ смерти. Если мы сравним с образом коня образ *вóрона* (см. далее), то увидим, что последний также выполняет символическую функцию, будучи связанным с миром мертвых. Однако в отличие от коня *вóрон* выступает как «единый» символ и вступает в оппозицию с белыми, чистыми птицами, противопоставляясь им как птица черная, зловещая.

В этой же вводной части мы указываем, в какой роли может выступать данная единица: как мифологический образ, персонаж фольклора, как стереотипный образ или как средство характеристики (человека, предмета или ситуации). Как правило, все единицы выступают во всех трех ипостасях. Достаточно редкое исключение составляют единицы с «дефектной парадигмой», т. е. не выступающие как мифологический образ и/или собственно фольклорный персонаж.

Далее, после вводной части следует первый раздел статьи, посвященный бытованию данной единицы в фольклоре (если таковое имеет место) и/или в Библейском дискурсе. Так, например, для *коня*, *овцы* и *змеи* крайне актуальными оказываются Библейские «корни», поскольку именно бытование образа в Библейском дискурсе во многом предопределяет современное его (образа) бытование в русском культурном пространстве. Так, например, если мы попытаемся проанализировать образ *овцы*, то мы должны будем обратиться к Библейскому дискурсу, поскольку в русских сказках это животное практически не встречается, а вот в Библии упоминаний о нем немало. О каких же отличительных чертах этого животного говорится в Библейских текстах? В первую очередь это боязливость, кротость и беспомощность отставших от стада овец, а также опасность, окружающая таких животных (II Пар. XVIII: 16; Пс. CXVIII: 176; Ис. XI: 6; ЛIII: 6, 7; Мих. V: 8; Мф. IX: 36). И как мы увидим, влияние Библейского образа на образ стереотипный совершенно очевидно. А для этого нам надо рассмотреть стереотипный образ овцы, бытующий в современном русском культурном пространстве, и, следовательно, перейти к следующему разделу словарной статьи.

Итак, следующий раздел статьи содержит описание стереотипного образа. Причем стереотипного образа в том понимании, которое представлено чуть ранее в этой книге. Учитывая, что образы-стереотипы, как и образы *духов* (см. главу VI), подвержены «локальной аберрации» (т. е. во многом зависят от ре-

гиона и разнятся по территориям), набор черт, включенных в стереотипный образ, оказывается в значительной степени редуцированным по сравнению с потенциальным набором аналогичных черт в каждом отдельном регионе. Далее, в стереотипный образ мы старались включать в основном те черты, которые так или иначе актуализируются в дискурсе. И в этом вопросе мы опирались на корпус примеров из современной литературы, СМИ (газеты и журналы, радио, телевидение, Интернет), публицистических текстов, политического дискурса и повседневного общения русскоговорящих. Однако актуализация в дискурсе не являлась все-таки однозначным *conditio sine qua pop.* Дело в том, что есть черты стереотипного образа, которые не обязательно будут актуализироваться в дискурсе, это с одной стороны. А с другой — те случаи актуализации, которые можно наблюдать в речи носителей русского ментально-лингвального комплекса, могут апеллировать к периферии стереотипного образа, а мы старались по возможности представлять исключительно его центр.

А теперь «вернемся к нашим баранам» — рассмотрим стереотипные образы *овцы* и связанного с ней *барана*. Особо подчеркну, что сейчас речь идет не о внешних характеристиках, а о чертах характера. Итак, у русских бытует представление об овце как о животном крайне глупом, покорном, безропотно подчиняющемся судьбе. При этом баран отличается особым («тупым») упрямством, а для овцы характерны беззащитность и полное отсутствие способности постоять за себя: это существо безобидно-глупое, представляющее собой легкую добычу (беспомощность перед лицом врага, незлобивость наиболее полно проявляются в образе *ягненка*). На мой взгляд, в этом образе явно ощущается влияние Библии. Но помимо черт, относящихся к характеру, у этого образа есть и характерные дифференциальные признаки, касающиеся внешности: это в первую очередь кудрявая шерсть, а у барана еще и толстые рога, закрученные кольцами.

И наконец, последний раздел собственно словарной статьи представлен случаями апелляции к образу в дискурсе и условиями употребления «именования» в речи.

После этого мы приводим существующие в современном русском языке слова и выражения, либо связанные с данным образом, либо те, в которых фигурирует, его «вербальная оболочка». Так, на барана и овцу приводится ряд выражений, связанных с этими животными. Например: *заблудшая овца (овечка), как баран на новые ворота, паршивая овца и согнуть в бараний рог*. Эти выражения толкуются, при необходимости указывается их источник и объясняется (проясняется) образ, за ними стоящий. Все выражения иллюстрируются примерами из современного русского дискурса.

Ну а теперь я приведу в качестве примера несколько статей.

А́ИСТ — не является типичным русским мифологическим персонажем (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека (3).

1. В сказках А. практически не встречается. В народной культуре А. — одна из наиболее почитаемых, «чистых», «святых» птиц, с ним связаны многие приметы и обряды. Например, считается, что гнездо А. на крыше дома — счастливая примета. Бытует поверье, что А. приносит детей (по другому поверью, детей можно также найти и в капусте). Существует жесткий запрет: ни в коем случае нельзя «обижать» или тем более убивать А., нельзя разорять его гнездо, т. к. в отместку он может сжечь дом.

2. А. — крупная красивая птица с черно-белым оперением, любящая стоять на одной ноге. Образ А. связан с земным счастьем и благополучием.

3. Современные русские могут обращаться к образу А.:

➤ при характеристике позы человека, напоминающей «излюбленную» позу этой птицы:

Большинство дисциплинарных проблем возникает при ограничении физической активности детей: «Не бегай! Ты что, не можешь ходить, как все нормальные дети?», «Ну что ты скачешь все время?», «Сядь как следует!», «Что ты стоишь на одной ноге, какаист?», «Смотри, упадешь! Ноги переломаешь!». *Педагогика, Семья, 2001*. Тесновато?.. Даты сам стоишь на одной ноге, какаист! *Л. Филатов, Часы кукушкой*.

➤ при характеристике походки человека, напоминающей движения этой птицы, когда при ходьбе человек высоко поднимает колени:

[Упражнение нужно выполнять так:] шагать из одной коробки в другую, поднимая ноги, как *аист*, — это сделать гораздо труднее, если коробки разной высоты (для детей с 4 лет). *BIBICALL.ru, Игры интересные и полезные, 2001*.

➤ когда говорят о мире и благополучии:

Аист на крыше — *мир* на земле.

➤ когда говорят о рождении детей (*аист* принес):

[Правила игры:] Достаточно переженить викингов, выбрать пол ребенка (вот оно, планирование семьи!), а об остальном позаботится природа. Оглянуться не успеешь, как *аист* принесет новорожденного. Несколько минут, и малыш уже резвится на травке, еще пара мгновений, и он вырос — чудеса, да и только! *Absolute Games/Cultures, 2001*.

ВÓРОН — относится к числу древнейших мифологических образов (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека или ситуации (3).

1. В народных представлениях В. — нечистая (дьявольская, прókлятая) и злоеющая птица, связанная с миром мертвых (см. в *тридевятом царстве, в тридесатом государстве*). Вóроны, имеющие черную окраску, противопоставлены птицам белым («чистым» и «святым», особенно голубю, освященному христианской традицией). В фольклоре В. выступает как вестник близкой смерти (предсказывает ее герою или приносит весть о его смерти):

Черный ворон, черный ворон, / Ты не вейся надо мной! / Ты добычи не дожدهшься, / Черный ворон, я не твой! [...] Полети в мою сторонку / К милой любушке моей, / Ты скажи моей любезной, / Что за родину я пал. *Русская народная песня*. И не стало жизни там бога-

той, / Редко в поле выходил оратай, / Вороны над пашнею кружились, / На убитых с криками садились... «Слово о полку Игореве» в переложении Н. А. Заболоцкого.

Существует поверье, что стая В. кружит там, где находится умирающий или умерший. Если В. пролетает над двором, каркает на крыше дома или на церкви, то он предвещает смерть.

2. В. — птица вешая, владеет тайнами, предсказывает смерть или приносит весть о чьей-либо смерти. Считается, что В. птицы кричат, когда предвещают беду, горе (*накаркать беду*). Вместе с тем, В. — птица мудрая, она может давать советы. Бытует представление, что В. живет 100 или 300 лет.

3. Современные русские могут обращаться к образу В. при характеристике:

➤ человека, напоминающего В. по внешности и/или поведению; при этом может подразумеваться, что этот человек опасен, «зловещ», может «принести беду»:

Я начинала побаиваться Геворка. Он напоминал *черного ворона* — высокий, худой, с торчащим носом и сверкающими глазами. Геворк таил в себе непонятную скрытую силу и, казалось, даже умел читать мысли. *М. Береговской, Ф. Незнанский, Опасные каникулы*. Внезапно госпоже Лисицкой сделалось не по себе: она одна была здесь в мирском наряде, единственным светлым пятном среди черных ряс. Словно какая синица или канарейка, по ошибке залетевшая в стаю *воронов*. Нет, сказала себе Полина Андреевна, я той же породы. И не *вороны* они вовсе, они о важном говорят, обо всем человечестве пекутся. *Б. Акунин, Пелагия и Черный Монах*. В этот миг Варя увидела, как в шатер бесшумно вползает подполковник Казанзаки, ужасно похожий на *черного ворона, унюхавшего сладкий трупный запах*. Она вспомнила, чем закончилось предыдущее появление жандарма [арестом ее жениха], и передернулась. *Б. Акунин, Турецкий гамбит*. Посмотри на себя! Стервятник! Трупоед! Вы посмотрите на него, на трупоеда! А помощничек? Ну и парочка! *Ворон к ворону летит, ворон ворону кричит: «Ворон, где б нам отобедать?» Б. Акунин, Декоратор*.

➤ ситуации, в которой ощущается повышенная тревожность, предчувствие беды (чаще упоминается *стая воронов, стая воронья*):

Я больше не сержусь на него, он прощен. Пусть даже мне пришлось из-за него закопать вещицы, дорогие моему сердцу... Держать их стало опасно. Полиция кружит надо мной подобно *стае воронья*. *Б. Акунин, Декоратор*. [После убийства американского консула на месте преступления] ждали также и «важняка» из Генеральной прокуратуры, которому придется возглавить оперативно-следственную комплексную группу, в которую войдут... А черт его знает, кто будет настаивать еще на своем присутствии. Воистину не *стая воронов* слеталась... *Ф. Незнанский, Ищите женщину!* [Героиня пришла на работу во время своего отпуска и сразу же получила задание. Рассказывая об этом своей подруге, она говорит:] — А на меня тут налетели, *точно вороны*. На работу в отпуск лучше не заглядывать. *Т. Полякова, На дело со своим ментом*.

➤ ситуации, в которой поведение группы людей напоминает поведение черных зловещих птиц, связанных с трагедией, смертью

Год живут, два живут, три живут. Ну, забеднели все ж таки. Где ж одной женщине с малолетками хозяйство управлять... Тут родня и давай Настасье в уши напевать: «Продай шкатулку-то! На что она тебе?.. А люди деньги бы дали...» Одним словом, наговаривают. И покупатель, *как ворон на кости*, налетел. Из купцов все. *П. П. Бажов, Малахитовая шкатулка*. Мародеры, *как воронье*, слетаются к местам трагедий, им надо

успеть [...] перевероршить мертвые тела, выдернуть из-под искореженного окровавленного металла никчемные вещи, нагрести трясущимися руками обгоревшие дензнаки... *АиФ, 2001.*

В современном русском языке есть целый ряд слов и выражений, связанных с **вóроном**.

О Цвет вороного крыла <вороное крыло, вороной> — радикально черный цвет.

Лицо красивое, гладкое, молодое, а *воронье волосы* на висках с сильной проседью *Б. Акунин, Пиковый валец*. ... седой сутулящийся человек... пытается представить любимое лицо: темные глаза, волосы *цвета вороного крыла*,... *Караван историй, 2001.* — Хоп-хоп, чумовые! — гаркнул лихач на *вороных*, и красавцы кони встали, как вкопанные. *Б. Акунин, Любовник смерти.*

◊ **Каркать <накаркать> [беду]** — навлечь словами неприятности; основано на стереотипном образе и связано с древнейшим представлением о том, что слово есть дело (сказать — значит сделать) и что слово обладает магической силой: словом можно помочь, исцелить, оживить, но можно и испортить, обессилеть, погубить, «сглазить».

Править, как и жить, надобно легко и радостно, судьба таких любит. А кто сам на себя беду накликает, к тому она тучей валит. У нас и без того государство не очень-то веселое, а если еще и государь этак *каркать* станет... *Б. Акунин, Коронация.* — Нормальных участковых сейчас днем с огнем не найдешь. Тем более ты сам говорил, что там, где ты, там всегда невезуха. — А ты не *каркай!* — обиделся Сергей. — Накличешь еще. *А. Маринина, Когда боги смеются.* Отсидеться, пока эти не уйдут, и все — спасение, жизнь, свобода. И так легко и гладко это представилось, что внутренний голос вдруг шепнул Фандорину: нет, Эраст, в жизни так не бывает, обязательно приключится какая-нибудь пакость, которая испортит весь твой чудесный план. Увы, *накаркал* внутренний голос, накликал беду. Пакость и в самом деле не замедлила нарисоваться... *Б. Акунин, Азazelь.* ... Нет, ну а что, ну получит Рита телеграмму, что умерла ее мать. Ну, и что тут такого опасного? На самом деле она ведь от этого не умрет, ведь так? Это ведь сплошное суеверие, когда говорят: «*накаркаешь*». А раз суеверие, значит, никакого вреда никому не будет. Ну кому вред? Никому. *Т. Набатникова, Каждый охотник.* Еле сдерживаясь, она объявила, что не желает больше слушать этого *карканья*. Она совершенно убеждена, что никаких ужасов не произойдет. *Стругацкие, Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.*

◊ **Гаркнуть** — громко, резко, неожиданно крикнуть; основано на представлении о звуках, которые издает **В**.

Сейчас, сейчас мы их возьмем, понял я, и мои силы удесятерились. Я поравнялся с Фандориным и *гаркнул*: — А ну дорогу! *Б. Акунин, Коронация.* Комната на удивление дружно *гаркнула* «Так точно». — Черти, — улыбнулся Тимошевский, но явно был польщен. Подчиненных как ветром сдуло. Комната опустела. *О. Андреев, Вокзал.* Мой Ласовский умеет языки развязывать. Как *гаркнет* — мне и то не по себе делается. *Б. Акунин, Коронация.*

Ворóна — в древнейших представлениях **В**. и *вóрон* предстают как единый мифологический образ (см. *Вóрон*) (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека (3).

1. В фольклоре и авторских баснях В. предстает в комическом виде: она глупа, хвастлива, тщеславна, падка на лесть (*Н. А. Крылов, Ворона и лисица*).

2. Бытует представление о В. как о птице глупой, неуклюжей, неряшливой и в то же время хищной и агрессивной. В. — шумные птицы, они часто сбиваются в стаи. Существует поверье, что В. каркают к дождю.

3. Современные русские могут назвать **вороной** человека невнимательного, нерасторпного (синонимами выступают *растяпа, разиня*).

Да ты набирай воду, не сумлевайся. Только на пол не лей, *ворона*. Видишь, порог заплескал. *Б. Пастернак, Доктор Живаго*. Почему это я — старая стреляная *ворона*, углядел «западно-нордическую внешность» в заурядно, простоватом, пусть и достаточно приятном, но совершенно русском лице эквилибриста, — просто не укладывалось у меня в голове. *В. Кунин, Русские на Мариенплац*. [N. обнял знакомого, незаметно вытащил у него из кармана портсигар и сунул себе в карман. Попрощался и ушел. На улице вынул портсигар, достал сигарету и закурил.] «*Ворона!*» К/ф «*Джокер*»

В современном русском языке существует целый ряд слов и выражений, связанных с **вороной**.

◇ **Белая ворона** — характеристика человека, разительно отличающегося от других, противостоящего другим по какому-либо признаку; основано на оппозиции «белое — черное».

Среди этих 28 тысяч [верой и правдой служащих американскому обществу] Хансен, безусловно, был *белой вороной*. Для своих. *МК, 2001*. Игорь Литвак был *белой вороной* в кинематографических кругах. Он славился тем, что был предан своей семье, обожал четырех детей и толстую некрасивую жену и ни разу за двадцать лет работы в кино не был замечен ни в каких даже подобиях флирта. *А. Маринина, Черный список*. — Значит, куришь Виктор? — спросил Бессонов... — Мне восемнадцать, отец. В училище все курили. Я не могу быть *белой вороной*. *Ю. Бондарев, Горячий снег*. Чувствуя себя *белой вороной*, ибо ему, в отличии от остальных, были до лампочки и присутствующие светила, и победы конверсии... Турецкий неуверенно терся в задних рядах... *Ф. Незнанский. Кто правит бал*.

◇ **Проворонить** — пропустить, не заметить из-за собственной невнимательности.

Подойдя к дому, заметила пробивающийся снизу, из подвала, слабый свет. Огонек дрожал в вентиляционном окошке, и сердце упало: значит, *проворонила* его. Там он, вернулся. *Л. Юзефович, Костюм Арлекина*. — Анастасию увезли в Париж. — А этот де Брильи не промах. *Проворонили* красавицу.» к/ф *Гардемарины, вперед!* — Возможно, от нашей сегодняшней бдительности будут зависеть жизни многих людей, — вошел в роль оратора полковник Чернов. — Это же всегда цепочка. Мы здесь *проворонили*, а так обострится конфликт. И разбираться пошлют желторотых мальчиков. *О. Андреев, Вокзал*.

◇ **Считать [ловить] ворон** — быть невнимательным, думать о чем-то постороннем, отвлекаться на посторонние вещи; бездельничать.

Ну что ж, коли нет других путей, иди в партизаны и во всем положишься на Петровича. И постарайся в ближайшие дни *ворон не считать*. *Ф. Незнанский, Ищите женщину!* — Дрыхнешь там! *Ворон ловишь!* — вышел из себя Санька и, подпрыгнув, ухватил Девяткина за ногу и стащил его на землю. *А. Мусатов, Стожары*.

ЗМЕЯ́ — относится к числу древнейших мифологических образов (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека, предмета, ситуации и т. д. (3).

1.3. — один из ключевых персонажей в системе представлений о животном мире, отражает основные характерные особенности гадов. З. неоднозначный персонаж: она сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику, отрицательное и положительное начала (*Жена да муж — змея да уж*, см. *В. И. Даль*); она ядовита и целебна. З. — и нечистая тварь, и источник зла, но в то же время она может помогать человеку. В Библии З. выступает как олицетворение сатаны (Быт. III: 1 и след.; II Кор. XI: 3; Откр. XII: 9, 14, 15), отличается хитростью (Мф. X: 16), злобой (Мф. XXIII: 33), свирепостью (Пс. LVII: 5; Притч. XXIII: 32) и коварством (Быт. XLIX: 17). Однако отправиться в пустыню Моисею помогает жезл, превратившийся в змею и обратно.

2. З. холодна, лишена эмоций и добрых чувств, обладает магическим взглядом немигающих глаз, который завораживает жертву и вызывает ее оцепенение.

Бытует представление о необыкновенной живучести З.: убитая З. якобы может оживать. Это представление восходит к физиологической особенности змеи (периодически сбрасывает кожу). Бытующее о З. представление помещает яд в змеиный язык — *жалю* (< жалить), который и считается смертельно опасным. Готовясь к падению, З. издает звуки, похожие на шипение.

Под влиянием христианства З. приписывается нечистая, дьявольская природа. З. коварна, мстительна, неблагодарна и опасна, может нанести неожиданный удар (*пригрел змею на своей груди, змея подколодная*).

Иногда З. приписывается мудрость (*И жало мудрыя змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой, А. С. Пушкин*).

3. Современные русские могут обращаться к образу З. при характеристике:

> коварного человека, способного на предательство, холодного, расчетливого:

Мне самому понравилось, что я так спокойно, осторожно ответил, и с этой минуты все мое волнение как рукой сняло. Я стал холоден, любезен и хитер, как змея. *В. Каверин, Два капитана*. О, Робин Гуд! Отправить его на виселицу — предел моих мечтаний! Но он осторожен, как заяц, и хитер, как змея. *Л. Филатов, Большая любовь Робин Гуда*. — Ты мою просьбу безмолвную — в Арарат не ездить — протлично поняла и головой кивнула, руку мне поцеловала. Это ли не клятва, змея ты вероломная? — Змея, как есть змея... *Б. Акунин, Пелагия и Черный Монах*. Киреев выразил уверенность, что мерзавцы в самое ближайшее время будут пойманы и наказаны. Спросил о самочувствии. «Ах, ты, змея, змея, — косясь на него, думал Шварц. — Мало я вам потворствовал?» *Ф. Незнанский, Сибирский спрут*. ... с первого взгляда прикипела Инеска к синеглазенькому, белозубенькому всей душой, втрескалась ужасней, чем шестнадцать годков в парикмахера Жоржика, чтоб тому рожу смазливую перекосило, змею подлому, если, конечно, не спился еще всмерть. [...] Глашка, девка собой видная, хоть, на строгий Инескин взгляд, нечисто себя содержащая... [...] ... на Эрастика так уставилась, так зенками обшарила, бестыжая, что на душе у Инески стало беспокойно. [...] Глашка лоб перекрестила и прямо сразу, еще руки не опустив: — А вы, сударь, для дела интересуетесь или так, вообще? И глазом, змея, поигрывает. *Б. Акунин, Декоратор*. «Подозреваемую в убийстве... — повторила про себя женщина. — Уж не ту ли молодую красавицу, которую Маяковский этим утром привез к себе? Так, кроме нее, у

него сегодня вроде никого и не было... Значит, эта *змеюка* и застрелила жильца. Хорошо еще, что сбежать не успела. Ну ничего, следователи ее выведут на чистую воду. От правосудия она не отвертится...» *АиФ*, 2001. Ну и резв этот Платонов! Надо же, раздобыл-таки все акты, накладные, счета, экспертизы. Вот *змея*! Ну ничего, недолго ему гулять на свободе. *А. Маринина, Шестерки умирают первыми.*

- У человека по его недоброму, злобному отношению к окружающему миру; при этом может подразумеваться, что этот человек потенциально опасен, готов к нападению (*не язык, а змеиное жало; ну, зашипела, [как] змея*):

— Да говори ты, черт с тобой, только не брызгай своим *ядом* во все стороны. — Я попробую, милый, хотя ничего обещать не смогу: это у меня процесс неконтролируемый — могу *ужалить*, сама того не заметив. Причем смертельно. *М. Юденич, Стремление убивать.* Варя обернулась и скорчила гримасу, уверенная, что за непривычной любезностью подполковника немедленно последует какой-нибудь *змеиный укус*. *Б. Акунин, Турецкий гамбит.* Диана порывисто поднялась, шепот из обволакивающего стал резким, словно *шипение обозленной змеи*... *Б. Акунин, Статский советник.* Шайка верных шакалов, как всегда, окружала главаря, и тихий голос его обрамлен был их свистящим *змеиным шипением*. *М. Юденич, Стремление убивать.*

- У человека по его поведению в определенных ситуациях, соотносимому с поведением змеи (змея гибка и изворотлива; обладает «способностью» «гипнотизировать» свою жертву):

Настя кричала, извивалась, *как змея*, но мучительницы ни на секунду не ослабляли хватки. *Караван историй, 2001.* Ну что ты на меня так смотришь? Хватит уже меня гипнотизировать, тоже мне *змея* нашлась! На меня это не подействует, ты же знаешь. (*реч.*)

- У внешности человека, предмета, чувства или ситуации, предвещающих опасность:

Неправильный череп, неправильный приплюснутый нос, неправильные хищно вывороченные ноздри; неправильные, слишком темные губы, извивающиеся как *змеи*... *В. Платова, Купель дьявола.* Дежурный секретарь ждала на пороге приемной. Она была так напугана, что не произнесла ни слова, только кивнула на телефонную трубку, ожидавшую на столе, рядом с аппаратом. Та вдруг показалась *Ирине змеей*. Перекрученный шнур сожился совершенно *змеиными кольцами*, а плавно изогнутый корпус был головой. Мерзкая тварь ловко притворялась неодушевленным предметом. Но хищная *пасть* уже *полнилась смертельным ядом* — *змея* терпеливо дождалась, когда ее возьмут в руки. *М. Юденич, Стремление убивать.* И в сердце ее холодной скользкой *змежкой* заползла тревога. *М. Юденич, Стремление убивать.*

- У ситуации, которая вызывает ассоциации с одним из проявлений змеи:

Он [Прохор] начал записывать на галере, которая везла их на Патмос, мечущегося в бреду Иоанна, с которого *кожа слезала, как со змеи*. *Стругацкие, Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.*

В современном русском языке существует целый ряд выражений, связанных со *змеями*.

- ◇ **Змея подколодная** — характеристика человека коварного, неблагодарного, опасного; при этом может подразумеваться, что этот человек способен совершать злонамеренные и тающие в себе неожиданную опасность поступки.

Это все ты! Ты, *змея подколодная!* Ты наговорил! Сжить нас со свету хочешь! Что мы тебе сделали? Что? *В. Тендряков, Не ко двору.* — *Змея подколодная,* — подумал он о

руководителе РУБОПа генерале Кирееве. — Не добили, так пришел руки умыть, сочувствие выразить. *Ф. Незнанский, Сибирский спрут*. Лариосика постиг ужасный удар... Милочка Рубцова, на которой, как вы знаете, он женился год тому назад, оказалась *подкольной змеей* [М. Булгаков, *Белая гвардия*].

◇ **Зеленый змий** — персонификация алкоголя, алкогольной зависимости.

Я ведь сам только тех анатомирую, кто на особом контроле, а так Грумов ковыряется. Паки с *зеленым змием* дружен, аспид. Пишет в заключении с пьяных глаз что Бог на душу положит. *Б. Акунин, Декоратор*. Для российского бизнеса характерна еще одна черта — «деловое» пьянство. Люди, которые ни с кем не пьют, в бизнесе малоуспешны. Но никакую нормальную жену не устроит дружба ее благоверного с *«зеленым змием»*. *АиФ, 2001*. А ступая по скрипучим половицам этого дома, я топтал древние паласы, возможно, даже сотканые руками эльфов в те славные времена, когда бедняги еще не начали вдохновенно приобщаться к культуре *«зеленого змия»*... *М. Фрай, Темная Сторона*.

◇ **Змей [змий]-искуситель** — 1) характеристика человека, уговаривающего собеседника совершить какой-либо поступок, обещая вознаграждение и/или различные блага; 2) характеристика мужчины-соблазнителя; восходит к Библейскому дискурсу (сцена в раю).

«Но я проявил предусмотрительность, захватил с собой лосьон из экстракта турецкой ромашки. Видите — загар ровный, а веснушек совсем нет.» И подставил, *змей-искуситель*, добропорядочной женщине свое смазливое личико. *Б. Акунин, Левиафан*. — Вы никогда не хотели переехать отсюда, попробовать себя в какой-нибудь иностранной фирме? — Нет. Я не думала об этом. Но Вы сказали, и мне почему-то захотелось... А Вы *змей-искуситель*. *Х/ф «Воровка»*.

◇ **Мудрый [премудрый] змей, мудрый как змий** — характеристика человека, отличающегося умом, владеющего особыми знаниями и т. д.; восходит к Библейскому дискурсу {*Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби, Лук. X: 16*}.

— Но каким образом? — Сейчас объясню, — улыбнулся Леонтий Натанович, этакий простодушный, но *мудрый змей*. *Ф. Незнанский, Ищите женщину!* «Поезжайте еще раз туда, — продолжал Шелест. — Но будьте *мудры, как змий*. Плените, очаруйте там одного человека, и, я уверен, дело пойдет.» *А. Бек, Жизнь Берез/скова*. Конверт был ненадписанный и даже незаклеенный. «Это чтоб ты не тратил время на покупку нового... Все равно ведь прочтешь.» Ничего-то от него, *премудрого змея*, не утаишь. *Б. Акунин, Любовник Смерти*.

◇ **Пригреть змею на груди** — оказывать помощь, покровительство человеку коварному, считать его своим другом и испытать вследствие его предательства глубочайшее разочарование.

— По-моему, более чем достаточно для того, что любой суд присяжных отправил голубчика на гильотину. Инспектор Джексон внезапно качнул головой и буркнул: — To the gallows. — Нет, на виселицу, — перевел Ренье. Ах, англичанин, черная душа! Вот *пригрел змею на груди!* — Но позвольте, — закипятился Гош. — Следствие вела французская сторона. Так что парень пойдет на гильотину. *Б. Акунин, Левиафан*. — Катастрофа, ваше превосходительство, — констатировал ряженный. — Миллион пропал. [...] — Ерунда, — махнул Караченцев. — В миллионе ли дело? [...] Надо же, как интересно все сложилось-то. Ну-с, теперь и нашему Юрию Долгорукому конец. *Пригрел на груди гадюку*, да как сердечно! *Б. Акунин, Смерть Ахиллеса*.

КОТ — относится к числу типичных русских мифологических образов (см. *кошка*) (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека (3).

1. В фольклоре К. выступает в первую очередь как животное, связанное со сном (например, Кот-Баюн, многие народные колыбельные), и как персонаж сказок («*Кот и Петух*»).

2. К. вальяжен, исполнен собственного достоинства и «ленив» в движениях. Вместе с тем он ловок и быстр в нападении. Обладает независимым характером, сексуально активен, особенно весной (*мартовский кот*). К. — хищник по своей природе, но его охота часто превращается в азартную «игру».

3. Современные русские могут обращаться к образу К. при характеристике:

➤ мужчины, следящего за своей внешностью, старательно демонстрирующего свою сексуальную неотразимость, уверенного в себе, во внешности которого выступают черты этого животного:

В коридоре послышались тихие шаги. Я обернулся и увидел Фандорина. Он был в домашней венгерской куртке с шнурами, с сеточкой на волосах, в войлочных туфлях. Весь гладкий, мягко ступающий, с мерцающими в полутьме глазами — ну чисто *кот*. *Б. Акунин, Коронация*. — Этот Тифлис... — пробормотал Мандельштам. — Даже не смотря на вездесущую морду *кота*... — Он без всяких осторожностей ткнул пальцем в направлении портрета усатого вождя. *В. Аксенов, Московская сага*. Ответьте мне, если не трудно, на чисто литературный вопрос: это ваше нетерпение — оно заведомо профессиональное или, как бы это... мужское? Очень у вас вид возбужденный... взерошенный, что ли. *Какуюкота*... узревшего мышь. *Ф. Незнанский, Ищитеженщину!* Хиллари влюбилась в Билла по уши, а он был доволен собой, как *кот*, проглотивший канарейку. *Караван историй, 2001*. Гардеробщик дядя Леша приблизился к двери — высокомерный и значительный, как сенатор. Он смотрел безо всякого интереса, как кастрированный перекормленный *кот*. *В. Токарева, Ехалгрека*... Все шестнадцать филеров были выстроены вдоль стены длинного коридора, а коллежский ассессор мягко, словно огромный *кот*, прохаживался вдоль шеренги... *Б. Акунин, Статский советник*.

➤ поведения человека или его действий, напоминающих поведение этого животного; при этом может подразумеваться способность к мгновенной атаке, неожиданному нападению, быстрой реакции:

Сенька уж наготове был. Подскочил, *будто кот на воробья*, ухватил узелок и ка-ак припустит вдоль по переулку. *Б. Акунин, Любовник Смерти*. — ... и жирное приданое приобрели, и свободу соблюли. Тонко сработано! Поздрав... Он не договорил, потому что Эраст Петрович очень ловко, *как кот лапой*, смазал ему ладонью по пухлым губам. *Б. Акунин, Турецкий гамбит*. Завидев в отверстиях [почтового] ящика что-то белеющее, он бросался на добычу, *как кот на шорох* в углу. Вырывал из ящика, поворачивал к себе лицом — нет, опять всего лишь от Нины из деревни. Что ему письмо от Нины! *Г. Набатникова, Каждый охотник*. — Его уже с утра какие-то люди спрашивали, а я и не знаю, что им сказать. Вчера был, а сегодня пропал куда-то. Сама в догадках теряюсь. — Ничего, найдется, — бодро утешил я ее. — Мы, мужики, *как коты*: погуляем и домой возвращаемся. *А. Маринина, Черный список*.

В современном русском языке есть целый ряд выражений, связанных с **КОТОМ**.

руководителе РУБОПа генерале Кирееве. — Не добили, так пришел руки умыть, сочувствие выразить. *Ф. Незнанский, Сибирский спрут*. Лариосика постиг ужасный удар... Милочка Рубцова, на которой, как вы знаете, он женился год тому назад, оказалась *подкольной змеей!* *М. Булгаков, Белая гвардия*.

◇ **Зеленый змий** — персонификация алкоголя, алкогольной зависимости.

Я ведь сам только тех анатомирую, кто на особом контроле, а так Грумов ковыряется. Паки с *зеленым змием* дружен, аспид. Пишет в заключении с пьяных глаз что Бог на душу положит. *Б. Акунин, Декоратор*. Для российского бизнеса характерна еще одна черта — «деловое» пьянство. Люди, которые ни с кем не пьют, в бизнесе малоуспешны. Но никакую нормальную жену не устроит дружба ее благоверного с *«зеленым змием»*. *АиФ, 2001*. А ступая по скрипучим половикам этого дома, я топтал древние паласы, возможно, даже сотканые руками эльфов в те славные времена, когда бедняги еще не начали вдохновенно приобщаться к культуре *«зеленого змия»*... *М. Фрай, Темная Сторона*.

◇ **Змей [змий]-искуситель** — 1) характеристика человека, уговаривающего собеседника совершить какой-либо поступок, обещая вознаграждение и/или различные блага; 2) характеристика мужчины-соблазнителя; восходит к Библейскому дискурсу (сцена в раю).

«Но я проявил предусмотрительность, захватил с собой лосьон из экстракта турецкой ромашки. Видите — загар ровный, а веснушек совсем нет.» И подставил, *змей-искуситель*, добропорядочной женщине свое смазливое личико. *Б. Акунин, Левиафан*. — Вы никогда не хотели переехать отсюда, попробовать себя в какой-нибудь иностранной фирме? — Нет. Я не думала об этом. Но Вы сказали, и мне почему-то захотелось... А Вы *змей-искуситель*. *Х/ф «Воровка»*.

◇ **Мудрый [премудрый] змий, мудрый как змий** — характеристика человека, отличающегося умом, владеющего особыми знаниями и т. д.; восходит к Библейскому дискурсу (*Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби, Лук. X: 16*).

— Но каким образом? — Сейчас объясню, — улыбнулся Леонтий Натанович, этакий простодушный, *по мудрый змий*. *Ф. Незнанский, Ищите женщину!* «Поезжайте еще раз туда, — продолжал Шелест. — Но будьте *мудры, как змий*. Плените, очаруйте там одного человека, и, я уверен, дело пойдет.» *А. Бек, Жизнь Бережкова*. Конверт был ненадписанный и даже незаклеенный. «Это чтоб ты не тратил время на покупку нового... Все равно ведь прочтешь.» Ничего-то от него, *премудрого змея*, не утаишь. *Б. Акунин, Любовник Смерти*.

◇ **Пригреть змею на груди** — оказывать помощь, покровительство человеку коварному, считать его своим другом и испытать вследствие его предательства глубочайшее разочарование.

— По-моему, более чем достаточно для того, что любой суд присяжных отправил голубчика на гильотину. Инспектор Джексон внезапно качнул головой и буркнул: — To the gallows. — Нет, на виселицу, — перевел Ренье. Ах, англичанин, черная душа! Вот *пригрел змею на груди!* — Но позвольте, — закипятился Гош. — Следствие вела французская сторона. Так что парень пойдет на гильотину. *Б. Акунин, Левиафан*. — Катастрофа, ваше превосходительство, — констатировал ряженный. — Миллион пропал. [...] — Ерунда, — махнул Караченцев. — В миллионе ли дело? [...] Надо же, как интересно все сложилось-то. Ну-с, теперь и нашему Юрию Долгорукому конец. *Пригрел на груди гадюку*, да как сердечно! *Б. Акунин, Смерть Ахиллеса*.

КОТ — относится к числу типичных русских мифологических образов (см. *кошка*) (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека (3).

1. В фольклоре К. выступает в первую очередь как животное, связанное со сном (например, Кот-Баюн, многие народные колыбельные), и как персонаж сказок («*Кот и Петух*»).

2. К. вальяжен, исполнен собственного достоинства и «ленив» в движениях. Вместе с тем он ловок и быстр в нападении. Обладает независимым характером, сексуально активен, особенно весной (*мартовский кот*). К. — хищник по своей природе, но его охота часто превращается в азартную «игру».

3. Современные русские могут обращаться к образу К. при характеристике:

➤ мужчины, следящего за своей внешностью, старательно демонстрирующего свою сексуальную неотразимость, уверенного в себе, во внешности которого выступают черты этого животного:

В коридоре послышались тихие шаги. Я обернулся и увидел Фандорина. Он был в домашней венгерской куртке с шнурами, с сеточкой на волосах, в войлочных туфлях. Весь гладкий, мягко ступающий, с мерцающими в полутьме глазами — ну чисто *кот*. *Б. Акунин, Коронация*. — Этот Тифлис... — пробормотал Мандельштам. — Даже несмотря на вездесущую морду *кота*... — Он без всяких осторожностей ткнул пальцем в направлении портрета усатого вождя. *В. Аксенов, Московская сага*. Ответьте мне, если не трудно, на чисто литературный вопрос: это ваше нетерпение — оно заведомо профессиональное или, как бы это... мужское? Очень у вас вид возбужденный... взерошенный, что ли. Как *укота*... узревшего мышь. *Ф. Незнанский, Ищите женщину!* Хиллари влюбилась в Билла по уши, а он был доволен собой, как *кот*, проглотивший канарейку. *Караван историй, 2001*. Гардеробщик дядя Леша приблизился к двери — высокомерный и значительный, как сенатор. Он смотрел безо всякого интереса, как кастрированный перекормленный *кот*. *В. Токарева, Ехал грека*... Все шестнадцать филеров были выстроены вдоль стены длинного коридора, а коллежский ассессор мягко, словно огромный *кот*, прохаживался вдоль шеренги... *Б. Акунин, Статский советник*.

➤ поведения человека или его действий, напоминающих поведение этого животного; при этом может подразумеваться способность к мгновенной атаке, неожиданному нападению, быстрой реакции:

Сенька уж наготове был. Подскочил, *будто кот на воробья*, ухватил узелок и ка-ак припустит вдоль по переулку. *Б. Акунин, Любовник Смерти*. — ... и жирное приданое приобрели, и свободу соблюли. Тонко сработано! Поздрав... Он не договорил, потому что Эраст Петрович очень ловко, *как кот лапой*, смазал ему ладонью по пухлым губам. *Б. Акунин, Турецкий гамбит*. Завидев в отверстиях [почтового] ящика что-то белеющее, он бросался на добычу, *как кот на шорох* в углу. Вырывал из ящика, поворачивал к себе лицом — нет, опять всего лишь от Нины из деревни. Что ему письмо от Нины! *Т. Набатникова, Каждый охотник*. — Его уже с утра какие-то люди спрашивали, а я и не знаю, что им сказать. Вчера был, а сегодня пропал куда-то. Сама в догадках теряюсь. — Ничего, найдется, — бодро утешил я ее. — Мы, мужики, *как коты*: погуляем и домой возвращаемся. *А. Маринина, Черный список*.

В современном русском языке есть целый ряд выражений, связанных с **КОТОМ**.

О Как кот на сметану [смотреть], как кот перед миской с молоком — испытывать неодолимое желание получить что-либо; смотреть на вожаемый предмет, выдавая взглядом свои чувства.

Сэр Джуффин Халли встретил нас чуть ли не облизываясь. Он *смотрел* на капитана Гьяту, как голодный кот на сметану. Поначалу допрос показался мне невероятно скучным. *М. Фрай, Лабиринт (Чужак)*. Околович плотоядно улыбался, как кот перед миской с молоком. От этой его улыбки Светлану передернуло, когда-то он и на нее саму так смотрел... *А. Маринина, Когда боги смеются*.

◇ (Как) мартовский кот [кошка] орать [кричать, вопить]; кошачий концерт (устраивать) — издавать крайне неприятные, громкие звуки; основано на том, что коты (и кошки) привлекают внимание сексуального партнера с помощью «душераздирающих» воплей (обычно наблюдается в весенний период, особенно — в марте).

Что вы *орете как мартовские коты!* Двенадцать ночи, между прочим! Прекратите немедленно! (*реч.*) — Ну как тебе концерт? — Ужас! Если это и *концерт*, то *кошачий*. Слушать это просто невозможно. (*реч.*) Так продолжалось чуть ли не год, а потом ей выделили комнатенку в клубе, и она совсем уже отделилась от лагерной массы, то есть стала «придурком» самой высшей категории. Иногда, впрочем, после размолвок или перед инспекцией ее снова отправляли в барак, где блатнячки встречали ее *кошачьим концертом*. Потом милости возвращались. *В. Аксенов, Московская сага*.

◇ Кот в мешке — нечто совершенно неизвестное и потому вызывающее недоверие, опасение (о человеке, предмете и под.).

— Когда меня выбрали председателем, ты голосовал за меня, Устин Михайлович? — Нет, воздержался! С чего бы это я стал за тебя голосовать? Тебя привезли, *каккота в мешке*... — Я сам приехал. — Все едино, приехал *кот в мешке*, так с какой же стати я бы «за» голосовал, не зная, что ты за фигура! *М. Шолохов, Поднятая целина*. ... гораздо дешевле запустить в России проект, благополучно обкатанный на заграницу и заведомо прибыльный, чем финансировать «кота в мешке». *АиФ, 2001*. До сих пор мы не знаем, какой объем средств получит Россия за эту опасную затею. Цифры, которые называются, подвергаются серьезному сомнению даже специалистами Минатома. В этой ситуации голосовать за опасного *кота в мешке* мы не будем. *Сегодня, 2001*.

◇ Кот наплакал — ничтожно мало.

Практика показывает, что прав у переселенцев — *кот наплакал*. *МК, 23. 2001*. Работы от утра до ночи, а толку мало... Денег — *кот наплакал*. *А. Чехов, Письмо М. В. Киселевой*. Говоришь — привез хлеб? Ну, значит, подействовало... Сорок два пуда семенного — это тебе не *кот наплакал*. *М. Шолохов, Поднятая целина*. Ответ Товстухи: «Отношусь скептически... материалов... пока *кот наплакал*... Архивные источники бедны, ничего не дают». *Э. Радзинский, Сталин*.

◇ Коту под хвост — насмарку; впустую (ср.: *псу под хвост* — см. *собака*):

— Давай короче, кого я должен охранять? Тебя, ее или ее квартиру? — Только два объекта: квартиру — это немедленно, и меня, поскольку я буду рядом с Дусей. Иначе вся наша с тобой операция пойдет *коту под хвост*... *Ф. Незнанский, Ищите женщину!* И вот сейчас Настя смотрела на Иришу Королеву и понимала, что совсем не знает ее. Что должно было произойти с ней, чтобы после пяти лет каторжного труда, когда приходилось разрываться между учебой и семьей, пустить все *коту под хвост* и не заниматься юриспруденцией? Ради чего были все эти жертвы? *А. Маринина, Шестерки умирают первыми*. На Баренцевом море начнутся осенние шторма, тогда никакие тех-

нологии не помогут. Уже сейчас там 2—3 балла. Будет четыре, вся работа *коту под хвост*. МК-Балтия, 2001. Так что если бы не вы, то вся операция *коту под хвост*. Ф. Незнанский, *Кто правит бал*. [Герой «охотится» через «щель между Мирами» за сигаретами:] — Ох, вот она, моя дорогая, пошло дело... Опаньки! — Я быстро извлек руку из-под подушки и внимательно изучил добычу. — Грешные Магистры, только этого мне не хватало. (У меня в руке оказалась совершенно целехонькая самокрутка с марихуаной...) — Черт! — обиженно сказал я. — Столько стараний *коту под хвост!* МаксФрай, *Лабиринт (Чужак)*.

◇ **Мышей не ловить** — см. *кошка*:

Фролкин — во главе фирмы. Ему давно все надоело. Он как старый перекормленный кот, который *не ловит мышей*. Ленъдвигаться. В. Токарева, *Всё нормально, всё хорошо*.

◇ **Тянуть кота за хвост** — тянуть время, излишне медленно делать что-либо.

Степанов добавил еще, что время «руководства» тоже надобно уважать. С короткой улыбочкой Богословский подтвердил Владимиру Афанасьевичу, что нечего *тянуть кота за хвост*, пора закругляться. Ю. Герман, *Я отвечаю за все*. Валерия и вправду была умной: долго *кота за хвост не тянула*. С. Абрамов, *Требуется чудо*. — Так что, Виктор Андреевич, может все-таки зайдете на пару минут? Уверяю, не пожалеете. — Некогда мне, Тимошевский. — Ну хорошо. Раз гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе. — Ларин без лишних слов повесил трубку. «Любит этот Тимошевский *тянуть кота за хвост*, — с раздражением подумал он о начальнике линейного отдела милиции. — Что он там мне за свинью подсунуть хочет? Сюрприз, говорит...» О. Андреев, *Вокзал*.

КОШКА — относится к числу типичных русских мифологических образов (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека (3).

1. К. не является типичным сказочным персонажем, однако в колыбельных образ К. представлен достаточно широко (см. *кот*). В народных представлениях наделяется двойственной символикой и различными демоническими функциями. В народной традиции К. чаще всего связана с *собакой*, объединяясь с ней по одним признакам и противопоставляясь ей по другим. Например, К. и собака сопоставляются по принципу женский — мужской {*Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе*, В. И. Даль}. Считается плохой приметой, если К. перебежит дорогу. По поверьям, нечистая сила может принимать облик К., особенно черной. К. связана с духами (см. *домовой*). Существует традиция при переезде в новый дом первой запускать в него К.

2. К. — существо домашнее, «уютное», может показывать свое расположение, быть ласковой (*ластится как кошка*), но в то же время это гордое, самостоятельное и независимое от хозяина животное.

К. обладает необыкновенной ловкостью и пластичностью, отличается живучестью: может упасть с огромной высоты и не разбиться (*заживает как на кошке*). Она бесшумно передвигается, быстра в нападении. Часто превращает охоту в «развлечение», подолгу играя с пойманной мышью: то выпуская, то снова ловя ее.

Как и кот, К. отличается сексуальной активностью. В расслабленном состоянии, получая удовольствие от чего-либо, она издает тихие, мелодичные, утробные звуки (*мурлычет*).

3. Современные русские могут обращаться к образу К. при характеристике:

- человека, во внешности которого обнаруживаются «кошачьи» черты:

Смуглая, с зелеными, чуть раскосыми, совершенно *кошачьими глазами*, густыми темными ресницами, роскошной медно-рыжей шевелюрой, она была настоящей красавицей. *М. Юденич, Стремление убивать*. Думаю, что те ребята, которых я за шиворот приволокла в Холоми, или туда, откуда еще труднее убежать... — ее улыбка стала улыбкой *сытой кошки*, — они подтвердили бы вашу правоту, сэр Макс, если бы смогли... *Макс Фрай, Лабиринт (Чужак)*.

- человека с независимым характером, свободолюбивого:

Правда, говорят, что английские дворецкие служат не господину, а дому — наподобие *кошек*, привязываются не столько к человеку, сколько к стенам. *Б. Акунин, Коронация*. Ну, что вы! Мария очень красивая девочка. Правда, нрав у нее, как у *дикой кошки*. Но, надо думать, с годами это пройдет. *Л. Филатов, Большая любовь Робин Гуда*.

- человека, отличающегося живучестью, умеющего приспосабливаться к новым условиям, справляться с любыми ситуациями:

Это мне надо обладать *живучестью кошки*, которую с какого этажа ни скинь, все на ноги — чтобы жить с ним продолжать. *Т. Набатникова, Каждый охотник*. Она по виду как мертвая была, белая вся, но полежала, отогрелась и опять хоть бы что ей. Живехонькая. За такую *кошачью живучесть* прозвали ее Живая, а иные называли Бесмертной... *Б. Акунин, Любовник Смерти*. Я поняла, что *живуча как кошка*. Моя способность адаптироваться в новых условиях была бесподобной. *Е. Маркова, Чужой звонок*. — Впрочем, сказал Рита, — я и в самом деле *живучая, как кошка*. [...] У меня от переживаний не то что, а даже аппетит не пропадал *Т. Набатникова, Каждый охотник*. Прошло два месяца. Благодаря Ясиной *кошачьей приспособляемости* и врожденной деликатности она не только заняла угловую комнату, но сверх того определилась в семье в статусе полуродственницы. *Л. Улицкая, Сонечка*.

- человека, действия которого напоминают движения кошки (например, столь же бесшумны, быстры, грациозны); *реже* — чувств, эмоций, памяти, которым приписываются те же качества:

Иван Дмитриевич протянул ей пятак, она выхватила монетку и исчезла *бесшумно, как кошка*. *Л. Юзефович, Костюм Арлекина*. Повернулся *по-кошачьи, мякю*, да и вышел вон. *Б. Акунин, Любовник Смерти*. ... Евстратий Петрович в несколько *мягких, кошачьих шажков* ретировался к стеночке... *Б. Акунин, Статский советник*. Она влюбилась в его *мягкие кошачьи манеры* и какую-то удивительную ласковость... *Караваев историй, 2000*. — Мы решили сказать все, хотя это вам ничего не даст. А теперь мы уйдем. — И три старухи с *грацией молодых кошек* исчезли за дверь. *Макс Фрай, Лабиринт (Чужак)*. Пора! Прошел мимо окошка не спеша и коротко так, *как кошка лапой*, в форточку [кинул] бульбу [бомбу]. *Б. Акунин, Статский советник*. — А я, — спокойно улыбнулся Иван Дмитриевич, — не приму ваш вызов. — Ах, так? — Внезапным *кошачьим движением* поручик ухватил его за нос. *Л. Юзефович, Костюм Арлекина* Человек на картине пришел в движение. Он хищно подкрался к окну, *кошачьим движением* швырнул наружу «лимонку» и бросился животом на пол под подоконник. *Стругацкие, Отягощенные злом, или Сорок лет спустя*. Шефа нигде не было. Зато у стены валялся маленький черный «герсталь». Фандорин прямо с четверенек прыгнул на него *кошкой*, впелся и завертел головой во все стороны. *Б. Акунин, Азazel*. Ума не приложу, как эта девица умудрилась прорваться сквозь цепь охранников! Прыгну-

ла в машину прямо *как кошка*. Я такого никогда не видел... *Караван историй, 2001*. Бельэтаж был высокий, но отчаянная прыгунья приземлилась в снег с *кошачьей ловкостью*, даже не упала. *Б. Акунин, Пиковый валет*. Роберто умел действовать на нее гипнотически: в одну минуту из разъяренной фурии она превращалась в *ласковую домашнюю кошечку* — и наоборот. *Караван историй, 2001*. У меня очень скверный характер — могу так ответить, что любому режиссеру мало не покажется. Вот и с Эльдаром Александровичем *выпустила когти*. *Караван историй, 2001*. Память *цепкой кошачьей лапкой* копалась в ушедших днях и вдруг, нащупав что-то, в ужасе отпрянула... Опять эти страшные воспоминания! *Караван историй, 2001*.

- поведения человека, которое вызывает ассоциации с «игрой» К. с ее жертвой:
- Помните, камердинер говорил, что князь держал револьвер в ящике туалетного столика возле кровати. Зачем? Военная привычка? Или все же кого-то он боялся? — Да-да, — покивал Певцов, — я сам об этом подумал. — С другой стороны, — улыбнулся Иван Дмитриевич, *играя им как кошка с мышью*, — похищен серебряный портсигар. Как вы намерены увязать пропажу с ситуацией на Балканах? — Надо провести обыск у этого Фигаро. Подозрительный малый — *Л. Юзефович, Костюм Арлекина*. Так называемые inferнальные женщины абсолютно безнравственны, они играют человеческими жизнями и судьбами, только эта игра и приносит им удовлетворение. Неужто вы не видите, что она и с вами *поиграла, как кошка с мышкой*? *Б. Акунин, Любовник Смерти*. — Вы сами видели, что это за особа. *Играет с мужчинами, как кошка с мышами*. — Да... Характерная дамочка. *Б. Акунин, Статский советник*.
- человека по его сексуальному поведению и отношению к предмету своих чувств:
- Был момент, когда Стрельников ей больше чем нравился. Да что там душой кривить, *влюблена* была *как кошка*, взгляд его ловила, вздрагивала, когда слышала его голос. *А. Маринина, Светлый лик смерти*. По природе *Я ревнива как кошка*, но самое паразитическое — на Юру это не распространялось. *Караван историй, 2001*. Каждый, кому не лень, на матрац бросить хочет, грязью душу залепить, в самое святое человеческое чувство плюют, в офицерский блиндаж вызывают, как будто по делу — страх нападает. Смотрят, словно на *блудливую кошку*. Сальности, гадости говорят, лапищи свои тянут. *«Отец Арсений», Сб. литературно-обработанных свидетельств*. *Я*, знаете ли, не святой, не ханжа, не праведник. Бывало, что женщины сами хотели меня, бывало, что набрасывались, что называется, *как кошки*. *Ф. Незнанский, Сибирский спрут*.
- поведения женщины, которое вызывает ассоциации с кошкой, выкармливающей свое потомство:

Теперь жена, достоинства которой еще год назад Оскар превозносил до небес, напоминала ему плодовитую *кошку*, которая целыми днями только тем и занимается, что вылизывает и выкармливает свое потомство. *Караван историй, 2001*. Бронька... была совершенно счастлива, играла с детьми, как *молодая кошка* с котятками, кормила младшего грудью, не отказывала иногда и старшему. *Л. Улицкая, Бронька*.

В современном русском языке существует целый ряд слов и выражений, связанных с **кошкой**.

◇ **Драная кошка** — весьма негативная характеристика женщины, сексуально активной и неразборчивой в своих связях.

С подружками у Стеньки полный лад. А Файка беспокоит. *Кошка драная*, глаза дикие, зеленые... Только свободное время — в госпиталь задравши хвост, с ранеными блудить! *А. Крашенинников, Стенька Разин*. Тебя на шпалах делали, севрюжку кровь, у

отца под самым носом. Мать твою, мокрохвостку, я во как знаю, *кошку драную*, трепаный подол! *Б. Пастернак, Доктор Живаго*. Когда погасили свет, Нина долго лежала в счастливой дреме. Все тело ее вспоминало прикосновения Сандро, и в глазах стояли его обожающие, какие-то ритуальные глаза. Язычник, смеялась она в полусне, из *драной кошки* сотворил себе кумира. *В. Аксенов, Московская сага*. Шел мокрый снег, я была в песчовой шапке, основательно вымокла и походила не на невесту, а скорее на *драную кошку*. *Караван историй, 2001*.

◇ **Играть в кошки-мышки** — вести игру, положительный исход которой в пользу того, кто ведет эту игру, заранее ему известен.

Вот что, коллега! Я бы мог, конечно, *играть с вами в кошки-мышки*, я бы мог выдумать вам наспех какую-нибудь историю... но этого я делать не хочу и не буду. *В. Беляев, Старая крепость*. [Герой обнаружил за собой слежку и подкараулил преследователя:] А хозяину передай, чтоб он больше со мной *в кошки-мышки* не играл. *Телесериал «Крот»*. Цоллингер хотел было возразить, но шеф не позволил. «*В ваши кошки-мышки вы можете играть с другими*, — строго и сухо сказал он. — Но только не с нами — старыми бойцами.» *Ю. Герман, Дорогой мой человек*. — А вам не показалось, что она знает о делах сына намного больше, чем вы? — с надеждой спросила Настя. — Я поясню подробнее, а то действительно получается, что мы с вами *в кошки-мышки играем*. *А. Маринина, Имя потерпевшего — никто*. Шли дни, возлюбленный делал вид, что полон забот, а случайно встречаясь с Жюльетт, начинал страшно суетиться и тут же куда-то исчезал. Вскоре ей так надоела эта *игра в кошки-мышки*, что девушка не вытерпела... *Караван историй, 2001*.

◇ **Как кошка с собакой** — недружно, постоянно ссорясь, в состоянии постоянной взаимной агрессии; соотносится с древнейшим противопоставлением данных животных.

Мир их почему-то не брал, и они жили *как кошка с собакой*; когда в избе становилось тесно, выскакивали во двор и крыли друг друга на всю деревню таки криком, что соседские собаки, оглядываясь, с поджатыми хвостами переходили на другую сторону улицы. *В. Распутин, Деньги для Марии*. — Вы из себя... коллектив не корчите!.. Живете *как кошки с собаками*, а туда же! *Б. Бедный, Девчата*.

◇ **Киса, киска** — ласковое обращение (обычно к ребенку или к очень близкому человеку; по отношению к малознакомому человеку может подчеркивать его/ее сексуальную привлекательность и звучать пренебрежительно); восходит к способу подзывать кошку (*кис-кис-кис*).

— Шик! — одобрил Эндлунг. — Девочки, вы просто *киски*. Пари будет наше. *Б. Акунин, Коронация*.

◇ **Котенок** — 1) характеристика человека как неопытного в чем-либо, «маленького», беззащитного и несмышленного; 2) может употребляться как ласковое обращение (обычно родителей к ребенку; входит в ряд: *лапа, зайка, малыш* и т. д.).

Ты в эту ситуацию лучше не влезай! Ты ж еще просто *котенок*. Только им-то это все равно: раздавят — и глазом не успеешь моргнуть. (*реч.*) — Ну что, *котенок*, устал? Давай-ка ложись спать, завтра рано вставать. (*реч.*)

◇ **[Как, словно] слепой котенок** — абсолютно беспомощный, нуждающийся в поддержке и содействии человека.

Просто иногда бывает немного даже обидно, когда человек, *словно слепой котенок*, тычется в разные стороны в поисках пути к истине, когда дверь, вот она, рядом, и широко открыта. [...] Тогда, может быть, мы с вами махнем туда еще разок? [...] Вы ж там все знаете, а мы — *как слепые котята*. Давайте? Туда и обратно. Ф. Незнанский, *Ищите женщину!* — Ладно, о киллерах разговор особый. Но сегодня банды с автоматами, нападают в центре Москвы на инкассаторов, убивают людей, а мы *словно слепые котята!*.. Позор! Н. Леонов, *Плата за жизнь*. Хозяин хорошо их подобрал: без него соратники — *«слепые котята»*, как он назовет их впоследствии. Э. Радзинский, *Сталин*.

◇ **Кошки скребут на душе <на сердце, по сердцу>** — испытывать муки совести, внутреннюю тревогу, тоску, чувство вины.

— Что-то я не замечал, чтоб ты так мучился, — говорю я. — Да что ты! Конечно, мучился! Это я только так, делал вид, будто мне все нипочем, а у *самогона душе кошки скребут!* Н. Носов, *Витя Малеев в школе и дома*. Она сказала, что не хитрит, что мы могли бы не ссориться, ведь не виделись целых три дня, она понимает, что *на душе* у меня *кошки скребут*, она все понимает... В. Аксенов, *Маленький Кит, лакировщик действительности*. ...*на душе* у меня впервые, как говорят в народе, *заскребла кошка*. Такого сияющего взгляда у ее высочества я не видел даже перед ее первым «взрослым» балом. Б. Акунин, *Коронация*. [Ниночка решила выйти замуж за Ермолаева] Услышав последнюю новость, Александр Сергеевич [Грибоедов] только улыбнулся и... неожиданно засобирался в Москву. У Нины *на душе кошки скребли*: дядя Сандро не спустился к ужину! *Караван историй*, 2001. Он отвернулся к стене. [...] *На сердце скребли кошки*. Лучше бы скорей на боевые... Д. Корецкий, *Татуированная кожа*. Но от такого поворота мыслей, хоть бы даже и совершенно умозрительного, у *Момусаскрежетнула по сердцу когтистой лапой черная кошка*. Он на миг представил Мимочку в объятиях пышноушого плечистого молодца... и эта картина Момусу не понравилась. Б. Акунин, *Пиковый валет*. Оказалось, что все не так уж страшно и Дарья держится намного лучше, чем представлялось Андрею, когда саднящее чувство собственной вины вдруг начинало слабо *царапать душу когтистой лапой*. М. Юденич, *Стремление убивать*.

◇ **Мартовская кошка** — см. *кот*.

Ну. Тут уж я так завопила, что Матрешка, и та проснулась. И тоже давай выть, а голосок у ней *что у мартовской кошки*. Ну, энтот повернулся и дунул. Б. Акунин, *Декоратор*.

◇ **Мурлыкать** — негромко и нежно говорить или петь, испытывая удовольствие от чего-либо.

Лицо человека было в тени, и она запомнила только голос. Говорит, мягкий, тихий, вежливый. Будто *кошка мурлычет*. Б. Акунин, *Декоратор*. Узнав в последнюю минуту о неприятности, он явился и выгнал всех из дому, после чего подмигнул Андрею Т. и устроился в соседней комнате шелестеть глазами и *мурлыкать* под нос «Ой, не гори тай жнецы жнут». *Стругацкие, Повесть о дружбе и недружбе*. Все было действительно очень здорово, жизнь казалась мне не просто сносной, а замечательной, я угрелся и расслабился, оставалось только *замурлыкать*... М. Фрай, *Волонтеры вечности*. — Что и требовалось установить, — удовлетворенно кивнул Гош и, *замурлыкав* какую-то неизвестную Клариссе песенку, вошел в салон первым, что было уже откровенным хамством. [...] — Рад, что известие о моей смерти произвело на вас такое впечатление, господин раджа, — *промурлыкал* комиссар... [...] До того хорошо он себя чувствовал в этот миг, что даже песенку *замурлыкал*. Б. Акунин, *Левиафан*. Чего он только не вытворял: и зубы скалил в своей фирменной улыбке, и *мурлыкал* дурацкую песенку — на

меня ровным счетом ничего не действовало. *Караван историй, 2001.* — Ну-с, а это у нас что? — с любопытством *промурлыкал* судебно-медицинский эксперт Егор Виллемович Захаров... *Б. Акунин, Декоратор.*

◇ **Мышей не ловить <не гонять>** — не делать то, что должно; не выполнять свои даже элементарные обязанности.

Ну подслушали, ну перехватили, а дальше-то что? Неужели до такой степени обленились и *мышей не ловят*, что нашли для себя легкий способ: обложить грязновскую команду со всех сторон, чтобы, наступая на пятки, первыми прискакать к финишу? *Ф. Незнанский, Ищите женщину!* «Ты чего мелешь? Как так вчера? Сегодня ночью его убили.» «Я политику понимаю, — согласился трактирщик. — Пушай народ думает, что сегодня. А то языки чесать станут: полиция, мол, спит, *мышей не гоняет...*» *Л. Юзефович, Костюм Арлекина.* — А мне ты скажешь, что конкретно учуял в деле? — Никогда! Начни тебя с ложечки кормить, ты вообще *мышей ловить* перестанешь. Думай, шевели мозгами, мы с тобой историю убийства одновременно слышали. *Н. Леонов, Мщение справедливо.*

◇ **Ободранная кошка** — внешне неприглядная, плохо одетая, очень худая (тощая) женщина (явно негативная характеристика).

— Конечно, девушка она хорошая, — рассудил Павел Игнатьевич. — *Кошка ободранная!* — проворчал Серега. — Ну, ты помолчи, — рассвирепел Акентьев, — за своей смотри! Твою Галину уже в неделю не объедешь, если на тракторе. *И. Платонова, Мужской разговор.*

◇ **[Черная] кошка пробежала <проскочила>** — характеристика ситуации, когда люди, которых раньше связывали хорошие отношения, стали едва ли не врагами.

Кабы сейчас не эта гидра гражданская. Мировая контра. Нешто я стал бы в такую пору на чужой стороне пропадать? *Черной кошкой* классово я промеж нас *пробежала*, и вишь, что делает! *Б. Пастернак, Доктор Живаго.* В 1999 г. в России началась избирательная кампания и между ними [Гусинским и Березовским] *пробежала черная кошка.* *Завтра, 2001.* Мать занималась по-прежнему исключительно собой и живописью, Ирина же была предоставлено сама себе. Неизвестно, какая *кошка пробежала между* женщинами, но кончилось тем, что Ирина Косенкова [...] нашла возможность вернуться в Россию *Ф. Незнанский, Ищите женщину!* Канцелярские не рассказывает о том, что за *кошка пробежала* между ним и Романцевым на чемпионате Европы 96, после чего их союз стал невозможен. *Изв., 2001.* Когда миссис Кеннеди вернулась, Трумэн и Ли сидели в близко придвинутых креслах и оживлено, даже чересчур оживленно, беседовали... Жаклин и так не испытывала особой нежности к сестре, а после этого случая между словно *черная кошка пробежала.* *Караван историй, 2001.* Недели две он у Ивана в Пашутине прогостил... и Леночка была там же. Это уж потом, как в Москву перебрались, *кошка черная* промеж их *проскочила.* *Л. Леонов, Русский лес.* И тот и другой, улыбаясь, говорили ему, что они вовсе не враги, даже за всю их жизнь ни одна *черная кошка* не *пробежала* между ними. *Ф. Панферов, Бруски.*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СТЕРЕОТИПОВ

На некоторых стереотипах поведения, актуальных для конкретного акта коммуникации и потенциально «опасных» для межкультурного общения в силу определенных различий, я остановлюсь чуть позже, а сейчас обращаюсь к некото-

рым другим аспектам коммуникации, имеющим не меньшее значение для ее успешного протекания.

Особый разговор — темы бесед: о чем можно и о чем нельзя говорить с представителями других культур. Так, с французами лучше не говорить о Второй мировой войне и особенно об оккупации, а с испанцами не обсуждать их гражданскую войну (Н. Япп, М. Сиретт, Д. Лоней). В то же время в Австралии, как пишет К. Хант, «в общем, нет запретных тем для разговора. Ничего вроде — "только не про войну". О религии и политике поспорить можно всегда, так что Вы запросто можете начинать разговор с них. Но только дурак спросит у незнакомого оззи¹⁰, сколько тот зарабатывает, или заведет разговор о расовых отношениях». В целом вопрос о зарплате не относится к числу особо приветствуемых и в разговоре с американцами или европейцами. И, конечно, в наши дни надо постоянно помнить о «политической корректности»: ни в коем случае не высказывать критических замечаний в адрес других народов, особенно отличающихся цветом кожи, не выражать недоумение, непонимание или — не дай Бог! — несогласие с «борьбой за равные права» (не важно кого: женщин, детей, сексменьшинств, домашних и диких животных или растений).

Значительно различает культуры и отношение ко времени. Пунктуальностью по-прежнему могут похвастаться в основном представители центральной и северной Европы и Японии. Там даже автобусы ходят минута в минуту строго по расписанию, в соответствии с которым интервал между автобусами может не превышать 2—3 минут. Честно говоря, русского человека это сначала пугает, а потом начинает раздражать (чему я неоднократно бывала свидетельницей в той же Швеции). Для японцев также «пунктуальность и постоянство имеют очень большое значение. Если написано, что магазин открывается в 7.00 утра, он откроется ровно в семь, даже если случится забастовка железнодорожников или тайфун» (Сахоко Кадзи, Торико Хама, Дж. Райс).

В целом русские значительно отстают от «пунктуальных» народов в своей точности, но превосходят южных европейцев, латиноамериканцев и, например, индийцев. По степени допустимого, «разрешенного» опоздания мы сближаемся с итальянцами, у которых 15-минутное опоздание не считается большим грехом, а вот появление на полчаса позже намеченного времени — это уже серьезный повод для недовольства (М. Солли). Испанцы могут опаздывать на значительно больший срок или вообще не являться на встречу, причем это вовсе не считается у них дурным тоном и, как правило, никак не связано с желанием оскорбить партнера (правда, сейчас, по свидетельству испанистов, многое начинает меняться). У испанцев вообще одно из любимых слов — *mañana*, что значит «завтра». Но, как пишет Дрю Лоней, много лет проживший в Испании и нежно любящий эту страну, «маньяна» (обычно сопровождаемое пожиманием плечами) может означать «завтра» или «как-нибудь завтра», или «послезавтра», или

¹⁰ Оззи — Aussies, неофициальное самоназвание австралийцев.

«после-послезавтра», или «на следующей неделе», или «через неделю», или «в следующем месяце», или «может, в следующем месяце», или «в следующем году», или «может, в следующем году», или «позже», «как-нибудь», «никогда» или «ни за что». Чтобы как-то называть обычные для латиноамериканцев опоздания, существует даже специальное выражение *hora latina* («латинский час»), никакого отношения к самому часу как таковому (в смысле 60 минут) не имеющее. Х. Марин исследовал объяснения причин опоздания в Чили и США и выяснил, что чилийцам быть пунктуальными трудно, а виной тому — внешние причины (т. е. они вроде как и не очень виноваты). А вот американцы считают, что пунктуальность объясняется внутренними причинами, время можно и нужно планировать, а события «выстраивать по расписанию». Кстати, у американцев есть понятие «ню-йоркская минута», поскольку в Нью-Йорке, по свидетельству С. Фол, «все движется быстрее, даже время. Поэтому в ню-йоркской минуте не 60 секунд, а гораздо меньше, по сути, всего одна». Правда, это не спасает американцев от опозданий. С. Фол сравнивает их с Кроликом из «Алисы в стране чудес», так как они «вечно суетятся и поглядывают на часы, чтобы не опоздать. И, конечно, опаздывают, еще как». Однако непунктуальность, безусловно, не входит в число американских добродетелей и зачастую порицается. И один случай из моей личной практики. Как-то мне пришлось столкнуться с многочасовым опозданием индийского профессора, которое вызвало полное крушение планов и поставило меня в весьма неловкое положение перед другими людьми, но которое было воспринято самим индийцем как абсолютно нормальное (более того, он даже выразил недоумение и обиду: почему это его не дождались, ведь он в конце концов все-таки появился?). О подобных случаях в кубинской жизни неоднократно рассказывал Д. Б. Гудков, работавший некоторое время на Кубе переводчиком.

Что касается поведения представителей разных культур в общественных местах, то это тоже тема для отдельного разговора. Приведу только несколько примеров. По свидетельству уже упоминавшегося Дрю Лоней, «если испанец и захочет кому-то "показаться", то просто начнет шуметь, предпочтительнее вечером или ночью, дабы все знали, что он жив». Однажды в Испании я наблюдала сцену, полностью подтверждающую этот тезис. На втором этаже отеля проживала многочисленная испанская семья. К ним «в гости» пришел их приятель. Но он предпочел не подниматься к ним в номер, а вести дружескую беседу на улице, удобно расположившись, на специально (!) принесенном для этого стуле. Его собеседники в это время находились на своем балконе. Пребывая в такой диспозиции, они непринужденно и весело болтали. Естественно, что за этим разговором могла следить вся гостиница. И все было бы ничего, только вот визит пришелся как раз на два часа ночи. А если учесть, что по-испански не говорят, по-испански кричат (Лоней), то становится понятным легкое неудовольствие ос-

¹¹ Кстати, явно прецедентный феномен для американцев.

тальных обитателей отеля. Кстати, самих испанцев такое отношение просто возмутило: не дают людям спокойно пообщаться. Впрочем, что еще можно ожидать от этих «эстранхерос», которые в чудную летнюю ночь почему-то надумали спать!

Поведение в очереди тоже может радикально различаться: от строгой «линии», в которой «очередники» стоят минимум в полуметре друг от друга (у англичан или шведов) до полного хаоса и «сумбура вместо музыки» (у тех же испанцев, например; а итальянца, по свидетельству М. Солли, при одной мысли, что надо становится в очередь, разбирает смех). Не говоря уже о том, что во многих странах существуют специальные аппараты, выдающие номерок, который позволяет вообще не стоять, а спокойно дожидаться своей очереди, сидя где-нибудь неподалеку. Эта система прекрасно работает в Германии или, например, Швеции, поскольку полностью отвечает представлению об идеальном порядке. У итальянцев же это подчас превращается в подобие игры: надо приехать в кассу (!) загодя, скупить все билеты, а потом по баснословной цене перепродать их тем, кто не успел до закрытия кассы (М. Солли).

В местах отдыха представители разных культур тоже ведут себя по-разному. Немцы предпочитают оккупировать пляж раньше всех (во сколько бы Вы ни появились на пляже, немцы уже будут там). При этом они покрывают пляж замками из песка и ставят их так близко друг к другу, что между ними не то что расположиться — пройти подчас бывает невозможно (Ш. Зайдениц, Б. Баркоу). Итальянцы всегда образуют многочисленную и удивительно шумную компанию. При этом если другая итальянская компания расположится в некотором отдалении от них, то они могут прекрасно общаться со своими соотечественниками, не меняя своего местоположения в пространстве. Нидерландцы предпочитают «одиночество» даже в абсолютно шумном и многолюдном месте. Однажды я наблюдала за одной такой семьей: мама, папа и их сын-подросток за несколько часов обменялись всего парой коротких фраз, явно наслаждаясь погруженностью в себя. Шведы рассказывали мне следующую историю как анекдот, но я охотно верю, что это могло произойти и на самом деле. На пустынном берегу озера расположилось шведское семейство, предвкушая спокойный отдых на лоне природы. Вдруг на другом конце большого пляжа показалась другая семья, «коварно» собирающаяся провести день на берегу того же озера. Реакция шведов: «Ну вот, и здесь толпа! Нигде покоя нет!»

Французы, прежде чем выбрать место для отдыха, будут долго обсуждать достоинства и недостатки определенного пятка земли, выдвигать разные аргументы, приводить различные доводы «за» и «против». Когда тема будет исчерпана, она вовсе не будет закрыта, ибо французы переместятся на несколько десятков метров в сторону и продолжат приятную беседу на ту же тему, но уже по поводу другого фрагмента ландшафта. И так может длиться достаточно долго. И виной всему — их непреодолимое стремление к совершенству. Когда же место, наконец, выбрано, это вовсе не означает, что француз впадает в простра-

цию и перестает замечать окружающее. Как пишут Н. Япп и М. Соретт, «представьте себе пляж под Биаррицем; на чистеньком песочке, подстелив под себя хорошенькие купальные полотенца, лежат и загорают восемь французов. К ним подходит девятый. Все восемь встают и пожимают ему руку или дружески обнимают его. Затем все девять снова ложатся на песок. И тут появляется десятый. Девять человек тут же вскакивают, чтобы его приветствовать, и этот кошмар продолжается до тех пор, пока пляжная компания не разрастается до двадцати трех человек. Естественно, эти двадцать три француза вряд ли оказались способны хоть сколько-нибудь загореть».

Несколько примеров стереотипов поведения «из русской жизни», зафиксированных в современных российских источниках.

Завтра группа распадется. Или они все перессорятся, или Света выйдет замуж и муж запретит ей выступать, или Бен, *тьфу-тьфу-тьфу, не сплзлит бы*, получит тяжелую травму и не сможет больше танцевать. [...] Причин может быть множество. [*Маририна А. Когда боги смеются. М., 2001. Т. 1. С. 184*]

Отправляясь в аптеку, *три раза плюньте через левое плечо, постучите по дереву и сделайте пальцы крестиком*. Ну, ни пуха... [МК, 16.03.2001]

Примеры такого рода можно было бы множить и множить, но я, пожалуй, на этом остановлюсь. Особо отмечу, что по таким стереотипам поведения делается вывод о принадлежности к «своим» или к «чужим». И в том случае, когда подобный стереотип рефлектируется, то имеет место его осознанное соблюдение или, напротив, нарушение. Приведу только два примера.

Боцман сходил в правый угол и занял соли. *Пришлось отдать двушник*. Суеверие, а что поделаешь, коли у русских так принято. *Иначе кто-то кому-то в жизни насолит, а так — купит!* [*Андреев О. Вокзал. М., 2001. С. 43*]

Она просто не понимает, что мы все так живем, и если я стану как бы *вести себя иначе*, меня не поймут, меня отвергнут, будут считать *чужой*. В нашей среде так принято, и для меня очень важно, чтобы меня принимали, не отвергали, иначе я останусь совсем одна. [*Маририна А. Когда боги смеются. Т. 1. С. 169*]

А теперь перейду к очень краткой демонстрации того, как проявляются в разных культурах стереотипы-представления. Кстати, итальянский стереотип той же *очереди* будет абсолютно непохож на свой шведский «аналог», а представление об идеальном отдыхе на природе будет радикально различаться у итальянцев, шведов, французов и немцев.

Крайне интересны зооморфные метафоры и стереотипы. Пилотажное исследование, проведенное И. В. Захаренко и И. Н. Брилевой, показало, что набор «семантических примитивов», из которых складывается тот или иной зооморфный стереотипный образ, приблизительно одинаков в разных культурах (от немецкой до японской, от шведской до испанской). Но вот национально-культурные «конфигурации» будут разными, т. е. как существенные выделяются и выдвигаются на первый план разные «семы». Остальные же либо отодвигаются на

периферию (т. е. имеются в самом образе, но практически не актуализируются в дискурсе), либо вообще игнорируются как несущественные (т. е. признается наличие некоторого качества, но оно не входит в сам стереотипный образ). Более подробно познакомиться с результатами этих исследований можно в работах указанных авторов, а я приведу один пример, услышанный мною из уст корейского стажера: «*Жена должна быть как лиса, а муж — как медведь*». Идеальная семейная пара, не правда ли? Оказывается, что да, если вспомним, что речь идет о корейской лисе и о корейском медведе. И значит эта фраза приблизительно следующее: жена должна быть умной, гибкой в общении и хитрой (чем не наша лиса?), а медведь, соответственно, сильным (разве наш медведь лишен этого качества?). Вся проблема в том, что русская *лиса* — это в первую очередь эталон хитрости (которая, кстати, воспринимается русскими далеко не как однозначно положительное качество), а *медведь* для нас в первую очередь неуклюж, а потом уже все остальное.

То же самое справедливо и по отношению к «национальным» («этническим») стереотипам. Так, француз для немцев — эталон жадности, для итальянцев — спеси и снобизма. А для русских? А для нас француз — эталон галантности, и именно этого мы ждем от представителя французской культуры; см.:

Варя вспыхнула и метнула на ирландца сердитый взгляд, но Маклафлин лишь добродушно расхохотался. Зато д'Эвре повел себя, *как подобает истинному французу, — спешил и поклонился* [Акунин Б. Турецкий гамбит. М., 2000. С. 31]

Но есть стереотипы, претендующие, пожалуй, на некоторую универсальность. Приведу несколько примеров:

А мой вид! Джинсы, свитер, жилет из некрашеной толстой кожи и тяжелые тупоносые ботинки здесь годились только то, чтобы шокировать старика, обычно *невозможного, как индейский вождь*. [Макс Фрай. Лабиринт (Чужак). М.; СПб., 2000. С. 17]

Квартира была большая, жили мы веселым *цыганским табором*, с бесконечными гостями и застольями допоздна. [Караван историй, июнь, 2001]

Нос у нее все-таки имелся, но очень короткий и приплюснутый... никак не согласующийся *классическими представлениями о ведьминских носах*, [но] это была настоящая старая ведьма, только что с Лысой Горы... [Макс Фрай. Темная сторона. М.; СПб, 2000. С. 290]

[Рассказ о весенних лужах около дома, где развернута стройка и все перекопано. Через лужи проложены ужасающие грубо сколоченные и грозящие развалиться мостки] — У нас-то здесь просто *Венеция... Каналы... Мостики*, ты же видела *мостики* такие *изящные... венецианские...* [зафиксировано в речи носителя русского языка]

Я уже отмечала в начале этой главы, что для У. Липпманна важнейшими характеристиками социальных стереотипов были их неточность и ложность. А. Н. Леонтьев писал, что образ может быть более или менее адекватным, более или менее полным, иногда даже ложным, но он всегда «вычерпывается» из самой реальности [Леонтьев 1983, II: 255]. Исходя из этой идеи ученого, Т. Г. Стефаненко делает вывод о том, что «и этнические стереотипы как образы этниче-

ских общностей отражают, пусть и в искаженном или трансформированном виде, объективную реальность: *свойства двух взаимодействующих групп и отношения между ними*» [Стефаненко 2000: 245] (курсив мой. — В. К.). Этим в значительной степени обуславливается конкретное «содержание» отдельных этнических стереотипов и различия между ними в различных культурах.

Именно взаимодействие русской культуры с другими, отношения между ними и детерминированное культурой восприятие русскими представителей других культур лежат в основе ТОГО, что немец для русских — пример пунктуальности, итальянец — шумливости, крикливости и вокального мастерства, англичанин — чопорности. Хотя личный опыт русского может свидетельствовать об обратном: знакомые немцы могут постоянно опаздывать на встречи (это они «обрусели», скажем мы), что друг-итальянец тих и задумчив и совсем не умеет петь, а приятели-англичане поразили своей неумностью во время последнего футбольного матча. Все равно в речи русские никогда не назовут спортивного фаната истинным англичанином, вечно опаздывающего человека немцем, а романтически настроенного юного философа настоящим итальянцем.

Столь же разительно, как и этнические стереотипы, могут различаться и представления о красоте в разных культурах. Приведу в качестве примера фрагмент из романа Б. Акунина «Смерть Ахиллеса»:

Эраст Петрович, вздохнув, приоткрыл дверь и заглянул в щель. У стола, сложив руки на коленях, сидела золотоволосая девушка в траурном платье и широкополой шляпе с черной вуалью. Было видно опущенные длинные ресницы, тонкий нос с легкой горбинкой, точеный овал лица. Услышав скрип, незнакомка подняла глаза, и Фандорин замер — до того они были прекрасны. Инстинктивно отпрянув от двери, коллежский асессор прошипел:

— Маса, ты же говорил, немолодая. Ей не больше двадцати пяти!

— Европейские женщины так старо выглядят, — покачал головой Маса. — Да и потом, господин, разве двадцать пять лет — это молодая?

— Ты говорил, некрасивая!

— Некрасивая и есть, бедняжка. Желтые волосы, большой нос и водянистые глаза — совсем, как ваши, господин.

— Ну да, — прошептал уязвленный Эраст Петрович, — ты один у нас красавец.

Пожалуй, у нас нет оснований не доверять в данном случае автору, который помимо написания романов известен еще и тем, что является специалистом в области японского языка и культуры (а Маса как раз и есть японец).

А вот еще одно наблюдение. Речь идет уже о корейском представлении о красоте. Этот пример я нашла в статье Татьяны Габрусенко «Юг Чосона» («Путешествие вокруг света», май 2001). Итак:

Как-то смотрели мы с подругами телевизор. На экране появился кореец, который показался мне очень привлекательным: крепкого сложения, широкоплечий, мускулистый, со смуглым румянцем во всю щеку (у корейцев румяное лицо можно увидеть довольно редко), с белозубой улыбкой — в общем, воплощение мужественности и здоровья. Я поделилась своими положительными эмоциями с корейками, и те

буквально покатались со смеху. Оказалось, что с их точки зрения — это чуть ли не урод, ибо у него широкое лицо и недостаточно выступающий нос, некрасивые уши, узкие глаза и слишком смуглая кожа. Что же касается восхитившего меня румянца, то для них эта деталь была безусловным минусом, ибо румянец придавал нашему герою «излишне деревенский вид». Главный же порок, по мнению женщин, заключался в том, что он был недостаточно «лонг-тари», то есть не длинноногий (популярный термин: смесь английского «лонг» — длинный и корейского «тари» — ноги). [...] Я-то судила о внешности по общему впечатлению, не вдаваясь в подробный анатомический разбор. Корейки же смотрели только на детали. Подобный подход к внешности для корейцев очень характерен.

В этом примере есть, на мой взгляд, две принципиально важные для нас вещи: во-первых, сам эталон красоты (хоть и имплицитно представленный), а во-вторых, тот алгоритм, по которому воспринимается и оценивается внешность в корейской культуре.

Еще раз повторю, что таких примеров можно привести множество. Я остановлюсь на уже сказанном, отметив, что мне было важно, во-первых, представить стереотипы как феномены, которые обуславливают национально-культурную специфику дискурса, во-вторых, дать некоторый инструментарий и показать возможные пути анализа и решения потенциальных проблем, в-третьих, показать вершину этого айсберга на некоторых, очень немногочисленных, примерах.

И последнее. Этнические стереотипы являются объектом анализа и серьезно изучаются в этнопсихологии. Эта научная дисциплина рассматривает ряд важнейших свойств этнических стереотипов, такие, как, например: их эмоционально-оценочный характер, устойчивость и ригидность к новой информации, согласованность единства представлений среди всех членов «стереотипизирующей группы». Основными параметрами стереотипов, по которым они анализируются, являются их содержание, направленность, степень благоприятности, степень их истинности. Я позволю себе не останавливаться на этом и не пересказывать основные теоретические положения и выводы этнопсихологов, касающиеся этнических стереотипов, отослав читателя к уже неоднократно упоминавшейся книге Т. Г. Стефаненко, где все это излагается достаточно подробно [Стефаненко 2000: 236—255].

КОНЦЕПТЫ (КАК МЕНТЕФАКТЫ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА)

Эта глава не просто самая короткая в книжке, она в принципе очень короткая. Дело в том, что лингвокультурологическое (не лингвистическое, не логико-философско-лингвистическое, не концептуальное, а именно лингвокультурологическое) исследование концептов началось совсем недавно. И сегодня я не готова представить на страницах монографии серьезные его результаты. Это задача завтрашнего дня. Сейчас же мне важно представить то понимание феномена «концепт», которое является неотъемлемой частью предлагаемой концепции, и вписать его в систему ментефактов русского культурного пространства. Итак, эта глава посвящена третьему элементу звена, получаемого на первом уровне разбиения системы ментефактов (см. гл. VI). Почему концепты рассматриваются здесь, а не раньше? Дело в том, что мне показалось важным, с одной стороны, соотнести, а с другой — развести такие понятия, как «стереотип» и «концепт». А для этого мне пришлось сначала представить сам феномен «стереотип» как таковой.

В данной главе я очень коротко остановлюсь на том, что есть «концепт» в контексте современных исследований, и попытаюсь показать, как «концепт» понимается в рамках предлагаемого подхода. Сразу оговорюсь, что к термину «концепт», как и к другим терминам, например, «прецедентный текст», я подхожу с позиций «терминологического пуризма»: если я говорю «ключевой концепт культуры», то имею в виду именно *концепт* (а не какую-либо другую единицу), который отражает и одновременно обуславливает миропонимание, присущее той культуре, в которой он бытует и которую репрезентирует.

КОНЦЕПТ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Термин «концепт», как и ряд других терминов («дискурс» или «языковая личность», например) относится к числу модных. Им пользуются многие авторы, но, к сожалению, далеко не все берут на себя труд объяснить, что же они имеют в виду и что, на их взгляд, стоит за самим термином, а из того, что пишут авторы, это далеко не всегда бывает понятно. В настоящей работе я не ставлю себе цель представить единственно возможное понимание термина. (В конце концов есть специалисты в области концептуального анализа, которые могут это сделать намного лучше.) Но прежде чем вести любые дальнейшие рассуж-

дения, я считаю необходимым пояснить, что я вкладываю в употребляемый термин.

А. Вежбицкая определяет концепт как «объект из мира "Идеальное", имеющий имя и отражающий определенные культурнообусловленные представления человека о мире "Действительность". [...] Это русский язык знает, что *ссора и конфликт вспыхивают, а угроза нарастает и нависает*. [...] Концепт имени охватывает преломления всех видов знания о явлении, стоящим за ним [...] все то, что "подведено под один знак и предопределяет бытие знака как известной когнитивной структуры"» [Чернейко, Долинский 1996: 21]. Это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ 1996: 90]. При этом «концептуальный анализ имеет своей целью определить статус мировоззренческих понятий в обыденном сознании людей» [Арутюнова 1998: 325], формализует «то, что знает интуиция, что существует в коллективном бессознательном и выражается языком в действии (речью)», «преследует герменевтическую цель: познание и понимание стоящего за абстрактным именем фрагмента идеальной действительности и в конечном счете — самого языкового сознания» [Чернейко 1997, 286, 285]. По мнению Ж. Ф. Ришара, концепты конституируют «наше знание о живых существах и объектах», являются «базовой когнитивной сущностью, позволяющей связывать смысл со словом, которое мы употребляем», и «с психологической точки зрения выполняют функцию категоризации» [Ришар 1998: 15].

Исследования, проводимые в рамках когнитивной лингвистики, ясно показывают, что концепт тесно связан с ассоциативным пространством (полем²) имени, в нем проявляясь. Ассоциативная организация связей в простейшей форме репрезентирует одну из моделей хранения знаний в памяти человека, она мыслится как некая форма семантических сетей, существующих в сознании. С каждым узлом семантических сетей в долговременной памяти человека связаны сведения, ассоциативно с ним вместе возбуждаемые, следовательно, при определении (установлении) места какого-либо понятия из долговременной памяти одновременно «вытаскиваются» все известные сведения и факты, с данным понятием связанные [Залевская 1985: 165; КСКТ 1996: 169].

Остановимся в связи с этим на модели ассоциативной сетевой организации памяти, принадлежащей М. Куильяну, в соответствии с которой семантические сети рассматриваются как иерархически организованная сетка ассоциативно связанных концептов. Таким образом, от стимула канарейка через «возбуждение репрезентирующего ее понятия» и в конечном итоге через концепт П Т И Ц Ы (так как *канарейка — птица*) мы приходим к единицам *перья, клюв,*

¹ Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 85.

² При этом ассоциативное поле «отражает все системные и «несистемные» связи и отношения слов и отношений» [Чернейко, Долинский 1996: 39], в чем и заключается, очевидно, отличие ассоциативного поля от концепта.

крылья и т. д., «ибо концепт птицы содержит знания об указанных признаках» [КСКТ 1996: 169]. Такая точка зрения отличается определенной стройностью, логичностью и внутренней непротиворечивостью. Однако, думается, подобная картина будет иметь место в том случае, если я никогда ранее не видела канарейку (ни живую, ни на фотографии или рисунке и т. д.) и никогда раньше ничего о ней не слышала, т. е. если у меня нет *образа* канарейки, а все, что я имею, — это новая (sic!) информация о том, что канарейка — это птица. Если же это не так и я уже видела канарейку или, по крайней мере, слышала о ней, иными словами, если у меня уже сложился определенный *образ* этого предмета (неважно, на основе какой информации — визуальной или какой-либо еще), то стимул **канарейка** вызовет возбуждение данного *образа-представления*, и, следовательно, как показывают пилотажные опросы, возможны ассоциации:

Стимул	Реакция	«Категоризация»
канарейка	→ <i>желтая</i>	→ цвет
канарейка	→ <i>клетка</i>	→ свобода
канарейка	→ <i>Канары</i>	→ юг, экзотика
канарейка	→ <i>петь</i>	
канарейка	→ <i>просо</i>	

Возможно, в этом и заключается одно из различий между концептом и стереотипом как разными объектами исследования: если мы будем анализировать концепт, то пойдем по пути М. Р. Куильяна (M. R. Quillian), А. М. Коллинза (A. M. Collins) и других исследователей, работающих в рамках данного направления, но если мы поставим в центр нашего внимания стереотипы, то мы должны будем рассматривать все ту же *канарейку* как единый образ, инвариантную совокупность «обязательных» («предсказуемых») элементов, выделяемых носителями данного ментально-лингвального комплекса либо как единственно возможные, либо как существенные, релевантные, устойчивые. Не утверждая ничего категорично, предложу выявленный на основе проведенных пилотажных опросов такой стереотипный образ канарейки, характерный для русского языкового сознания: *маленькая желтая птичка в клетке, которая хорошо поет*.

Итак, каждая единица обладает неким набором потенциально возможных «векторов» ассоциаций. Какие именно векторы выбираются представителем того или иного национально-лингво-культурного сообщества, почему именно тот, а не другой, — зависит от национально-культурной специфики, за этим стоит «стереотип» (в широком смысле), или — если для нас нерелевантна предсказуемость определенных ассоциаций — *национальный концепт*, который может быть определен следующим образом:

национальный концепт — самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью.

Это своего рода свернутый глубинный «смысл» «предмета» (в таком случае это близко нашему пониманию концепта текста, о котором мы говорили ранее), он может разворачиваться при возбуждении, активации семантической (в других терминах — и это точнее — ассоциативной) сети.

Концепт, с точки зрения когнитивной лингвистики, есть «парадигматическая структура, выводимая из синтагматических отношений имени, фиксированных в тексте» [Чернейко, Долинский 1996: 39] Ср.: «Языковое сознание раскрывает те представления о времени, судьбе, совести, власти, свободе, мысли и подобном, которые сложились в культуре и отражены в языке в первую очередь *черезнесвободную сочетаемость имен время, судьба, совесть, власть, свобода, мысль*. Частеречная принадлежность этих слов... свидетельствует, что явления, стоящие за ними, имеют характер субстанции, т. е. того, что существует в себе и благодаря себе как носитель свойства, признака, состояния, действия» [Чернейко 1997₂: 285] (выделено мною. — В. К.). *Стереотип* же представляет собой «социокультурно маркированную единицу ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемую в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» [Прохоров 1996: 101]. *Концепт* (например, *судьбы*) требует более высокого уровня абстракции, это своего рода «идея», «понятие». *Стереотип* — нечто более «конкретное», это образ-представление, за стереотипом стоит фрейм-структура сознания. *Концепт* непрототипичен. *Стереотип* прототипичен. *Концепт* проявляется в валентностях, которые могут предопределять «предсказуемые» блоки свободных ассоциаций, в то время как *стереотип* проявляется в конкретных реализациях, которые могут быть представлены предсказуемыми ассоциациями.

Соотнесение концепта с «понятием» требует следующей оговорки: по сути данные понятия очень близки, но если попытаться некоторым образом их разграничить, то следует согласиться с Л. О. Чернейко, которая пишет, что основа понятия — логическая, рациональная, а основа концепта — сублогическая. При этом «содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости. А сочетаемость имени отражает и логические и рациональные связи его десигната (денотата) с другими, и алогичные, иррациональные, отражающие эмоционально-оценочное восприятие мира человеком» [Чернейко 1997₂: 287—288].

Ассоциативный потенциал предопределяет сочетаемость имени (однако, на мой взгляд, следует все-таки разграничивать собственно ассоциативную сочетаемость и грамматическую валентность, например, валентность глагола), которая «есть внешнее, поверхностное проявление его [имени] глубинных ассоциативных контуров, складывающихся из имплицитных субстантивных лексических параметров. [Последние есть] гештальты абстрактного имени» [Чернейко, Долинский 1996: 23].

В связи с этим сразу же возникает вопрос: как соотносятся такие понятия, как гештальт, пропозиция (в рамках когнитивной науки) и фрейм-структура (в нашем понимании)?

Начнем с понятия пропозиции, которая понимается в когнитивной науке как особая оперативная структура сознания и/или особая единица хранения знаний в голове человека; пропозиция отражает в отдельном виде отношения, характеризующие объекты и события; слова могут взаимоассоциироваться лишь при условии, что соответствующие им понятия входят в закодированные в память пропозиции [Anderson, Bower 1973; КСКТ 1996: 135, 134]. Помимо пропозиции («расчленяемой целостности») выделяется также гештальт («целостность») как еще одна форма презентации мира в сознании. Соответственно выделяются два подхода к анализу моделей хранения знаний: первый предполагает наличие единой пропозициональной формы репрезентации всех типов информации, хранимой в памяти, другой — наличие двух форм: пропозициональной и гештальтной [КСКТ 1996: 135].

В соответствии с концепцией А. Пейвио [Paivio 1986], гештальт и пропозиция оказываются противопоставлены как разные формы кодирования информации: невербальные, образные знания и языковые знания перерабатываются двумя разделными, в определенном смысле независимыми, достаточно автономными, но взаимосвязанными системами. Напомню, что мы также говорим о наличии двух типов когнитивных структур: феноменологических и лингвистических, — однако, подчеркну еще раз, мы не разводим их так далеко: они не только тесно взаимосвязаны, но и «работают» вместе, когда очень трудно (если не невозможно) отделить одно от другого, особенно это касается феноменологических когнитивных структур. И если в психологии указанное (достаточно жесткое) разграничение может оказаться вполне оправданным, то в лингвистических исследованиях феноменологические когнитивные структуры могут быть «поданы» не иначе, как, выражаясь словами Фредерика С. Перлза, «на словесной блюдечке с вербальной каемочкой».

Если говорить о фрейм-структурах сознания (и в первую очередь о тех, за которыми стоят стереотипы), то на первый взгляд предлагаемое разграничение стереотипов-образов и стереотипов-ситуаций может показаться вполне соотносимым с указанным разграничением гештальтов и пропозиций. Однако противопоставление разных стереотипов связано не с вербальным/невербальным характером структур (ибо и то и другое хранится в виде когнитивных структур, а о сложности разведения лингвистических и феноменологических КС мы уже говорили), а с тем, что является содержанием-«наполнением» когнитивной структуры: *ситуация*-«пропозиция» или *образ*-«гештальт».

Что касается гештальта (в данном случае речь идет о лингвистическом гештальте), то он понимается как «способ соотнесения значений с поверхностными формами» (определение Дж. Лакоффа), «способ оязыковления смысла (спонтанно — для говорящего) и способ осмысления языковой формы (интуи-

тивно-рационально — для слушающего) [Чернейко, Долинский 1996: 24]. Гештальт — это «та маска, которую язык надевает на абстрактное понятие. Маска может меняться» [Чернейко, Долинский 1996: 24], т. е. ее можно, так сказать, снять / надеть, поменять. В этом, на мой взгляд, и заключается одно из различий гештальта и фрейм-структуры: если фрейм-структура и «маска», то «пожизненная»: сними ее — и не будет «лица», т. е. феномена, за нею «скрывающегося». Точнее будет сказать так: феномен (например, *Хлестаков*), единичный, конкретный (как *Хлестаков* — герой комедии *Гоголя*) останется, но статус прецедентного он потеряет, т. е. потеряет свое «лицо». (Однако произойти это едва ли может, так как зависимость в данном случае двунаправленная: прецедентный феномен в языковом сознании «фиксируется» в виде фрейм-структур, а фрейм-структуры, соответственно, его репрезентируют). Это первое. Второе: «маска» фрейм-структуры, так сказать, «многомерна»: это некий многогранник, который «поворачивается» то одной, то другой «стороной», появляясь в разных ракурсах, но оставаясь по сути одним и тем же.

Таким образом, разница между концептом и стереотипом заключается, думается, в следующем:

КОНЦЕПТ	СТЕРЕОТИП
1) «идея», «понятие»; непрототипичен	1) образ-представление; прототипичен
2) более «широкое» понятие, так как включает в себя «чисто» языковые компоненты (например, глагольную сочетаемость); проявляется в том числе в свободных ассоциациях, при этом блоки свободных ассоциаций могут относиться к числу предсказуемых;	2) более «ограничен», так как представляет собой ментальный образ-представление и его вербальную оболочку; в процессе «рождения» переживает определенную минимизацию, проявляется в предсказуемых ассоциациях (в этом смысле сближается с прецедентными феноменами);
3) понятие более абстрактного уровня; позволяет выводить архетипы;	3) более «конкретен» (в силу своей образной природы);
4) феномен парадигматического плана; восходящий к архетипам концепт лежит в основе деятельности;	4) функционален; проявляется в коммуникативном поведении как таковом;
5) хранится в форме гештальтов и позиций; восходящий к архетипам может храниться в виде фрейм-структуры.	5) хранится в виде фрейм-структур.

И последнее. Дабы избежать путаницы, я предлагаю, в рамках нашей концепции, закрепить за термином «концепт» следующее понимание: концепт — это некая максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные. Например, «воля» может сопровождаться «картинкой» открытого «чистого поля» или ассоциироваться с образом птицы. (Однако здесь, вероятно, имеет место обратная связь: «чистое поле» обязательно включает «волю» и «свободу», а птица связана с противопоставлением свободы/несвободы.) Но это не есть прототипический визуальный образ «воли» как таковой. Концепт (в виде указанной «идеи») включает в себя определенные коннотации. Такому пониманию полностью удовлетворяют такие единицы, как, например, *душа, грех, свобода, воля, закон* и т. д. Исследование каждого из этих концептов заслуживает особого внимания и может быть признано объектом самостоятельного диссертационного исследования (в настоящее время, например, готовится к защите диссертация И. С. Брилёвой, посвященная концепту греха). В силу только что сказанного я позволю себе не рассматривать подробно «ключевые концепты» русского культурного пространства, отложив этот разговор на будущее.

ФРЕЙМ-СТРУКТУРЫ СОЗНАНИЯ

Анализируя прецедентные феномены и стереотипы, я неоднократно употребляла термин «фрейм-структура сознания», во-первых, предполагая, что внутренняя форма самого термина окажется вполне прозрачной для общего понимания, а во-вторых, надеясь, что термин уже встречался читателю в моих знакомых ему работах. Но теперь настало время более подробно поговорить о том, что же такое «фрейм-структура сознания», дать определение этому термину и прояснить само понятие. Этому и будет посвящена настоящая глава.

КЛИШЕ И ШТАМПЫ СОЗНАНИЯ

Прежде чем рассматривать непосредственно феномен фрейм-структуры сознания как таковой, остановимся на понятиях «клише» и «штамп», которые являются принципиально важными для излагаемой концепции. Термины «клише» и «штамп» и стоящие за ними понятия достаточно много и подробно анализировались в литературе. Вкратце представлю только те точки зрения, которые окажутся наиболее актуальными для дальнейших рассуждений.

Итак, клише — это всякая готовая речевая формула, критерием для выделения которой служит регулярность ее появления в определенных повторяющихся речевых ситуациях [Дридзе 1972: 43], обладает признаками некомплектности, т. е. недостаточно эксплицированный сложный знак [Сорокин 1978₂: 136].

Языковой штамп — это такое клише, которое по той или иной причине потеряло для интерпретатора свою первичную информационную нагрузку, иными словами, стало дисфункциональным [Дридзе 1972], обладает признаками комплектности, т. е. избыточно эксплицированный сложный знак [Сорокин 1978₂: 136]. При этом языковое клише признается явлением лингвистическим, а речевой штамп — явлением психологическим [Прохоров 1996: 96].

«Штамп сознания» есть такое языковое клише, по определению Т. М. Дридзе, «в основе которого лежит семантическая ассоциация, распавшаяся в сознании интерпретатора (реципиента) в силу ее неподкрепленности» (цит. по: [Прохоров 1996: 97]). Штамп сознания при этом «действительно может рассматриваться как явление психологического характера, т. е. явление, связанное с социокультурными традициями и правилами его употребления в речи» [Там же: 97].

«Штамп сознания — составляющая ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, который может выражаться различными языковыми / речевыми конструкциями или не реализовываться вербально в данной ситуации общения, он соотносится прежде всего с ментальными стереотипами, присущими определенной культуре, и служит социокультурным маркером специфики речевого общения ее представителей» [Там же: 100].

Таким образом, все только что изложенное можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 5. Соотношение клише и штампов, представленное в литературе

Языковое клише	Языковой / речевой штамп	Штамп сознания
готовая формула, частотно употребляемая в речи	асемантическая единица, лишенная информационной нагрузки	ассоциативно-формальная единица, не имеющая семантики
лингвистический феномен	психологический феномен	психологический феномен

При определенной разработанности данного вопроса и представленности его в литературе, на мой взгляд, не хватает структурированности подхода к рассматриваемым феноменам. В связи с этим я предлагаю следующий взгляд: во-первых, следует безусловно различать языковое клише и речевой штамп как единицы, несущие / не-несущие информационной нагрузки¹, во-вторых, их следует отграничивать как единицы лингвистические от единиц психологической природы, в-третьих, среди психологических феноменов следует также разграничивать *клише сознания* и *штамп сознания*. Критерием разграничения последних может, на наш взгляд, служить также наличие / отсутствие семантико-информационной нагрузки: клише сознания такую несет, штамп сознания — нет. Другими словами, для клише сознания крайне важна «семантика»: весь комплекс значений, поверхностных и глубинных, которые стоят за вербальной единицей, соотносимой с клише; т. е. речь идет не только о *понимании* формы, но и о *знании* того, что стоит за данной единицей; при функционировании клише идет «игра» со значением. Для штампа сознания «семантика» значительно менее актуальна, для него в первую очередь важна форма, поэтому при функционировании штампа идет «игра» с формой.

Таким образом, следует говорить не только о языковом клише, речевом штампе и штампе сознания, но и о клише сознания. Только что сказанное может быть представлено в виде следующей таблицы:

¹ Как соотносятся данные единицы с прецедентными высказываниями, должно, на наш взгляд, явиться предметом отдельного рассмотрения.

Таблица 6. Предлагаемое соотношение лингвистических и психологических клише и штампов

Лингвистические феномены		Психологические феномены	
языковое клише	речевой штамп	клише сознания	штамп сознания
частотная, готовая, семантическая единица	частотная, готовая, асемантическая единица	устойчивая единица; форма + семантика; игра со значением	устойчивая единица; форма; игра с формой

Иначе говоря, лингвистические клише и штампы являются как бы зеркальным отражением клише и штампов сознания. Ср.: «Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собою переплетены; они в некотором смысле составляют одно и то же» [Сепир 1993: 193]. Однако надо всегда помнить, что зеркало это может быть и «кривым», поэтому подобная соотнесенность не может быть признана однозначной и константно заданной. Так, прецедентное имя в совокупности своих дифференциальных признаков, т. е. само имя плюс инвариант его восприятия, может быть описано как определенный «набор» *клише сознания*, с этим именем связанных. То же справедливо и по отношению к прецедентному тексту и прецедентной ситуации.

С точки зрения онтогенеза, клише и штампы могут «восходить» к феноменам различной природы, и это — в некоторой степени — может служить критерием их разграничения. «В некоторой степени», потому что, во-первых, клише может проявляться в коммуникации и как собственно клише, и как штамп (т. е. функционировать аналогично штампу, так сказать, надевать на себя его маску), во-вторых, клише и штампы могут иметь один «источник» — прецедентное высказывание (не конкретное, но как тип феномена).

Рассмотрим клише и штамп сознания более подробно. Сразу оговорюсь, что я рассматриваю фрейм-структуры в первую очередь на материале прецедентных феноменов, поскольку соотнесение фрейм-структур именно с этими феноменами представляется мне наиболее иллюстративным.

Итак, *клише сознания* всегда соотносимо с прецедентными феноменами: текстом, именем, ситуацией или высказыванием, однако не с любым прецедентным высказыванием, но только с таким, которое имеет полную парадигму значений-смыслов.

Поскольку прецедентные текст и ситуация хранятся в виде инвариантов восприятия, то обращение к ним (т. е. к ИВПТ и ИВПС) может носить только осознанный характер. Другими словами, для апелляции к прецедентному тексту или прецедентной ситуации осознанно выбираются и используются те вербальные единицы, которые позволяют сделать это наиболее адекватно и актуализировать инвариант восприятия конкретного текста или конкретной ситуации.

«Проблемы» могут возникнуть тогда, когда клише «восходит» к вербальным прецедентным феноменам: имени или высказыванию, поскольку в этом случае в коммуникации клише сознания может проявлять или не проявлять ингерентно присущую ему семантическую нагрузку. Это связано с типом ассоциации, которая «вызывает», «вытаскивает» из памяти клише. Мы разграничиваем два основных типа ассоциаций, критерием разбиения которых является актуализация (или отсутствие таковой) знаний собственно прецедентного феномена, т. е. инварианта восприятия прецедентного имени или системы значений-смыслов, стоящих за прецедентным высказыванием. Соответственно, выделяются *семантико-когнитивная ассоциация* и *фонетико-звуковая*². Названия говорят сами за себя: первая апеллирует к инварианту восприятия прецедентного имени и к глубинному значению и системному смыслу прецедентного высказывания, вторая «довольствуется» лишь «вербальной оболочкой» первого и поверхностным значением второго.

Следовательно, если в коммуникации клише сознания активизируется посредством семантико-когнитивной ассоциации (т. е. имеет место соположение реальной ситуации с прецедентной — как таковой или через инвариант восприятия прецедентного текста, в который таковая входит), то оно функционирует именно как клише (т. е. несет семантическую нагрузку). Если же клише сознания активизируется фонетико-звуковой ассоциацией (т. е. нет подобного соположения), то оно ведет себя аналогично штампу сознания, выполняя те же функции, что и штамп: поддержать разговор, подчеркнуть красоту слога, показать принадлежность к тому же социуму и т. д.

Штамп сознания не предполагает соположения реальной и прецедентной ситуаций и в этом смысле не несет семантической нагрузки, поэтому для него оказывается нерелевантной семантико-когнитивная ассоциация.

Итак, клише в первую очередь кристаллизуют связи, относящиеся к прецедентному имени (ПИ), прецедентной ситуации (ПС), прецедентному тексту (ПТ). Штампы связаны в первую очередь с прецедентными высказываниями (ПВ) с дефектными парадигмами (когда отсутствует глубинный смысл). Штампы сознания всегда имеют вербальную, поверхностную «оболочку». Клише сознания вербальны и, так сказать, «когнитивны», принадлежат более «глубокому» уровню. Штампы тяготеют к некоторой «фиксации», но позволяют игру с поверхностным значением ПВ, с прямым значением слов, входящих в высказывание: *Быть или не быть — Пить или не пить — Жить или не жить; Тяжела ты, шуба из енота; Нет повести печальнее на свете — Нет повести прикольнее на свете — Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Монтекки с Капулетти* (примеры из современной печати). Клише сознания более «свободны» в выборе формы, но игры с выбранной формой минимальны; игра идет со смыслом, с тем, что

²Точнее последний тип ассоциации было бы определять как ассоциацию *зрительно-звуковую*, но, исходя из презумпции первичности устной формы речи, позволим себе остановиться именно на предложенном термине.

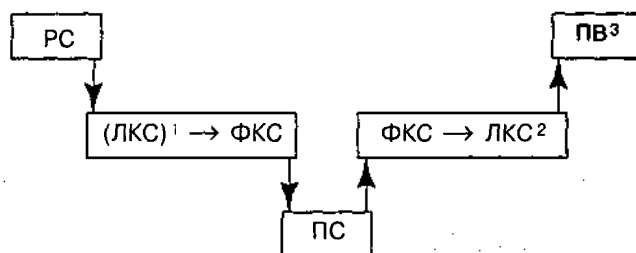
стоит за словом, что лежит между строк. Это объясняется тем, что имеет место апелляция к «клубку» ассоциаций от одной «точки» к другой: *Иуда — 30 серебряников — иудино дерево*.

В связи с вышесказанным и учитывая, что ПТ, ПИ, ПС выступают в роли эталона, а ПВ могут «надевать маску» либо эталона, либо канона, можно некоторым образом соотнести понятия клише/штамп сознания, с одной стороны, и эталон/канон, с другой. Однако выявить четкие и строгие закономерности представляется весьма затруднительным. Это объясняется тем, что эталон и канон — это роли, которые феномены играют в дискурсе, это маски, которые они на себя надевают; клише и штампы суть элементы некоторой структуры (фрейм-структуры сознания), хранящиеся в сознании, через них активизируются ассоциативные связи и происходит апелляция к самому феномену.

Приведем примеры семантико-когнитивной и фонетико-звуковой ассоциаций (см. сх. 19—24³).

ПРИ СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНОЙ АССОЦИИИ

С х е м а 19. Порождение ПВ при отсутствии ПТ

П р и м е ч а н и я .

- (1) В том случае, если есть вербальный стимул.
- (2) Возможны два варианта:
 - а) репродуцируется существующий текст (ПВ);
 - б) продуцируется трансформация существующего текста (ПВ) по законам языка (через активизацию, определенных ЛКС).
- (3) Прецедентное высказывание (ПВ) может функционировать как автономное, оторвавшееся от прецедентного текста (ПТ) или как именование прецедентной ситуации (ПС), непосредственное или опосредованное (через атрибут) [Красных et al. 1997].

³ Некоторые из представленных здесь схем были впервые описаны в статье «Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний», написанной мною в соавторстве с Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко и Д. В. Багаевой. Примечания (1) и (2) к схемам 19 и 21 совпадают.

Принятые в схемах сокращения и определения феноменов: РС — реальная ситуация, т. е. ситуация, в которой происходит коммуникация; ПС — прецедентная ситуация; ПВ — прецедентное высказывание; ИВПТ — инвариант восприятия прецедентного текста; ПТ — прецедентный текст; ПФ — прецедентный феномен; ЛКС — лингвистические когнитивные структуры; ФКС — феноменологические когнитивные структуры.

Например:

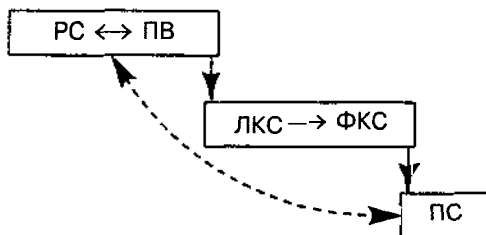
— А просто так, на слово, не веришь? — улыбнулась Настя.

— *Неверю!*

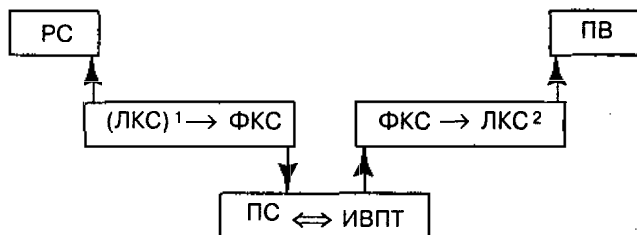
— Станиславский *ты мой. Иди* в театр, *работай* режиссером и говори актерам: «Не верю!» [*Маринина А.* Когда боги смеются. М., 2001. Т. 1. С. 243]

На схеме 20 реальная ситуация (РС) сопоставляется с прецедентной ситуацией (ПС) и полагается тождественной либо конгруэнтной⁴ ей (см. предыдущий пример).

С х е м а 20. Восприятие ПВ при отсутствии ПТ

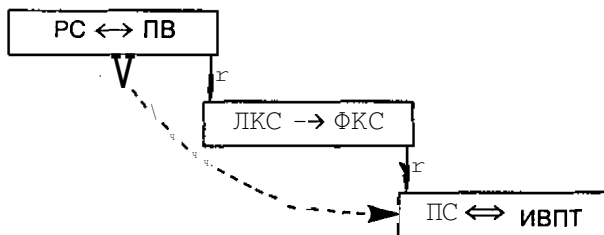

С х е м а 21. Порождение ПВ при наличии ПТ

(См. Примечания (1—2) к схеме 26.)

С х е м а 22. Восприятие ПВ при наличии ПТ

⁴ Конгруэнтный от лат. *congruens*, род.пад. *congruentis* — соответствующий, совпадающий. Следует отметить, что в нашем понимании термин «конгруэнтность, конгруэнтный» не является абсолютно тождественным термину «конгруэнция» (межэтнокультурная конгруэнция), введенному Ю. Е. Прохоровым [Прохоров, 1996: 106].

Увидев в библиотеке знакомую, заваленную книгами, В. сказала:

— *Давно обосновалась?*

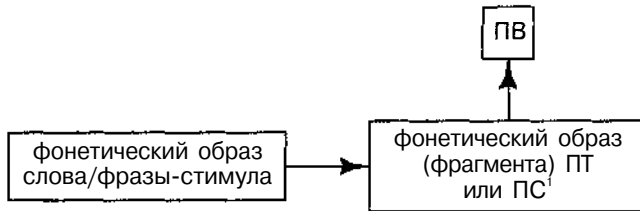
(отсылка к прецедентной ситуации и к прецедентному тексту⁵ фильма «Белое солнце пустыни»)

Представляется, что в данном случае ИВПТ входит в ИВПС, т. е. для инварианта восприятия прецедентной ситуации в данном случае оказывается релевантным сам прецедентный текст и инвариант его восприятия.

Следует отметить, что подобная картина будет наблюдаться, и когда коммуникант не слышит, но читает текст: зрительно-буквенный образ слова / фразы «вызовет» фонетический образ. Дальнейший путь показан на схемах 23 и 24.

ПРИ ФОНЕТИКО-ЗВУКОВОЙ АССОЦИИЦИИ

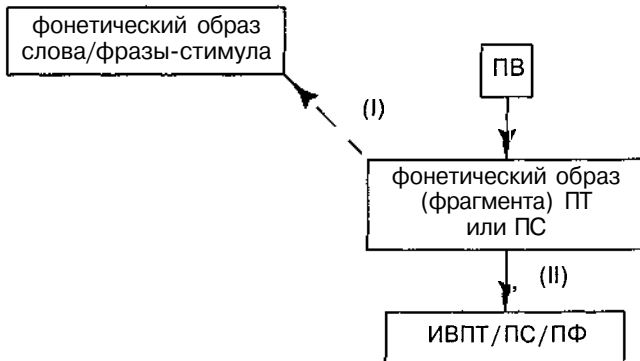
Схема 23. Порождение ПВ

Примечание.

- (1) После порождения ПВ возможна активизация одной или нескольких когнитивных структур, за которыми стоит прецедентный текст (ПТ) или прецедентная ситуация (ПС).

Схема 24. Восприятие ПВ

Связи (I; II) активизируются одновременно.

(I) — оценивается «удачность» ассоциации по фонетико-звуковым параметрам.

(II) — оценивается уместность семантико-когнитивной ассоциации.

⁵ Имея в виду в данном случае текст фильма как вербальный продукт.

Приведем примеры фонетико-звуковой ассоциации.

А. [посмотрев в окно]: Ой, посмотрите какой *месяц!*

Б. [поет]: *Светит месяц, светитясный!*

[Е. рассказывает, как хорошо уехать куда-нибудь на рыбалку:]

Е.: Река, палатка, костер, водочка...

В.: Угу, холод, комары, москиты... Не-е, *нам, гагарам...*

Поскольку последняя фраза принадлежит мне, я позволю себе описать «путь» порождения данного прецедентного высказывания (ПВ): «отправной точкой» стало слово «недоступно» — «это удовольствие мне непонятно, *недоступно* моему пониманию»; слово вызвало ассоциацию (не апелляцию — *sic!*) с прецедентным текстом (ПТ) «Песня о Буревестнике»: «Им, гагарам, *недоступно* наслаждение битвой жизни», — что и привело к использованию в речи измененного, трансформированного («им» → «нам») прецедентного высказывания (ПВ), при этом само «ключевое» слово использовано не было; только что описанный процесс занял считанные доли секунды, и паузы в коммуникации не последовало; реакция реципиента на фразу, содержащую ПВ, была, с моей точки зрения, вполне адекватной: реципиент понял мою иронию и по отношению к себе своей, и по отношению к нему.

Такого рода высказывания — последние два примера — А. Е. Супрун называет текстовыми реминисценциями [Супрун 1995], Ю. Е. Прохоров — прецедентными текстовыми реминисценциями, в некоторых случаях — штампом сознания [Прохоров 1996] (об этом мы уже говорили одной из предыдущих глав). Нельзя не согласиться с тем, что это, действительно, может быть описано — с определенными оговорками — как (прецедентная) текстовая реминисценция. Однако в рамках предлагаемой концепции такие феномены рассматриваются как прецедентные высказывания (ПВ), порожденные в речи по фонетико-звуковой ассоциации и — в данном случае — как штамп сознания.

Шапмы сознания, в отличие от клише, соотносимы с единицами разной природы:

- (1) с прецедентными высказываниями, которые:
 - а) имеют дефектную парадигму или
 - б) глубинное значение и/или системный смысл которых оказываются в коммуникации нерелевантными, так как стимулом-«зацепкой» для ассоциации служит, как правило, не весь феномен как таковой, а лишь его фрагмент;
- (2) с единицами, за которыми стоит одна феноменологическая когнитивная структура (т. е. штамп фактически служит именованнием предмета) или только лингвистические когнитивные структуры, для обозначения данных единиц могут использоваться и термины «фиксированная речевая формула» или «идиома» (в зависимости от самой единицы).

Приведу примеры единиц, за которыми может быть закреплён статус штампа:

- (1) *Нет повести печальнее на свете,
 Таможнядает добро;
 Задержавуобидно;
 Бытьилинебыть;
 Всеушлина фронт;
 ВсесмешалосьвдомеОблонских;*

(2) *горасплеч;обещатьзолотыегоры;обманзрения;глаз-алмаз;великийнемой.*

Рассматриваемые штампы сознания, проявляясь в дискурсе, выступают, как правило, в роли канона. Определенным подтверждением этого тезиса служит в том числе и частотное употребление их в трансформированном виде (при отсутствии апелляции, конечно, к породившему их тексту и/или ситуации, в которой они были порождены) — см. приведенные ранее «трансформы» ПВ *Быть или не быть; Нет повести печальнее на свете*. Но трансформация имеет место не всегда, и говорить о соотношении канона и штампа можно в связи с установлением возможного соответствия: канон так же относится к штампу, как тиражирование к воспроизведению.

Замечу, что из прецедентных высказываний в качестве штампов чаще всего используются те, которые имеют только поверхностное значение и хранятся в сознании в виде лингвистических когнитивных структур. Данные высказывания сближаются с фиксированными речевыми формулами и идиомами. Они предполагают высокую степень известности носителям национального ментально-лингвального комплекса, в связи с чем могут воспроизводиться в речи не полностью, но фрагментарно, и в таком случае они легко поддаются восстановлению, например: *Морозисолнце — деньчудесный; Привсембогатствевыборадругойальтернативынет; Уприродынетплохойпогоды* и т. п. Кстати замечу, что наиболее ярким и характерным случаем активизации штампа сознания является именно ассоциация по слову (из прецедентного высказывания или идиомы). Например, я неоднократно слышала фразу: «*Все смешалось в доме Облонских*» для обозначения и путаницы в голове, и беспорядка, мешающего отыскать нужную вещь, и хаоса, препятствующего принятию какого-либо решения, и т. д. Стимулом-«зацепкой» практически во всех этих случаях являлось слово «смешалось» или его близкие синонимы, отсюда и определенный тип ситуации (путаница, беспорядок, хаос), в которой данное высказывание использовалось.

Итак, поскольку для штампа оказывается нерелевантной семантико-когнитивная ассоциация, то, следовательно, логично было бы предположить, что речь может идти только о фонетико-звуковой ассоциации.

Однако, как показала обработка материалов АТРЯ, среди ассоциаций, которые не несут семантико-когнитивной нагрузки и не предполагают соположения реальной ситуации с каким-либо прецедентным феноменом, выделяются такие, которые не связаны с фонетико-звуковым или зрительно-буквенным образом ассоциируемых единиц. Такой, особый вид ассоциации может быть на-

зван *ассоциацией-штампом* (по аналогии со штампом сознания). Механизмы, возбуждаемые стимулом и приводящие к «рождению» ассоциации-штампа, действуют — не всегда и не только, но в первую очередь и как правило — лингвистические когнитивные структуры:

гора	→	<i>сплеч</i> (27);
обещать	→	<i>золотые горы</i> (15);
обман	→	<i>зрения</i> (10);
глаз	→	<i>алмаз</i> (58);
великий	→	<i>вождь</i> (23), <i>великий вождь-товарищ</i> (1), <i>великий учитель</i> (3), <i>великий кормчий</i> (2) [К-1].

Но получаемая в результате ассоциации-штампа единица не обязательно относится именно к идиомам или прецедентным высказываниям, например:

кто → *последний* (4); Вы → *последний?* (1) [К-1].

Данные ассоциации-штампы эксплицируют обязательный вербальный компонент, входящий в число устойчивых, национально-маркированных слотов стереотипного образа *очереди*, бытующего в русском языковом сознании. Что касается самих единиц *кто последний* / *Вы последний*, то они, конечно же, не относятся к клише сознания и, хотя они близки к штампам сознания, их, пожалуй, трудно однозначно причислить к таковым. Данные единицы представляют собой *речевые* штампы, связанные со стереотипным поведением в стереотипной ситуации.

Показателем штампа сознания, на наш взгляд, может быть признано, в частности, употребление вербальной единицы-«эпликатора» в непрямом значении, с целью подчеркнуть красоту слога, поддержать разговор или, наоборот смелить тему разговора и т. д. (об этом см., например, [Прохоров 1996: 99—100]). Например:

[Катя с подозрением оглядела притихнувшую компанию]

— Вы о чем тут шепчетесь?

— Да так, *плюшками балуемся*, — Кравченко потупил синие глазки.

— Я с ним поеду, — Катя села и положила ногу на ногу. [Т. Степанова. Звезда на одну роль. М., 1999. С. 311]

А также ср.: *билет — на балет*⁶ и *билет — на спектакль, в театр, до Москвы*, № 2 [АТРЯ; К-1]. Понятно, что выражение *билет на балет* может быть употреблено и в прямом значении (если речь идет о билете на балетный спектакль), и как штамп:

Господи, а мой-то где *билет на балет*?

(фраза, услышанная в разговоре двух носителей русского языка, один из которых искал свой единый при входе в метро)

⁶ Самая частотная ассоциация: число ассоциаций — 53.

В текстах можно найти подчас целые россыпи ПВ, выступающих в роли штампов:

Весна... *Как много в этом звуке. Вы еще не почувствовали ее приход? Все признаки налицо. Звенят ручьи, кричат грачи, сердце таит, кто-то березкой стать мечтает, кто-то — президентом всяя Руси... А Генпрокурор трубит весеннюю тревогу. Ему захотелось большой и чистой любви. Забыл, бедняга, что в России до сих пор секса нет. Если же вдруг кто-то кое-где у нас порой... пиши пропало. Сразу по центральному телевидению покажут.* [МК от 20.03.99]

«Вот парадный подъезд... По торжественным дням...» Ну и так далее... Конечно, тов. Некрасову легко было размышлять... [...] ... чудо техники домофон, который не работает. Можно сколько угодно нажимать на кнопки, кричать «Сим-сим, откройся!», призывать на помощь музу — бесполезно. Разве что прибежит местный дед Мазай и ударит по домофону кувалдой. Далее — консьержка. Опять же не пустит, будет стоять насмерть, как герои-панфиловцы... [далее — лифт, который может застрять] Вот и выясняй, кому на Руси жить хорошо, в душевной кабинке 2 x 3. Но наконец цель достигнута. *Через тернии к звездам* — и вот она, заветная дверь... Увы! Здесь нашего пиита [Некрасова] ждет самое страшное. Выбор невелик: перо в бок или руля в лоб в зависимости от квалификации преступника. Короче, *погиб поэт — невольник чести.* [МК от 27.02.99].

В АТРЯ был обнаружен интересный пример штампа сознания: **масло** → *масляное* (27), *тавтология* (1) [К-1]. Совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело именно с лингвистическими когнитивными структурами, поскольку в данном случае в когнитивной базе хранится единая единица *масло масляное* как классический пример *тавтологии*. Другими словами, данная единица {*масло масляное*} сама по себе не несет какой-либо семантической нагрузки, за ней не стоит какой-либо прецедентный феномен, и, следовательно, в речи она порождается по фонетико-звуковой ассоциации или по ассоциации-штампу, т. е. существует в системе и функционирует не как клише, но как штамп. Что касается ассоциации **масло** — > *тавтология*, то мы, очевидно, имеем дело со свернутой ассоциативной цепочкой: через штамп (ассоциацию-штамп и штамп сознания *масло масляное*) мы получаем реакцию *тавтология*, как обозначение данного языкового феномена (что опять-таки соответствует нашему определению штампасознания).

Очевидно, что штампы сознания, как отмечает Ю. Е. Прохоров (и — добавлю от себя — особенно клише сознания), функционально служат для поддержания разговора. Но не только. На мой взгляд, в коммуникации клише и штампы выполняют также эстетическую и аффективно-социальную (если использовать терминологию U. M. Quasthoff⁷) функции: они служат для выражения экспрессии, передачи «красоты» языка и способствуют определению собственного места и места собеседника на шкале «свой / чужой».

⁷Отмечу, что U. M. Quasthoff разграничивал три функции стереотипа: когнитивную, аффективную и социальную.

Приведу несколько примеров того, как единицы, изначально восходящие к прецедентным феноменам, проявляют себя как штампы и выполняют указанные функции:

- (1) [Диалог из кинофильма «Три плюс два»:]
 Степан: Это ты стонал?
 Роман: Где?
 Степан: Где!.. На берегу... всю ночь...
 Роман: Я не стонал. Это я пел.
 Степан: Ну, коне-е-ечно... *этот стон у нас песней зовется...*
- (2) [Ситуация на улице. Три немолодые дамы спускаются по недавно отремонтированной небольшой лесенке:]
 А.: ... Теперь придется ждать: он-то уже ушел, наверно, и дверь закрыл...
 [одна из дам неожиданно подкальзывается]
 Б.: Ой, Господи, чуть не упала!..
 А.: Тише!
 В.: *Тише, мыши...*
 А.: ... а ключей-то у меня нет.
 В.: ... *кот на крыше...*
 Б.: Все ноги себе можно попереломать. Не могут сделать по-человечески!
 В.: ... *а котята еще выше...*

Этот полилог, который вполне подошел бы для театра абсурда, невольными слушателями-наблюдателями воспринимался как абсолютно естественный и «нормальный», и поведение коммуниканта В. ни у кого не вызвало ни малейшего удивления: ни у других участников полилога, ни у сторонних свидетелей.

- (3) [Разговор двух преподавательниц:]
 — ... **что-то**... урок сегодня...
 — Чего такое?
 — Да объявился опять этот американец!..
 — А-а-а, этот твой *тихий американец*?
 — Угу, тихий... если бы он был тихим, еще куда ни шло...

Интересно, что в АТРЯ зафиксирована ассоциация **тихий** → *американец* (2) [К-1], что только подтверждает знакомство носителей русского ментально-лингвального комплекса с прецедентным **высказыванием** *тихий американец*, восходящим к названию известного романа Грэма Грина (хотя, возможно, данный феномен следовало бы отнести к социумно-прецедентным).

- (4) [Разговор двух подруг, хорошо и давно знающих друг друга и знакомых с семьями друг друга:]
 А.: Чего вчера не была?
 Б.: Да дядя приезжал, надо было встретить...
 А.: *Ваня*?
 Б.: ???.. Почему?.. А-а, нет Коля. Ты его не знаешь...

Интересно, что в АТРЯ ассоциация **дядя** → *Ваня* зафиксирована как самая частотная: число реакций — 91.

И, завершая наш разговор о клише и штампах сознания, представлю все вышесказанное в виде следующей таблицы:

Таблица 7. Соотношение клише и штампов сознания

Тип феномена	Единицы, с которыми соотносятся	Роль ПФ в дискурсе	Тип ассоциации при активизации	Активизируемая роль
Клише сознания	1) прецедентный текст	эталон	1) семантико-когнитивная	эталон
	2) прецедентная ситуация	эталон		
	3) прецедентное имя	эталон	2) фонетико-звуковая	канон
	4) прецедентное высказывание, имеющее полную парадигму	эталон, канон		
Шапмы сознания	1) прецедентное высказывание, имеющее дефектную парадигму	канон	1) фонетико-звуковая	канон
	2) фиксированные речевые формулы; идиомы	канон	2) ассоциация-штамп	канон

Клише и штампы сознания тесно связаны с понятием фрейм-структуры, к рассмотрению которого мы сейчас и переходим.

ФРЕЙМ-СТРУКТУРЫ СОЗНАНИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Разбирая концепцию Анны Вежбицкой, Е. В. Падучева пишет: «Значение антропоцентрично, т. е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т. е. ориентировано на данный этнос. Нельзя на естественном языке описать "мир как он есть": язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык — свою» [Вежбицкая 1996: 5—6].

Если попытаться выявить, что же определяет специфику языковой картины мира с точки зрения того, что «имеется» в голове человека, с точки зрения того, что и как хранится в сознании и как мы оперируем этим «информационным» массивом, то одним из возможных подходов является, на наш взгляд, попытка проанализировать те «блоки»⁸ (образные, понятийные, концептуальные), кото-

⁸ Ср.: «Очень важно знать, какие именно типы знаний активизируются в тех или иных случаях и какие структуры сознания (от единичных репрезентаций до таких их объединений, как фреймы, сцены, сценарии и т. п.) они вовлекают» [КСКТ 1996: 12].

рые предопределяют наше видение окружающего мира, наше восприятие и членение окружающей действительности, которые обуславливают национальную специфику стереотипов (как поведенческих в целом, так и коммуникативных и речевых в частности) и которые всегда стоят «тенью отца Гамлета» за нашим поведением (в том числе и речевым). Эти «блоки» имплицитны и неощутимы, они неосознаваемы, как неосознаваем воздух, когда его достаточно и он таков, к какому мы привыкли. Но как только этот вдыхаемый нами воздух меняет свое качество или количество, мы сразу «вспоминаем» о его существовании. То же происходит, и когда мы общаемся с представителями иных национально-лингво-культурных сообществ.

Вспомним мысль А. Вежбицкой о том, что «возможность успешной коммуникации между различными культурами напрямую зависит от универсальности базового множества семантических примитивов, из которых каждый язык может создавать практически бесконечное число более или менее "идеосинкретичных" (специфичных для данной культуры) понятий (комбинируя примитивы в различных конфигурациях). Существование такого общего множества примитивов могло бы объяснить "психическую общность человечества" [Boas 1938⁹], а гипотеза о том, что лексикон разных языков воплощает различные конфигурации этого общего набора, отвечала бы за специфичные для каждой культуры аспекты языка и мышления. [...] ... имеется набор семантических примитивов, совпадающий с набором лексических универсалий, и это множество примитивов-универсалий лежит в основе человеческой коммуникации и мышления; а специфичные для языков конфигурации этих примитивов отражают разнообразие культур» [Вежбицкая 1996: 296—297].

Действительно, коммуникация возможна только при наличии определенной общности знаков: именно это обуславливает адекватность и, следовательно, успешность коммуникации. Однако эта общность обманчива: обладая различными слотами (валентными связями), базовые элементы формируют разные «конфигурации». Разность же конфигураций базовых элементов может спровоцировать коммуникативный сбой (неполное понимание) или коммуникативный провал (полное непонимание). Таким образом, то, что делает коммуникацию принципиально возможной, может сделать ее и заведомо неадекватной: общность базовых элементов как таковых обуславливает принципиальную возможность общения, в то время как разнящиеся валентности таковых могут привести (и приводят) к коммуникативным неудачам¹⁰.

Рассматриваемые нами «единицы хранения» информации существуют не изолированно друг от друга, напротив, они представляют собой взаимосвязанные фрагменты единого ментально-лингвального комплекса, образуют опреде-

⁹Boas, Franz. *The Mind of Primitive Man*. Rev. ed. New York: Macmillan, 1938.

¹⁰См. результаты исследований стереотипных образов животных в разных культурах (И. В. Захаренко, И. Н. Брилева).

ленные более или менее устойчивые глубинные блоки, или «конфигурации» (по А. Вежбицкой), которые проявляются, в частности, в ассоциативно-вербальной сети. Конечно, в ассоциациях «проступают» только контуры сложнейшего «многомерного» рисунка, так сказать, вершина айсберга, но изучение этого фрагмента языкового сознания позволяет выявить некоторые особенности языковой картины мира, так как, по мысли Лейбница, язык есть «наилучшее отражение человеческой мысли» {*Gottfried Wilhelm Leibniz. New Essays on Understanding*; цит. по: [Вежбицкая 1996: 291, 325]}.

Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети обладает определенным набором ассоциативных связей. Эти векторы ассоциаций могут быть «свободными» или «предсказуемыми». Я не случайно взяла эти слова в кавычки, поскольку это достаточно условное, метафорическое обозначение стоящих за ними понятий: конечно, ассоциация возникает спонтанно [Чернейко, Долинский 1996: 33], и нет и не может быть инвариантной ассоциативной связи (о чем писали А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов и другие). Однако ассоциация есть «спонтанное» проявление существующих в сознании глубинных структур, и раз так, то сколь «спонтанной» ни была бы ассоциация, в целом ряде случаев мы можем ее «предвидеть», «предсказать». В принципе для обозначения разграничиваемых нами типов ассоциаций можно было бы использовать и другие пары: (*реально возможная vs. потенциально возможная*), «*обязательная vs. необязательная*», — каждая из которых имеет и свои «плюсы», и свои «минусы». Учитывая, что любой термин есть результат некоторой конвенции, я оперирую терминами «*предсказуемая vs. свободная*» ассоциации. Итак:

предсказуемой является ассоциативная связь, в основе которой лежит некоторый когнитивный феномен — культурный предмет, репрезентированный сознанию и кристаллизованный в виде клише и штампов.

Клише и штамп сознания суть «кристаллизация» предсказуемой ассоциативной связи, фиксация предсказуемого вектора ассоциации.

Исследуя ментально-психическую природу данных когнитивных феноменов, мы пришли к необходимости выделения некой когнитивной единицы, которую мы назвали *фрейм-структурой*. Прежде чем представить дефиницию данного феномена и наше его понимание, сделаем небольшое, но важное, на наш взгляд, отступление. Во-первых, предлагаемый в настоящей работе термин «фрейм-структура» и его понимание не являются аналогичными терминам, встречающимся в литературе, таким, как «фрейм, скемата, схема, скрипт, сценарий, план, когнитивная модель, модель ситуации» и т. д. (см.: М. Минский, У. Найссер, Ф. М. Кулаков, Т. В. Вшишкова, С. И. Горохова, R. P. Abelson, G. Cook, R. C. Schank, F. S. Bellezza, G. H. Bower, F. C. Bartlett, E. Charniak, W. G. Lehnert, P. Johnson-Laird, N. A. Stilling, J. L. Garfield, S. Carberry, R. E. Sanders, S. T. Fiske, S. Taylor, M. W. Eyesenck, R. Wilensky, A. C. Graesser, R. A. Zwaan, T. A. van Dijk, C. R. Berger, J. Vradac и др.). Из всех приведенных терминов наиболее близок

нашему пониманию фрейм-структуры термин «фрейм», трактуемый как «когнитивная структура в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов. По своей структуре фрейм состоит из *вершины* (темы), т. е. макропропозиции, и *слотов* или *терминалов*, заполняемых пропозициями. Эта когнитивная структура организована вокруг какого-либо концепта, но в отличие от тривиального набора ассоциаций такие единицы содержат лишь самую существенную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с данным концептом» [Макаров 1998: 119].

Расхождения между предлагаемой фрейм-структурой и фреймом в только что представленной трактовке заключаются в следующем: 1) фрейм-структура представляет собой не «треугольное», «пирамидальное» построение, но более сложную фигуру, что мы и попытаемся показать в настоящей главе; 2) в центре фрейм-структуры стоит некоторое представление, некоторый образ, который — в результате определенной когнитивной обработки — *может* быть представлен концептом, но это случается далеко не всегда (см. фрейм-структуры, за которыми стоят прецедентные феномены: последние «редуцируются» именно в инвариант *представления*, но не в концепт); 3) «существенными, типическими и потенциально возможными» ассоциациями являются, на мой взгляд, *все* национально-маркированные ассоциации, а за предлагаемой фрейм-структурой стоят только ассоциации предсказуемые.

Во-вторых, по теории фреймов М. Минского, знания человека о мире строятся в виде так называемых фреймов-сценариев, или динамических фреймов [Минский 1979]. Некоторым прообразом данной теории послужило, по мнению С. И. Гороховой [Горохова 1985: 90], учение Н. А. Бернштейна о том, что «мозговое *отражение* (или отражения) мира строится по типу *моделей*», а «акт мозгового моделирования при всех условиях реализуется *активно*» [Бернштейн 1966: 287].

Исходя из основных положений концепции М. Минского, фрейм можно представить как сеть, которая состоит из узлов и связей между ними; каждый узел должен быть заполнен своим «заданием», представляющим собой те или иные характерные черты ситуации, которой он соответствует. В общем случае в фрейме можно выделить несколько уровней, иерархически связанных друг с другом [Кулаков 1979: 128]. Особо подчеркну, что указанная теория фреймов, безусловно, очень близка предлагаемой концепции. Но я не могу согласиться с таким категоричным высказыванием: на мой взгляд, фреймы могут быть представлены не только «сценариями» (по другой терминологии — «скриптами» и т. д.), но и образами, т. е. фреймы могут быть не только «динамическими», но и «статическими» (вспомните разные типы стереотипов). Кроме того, требует определенных уточнений и тезис об иерархии «уровней».

Если попытаться вкратце охарактеризовать фрейм-структуру, то это лучше сделать следующим образом:

фрейм-структура есть когнитивная единица, формируемая клише/штампами сознания и представляющая собой «пучок» предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций.

Фрейм-структура — единица, составная, но цельная, единая (так сказать «молекулярная», в отличие от «атомарной» когнитивной структуры). Образно говоря, фрейм-структура представляет собой многогранник, который может быть более простым (при наличии, например, одного вектора предсказуемых ассоциативных связей) или более сложным (при наличии энного количества таких). Соответственно, клише сознания или штамп сознания будут представлять собой лишь одну из граней более сложной фигуры. Очевидно, в ассоциативно-вербальной сети (и следовательно, в индивидуальном когнитивном пространстве и в когнитивной базе) клише и штампы сознания хранятся именно как фрейм-структуры (при более простой организации последней) или как ее отдельные «границы» (фрагменты).

При этом фрейм-структура, связанная с тем или иным прецедентным феноменом, может быть значительно шире, чем сам этот феномен. Так, например, *Мюнхгаузен* как прецедентное имя имеет инвариант восприятия: «рассказывающий о себе небылицы человек; человек, деяния которого невозможны по определению (например, вывернуть наизнанку волка или вытащить за волосы из болота себя вместе с конем); при этом человек уверяет всех в своей правдивости», — и если кого-либо назовут Мюнхгаузеном, то апелляция к указанному инварианту будет вполне прозрачна и очевидна (вспомним: *непревзойденный фотограф и внук барона Мюнхгаузена*). За данным ПИ стоит блок предсказуемых векторов ассоциаций, что позволяет говорить о том, что мы имеем дело именно с фрейм-структурой. Вместе с тем, ПИ *Мюнхгаузен* может открывать ряд прецедентных феноменов, связанных непосредственно с его «подвигами», а именно: ряд прецедентных ситуаций. Далее, через ПИ говорящий может апеллировать и к самому прецедентному тексту (инварианту его восприятия — ПТ/ИВПТ). За каждым таким прецедентным феноменом: ПС, ПТ/ИВПТ — также стоит фрейм-структура. Очевидно, что данные «конкретные» фрейм-структуры, «соотносимые» с каждым конкретным прецедентным феноменом (самим именем, отдельной ситуацией или текстом), формируют структуру более сложной конфигурации, которая также будет являться фрейм-структурой, но более «высокого порядка». Таким образом, фрейм-структура как таковая (как феномен) может быть шире, чем отдельный прецедентный феномен, поскольку может включать в себя несколько более «простых» фрейм-структур, каждая из которых стоит за отдельным конкретным ПФ. Будучи многогранной фигурой, фрейм-структура при апелляции к ней может «менять свое положение в пространстве» (верх/низ, право/лево), «поворачиваясь» то одной, то другой гранью. В этом и заключаются те уточнения, которые мы назвали необходимыми, говоря о иерархической организации фреймов.

Отличие фрейм-структуры от «нефреймовых» валентных связей состоит, на наш взгляд, именно в определенной предсказуемости векторов ассоциаций и, возможно, закрытости списка «предсказуемых» ассоциативных связей. При активизации одного из элементов фрейм-структуры активизируются и все другие ее элементы, но для актуализации выбирается какой-либо один элемент. Какой именно и почему — это, очевидно, предмет отдельного рассмотрения, равно как и вопрос о закрытости перечня потенциальных ассоциаций.

Итак, остановившись вкратце на вопросах терминологии, мы вместе с тем рассмотрели и случаи активизации и актуализации когнитивных структур при речевом общении. Думаю, ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что психологические клише и штампы (клише и штампы сознания) проявляются в ассоциациях. Почему бы не предположить, что и когнитивные структуры будут обнаруживать себя тоже в ассоциативных связях? Безусловно, такой подход (через ассоциативный ряд) позволит проанализировать в первом приближении лишь системные, парадигматические отношения. Но я уверена, что рассмотрение именно этого аспекта должно (или — как минимум — может) предшествовать рассмотрению аспекта функционального.

Рассмотрим только что изложенное на конкретных примерах¹¹.

Любая единица ментально-лингвального комплекса обладает определенным набором валентных связей. При этом ассоциация может быть достаточно «свободной», «непредсказуемой» а priori, зависящей от самых разных факторов, начиная с сиюминутного состояния языковой личности и заканчивая наиболее типичными национальными социокультурными стереотипами. Последнее же дает возможность создавать словари «ассоциативных норм»: см., например, «Словарь нормативных ассоциаций русского языка» (М., 1969); «Словарь ассоциативных норм русского языка» (под ред. А. А. Леонтьева, М., 1979); «Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Русский ассоциативный словарь» (Книги 1—6. М., 1994, 1996, 1998 (АТРЯ)).

Приведу фрагмент статьи из [АТРЯ, К-1] на слово **поле** (в скобках указывается число данных реакций на стимул):

поле → чудес¹²(57); широкое (38); русское (35); перейти (22); ржи (14); чистое (13); рожь (11); зрение, пшеничное (10); луз (9); картошка (8); трава (7); Куликово, русское поле (6); море, река, перекасти (4); маков, футбол (3); васильки, гречишное, равнина, ромашка (2); гололед, женщина, звезды, самолет, стадион (1).

¹¹ Ср.: «Важно проследить, как в зависимости от идентифицированного признака одно и то же слово может «выводить» на различные схемы знаний, сценарии и т. п., а при наличии общих схем знаний в условиях межкультурных контактов — на специфическое заполнение тех или иных слотов образами типичных для каждой культуры носителей признаков в сочетании с соответствующими эмоционально-оценочными переживаниями» [Залевская 1996, 166—167].

¹² Самая частотная реакция.

Образованные в результате ассоциаций единицы явно делятся на несколько групп.

1) Первая группа представлена сочетаниями типа: **поле** → *трава, маков, море, река, равнина, гололед, женщина, звезды*. При образовании данных единиц не возникает дополнительных коннотаций, за ними не стоит какое-либо глубинное представление (в нашем понимании данного термина).

2) Вторую группу составляют сочетания, обладающие национально-культурной маркированностью: **поле** → *широкое, чистое, пшеничное, гречишное, ржи, рожь, картошка, ромашка, васильки*. В данном случае мы можем иметь дело со стереотипным образом как таковым или с его периферией.

3) Третья группа состоит из сочетаний, за которыми стоит единый образ, один предмет или ситуация, а стимул и реакция только «связывают» части целого: **поле** → *футбол, стадион, самолет* (возможно, сюда же относится и реакция *трава*).

4) Четвертую группу формируют сочетания несколько иного плана: те, соединение компонентов которых образует особую единицу. Эта единица является не просто сочетанием имени и атрибута (как в предыдущих группах), но «именует» особый образ, так как именно совокупность компонентов и есть «имя» некоего «предмета» (в самом широком смысле), с которым связаны определенные коннотации, например, **поле** → *перекати* (= *перекати-поле*). Последний случай может служить примером когнитивной структуры, а ассоциация относится к ассоциациям-штампам.

5) Пятая группа представлена ассоциациями, «восходящими» к прецедентным феноменам. Например, ассоциации **поле** → *русское, русское поле* или **поле** → *перейти* манифестируют апелляцию к прецедентному тексту: в первом случае — к тексту известной песни, во втором — к высказыванию: *жизнь прожить — не поле перейти*. При этом ассоциации **поле** → *русское, русское поле* также следует отнести к ассоциациям-штампам.

Более сложный случай представляет ассоциация **поле** → *чудес*. Очевидно, что *поле чудес* отличается от других пар, образованных в результате ассоциаций, и отличается именно тем, что *поле чудес* есть «имя» образа, за ним стоит представление (т.е. образ, понятие, оценки и коннотации). *Поле чудес* может быть отнесено к числу прецедентных феноменов, поскольку за этим прецедентным именем стоит определенная прецедентная ситуация (как и за ассоциацией **поле** → *Куликово*), связанная с определенным прецедентным текстом (как и за ассоциациями **поле** → *перейти*, **поле** → *русское*). Таким образом, мы с Вами обнаружили еще одну характерную черту, еще одну особенность когнитивной структуры: за ней (или некоторой «конфигурацией» таковых) может стоять инвариант восприятия прецедентного феномена. В рассматриваемом случае это будет инвариант восприятия прецедентного текста — «Сказка о золотом ключике, или Приключение Буратино», и инвариант восприятия прецедентной ситуации, «именем» которой и является *поле чудес* (в *стоане дурков*). Подтверждение находим в АТРЯ:

поле → *чудес* (57); *чудеса, чудо* (2); *дураков, чудес в нашей стране, чудес в стране дураков* (1) [К-1];
страну → *Буратино, дураков* (1) [К-1],
страна → *дураков* (23) [К-1].

В данном случае *поле чудес* является составной частью устойчивого блока ассоциаций (векторов валентных связей), за которым стоит инвариант восприятия прецедентного текста. И следовательно, возможные ассоциации (как показали пилотажные опросы): **поле чудес** → *страна дураков, папа Карло, Буратино, лиса Алиса, лиса Алиса и кот Базилио* и т. д., а также зафиксированные в АТРЯ: **Буратино** → *Мальвина* (4); *папа Карло* (3); *в стране дураков* (2); *Карабас, Карло* (1) [К-3].

С другой стороны, проведенные пилотажные опросы позволили выявить следующие устойчивые реакции: **поле чудес** → *передача* (соответствует отмеченной в АТРЯ ассоциации: *передача* ← **взгляд** (31); **здоровье** (3); [К-2]), *Якубович* (соответствует отмеченной в АТРЯ ассоциации: **передачу** → *Сенкевич* (1); [К-3]), *приз* и т. д. Иначе говоря, *поле чудес* входит в еще один блок «предсказуемых» ассоциаций; с одной стороны, это ассоциации, связанные с инвариантом восприятия именно телеигры «*Поле чудес*» (см. только что приведенные примеры); с другой стороны, это ассоциации, связанные со стереотипом такого феномена, как «*телепередача*» (см. реакцию *Сенкевич*, а также: **передачу** → *вел, вести* (5), [К-3]).

Таким образом, мы выявили случай, когда векторы валентных связей могут быть «предсказаны» а priori. Почему это возможно? Очевидно, потому, что за всем этим скрывается некий единый, но составной, мозаичный (в отличие от когнитивной структуры) образ. В первом случае — *сказка о Буратино* — это инвариант восприятия прецедентного текста, включающий в себя комплекс прецедентных феноменов: прецедентное имя (инвариант восприятия ПИ) и прецедентную ситуацию (инвариант восприятия ПС). Во втором — *телепередача «Поле чудес»* — прецедентную ситуацию (инвариант восприятия ПС) и стереотипный образ. Инвариант восприятия ПТ и инвариант восприятия ПС с точки зрения когнитивных структур есть некая когнитивная единица, составная, но цельная, которая являет собой максимально свернутое эмотивно-информативное представление о «предмете» или ситуации и обладает «набором» предсказуемых ассоциаций. Что же мы получили в результате? А в результате мы получили единицу, которая полностью соответствует нашему определению фрейм-структуры. Иначе говоря, инвариант восприятия прецедентного текста, прецедентной ситуации, прецедентного имени и совокупность значений-смыслов прецедентного высказывания и есть, в рамках предлагаемой терминологии, фрейм-структура. Таким образом, подтвердился тезис о том, что при активизации одного из элементов фрейм-структуры¹³, как в только что приведенном примере — *поле*

¹³ Она, правда, может состоять и из одной когнитивной структуры

чудес, активизируются и все другие ее элементы, но для актуализации выбирается какой-либо один элемент (очевидно, в зависимости от конкретной ситуации общения). В целом же ассоциации такого рода были названы семанτικο-когнитивными и показаны на схемах, представленных ранее (см. сх. 19—22).

Приведу еще примеры фрейм-структур, за которыми стоит прецедентный феномен (по материалам АТРЯ):

быть → *или не быть*¹⁴, *не быть, Гамлет, Шекспир:*

гость → *незванный*¹⁵, *татарин, хуже татарина; Каменный, Пушкин; ревизор; варяжский;*

масло → *Аннушка;*

мастер → *и Маргарита, Маргарита*¹⁶, *Мастери Маргарита, Булгаков, Воланд; Левша;*

мать → *Родина, Россия, зовет; Горький, Горького, М. Горький, Максим Горький, Павел, роман •*

оковы → *тяэюкие, тяжкие падут, падут, Пушкин.*

Как же соотносятся между собой такие феномены, как когнитивная база, прецедентные феномены и фрейм-структуры? Как уже говорилось, прецедентные феномены являются ядерными элементами когнитивной базы. Следовательно, если когнитивная база есть некоторая *система*, то прецедентные феномены — *элементы* этой системы; фрейм-структуры же представляют и формируют *структуру* этой системы, проявляющуюся в функционировании самой системы. Составляющими элементами указанной структуры служат *клише* и *штампы сознания*. *Каноны* и *эталоны* при этом — это те роли, которые феномены играют при актуализации в дискурсе, те маски, которые они на себя надевают.

КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫЙ ФРЕЙМ

В связи с понятием фрейм-структуры вернемся к вопросу о соотношении когнитивной базы и культурного пространства. Необходимость этого обуславливается, в частности, тем, что в работах исследователей используются такие понятия, как «культурно значимый фрейм» и «образные гештальт-структуры» [Телия 1996.]. Данные понятия предстают в контексте культуры и языка: «Если номинативные единицы... (типа "самовар... перестройка") обладают культурной памятью, но они способны за счет своих собственных значений и их энциклопедического фона выполнять функцию указания на соответствующий *культурно значимый фрейм*» [Телия 1996.: 82—83] (выделено мною.— В. К.). И да-

¹⁴ Самая частотная ассоциация: число реакций — 45. В данном случае я привожу не всю статью из [К-1] АТРЯ, но лишь те реакции, которые являются элементами данной фрейм-структуры.

¹⁵ Самая частотная ассоциация: число реакций — 76.

¹⁶ Самые частотные ассоциации: число ассоциаций — 82 и 44 соответственно.

лее: «То, что культура "включена" в язык, — факт неоспоримый: язык как средство коммуникации вбирает в значения (номинативных единиц в форме энциклопедического, концептуально-эпистемического содержания знака или ассоциаций с акциональными или ментальными фреймами) все, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение» [Телия 1996₁: 84—85] (выделено мною. — В. К.).

Мне представляется не только возможным, но и необходимым ввести данные понятия в свою концепцию и попытаться приложить их к предложенной системе прецедентных феноменов. Однако, как мне думается, понятие «культурно значимый фрейм» относится не к когнитивной базе (как фрейм-структуры, за которыми стоят прецедентные феномены), но к культурному пространству (подобно фрейм-структурам, в виде которых хранятся стереотипы-представления).

Если рассматривать культурно значимый фрейм *прецедентного феномена*, входящий в русское культурное пространство, то можно выявить следующие его «составляющие»:

1. «содержание» («наполнение») прецедентного феномена¹⁷:

ПС	ПТ	ПИ	ПВ
↓	↓	↓	↓
ИВПС	ИВПТ	ДП + Атр.	сист. см.

(«нижний этаж», а также ПИ и ПВ как таковые входят в когнитивную базу)

2. «объективное окружение» прецедентного феномена:

- а) для ПС, ПИ, ПВ, связанных с «породившим» их текстом, — ПТ-источник;
- б) для ПС, ПИ, ПВ, не связанных с таковым («автономных»), — реалии, имевшие место и приведшие к их появлению (реальная ситуация, реальное лицо);
- в) для ПТ — знания о тексте (автор, время создания и т. д.) и знание текста (сюжет, коллизии, персонажи и т. д.);

3. «субъективное окружение» прецедентного феномена:

совокупность связанных с ПФ знаний и представлений, которыми обладают отдельные носители ментально-лингвального комплекса. Данные знания могут быть более или менее общими, но в любом случае не являются необходимо обязательными для всех (в отличие от знаний, являющихся частью КБ), в области представлений может иметь место значительный разброс как между индивидуальными и коллективными представлениями, так и «внутри» первых и вторых (что опять-таки невозможно, когда мы говорим о КБ, в которую входят только коллективные, при этом «общенациональные», минимизированные и детерминированные культурой представления);

¹⁷ Принятые сокращения: ПС — прецедентная ситуация; ИВПС — инвариант восприятия; ПС; ПТ — прецедентный текст; ИВПТ — инвариант восприятия ПТ; ПИ — прецедентное имя; ДП + Атр. — дифференциальные признаки и атрибуты; ПВ — прецедентное высказывание; сист. см. — системный смысл.

4. условия использования ПФ в коммуникации (знание ситуаций употребления). В КБ также содержится информация о функционировании данных единиц, входящая в их (данных единиц) фрейм-структуры.

Совершенно очевидно, что (2) и (3) никоим образом не входят в когнитивную базу, но принадлежат культурному пространству; (1) и (4) являются фрагментами КБ, но с определенными оговорками.

Культурно значимый фрейм *концепта* — это прежде всего коннотации, с данным концептом связанные, и потенциально возможные визуальные образы, сопровождающие данный концепт и ассоциируемые с ним (напомню, что сам концепт лишен прототипичности, т. е. сам по себе не обладает изначальным визуальным образом). Например, *воля* может «сопровождаться» представлением о шире, об открытом пространстве и, таким образом, ассоциироваться, например, со стереотипным образом *поля*. И здесь сразу необходимо сделать некоторые оговорки. Во-первых, ассоциирование не является обязательным. Во-вторых, если оно имеет место, то сопровождающие концепт представления и образы могут различаться. В-третьих, на то, какие именно образы ассоциируются с данным концептом, могут оказывать влияние феномены разной природы: от «культурной памяти», стоящей за концептом, до факторов собственно лингвистического характера. Например, вернемся к только что приведенному примеру — концепт *воля* ассоциируется со стереотипом-образом *поле*. На подобное ассоциирование может «работать» в том числе и близость звучания единиц «*воля — поле*». Отсутствие единственно возможной «картинки» и, соответственно, единственно возможного объяснения не должно нас в данном случае пугать. Поскольку мы в данном случае говорим о культурно значимом фрейме, а он, напомню, принадлежит культурному пространству. Изучить же и тем более описать *в с е* много- и разнообразие национального культурного пространства (вспомним, что оно есть такое) представляется едва ли возможным.

Для *стереотипов, духов и артефактов*, о которых мы говорили ранее, культурно значимым фреймом будет, очевидно, та «культурная память», которая за ними стоит. И в первую очередь — это бытование в фольклорном дискурсе, если таковое имеет место. Такой культурно значимый фрейм может быть обнаружен у бестиариев, артефактов, у многих зооморфных и у некоторых антропоморфных стереотипных образов (например, у «нелюдей» или «полудемонов»: *волколака, ведьмы, колдуна* и др.), у многих стереотипных образов из растительного мира (например, у *дуба, вербы, березы, калины* и т. д.). У некоторых стереотипных образов (например, социальные стереотипы) культурно значимый фрейм может быть представлен культурно маркированными знаниями (такой фрейм наличествует, на мой взгляд, у *юродивого*).

В целом я должна признать, что работа по выявлению культурно значимых фреймов ментефактов русского культурного пространства еще очень далека от завершения и вопросов сегодня гораздо больше, чем ответов.

Что касается образных гештальт-структур, то, в данном термине для нас оказывается особенно важным первая его часть — «образные». Отталкиваясь от традиционного понимания «образа» как «совокупности чувственных впечатлений от объекта и слова как обобщающей категории, адекватно употребляющейся по отношению к ряду предметов и явлений» [Дергачева 1969: 25], и исходя из авторского определения: «типовые для данного народа представления о каком-то свойстве человека, о состоянии или действии, о качественном или количественном признаке» [Телия 1996: 86], — можно сделать вывод, что они относятся скорее к системе нравственных ценностей, входящих в духовный код культуры и, следовательно, предопределяющих восприятие и оценку, т. е. являются собой некие «вешки» («пометы», «шкалы», «деления») на осях национальной системы координат.

КОДЫ КУЛЬТУРЫ И ЭТАЛОНЫ РУССКОГО МИРА

В данной главе я попытаюсь рассмотреть вопросы, которые помогут нам понять, что же есть культура для каждого конкретного человека. Для этого я остановлюсь на том, как культура хранится в сознании человека, как фиксируется в языке и языковом сознании, как проявляется в поведении человека, в том числе в коммуникативном и речевом, как «реализуется» в дискурсе, обуславливая национально-культурную специфику последнего. Зачастую это «культурное содержание» не осознается и не рефлектируется самим представителем той или иной культуры. Все это создает дополнительные трудности при исследовании и описании базового культурного пласта, который является неотъемлемой частью содержания индивидуального когнитивного пространства любого человека говорящего.

КОДЫ КУЛЬТУРЫ И МЕТРИЧЕСКИ-ЭТАЛОННАЯ СФЕРА

Итак, мы приступаем к разговору о русском культурном пространстве и о фиксации основных его фрагментов в языке. Особое внимание при этом я постараюсь уделить тем фрагментам, которые относятся к глубинному слою русского культурного пространства. И здесь мы подошли еще к одному отличию — отличию русского культурного пространства от когнитивной базы: КБ, как мы помним, имеет в первую очередь горизонтальную структуру, т. е. имеет центр и периферию, а культурное пространство имеет и вертикальную структуру, т. е. имеет глубину. К глубинным слоям культурного пространства следует относить те представления, которые восходят к архетипическим, древнейшим представлениям, соотносятся с ними и представляют собой базовые оппозиции культуры. К числу таких оппозиций, соотносимых с архетипами, следует относить оппозиции «верх — низ», «далеко — близко», «хорошо — плохо», «свой — чужой», «много — мало», «право — лево» и некоторые другие.

Но сначала попытаемся понять и определить такое понятие, как *код культуры*, и посмотреть, как коды культуры фиксируются в языковом сознании и в языке и проявляются в дискурсе. Я предлагаю следующее понимание:

код культуры есть «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его.

Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и «кодируют». Можно сказать, что коды культуры «образуют» систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры.

Коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как *homo sapiens*. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированны и обуславливаются конкретной культурой. Очевидно, можно, хотя и очень осторожно, говорить о том, что условно универсальный характер носят также и некоторые базовые метафоры. Я имею в виду не конкретные метафоры, а некоторый тип, например, антропоморфные соматические метафоры, используемые для структуриации и описания окружающего мира¹. Однако подчеркну еще раз, что в данном случае можно говорить только об «условно», гипотетически возможных универсалиях, поскольку для более категоричного утверждения необходимы широкие моно- и межкультурные исследования.

Рассуждая о кодах культуры, мы должны иметь в виду, что исследователи говорят о различных кодах, таких, например, как антропный, анатомический / соматический / телесный, зооморфный, растительный, предметный / вещный, пищевой, аксиональный, духовный и т. д. Но сейчас я остановлюсь на тех кодах, которые являются, на мой взгляд, базовыми, с одной стороны, а с другой — наиболее «крупными»: остальные коды вполне могут выделяться внутри них. Базовые коды культуры соотносятся с архетипическими представлениями культуры, в них фиксированы «наивные» представления о мироздании. Таких кодов, я думаю, по определению не может быть много. В этой главе я представлю следующие коды культуры:

1. соматически:й (телесный);	4. предметный;
2. пространственный;	5. биоморфный;
3. временной;	6. духовный.

Почему соматический код стоит на первом месте? Потому что он является, пожалуй, наиболее древним из существующих (хотя однозначно утверждать или опровергать это положение представляется едва ли возможным). Человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. С этого же началась и окультурация (или окультуривание) человеком окружающего мира. В результате, завершив этот «герменевтический круг», человек пришел к необходимости опять познавать себя, но уже на другом этапе, на новом витке. Таким образом, в освоении мира человек совершил путь от самого себя к самому себе же. Иначе говоря, через осознание себя человек пришел к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность (что и оказалось зафикси-

¹ См., например, *Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1990.*

рованным в соматическом коде культуры). Через окультуривание и осознание окружающего мира человек вернулся к описанию самого себя, «применяя», «примеряя» и «накладывая» на себя знания об окружающем мире.

Между кодами культуры нет и не может быть жестких границ. С точки зрения филогенеза и процесса окультурации человеком окружающего мира соматический код во многом предопределил пространственный; пространственный «наложился» на временной, в значительной степени его обусловив. Как мы увидим чуть позже, соматический код используется, например, для описания пространства, а пространственные отношения переносятся на временные. В сознании пространство и время неразрывно связаны, что находит свое отражение и в языке (*в двух шагах от победы, в трех минутах отсюда*). Предметный код, в который входят и такие понятия, как, например, *дом, род, семья*, непосредственно связан с социальными отношениями. Причем связь эта представляет собой двунаправленную зависимость: предметный код «проникает» в социальные отношения, во многом их предопределяя, с одной стороны, и отражая — с другой, а социальные отношения пронизывают многие базовые понятия предметного кода. Таким образом, предметный код в некоторой степени предопределяет и код духовный, «первичен» по отношению к нему.

В целом можно сказать, что существуют три основных объекта познания и описания, принадлежащие миру «Действительность»: 1) сам человек, 2) окружающий мир (пространство и заполняющие его предметы — в самом широком смысле), 3) время. Познавая и осознавая себя, человек переходит к познанию и осознанию себя в мире себе подобных и, таким образом, вступает в мир людей, осознание же времени необходимо ему для того, чтобы разместить события на временной оси относительно друг друга.

Рассмотрим указанные коды культуры чуть более подробно.

Итак, *соматический (телесный) код*. В соматическом коде особое место занимают символичные функции различных частей тела. Например, в *рописимвола человека* как такового или через его характеристику, признак могут выступать: *голова* {считать по головам; ну, ты голова!}, *плечи* {на ее плечах лежала большая ответственность}, *рука* {не хватает рабочих рук; мастер — золотые руки; правая рука; он остался с маленьким ребенком на руках, отдам в хорошие руки; через мои руки проходит вся почта}. Отмечу, что *рука* может выполнять функцию символа не только человека, но и *власти* {взять регион в свои руки, держать в руках весь город}, *обладания* {иметь в руках, получить на руки}, *инструмента* (*ручная работа*) и др.

Пространственный код связан с членением пространства. Собственно пространственный код трудно развести с соматическим кодом культуры в той части, которая касается устройства мира, поскольку многие антропоморфные метафоры (изначально принадлежащие коду соматическому) «обслуживают» пространственный код, свидетельствуя об определенном членении пространства.

Посмотрим, как же соматический код наслаивается на пространственный и пре-допределяет пространственные представления человека и структурирование окружающего мира. Приведу всего несколько примеров².

Под рукой — в пределах досягаемости, в непосредственной близости; человек может воспользоваться предметом, не меняя своего местоположения в пространстве {это всегда должно быть под рукой}.

Рукой подать — недалеко, близко, совсем рядом; человек может быстро добраться от начального пункта следования до конечного (как поется в песенке из популярного фильма: *Мне от Брайтон-Бич до Дерибасовской через океан подать рукой*).

В двух шагах — близко, рядом; предметы расположены недалеко друг от друга (*остановка в двух шагах от дома; они живут от нас в двух шагах*).

А теперь рассмотрим пространственную модель мира, созданную человеком, т. е. попытаемся разобраться в том, как выглядит окультуренное человеком пространство. Следует отметить, что окультуривание человеком окружающего мира и в филогенезе, и в онтогенезе происходит, очевидно, параллельно с осознанием категорий «свой — чужой», с членением пространства на «свой» мир и мир «чужой».

Общая структурация русского мира может быть представлена следующим образом:

1. *внутренний мир* человека, то, что находится внутри самого человека и ограничивается телесными границами; здесь очень важным оказывается соматический (телесный) код культуры, т. к. универсальными единицами измерения пространства с древнейших времен являлись параметры тела человека;
2. фрагмент внешнего по отношению к телу человека мира, который является «собственностью» человека, входит в его личное пространство, образуя *личную зону*;
3. фрагмент внешнего мира, выходящий за пределы личной зоны, но осознаваемый как *близкий, свой, родной*;
4. фрагмент внешнего мира, который воспринимается и осознается как *чужой, чуждый, враждебный*.

Внутренний мир располагается внутри телесной оболочки, представляет собой вместилище (локус) мыслей, чувств, эмоций и т. д. Особую роль здесь играют различные органы и части тела человека, главнейшими из которых являются *сердце и душа* как локус чувств (*в сердце закралась тревога, в душе шевельнулась жалость, скрепя сердце, камень на сердце, на душе, в глубине души*) и *голова* как локус мыслей (*в голову пришла мысль, держать информацию в голове, выскочило из головы*).

² Многие примеры, приводимые в данной главе, являются рабочими материалами к «Словарю живых фразеологизмов русского языка», который создается в настоящее время под руководством и редакцией В. Н. Телия.

Личную зону очерчивают руки человека (см.: *под рукой, рукой подать*). Граница личной зоны проходит по той линии, которую могут провести руки. Таким образом, эта зона образует некий полукруг-овал: от боков и вперед. То, что находится за спиной человека, ему уже не принадлежит. Эта сфера находится вне зоны видимости, вне достижимости, вне зоны сознательного тактильного или визуального контакта. И раз она невидима и недостижима, то она неведома, непонятна и опасна. Здесь идет пересечение с миром чужих, миром мертвых. Кроме того, эти пространственные отношения, как мы увидим, переносятся и на отношения временные.

Важным мериллом мира, прилежащего к личной зоне, является *шаг* — минимальная единица, связанная с действием, с переходом за границу личной зоны, выходом во внешний мир. Это не так просто, как кажется, отсюда и возможность существования таких единиц, как *крешиться на шаг, быть способным или не способным на тот или иной шаг* и т. д.

Свой, близкий, родной мир — исторически связан в первую очередь с родной землей. За границами своего мира начинается мир чужих, исторически тесно связанный с миром мертвых.

Чужой мир находится, как правило, далеко, *за тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, у чертанарогах*.

Пространственный код, кодирующий в том числе и представления о родной земле и о чужой стороне (стране), о мире живых и о мире мертвых, о границах между мирами, непосредственно связан и с базовой оппозицией «свой — чужой», соотносимой с архетипами сознания. Выскажу самую общую идею, почерпнутую мною из работ В. Я. Проппа: мир чужих, мир мертвых, тридевятое, «иное» царство в русской волшебной сказке «может лежать или очень далеко по горизонтали, или очень высоко или глубоко по вертикали». Но все-таки в русском пространстве доминантным, на мой взгляд, будет расположение по горизонтальной оси: мир чужих находится «за морем-океаном», «за лесами, за долами, за высокими горами». Отсюда и одна из базовых оппозиций: «родная земля — чужая сторона (страна)». Об этом же свидетельствуют и границы между миром живых и миром мертвых: поле, лес, река, горы, т. е. то, что само по себе может иметь вертикаль (как лес или горы), но располагается на горизонтали. Интересно, что «чистое поле», непременным условием которого является гибель и в котором действует былинный герой, противопоставлено высоким и темным лесам и горам. «Чистое поле» — промежуточный мир, в пределах которого герой и его противники равны друг перед другом и перед судьбой, это пограничная полоса, рубеж. Лес же — самая ближняя грань чужого мира. Известный историк XIX в. И. Забелин говорил о разных характерах лесного человека и полянина. Основным девизом лесной жизни можно признать пословицу «Десять раз отмерь — один отрежь», полевой жизни — «Либо пан, либо пропал». Лесной человек — осторожный хозяин, политик, который умеет ладить со всеми и создает государство как политический союз. Полянин — удалой воин, стремительный в

схватке, неоглядно храбрый, вольный, он не любит оков совместного житья, общества, мира, государства [Колесов 2000]. Разговор об этом можно было бы продолжать, но я остановлюсь на сказанном и повторю основное: русское пространство строится в основном по горизонтали, и членение на «свой мир — чужой мир» располагается в первую очередь на горизонтальной оси. В этой связи весьма интересными являются противопоставления «земля — страна», «свет — мир», «этот свет — тот свет».

Столь же важной в пространственной модели является оппозиция «верх — низ». По свидетельству В. В. Колесова, к началу древнерусской эпохи, к X веку, уже существовало в основном разработанное представление о вертикальном пространстве дома — от чердака до подвала, т. е. уже некоторым образом на материале места обитания «овеществлена» оппозиция «верх — низ». Но эта оппозиция оказывается релевантной и для человека. В качестве примера приведу идиому *с головы до ног* (оглядеть, вооружить; испачкаться; одарить). Что мы можем получить, проанализировав данную единицу с точки зрения лингвокультурологического подхода? Во-первых, образ данной идиомы соотносится с архетипическим представлением человека в его вертикальном измерении и противопоставлением «верх — низ». Во-вторых, целостное восприятие в данном случае построено на древнейшем метонимическом приеме: человек в его целостном виде или состоянии измеряется неотъемлемыми его частями, которые для человека служат эталонами, т. е. мерой его вертикального измерения. Крайние точки этой шкалы могут быть представлены как *голова, макушка*, с одной стороны, и, с другой — *ноги, обувь, каблуки* или — как более точное определение нижней точки, точки непосредственного соприкосновения человеческого тела с землей — *пята (пятка)*. Другие единицы, изначально связанные с этим образом, типа *поставить, перевернуть с ног на голову*, свидетельствуют о принципиальной возможности экстраполировать представления о человеке на предметы внешнего мира (*они перевернули все в доме с ног на голову; с ним невозможно разговаривать: он вечно все переворачивает и ставит снога голову*).

Как я уже говорила, пространственный код, реализующийся в том числе в антропоморфных метафорах, изначально принадлежащих соматическому коду, неразрывно связан с кодом временным. Во-первых, потому, что пространственные отношения накладываются на временные. Это обусловливается, очевидно, тем, что окультуривание пространства предшествовало осознанию категории времени. Во-вторых, потому, что пространство и время тесно связаны в сознании человека. Это проявляется, например, в использовании пространственных предлогов для выражения временных отношений (т. е. фактически имеет место погружение времени в пространственный контекст): *со дня на день, изо дня в день, время от времени, до поры до времени, через неделю, сквозь годы* и т. д. Кроме того, пространство может измеряться с помощью временных единиц, а время — с помощью единиц пространственной сферы: *в двух минутах отсюда, в трех часах езды; вшаге от победы, на краю гибели, за плечами годы работы*.

Временной код культуры фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется (в том числе) в отношении человека ко времени.

Современные русские движутся по временной оси лицом вперед, что закреплено в языке: то, что *за спиной, за плечами*, относится к прошлому, а то, что *на носу* принадлежит будущему (*за спиной опыт прошлых лет, годы учебы остались за плечами; на носу зима*). Это подтверждают и соответствующие жесты из языка глухих: показывая себе за спину (за плечо), человек относит описываемые события к прошлому, выражая тем самым грамматическую категорию времени или передавая значение «раньше».

А как мы воспринимаем время? Как членим его? Первое, что нужно отметить, это то, что мы можем делать со временем разные, в том числе и весьма неприятные, вещи: мы можем его *тратить, проигрывать и выигрывать, терять и находить, тянуть и подгонять*, вообще *неуважать, не считаться* с ними даже *убивать* (отсюда и *битый час*).

Время для нас может быть недискретным: выступает просто как *время*, возможно в паре с *пора*: *время от времени, до поры до времени*. Но вместе с тем, время для нас и дискретно: в нем выделяются отдельные единицы измерения — от входящих в единую систему единиц измерения времени (начнем, например, так: *год, месяц, неделя, день, час, минута, секунда* и далее — *десятые, сотые* и т. д.) до достаточно «субъективных» единиц, обозначающих либо минимальные (*миг, мгновенье*), либо максимальные промежутки времени (*век, вечность*).

Если мы говорим о «бытии» человека (как в мире «Действительное», так и в мире «Идеальное»), то для нас окажется важным противопоставление мира, для которого релевантно реальное время, и мира «вневременного». Это противопоставление категоризуется и проявляется, в частности, в оппозиции «век — вечность», на которой я остановлюсь чуть подробнее.

Но сначала одна цитата: «В древней Руси разделяли "временные формы на те, которые выражают *бытие*, и те, которые выражают *предбытие*... Если выразить эти мысли современной терминологией, то... формы перфекта и будущего времени выражают действие, ограниченное во времени, в то время как формы аориста и настоящего времени выражают действие без отношения к границе времени, и поэтому они одни способны выражать действия, имеющие по теоретическим представлениям христианской религии атрибут *вечности*»³. [...] Латинствующие не различали в своей литературной практике "бытия" и "предбытия", бренности и вечности» (А. М. Панченко) (разрядка моя. — В. К.).

Теперь вернемся к паре «век — вечность». В окультуренной человеком метрически-эталонной сфере *век* относится к временной сфере, являясь единицей

³ Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 116—117.

точного измерения времени (*100 лет, столетие*, отсюда — *прошлый век, XXI век*). Поскольку этот период, как правило, превышает продолжительность жизни человека, век может обозначать период, объективно продолжительный, соотносимый с эпохой (*каменный век, Серебряный век*) или субъективно воспринимаемый как долгий (*Сколько можно тебя ждать? Я уже целый век здесь торчу!*). По данным АТРЯ, век ассоциируется с прошлым и старостью (*мудрый, седой*).

По В. Н. Лосскому, мир в христианстве тварен (создан, сотворен Богом), то есть имеет начало (и будет иметь конец). Век воспринимается как категория «тварного» (сотворенного) мира, связанная как с бытием самого мира, так и с жизнью человека (*на весь век хватит, на мой век хватит, повидал на своем веку, век бы его не видеть*). Будучи связан с человеком, бытием, тварным миром, век ограничен, он имеет начало и конец, ср.: *во веки веков* — во все время бытия мира, от его начала до его конца; *до скончания века* — до конца мира; *отныне и до века* — с этого мгновения и до конца мира (все эти выражения пришли из церковного дискурса и связаны с тварным миром). «Отправная точка» века — момент создания мира, начало его бытия (отсюда *от века* — *изначально*).

Таким образом, в русском языковом сознании век, с одной стороны, конечен (100 лет, эпоха, долгий отрезок времени, жизнь), а с другой — бесконечен (смыкается с вечностью).

Вечность также относится к окультуренной человеком метрически-эталонной сфере, являясь выражением неограниченно длительного, бесконечного периода времени. Изначально восходя к веку, вечность, по данным АТРЯ, обозначает то, что 1) есть после века (жизни), за пределами века; связана с *душой, духом, с памятью и забвением*, с противопоставлением *бытия, жизни и смерти, бессмертия*; 2) находится за пределами мира, жизненного пространства; ассоциируется с тем, что за горизонтом и чему нет конца, с *бесконечностью, неизмеримостью, с космосом, вселенной и звездами, с небом, Богом, чем-то неземным*; связана с противопоставлением *мира и пустоты*. Век нейтрален, вечность (за пределами «ареала» человека) аксиологична: может быть пугающей (ассоциируется с *мраком, опасностью, пустотой, горем*; может быть *страшной, туманной*), но, будучи связанной с Богом, она также может восприниматься возвышенно-позитивно (ассоциируется с *сраем, истиной, счастьем, святостью*).

Восходя к библейскому дискурсу, вечность понимается в христианстве двояко: 1) как вечность сотворенного (тварного) мира, который имеет начало и будет иметь конец, здесь вечность выступает синонимом века; 2) как вечность Бога.

Отмечу, что во фразеологизмах, связанных с веком и вечностью, отражено древнейшее представление о непосредственной связи пространства и времени. Так, во внутренней форме фразеологизма *от века* век в сочетании с предлогом *от* предстает как точка отсчета, отправная точка движения, в том числе и движения по временной оси. В образе указанного фразеологизма данное представление погружено в пространственный контекст (ср.: *навеки, на века, извечный*). Внутренняя форма фразеологизма *навеки вечные* содержит противопоставление

и сочленение тварного и Божественного. Будучи погруженным в пространственный контекст, данное представление в сочетании с предлогом *на* указывает на продвижение вперед по оси времени.

Таким образом, анализируя конкретные фразеологизмы, мы нашли подтверждения высказанным ранее положениям: мы движемся по оси времени лицом вперед, и время и пространство тесно связаны в нашем сознании.

Предметный код культуры — относится в первую очередь к миру «Действительное» и связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру. Предметный код обслуживает, в частности, метрически-эталонную сферу окультуренного человеком мира.

Так, например, в русском языковом сознании *капля, капелька* — один из эталонов метрической сферы, самое малое количество чего-либо, соотносимого с жидкостью или жидкими субстанциями: *вода, море, озеро, океан, дождь — ливень — лужа, роса; кровь; вино, водка [АТРЯ]*, ассоциируемая с такими единицами, как *крошка, малая часть, мизер, чуть-чуть [АТРЯ]*. Отсюда и *до (последней) капли*, и *капля в море*. Существует древнейшее представление о чувствах, свойствах, времени как о чем-то жидком, текучем: чувство может переполнить человека (*последняя капля переполнила чашу терпения*), может не остаться ни капли чувства (*Но Вы, к моей несчастной доле Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня...* А. С. Пушкин, Евгений Онегин). Соответственно, в окультуренной человеком метрически-эталонной сфере капля — один из визуально освоенных универсальных архетипов сознания, имеющих принципиальное значение для принятия решения о наличии / отсутствии чувства или свойства: если осталась хоть капля какого-либо чувства (любви, жалости, страха), то есть и само чувство. Если в теле есть хоть капля крови, человек жив, поэтому и полное самопожертвование заключается в том, что человек отдает себя всего, без остатка, *до последней капли крови*:

Если играют в «ЧГК» [Что? Где? Когда?] — это должно быть достойно. Надо держать марку, класс, уровень. Либо играйте в интеллектуальные игры под другим названием. Мне подделки не нужны. Сейчас, после смерти Ворошилова, я буду за это биться *до последней капли крови*. [МК, 14.06.2001]

Как я уже говорила, предметный код тесно связан с духовным кодом, в частности, через социальные отношения. Очень коротко покажу это на одном примере — на примере понятия *дом*. Сразу оговорюсь, что в данном случае я опираюсь на материалы словаря «Славянские древности» и исследования В. В. Колесова.

В родовом быту, как пишет В. В. Колесов, дом — это населяющие его люди. Позднее, в Древней Руси главным в образе *дома* было представление о хозяйстве, т. е. имуществе и богатстве, материальном обеспечении рода. В основе такого народного представления о доме лежит не понятие о здании, а понятие о чем-то *созданном, постоянном, общем* для всех «своих», которые объединяются

кровом такого дома. В более позднее время дом — это здание, в котором скрываются люди, имущество, сама жизнь. Ср.: у В. И. Даля: *дом* — родной кров, со всеми припасами (хозяйством), со всем населением, объединенным родственными узами. Таким образом, *дом* изначально так или иначе был связан с людьми, в нем обитающими.

Кроме того, понятие дома имеет принципиально важное значение и для оппозиции «свой — чужой». Дом — это место, где «свои». У современных русских сохранились не всегда осознаваемые и объяснимые рефлексы древнейших представлений, связанных с домом. И сохранились они в некоторых стереотипах поведения: так, например, нельзя через порог здороваться или что-то передавать. Если спросить у русского, почему нельзя, я не уверена, что все легко ответят на этот вопрос. Скорее всего ответ будет: «Не приятно». А почему не принято? А потому, что границы дома воспринимаются как граница между миром «своих» и миром «чужих». И не надо «нарушать» эту границу «всуе», поскольку преодоление этой границы, по народным представлениям, опасно для человека и требует особой регламентации и предупредительных мер.

Позволю себе небольшое отступление. Порог для русских — это тот предел, та граница, за которой начинается мир непознанный и, возможно, непознаваемый. Порог нерелефлексивно воспринимается как межа между тем, что есть, между реальным миром, в котором обитает человек, и тем, что может быть и что имеет для человека непреходящее и, возможно, жизненно важное значение, см.: *напорогеоткрытия, напорогетайны, запорогомжизни*.

— Может быть, когда придет мое время, я смогу его [умершего мужа] найти, как Выдумаете?

— Я не знаю, — честно сказал я, — но очень надеюсь, что так оно и есть... Всем нам найдется кого поискать за *Порогом!* [Макс Фрай. Лабиринт (Чужак). М., 2000. С. 457]

Со временем эта граница переместилась, «дистанцировалась» и оказалась на значительно большем расстоянии от самого человека, что связано с расширением мира «своих»: *порог* заместился *горизонтом*, но не потерял своего глубинного смысла. До сих пор для русских то, что за горизонтом, — все равно что за порогом знакомого, и порог — это выход в неизвестное.

Но вернемся к дому. Дверь и, прежде всего, порог — это объект и место магических действий, прежде всего — защитных. Отсюда и предметы-обереги, которые втыкаются или вешаются над дверью со стороны улицы (обломки серпов и кос, подковы и др.), и охранительные знаки, которые рисуются там же. Отсюда и неприятие некоторых действий, связанных с выходом за границы дома: *выносить сор из избы* (что связано с похоронным ритуалом и разделением мира живых и мира мертвых), уходить или что-либо делать *на ночь глядя* (в последнем случае, как показывают наблюдения И. В. Захаренко, работают еще и представления о ночи, также связанные с оппозицией «свой — чужой») и др. Но, как пишет В. В. Колесов, дом — это не всегда последняя черта, за которой начина-

ется «чужое»: родные в доме, близкие (дружина) во дворе. Двор — часть «большого дома» (хором). И если дверь — выход из дома во двор (относится к границе жилого пространства), то ворота — выход в мир (относится к границе между миром «своих» и миром «чужих»). Двор, имеющий ограду или хотя бы условное обозначение границы, защищает дом от вредоносных внешних сил. Но вместе с тем двор примыкает к внешнему, «чужому» миру, представляет собой пространство, в котором может стираться граница между «своим» и «чужим» мирами, а потому может быть опасным для живущих в доме, особенно в определенное время и в некоторые календарные периоды. Со временем представление о «своих» из дома «вышло» во двор, а затем — и за пределы двора. Важным для нас оказывается то, что «конкретность славянского мировосприятия не делала разницы между разными степенями отвлеченности в представлениях "дома" как совокупности зданий и как населяющих здания лиц» [Колесов 2000: 210—212].

Биоморфный код культуры связан с живыми существами, населяющими окружающий мир. Данный код культуры отражает представления человека о мире животных, о растительном мире и о мире бестиариев, который находится в пограничной зоне, пересекаясь с двумя указанными мирами. Этот код культуры связан в первую очередь с бытующими стереотипами, которые рассматривались в главе VIII.

В целом можно утверждать, что зооморфный мир дал нам определенную, очень богатую систему эталонов: *осел* — упрямый, *баран* — упрямый и глупый, *курица* — глупая, *овца* — покорная и глупая, *лиса* — хитрая, *змея* — коварная, *бык* — здоровый и сильный, *медведь* — неуклюжий и сильный, *волк* — хищный, голодный, одиночка, *крыса* — отвратительная, опасная, *паук* — противный, опасный кровосос, *муха* — надоедливая, *рыба* — молчаливая, холодная и т. д., и т. п.

Подобным образом «ведут себя» и представители растительного мира. Вспомним, какое место в русской (и шире — в славянской) культуре занимает, например, *дуб*⁴. В традиционной культуре славян дуб — самое почитаемое дерево, занимающее первое (во всех смыслах) место в славянском дендрарии (*Царь Дуб*), одно из самых значимых в культуре (не случайно, кстати, у А. С. Пушкина, воспитанного Ариной Родионовной на русских сказках, «у Лукоморья дуб зеленый», а не какое-то другое дерево). Дуб с древнейших времен воспринимался как культовое дерево, служил местом совершения языческих и христианских обрядов. Существовал строгий запрет рубить священные дубы, нарушение этого запрета грозило серьезными неприятностями и несчастьями не только самому «злоумышленнику», но и вообще всем живущим поблизости. Но и сажать дуб было нежелательным, поскольку дуб, сравнявшись «в росте» с посадившим его человеком, мог забрать у него здоровье, силы и саму жизнь. Дубы считались местом обитания мифологических персонажей (ведьм, русалок — вспомним Пушкина:

⁴ Дается по материалам обработки данных словаря «Славянские древности» (М., 1999. Т. 2).

«*русалка на ветвях сидит*» на дубе у Лукоморья), пограничьем между миром «своих», миром живых и миром «чужим», миром потусторонним. Но в первую очередь дуб связан с богом-громовежцем (Перуном). В фольклоре дуб выступает в образе трехчастного мирового дерева, моделирующего вселенную с ее тремя мирами. Дуб, стоящий, например, на острове, на горе, посреди океана, обозначает центр мира, сам мир и идеальный иномир. Рядом с дубом или на нем находятся царь, царица, Бог, Богородица и святые, а в его корнях или на листьях лежит змея. Сам дуб соотносится с верхним миром, ему приписываются положительные значения. Как мировое дерево дуб связан с рождением и смертью (см.: *дать дуба, гроб дубовый*). Отсюда и широкое использование дуба в похоронных обрядах, и ряд запретов (например, запрет сажать дубы, что связано с представлением о том, что дуб, сравнявшись по высоте с человеком, забирает его силы и в конце концов приводит его к смерти). Дуб связан с мужской символикой, выступая символом мужского начала (в то время как береза — женского). Помимо этого дуб символизирует силу и крепость (в свое время считался едва ли не самым крепким деревом). Правда, твердость и негибкость этого дерева сыграли с ним злую шутку: сегодня «дубом» русские называют непроходимо глупого человека.

Важную роль в русской картине мира играют и другие деревья: береза, ива, верба. Из этого «древесного мира» мы тоже получили некоторые эталоны (например, *крепкий как дуб, молодой дубок, стройная как березка*). Не меньшее значение имеют также травы и цветы: и обжигающая *крапива*, и *роза*, нежная и колючая, и «прилипчивый» *реней*, и *ромашка* (девочка-ромашка), и *василек* (васильковый цвет), и *мак* (маков цвет), и другие.

Бестиарии принадлежат «вторичной реальности» русского фольклора и входят в действительность, являясь неотъемлемыми элементами культурного пространства. Подобно представителям мира флоры и фауны, бестиарии не только бытуют в культуре как персонажи и/или элементы фольклора, но и обладают стереотипами, что делает возможным апеллирование к их образам в дискурсе.

И, наконец, последний из предложенного списка код культуры, на который фактически «работают» все коды, рассмотренные нами только что, — *духовный код культуры*. Его составляют нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры, такие, как, например: «добро — зло», «хорошо — плохо», «плюс — минус», «верх — низ». Этот код изначально аксиологичен. Он пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру. Многие примеры, которые анализировались в предыдущих главах, «обслуживают» данный код.

Кроме того, я хочу очень коротко остановиться на следующем. Целый ряд весьма профессионально сделанных рекламных роликов, как показывают пилотажные опросы, вызывает у представителей русского национально-лингво-культурного сообщества резкое неприятие. В связи с этим возникает закономерный

вопрос: если форма отвечает современным требованиям и отличается высоким качеством, но сама реклама «отторгается» аудиторией, то, возможно, причину такого неприятия следует искать в том, что рекламируют и что показывают в ролике, как действуют и что говорят персонажи, какие образы и ситуации используются авторами рекламы и т. д. Я не буду сейчас обсуждать рекламу личных средств гигиены (это вопрос отдельный и особый в силу целого ряда причин). Я остановлюсь на «невинных» по теме, но достаточно опасных, на мой взгляд, рекламных роликах: на рекламе чипсов и стирального порошка.

В рекламе чипсов добрый внук под рассказ бабушки о жадном мальчике подсовывает последнему мышеловку вместо пакетика с чипсами, в которую бабушка ловко попадает пальцем. Испытывая неземной восторг от собственной находчивости и удачной шутки, мальчик от хохота падает со спинки дивана, на которой сидит. Все счастливы, всеобщее ликование. Эта ситуация изначально неприемлема для русской культуры: на мой взгляд, в этой рекламе одно нарушение духовного кода следует за другим. Во-первых, изначально неуважение к старшему (тем более — через поколение: бабушка — внук). Во-вторых, жадность и нежелание делиться (особенно когда речь идет о еде; кроме того, «не трогай — это мое» в рамках одной семьи, к тому же по отношению к бабушке), с одной стороны, а с другой — явное и прямое «посягательство» на «чужое» (опять-таки речь идет о еде). В-третьих, открытая радость, испытываемая при виде чужой неудачи и боли. Поиск причин можно продолжать, но и того, что сказано, на мой взгляд, более чем достаточно. Конечно, мне могут возразить: это придуманная ситуация, которая вызывает раздражение у потенциального потребителя, а это и есть одна из задач рекламы — чтобы продукт запомнился, и т. д. и т. п. Но сейчас речь не об этом, а о том, *почему* эта реклама вызывает в основном негативные эмоции у русских.

В другой рекламе — рекламе стирального порошка — подруги обсуждают часы, скрывающие пятно на блузке одной из них. Их диалог звучит приблизительно так: «*Эти часы, наверное, дорогие.*» «*Почему ты так думаешь?*» «*Тыносишь их так, чтобы всем было видно.*» Что здесь вызывает неприятие русских? Во-первых, акцентуация непривычного «расположения» часов у собеседника и, во-вторых, предположение, что это связано с высокой их стоимостью. А ведь демонстрация богатства не входит в число русских «добродетелей» (вспомните многочисленные анекдоты о «новых русских», построенные на подтрунивании над этой слабостью нуворишей). «Выпячивание» собственного материального благополучия не приветствуется в русской культуре, бедность же не осуждается. (Хорошо это или плохо — другой вопрос, но это так. Вспомните русские пословицы и собственно прецедентные высказывания о бедности и богатстве, например: «С трудов праведных не наживешь палат каменных»; «Бедность не порок»; «Бедность не порок, нищета порок», говорит Мармеладов; и т. д.).

Почему я назвала эти рекламы «достаточно опасными»? Дело в том, что стереотипы (и стереотипы поведения, и стереотипы-представления), представлен-

ные в этих рекламах и нарушающие духовный код русской культуры, «насаждаются» русскому потребителю. Такими же изначально чужими и чуждыми для русской культуры являются и многие телевизионные игры, построенные на «комплексе кукушонка» — вытолкни соседа. Если такая «политика» (в том числе и в рекламном бизнесе) будет продолжаться в течение некоторого времени, она вызовет необратимые изменения в самом духовном коде русской культуры. Хорошо это или плохо? Вопрос, на который не может быть однозначного ответа (далеко не все, что заложено в русской культуре, является идеальным). Но если это произойдет, то мы будем иметь дело с совершенно другой культурой, а вот это не может не вызывать сожаления исследователей.

КАНОН vs. ЭТАЛОН

Рассматривая ментефакты (и особенно — прецедентные феномены), мы часто говорили: «выступает/является эталоном», «воспринимается как эталон». Однако данные слова требуют некоторых уточнений и пояснений.

Впервые проблема разграничения канона и эталона в сфере прецедентных феноменов была рассмотрена в [Захаренко 1997,]. Исходя из широкого понимания канона как некоего твердо установленного, традиционного, общепринятого правила или предписания⁵, И. В. Захаренко причисляет к числу *канонов* национальные социокультурные стереотипы, а прецедентные феномены рассматривает как *эталоны* в широком понимании этого термина — как образцы, с которыми сравниваются реальные явления, предметы и т. д. Далее, говоря о каноне и эталоне в узком смысле, И. В. Захаренко выдвигает положение о том, что канон соотносится с формальной стороной прецедентного феномена, а эталон, соответственно, — с содержательной. На основании этого выделяются «каноническое» и «эталонное» употребление прецедентных высказываний (как играющее на форме или апеллирующее к системному смыслу). С подобным разграничением трудно не согласиться в силу логичности и стройности предлагаемой концепции.

Вместе с тем, как мне кажется, само разграничение канона и эталона требует некоторых уточнений. Но сначала приведу достаточно пространную цитату из статьи И. А. Стернина, в которой рассматриваются такие феномены, как «ценности», «принципы», «нормы и правила», и которая свидетельствует о том, что проблема «канона» и «эталона», даже если эти термины и не используются, является достаточно актуальной для исследований коммуникативного поведения. Итак: «Ценности — это социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением. Ценности — это то, что как бы априори оценивается этническим коллективом как нечто такое, что "хорошо" и "правильно", является *образцом* для подражания и

⁵ Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 258.⁴

воспитания. [...] Отклонение от ценностей, неразделение их, поступки, противоречащие ценностям, осуждаются общественным мнением. [...] **Принципы** — это конкретные *стереотипы мышления и поведения*; это «общие мнения», представления, убеждения, устойчивые привычки в деятельности, механизмы каузальной атрибуции. Принципы обуславливают понимание действительности определенным образом. [...] Принципы основываются на ценностях, вытекают из них, отражают их или хотя бы не противоречат ценностям. [...] **Нормы и правила** — это *конкретные поведенческие рекомендации* по реализации определенных принципов. Это фактически некоторые предписания по поведению, указания по проведению некоторых ритуалов» [Стернин 1996: 108—109] (выделено мною. — В. К.). Фактически, речь здесь идет о канонах и эталонах, хотя автор и не пользуется данными терминами: «ценности», на мой взгляд, соотносятся с эталонами, «нормы и правила» — с канонами. «Принципы» же, если я правильно поняла автора, занимают как бы промежуточное положение: с одной стороны, они явно «тяготеют» к эталонам, так как являются собой «общие мнения», «представления, убеждения», с другой — к канонам, будучи «стереотипами мышления и поведения», «устойчивыми привычками в деятельности». Это достаточно общее представление о каноне и эталоне. Оно весьма определенным образом коррелирует с разграничением канона и эталона в сфере прецедентных феноменов.

Итак, *канон* — это норма, в соответствии с которой осуществляется деятельность, *эталон* — это «мера», «мерило», в соответствии с которой/с которым оцениваются те или иные феномены. Следовательно, *канон* позволяет действовать «самостоятельно», хотя и в заданных границах; в рамках канона возможно «тиражирование»; по канону «строят», создают. *Эталон* же можно только «копировать», ему можно только подражать, поскольку сам эталон уникален. *Канон* допускает некоторые трансформации (хотя и в определенных пределах), т. е. возможны игры с формой, *эталон* же строго фиксирован, «работает» на содержание. *Канон* — это активно-деятельное начало, *эталон* — объективно-отстраненное. В сжатом виде это можно представить в виде таблицы.

Таблица 8. Соотношение канона и эталона

КАНОН	ЭТАЛОН
1) норма;	1) мера, мерило;
2) допускает существование «однотипных» феноменов;	2) единичный уникальный феномен, всегда «единственный»;
3) возможно тиражирование;	3) допускает «копирование»;
4) возможно творчество, допускает некоторую самостоятельность;	4) возможно подражание, допускает имитацию;
5) допускает трансформации	5) строго фиксирован
ФОРМА	СОДЕРЖАНИЕ

Сделанные уточнения, касающиеся различий канона и эталона как формальной и содержательной категорий, позволяют применить данное разграничение к тем ментефактам, которые могут выступать в роли канона и эталона, а именно: к представлениям, представленным прецедентными феноменами, стереотипами, дѹхами и артефактами. И начнем с прецедентных феноменов.

Итак, рассмотрим выделенные нами типы прецедентных феноменов с этой точки зрения. Прецедентный текст, прецедентная ситуация и прецедентное имя полностью удовлетворяют нашим представлениям об эталоне: они единичны, уникальны, строго фиксированы, их невозможно тиражировать, их можно только «копировать» (подобно репродукциям в альбомах). Моцарт или Пушкин *уникальны*, им можно только *подражать*: вести себя или выглядеть как Моцарт или Пушкин, — но *быть* Моцартом или Пушкиным нельзя. Можно легко писать и гениально творить, но тогда меня будут *сравнивать* с Пушкиным или Моцартом (они выступают как *мерило*, «точка отсчета», как *эталон* гениального творца⁶), можно стараться писать как Моцарт или Пушкин, но тогда я буду либо опять-таки *подражать* им, их манере, их стилю, *сравнивая* себя с ними и *копируя* их, либо соблюдать «заданные» ими правила, работать в тех же жанрах, т. е. я буду *творить* в определенных рамках выбранных *канонов*. С прецедентной ситуацией и прецедентным текстом картина будет абсолютно аналогичной: повторить («растираживать») их нельзя, их можно только «воссоздать», сделав «копию»; они уникальны и единичны. Апеллируя к прецедентным феноменам такого типа (прецедентные тексты, ситуации и имена), мы всегда обращаемся к их «содержанию» — к инвариантам восприятия, форма для нас вторична. Тем более что прецедентный текст и прецедентная ситуация хранятся в когнитивной базе в виде инвариантов восприятия, т. е. как единицы хранения они вообще «не имеют» (вербальной) строго фиксированной формы. Прецедентное имя обладает «вербальной оболочкой», но в этом случае существует жестко фиксированное, однозначное соответствие: вербальная единица ← дифференциальные признаки. Конечно, можно использовать средства «вторичной номинации по атрибуту», но и в этом случае будет иметь место все та же жесткая связь-соответствие: вербальное «имя» ↔ инвариант восприятия. Иначе «система» не будет работать, и слова автора останутся непонятыми и непонятными. Такова ситуация в целом. Однако есть «частные» случаи особого рода: когда прецедентное имя выступает как атрибут прецедентной ситуации или прецедентная ситуация является ядром дифференциальных признаков прецедентного имени. Тогда «основой всех основ» является не совокупность признаков, которую невозможно повторить, но действие, которое повторить можно (не его «качество», но само действие — *sic!*), например, деяния *Ивана Сусанина*, *Павлика Морозова* и т. д.

⁶ Ср.: «Феномен свободы Пушкина в нем самом, и заметьте, что он не повторился, т. е. свобода [по Декарту] Пушкина — это не то, что мог бы передать, скажем, своим ученикам. Не случайно у него не было школы» [Мамардашвили 1993: 20].

В этом случае мы имеем дело с канонем, допускающим «тиражирование» и существование энного множества «однотипных» феноменов.

Несколько иная картина наблюдается, когда мы анализируем прецедентные высказывания, поскольку последние могут функционировать и как эталон, и как канон. На различном («эталонном» и «каноническом») использовании данных прецедентных феноменов мы уже вкратце останавливались, излагая точку зрения И. В. Захаренко, поэтому теперь лишь сошлемся на указанную работу данного исследователя.

А теперь посмотрим, могут ли другие представления (как третий член цепи феноменов, разграничиваемых на первом уровне ментефактов: знания — концепты — представления) выступать в роли канонев и эталонов, и если да, то существует ли зависимость между самим феноменом и той ролью, которую он играет. Иначе говоря, можно ли говорить о закономерностях, аналогичных тем, которые мы вычленили, когда анализировали прецедентные феномены?

И начну я со стереотипов. *Стереотипы поведения* полностью удовлетворяют определению и пониманию канона: они, выполняя прескриптивную функцию, выступают как «норма», которой надо следовать, постоянно воспроизводятся членами социальной группы и допускают — в пределах более или менее жестко заданных границ — определенные трансформации.

Стереотип-представление (выполняющий предиктивную функцию) складывается на основе наблюдений за рядом феноменов одного «класса», когда игнорируются одни черты и фиксируются другие. Те свойства, которые начинают приписываться сначала «типичному», а затем и стереотипному образу предметов определенного класса, подвергаются гиперболизации, интенсификации, конденсации. То есть они предстают в явно гипертрофированном виде. Так, приверженность и соблюдение правил этикета французами или англичанами трансформирует в изысканную галантность первых и вежливую холодность и чопорность вторых. Поведение животных, диктуемое их инстинктами и типичными повадками, предстает как хитрость лисы, трусость зайца, преданность собаки и т. д. Так же складывается и стереотип ситуации. Иначе говоря, когда мы имеем дело со стереотипами-представлениями, мы, соответственно, имеем дело и с теми «классами» предметов, на основе которых данные стереотипы и сложились. Запомним эту мысль, она пригодится в наших рассуждениях чуть позже.

Как мы говорили, эталон — это мера, «мерило», с которым я сопоставляю тот или иной предмет. То есть имеет место операция сравнения. И если результат положительный, то происходит «уподобление» («как»-сравнение, «настоящий» или «типичный»⁷), если отрицательный — «расподобление» («нетипич-

⁷ Хотя здесь кроется серьезная опасность: люди, постоянно и близко общающиеся с представителями какого-либо этноса, знают, что характерные, «типичные» черты представителей данного национально-лингво-культурного сообщества и этнический стереотип могут различаться, и подчас значительно. И для таких людей «типичный» не значит «стереотипный». Но если «абстрагироваться» от реального положения вещей и говорить о собственно стереотипах,

ный»). Именно с таким положением вещей мы и имеем дело, когда рассматриваем стереотип-представление.

Иначе говоря, стереотипы-образы выступают в роли эталона. Например, зооморфные: *хитер как лиса; голоден как волк; трудолюбив как муравей или пчела*; этнические: *галантный как француз, шумный как итальянец, медлительный как финн, пунктуальный как немец, невозмутимый как индейский вождь*; социальные: *типичный бомж или настоящий новый русский*; и т. д. Стереотипы, имеющие двойственную природу, т. е. выступающие и как образ, и как ситуация, также выполняют функцию эталона. Например, *типичная интрига, настоящий пир*. Или: *Разве это очередь?*— 1) несоответствие образу (если мало народа); 2) несоответствие ситуации (если люди стоят на большом расстоянии друг от друга, в одну линию, молча и «чинно»). Вместе с тем, как мы уже говорили, стереотип-ситуация может включать в себя и стереотипы поведения, которые выступают как канон.

Важно отметить, что в рассмотренных случаях происходит (или не происходит) именно уподобление сопоставляемых феноменов («это как...»), а не их отождествление («это и есть...»). Рассмотрим следующие диалоги (зафиксированы в речи русскоговорящих).

— Что с ним стало? Этот пиджак безумный, цепь, пальцы веером... Просто *новый русский* какой-то...

— Так ведь *он и есть новый русский*. Чего ты от него хочешь?

— Не волнуйся, он никогда не опаздывает.

— Да уж знаю. Пунктуален как *немец*, черт.

— *А он и есть немец*.

— Как это?

— По матери. Ты что, не знаешь?

— Это ж надо! Так обвести нас вокруг пальца! Ну, *лиса!*

— Она родимая. «Рыжая хитрая морда⁸...»

Казалось бы, эти диалоги «однотипны», поскольку в каждом из них автор первой реплики апеллирует к стереотипному образу (социальному, этническому, зооморфному). А вот ответные реплики разные. И не потому только, что произнесены они были разными людьми в различных ситуациях. Есть принципиальное различие между этими диалогами и стереотипными образами, к которым коммуниканты обращались в своей речи.

И сейчас нужно вернуться к той мысли, на которую я обращала особое внимание ранее. Дело в том, что принадлежность к социуму или этносу, обладающему своим стереотипом, принципиально возможна. Следовательно, возможно

подобная семантизация вполне допустима, тем более что она подтверждается языковым материалом.

⁸ Эта фраза — цитата из некогда популярного анекдота, одним из персонажей которого является лиса.

и отождествление обсуждаемого предмета с классом однотипных предметов (но не со стереотипом-эталонem — sic!). А вот зооморфные стереотипы подобного отождествления не допускают, поскольку происходит перенос «отличительных», «типичных», стереотипных черт предметов одного «класса» на предметы другого.

Итак, эталон предполагает сравнение, результатом которого должно явиться уподобление или расподобление. В текстах, где происходит апелляция к стереотипу, возможно и отождествление. Но это отождествление не со стереотипом-эталонem, а с тем классом предметов, эталонem которого в данном случае и выступает стереотип.

Что касается артефактов и бестиариев, то здесь ситуация аналогична только что рассмотренной. Единственное отличие от стереотипов и различия между артефактами и бестиариями могут, пожалуй, заключаться в том, к какой действительности относят коммуниканты данные феномены: к первичной, т. е. реально окружающему нас материальному миру, или к вторичной, виртуальной реальности. Особенно важным это оказывается для духов-бестиариев.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Эта глава посвящена некоторым важнейшим вопросам теории и практики межкультурной коммуникации. И в первую очередь — национально-культурным особенностям построения дискурса и такому феномену, как культурный шок. В чем состоит национально-культурная специфика коммуникации? Как проявляется в коммуникативном и — более узко — речевом поведении этнопсихолингвистическая детерминированность языкового сознания? Что такое культурный шок и каковы его последствия? Что может смягчить его и облегчить процесс адаптации, аккультурации? Что представляют собой эти процессы? И наконец, реально ли стать «своим» для «чужих»? На эти вопросы я и постаралась ответить в этой, завершающей главе своей книги.

РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ

В современной этнопсихологии выделяются два основных направления: психологическая антропология, или этнологическая психология, и сравнительно-культурная, или кросс-культурная психология. Главное различие между ними заключается в тех подходах, на основе которых осуществляются исследования: *emic vs. etic*. Термины *emic* и *etic* были предложены К. Пайком по аналогии с фонемикой (*phon-emic*), которая изучает фонемы конкретных языков, и фонетикой (*phon-etic*), которая изучает звуки, имеющиеся во всех языках. Из этого становится понятным, что *emic*-подход в гуманитарных исследованиях направлен на изучение национально-культурной специфики, а *etic*-подход носит универсалистский характер и призван объяснить изучаемые явления (более подробно об этих подходах см., напр.: [Стефаненко 2000: 37—42]). Американский исследователь Г. Триандис считает, что наилучшие результаты может дать сочетание данных подходов, которое позволяет использовать «*etic*-категории и *emic*-способы их измерения» [Triandis 1994: 69].

С этой точкой зрения нельзя не согласиться. Более того, в своих исследованиях, как мне кажется, я пытаюсь следовать той «цепочке», о которой пишет Триандис: *etic — emic — etic*. Лингво-когнитивный подход, на основе которого я провожу свои исследования, объединяет в себе *etic* и *emic* подходы и позволяет выделять, анализировать и структурировать: 1) *общелингвистический компонент* (релевантен для любой коммуникации, любого дискурса, любого коммуника-

тивного акта, любого языка, на котором осуществляется общение); исследуется универсальное в коммуникации, осуществляется комплексный анализ всей совокупности факторов, влияющих на процесс коммуникации; 2) *культурно-детерминированный компонент* (актуален для национального дискурса, предопределяя его национально-культурную специфику). Изучение культурно-детерминированного компонента на основе этнопсихолингвистического подхода позволяет исследовать национальное в коммуникации, выявлять и описывать национально-специфические составляющие, в частности, феномены, которые отражают основные черты национального ментально-лингвального комплекса и, следовательно, обуславливают национальную специфику дискурса. Кроме того, исследование национально-культурной специфики будет, на мой взгляд, неполным, если не использовать лингвокультурологические методы исследования. Я абсолютно убеждена, что именно лингвокультурология позволяет увидеть культуру сквозь призму языка, и только изучая фиксацию культуры в языке, мы можем найти серьезные, поддающиеся верификации данные о бытовании в культуре тех или иных феноменов, об их значимости для культуры, о базовых оппозициях культуры, о «ключевых концептах» культуры, о глубинных важнейших представлениях, соотносимых с архетипами сознания, и т. д.

Иначе говоря, именно *etic — emic — etic* исследования на основе лингвокогнитивного, этнопсихолингвистического и лингвокультурологического подходов откроют нам дверь в мир «своих» и дадут «ключи» от мира «чужих».

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ДИСКУРСА

Национально-культурная специфика построения дискурса непосредственно связана с этнопсихолингвистической детерминацией речевой деятельности, языкового сознания и общения. И здесь прежде всего следует иметь в виду «возможность различной принципиальной стратегии порождения высказывания, связанную с особенностями языка» (А. А. Леонтьев). Так, при порождении высказывания вьетнамцы пользуются линейным принципом («счетом» синтаксических позиций) (Нгуен Дыке Уи). У русских при порождении идет постоянный «возврат» назад: наши местоимения, прилагательные, порядковые числительные должны согласовываться в роде, числе и падеже с существительным, которое они определяют и которое чаще занимает во фразе более правую позицию. А само существительное при этом зависит от глагола (глагольное управление), который может стоять еще правее. См.: *«Об этой сложнейшей проблеме, занимавшей на протяжении последних двух веков умы многих выдающихся ученых, мы сегодня говорить не будем»*. Английский язык славится своим строгим порядком слов (субъект — предикат — объект), нарушить который может только особая эмпфаза в особом дискурсе в особом контексте в особой ситуации. Не менее жестко обстоит дело с порядком слов в немецком и скандинавских языках, предпола-

гающих инверсию только при определенных контекстуально-грамматических условиях (например, в прямом вопросе или при начальной позиции в предложении не субъекта, а любого другого члена предложения). В русском же языке, как считается, порядок слов свободный. Но это — великий и очень опасный миф, который сбил с толку не одного иностранца. У нас порядок слов отражает, например, актуальное членение (тема-рематическое строение) высказывания и выражает, таким образом, категорию определенности / неопределенности, а кроме того, может свидетельствовать и о принадлежности текста тому или иному регистру. Сравните: «*В комнату вошел человек*», «*Человек вошел в комнату*», «*Вошел человек в комнату*». Совершенно очевидно, что это не одно и то же и что за каждой из этой фраз стоит своя, особая ситуация. Не зная или не понимая этого, многие иностранцы отказывают русскому языку в логике, но логика у русских есть, только она отличается (и подчас разительно) от того, к чему привыкли носители других языков.

Кроме того, в разных языках (и, значит, в языковых и когнитивных картинах мира) могут быть различными и доминирующие виды конкретизации в потоке речи. Во многих языках есть тонко дифференцированная система пространственной локализации предметов, действий и отношений. Так, в польском языке¹ и в ряде северокавказских языков есть детальная система падежно-локативных значений, точно фиксирующих и выражающих местоположение предметов по отношению друг к другу. Немецкий язык может четко локализовать действие: передать одним глаголом значение «выглядывать отсюда вверх» — *hinaufgucken* (пример А. А. Леонтьева).

В целом ряде языков (по крайней мере — в романо-германских) есть сложная система времен, включающая в себя простое время (настоящее, прошедшее и будущее), заверщенное или продолженное. Со всевозможными изысканными комбинациями типа: прошедшее заверщенное (предшествующее) продолженное — *Past Perfect Continuos* (*I had been reading before they came* = До того как они пришли, я читала). Справедливости ради надо отметить, что такие конструкции все-таки встречаются не слишком часто, но они есть. В папуасском языке насиои есть 4 прошедших времени, отличающихся от того, к чему привыкли мы, изучая европейские языки. Там есть недавнопрошедшее (от вчерашнего заката до настоящего момента), промежуточное прошедшее (один-два дня назад), давнопрошедшее (три дня и более назад) и обычное прошедшее без четкого указания на место на временной шкале (А. А. Леонтьев). Известный океанист А. Кэпелл ввел разграничение языков по «синтаксической доминанте». Соответственно, различаются языки с преобладанием категорий действия и языки с доминированием категорий предметности. Кроме этого, выделяются также языки с «числовой доминацией», так, например, в папуасском языке киваи точно подсчитывается число субъектов, объектов, повторяемость действий [Capell 1969].

¹ См. работы М. В. Всеволодовой.

Рассмотрим, как этнопсихолингвистическая детерминированность языкового сознания влияет на построение текста с точки зрения грамматики, для чего проанализируем маленький фрагмент, представленный временными отношениями и их языковым выражением. Итак, текст, услышанный мною в метро:

На днях *захожу* в наш магазин — там распродажа как раз *была*... *Смотрю*, *лежат* отличные полотенца для кухни... Как раз то, что мне нужно. Я только *рукупротянула*, как какая-то тетка *подлетает* и *давай* меня *отпихивать*... Я ей *говорю*: «Нельзя поосторожней?» А она как *разорется*... Ну, *думаю*, *гори* оно все огнем... Так и *ушла* ни с чем...

Повторю еще раз: этот текст я зафиксировала в речи носителей русского языка. На мой взгляд, это текст абсолютно «нормальный». А теперь посмотрим на формы глаголов: *захожу, была, смотрю, лежат, протянула, подлетает, давай отпихивать, говорю, разорется, думаю, гори, ушла* — настоящее время, прошедшее, настоящее, прошедшее, настоящее, императив, настоящее, будущее, настоящее, императив, прошедшее. И все в пределах одного (!) небольшого связного и цельного текста, повествующего об одном (!) событии, имевшем место в прошлом. При этом начало текста — *на днях захожу*. Так, может быть, правы те, кто согласен со славянофилами и сомневается в том, что в русском языке есть категория времени? Конечно, все не так просто. Во-первых, у нас (в отличие от многих других языков) видо-временная система. Во-вторых, для нас (особенно в нарративе) характерно приближать ситуацию из прошлого к моменту «здесь» и «сейчас» для создания эффекта непосредственного присутствия. Но ведь все это *позволяет* делать наш язык. И следовательно, возникает вопрос: мы можем это, потому что язык разрешает, или язык наш таков, потому что мы это делаем? Опять все та же теория лингвистической относительности.

Далее, следует иметь в виду потенциальную возможность различных стратегий построения текста и дискурса. Например, вопрос «*Как дела!*» воспринимается русскими как абсолютно ритуальная и не требующая содержательного ответа: «— *Как дела? — Спасибо, все хорошо/ все в порядке/ отлично*» и т. д. Если же на вопрос «Как живешь?», человек начинает рассказывать, как он действительно живет, он рискует быть признан занудой. А вот в разговоре с немцем «на вежливое "Как поживаете?"» желательно отвечать обстоятельно, не упуская ни одной детали, подробно рассказывать о состоянии Вашего организма в целом и каждого его органа в отдельности, не пропустив ни одной мелочи. Если Вы не хотите все это выслушивать, не задавайте таких вопросов» (Ш. Зайдениц, Б. Баркоу).

Стратегии построения текста и дискурса обуславливаются в том числе и когнитивной картиной мира, и проблемы при межкультурном общении могут возникнуть тогда, когда формальное «совпадение», эквивалентность вербальных единиц оборачивается квазиэквивалентностью на содержательном уровне. Приведу только один пример подобного расхождения.

Вердикт «красивый — некрасивый» в Корее выносятся и детям. Мне приходилось часто слышать комплименты дочке: «Ой, какая она у вас красивая!» Честно говоря, радости у меня это не вызывало. Хвалить детей за красоту, да еще в глаза, в России не принято. Нет во внешности ни заслуги, ни вины ребенка. Скорее мы назовем малыша милым, забавным, хорошеньким. А красота — могут ли быть некрасивыми дети? Но постепенно я почувствовала, что характеристика «красивый» в Корее имеет многослойный смысл. «Красивый» означает и хорошо воспитанный, нарядный, приличный, аккуратный. [*Габрусенко Т. Юг Часона // Путешествие вокруг света, май 2001*]

С точки зрения построения значительно отличается от русского и японский дискурс. Приведу описание типичной японской ситуации, которое я нашла в книге Сахоко Кадзи, Торики Хама и Джонатана Райса:

Однажды в жаркий летний день японский папаша вышел прогуляться со своими чадами. Он поинтересовался у продавца мороженого, из чего сделано «Супа-куруму» — супер-мороженое, изображенное на его фургончике. Продавец подробнейшим образом описал ингредиенты: ванилин, клубничное мороженое и фисташки, глазированные медом и шоколадом. Клиент не устоял перед соблазном. «Две порции, пожалуйста», — попросил он. «Прошу прощения, — отвечал продавец, — но сегодня у нас вообще нет "Супа-куруму"». В Европе продавец однозначно истолковал бы вопрос отца семейства как намерение купить этот товар и сразу сказал бы: «Простите, сэр, но у нас сегодня нет этого мороженого», — не пускаясь в подробные описания. Японец же, не желая потерять лицо и оконфузить потенциального клиента, избирает окольный путь. Он описывает продукт в надежде, что покупатель раздумает приобрести его, и тогда ему не придется признавать факт отсутствия мороженого. Он, конечно же, понимает истинный смысл вопроса, однако предпочитает дать точный ответ на конкретный вопрос. И такое происходит в Японии сплошь и рядом. Там всегда будет сделано все возможное, чтобы избежать или, по крайней мере, отсрочить потенциальную неловкую ситуацию.

Очевидно, этим же (но не только) объясняется и следующий пример. Но сначала небольшое отступление.

В японском сознании одно понятие незаметно перетекает в другое. Слишком четкие определения — источник потенциального риска разойтись во мнениях. В Японии не любят **прямых** вопросов так же, как и **прямых** ответов. Крайне редко японец скажет Вам четкое «да» или четкое «нет». Нормальной реакцией будет скорее «*Ма*» или «*Ма-ма*», что в переводе означает что-то вроде «*Ну-у, как бы это сказать...*», «*Пожалуй, что да...*» или «*Более или менее*».

Нет способа сказать четко «да» или «нет» — по крайней мере так, как эти слова понимаются на Западе. «*Хай*» чаще всего переводят как «да», однако на самом деле оно означает: «*Я слышал Вас и понял Вас, и теперь думаю, что ответить*». Иностранцы зачастую принимают «хай» за согласие, тогда как на самом деле за ним скрывается прямо противоположное. Есть способ сказать «нет» — только в тех случаях, когда отказ не вызовет обиды. Но японцы знают, когда они подразумевают «нет», даже если не произносят его вслух. [Сахоко Кадзи. Торики Хама, Дж. Райс] (разрядка моя. — В. К.)

Ну, а теперь сам пример — диалог из японского учебника по русскому языку (пример Ю. Е. Прохорова): — *Мне кто-нибудь звонил?* — *Да.* — *Кто?* — *Никто.* С точки зрения русского, разговор абсолютно бессмысленный и абсурдный, но с точки зрения японца, это, очевидно, нормальный диалог двух вежливых и воспитанных людей. Повторю еще раз: это диалог из учебника, который учит, как говорить. При этом учит, как говорить *по-русски*, строя текст *по-японски*. Кстати, это не единственный «ляп» в учебниках иностранных языков, и таких примеров любой преподаватель иностранного языка может привести, к сожалению, немало. Вероятность подобных ошибок особенно велика, если среди авторов учебника нет *грамотных* носителей изучаемого языка, *профессионалов* в области преподавания родного языка в иноязычной аудитории.

Кроме этого, следует иметь в виду и разный характер и разную меру связанности речевого действия с неречевым. Б. Малиновский отмечал, что для народов Океании речь самым непосредственным и тесным образом связана с действиями неречевыми, для них (как и для других «первобытных» языков) характерно такое явление, как «речь — действие» (*speech in action*). Это значит, что значение слова тесно связано с невербальными действиями, его сопровождающими, а структура всего высказывания зависит от той конкретной ситуации, в которой оно порождается.

В тех языках, которые трудно отнести к «первобытным», значение жестов, сопровождающих речь, тоже огромно. Но если в «первобытных» языках невербальные компоненты коммуникации могут определять значение слов, то в итальянском, например, жесты могут некоторым образом «корректировать» смысл высказывания, свидетельствуя, в том числе, об искренности/неискренности говорящего, его истинных мотивах и интенциях (без сопровождающего жеста слова могут быть восприняты как формальная отговорка). Однако, по мнению Н. Яппа и М. Сиретт, «язык тела изобрели несомненно французы». Справедливости ради следует сказать, этот язык отличается от итальянского не только по репертуару жестов, но и по функциям, которые выполняют паралингвистические компоненты коммуникации. Во французском коммуникативном акте, судя по приводимому ниже описанию указанных авторов, жесты сопровождают речь, делают ее более живой, передавая различные эмоции говорящего. Итак, как же ведут себя французы в общении?

Во время беседы руки французов никогда не бывают спокойны. Именно руки придают их мыслям форму, очертания и объем. По движениям рук можно догадаться о душевном состоянии твоего собеседника, об уровне его интеллекта и о сердечных привязанностях. В тех случаях, когда другие обходятся интонационным рисунком и модуляцией голоса, желая лучше выразить свои чувства и переживания, французы используют также глаза, руки, губы и плечи, обнажая таким образом всю богатейшую гамму человеческих чувств. Они целуют кончики пальцев, если кто-нибудь (или кто-нибудь) уж очень пришлось им по душе. Они подносят ладонь ко лбу, словно намереваясь снять с себя скальп, когда сыты. Они скорбно приподнимаются плечи,

если их покорила какая-нибудь нелепость. Они похлопывают по щекам тыльной стороной ладони, когда им скучно. Они складывают губы «гузкой» и делают длинный выдох, когда раздражены. У них есть жесты для всего на свете — для неодобрения, недоверия, превосходства, извинений и сожалений, легкого недоумения и чрезвычайного удивления, для растерянности и тоски... Именно поэтому французы считают ужасно невежливым, если Вы разговариваете с ними, сунув руки в карманы.

Вообще о стереотипах поведения писалось очень много: и об этикете, и о проксемике², и о паралингвистике (в первую очередь — о кинесике³: мимике и жестах) и т. д. Остановлюсь очень коротко на некоторых примерах.

Рассмотрим для начала, как по-разному ведут себя представители разных национально-лингво-культурных сообществ при непосредственном общении. И начнем мы с разговора о так называемой «личной зоне». Контролировать расстояние между собой и собеседником очень трудно, ибо это — практически неосознаваемая часть коммуникативного акта. «Личная зона» в разных культурах может варьироваться от полуметра (у южных европейцев или латиноамериканцев, например) до полутора метров и чуть более (у американцев, североамериканцев). Посмотрите, как стоят во время разговора представители разных культур, и Вы увидите эту разницу «невооруженным глазом».

У русских эта зона равна 0,8—1 м. Следовательно, при общении с венесуэльцем, испанцем или итальянцем русский будет все время отходить от собеседника, а при общении с американцем или шведом, наоборот, постоянно «наступать». Такие невербальные (экстралингвистические) компоненты коммуникации плохо осознаются и практически не рефлексированы, но очень хорошо ощущаются коммуникантами и потому играют в общении важнейшую роль, создавая определенный психологический комфорт или дискомфорт. В последнем случае может возникать подспудное чувство, что ваш собеседник или отклоняется от общения, избегает контакта с вами, стремится от вас «избавиться» или, наоборот, проявляет скрытую агрессию, желание подавить, постоянно наступая на вас и вторгаясь в вашу личную зону. Ни то, ни другое удовольствия не доставляет и успешности коммуникации не способствует.

Кроме этого, для нормального протекания коммуникации крайне важны различные контакты: визуальные, тактильные. Здесь тоже кроется серьезная опасность. Так, при общении с представителем одной из восточных культур (с корейцами, японцами, персами, арабами и т. д.) не следует злоупотреблять визуальным контактом «глаза в глаза», поскольку это может восприниматься как вызов, агрессия или просто невоспитанность. По свидетельству Сахоко Кадзи, Торики Хама и Джонатана Райса, «японцы вообще избегают смотреть прямо в глаза — при любых обстоятельствах». С другой стороны, нельзя постоянно прятать глаза в разговоре с европейцем: это будет воспринято как проявление

² Проксемика — область теории коммуникации, которая изучает использование пространства в общении.

³ Кинесика — оптико-кинетическая система знаков.

неискренности. В этом смысле русскому проще общаться с европейцем или американцем, чем с представителем Востока (хотя некоторые авторы говорят, что у американцев визуальные контакты более редки, нежели у русских, и предпочтительнее при восприятии речи как сигнал «Я Вас слушаю»). Ведь у нас тоже контакт глаз необходим (чтобы не посчитали лжецом), но он должен быть «пунктирным», а не постоянным (иначе человека назовут агрессором или просто бесцеремонным типом). Конечно, бывают ситуации, когда необходимо подчеркнуть свою искренность и открытость. Тогда контакт «глаза в глаза» должен быть более постоянными «открытым» (ср.: «*Смотри мне в глаза. Атеперьскажи...*»).

Что касается тактильных контактов, то следует сказать, что у русских они допустимы во время сугубо дружеской беседы (касание рукой руки партнера, похлопывание по плечу, приобнимание за плечи, за талию и т. д.). А вот австралийцы «не принадлежат к тем народам, для которых вполне естественно часто прикасаться друг к другу. В Австралии для телесного контакта может быть только три оправдания: похороны, секс и рукопожатие» (К. Хант). Столь же недопустимы тактильные контакты и для северных европейцев (я не говорю, конечно, об отношениях между очень близкими людьми). Особенно шокируют подобные контакты иностранцев, когда они видят их в общении юношей.

Не менее важны для адекватного общения жесты и мимика, сопровождающие нашу речь. Следует иметь в виду, что один и тот же жест может иметь разные значения и по-разному оцениваться в разных культурах. Так, жест, обозначающий «o'key» (сомкнутые в виде кольца большой и указательный пальцы), для американцев, а вслед за ними и для европейцев означает, что все в порядке, а для представителя арабской или персидской культур он будет относиться скорее к сфере сексуальной, которую не принято свободно и прилюдно обсуждать, тем более с малознакомыми людьми. Кстати, в Бразилии, где нравы значительно отличаются не только от строгого в этом плане восточного мира, но даже и от более свободного европейского, этот жест тоже считается непристойным. Известен случай, который приводит американский исследователь Г. Триандис: однажды президент Р. Никсон, изобразил «o'key» и, сам того не желая, оскорбил бразильцев, для которых таким образом сложенные пальцы означают непристойный жест.

Более «безобидные» случаи — это кивки головой, означающие «да» и «нет». В большинстве культур движение сверху вниз означает согласие, а покачивание — соответственно, наоборот. При межкультурном общении не будет проблем до тех пор, пока русский, например, не столкнется с болгаринном, индийцем, турком или греком. У них, как говорят математики, все «с точностью до наоборот». Одна моя коллега рассказывала, как она впервые работала с индийцами. Объяснив новый материал, она, как и положено преподавателю, задала вопрос: «Вам все понятно?» Индийцы покачали головой. Преподавательница поняла их однозначно и начала повторно объяснять тот же материал. Далее — по схеме: «Вам все понятно?» — покачивание головой. И так повторялось не-

сколько раз. Преподавательница в ужасе, студенты в недоумении. Наконец один самый смелый студент, набравшись храбрости, сказал, что группа уже давно все поняла и ждет продолжения. Еще один пример. Русские и испанцы «кивают» и «качают» головой с точки зрения значений, выражаемых этими жестами, одинаково. А вот на уровне языковых единиц, в которых зафиксированы эти движения головы, наблюдаются некоторые расхождения. Ср.: русские фразы «*Он кивнул головой*» и «*Он покачал головой*». В первом случае очевидно, что человек выразил согласие, а во втором — ответил отказом. Так вот, испанцы в принципе соглашаются и отказываются с помощью жестов так же, как и мы, но в испанском языке выражение, соответствующее нашему «покачать головой», означает «да» (пример проф. О. М. Мунгаловой). Почему это так, объяснить, вероятно, могут специалисты по испанскому языку и испанской культуре, но мне такие объяснения пока не попадались. Поэтому воспримем как факт следующее: 1) возможны разные жесты, передающие одно значение; 2) один жест может выражать разные значения в разных культурах (в указанных случаях возможно «зеркальное отражение» — вспомним «да» и «нет» у русских и, например, болгар); 3) возможно совпадение на уровне жестов и значений, но фиксация в языках данных жестов может быть различной (см. приведенный пример с русскими и испанцами).

Еще один пример того же рода. Для англичан или бельгийцев «комбинация из трех пальцев», известная как «фига», или «кукиш», или «шиш», может быть абсолютно асемантическим жестом: это просто удобная «поза» кисти (кстати, в чреве матери у ребенка ручки тоже могут быть сложены подобным образом). Для русского же этот жест означает, как известно, грубый отказ (см.: «*шиши тебе*», «*кукиш с маслом*»), а для латиноамериканца — это фаллический символ, означающий мужскую силу, плодovitость и процветание. Поэтому, кстати, в Латинской Америке зачастую можно встретить различные «побрякушки» (кулоны, брелоки и т. д.), изображающие именно этот жест. Для корейца значение этого жеста такое же, как и для латиноамериканца, но воспринимается «фига» как прямое оскорбление (подобно поднятому вверх среднему пальцу в ряде культур). А теперь давайте суммируем. Один жест — три значения: «нулевое» для англичан, бельгийцев и некоторых других северных европейцев; грубый отказ у русских; фаллический символ у латиноамериканцев или корейцев. Последнее значение может оцениваться от абсолютного «плюса» (Латинская Америка) до абсолютного «минуса» (Корея).

Далее, межкультурные различия могут касаться и экспрессивного поведения в различных ситуациях, в частности — в демонстрации эмоций. Например, как свидетельствуют исследования социальных психологов, проведенные в Польше, Венгрии и США, восточные европейцы предпочитают среди «своих» сдерживать негативные эмоции и проявлять позитивные, в то же время для них совершенно уместен и допустим показ негативных эмоций среди «чужих». Американцы же, наоборот, считают более приемлемой демонстрацию гнева, страха

или отвращения среди «своих» (перед родственниками и друзьями), нежели среди «чужих» (незнакомых или мало знакомых людей) [Стефаненко 2000: 164].

А. А. Леонтьев высказывает идею, с которой трудно не согласиться: различные языки различаются не только своей грамматической структурой, но и соотношением языковой структуры и ее конкретной реализации в контексте и ситуации. Так, в изолирующих языках (китайский, вьетнамский) выражение грамматических значений факультативно и компенсируется именно ситуацией и контекстом.

Этнопсихологи различают высококонтекстные и низкоконтекстные культуры [Стефаненко 2000: 156—161]. Имеется в виду следующее: на что обращается большее внимание — на содержание сообщения, т. е. *что* говорится, или на «контекст» общения, т. е. *как* говорится, *с кем* и *в какой ситуации* происходит общение. С таким разграничением трудно не согласиться, однако, с точки зрения собственно лингвистики, психолингвистики и этнопсихолингвистики, представляется более корректным оперировать несколько другими терминами и говорить, соответственно, о ситуативно обусловленном и контекстно ориентированном общении, с одной стороны, и ситуативно независимом и контекстно свободном общении — с другой. И на данной основе разграничивать и разные культуры. Сделав эту говорку, вернемся к исследованиям этнопсихологов.

По этому признаку (в том числе) противопоставляются, например, культуры «индивидуалистические западные» и «коллективистские», к числу которых относятся многие восточные культуры. Например, по свидетельству Г. Триандиса, в американской культуре высоко ценится содержание общения, в дискуссии американцы стремятся сразу точно и четко высказать основную идею и главный аргумент, чтобы спровоцировать интерес к остальной информации. И вместе с тем, американцы в обычной повседневной речи часто обмениваются «ритуальными» вопросами, не предполагающими ответов в истинном смысле этого слова (типа «*Как дела?*»). Для ситуативно обусловленных и контекстно ориентированных культур характерна значительная неконкретность и неопределенность дискурса, желание избегать категоричности в речи. Так, японцы стараются избегать прямых вопросов и прямых ответов и всячески уходят в своей речи от использования прямого отрицания «нет». Кроме того, по мнению Триандиса, для коллективистских культур характерна и большая дифференциация эмоциональных категорий, проявляющаяся в богатстве языковых средств, служащих для выражения эмоций. Те же японцы, как пишут В. А. Пронников и И. Д. Ладанов [Пронников, Ладанов 1985], имеют множество названий различных типов улыбок: надменная неопределенная улыбка, профессиональная улыбка, социальная улыбка, изображаемая для соблюдения благопристойности, довольная улыбка человека в возрасте и другие. Кроме того, в японской культуре различаются и разные виды смеха (некоторым из которых современные японцы обучаются на специальных курсах) и слова, их обозначающие. Помимо этого, до сих пор в японском языке, как свидетельствуют указанные авторы, сохраняется

до десятка форм личного местоимения 2-го лица единственного числа, которые используются при общении с детьми, учениками, слугами.

Среди характерных черт, которые обуславливают национально-культурную специфику коммуникации, есть и такие, которые не несут смысловой нагрузки. В первую очередь к ним следует отнести просодические особенности национального дискурса и некоторые другие.

Например, *темп речи*. У англичан или испанцев, например, он высокий, значительно выше, чем у русских. В то же время темп речи у русских значительно выше, чем у финнов. *Тембр голоса*: иностранный голос — это не из области ненаучной фантастики, а уже давно доказанный факт (см., например, работы В. В. Кулешова, посвященные просодии английского языка). *Способ заполнения пауз*: русские будут тянуть невнятные «э-э-э», в то время как англичане или американцы скажут не менее нечленораздельное «*a-at*». *Способ размещения слова* при необходимости продиктовать, например, его правильное написание. Так, носитель английского языка сделает это по буквам, то есть произнесет так, как буквы читаются в алфавите. Например, *a* — «эй», *i* — «ай», *r* — «а» и т. д. Английская «машина» при этом будет звучать так: «си-эй-а» — *car*. А русский для этих целей использует репертуар имен собственных, и «мир», например, будет звучать, как «Михаил — Ирина — Раиса» (при этом набор используемых имен зависит исключительно от фантазии говорящего).

В принципе к таким же, казалось бы, асемантическим аспектам следовало бы отнести и способ написания слов. Однако, как показывают мои наблюдения, «эксперименты» американцев, а именно они в основном «развлекаются» с орфографией, пытаясь хоть как-то упорядочить тот «хаос», который царит в английском «спеллинге», вызывают у англоговорящих не-американцев не слишком скрываемое пренебрежение. Иначе говоря, будучи асемантическими, эти феномены, безусловно, аксиологичны. Например, высоколобые интеллектуалы не-американцы морщатся, когда видят «*How R U?*» (< how are you? = Как дела?), или фразу из американской комедии «Полицейская академия», которую один из персонажей пишет на доске: «*U R here 2 obey*» (< you are here to obey = вы здесь для того, чтобы подчиняться), или надпись на машинах (кстати, не только американских, но и японских «джипах») *4WD* (< forward = вперед). Вместе с тем, развитие электронной почты приводит к тому, что «американизированное» написание становится все более и более популярным (хотя бы в силу того, что требует меньше времени и физических усилий).

Таким образом, мы должны отдавать себе отчет в том, что этнопсихолингвистическая детерминированность дискурса может проявлять себя буквально во всем: от экстралингвистических условий коммуникации (в первую очередь — проксемика) до стратегий и тактик общения, от паралингвистических компонентов коммуникативного акта (мимика, жесты) до построения порождаемого текста, от способов написания или разложения слов до использования языковых средств, являющихся «эквивалентными» в различных языках (например, «ты»

и «Вы» в русском, немецком, французском, испанском, шведском языках: когда, кому, в каких ситуациях что говорить — вечная головная боль для иностранцев и вечная опасность попасть впросак, а то и просто обидеть собеседника).

КУЛЬТУРНЫЙ ШОК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ

Поскольку проблемами, связанными с вхождением человека в чужую для него культурную среду, много и плодотворно занимались антропологи, социальные психологи и этнопсихологи, предоставлю слово им (подробный анализ самих проблем и разных точек зрения на эти проблемы — см., например: [Стефаненко 2000: 279—285]). Итак, межкультурная адаптация — сложный процесс, благодаря которому человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, а также результат этого процесса. Аккультурация — результат непосредственного, длительного контакта групп с разными культурами, выражающийся в изменении паттернов культуры одной или обеих групп (Р. Редфилд, Р. Линтон, М. Херскович). Психологическая аккультурация — процесс изменения в психологии индивида. Сегодня аккультурация может пониматься и как обозначение любого вхождения индивида в новую для него культуру и, в определенном смысле, как вторая и более поздняя форма инкультурации.

Культурный шок — термин американского антрополога К. Оберга, который исходил из идеи, что вхождение в чужую культуру сопровождается многими неприятными чувствами. Дж. Берри предложил использовать другой термин — «стресс аккультурации», поскольку «шок» имеет негативные коннотации, а межкультурные контакты могут принести и положительный опыт. В соответствии с кривой процесса адаптации Г. Триандис выделяет пять этапов этого процесса:

1. первый этап — «медовый месяц»; человек испытывает энтузиазм, душевный подъем, воодушевление;
2. на втором этапе начинается негативное воздействие окружающей среды; человек испытывает раздражение от того, что его окружает: чужой язык, непривычная еда, жилищные условия, иное поведение в общественных местах и т. д.;
3. критическая точка; человек ощущает себя отвергнутым и беспомощным, многие не выдерживают этого и возвращаются домой;
4. ощущение уверенности и удовлетворения; у человека появляются чувства уверенности и удовлетворения, к нему возвращается оптимизм;
5. полная, долгосрочная адаптация; завершаются относительно стабильные изменения самого человека, обусловленные требованиями окружающей среды, уровень адаптации в новой культуре сопоставим с уровнем адаптации на родине; в идеале процесс адаптации завершается установлением полного соответствия среды и индивида.

Продолжительность процесса культурной адаптации⁴ — от нескольких месяцев до 4—5 лет. Кривая выглядит так: хорошо, хуже, плохо, лучше, хорошо, — т. е. подобна латинской букве «U».

Реадаптация — не менее сложный и трудный для человека процесс. Основываясь на собственном опыте, могу сказать, что реадаптация после длительного пребывания в чужой культуре представляет собой процесс, едва ли не более трудный и «болезненный», чем собственно адаптация: все-таки чужая культура есть чужая культура, и приспособляясь к ней, человек знает, что за его спиной стоит его мир, который образует прочные тылы. В таком случае человек может воспринимать свое приобщение к «чужому» как некоторый вид увлекательной интеллектуальной игры. Но возвращаясь домой, человек понимает, что изменился он сам и, возможно, изменился его дом. И привыкание к новым условиям может создать значительные психологические проблемы. Именно поэтому специалисты говорят, что реадаптация практически повторяет адаптацию. Таким образом, кривая всего цикла имеет W-образный вид.

Рассмотрим культурный шок и его последствия более подробно. В свое время всем прибывшим на длительную стажировку Шведский институт (Svenska Institute!), расположенный в Стокгольме, выдавал короткую инструкцию (автор — Zareen Karani Lam), в которой были изложены симптомы и причины культурного шока и предлагались возможные пути его предотвращения и/или преодоления. Приведу основные положения данного документа практически полностью, поскольку он представляется мне весьма интересным. Итак.

1. Появляется чувство одиночества, поскольку человек оказывается как бы изолированным в новой культуре и начинает тосковать по близкому окружению. В этом случае необходимо найти людей, с кем можно было бы общаться, завязать знакомство или дружбу.
2. В поведении человека появляются не типичные для него раздражение, агрессия, причиной чего является неспособность человека справиться с непривычными для него простыми вещами. В этом случае поможет знание «техники выживания»: необходимо научиться покупать и готовить еду, научиться тому, как вести себя в общественных местах, научиться пользоваться общественным транспортом, выучить несколько самых «ходовых» фраз и т. д.
3. Может появиться чувство разочарования, фрустрация, вызванное неосуществившимися, завышенными ожиданиями. Чтобы избежать разочарований или преодолеть их, необходимо выработать или скорректировать свои ожидания, ориентируясь на реальные возможности, на реальную ситуацию.
4. Чувство беспомощности появляется в результате потери привычного окружения, поддерживающего человека и образующего его «тылы». Помочь

⁴ Надо иметь в виду, что этнопсихологи говорят, что не следует смешивать два явления: собственно адаптацию в новой культуре, с одной стороны, и простое приспособление к ней [Стефаненко 2000: 283].

- в этой ситуации могут внутренняя готовность человека к тому, что такое в принципе может случиться, и его способность создать себе новое окружение.
5. Незначительные вещи (например, багаж, одежда) начинают значить для человека слишком много, поскольку в новом культурном окружении у него нет доступа к дополнительным финансовым источникам, он не умеет пользоваться системой, позволяющей сократить расходы или вернуть часть истраченных денег (например, скидками, купонами). В этом случае необходимо установить контакты с местными жителями, которые помогли бы понять эту систему, попытаться в ней разобраться и увидеть ее положительные стороны, которыми можно пользоваться, а также разумно и адекватно планировать свои расходы.
 6. Может появиться чувство тревоги и беспокойства, поскольку нет никого, с кем человек мог бы обсудить свои проблемы. В этом случае может помочь знакомство с тем, кто способен ответить на вопрос: «Что мне делать, если?..»
 7. Возможны депрессия, появление беспричинных слез, вызванные ощущением собственной ненужности и отверженности. Чтобы избежать этого или преодолеть депрессию, необходимо завязать как можно больше знакомств, постоянно находиться в круговороте событий, общаться с разными людьми.
 8. Может произойти дезориентация в новом культурном окружении, поскольку знакомые и привычные «ключи» и «разгадки» в новых условиях могут не «работать», и человек не знает, как воспринимаются и оцениваются поступки, и не может прогнозировать их последствий, не может справиться с неоднозначностью. В этом случае, во-первых, необходимо найти кого-либо, кто говорит на местном языке и мог бы объяснить нормы и правила поведения. Во-вторых, для стабилизации внутреннего состояния нужно «зацепиться» за что-то знакомое, привычное, например: знакомая музыка, привычная еда. Необходимо так устроить свой быт, чтобы удовлетворять свои основные потребности, и так организовать свою повседневную жизнь, чтобы не нарушать своих основных привычек (например, не отказывать себе в утренней чашке кофе).
 9. Может произойти потеря объективности оценок: что правильно, что неправильно? что хорошо, что плохо? Это может быть спровоцировано отсутствием жестких границ и четких ориентиров. Помочь может общение с другими иностранцами, пребывающими в этой стране, со своими соотечественниками, с местными жителями.
 10. Может возникнуть чувство страха из-за того, что неизвестны последствия каких-либо событий. В этом случае необходимо поговорить с людьми, пережившими нечто подобное и сумевшими выйти из аналогичной ситуации.
 11. Человек оказывается неспособным обсуждать свои проблемы с другими, поскольку замыкается на себе и в себе из страха показаться смешным: «Что они обо мне подумают?» Нужно перестать бояться задавать вопросы, необ-

ходимо попытаться установить обратную связь: «Говорите мне, если я буду делать что-то не то или не так, если я буду делать что-то, что здесь не принято».

12. Может иметь место неполное понимание или полное непонимание происходящего, может возникнуть нежелание разбираться в том, что происходит. Обычно это обусловливается отсутствием информации или опыта пребывания в новой культуре. В этом случае нужно искать соответствующую информацию, пытаться быть гибким и открытым для новых знаний. Необходимо научиться получать удовольствие от самого процесса обучения новой культуре и от новых впечатлений, с ней связанных. Нужно найти кого-либо, с кем можно делиться своими впечатлениями и своим опытом.
13. Могут возникнуть чувство дискомфорта, внутренний конфликт, вызванные различиями культур (родной и неродной). В этом случае необходимо попытаться, беспристрастно и не давая оценок, обсудить причины различий, а для этого нужно на время отказаться от освоенных и привычных представлений, касающихся поведения людей.
14. Общение может оказаться сведенным практически к нулю и быть явно недостаточным для человека из-за его страха быть неправильно понятым. В этом случае должно помочь стремление создать такой круг общения, в котором взаимопонимание будет достаточным. Необходимо настроить себя на общение с другими людьми.
15. Может появиться чувство скованности и неловкости из-за того, что человек делает «неправильные» вещи. Надо постараться с юмором относиться к своим ошибкам и «ляпам» и, возможно, даже получать удовольствие, со смехом рассказывая о них другим людям.
16. У человека может возникнуть чувство, что он жертва обстоятельств, что он изгой и отвергнут всеми. Это обычно происходит, когда человеку кажется, что его никто не понимает, что все его обсуждают и он никому не нравится, что его считают «странным» существом, делающим «странные» вещи. В такой ситуации необходимо найти «друга» — того, кому можно доверять, кто обеспечит «обратную связь». Человеку стоит говорить о том, почему он делает что-либо по-другому, не так, как это принято в другой культуре.
17. Человек может потерять уверенность в себе, например, из-за того, что его новый статус оказался ниже, чем тот, который был у него на родине. В частности — непосредственно перед отъездом многие могли выражать ему восхищение или испытывать зависть: «Ты едешь за границу, как здорово!». В этом случае нужно постараться получить удовольствие от самой необходимости создать свой новый «имидж» в новом окружении.
18. Человек может вести себя агрессивно, испытывать постоянное раздражение: «Я-то в порядке, а вот вы — нет!» Это может быть вызвано недовольством собой, ощущением «что-то со мной не так». Человеку необходимо попытаться понять, почему другие воспринимают его именно так, а не иначе. Поверить

в то, что все могут быть «в порядке». Нужно постараться проанализировать себя и обрести уверенность в себе. Нужно научиться уважать культурные различия и получать от этого удовольствие.

19. Человек может потерять чувство самоуважения: «Я все делаю неправильно и никому не нравлюсь». В основе этого могут лежать предрассудки человека, заниженная самооценка и неправильная оценка того, как его воспринимают окружающие: «Я не знаю языка, и поэтому ко мне относятся как к ребенку». Нужно попытаться объективно взглянуть на ситуацию и поверить в то, что можно избавиться от предрассудков, установив позитивные межличностные отношения.
20. У человека может появиться желание уехать из страны пребывания, вызванное тоской по знакомому и привычному. В этом случае нужно сказать себе, что желание это скоро исчезнет, что это один из естественных симптомов культурного шока. В это время необходимо как можно больше общаться с окружающими.
21. Могут возникнуть проблемы самоидентификации, поскольку человек начинает задавать себе вопросы: «Кто я на самом деле? Что я за человек? Какой я, когда мой привычный «имидж» остался далеко дома?» В этом случае человеку остается только попытаться ответить на эти вопросы: понять, кто он и каким хочет быть. Нужно попытаться получить удовольствие от самой возможности создать себе новый «имидж».
22. У человека может появиться ощущение излишней зависимости от окружающих, поскольку он постоянно думает: «Я должен знать, как это делается в этой культуре. Я не должен делать ошибок. Я должен постоянно спрашивать у тех, кто знает». Нужно постараться найти гида, который познакомит с новой культурой, но в то же время надо приучить себя к мысли: «Я могу сделать это сам». Нужно поверить в то, что учиться на ошибках — это не только в порядке вещей, но и забавно. Нужно поверить в себя.

По мнению исследователей, существует целый ряд факторов, которые способны смягчить процесс аккультурации и облегчить адаптацию человека в новой среде [Стефаненко 2000: 285—290]. К числу таких факторов причисляются индивидуальные и групповые.

Индивидуальные факторы — это по сути личностные характеристики человека:

1. возраст — чем старше человек, тем труднее ему войти в новую культуру;
2. пол — некоторые исследования свидетельствуют, что у женщин — в первую очередь — традиционных культур больше проблем в адаптации, чем у мужчин, в то время как американки, например, адаптируются в новой среде быстрее и лучше американцев-мужчин;
3. образование — чем выше образование, тем «мягче» культурный шок;

4. склад ума — когнитивно сложные индивиды, которые к тому же обладают способностью к обобщению и склонны использовать более крупные категории при категоризации, легче адаптируются к новым условиям;
5. склад характера — индивиды, менее склонные к авторитаризму и более толерантные, легче преодолевают процесс адаптации;
6. обстоятельства жизненного опыта — сильная мотивированность аккультурации и адаптации помогает преодолеть многие проблемы; хорошее знакомство с новой средой обитания (знание истории, культуры, условий жизни) и установление дружеских контактов с местными жителями также способны смягчить и облегчить адаптацию.

Обобщая полученные разными исследователями данные, Т. Г. Стефаненко делает следующий вывод: «для жизни в чужой культуре лучше всего подходит профессионально компетентный, имеющий высокую самооценку, общительный индивид экстравертного типа; человек, в системе ценностей которого большое место занимают ценности общечеловеческие, открытый для самых разных взглядов, интересующийся окружающими, а при урегулировании конфликтов выбирающий стратегию сотрудничества» [Стефаненко 2000: 286]. Однако, по мнению самого исследователя, не может быть выделен единый, общий для всех «идеальный» тип готового к аккультурации человека.

Групповые факторы — характеристики взаимодействующих культур, например:

1. чем меньше культурная дистанция, тем в меньшей степени выражен культурный шок;
2. отсутствие конфликтов (военных, экономических, политических) между родной и неродной странами способствует облегчению процесса адаптации;
3. наличие в родной культуре сильных традиций, во многом определяющих поведение человека и требующих соблюдения определенных ритуалов, может значительно осложнить вхождение человека в чужую культуру;
4. традиционность новой культуры, ее закрытость для чужих, необходимость соблюдения многих жестких ритуалов также затрудняют адаптацию представителя другой культуры и усугубляют культурный шок.

Специалисты в области межкультурных контактов и межкультурной адаптации считают, что есть несколько путей преодоления и смягчения культурного шока и облегчения процессов аккультурации и адаптации. Среди основных способов они называют: обучение и просвещение, ориентирование, инструктаж и тренинг [Стефаненко 2000: 292—293]. Целью просвещения является ознакомление с историей, культурой, традициями и обычаями новой среды. Цель ориентирования — ознакомление с основными нормами, ценностями, убеждениями новой культуры. Цель инструктажа — ознакомление с возможными проблемами и способами оптимального приспособления к новым условиям. Цель тренинга —

обучение на практике непосредственному взаимодействию с представителями других культур. Позволю себе в связи с этим напомнить, что все книжечки весьма познавательной серии «Внимание, иностранцы!» снабжены максимой, красующейся на обложке: «Девиз путешественника — "Кто больше знает, тот меньше влипает!"»

Казалось бы, это — исчерпывающий и всеобъемлющий подход к сути проблем и их решению. Но культура — это не только Культура с большой буквы (применительно к России — это не только Толстой и Достоевский, Александр Невский и Суворов, Пастернак и Кандинский) и не только «быт» (как люди едят, спят, делают покупки и ловят такси). Это еще и тот «культурный фон», которым пронизана вся жизнь человека, то культурное пространство, в котором он обитает. Культура — это и мир Действительность, и мир Идеальное (по Вежбицкой). Ключи от двери в мир Идеальное хранит язык. Поэтому я абсолютно убеждена, что, не имея этих «ключей», невозможно войти в культуру. Но просто учить язык мало, надо постараться увидеть в нем, как в капле воды, культуру того народа, который на нем говорит.

И вот мы подошли к тому вопросу, который вынесен в заглавие книги: «свой» среди «чужих» — это миф или реальность? Чтобы ответить на этот вопрос, мне пришлось написать эту книжку. Но если коротко, то, пожалуй, так. Я думаю, что в принципе это, конечно, некоторый миф. Но как всякий миф, он имеет «прецеденты» и определенным образом может реализоваться. И в этом смысле это, безусловно, реальность. Чтобы сделать эту «сказку былью», необходимо благополучно пройти путь адаптации или аккультурации в чужой культуре. При этом необходимо приобщиться к основным кодам культуры, освоить их и принять. Возможно, не на уровне «я так думаю и так поступаю» — это некоторый идеал, трудно и не всегда достижимый (результат полной адаптации в новой культуре). Но хотя бы на уровне «я знаю, что так думают и поступают другие, и я понимаю, что это значит» (как минимум, результат приспособления к новой культуре). Для этого необходимо, в том числе и едва ли не в первую очередь, ознакомление с культурным пространством новой культуры, с основными его ментефактами. Конечно, это потребует больших усилий и значительного времени.

Вполне вероятно, что чужая культура никогда не станет «своей», но вот стать «своим» среди «чужих» все-таки в силах человека, вступающего на увлекательный и небезопасный, обещающий открытия и требующий особой осторожности, приносящий удовлетворение и заставляющий задуматься о себе путь межкультурного общения. По сути — на путь через тернии к звездам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой книге я постаралась ответить на вопрос: можно ли стать «своим» среди «чужих»? Для того, чтобы получить ответ, нужно было разобраться в том, что делает человека «своим» для одних и «чужим» для других, что предопределяет ту или иную его оценку окружающими. А для этого было необходимо понять, что предопределяет национально-культурную специфику языкового сознания, дискурса, коммуникации. Поэтому нужно было особо остановиться на таких феноменах, как языковое сознание, основные единицы языкового сознания, человек говорящий, когнитивные пространства и когнитивная база, культурное пространство, ментефакты, дискурс и коммуникация. Если очень коротко изложить основные положения этой книги, то сделать это можно, очевидно, следующим образом.

Сознание (языковое сознание) как феномен тесно связано с культурой. Интеллект как способность оказывается свободен от тесной зависимости от культуры, однако его проявления всегда национально маркированы, поскольку интеллект нельзя отграничить от сознания. В мышлении, понимаемом как процесс, проявляется как национально-«субъективное», культурозависимое сознание, так и национально-«объективный», культуронезависимый интеллект. Все три ипостаси психики человека взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Субъектом коммуникации является человек говорящий, предстающий в каждый момент своей речевой деятельности одновременно в трех ипостасях, как совокупность «личностных» феноменов — как личность языковая, личность речевая и личность коммуникативная. Человек говорящий определяется нами как личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (охватывающая как порождение, так и восприятие речевых произведений); языковая личность — как личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений; речевая личность — как личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических); коммуникативная личность — как конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации.

Каждый человек говорящий обладает индивидуальным когнитивным пространством, набором коллективных когнитивных пространств тех социумов, в

которые он входит, и когнитивной базой того национально-лингво-культурного сообщества, членом которого он является. Индивидуальное когнитивное пространство (ИКП) понимается как определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый человек говорящий. Коллективнокогнитивное пространство (ККП) есть определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений членов того или иного социума. Когнитивная база (КБ) предстает как определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета. Исследование показало, что ИКП, ККП и КБ непосредственно влияют на процесс коммуникации.

Национальное культурное пространство предстает как информационно-эмоциональное («этническое») поле, совокупность всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств, все многообразие реально существующих и потенциально возможных знаний и представлений носителей национального (в нашем случае — русского) ментально-лингвального комплекса.

ИКП, ККП и КБ различаются внутренним наполнением («охватом» совокупности знаний и представлений) и внешним масштабом (числом личностей, для которых когнитивная совокупность является общей). Национальное культурное пространство по внешнему масштабу соотносится с КБ, а по внутреннему масштабу, т. е. по содержательному наполнению, оно, будучи пространством, соотносимо с ИКП и ККП.

Если КБ структурируется в первую очередь по горизонтальной оси, т. е. имеет центр и периферию, то культурное пространство имеет глубину. К глубинным слоям культурного пространства следует относить те представления, которые восходят к архетипическим, древнейшим представлениям, соотносятся с ними и представляют собой базовые оппозиции культуры.

Когнитивные пространства и когнитивная база формируются когнитивными структурами, понимаемыми как содержательная форма кодирования и хранения информации. Среди когнитивных структур выделяются феноменологические (ФКС) и лингвистические когнитивные структуры (ЛКС). Когнитивные структуры в целом достаточно сложно изучать «в чистом виде», поскольку они предстают в опосредованном виде — в виде структур-«посредников» (особенно актуально это для ФКС). Когнитивные структуры лежат в основе компетенции человека говорящего, в силу чего представляется возможным установить определенные соотношения между типом когнитивных структур и видом компетенции.

Коммуникация, как любой процесс, разворачивающийся во времени и пространстве, поддается структуриации. Основной единицей коммуникации является коммуникативный акт (КА), понимаемый как функционально цельный

фрагмент коммуникации, ядром которого является текст. Каждый КА имеет две структурные составляющие: ситуацию (понимается как фрагмент объективно существующей реальности, частью которой может быть и вербальный акт) и дискурс (понимается как вербализованная речемыслительная деятельность, представляющая как совокупность процесса и результата, обладающая собственно-лингвистическим и лингво-когнитивным планами). В каждом КА выделяются четыре компонента и, следовательно, четыре аспекта: 1) экстралингвистический аспект связан с конситуацией; 2) семантический аспект определяется контекстом, последний понимается как имплицитно или эксплицитно выраженные смыслы, реально существующие, являющиеся частью ситуации, отражающиеся в дискурсе и актуальные для данного КА; 3) когнитивный аспект непосредственно связан с пресуппозицией (в том понимании, как это представлено в работе); 4) собственно-лингвистический аспект обуславливается речью, т. е. продуктом непосредственного речепроизводства, тем, что продуцируют коммуниканты.

Текст как основная единица дискурса есть вербальный и знаково зафиксированный продукт речемыслительной деятельности, являющийся «реакцией» на ситуацию и опосредованным ее отражением, обладающий содержательной завершенностью и информационной самодостаточностью, а также тематическим, структурным и коммуникативным единством, как нечто объективно существующее, материальное, поддающееся фиксации с помощью экстралингвистических средств и самим фактом своего существования изменяющее окружающий мир, как некая особая предикативная единица. С точки зрения формально-содержательной структуры и вычленения в дискурсе, текст есть речевое произведение, которое начинается репликой, не имеющей вербально выраженного стимула, и заканчивается последней вербально выраженной реакцией на стимул (вербальный или невербальный). Будучи «ядром» коммуникативного акта, текст характеризуется теми же особенностями, что и КА, и при его анализе, следовательно, следует учитывать те же четыре аспекта: экстралингвистический, когнитивный, семантический и собственно-лингвистический. Структурная организация текста может быть достаточно простой (микротекст) или весьма сложной (макротекст, формируемый другими макротекстами). Дифференциальные признаки текста определенным образом соотносятся с текстообразующими категориями, которые при порождении и восприятии текста связаны направленными зависимостями. Предлагаемые модели порождения и восприятия текста позволяют учитывать составляющие КА, аспекты текста как единицы дискурса, направленные зависимости текстообразующих категорий, т. е. все факторы, которые влияют на указанные процессы и обуславливают тот или иной «вид» текста.

Ментефакты понимаются как элементы «содержания» сознания и представляют собой основные единицы культурного пространства. При классификации ментефактов первый ранг разбиения феноменов дает триаду: знания — концепты — представления. Знания могут быть как «культурно-нейтральными», так и

национально-культурно маркированными. Концепты лишены образной прототипичности (сближаются со знаниями), но в то же время они включают в себя коннотации (сближаются с представлениями). Среди представлений выделяют прецедентные феномены, артефакты, дүхи / бестиарии и стереотипы. Они поддаются разграничению на основе критерия, формируемого двумя основополагающими признаками: единичность vs. множественность и прототипичность vs. отсутствие таковой (прототипичность в данном случае понимается как наличие изначального «единого» визуального образа предмета). Прецедентные феномены единичны и прототипичны. Дүхи не единичны и не прототипичны. Артефакты и стереотипы — не единичны, но прототипичны. Но если изначальный образ артефакта основывается на реалии с последующим наращением качеств и/или свойств предмета, у стереотипов происходит редуцирование качеств и свойств предмета до значимого минимума (значимого прежде всего в когнитивном и дифференциальном планах).

Прецедентные феномены (ПФ): прецедентная ситуация (ПС), прецедентный текст (ПТ), прецедентное имя (ПИ) и прецедентное высказывание (ПВ) — могут иметь статус социумно-, национально- или универсально-прецедентных. Прецедентные феномены, каждый из которых имеет ядро и периферию, составляют определенную систему (основной фрагмент когнитивной базы), которая также имеет центр и периферию. Ядро ПФ «кристаллизуется» в виде фрейм-структуры сознания и входит в КБ, а периферия ПФ, репрезентируя его культурно значимый фрейм, является элементом национального культурного пространства.

Стереотип-представление понимается как некая ментальная «картинка». По своей сути это есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, которые приписываются данной единице и репрезентируют образ, представление феномена, стоящего за данной единицей, в национально-культурной маркированности данного образа, представления при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей. Национальный концепт, в рамках предлагаемой концепции, есть самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью.

Необходимо отграничивать стереотипы-представления от стереотипов поведения. Среди стереотипов-представлений мы разграничиваем стереотипы-образы и стереотипы-ситуации. Принципиальное отличие стереотипов от прецедентных феноменов заключается в том, что за ПФ всегда стоит некий конкретный, единичный феномен, за стереотипом же стоит абстрактный, собирательный образ. Кроме этого, ПФ и стереотипы различаются по форме хранения в сознании.

Ментефакты некоторым образом соотносятся с понятиями эталона и канона. На сегодняшний день можно утверждать, что ПС, ПТ и ПИ выступают как

эталон, ПВ могут функционировать и как эталон, и как канон. Стереотипы поведения выступают как канон, стереотипы-представления — как эталон, но могут включать в себя и каноны (если в стереотип-представление неотъемлемой частью входят стереотипы поведения).

Ментефакты хранятся в сознании в виде фрейм-структур сознания, формируемых когнитивными структурами (как атомы «складываются» в молекулы, так «атомарные» когнитивные структуры, создавая некоторые конфигурации, формируют «молекулярные» фрейм-структуры). Фрейм-структура сознания понимается как когнитивная единица, формируемая клише / штампами сознания и представляющая собой «пучок» предсказуемых валентных связей (слов), векторов направленных ассоциаций.

Клише и штампы сознания, будучи психологическими феноменами, соотносимы с лингвистическими феноменами — языковыми клише и речевыми штампами. Клише и штампы сознания проявляются в коммуникации посредством ассоциаций. Разграничиваются два основных типа ассоциаций, критерием разбиения которых является апелляция (или отсутствие таковой) к прецедентному (в широком понимании) феномену. Соответственно, выделяются семантико-когнитивная ассоциация и фонетико-звуковая (зрительно-звуковая). Как особый подвид фонетико-звуковой ассоциации выделяется ассоциация-штамп.

Ассоциативные связи могут быть свободными и предсказуемыми. В основе предсказуемой ассоциативной связи лежит некоторый когнитивный феномен — культурный предмет. За предсказуемой ассоциативной связью всегда стоит фрейм-структура сознания.

Код культуры понимается как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека, собственно говоря, они эти представления и «кодируют». Коды культуры «образуют» систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры. Между кодами культуры нет и не может быть жестких границ. Базовыми кодами культуры являются: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный.

Этнопсихолингвистическая детерминированность дискурса может проявлять себя буквально во всем: от экстралингвистических условий коммуникации до стратегий и тактик общения, от паралингвистических компонентов коммуникативного акта до построения порождаемого текста, от способов написания или разложения слов до использования языковых средств, являющихся «эквивалентными» в различных языках.

Национально-культурная специфика дискурса может быть описана с позиций этнопсихолингвистики и лингвокультурологии на основе лингво-когнитивного подхода.

Межкультурная адаптация и аккультурация являются сложными процессами (и результатами таковых), происходящими в психике индивида, результатом

чего должно стать определенное изменение сознания человека говорящего, благодаря которому человек может достичь совместимости с новой культурной средой. В процессе адаптации человеку приходится преодолевать культурный шок. Одним из способов вхождения в чужую культуру является приобщение к ней сквозь призму языка.

Особо подчеркну, что эта книга содержит не только ответы и готовые решения некоторых проблем, но и многочисленные вопросы. Наиболее актуальными и перспективными на сегодняшний день мне представляются следующие направления исследований.

- Определение (с точки зрения синхронии) границ между трансформациями одной когнитивной базы, с одной стороны, и разными когнитивными базами — с другой. Например, представляется актуальным определение границ, зон пересечения и перехода, общих черт и различий когнитивных баз восточных славян (сопоставление ядерных элементов русской, украинской и белорусской когнитивных баз).
- Изучение русской когнитивной базы с точки зрения диахронии, которое имело бы целью определить следующее: правомерно ли говорить о единой когнитивной базе России XIX—XXI веков или же мы имеем дело с разными КБ и, следовательно, с разными (хотя и схожими) ментально-лингвальными комплексами разных национально-лингво-культурных сообществ, хотя и использующих один язык (аналогично ситуации, например, с английским, австралийским и американским сообществами).
- Изучение соотношения коллективных когнитивных пространств и когнитивной базы и, следовательно, соотношение социумно- и национально-прецедентных феноменов. Проведение широких сопоставительных исследований.
- Выявление и определение социумно-прецедентных феноменов, входящих в коллективные когнитивные пространства «межэтнических» социумов. Выявление общих черт и различий в инвариантах восприятия социумно-прецедентных феноменов представителями различных национально-лингво-культурных сообществ.
- Изучение универсально-прецедентных феноменов с точки зрения национально-детерминированных инвариантов их восприятия, коннотаций и фрейм-структур, т. е. векторов ассоциаций.
- Лингвокультурологическое изучение базовых концептов русской культуры. Изучение национальной специфики «ключевых концептов» культуры. Сопоставительные исследования.
- Изучение национальной специфики ассоциаций. Сопоставительные исследования свободных и предсказуемых ассоциаций, порождаемых национальными стереотипами.

-
- Э Изучение национальной специфики стереотипов-представлений: стереотипов-образов и стереотипов-ситуаций. Сопоставительные исследования «стереотипных полей» различных национально-лингво-культурных сообществ. Выявление и описание «квазиуниверсалий».
 - О Дальнейшее изучение стереотипов с точки зрения региональных (локальных) ассоциаций для подтверждения гипотезы о том, что стереотипы, будучи всегда национально маркированы, несут на себе также и печать локальных ассоциаций, что предопределяет их статус элементов национального культурного пространства и препятствует их включению в когнитивную базу.
 - О Изучение ментефактов с точки зрения их изменений во времени, что позволит делать выводы о некоторых общих направлениях и тенденциях в развитии национального ментально-лингвального комплекса.
 - О Дальнейшее изучение ментефактов, фрейм-структур сознания. Проведение сопоставительных исследований с привлечением материала по разным национально-лингво-культурным сообществам. Необходимо выявить, исследовать и описать следующие случаи: 1) в культурах зафиксирован один и тот же феномен, но он имеет разные значения, т. е. одно означающее при разных означаемых (при этом важным окажется и «степень» расхождения значений); 2) одно означаемое имеет разные означающие в разных культурах (при этом важным окажется и «степень» тождественности означаемого); 3) в одной из сопоставляемых культур есть означаемое, но отсутствует означающее (ниша эталона существует, но не занята); 4) в одной из сопоставляемых культур отсутствует означаемое (эталон не актуален для данной культуры).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов 1974 – *Абрамов Б.А.* Текст как закрытая система языковых средств // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 3-4.
- Абызова 1984₁ – *Абызова В.Н.* К вопросу о методологии исследования текста // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. М., 1984. С. 3-8.
- Абызова 1984₂ – *Абызова В.Н.* Актуальные проблемы описания текста // Семантика текста и проблемы перевода. М., 1984. С. 3-7.
- Абызова 1986 – *Абызова В.Н.* К проблеме соотношения объективного и субъективного в тексте // Текст, контекст, подтекст. М., 1986. С. 23-28.
- Авалиани 1974 – *Авалиани Ю.Ю.* К взаимодействию микро- и макроконтекста (слово и фразеологизм в художественном тексте) // Лингвистика текста. Материалы научной конференции. М., 1974. Ч. I. С. 4-10.
- Аветян 1979 – *Аветян Э.Г.* Смысл и значение. Ереван, 1979.
- Аврамченко et al. 1976 – *Аврамченко Л., Бгажников Б., Кудяева Л.* Зависимость восприятия текста от особенностей перцептивной задачи // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку. М., 1976. С. 104-111.
- Агибалов 1997 – *Агибалов А.К.* Актуальный лексикон как модель адекватного образа мира // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2–4 июня 1997 г. М., 1997. С. 6–7.
- Акимова 1987 – *Акимова Е.П.* К проблеме психолингвистического анализа синтаксического компонента текста // Семантика целого текста. М., 1987. С. 3-4.
- Акишина, Акишина 1983 – *Акишина А.А., Акишина Т.Е.* Лингвострановедение и структура текста // Русский язык для студентов-иностранцев. Сб. методич. статей. М., 1983. № 22. С. 185-193.
- Алейников 1985 – *Алейников А.Г.* Модель речевой деятельности (в терминах теории графа) // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985. С. 11–21.
- Алейников 1988₁ – *Алейников А.Г.* Об эвристичности акта коммуникации и моделирования // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М., 1988. С. 55-76.
- Алейников 1988₂ – *Алейников А.Г.* Знаковая четырехсторонняя сущность. Универсальная креативная модель // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М., 1988. С. 89–115.
- Александрова 1987 – *Александрова Л. Н.* Лингвистические аспекты интерпретации текста // Семантика целого текста. М., 1987. С. 4-5.
- Алмаев 1997 – *Алмаев Н. А.* Парадигмы в исследовании языка и доступ к языковому сознанию // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 12.
- Андреева 1980 – *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1980.
- Андрюшко et al. 1987 – *Андрюшко С.Я., Дученко Т.С., Радочинская Л.Г.* Семантическая структура устного текста в диалогическом контакте // Семантика целого текста. М., 1987. С. 6.
- Апресян 1995₁ – *Апресян Ю.Д.* О языке толкований и семантических примитивах // Избр. труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 1995₂ – *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995, № 1. С. 37-67.
- Апухтин 1976 – *Апухтин В.Б.* О смысловой структуре связного текста (в связи с обучением порождению текстов на иностранном языке) // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку. М., 1976. С. 112–122.

- Апухтин 1984 - *Апухтин В.Б.* Психолингвистическое понимание объективации субъективно-го в речи // Семантика текста и проблемы перевода. М., 1984. С. 7-15.
- Арнольд 1974 - *Арнольд И.В.* Интерпретация текста как установление иерархий его частей // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 28-32.
- Арутюнова 1971 - *Арутюнова Н.Д.* К проблеме связности прозаического текста // Памяти академика В. В. Виноградова. М., 1971.
- Арутюнова 1973 - *Арутюнова Н.Д.* Понятие «пресуппозиция» в лингвистике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 32. 1973. Вып. 1.
- Арутюнова 1980 - *Арутюнова Н.Д.* Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Арутюнова 1987 - *Арутюнова Н.Д.* Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987, № 3. С. 3-19.
- Арутюнова 1998 - *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Аспекты 1981 - Аспекты изучения текста. Сб. науч. трудов. М., 1981.
- Аспекты 1982 - Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / Отв. ред. И. А. Слюсарева. М., 1982.
- Астремская 1989 - *Астремская Е.В.* Проблема семантического структурирования текста при чтении // Функционирование текста в лингвокультурной общности. М., 1989. С. 163-169.
- АТРЯ - Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь. (Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.) М., 1994, 1996, 1998. Кн. 1-6:
- Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. 1994.
 - Книга 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. 1994.
 - Книга 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. 1996.
 - Книга 4. Обратный словарь: от реакции к стимулу. 1996.
 - Книга 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. 1998.
 - Книга 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. 1998.
- Ахманова 1957 - *Ахманова О.С.* О психолингвистике. М., 1957.
- Ахутина 1989 - *Ахутина Т.В.* Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 1989.
- Б-III, 1978 - Бессознательное: Природа, Функции, Методы исследования. Коллективная монография в 4-х томах. Т. III. Тбилиси, 1978.
- Баевский 1974 - *Баевский В.С.* Межуровневые связи в структуре текста // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 33-39.
- Базжина 1987 - *Базжина Т. В.* Диалоговые модели как способ описания процесса порождения текста (на материале онтогенеза) // Семантика целого текста. М., 1987. С. 9-10.
- Базылев 1978 - *Базылев В.Н.* К вопросу о соотношении значения и смысла в ораторской речи // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978. С. 11-19.
- Базылев 1997 - *Базылев В.Н.* Российский политический дискурс (от официального до обыденного) // Политический дискурс в России. М., 1997. С. 7-13.
- Базылев 1998 - *Базылев В.Н.* Синергетика языка: овнешнение в гадательных практиках. М., 1998.
- Базылев, Сорокин 2001 - *Базылев В.Н., Сорокин Ю.А.* Интерпретативное переводоведение. Саратов, 2001.
- Балаян 1972 - *Балаян А.Р.* О выделении плана непосредственных коммуникативных действий как необходимого аспекта речевой деятельности // Мат-лы IV Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. С. 162-167.
- Баранов, Добровольский 1996 - *Баранов А.Н., Добровольский О.Д.* Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. 1996, № 5. С. 51-64.
- Баранов, Крейдлин 1992₁ - *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992, № 2. С. 84-99.
- Баранов, Крейдлин 1992₂ - *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992, № 3. С. 84-93.
- Барт 1978 - *Барт Р.* Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 442-449.
- Барт 1994 - *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.

- Бархударов 1974 - *Бархударов Л.С.* Текст как единица языка и единица перевода // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 40-41.
- Бархударов 1975 - *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Основы общей и частной теории переводов. М., 1975.
- Басин 1955 - *Басил Ф.Б.* Проблема бессознательного. М., 1955.
- Бастриков 1997 - *Бастриков А.В.* Мифические персонажи в национальных картинах мира // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 22-23.
- Батыгин 1980 - *Батыгин Г.С.* Стереотипы поведения: распознавание и интерпретация // Социологические исследования. 1980, № 4. С. 96-102.
- Бгажноков 1972 - *Бгажноков Б.Х.* Личностно и социально ориентированные речевые сообщения // Мат-лы IV Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. С. 16-27.
- Бейтс 1984 - *Бейтс Е.* Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика. М., 1984. С. 50-102.
- Белков 1993 - *Белков П.Л.* О методе построения теории этноса // Этнос и этнические процессы. М., 1993. С. 48-61.
- Белл 1980 - *Белл Р.Т.* Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980.
- Беллерт 1978 - *Беллерт М.* Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 172-207.
- Беляева, Самойленко 1985 - *Беляева А.В., Самойленко Е.С.* Проблема выделения признака в связи с коммуникативными задачами вербализации образа восприятия // Психологические исследования общения. М., 1985. С. 159-178.
- Беляева, Майклз 1985 - *Беляева А.В., Майклз С.* Монолог, диалог и полилог в ситуациях общения // Психологические исследования общения. М., 1985. С. 219-244.
- Белякова, Дьякова 1997 - *Белякова Л.И., Дьякова Е.А.* Некоторые особенности внутриречевого программирования // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 24-25.
- Белянин 1988 - *Белянин В.П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988.
- Бенвенист 1965 - *Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965.
- Бенвенист 1974 - *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Бергер 1996 - *Бергер П.Л.* Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
- Бернштейн 1966 - *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
- Бернштейн 1972 - *Бернштейн СИ.* Языковая сторона радиолекции // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972. С. 114-126.
- Бехтерев 1918 - *Бехтерев В.М.* «Добавление» к «Общим основам рефлексологии». Пг.: Изд. Риккера, 1918.
- Библер 1975 - *Библер В.С.* Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. М., 1975.
- Библер 1996 - *Библер В.С.* О логической ответственности за понятие «диалог культур» // АРХЭ: Ежегодник культурологического семинара. Вып. 2. М., 1996. С. 125-146.
- Библер 1997 - *Библер В.С.* На гранях логики и культуры. Книга избранных очерков. М., 1997.
- Бидерман 1996 - *Бидерман Г.* Энциклопедия символов. М., 1996.
- Биева 1982 - *Биева Е.Г.* К вопросу о факторах, определяющих понимание текста // Уровни текста и методы его лингвистического анализа. М., 1982. С. 67-78.
- Биева 1987 - *Биева Е.Г.* О методах анализа понимания текста // Семантика целого текста. М., 1987. С. 16-17.
- Блох 1987 - *Блох М.Я.* Диктема и целый текст // Семантика целого текста. М., 1987. С. 17.
- Блумфилд 1968 - *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Бобрышева 1996 - *Бобрышева И.Е.* Менталитет и национально-ориентированные технологии начального этапа обучения иностранцев языкам: новый подход // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 13-21.
- Богин 1985 - *Богин Г. И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Дисс. ... докт. филол. наук. Калинин, 1985.

- Богуславский 1994 - *Богуславский В.М.* Человек в зеркале русского языка, культуры и литературы. М., 1994.
- Богушевич 1985 - *Богушевич Д.Г.* Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка. Минск, 1985.
- Бодалев 1982 - *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
- Бодалев 1983 - *Бодалев А.А.* Личность и общение. М., 1983.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 - *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
- Бондаренко 1989 - *Бондаренко О.Р.* Некоторые аспекты межкультурной коммуникации // Иностранные языки в высшей школе. Сб. научно-методич. статей. Вып. 22. М., 1989.
- Бондаренко 1991 - *Бондаренко О.Р.* Межкультурные аспекты коммуникации на иностранном языке // Методы и организация обучения иностранному языку в языковом вузе. Сб. науч. трудов. Вып. 370. М., 1991. С. 38-48.
- Борботько 1981 - *Борботько В.Г.* Элементы теории дискурса. Грозный, 1981.
- Борботько 1981₁ - *Борботько В.Г.* Использование естественного членения дискурса при его анализе // Аспекты изучения текста. М., 1981. С. 19-24.
- Борботько 1982 - *Борботько В.Г.* Семантическая организация и интерпретация дискурса при когнитивной и эстетической коммуникации // Текст как психолингвистическая реальность. М., 1982. С. 7-13.
- Борботько 1983 - *Борботько В.Г.* О коммуникативной адекватности и о совершенстве дискурса // Текст как инструмент общения. М., 1983. С. 26-39.
- Борботько 1996 - *Борботько В.Г.* Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 40-54.
- Борботько 1997 - *Борботько В.Г.* Типы текста как результата деятельности языкового сознания // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 30-31.
- Борботько 1998₁ - *Борботько В.Г.* Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения). Дисс. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1998.
- Борботько 1998₂ - *Борботько В.Г.* Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1998.
- Бромлей 1983 - *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- Брудный 1964 - *Брудный А.А.* К проблеме семантических состояний // Сознание и действительность. Фрунзе, 1964. С. 3-10.
- Брудный 1972₁ - *Брудный А.А.* Некоторые философские проблемы теории общения // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. С. 3-7.
- Брудный 1972₂ - *Брудный А.А.* Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности). Фрунзе, 1972.
- Брудный 1975 - *Брудный А.А.* Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии. 1975, № 10. С. 112-123.
- Брудный 1985 - *Брудный А.А.* Хождение за три мира // Знание - сила. 1995, № 1. С. 20-21.
- Брудный, Шукуров 1977 - *Брудный А.А., Шукуров Э.Д.* Мир общения. Фрунзе, 1977.
- Брунер 1977 - *Брунер Дж.* Психология познания: За пределами непосредственной информации. М., 1977.
- Брутян 1973 - *Брутян Г.И.* Язык и картина мира // Философские науки. 1973, № 1.
- Бубнова 1987 - *Бубнова Г.И.* Текстовые категории устного спонтанного диалога // Вопросы системной организации речи. М., 1987. С. 47-68.
- Бурлаков 1995 - *Бурлаков Ю.А.* Механизмы речи и мышления. М., 1995.
- Бурнацева et al. 1997 - *Бурнацева З.Т., Гусалова Л.Д., Красиков Ю.В., Топрова З.А.* Уровни языкового сознания и образ мира // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 32-33.
- Бутон 1984 - *Бутон Ш.* Развитие речи // Психолингвистика. М., 1984. С. 307-324.
- Вазбуцкая 1974 - *Вазбуцкая К.Г.* О некоторых объективных факторах коммуникативно-стилистической организации текста // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. Ч. I. С. 57-60.
- Валлон 1956 - *Валлон А.* От действия к мысли. Очерк сравнительной психологии. М., 1956.

- Ван Дейк 1978 - *Ван Дейк Т. А.* Вопросы грамматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 259-336.
- Ван Дейк, Кинч 1988 - *Ван Дейк Т. А., Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988. С. 153-211.
- Ван Дейк 1989 - *Ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Вандриес 1937 - *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937.
- Ванников 1979 - *Ванников Ю. В.* Функционально-прагматическая классификация и типы адекватности текстов // Семантика языковых единиц и текста. М., 1979. С. 77-91.
- Ванников 1982 - *Ванников Ю. В.* Понятие адекватности текста и типы адекватности перевода // Уровни текста и методы его лингвистического анализа. М., 1982. С. 3-8.
- Ванников 1984 - *Ванников Ю. В.* К обоснованию общей типологии текстов, функционирующих в сфере научно-технического перевода // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. М., 1984. С. 15-26.
- Васильев 1987 - *Васильев Л. Г.* Актуальные и виртуальные характеристики текста // Семантика целого текста. М., 1987. С. 26.
- Васильева 1988 - *Васильева Т. Е.* Стереотипы в общественном сознании (Социально-философские аспекты). Научно-аналитический обзор. М., 1988.
- Вежбицка 1978 - *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 402-421.
- Вежбицка 1990 - *Вежбицка А.* Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знания. М., 1990. С. 63-85.
- Вежбицкая 1996 - *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Величковский 1982 - *Величковский Б. М.* Современная когнитивная психология. М., 1982.
- Верещагин, Костомаров 1973 - *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1973.
- Виноград 1978 - *Виноград Т.* Об одном подходе к изучению дискурса // Взаимодействие с ЭВМ на естественном языке. Новосибирск, 1978. С. 11-47.
- Виноградова, Салмина 1997 - *Виноградова Т. Ю., Салмина Л. М.* Специфика моделирования картины мира в разных национальных культурах // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 35-36.
- Волков 1966 - *Волков А. Г.* Язык как система знаков. М., 1966.
- Волков 1996 - *Волков А. А.* Основы русской риторики. М., 1996.
- Волкова, Шахнарович 1987 - *Волкова З. Н., Шахнарович А. Н.* Семантическая структура текста: иерархия семантических компонентов // Семантика целого текста. М., 1987. С. 30-31.
- Волкова, Штерн 1984 - *Волкова Л. Б., Штерн А. С.* Восприятие текстов разных структур // Семантика текста и проблемы перевода. М., 1984. С. 52-57.
- Вопросы 1967 - Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967.
- Вопросы 1975 - Вопросы анализа текста. Ереван, 1975.
- Вшивкова 1987 - *Вшивкова Т. В.* Процесс антиципации и понимание текста // Семантика целого текста. М., 1987. С. 34.
- Вшивкова 1989 - *Вшивкова Т. В.* Особенности антиципации при восприятии и понимании текста на родном и иностранном языках // Функционирование текста в лингвокультурной общности. М., 1989. С. 15-20.
- Выготский 1934 - *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.; Л., 1934.
- Выготский 1956 - *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Выготский 1982 - *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 2. М., 1982.
- Гак 1969 - *Гак В. Г.* К проблеме соотношения между структурой высказывания и структурой ситуации // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969. С. 67-79.
- Гак 1974 - *Гак В. Г.* О семантической организации текста // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 61-66.
- Гак 1976 - *Гак В. Г.* О семантической организации повествовательного текста // Лингвистика текста. Вып. 103. М., 1976. С. 5-14.
- Гак 1987 - *Гак В. Г.* Онтологические и прагматические логические классы в тексте // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 49-57.

- Гак 1995 - Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995, № 4. С. 47-55.
- Гальперин 1974 - Гальперин И.Р. О понятии — «текст» // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 67-72.
- Гальперин 1981 - Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гарднер 1969 - Гарднер К. Предисловие к первому, американскому изданию. Норвич (Вермонт). Август 1969 // Розенцток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994. С. 5-10.
- Гаспаров 1974 - Гаспаров Б.М. О месте лингвистики текста в общеязыковой модели // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 73-77.
- Гаспаров 1996 - Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гаузенблас 1978 - Гаузенблас К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 57-78.
- Гачев 1988 - Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1988.
- Герасименко 1998 - Герасименко Н.А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2. М., 1998. С. 20-23.
- Герасимов, Петров 1988 - Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.
- Герд 1995 - Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.
- Герман, Бочаров 1997 - Герман И. А., Бочаров Д.А. К вопросу о формировании инокультурных понятий в концептуальной системе индивида, изучающего второй язык (экспериментальное исследование) // Текст: структура и функционирование. Вып. 2. Барнаул, 1997. С. 64-66.
- Германова 1996 - Германова Н.Н. Повседневное общение и структуры национального менталитета: диалог в русской культуре // Лингвистические маргиналии. Сб. науч. трудов МГЛУ. Вып. 432. М., 1996. С. 105-118.
- Гетьман 1987 - Гетьман З.А. Интегрирующие подсистемы диалогического текста // Семантика целого текста. М., 1987. С. 37-38.
- Гийом 1992 - Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
- Гиндин 1981 - Гиндин СИ. Что такое текст и лингвистика текста // Аспекты изучения текста. М., 1981. С. 25-31.
- Гиндин 1987 - Гиндин СИ. О семантических различиях двух ведущих принципов построения текста // Семантика целого текста. М., 1987. С. 39.
- Гинзбург, Пробст 1981 - Гинзбург Е.Л., Пробст М.А. Контекст и текст // Аспекты изучения текста. М., 1981. С. 32-39.
- Глоzman, Самойлова 1997 - Глоzman Ж.М., Самойлова В.М. Лексикон как форма языкового сознания // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 44.
- Гойхман, Надеина 1997 - Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Основы речевой коммуникации. М., 1997.
- Головина 1985 - Головина Л.В. Креолизованный текст: закономерности построения // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985. С. 45-88.
- Голод, Шахнарович 1984 - Голод В.И., Шахнарович А.М. Когнитивные и коммуникативные аспекты текста как инструмента общения // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. М., 1984. С. 26-34.
- Голубева-Монаткина 1987 - Голубева-Монаткина Н.И. К проблеме семантической организации диалогического текста // Семантика целого текста. М., 1987. С. 40.
- Гончаренко, Шингарева 1984 - Гончаренко В.В., Шингарева Е.А. Фреймы для распознавания смысла текста. Кишинев, 1984.
- Горелов 1981 - Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1981.
- Горелов 1997 - Горелов И.Н. Импринтинг и речь как базовый комплекс социализации // Политический дискурс в России. М., 1997. С. 13-18.
- Горелов, Седов 1997 - Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997.
- Горохова 1985 - Горохова СИ. Фрейм-подход к описанию процесса порождения речи // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985. С. 89-102.
- Горохова 1986 - Горохова СИ. Актуализация полей различных типов в процессе порождения речи // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М., 1986.

- Гридин 1975 - *Гридин В.Н.* К проблеме роли мотивации в порождении речевого высказывания // Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 56-63.
- Гридина, Коновалова 1997 - *Гридина Т.А., Коновалова Н.И.* Национально-культурные стереотипы языкового сознания (на материале малых фольклорных жанров) // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 50-51.
- Грюнберг, Стеблин-Каменский 1974 - *Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М.* Бесписьменные языки и некоторые вопросы лингвистики текста // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 100-102.
- ГСКТ - Грамматика и смысловые категории текста. Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Торева. Вып. 189. М., 1982.
- Гудков 1994 - *Гудков Д.Б.* Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1994, № 6. С. 14-21.
- Гудков 1996 - *Гудков Д.Б.* Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М., 1996. С. 58-69.
- Гудков 1997₁ - *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 116-129.
- Гудков 1997₂ - *Гудков Д.Б.* Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 114-127.
- Гудков 1999 - *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
- Гудков et al. 1997 - *Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Бабаева Д.В.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997, № 4. С. 106-118.
- Гудков, Красных 1998 - *Гудков Д.Б., Красных В.В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация (Доклад на Ломоносовских чтениях, филологический факультет МГУ, 1996 г.) // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2, с. 124-133.
- Гудков et al. 1998 - *Гудков Д.Б., Красных В.В., Бабаева Д.В., Захаренко И.В.* Прецедентные тексты и проблема восприятия русского текста в иноязычной аудитории // Актуальные проблемы языкознания. Сб. работ молодых ученых филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1998. Вып. 2.
- Гумилев 1990 - *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.
- Гумилев 1993 - *Гумилев Л.Н.* Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.
- Гурочкина 1987 - *Гурочкина А.Г.* Textoобразующая функция парцелляции // Семантика целого текста. М., 1987. С. 46.
- Данилова 1997 - *Данилова Е.В.* Психолингвистический анализ восприятия художественного текста в разных культурах // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 52-53.
- Джандильдин 1971 - *Джандильдин Н.* Природа национальной психологии. Алма-Ата, 1971.
- Демьянков 1979 - *Демьянков В.З.* Интерпретация текста и стратегемы поведения // Семантика языковых единиц и текста. М., 1979. С. 110-117.
- Дергачева 1969 - *Дергачева Л.А.* Исследование взаимоотношения образа и слова в обобщении // Проблема модели в философии и естествознании. Фрунзе, 1969. С. 25-31.
- Деррида 1996 - *Деррида Ж.* Подпись - событие - контекст // Дискурс. 1996, № 1. С. 39-55.
- Дискуссия 1998 - Феномен прецедентности и прецедентные феномены (Запись научной дискуссии, в которой принимали участие Сорокин Ю.А., Гудков Д.Б., Красных В.В., Вольская Н.П.) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 4. М., 1998. С. 5-33.
- Дмитрюк 1983 - *Дмитрюк Н.В.* Ассоциативное поведение и национально-культурная специфика // Текст как инструмент общения. М., 1983. С. 81-92.
- Добровольский 1996 - *Добровольский Д. О.* Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996, № 1. С. 71-93.
- Дорошенко 1987 - *Дорошенко А.В.* Параметры интерпретации речевых актов (на материале глаголов речи современного английского языка) // Уровни текста и методы его лингвистического анализа. М., 1982. С. 100-111.
- Драчева 1997 - *Драчева СИ.* Экспериментальное исследование вербального содержания этнической концептуальной системы // Текст: структура и функционирование. Вып. 2. Барнаул, 1997.

- Дресслер 1978 - *Дресслер В.* Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 111-137.
- Дридзе 1972 - *Дридзе Т.М.* Язык информации и язык реципиента как факторы информированности // Речевое воздействие. М., 1972. С. 34-80.
- Дридзе 1980 - *Дридзе Т.М.* Язык и социальная психология. М., 1980.
- Дридзе 1981 - *Дридзе Т.М.* Социально-психологические аспекты порождения и интерпретации текстов в деятельности речевого общения // Аспекты изучения текста. М., 1981. С. 129-136.
- Дридзе 1984 - *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
- Дридзе, Реньге 1979 - *Дридзе Т.М., Реньге В.Э.* Психология общения. Рига, 1979.
- Дымарский, Максимова 1996 - *Дымарский М.Я., Максимова Н.В.* Диалогический синтаксис: принцип «не только... но и» // Дискурс. 1996, № 1. С. 88-101.
- Дьяченко, Наумова 1987 - *Дьяченко Л.И., Наумова Т.Н.* К вопросу об интерпретации смысловой структуры текста // Семантика целого текста. М., 1987. С. 54-55.
- Дюркгейм 1995 - *Дюркгейм Э.* Социология: ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
- Ейгер, Юхт 1974 - *Ейгер Г.В., Юхт В.Л.* К построению типологии текстов // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 103-110.
- Ермакова 1979 - *Ермакова И. В.* Автосемантия на сверхфразовом уровне // Лингвистика текста. Вып. 141. М., 1979. С. 29-37.
- Ерофеева, Кудлаева 1997 - *Ерофеева Е.В., Кудлаева А.Н.* Особенности строения текста в специфической коммуникативной ситуации // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 60-61.
- Ершова 1998 - *Ершова Т.А.* Русско-немецкие ассоциативные портреты (опыт интерпретации). Автореф. ДИСС. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Есперсен 1958 - *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
- Жельвис 1996 - *Жельвис В.И.* Инвективная стратегия как диалог культур // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 34-40.
- Жеребков 1974 - *Жеребков В.А.* Коммуникативный аспект текста как регулятор соотношения «грамматическое значение : контекст» // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 110-115.
- Жинкин 1956 - *Жинкин Н.И.* Развитие письменной речи учащихся 3-7 классов // Изв. АПН СССР. Вып. 78. 1956. С. 248-255.
- Жинкин 1958 - *Жинкин Н.И.* Механизмы речи. М., 1958.
- Жинкин 1964 - *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964, № 6. С. 26-38.
- Жинкин 1978 - *Жинкин Н.И.* Сенсорная абстракция // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. М., 1978.
- Жинкин 1982 - *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М., 1982.
- Жинкин 1997 - *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Риторика. 1997, № 1(4). С. 13-21.
- Залевская 1977 - *Залевская А.А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977.
- Залевская 1985 - *Залевская А.А.* Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985. С. 150-171.
- Залевская 1992 - *Залевская А.А.* Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992.
- Залевская 1996₁ - *Залевская А.А.* Вопросы теории и практики межкультурных исследований // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 23-39.
- Залевская 1996₂ - *Залевская А.А.* Проблематика признака как основания для взаимопонимания и для расхождений при этнических контактах // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 163-175.
- Залевская 1998 - *Залевская А.А.* Психолингвистика: пути, итоги, перспективы // Вопросы языкознания. 1998, № 6. С. 81-94.
- Залевская 1999 - *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.

- Зарецкая-Чукреева 1997 – *Зарецкая-Чукреева О.А.* Контакт и конфликт // XII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 67-68.
- Захаренко 1997₁ - *Захаренко И. В.* К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 104-113.
- Захаренко 1997₂ - *Захаренко И. В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92-99.
- Захаренко 1997₃ - *Захаренко ИВ.* Некоторые особенности фольклорных прецедентных высказываний // Функциональные исследования. Сб. статей по лингвистике. М., 1997. С. 57-66.
- Захаренко, Красных 1997 - *Захаренко ИВ., Красных В.В.* Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 100-115.
- Захаренко et al. 1997 – *Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 82-103.
- Звегинцев 1976 - *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
- Звегинцев 1980 - *Звегинцев В.А.* О цельюоформленности единиц текста // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 31, № 1.
- Звегинцев 1988 - *Звегинцев В.А.* О языковых моделях мира // Вопросы философии. Сб. статей. Ереван, 1988. С. 268-276.
- Зеленов 1986 – *Зеленов Ю.С.* Уровни переработки речевого сообщения при его смысловом восприятии (постановка проблемы) // Текст, контекст, подтекст. М., 1986. С. 44-52.
- Земская 1978 – *Земская Е.А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978. С. 196-220.
- Земская 1979 – *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
- Земская 1995 - *Земская Е.А.* Еще раз о языке русского зарубежья // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. М., 1995. С. 233-241.
- Земская 1996 - *Земская Е.А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996, № 3. С. 23-31.
- Зимняя 1961 - *Зимняя И.А.* К вопросу о восприятии речи. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1961.
- Зимняя 1969 – *Зимняя И.А.* Речевой механизм в схеме порождения речи (применительно к задачам обучения иностранному языку) // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969. С. 5-16.
- Зимняя 1973 – *Зимняя И.А.* Психология слушания и говорения. Автореф. дисс. ... докт. псих. наук. М., 1973.
- Зимняя 1978 - *Зимняя И.А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1978.
- Зимняя 1987 – *Зимняя И.А.* Психология текста как продукта речевой деятельности // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 143-149.
- Зимняя 1993 - *Зимняя И.А.* Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 51-58.
- Златоустова et al. 1986 - *Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Трунин-Донской В.Н.* Общая и прикладная фонетика. М., 1986.
- Золотова 1995₁ - *Золотова Г.А.* Говорящее лицо и структура текста // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. М., 1995. С. 120-132.
- Золотова 1995₂ - *Золотова Г. А.* Труды В. В. Виноградова и проблемы текста // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995, № 4. С. 84-98.
- ЗППК 1985 - Знаковые проблемы письменной коммуникации. Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев, 1985.
- Зубкова 1992₁ - *Зубкова Л.Г.* Из истории языкознания: общие теории языка в аспектирующих концепциях. М., 1992.

- Зубкова 1992₂ - *Зубкова Л.Г.* Язык как форма. Теория и история языкознания. М., 1992.
- Иванов 1962 - *Иванов Вяч. Вс.* Структурно-типологические изложения. М., 1962.
- Иванов 1976 - *Иванов Вяч. Вс.* Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
- Иванов 1978 - *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
- Иванов 1982 - *Иванов Вяч. Вс.* Взаимоотношение динамического исследования эволюции языка, текста и культуры (К постановке проблемы) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982, № 5.
- Изенберг 1978 - *Изенберг Х.* О предмете лингвистической теории текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 43-56.
- Исенина 1969 - *Исенина Е.И.* О структуре семантической установки при восприятии речи // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969.
- Исследование 1985 - Исследование речевого мышления в психолингвистике. / Отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М., 1985.
- Исследования 1974 - Исследования рече-мыслительной деятельности. Вып. 3. Алма-Ата, 1974.
- Исследования 1979 - Исследования рече-мысли и рефлексии. Тематич. сб. Вып. 10. А.-Ата, 1979.
- Калентьева 1997 - *Калентьева Т.П.* Об универсальных и национальных особенностях языкового сознания // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 74-75.
- Каменская 1987 - *Каменская О.Л.* Прагматические свойства текста // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 72-79.
- Каменская 1990 - *Каменская О.Л.* Текст и коммуникация. М., 1990.
- Каменская 1996 - *Каменская О.Л.* Лингвистика на пороге XXI века // Лингвистические маргиналии. Сб. науч. трудов МГЛУ. Вып. 432. М., 1996. С. 13-21.
- Кандинский 1982₁ - *Кандинский Б.С.* Коммуникативная организация текста // Грамматика и смысловые категории текста. М., 1982. С. 22-36.
- Кандинский 1982₂ - *Кандинский Б.С.* Об одной концепции подтекста // Общение: структура и процесс. М., 1982. С. 11-20.
- Канкаансюръя et al. 1996 - *Канкаансюръя Р., Туруненя., Харченкова Л.* Изучение коммуникативного поведения как средство повышения компетенции межкультурного общения (к постановке вопроса) // Лингводидактические проблемы межкультурной коммуникации. Зарубежные русисты: из опыта работы. СПб., 1996.
- Канонич 1987 - *Канонич СИ.* Виды пресуппозиции коммуникантов // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 20-26.
- Караулов 1976 - *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
- Караулов 1982 - *Караулов Ю.Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // VI Международный конгресс МАПРЯЛ. Современное состояние и основы проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Доклады советской делегации. М., 1982. С. 105-125.
- Караулов 1987 - *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Караулов 1989 - *Караулов Ю.М.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3-8.
- Караулов 1995 - *Караулов Ю.Н.* Что же такое «языковая личность»? // Этническое и языковое самосознание. М., 1995. С. 63-65.
- Караулов 1996 - *Караулов Ю.Н.* Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 67-96.
- Каримова 1991 - *Каримова Р.А.* Семантико-структурная организация текста (на материале устных спонтанных и письменных текстов). Уфа, 1991.
- Касевич 1990 - *Касевич В.Б.* Язык и знание // Язык и структура знания. М., 1990. С. 8-25.
- Каспранский 1985 - *Каспранский Р.Р.* Экспрессивный аспект речевого высказывания // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985. С. 178-188.
- Каспранский 1986 - *Каспранский Р.Р.* К содержанию понятия апеллятивного аспекта языкового высказывания в лингвистике // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М., 1986. С. 147-162.
- Кацнельсон 1972 - *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

- Кибрик 1994 - *Кибрик А.А.* Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания, 1994, № 5, С. 126-139.
- Кинцель 1997 - *Кинцель А.Л.* Эмоциональность текста как основа единства его связности и цельности // Текст: структура и функционирование. Вып. 2. Барнаул, 1997. С. 81-87.
- Киселева 1974 - *Киселева Л.А.* «Текст» в иерархии единиц коммуникативной подсистемы языка // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 124-131.
- Кифер 1978 - *Кифер Ф.* О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 337-369.
- Клаус 1967 - *Клаус Г.* Сила слова. М., 1967.
- Клименко 1970 - *Клименко А.П.* Вопросы психолингвистического изучения семантики. Минск, 1970.
- Клименко 1982 - *Клименко А.П.* Психолингвистика. Минск, 1982.
- Клобуков 1995 - *Клобуков Е.В.* Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка. (Морфологические категории в системе языка и в дискурсе). Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1995.
- Клобуков 1996 - *Клобуков Е.В.* Типы фатических ситуаций // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. Вопросы русского языкознания. Вып. VI. М., 1996.
- Клобуков 1997 - *Клобуков Е.В.* Проблемы изучения коммуникативной грамматики русского слова // Язык, сознание, коммуникация. Вып. I. М., 1997. С. 32-39.
- Клобукова 1995 - *Клобукова Л.П.* Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова. М., 1995. С. 321-323.
- Клобукова 1997 - *Клобукова Л.П.* Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация. Вып. I. М., 1997. С. 25-31.
- Клычков 1987 - *Клычков Г.С.* Семиотика текстообразования // Семантика целого текста. М., 1987. С. 74-75.
- Кожевникова 1993 - *Кожевникова Н.А.* Об имплицитных репликах в диалоге // Речевое мышление и текст. Воронеж, 1993. С. 144-154.
- Кожина 1974 - *Кожина М.Н.* О разграничении понятий «текст» и «речевой стиль» // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 138-139.
- Колесов 2000 - *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
- Колшанский 1964 - *Колшанский Г.В.* Логика и структура языка. М., 1964.
- Колшанский 1974₁ - *Колшанский Г.В.* О смысловой структуре текста // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 139-142.
- Колшанский 1974₂ - *Колшанский Г.В.* Паралингвистика. М., 1974.
- Колшанский 1976 - *Колшанский Г.В.* Коммуникативная дискретность языка // Лингвистика текста. Вып. 103. М., 1976. С. 15-22.
- Колшанский 1984 - *Колшанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
- Колшанский 1990 - *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
- Комлев 1969 - *Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Комлев 1992 - *Комлев Н.Г.* Слово в речи. Денотативные аспекты. М., 1992.
- Кон 1967 - *Кон И.С.* Социология личности. М., 1967.
- Конурбаев, Менджерцкая 1998 - *Конурбаев М.Э., Менджерцкая Е.О.* Функция воздействия в художественной литературе и публицистике // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 4. М., 1998. С. 103-109.
- Коровкин 1996 - *Коровкин М.М.* Роль когнитивных моделей в познании и речемыслительной деятельности // Лингвистические маргиналии. Сб. науч. трудов МГЛУ. Вып. 432. М., 1996. С. 118-140.
- Королева 1997 - *Королева Н.Н.* Смысловые конструкты в картине мира личности // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 85.
- Корсакова, Мелентьева 1995 - *Корсакова Н.К., Мелентьева Т.И.* Нейропсихология в обучении иностранным языкам // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995, № 4. С. 17-25.
- Костомаров, Бурвикова 1994 - *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994, № 1.

Костомаров et al. 1994 - *Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е., Чернявская Т.Н.* Язык и культура. Новое в теории и практике лингвострановедения. Доклад на VIII Конгрессе МАПРЯЛ. ФРГ, Регенсбург, 1994. М., 1994.

Котляр 1974 - *Котляр Т. П.* О некоторых особенностях построения текста // Лингвистика текста. Мат.-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 143-146.

Коул, Скрибнер 1977 - *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. Психологический очерк. М., 1977.

Коул 1997 - *Коул М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997.

Кох 1987 - *Кох В.* Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 149-171.

Красиков 1990 - *Красиков Ю.В.* Алгоритм порождения речи. Орджоникидзе, 1990.

Красных 1992 - *Красных В.В.* Сопоставление вариативных рядов собственно-вопросительных предложений в русском и шведском языках. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.

Красных 1996 - *Красных В.В.* Некоторые аспекты психолингвистики текста // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М., 1996. С. 25-44.

Красных 1997₁ - *Красных В.В.* Текст в свете лингво-когнитивного подхода к межкультурной коммуникации // Функциональные исследования. Сб. статей по лингвистике. Вып. 3. М., 1997. С. 56-66.

Красных 1997₂ - *Красных В.В.* Коммуникация в свете лингво-когнитивного подхода // Функциональные исследования. Сб. статей по лингвистике. Вып. 3. М., 1997. С. 66-83.

Красных 1997₃ - *Красных В.В.* Коммуникативный акт и его структура // Функциональные исследования. Сб. статей по лингвистике. Вып. 4. М., 1997. С. 34-49.

Красных 1997₄ - *Красных В.В.* Человек умелый. Человек разумный. Человек... «говорящий»? (некоторые размышления о языковой личности и не только о ней) // Функциональные исследования. Сб. статей по лингвистике. Вып. 4. М., 1997. С. 50-56.

Красных 1997₅ - *Красных В.В.* О чем не говорит «человек говорящий»? (к вопросу о некоторых лингво-когнитивных аспектах коммуникации) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 81-91.

Красных 1997₆ - *Красных В.В.* Когнитивная база и культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 128-144.

Красных 1997₇ - *Красных В.В.* Матрица коммуникативного акта // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. М., 1997. С. 14-22.

Красных 1998 - *Красных В.В.* К вопросу о психолингвистическом анализе текста // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 3. М., 1998. С. 111-119.

Красных 1998₁ - *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Научная монография. М., 1998.

Красных 1999 - *Красных В.В.* Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст). Дисс. ... докт. филол. наук. М., МГУ, 1999.

Красных 2000₁ - *Красных В.В.* Лингво-когнитивный подход к коммуникации // Язык, сознание, коммуникация. М., 2000. Вып. 12. С. 41-45.

Красных 2000₂ - *Красных В.В.* Виртуальна или реальна виртуальная реальность? (постановка проблемы) // Язык, сознание, коммуникация. М., 2000. Вып. 13. С. 5-11.

Красных 2000₃ - *Красных В.В.* Строение языкового сознания: фрейм-структуры // II международная школа-семинар по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2000. С. 23-24.

Красных 2001₁ - *Красных В.В.* Национально-культурная составляющая русского языкового сознания (на материале кроссвордов) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 15. М., 2001. С. 5-13

Красных 2001₂ - *Красных В.В.* Точки над *i* или многоточие?.. (к вопросу о современной научной парадигме) // Язык, сознание, коммуникация. М., 2001. Вып. 16. С. 5-24.

Красных 2001₃ - *Красных В.В.* Коды и эталоны культуры (приложение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. М., 2001. Вып. 19. С. 5-21.

Красных 2001₄ - *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. Лекционный курс. М., 2001,

Красных et al. 1996 – *Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В.* O tempora, o mores! Новые структуры русской когнитивной базы // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М., 1996. С. 107-120.

Красных et al. 1997- *Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997, № 3. С. 62-75.

Кривоносов₁ 1987 - *Кривоносов А. Т.* Логические умозаключения как компоненты семантической структуры текста // Семантика целого текста. М., 1987. С. 88-89.

Кривоносов 1996 - *Кривоносов А. Т.* Могут ли формы естественного языка выражать логические умозаключения? (Критический разбор точек зрения, отрицающих эту связь) // Лингвистические маргиналии. Сб. науч. трудов МГЛУ. Вып. 432. М., 1996. С. 22-66.

Кривоносов₂ 1987 – *Кривоносов Б. А.* Отношения обусловленности и интерпретация текста // Семантика целого текста. М., 1987. С. 89-90.

Крылова 1979 - *Крылова Л. В.* Монолог как один из видов текста // Лингвистика текста. Вып. 141. М., 1979. С. 37-49.

КСКТ, 1996 - Краткий словарь когнитивных терминов. Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996.

Кубрякова 1986 – *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.

Кубрякова 1987₁ - *Кубрякова Е. С.* Текст - проблемы понимания и интерпретации // Семантика целого текста. М., 1987. С. 93-94.

Кубрякова 1987₂ – *Кубрякова Е. С.* Коммуникативная лингвистика и новые задачи морфологии // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 6-13.

Кубрякова 1994 - *Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994, № 4. С. 34-47.

Кудрявцева 1979 – *Кудрявцева Т. С.* Воспринимаемость текста (к обоснованию понятия и системы оценок) // Семантика языковых единиц и текста. М., 1979. С. 128-142.

Кудрявцева 1982 - *Кудрявцева Т. С.* Проблема адекватности и вариативности учебных и пропагандистских текстов // Уровни текста и методы его лингвистического анализа. М., 1982. С. 9-20.

Кудрявцева 1984 - *Кудрявцева Т. С.* К проблеме функциональной типологии текстов (на материале учебных текстов) // Семантика текста и проблемы перевода. М., 1984. С. 71-78.

Кузнецов 1987 – *Кузнецов С. Н.* О дефиниции текста // Семантика целого текста. М., 1987. С. 95.

Кузнецова 1979 - *Кузнецова Э. М.* К вопросу о соотношении смысла и значения в свехфразовом единстве // Лингвистика текста. Вып. 141. М., 1979. С. 49-61.

Кулаков 1979 – *Кулаков Ф. М.* Приложение к русскому изданию // *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979. С. 122-144.

Куликов 1982 – *Куликов С. В.* Текст как иерархическая система напряжения // Общение: структура и процесс. М., 1982. С. 100-111.

Куликов 1983 - *Куликов С. В.* Что такое минимальная единица текста? // Текст как инструмент общения. М., 1983. С. 6-14.

Культурология 1995 - Введение в культурологию. М., 1995.

Купина 1993 - *Купина Н. А.* Замысел автора или вымысел читателя? // Речевое мышление и текст. Воронеж, 1993. С. 5-15.

Курбангалиева 1998 - *Курбангалиева М. Р.* Татарские и русские соматологические портреты // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 4. М., 1998. С. 45-69.

Кучинский 1985 - *Кучинский Г. М.* Психологический анализ содержания диалога при совместном решении мыслительной задачи // Психологические исследования общения. М., 1985.

Лаптева 1976 – *Лаптева Ю. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.

Латунская 1986 - *Латунская В. А.* Невербальное поведение. Ростов-на-Дону, 1986.

ЛАЯ, 1989 - Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.

ЛАЯ, 1991 - Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

ЛАЯ, 1995 - Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.

Леви-Брюль 1994 – *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

- Леви-Строс 1985 – *Леви-Строс* К. Структурная антропология. М., 1985.
- Леви-Строс, 1994 – *Леви-Строс* К. Первобытное мышление. М., 1994.
- Левкиевская 2000 – *Левкиевская* Е.Е. Мифы русского народа. М., 2000.
- Леонтьев 1965 – *Леонтьев* А.А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
- Леонтьев 1967 – *Леонтьев* А.А. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания // Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967. С. 6-16.
- Леонтьев 1969₁ – *Леонтьев* А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Леонтьев 1969₂ – *Леонтьев* А.А. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969. С. 56-66.
- Леонтьев 1969₃ – *Леонтьев* А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
- Леонтьев 1970 – *Леонтьев* А.А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. М., 1970.
- Леонтьев 1972₁ – *Леонтьев* А.А. Основные направления прикладной психолингвистики в СССР // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972. С. 7-24.
- Леонтьев 1972₂ – *Леонтьев* А.А. К психологии речевого воздействия // Мат-лы IV Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. С. 28-41.
- Леонтьев et al. 1972 – *Леонтьев* А.А., *Рохлин* Л.Л., *Савицкая* А.Б., *Уфимцева* Н.В., *Шахнарович* А.М. Некоторые проблемы речевой патологии при шизофрении // Мат-лы IV Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. С. 135-140.
- Леонтьев 1974₁ – *Леонтьев* А.А. Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Леонтьев 1974₂ – *Леонтьев* А.А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 168-172.
- Леонтьев 1975₁ – *Леонтьев* А.А. Общение как объект психолингвистического исследования. Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
- Леонтьев 1976 – *Леонтьев* А.А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста. Вып. 103. М., 1976. С. 60-70.
- Леонтьев 1979 – *Леонтьев* А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. М., 1979.
- Леонтьев 1993 – *Леонтьев* А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16-21.
- Леонтьев 1996 – *Леонтьев* А.А. Язык не должен быть «чужим» // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 41-47.
- Леонтьев 1997 – *Леонтьев* А.А. Теория речевой деятельности и лингвистика (Существует ли лингвистика, ориентированная на теорию речевой деятельности?) // Текст: структура и функционирование. Вып. 2. Барнаул, 1997. С. 3-14.
- Леонтьев 1999 – *Леонтьев* А.А. Основы психолингвистики. М., 1999.
- Леонтьев 1947 – *Леонтьев* А.М. Психологические вопросы сознательности учения // Изв. Акад. пед. наук РСФСР. Вып. 7, 1947.
- Леонтьев 1961 – *Леонтьев* А.Н. Человек и культура. М., 1961.
- Леонтьев 1971 – *Леонтьев* А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971.
- Леонтьев 1972 – *Леонтьев* А.Н. Проблемы развития психики. Изд. 3-е. М., 1972.
- Леонтьев 1975₂ – *Леонтьев* А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев 1983 – *Леонтьев* А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 тт. М., 1983.
- Леонтьев 1994 – *Леонтьев* А.Н. Философия психологии. М., 1994.
- Леонтьева 1987 – *Леонтьева* Н.Н. О компонентах системы понимания текста // Уровни текста и методы его лингвистического анализа. М., 1982. С. 124-140.
- Лепская 1995 – *Лепская* Н.И. О гуманитарном аспекте психолингвистики // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995, № 4. С. 5-15.
- Ли 1996 – *Ли* Тоан Тханг. Антропологический принцип языковой модели мира // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 48-56.
- Лихачев 1993 – *Лихачев* Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 52. 1993, № 1. С. 2-9.

- Лихачев 1994 - *Лихачев Д.С.* Культура как целостная динамическая система // Вестник Рос. Акад. наук, Т. 64. 1994, № 8. С. 721-725.
- ЛМ, 1996 - Лингвистические маргиналии. Сб. науч. трудов МГЛУ. Вып. 432. М., 1996.
- ЛПМК, 1996 - Лингводидактические проблемы межкультурной коммуникации. Зарубежные русисты: из опыта работы. СПб., 1996.
- Ломтев 1979 - *Ломтев Т.П.* Структура предложения в современном русском языке. М., 1979.
- Лосев 1995 - *Лосев А.Ф.* Миф - Число - Сущность. М., 1994.
- Лосев 1995 - *Лосев А.Ф.* Форма - Стиль - Выражение. М., 1995.
- Лосева 1974 - *Лосева Л.М.* О синтаксических и семантических аспектах исследования целых текстов // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 176-184.
- Лотман 1977 - *Лотман Ю.М.* Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. М., 1977.
- Лотман 1992 - *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992.
- Лотман 1994 - *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
- Лотман 1996 - *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящий мир. Человек - Текст - Семиосфера - История. М., 1996.
- ЛТ, 1974 - Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I-II.
- ЛТ, 1976₁ - Лингвистика текста. Уч. зап. МГПИИЯ. Вып. 103. М., 1976.
- ЛТ, 1976₂ - Лингвистика текста. Куйбышев, 1976.
- ЛТ, 1979 - Лингвистика текста. Уч. зап. МГПИИЯ. Вып. 141. М., 1979.
- Лурия 1970 - *Лурия А.Р.* Мозг человека и психические процессы. М., 1970.
- Лурия 1979 - *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1979.
- Лурье 1997 - *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 1997.
- Лухенбурс 1996 - *Лухенбурс Д.* Дискурсивный анализ и схематическая структура // Вопросы языкознания. 1996, № 2. С. 141-155.
- Ляпон 1995 - *Ляпон М.В.* Языковая личность: поиск доминанты // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. М., 1995. С. 260-276.
- Макаров 1990 - *Макаров М.Л.* Коммуникативная структура текста. Тверь, 1990.
- Макаров 1998 - *Макаров М.Л.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
- Мамардашвили 1993 - *Мамардашвили М.К.* Картезианские размышления. М., 1993.
- Мамардашвили 1996 - *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя. М., 1996.
- Маринчак 1981 - *Маринчак В.А.* К вопросу о прагматических характеристиках текста // Аспекты изучения текста. М., 1981. С. 102-108.
- Маркарян 1969 - *Маркарян Э.С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
- Маркарян 1983 - *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука. М., 1983.
- Марков 1993 - *Марков Б.В.* Разум и сердце: История и теория менталитета. СПб., 1993.
- Мартинovich 1993 - *Мартинovich Г.А.* Текст и эксперимент. СПб., 1993.
- Маскадыня 1997 - *Маскадыня В.Н.* Категоризация и фреймовые структуры // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 100-101.
- Маслов 1974 - *Маслов Б.А.* Проблема связи между предложениями в связном тексте // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 187-190.
- Маслова 1997₁ - *Маслова В.А.* Сравнение-стереотип как фрагмент образа мира и его национальная специфика // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 101-102.
- Маслова 1997₂ - *Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
- Маслыко 1987 - Структура целого текста в аспекте речепорождения // Семантика целого текста. М., 1987. С. 108-109.
- Медникова 1974 - *Медникова Э.М.* Прагматический аспект текста // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 190-192.
- Мелихова 1982 - *Мелихова Н.В.* Семантико-синтаксический аспект текста // Грамматика и смысловые категории текста. М., 1982. С. 67-86.
- Мельников, Ямпольский 1985 - *Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.* Введение в экспериментальную психологию личности. М., 1985.
- Мельчук 1995 - *Мельчук И.А.* Русский язык в модели «смысл ↔ текст». М.; Вена, 1995.

- Менг 1982 - *Менг К.* Проблема анализа диалогического общения // Текста как психолингвистическая реальность. М., 1982. С. 14-18.
- Менг 1984 - *Менг К.* Коммуникативно-речевая деятельность старших дошкольников в ситуативной обусловленности (компоненты и градации) // Психолингвистика. М., 1984. С. 241-259.
- Менджеричкая 1997 - *Менджеричкая Е. О.* Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 130-133.
- Мигачев 1975 - *Мигачев А. А.* Ораторская речь и эффективность управления аудиторией // Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 200-204.
- Мигирин 1973 - *Мигирин В. Н.* Язык как система категорий отображения. М., 1973.
- Минский 1979 - *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979.
- Миронова 1997 - *Миронова Н. Н.* Политический дискурс vs. оценочный дискурс // Политический дискурс в России. М., 1997. С. 41-50.
- Миронова 1998 - *Миронова Н. Н.* Оценочные характеристики дискурса // Политический дискурс в России-2. М., 1998. С. 60-66.
- Михайлов 1997 - *Михайлов А. В.* Языки культуры. М., 1997.
- Михалкина 1998₁ - *Михалкина И. В.* Лингвометодические основы обучения иностранных граждан русскому языку как средству делового общения. Дисс. ... докт. пед. наук. М., 1998.
- Михалкина 1998₂ - *Михалкина И. В.* К вопросу о формировании стратегической компетенции при обучении русскому языку как средству делового общения // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 3. М., 1998. С. 20-26.
- Моль 1973 - *Моль А.* Социодинамика культуры. М., 1973.
- Морковина 1996 - *Морковина М. Ю.* Новая культура и способы адаптации к ней: современные подходы к проблеме «культурного шока» // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 57-66.
- Морковкин, Морковкина 1994 - *Морковкин В. В., Морковкина А. В.* Язык, мышление и сознание et vice versa // Русский язык за рубежом. 1994, № 1.
- Морковкин, Морковкина 1997 - *Морковкин В. В., Морковкина А. В.* Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
- Морозова 1985 - *Морозова А. Н.* Знаковые аспекты взаимосвязи устной и письменной речи // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев, 1985.
- Москальская 1981 - *Москальская О. И.* Грамматика текста. М., 1981.
- Московичи 1998₁ - *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998.
- Московичи 1998₂ - *Московичи С.* Машина, творящая богов. М., 1998.
- Мруэ 1998₁ - *Мруэ Зейнаб Эль-Шейх Хассан.* Комбинаторика ассоциативных портретов (на материале арабского и русского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Мруэ 1998₂ - *Мруэ Зейнаб Эль-Шейх Хассан.* Реконструкция ливанского соматологического портрета (итоги экспериментального исследования) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 4. М., 1998. С. 70-81.
- Мурзин, Штерн 1991 - *Мурзин Л. Н., Штерн А. С.* Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
- Мухин 1974 - *Мухин Л. М.* О синтаксических и смысловых связях // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. Ч. I. М., 1974. С. 204-206.
- Мыркин 1976 - *Мыркин В. Я.* Текст, подтекст, контекст // Вопросы языкознания. 1976, № 2.
- МЯДИС 1987 - Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. / Под ред. А. Е. Кибрика и А. С. Нариньяни. М., 1987.
- Назаретян, Розов 1978 - *Назаретян А. П., Розов В. Б.* Психический процесс как деятельность (Управленческая концепция общения и внутренняя коммуникация) // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978. С. 72-79.
- Назарова 1994 - *Назарова Т. Е.* Филология и семиотика (современный английский язык). М., 1994.
- Накашидзе 1979 - *Накашидзе Н. В.* Вербальная интерпретация паралингвистических средств в тексте // Лингвистика текста. Вып. 141. М., 1979. С. 61-72.
- Наумова 1972 - *Наумова Т. Н.* Некоторые психолингвистические аспекты проблемы предикативности // Мат-лы IV Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. С. 154-161.

- Неволин 1974 - *Неволин И.Ф.* О графическом изображении смысловой макроструктуры текста // Вопросы психологии. 1974, № 5. С. 130-135.
- Негневицкая 1975 - *Негневицкая Е.И.* К проблеме психолингвистических оснований методики обучения второму языку // Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 131-138.
- Нейссер 1981 - *Нейссер У.* Познание и реальность. М., 1981.
- Нерознак 1997 - *Нерознак В.П.* Лингвистический концептуализм - новая парадигма? // Функциональная семантика языка, семантика знаковых систем и методы их изучения. Междунар. конф. Тезисы докладов. 22-24 апреля 1997 г. М., 1997. Ч. II. С. 359-361.
- НЗЛ 1978 - Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Вып. VIII. М., 1978.
- Никитин 1988 - *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- Никитин 1997 - *Никитин М.В.* Предел семиотики // Вопросы языкознания. 1997, № 1. С. 3-14.
- Никитина 1993 - *Никитина Е.С.* Проблема сознания в психологии (исторический аспект) // Язык и сознание: парадоксальная реальность. М., 1993. С. 35-50.
- Никифоров, 1982 - *Никифоров А.Л.* Семантическая концепция понимания // Проблемы объяснения и понимания в научном познании. М., 1982. С. 43-63.
- Никифоров₂ 1982 - *Никифоров С.В.* Возможности психолингвистического рассмотрение прагматического аспекта декодирования текста // Уровни текста и методы его лингвистического анализа. М., 1982. С. 32-44.
- Никифоров 1984 - *Никифоров С.В.* Ситуация общения и информационная структура текста // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. М., 1984. С. 62-75.
- Николаева 1978 - *Николаева Т.М.* Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 5-39.
- Ничипорович 1997 - *Ничипорович Е.А.* Кооперативная языковая личность в ситуации конфликта // Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы. М., 1997. С. 71-78.
- Нишанов 1986 - *Нишанов В.К.* О смысле текста и природа понимания // Текст, контекст, подтекст. М., 1986. С. 3-10.
- Нишанов 1987 - *Нишанов В.К.* Текст как программа для построения смысла // Семантика целого текста. М., 1987. С. 123.
- НКС 1977 - Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Новиков 1979₁ - *Новиков А.И.* О соотношении лингвистической и семантической информации в тексте // Семантика языковых единиц и текста. М., 1979. С. 92-109.
- Новиков 1979₂ - *Новиков А.И.* Исследования процесса смыслового преобразования текста // Семантика, логика и интуиция в мыслительной деятельности человека. М., 1979. С. 127-148.
- Новиков 1981 - *Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация. М., 1981.
- Новиков 1982 - *Новиков А.И.* Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
- Новиков 1983 - *Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
- Новиков 1997₁ - *Новиков А.И.* Смысл текста как результат его понимания // XII Междунар. симпоз. по психолингв. и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 113-114.
- Новиков 1997₂ - *Новиков А.И.* Текст, его содержание и смысл // Текст: структура и функционирование. Вып. 2. Барнаул, 1997. С. 108-113.
- Норман 1978 - *Норман Б.Ю.* Синтаксис речевой деятельности. Минск, 1978.
- НЯНК 1978 - Национальный язык и национальная культура. М., 1978.
- ОБ 1998 - Образ России. Русская культура в мировом контексте. / Серия «Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX-XX веков. / Под общ. ред. академика Е. П. Чельшева. М., 1998.
- Общение, 1978 - Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978.
- Общение, 1980 - Общение в свете теории отражения. Фрунзе, 1980.
- Общение, 1982 - Общение: структура и процесс. М., 1982.
- Ольшанский 1974 - *Ольшанский И.Г.* Текст как единство элементов и отношений // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. I. С. 209-214.
- ОПП 1973 - Общая и прикладная психолингвистика. / Отв. ред. А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович. М., 1973.
- Основы 1974 - Основы теории речевой деятельности. М., 1974.

- ПА 1997 - Парадигмы антропоцентризма. Тексты пленарный докладов и сообщений II Международного симпозиума «Человек: язык, культура, познание». 16-17 апреля 1997 г. Кривой Рог, 1997.
- Павилёнис 1983 - *Павилёнис Р.И.* Проблема смысла. (Современный логико-философский анализ языка.) М., 1983.
- Падучева 1996 - *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Панков 1982 - *Панков И.П.* Лингвистический подход к моделированию понимания речи // Общение: структура и процесс. М., 1982. С. 56-62.
- Панков 1995 - *Панков А.В.* Разгадка М. Бахтина. М., 1995.
- Панченко 2000 - *Панченко А.М.* О русской истории и культуре. М., 2000.
- Патрушев 1978 - *Патрушев В.А.* Структурно-семантические различия письменной и устной речи. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1978.
- Перлз 1993 - *Перлз Ф.* (а также Хефферлин Р., Гудмэн П.) Опыты психологии самопознания (практикум по гештальттерапии). М., 1993.
- Петренко 1988 - *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания, М., 1988.
- Петренко 1997 - *Петренко В. Ф.* Психосемантический подход к исследованию сознания, личности и картины мира субъекта // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 123-124.
- Петренко, Алиева 1988 - *Петренко В.Ф., Алиева Л.А.* Стереотипы поведения как элемент национальной культуры // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М., 1988. С. 16-39.
- Петров 1991 - *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991.
- Пешков 1988 - *Пешков И.В.* О типологии ситуаций речевого общения и о возможности обоснования научного статуса риторики // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М., 1988. С. 148-162.
- Пешкова 1989 - *Пешкова Н.П.* Модель описания текста в терминах его лингвистических характеристик // Функционирование текста в лингвокультурной общности. М., 1989. С. 135-144.
- Пименов 1975 - *Пименов А.* Противоречивая сущность речевой деятельности и речевого действия // Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 31-45.
- Пименов 1976 - *Пименов А.В.* Социально-психологический детерминизм речевого поведения как методологический принцип речевого общения // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку. М., 1976. С. 5-28.
- ПИО 1985 - Психологические исследования общения. (Коллективная монография.) М., 1985.
- Писанова 1997 - *Писанова Т.В.* Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические аспекты. М., 1997.
- Пищальникова 1997 - *Пищальникова В.А.* Национальная специфика картины мира и ее репрезентация в языке // XII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 125-126.
- Пищальникова, Дмитриева 1998 - *Пищальникова В.А., Дмитриева Н.Л.* Конвенциональный стереотип: сущность, структура, функционирование // Политический дискурс в России-2. М., 1998. С. 66-71.
- Пл 1984 - Психолингвистика: Сб. статей. М., 1984.
- Платонов 1973 - *Платонов К. К.* О словесном общении и его типах // Общая и прикладная психолингвистика. М., 1973. С. 28-35.
- ПЛиЛ 1979 - Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. / Ред. Ю. А. Жлуктенко, А. А. Леонтьев. Киев, 1979.
- Плунгян, Рахилина 1994 - *Плунгян В.А., Рахилина Е.О.* О некоторых направлениях современной французской лингвистики // Вопросы языкознания. 1994, № 5. С. 107-125.
- Полани 1985 - *Полани К.* Личностное знание. М., 1985.
- Политический дискурс, 1997 - Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания. 30 марта 1997 г. М., 1997.
- Политический дискурс, 1998 - Политический дискурс в России-2 Материалы рабочего совещания. 29 марта 1998 г. М., 1998.
- Политический дискурс, 1999 - Политический дискурс в России-3. Материалы рабочего совещания. М., 1999.

Политический дискурс, 2000 - Политический дискурс в России-4. Материалы рабочего совещания. М., 2000.

Политический дискурс, 2001 - Политический дискурс в России-5. Материалы рабочего совещания. М., 2001.

Полищук 1974 – *Полищук Г.Г.* Коммуникативно-необходимые и коммуникативно-факультативные элементы речи в структуре текста // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 3-7.

Понимание 1982 - Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982.

Попович 1982 - *Попович М.В.* Понимание как логико-гносеологическая проблема // Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982. С. 5-23.

Портнов 1997 - *Портнов А.Н.* Семиотическая компетенция, языковое сознание и языковое мышление // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 128-129.

Постовалова 1982 – *Постовалова В.И.* Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М., 1982.

Постовалова 1987 - *Постовалова В.И.* Существует ли языковая картина мира? // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 65-72.

Потебня 1958 – *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.

Потебня 1989 - *Потебня А.А.* Мысль и язык // Слово и миф. М., 1989.

Почепцов 1974 - *Почепцов Г.Г.* Дискурсивный и композитный уровни лингвистического анализа текста // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 8-15.

Почепцов 1982 - *Почепцов Г.Г.* Язык и коммуникация: некоторые понятия // Текст как психолингвистическая реальность. М., 1982. С. 3-7.

ППМК 1974 - Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. / Отв. ред. А. А. Леонтьев. М., 1974.

Правдин 1974- *Правдин М.Н.* Анализ содержательной структуры текста // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 15-19.

Правдин 1976 - *Правдин М.Н.* Анализ содержательной структуры текста // Лингвистика текста. Вып. 103. М., 1976. С. 91-102.

Проблема модели 1969 - Проблема модели в философии и естествознании. Фрунзе, 1969.

Проблема общения 1981 - Проблема общения в психологии. М., 1981.

Проблемы коммуникации 1971 - Философско-психологические проблемы коммуникации. Фрунзе, 1971.

Проблемы общения 1979 - Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.

Проблемы ПЛ 1975 - Проблемы психолингвистики. М., 1975.

Проблемы текста 1982 - Проблемы связности и цельности текста. М., 1982.

Проников, Ладанов 1985 – *Проников В.А., Ладанов И.Д.* Японцы (этнопсихолингвистические очерки). М., 1985.

Прохоров 1996 - *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.

Прохоров 1997₁ - *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в межкультурной коммуникации // Функциональные исследования. Сб. статей по лингвистике. Вып. 4. М., 1997. С. 5-21.

Прохоров 1997₂ - *Прохоров Ю.Е.* Методические проблемы роли и места национальных социокультурных стереотипов речевого общения в организации и содержании процесса преподавания русского языка как иностранного // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 5-20.

Прохоров 1997₃ – *Прохоров Ю.Е.* Культуроведение и преподавание русского языка как иностранного: новые аспекты парадигмы методики // Вестник филиала Института русского языка имени А. С. Пушкина. Будапешт, 1997. № 6. С. 43-50. или: Текст: структура и функционирование. Вып. 2. Барнаул, 1997. С. 37-45.

Прохоров 1997₄ – *Прохоров Ю.Е.* Социальный статус как прагмалингвистическая основа речевого общения и его роль в межкультурной коммуникации // Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы. М., 1997. С. 13-24.

- Пузырев 1996 - *Пузырев А.В.* Субстратный подход к языку и человеку // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 55-66.
- Пушкин 1989 - *Пушкин А.А.* Прагмалингвистические характеристики дискурса личности // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 45-54.
- Пушкин 1990 - *Пушкин А.А.* Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс, личность. Тверь, 1990. С. 50-60.
- Пфюце 1978 - *Пфюце М.* Грамматика и лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 218-242.
- Рамишвили 1978 - *Рамишвили Г. В.* К вопросу о неосознанной активности языка // Бессознательное: Природа, Функции, Методы исследования. Тбилиси, 1978. Т. III. С. 199-201.
- Ратмайр 1997 - *Ратмайр Р.* Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкознания. 1997, № 1. С. 15-22.
- Рахманкулова 1976 - *Рахманкулова И. С.* Проблемы лингвистики текста // Лингвистика текста. Куйбышев, 1976. С. 3-6.
- РВ, 1972 - Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972.
- РВ, 1986 - Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М., 1986.
- Ревзина 1978 - *Ревзина О.Г.* Качественная и функциональная характеристика времени в поэзии А. И. Введенского // Russian Literature. IV-4. Amsterdam, 1978. С. 397-401.
- Ревзина, Ревзин 1971 - *Ревзина О., Ревзин И.* Семиотический эксперимент на сцене. Нарушение постулата нормального общения как драматургический прием // Труды по знаковым системам. Уч. зап. Тартуского ун-та. Т. 5. Тарту, 1971. С. 232-254.
- Ревзина 1997₁ - *Ревзина О.Г.* О соотношении языка и дискурса // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения. Междунар. конф. Тезисы докладов. 22-24 апреля 1997 г. М., 1997. Ч. I. С. 69-71.
- Ревзина 1997₂ - *Ревзина О.Г.* Текстовый анализ Ролана Барта: лингвистическое обоснование // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения. Междунар. конф. Тезисы докладов. 22-24 апреля 1997 г. М., 1997. Ч. II. С. 301-304.
- Ревзина 1998 - *Ревзина О.Г.* Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. Дисс. ... в форме научного доклада ... докт. филол. наук. М., 1998.
- Ревзина, в печ. - *Ревзина О.Г.* Язык и дискурс. В печати.
- Реферовская 1974 - *Реферовская Е.А.* Семантико-синтаксические принципы членения речевого потока // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 32-34.
- Речь 1965 - Речь. Артикуляция и восприятие. Л., 1965.
- Ризель 1974 - *Ризель Э.Г.* Текст как целостная структура в аспекте лингвистилистики // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 35-38.
- Рикёр 1995 - *Рикёр Поль.* Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике). М., 1995.
- Ришар 1998 - *Ришар Ж.Ф.* Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М., 1998.
- РКИ 1997 - Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы. Сб. статей. К 20-летию кафедры современного русского языка, Институт русского языка им. А. С. Пушкина. М., 1997.
- РМТ 1993 - Речевое мышление и текст. Межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж, 1993.
- РО 1985 - Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985.
- Рогожникова 1997 - *Рогожникова Т.М.* Ассоциативные проекции слова и текста // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 133-134.
- Родионов 1986 - *Родионов А.А.* Бинарные смыслы в синтаксической структуре текста // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М., 1986. С. 162-167.
- Рождественский 1984 - *Рождественский Ю.В.* Риторика и стиль. М., 1984.
- Рождественский 1996 - *Рождественский Ю.В.* Введение в культуроведение. М., 1996.
- Рождественский 1999 - *Рождественский Ю.В.* Принципы современной риторики. М., 1999.
- Рождественский et. al. 1987 - *Рождественский Ю.В., Волков А.А., Марчук Ю.Н.* Введение в прикладную филологию. М., 1987.
- Розеншток-Хюсси 1994 - *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 1994.

- Романов 1984 - *Романов А.А.* О формальном представлении смысловой организации текста // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. М., 1984. С. 102-111.
- Романов 1986 - *Романов А.А.* Уровни функционально-семантического анализа текста // Текст, контекст, подтекст. М., 1986. С. 10-17.
- PPP 1973 - Русская разговорная речь. / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1973.
- РТ-1 - Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологии. СПб.; Лоуренс, 1993. № 1.
- РТ-2 - Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологии. СПб.; Лоуренс, 1994. № 2.
- Рубакин 1972 - *Рубакин Н.А.* Тайна успешной пропаганды // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972. С. 130-135.
- Рубинштейн 1973 - *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Рудяков 1997 - *Рудяков А.Н.* Язык, речь, текст в регулятивной функции // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения. Междунар. конф. Тезисы докладов. 22-24 апреля 1997 г. М., 1997. Ч. I. С. 72-73.
- Рузин 1996 - *Рузин И.Г.* Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. 1996, № 5. С. 39-50.
- Рыжков 1985 - *Рыжков В.А.* Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев, 1985. С. 15-21.
- Рыжков 1988 - *Рыжков В.А.* Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М., 1988. С. 4-16.
- Рылова 1997 - *Рылова Е.В.* Когнитивный аспект исследования языкового сознания // XII Междунар. симп. по психолингв. и теор. коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 137-138.
- Рябова 1967 - *Рябова Т.В.* Механизм порождения речи по данным афазии // Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967. С. 76-94.
- РЯ-XX - Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Коллективная монография. М., 1996.
- Самойлова 1986 - *Самойлова Н.Л.* Проблема выделения единицы структуры текста // Текст, контекст, подтекст. М., 1986. С. 53-58.
- Сахарный 1972 - *Сахарный Л.В.* Структура значения слова и ситуация (к экспериментальному обоснованию психолингвистической теории значения слова) // Мат-лы IV Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. С. 141-153.
- Сахарный 1974 - *Сахарный Л.В.* Типология структуры текста с точки зрения теории речевой деятельности // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 39-45.
- Сахарный 1997 - *Сахарный Л.В.* Текст - Мозг - Образ мира // XII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 140-141.
- Сахарный, Баринава 1987 - *Сахарный Л.В., Баринава И.А.* Изучение цельности и связности текстов разговорной речи // Семантика целого текста. Одесса, 1987. С. 140-141.
- СВ 1976 - Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
- Сгалл 1978 - *Сгалл П.* К программе лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 79-88.
- СД-1, 1995 - Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Под. ред. Н. И. Толстого. В 5 тт. Т. 1. М., 1995.
- СД-2, 1995 - Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Под. ред. Н. И. Толстого. В 5 тт. Т. 2. М., 1995.
- Селицкая 1976 - *Селицкая Л.А.* Гносеологическая природа понимания. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Л., 1976.
- Семантика 1979 - *Семантика* языковых единиц и текста (лингвистические и психолингвистические исследования). М., 1979.
- Семантика 1984 - Семантика текста и проблема перевода. М., 1984.
- Семантика 1987 - Семантика целого текста. Тезисы выступлений на совещании (Одесса, сентябрь 1987). М., 1987.
- Сепир 1993 - *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

- Серия «Внимание: иностранцы!» М., 1999-2000.
- Сидоров 1982 - *Сидоров Е.В.* О деятельной сущности текста // Общение: структура и процесс. М., 1982. С. 5-10.
- Сидоров 1989 - *Сидоров Е.В.* Личностный аспект речевой коммуникации и текста // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 16-25.
- Синтаксис 1979 - Синтаксис текста. / Отв. ред. Г. А. Золотова. М., 1979.
- Сиротинина 1974 - *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
- Сиротинина 1983 - *Сиротинина О.Б.* Русская разговорная речь. М., 1983.
- Скепская 1987 - *Скепская Г.И.* Грамматика в аспекте коммуникации. Понятие ситуации // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 30-37.
- Скрбнев 1974 - *Скрбнев Ю.М.* Функциональный аспект лингвистики текста // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 60-66.
- Скрзников 1976 - *Скрзникова А.Б.* Ориентированность общения и предикативность // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку. М., 1976. С. 48-59.
- СЛИ 1979 - Семантика, логика, интуиция в мыслительной деятельности человека. М., 1979.
- Словарь 1979 - Словарь ассоциативных норм русского языка. / Ред. А. А. Леонтьев. М., 1979.
- Слобин, Грин 1976 - *Слобин Д., Грин Дж.* Психолингвистика. М., 1976.
- Слово 1993 - Слово, образ, текст. Сб. науч. статей. Вып. 1. Сыктывкар, 1993.
- Смирнов 1985 - *Смирнов С.Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985.
- Смирнов 1986 - *Смирнов И.П.* Научный текст и его восприятие // Текст, контекст, подтекст. М., 1986. С. 17-22.
- Смирнова 1976 - *Смирнова Н.И.* Звучащая речь как система знаковых систем // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку. М., 1976. С. 29-40.
- Смирнова 1996 - *Смирнова О.О.* Изучение речевого поведения в свете новой лингвистической парадигмы // Лингвистические маргиналии. Сб. науч. трудов МГЛУ. Вып. 432. М., 1996. С. 178-184.
- Сова 1974 - *Сова Л.З.* Текст как результат вербального отражения объективной действительности // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 66-72.
- Сознание 1964 - Сознание и действительность. Фрунзе, 1964.
- Соколов 1968 - *Соколов А.Н.* Внутренняя речь и мышление. М., 1968.
- Соколов 1989 - *Соколов Э.В.* Понятия, сущность и основные функции культуры. Л., 1989.
- Сокулер 1990 - *Сокулер З.А.* Л. Витгенштейн о значении и знании // Язык и структура знания. М., 1990. С. 26-37.
- Соломоник 1995 - *Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. М. 1995.
- Сорокин 1978₁ - *Сорокин Ю.А.* Радио- и телепередача как диалог // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978. С. 125-132.
- Сорокин 1978₂ - *Сорокин Ю.А.* Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978. С. 133-138.
- Сорокин 1978₃ - *Сорокин Ю.А.* Взаимодействие реципиента и текста: теория и прагматика. М., 1978.
- Сорокин 1981 - *Сорокин Ю.А.* Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности // Аспекты изучения текста. М., 1981. С. 93-101.
- Сорокин 1982 - *Сорокин Ю.А.* Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982. С. 61-75.
- Сорокин 1985 - *Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
- Сорокин 1985 - *Сорокин Ю.А.* Отечественные исследования по массовой коммуникации // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев, 1985. С. 3-15.
- Сорокин 1987 - *Сорокин Ю.А.* Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста. М., 1987. С. 144-145.
- Сорокин 1994 - *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994.
- Сорокин 1996 - *Сорокин Ю.А.* Попытка осмысления феномена культуры в рамках нового концептуального аппарата // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 67-74.

- Сорокин 1997₁ - *Сорокин Ю.А.* Этнические формы культуры: сознание и модусы его вербальной репрезентации (компаративные цепочки) // *Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации.* М., 1997. С. 21-36.
- Сорокин 1997₂ - *Сорокин Ю.А.* Ментальная реконструкция образа автора // *Язык, сознание, коммуникация.* Вып. 1. М., 1997. С. 5-24.
- Сорокин 1997₃ - *Сорокин Ю.А.* Антропосемиология: основные понятия и их предварительная интерпретация // *Текст: структура и функционирование.* Вып. 2. Барнаул, 1997. С. 45-49.
- Сорокин 1997₄ - *Сорокин Ю.А.* Политический дискурс: попытка истолкования понятия // *Политический дискурс в России.* М., 1997. С. 57-62.
- Сорокин, Морковина 1987 - *Сорокин Ю.А., Морковина И.Ю.* Проблема понимания «чужой» культуры и способы устранения лакун в тексте // *Русское слово в лингвострановедческом аспекте.* Межвуз. сб. науч. работ. Воронеж, 1987. С. 160-168.
- Сорокин, Михалева 1993 - *Сорокин Ю.А., Михалева И.М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993. С. 98-117.
- Сорокин et al. 1991 - *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В.* Язык, сознание, культура // *Методы и организация обучения иностранному языку в языковом вузе.* Сб. науч. трудов. Вып. 370. М., 1991. С. 20-29.
- Соссюр 1933 - *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 1933.
- СПТК 1997 - XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997.
- СПХТ 1989 - Смысловые и прагматические характеристики текста и его единиц. Межвуз. сб. науч. трудов. Иваново, 1989.
- Степанов 1985 - *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Степанов 1995 - *Степанов Ю.С.* Между «системой» и «текстом»: выражения «фактов» // *Язык - система. Язык - текст. Язык - способность.* М., 1995. С. 111-119.
- Степанов 1997 - *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Стереотипы 1995 - Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. М., 1995.
- Стернин 1996 - *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // *Этнокультурная специфика языкового сознания.* М., 1996. С. 97-112.
- Стернин 1997 - *Стернин И.А.* Национальная специфика коммуникативного поведения // XII Междунар. симп. по психолингв. и теор. коммуник. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 147-148.
- Стефаненко 2000 - *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2000.
- Стеценко 1993 - *Стеценко А.П.* О специфике психологического и лингвистического подходов к проблеме языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993. С. 22-34.
- Столнейкер 1985 - *Столнейкер Р.С.* Прагматика // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 16. М., 1985. С. 419-438.
- Стриженко 1976 - *Стриженко А.А.* Текст как особая форма коммуникации // *Лингвистика текста.* Вып. 103. М., 1976. С. 151-161.
- Стросон 1982 - *Стросон П.Ф.* О референции // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 13. М., 1982. С. 55-86.
- Стукаленко 1992 - *Стукаленко Н.И.* Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. Киев, 1992.
- Супрун 1995 - *Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // *Вопросы языкознания.* 1995, № 6. С. 17-29.
- Сусов 1979 - *Сусов И.П.* О двух путях исследования содержания текста // *Значение и смысл речевых образований.* Калинин, 1979. С. 90-103.
- Сусов 1990 - *Сусов И.П.* Семиотика и лингвистическая прагматика // *Язык, дискурс, личность.* Тверь, 1990. С. 125-133.
- Сухих 1989 - *Сухих С.А.* Языковая личность в диалоге // *Личностные аспекты языкового общения.* Калинин, 1989. С. 82-87.

- Сухих 1990 - *Сухих С.А.* Типология языкового общения // *Язык, дискурс и личность.* Тверь, 1990. С. 45-50.
- Сухова 1974- *Сухова И.Н.* Место текста в дихотомии: язык - речь // *Лингвистика текста.* Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 88-90.
- ТАЙСЕ 1990 - Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц. Межвуз. сб. научных статей. Л., 1990.
- Тарасов 1972 - *Тарасов Е.Ф.* Социальное взаимодействие в речевом общении // Мат-лы IV Все-союз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. С. 8-15.
- Тарасов 1973 - *Тарасов Е.Ф.* Социальный символизм в речевом поведении // *Общая и прикладная психолингвистика.* М., 1973. С. 36-53.
- Тарасов 1974- *Тарасов Е.Ф.* Некоторые основания социолингвистической интерпретации текста // *Лингвистика текста.* Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 97-103.
- Тарасов 1975₁ - *Тарасов Е.Ф.* Статус и структура теории речевой коммуникации // *Проблемы психолингвистики.* М., 1975. С. 139-150.
- Тарасов 1975₂ - *Тарасов Е.Ф.* Ролевая интерпретация понятий «значение» и «смысл» // *Проблемы психолингвистики.* М., 1975. С. 151-166.
- Тарасов 1981 - *Тарасов Е.Ф.* Текст: проблемы формирования навыков смыслового восприятия // *Аспекты изучения текста.* М., 1981. С. 109-113.
- Тарасов 1985 - *Тарасов Е.Ф.* Методологические проблемы исследования речевого общения // *Речевое общение: цели, мотивы, средства.* М., 1985. С. 4-10.
- Тарасов 1986 - *Тарасов Е.Ф.* Психологические и психолингвистические аспекты речевого воздействия // *Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы.* М., 1986.
- Тарасов 1993₁ - *Тарасов Е.Ф.* Введение // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993. С. 6-15.
- Тарасов 1993₂ - *Тарасов Е.Ф.* О формах существования сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993. С. 86-97.
- Тарасов 1996 - *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение - новая онтология анализа языкового сознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания.* М., 1996. С. 7-22.
- Тарасов 1997₁ - *Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание и образ мира (предисловие) // XII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 3.
- Тарасов 1997₂ - *Тарасов Е.Ф.* Некоторые познавательные проблемы анализ сознания // Там же. С. 149.
- Тарасов, Соснова 1985 - *Тарасов Е.Ф., Соснова М.Л.* О формах существования текста // *Речевое общение: цели, мотивы, средства.* М., 1985. С. 30-44.
- Тарасов, Уфимцева 1987 - *Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В.* О двух формах существования текста // *Семантика целого текста.* М., 1987. С. 146-147.
- Тезисы 1995 - Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. 12-14 мая 1995 года. Екатеринбург, Россия. Екатеринбург, 1995.
- Текст 1978 - *Функционирование текста в лингвокультурной общности.* М., 1978.
- Текст 1982₁ - *Текст как психолингвистическая реальность.* М., 1982.
- Текст 1982₂ - *Уровни текста и методы его лингвистического анализа.* М., 1982.
- Текст 1983 - *Текст как инструмент общения.* М., 1983.
- Текст 1984| - *Текст как важнейшая единица коммуникации (в диахронии и синхронии).* Киев, 1984.
- Текст 1984₂ - *Текст как объект лингвистического анализа и перевода.* М., 1984.
- Текст 1985 - *Текст и культура: Общие и частные проблемы.* М., 1985.
- Текст 1986 - *Текст, контекст, подтекст.* М., 1986.
- Текст 1989 - *Текст как отображение картины мира.* Уч. зап. МГПИИЯ. Вып. 341. М., 1989.
- Текст 1997 - *Текст: структура и функционирование.* Вып. 2. Барнаул, 1997.
- Телия 1987 - *Телия В.Н.* Лексические модусы экспрессивности // *Язык как коммуникативная деятельность человека.* Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 14-20.
- Телия 1995 - *Телия В.Н.* К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы // *Язык - система, язык - текст, язык - способность.* М., 1995. С. 25-36.

Телия 1996₁ - *Телия В.Н.* Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 82–89.

Телия 1996₂ — *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Телия 1997 - *Телия В.Н.* Архетипические представления как источник метафорических процессов, лежащих в основе образа мира // XII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2–4 июня 1997 г. М., 1997. С. 150–151.

Титоне 1984 - *Титоне Р.* Некоторые эпистемологические проблемы психолингвистики // Психолингвистика. М., 1984. С. 336–352.

Топоров 1989 – *Топоров В. Н.* Пространство культуры и встречи в нем // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. IV. М., 1989. С. 6–17.

Топоров 1998 - *Топоров В.Н.* Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1998.

Торсуева 1987 - *Торсуева И.Г.* Сверхтекстовое образование как метод интерпретации текста // Семантика целого текста. М., 1987. С. 149–150.

ТРД 1968 - Теория речевой деятельности: Проблемы психолингвистики. М., 1978.

Трубецкой 1995 - *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995.

Тульчинский 1983 - *Тульчинский Г.Л.* Герменевтика и естествознание (обзор) // Математика, естествознание и культура. М., 1983. С. 12–43.

Тураева 1994 - *Тураева З.Я.* Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994, № 3. С. 105–114.

Турунен 1997 - *Турунен Н.* Русский учебный текст как разновидность дидактического дискурса (Опыт лингводидактического исследования в аспекте межкультурной коммуникации). Univ. of Jyväskylä, 1997.

Тюпа 1996₁ - *Тюпа В.И.* Бахтин как парадигма мышления // Дискурс. 1996, № 1. С. 9–16.

Тюпа 1996₂ – *Тюпа В.И.* Модусы сознания и школа коммуникативной дидактики // Дискурс. 1996, № 1. С. 17–22.

Тюпа 1996₃ - *Тюпа В.И.* Архитектоника коммуникативного события (к первоосновам коммуникативной дидактики) // Дискурс. 1996, № 1. с. 30–38.

Уорф 1960 - *Уорф Б.* Отношение норм мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.

Урысон 1996 - *Урысон Е.В.* Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996, № 4. С. 25–38.

Урысон 1998 - *Урысон Е.В.* Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998, № 2. С. 3–21.

Утробина 1997 - *Утробина Т.Г.* Языковые средства репрезентации концептуальной картины мира (на материале сатирических рассказов М. М. Зошенко 1920-х годов) // Текст: структура и функционирование. Вып. 2. Барнаул, 1997. С. 72–81.

Уфимцева 1993 - *Уфимцева Н.В.* Человек и его сознание: проблема формирования // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 59–75.

Уфимцева 1995₁ - *Уфимцева Н.В.* Русские глазами русских // Язык – система, язык – текст, язык – способность. М., 1995. С. 242–249.

Уфимцева 1995₂ – *Уфимцева Н.В.* Этнические и культурные стереотипы: кросскультурное исследование // Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 54. 1995, № 3. С. 55–62.

Уфимцева 1996₁ - *Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 139–162.

Уфимцева 1996₂ – *Уфимцева Н.В.* Сопоставительный анализ языкового сознания: этнические и культурные стереотипы // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 90–96.

Уфимцева 1997 - *Уфимцева Н.В.* Доминанты образа мира современных русских // XII Международной симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2–4 июня 1997 г. М., 1997. С. 157–158.

Ушакова 1997 - *Ушакова Т.Н.* Психологический подход к анализу дискурса // XII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2–4 июня 1997 г. М., 1997. С. 158–159.

- Фатеева 1997 - *Фатеева Н.А.* Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // *Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения.* Междунар. конф. Тезисы докладов. 22-24 апреля 1997 г. М., 1997. Ч. II. С. 321-323.
- Фигуровский 1974 - *Фигуровский И.А.* Основные направления в исследованиях синтаксиса целого текста // *Лингвистика текста.* Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 108-115.
- ФНСАЛ 1997 - *Фундаментальные направления современной американской лингвистики.* Сборник обзоров. М., 1997.
- Формановская 1997 - *Формановская Н.И.* К уточнению понятия «коммуникативно-семантическая» группа // *Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы.* М., 1997. С. 25-32.
- Фреге 1977 - *Фреге Г.* Смысл и денотат // *Семиотика и информатика.* Вып. 8. М., 1977.
- Фридрих 1974 - *Фридрих С.А.* Психолингвистический аспект стилевой организации текста // *Лингвистика текста.* Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 121-126.
- ФТ 1989 - *Функционирование текста в лингвокультурной общности.* М., 1989.
- Фуко 1996₁ - *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
- Фуко 1996₂ - *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996.
- Хайдеггер 1986 - *Хайдеггер М.* Время картины мира // *Новая технократическая волна на Западе.* М., 1986.
- Хараш 1972 - *Хараш А.У.* Знаковые средства ориентировки и их влияние на предметную деятельность // *Мат-лы IV Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации.* М., 1972. С. 169-178.
- Хартунг 1973 - *Хартунг В.* К вопросу о соотношении деятельности и речевой коммуникации // *Общая и прикладная психолингвистика.* М., 1973. С. 5-14.
- Хилханова 1997 - *Хилханова Э.В.* Дискурс газеты «Bild» как объект лингвистического исследования. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Холод 1998 - *Холод О.М.* Психолингвистичний аспект антропоцентричних характеристик мовлення. Автореф. дис. ... докт. філол. наук. Київ, 1998.
- Хухуни 1996 - *Хухуни Г.Т.* Художественный текст как объект межкультурной и межъязыковой адаптации // *Этнокультурная специфика языкового сознания.* М., 1996. С. 206-214.
- Хухуни 1997 - *Хухуни Г.Т.* Языковое и культурное сознание: гармония или конфликт? // XII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997.
- Цветкова 1997 - *Цветкова Т.М.* О месте когнитивно-коммуникативных категорий в системе языковых категорий // *Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы.* М., 1997.
- Цивьян 1990 - *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Чарняк 1983 - *Чарняк Ю.* Умозаключения и знания // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 12. М., 1983. Ч. 1. С. 171-207. Ч. 2. С. 272-317.
- Чейф 1983 - *Чейф У.* Память и вербализация прошлого опыта // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XII. М., 1983. С. 35-73.
- Черданцева 1996 - *Черданцева Т.З.* Идиоматика и культура (Постановка вопроса) // *Вопросы языкознания.* 1996, № 1. С. 58-70.
- Черкасова 1996 - *Черкасова Г.А.* Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // *Этнокультурная специфика языкового сознания.* М., 1996. С. 181-190.
- Чернейко, Долинский 1996 - *Чернейко Л.О., Долинский В.А.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология.* 1996, № 6. С. 20-41.
- Чернейко 1997₁ - *Чернейко Л.О.* Абстрактное имя и система понятий языковой личности // *Язык, сознание, коммуникация.* Вып. 1. М., 1997. С. 40-51.
- Чернейко 1997₂ - *Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Чернухина 1974 - *Чернухина И.Я.* К вопросу о единицах связанного текста // *Лингвистика текста.* Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 155-158.
- Чернухина 1976 - *Чернухина И.Я.* К вопросу о единицах текста (на материале научных и публицистических русских текстов) // *Лингвистика текста.* Вып. 103. М., 1976. С. 242-254.
- Чернышева 1987 - *Чернышева И.И.* Структура языкового знака в языковой коммуникации // *Язык как коммуникативная деятельность человека.* Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987.
- Черняховская 1983 - *Черняховская Л.А.* Смысловая структура текста и ее единицы // *Вопросы языкознания.* 1983, № 6. С. 117-126.

- Чистякова 1979 - *Чистякова Г.Д.* Смысловая структура текста как определяющий фактор его понимания // Семантика, логика и интуиция в мыслительной деятельности человека. М., 1979.
- Чуприкова 1985 - *Чуприкова Н.И.* Психика и сознание как функция мозга. М., 1985.
- Шатин 1996 - *Шатин Ю.В.* Фигура ратора в зеркале семиотики // Дискурс. 1996, № 1.
- Шатков 1974 - *Шатков Г.В.* Текст и его классификация // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 177-181.
- Шахнарович 1979 - *Шахнарович А.М.* Место семантического компонента в языковой способности // Семантика языковых единиц и текста. М., 1979. С. 5-18.
- Шахнарович 1987 - *Шахнарович А.М.* Семантические аспекты коммуникативной функции языка // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 26-30.
- Шахнарович 1993 - *Шахнарович А.М.* Онтогенез языкового сознания: развитие познания и коммуникации // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 76-85.
- Шахнарович 1995 - *Шахнарович А.М.* Языковая личность и языковая способность // Язык-система, язык - текст, язык - способность. М., 1995. С. 213-223.
- Шахнарович 1996 - *Шахнарович А.М.* Обучение второму языку // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 97-104.
- Шахнарович, Апухтин 1981 - *Шахнарович А.М., Апухтин В.Б.* Психолингвистические проблемы предикативности и обучение пониманию текстов // Аспекты изучения текста. М., 1981.
- Шахнарович, Юрьева 1990 - *Шахнарович А.М., Юрьева Н.М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М., 1990.
- Швейцер 1974 - *Швейцер А.Д.* Социально-коммуникативный анализ текста // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 181-187.
- Швейцер 1976 - *Швейцер А.Д.* К проблеме социально-коммуникативного анализа текста // Лингвистика текста. Вып. 103. М., 1976. С. 264-272.
- Швейцер 1987 - *Швейцер А.Д.* Текст и перевод // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 122-128.
- Швейцер 1988 - *Швейцер А.Д.* (отв. ред.) Текст и перевод. М., 1988.
- Шендельс 1987 - *Шендельс Е.И.* Роль когерентности в грамматике текста // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 86-92.
- Шенк 1980 - *Шенк Р.* Обработка концептуальной информации. М., 1980.
- Шералиева 1964 - *Шералиева Р.* Теория информации и проблема сознания // Сознание и действительность. Фрунзе, 1964. С. 27-42.
- Шералиева 1969 - *Шералиева Р.* Из истории взглядов на знак и сигнал // Проблема модели в философии и естествознании. Фрунзе, 1969. С. 2-83.
- Шералиева 1980 - *Шералиева Р.* Информация и отражение // Общение в свете теории отражения. Фрунзе, 1980. С. 12-19.
- Шибутани 1969 - *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969.
- Шкатова 1996 - *Шкатова Л.А.* Этнопсихолингвистика // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 129-138.
- Школьник 1975 - *Школьник Л. С.* Коммуникация и социальный символизм // Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 171-185.
- Шмелева 1988 - *Шмелева Т.В.* Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. / Под ред. В. А. Белошапковой, И. Г. Милославского. М., 1988.
- Шмидт 1978 - *Шмидт З.Й.* «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 89-108.
- Шрейдер 1980 - *Шрейдер Ю.А.* Семантическая информация и принцип фокализации // Общение в свете теории отражения. Фрунзе, 1980. С. 32-48.
- Шукуров, Нишанов 1980 - *Шукуров Э.Д., Нишанов В.К.* Некоторые объективные предпосылки общения // Общение в свете теории отражения. Фрунзе, 1980. С. 19-24.
- Шукуров, Нишанов 1982 - *Шукуров Э.Д., Нишанов В.К.* Понимание в структуре познания // Философские основания науки. Вильнюс, 1982. С. 118-121.
- Щедровицкий 1974 - *Щедровицкий Г.П.* Как возможна «лингвистика текста»: две программы исследований // Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. М., 1974. Ч. II. С. 197-205.

- Шерба 1965 - *Шерба Л.В.* о тroyком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2.
- Шерба 1974 - *Шерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- ЭПЛ 1988 - Этнопсихоллингвистика. М., 1988.
- ЭСЯС 1996 - Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. статей. М., 1996.
- Этнология 1994 - Этнология. / Под ред. Г. Е. Маркова, В. В. Пименова. М., 1994.
- Этносы 1993 - Этносы и этнические процессы. М., 1993.
- ЭЯС 1995 - Этническое и языковое самосознание. Мат-лы конференции. (Москва, 13-15 декабря 1995.) М., 1995.
- Юнг 1991 - *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.
- Юнг 1994 - *Юнг К.Г.* Аналитическая психология. СПб., 1994.
- Язык 1970 - Языки человек. М., 1970.
- Язык 1987 - Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987.
- Язык 1989 - Язык и личность. М., 1989.
- Язык 1990₁ - Язык и социальное познание. М., 1990.
- Язык 1990₂ - Язык и структура знания. М., 1990.
- Язык 1990₃ - Язык, дискурс и личность. Межвуз. сб. науч. трудов. Тверь, 1990.
- Язык 1991 - Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.
- Язык 1994 - Язык. Культура. Этнос. М., 1994.
- Язык 1995 - Язык - система, язык - текст, язык - способность: Сб. статей. М., 1995.
- Язык и сознание 1993 - Язык и сознание: парадоксальная рациональность: Коллективная монография. М., 1993.
- Языки 1988 - Языки: этнокультурный и прагматический аспекты. Днепропетровск, 1988.
- Языковое общение 1987 - Языковое общение. Единицы и регулятивы. М., 1987.
- Языковое сознание 1988 - Языковое сознание: стереотипы и творчество. М., 1988.
- Якобсон 1978 - *Якобсон Р.О.* К языковой проблематике сознания и бессознательного // Бессознательное. Природа, функции и методы исследования. Тбилиси, 1978. Т. 3. С. 156-167.
- Якобсон 1996 - *Якобсон Р.О.* Язык и бессознательное: Работы разных лет. М., 1996.
- Яковлева 1994 - *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Якубинский 1986 - *Якубинский Л.П.* Избранное. Язык и его функционирование. М., 1986.
- Яценко 1997 - *Яценко И.И.* Психологический тезаурус рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой» (к вопросу о национально-этнических стереотипах восприятия) // **Лингвокогнитивные** проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 66-74.
- Ahlsén 1989 - *Ahlsén E.* Conditions for Reference to Entities in Spoken Interaction and Potential Reference Problems for Language Learners and Aphasics // Papers from the 11th Scandinavian Conference of Linguistics. Joensuu, 1989, Vol. II. P. 292-309.
- Aijmer 1986 - *Aijmer K.* Speak with Many Voices - Modes of Speech Presentation in Conversation // Papers from the 9th Scandinavian Conference of Linguistics. Stockholm, 1986. P. 1-14.
- Alatis 1970 - *Alatis J.* (Ed.) Bilingualism and Language Contact: Anthropological, Linguistic, Psychological and Sociological Aspects. Monograph Series on Languages and Linguistics, 23. Washington, 1970.
- Allwood 1976 - *Allwood J.* Linguistic Communication as Action and Cooperation: A Study in Pragmatics. Göteborg, 1976.
- Anderson 1976 - *Anderson J.R.* Language, Memory, and Thought. Hillsdale (N.J.), 1976.
- Anderson, Bower 1973 - *Anderson J.R., Bower G.H.* Human Associative Memory. Washington, 1973.
- Andersson et al. 1983 - *Andersson L., Boyd S., Savolainen M.* Språkmöte på arbetsplatsen // Kulturmöte: Konflikt eller samarbete? Stockholm, 1983.
- Argyle 1969 - *Argyle M.* Social Interaction. London, 1969.
- Atkinson, Heritage 1984 - *Atkinson J.M., Heritage J.* Structures of Social Action: A Study in Conversation Analysis. Cambridge, 1984.
- Austin 1975 - *Austin J.L.* How to Do Things with Words. Oxford Univ. Press, 1975.

- Bach, Harnish 1979 - *Bach K., Harnish M.R.* Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge, Mass., 1979.
- Ballmer 1982 - *Ballmer T.T.* Biological Foundations of Linguistic Communication: Towards a Biocybernetics of Language. Amsterdam, Philadelphia, 1982.
- Baron et al. 1992 - *Baron R.S., Kerr N.L., Miller N.* Group Process, Group Decision, Group Action. Pacific Grove, 1992.
- Barwise, Perry 1986 - *Barwise J., Perry J.* Situations and Attitudes. The MIT Press, 1986.
- Bates 1976 - *Bates E.* Language and Context: The Acquisition of Pragmatics. NY, 1976.
- Beebe, Masterson 1994 - *Beebe S.A., Masterson J.T.* Communicating in Small Groups: Principles and Practices. NY, 1994.
- Beaugrande 1980 - *Beaugrande R. de* Text, Discourse and Process. Norwood, 1980.
- Bellezza, Bower 1981 - *Bellezza F.S., Bower G.H.* The Representational and Processing Characteristics of Scripts // Bulletin of the Psychologic Society. 1981. Vol. 18. P. 1-4.
- Bellezza, Bower 1982 - *Bellezza F.S., Bower G.H.* Remembering Scripts-Based Texts // Poetics. 1982. Vol. 11, № 1. P. 1-23.
- Berger, Bradac 1982 - *Berger C.R., Bradac J.* Language and Social Knowledge. London, 1982.
- Bergson 1983 - *Bergson H.* Creative Evolution. NY: Holt, 1983.
- Berkowitz 1978 - *Berkowitz L.* Group Processes. NY, 1978.
- Berry et al. 1992 - *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M., Dasen P.R.* Cross-cultural Psychology: Research and Applications. NY: Cambr. Univ. Press, 1992.
- Bonvillain 1993 - *Bonvillain N.* Language, Culture and Communication: The Meaning of Messages. Englewood Cliffs, 1993.
- Bormann 1990 - *Bormann E.G.* Small Group Communication: Theory and Practice. NY, 1990.
- Bower et al. 1979 - *Bower G.H., Black J.B., Turner T.J.* Scripts in Memory for Texts // Cognitive Psychology. 1979. Vol. 11. P. 177-220.
- Boyd 1985 - *Boyd S.* Language Survival. A Study of Language Contact, Language Shifts and Language Choice in Sweden. Stockholm, 1985.
- Boyd 1986 - *Boyd S.* Some Principles of Language Choice in Conversations Between Multilinguals // Papers from the 9th Scandinavian Conference of Linguistics. Stockholm, 1986. P. 64-73.
- Bratt 1985 - *Bratt B.* Spårkutveckling - vägen till kunskap. Lund, 1985.
- Brown 1995 - *Brown G.* Speakers, Listeners and Communication: Explorations in Discourse Analysis. Cambridge, NY, 1995.
- Brown, Yule 1996 - *Brown G., Yule G.* Discourse Analysis. Cambridge, 1996 (1st ed. - 1983).
- Burton 1980 - *Burton D.* Dialogue and Discourse. London, 1980.
- Byram 1989 - *Byram M.* Cultural Studies in Foreign Language Education. Clevedon: Multilingual Matters, 1989.
- Byram, Esarte-Sarries 1991 - *Byram M., Esarte-Sarries V.* Investigating Cultural Studies in Foreign Language Teaching. Clevedon: Multilingual Matters, 1991.
- Byram et al. 1991 - *Byram M., Esarte-Sarries V., Taylor S.* Cultural Studies and Language Learning: A Research Report. Clevedon: Multilingual Matters, 1991.
- Carberry 1990 - *Carberry S.* Plan Recognition in Natural Language Dialogue. Cambridge, Mass., 1990.
- Carey 1989 - *Carey J.W.* Communication as Culture. Boston, 1989.
- Carroll 1982 - *Carroll J.B.* The Measurement of Intelligence // The Handbook of Human Intelligence. / R. G. Sternberg (Ed.). Cambridge Univ. Press, 1982.
- Cartwright, Zander 1968 - *Cartwright D., Zander A.* (Eds.) Group Dynamics: Research and Theory. NY, 1968.
- Casmir 1974 - *Casmir F. L.* Interaction: An Introduction to Speech Communication. Columbus, 1974.
- CE 1994 - Changing English. 1994. Vol. 1. N 2. Culture and Policy.
- Chafe 1994 - *Chafe W.* Discourse, Consciousness, and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago, 1994.
- Charniak 1978 - *Charniak E.* On the Use of Framed Knowledge in Language Comprehension // Artificial Intelligence. 1978. Vol. 2 (3). P. 225-265.
- Chock, Wyman 1986 - *Chock P.P., Wyman J.R.* (Eds.) Discourse and the Social Life of Meaning. Washington, 1986.

- Clark & Clark 1977 - *Clark E., Clark H.* Psychology and Language. NY, 1977. **К**ap. 14: Language and Thought.
- Cole 1996 - *Cole M.* Cultural Psychology. A Once and Future Discipline. **Cambr.**, Mass.; London, 1996.
- Collins, Quillian 1972 — *Collins M.A., Quillian M.R.* Experiments on Semantic Memory and Language Acquisition // Cognition in Learning and Memory. NY, 1972.
- Condon 1966 — *Condon J.C.* Semantics and Communication. NY, 1966.
- Cooley 1964 - *Cooley C.H.* Human Nature and the Social Order. NY, 1964.
- Cook 1989 - *Cook G.* Discourse. Oxford Univ. Press, 1989.
- Cook 1994 - *Cook G.* Discourse and Literature. Oxford Univ. Press, 1994.
- Coulthard 1993 - *Coulthard M.* An Introduction to Discourse Analysis. Longman, 1993.
- Couch 1990 - *Couch C.J.* Mass Communication and State Structures // Social Science Journal. 1990, Vol. 27. P. 111-128.
- Couch et al. 1986 - *Couch C.J., Saxton S.L., Katovich M.A.* (Eds.) Studies in Symbolic Interaction: The Iowa School. Greenwich, 1986.
- Cowell 1976 - *Cowell S.* Must We Mean What We Say? **Cambr.** Univ. Press, 1976.
- Cranach et al. 1992 - *Cranach M. von, Doise W., Mugny G.* (Eds.) Social Representations and the Social Bases of Knowledge. Berne, 1992.
- Cronen 1996 - *Cronen V.E.* The Consequentiality of Communication and the Recapturing of Experience // The Consequentiality of Communication. Hillsdale, 1996.
- D'Andrade 1989 - *D'Andrade R.* Cultural Sharing and Diversity // The Content of Culture: Constants and Variants: Essays in Honor of John M. Roberts. / R. Bolton (Ed.). New Haven, 1989.
- D'Andrade 1995 - *D'Andrade R.* The Development of Cognitive Anthropology. NY: **Cambr.** Univ. Press, 1995.
- Delia et al. 1982 - *Delia J.G., O'Keefe B.J., O'Keefe D.J.* The Constructivist Approach to Communication // Human Communication Theory. NY, 1982. P. 147-191.
- Denzin 1989₁ - *Denzin N.K.* Interpretive Biography. Newbury Park, 1989.
- Denzin 1989₂ - *Denzin N.K.* Interpretive Interactionism. Newbury Park, 1989.
- Dewey 1916 - *Dewey J.* Human Nature and Experience. NY: Holt, 1916.
- Dewey 1963 - *Dewey J.* Experience and Education. NY: **Macmillan**, 1963.
- Dijk 1997 - *Dijk T.A. van* Discourse as Social Interaction. London, 1997.
- Dinneen 1995 - *Dinneen F.P.* General Linguistics. Washington, 1995.
- Dinsmore 1981 - *Dinsmore J.* The Inheritance of Presupposition. Amsterdam, 1981.
- Eco 1980 - *Eco U.* A Theory of Semiotics. Indiana Univ. Press. 1980.
- Edwards, Potter 1992 - *Edwards D., Potter J.* Discursive Psychology. London, 1992.
- Eells 1951 - *Eells K.* Intelligence and Cultural Differences. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1951.
- Ekstrand 1978 — *Ekstrand L. H.* Bilingual and Bicultural Adaptation: Studies in the assessment of second language learning and of factors related to bicultural adjustment, with special reference to immigrant children. Doct. Diss. Stockholm, 1978.
- Evensen 1986 - *Evensen L.S.* (Ed.) Nordic Research in Text Linguistics and Discourse Analysis. Lund, 1986.
- Eyessenck 1993 - *Eyessenck M.W.* Principles of Cognitive Psychology. Hove, 1993.
- Fairclough 1995 - *Fairclough N.* Critical Discourse Analysis. Longman, 1995.
- Fiske, Taylor 1991 - *Fiske S.T., Taylor S.* Social Cognition. NY, 1991.
- Fitzgerald 1993 - *Fitzgerald T.K.* Metaphors of Identity: A Culture Communication Dialogue. Albany, 1993.
- Flick 1995 - *Flick U.* Social Representations // Rethinking Psychology. London, 1995. P. 70-96.
- Fraurud 1985 - *Fraurud K.* What's Next in the Text? // A Method for Investigating Discourse Processing. Papers from the Institute of Linguistics. Stockholm, 1985.
- Fraurud 1986 - *Fraurud K.* The Introduction and Maintenance of Discourse Referents // Papers from the 9th Scandinavian Conference of Linguistics. Stockholm, 1986. P. 111-122.
- Frege 1892 - *Frege G.* Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1892. Bd. L. S. 25-50.
- Frey 1994 - *Frey L.R.* (Ed.) Group Communication in Context. Studies of Natural Groups. Hillsdale, 1994.
- Gazdar 1979 - *Gaidar G.* Pragmatics: **Implicature**, Presupposition and Logical Form. NY, 1979.
- Geertz 1973 - *Geertz C.* The Interpretation of Cultures. NY: Basic Books, 1973.

- Givón 1979 - *Givón T.* On Understanding Grammar. NY, 1979.
- Givón 1988 - *Givón T.* Mind, Code, and Context. Hillsdale, 1988.
- Goodenough 1936 - *Goodenough F.L.* The Measurement of Mental Functions in Primitive Groups// American Anthropology. 1936, V. 38. P. 1-11.
- Goffman 1981 - *Goffman E.* Forms of Talk. Oxf., Blackwell, 1981.
- Gould 1977 - *Gould S.J.* Ontogeny and Phylogeny. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1977.
- Gould 1981 - *Gould S.J.* The Mismeasure of Man. NY, 1981.
- Green 1974 - *Green G.M.* Semantics and Syntactic Regularity. Indiana Univ. Press, 1974.
- Gregory, Caroll 1978 - *Gregory M., Caroll S.* Language and Situation. Languages and Their Social Context. London, 1978.
- Greimas 1970 - *Greimas A.J.* (Ed.) Sign, Language and Culture. The Hague, 1970.
- Grice 1971 - *Grice H.P.* Meaning // Readings in the Philosophy of Language. Englewood Cliffs, 1971. p. 436-444.
- Grice 1975 - *Grice H.P.* Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts. NY, 1975. P. 41-58.
- Grice 1978 - *Grice H.P.* Further Notes on Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 9: Pragmatics. NY, 1978. P. 113-127.
- Grice 1981 - *Grice H.P.* Presupposition and Conversational Implicature // Radical Pragmatics. NY, 1981. P. 183-198.
- Gudykunst 1985 - *Gudykunst W.B.* A Model of Uncertainty Reduction in Intercultural Encounters // Journal of Language and Social Psychology. 1985, Vol. 4. P. 79-98.
- Gudykunst et al. 1985 - *Gudykunst W.B., Yang S.M., Nishida T.* A Cross-Cultural Test of Uncertainty Reduction Theory: Comparison of Acquaintance, Friends, and Dating Relationships in Japan, Korea, and the United States // Human Communication Research. 1985, Vol. 11. P. 407-454.
- Gumperz 1971 - *Gumperz J.J.* Language in Social Group. Stanford, 1971.
- Gumperz 1982₁ - *Gumperz J.J.* Discourse Strategies. Cambridge, Mass., 1982.
- Gumperz 1982₂ - *Gumperz J.J.* (Ed.) Language and Social Identity. Cambridge, 1982.
- Hansegård 1972 - *Hansegård N.E.* Tvåspråkighet eller halvspråkighet? Stockholm, 1972.
- Hare 1992 - *Hare A.P.* Groups, Teams, and Social Interaction. NY, 1992.
- Harweg 1968 - *Harweg R.* Pronomina und Textkonstitution. Munchen, 1968.
- Heidrich 1974 - *Heidrich C.H.* (Ed.) Semantics and Communication. Amsterdam; London; NY, 1974.
- Heim 1991 - *Heim I.* On the Projection Problem for Presupposition // Pragmatics. Oxford, 1991.
- Hirsh 1978 - *Hirsh E.D. (Jr.)* Cultural Literacy (What Every American Needs to Know). Boston, 1978.
- Hirsh 1988 - *Hirsh E.D. (Jr.)* The Theory Behind the Dictionary of Cultural Literacy // The Dictionary of Cultural Literacy. Boston, 1988.
- Irvine, Berry 1988 - *Irvine S.H., Berry J.W.* Human Abilities in Cultural Context. Cambridge Univ. Press, 1988.
- Isenberg 1968 - *Isenberg H.* Überlegungen zur Texttheorie. ADG - Bericht, 2. Berlin, 1968.
- Jakobson 1960 - *Jakobson R.* Linguistics and Poetics // Style in Language. NY; London, 1960.
- Jakobson 1971 - *Jakobson R.* Selected Writings. The Hague. 1971.
- Jakobson, Halle 1956 - *Jakobson R., Halle M.* Fundamentals of Language. The Hague. 1956.
- Jodelet 1984 - *Jodelet D.* Représentation sociale: phénomènes, concept et théorie // Psychologie sociale. Paris, 1984. P. 358-387.
- Johnson-Laird 1983 - *Johnson-Laird P.* Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness. Cambridge, 1983.
- Jucker 1995 - *Jucker A.H.* Discourse Analysis and Relevance // Future Perspectives of Dialogue Analysis. Tübingen, 1995. P. 121-146.
- Jorgensen, Svensson 1987 - *Jorgensen N., Svensson J.* Nuvensk grammatik. Stockholm, 1987.
- Kallmeyer 1974 - *Kallmeyer et al.* Lektürekolleg zur Textlinguistik. Frankfurt am Main. 1974.
- Karttunen 1974 - *Karttunen L.* Presupposition and Linguistic Context // Theoretical Linguistics. 1974, Vol. 1. P. 181-194.
- Keenan 1971 - *Keenan E.L.* Two Kinds of Presuppositions in Natural Language // Studies in Linguistic Semantics. NY, 1971. P. 45-54.
- Keith, Pile 1993 - *Keith M., Pile S.* (Eds.) Place and the Politics of Identity. NY, 1993.

- Kellerman, Smith 1986 - *Kellerman E., Smith M.Sh.* Crosslinguistic Influence in Second Language Acquisition. NY, 1986.
- Krasnykh 2001 - *Krasnykh V.* British Culture Phenomena as Models of Russian Culture // *British Studies*. N 4, 2001. P. 17-20.
- Kreckel 1981 - *Kreckel M.* Communicative Acts and Shared Knowledge in Natural Discourse. NY, 1981.
- Kulturmöte 1983 - *Kulturmöte: konflikt eller samarbete?* Stockholm, 1983.
- Lakoff, Johnson 1990 - *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago, 1990.
- LCC 1993 - *Language, Culture and Curriculum.* / Ed. by M. Byram. Vol. 6: 1, 1993. Special Issue: Culture and Language Learning in Higher Education.
- Lehnert 1980 - *Lehnert W.G.* The Role of Scripts in Understanding // *Frame Conceptions and Texts Understanding*. Berlin, NY, 1980. P. 75-95.
- Levinson 1983 - *Levinson S.C.* Pragmatics. Cambridge, 1983.
- Lippmann 1922 - *Lippmann W.* Public Opinion. NY: Harcourt, Brace, 1922.
- Malinowski 1960 - *Malinowski B.* The Problem of Meaning in Primitive Languages // *C. K. Ogden & I. A. Richards.* The Meaning of Meaning. London, 1960.
- Macdonell 1986 - *Macdonell D.* Theories of Discourse: An Introduction. Oxford, 1986.
- Marin 1987 - *Marin G.* Attributions for Tardiness among Chilean and United States students // *Journal of Social Psychology*. 1987. Vol. 127 (1). P. 69-75.
- McCall, Simmons 1978 - *McCall G.J., Simmons J.L.* Identities and Interaction. NY, 1978.
- Mead 1934 - *Mead G.H.* Mind, Self and Society. Chicago, 1934.
- Mey 1993 - *Mey J.L.* Pragmatics: An Introduction. Oxford, Cambridge, Mass., 1993.
- Menzel 1975 - *Menzel P.* Semantics and Syntax in Complementation. The Hague; Paris, 1975.
- Miller 1985 - *Miller J.* Semantics and Syntax (parallels and connections). Camb. Univ. Press, 1985.
- Moravcsik 1979 - *Moravcsik J.* Understanding // *Dialectica* Lausanne, 1979. Vol. 33, fasc. 3-4. P. 201-216.
- Morgan 1993 - *Morgan C.* Teaching «Culture» at A-Level // *Language Learning Journal*. N 7, March, 1993. P. 42-44.
- Morris 1955 - *Morris Ch.* Signs, Language & Behavior. NY, 1955.
- Morris 1971 - *Morris Ch.* Writings on the General Theory of Signs. The Hague; Paris. 1971.
- Moscovici 1976 - *Moscovici S.* La Psychoanalyse, son image et son public. Paris, 1976.
- Moscovici 1984₁ - *Moscovici S.* The Myth of the Lonely Paradigm: A Rejoinder // *Social Research*. 1984. Vol. 51. P. 939-968.
- Moscovici 1984₂ - *Moscovici S.* The Phenomenon of Social Representations // *Social Representations*. Cambridge, 1984. P. 3-69.
- Moscovici 1988 - *Moscovici S.* Notes Towards a Description of Social Representation // *European Journal of Social Psychology*. 1988, Vol. 18. P. 211-250.
- Nadel 1937 - *Nadel S.E.* Experiments in Culture Psychology // *Africa*. 1937, V. 10. P. 421-425.
- Nadel 1939 - *Nadel S.E.* The Application of Intelligence Tests in the Anthropological Field // *The Study of Society.* / E. C Barlett (Ed.), Cambridge Univ. Press, 1939.
- Nida, Taber 1974 - *Nida E., Taber Ch.* Theory and Practice of Translation. Leiden, 1974.
- Nyholm 1982 - *Nyholm L.* Spoken Language, Method and Philosophy of Language // *Papers from the 7th Scandinavian Conference of Linguistics*. Hanasaari, 1982, Vol. II. P. 646-660.
- Olson 1977 - *Olson D.R.* From Utterance to Text: The Bias of Language in Speech and Writing // *Harvard Educational Review*, 47 (3), 1977. P. 257-281.
- Paivio 1978 - *Paivio A.* Imagery, Language and Semantic Memory // *International Journal of Psycholinguistics*. 1978, N 5. P. 31-47.
- Paivio 1986 - *Paivio A.* Mental Representations. A Dual Coding Approach. Oxford, 1986.
- Papers 1985 - *Papers from the Institute of Linguistics. A Method for Investigating Discourse Processing.* Stockholm, 1985.
- Parret 1980 - *Parret H.* Context of Understanding. Amsterdam, 1980.
- Parret 1983 - *Parret H.* Semiotics and Pragmatics: An Evaluative Comparison of Conceptual Frameworks. Amsterdam, Philadelphia, 1983.
- Parret 1993 - *Parret H.* The Aesthetics of Communication: Pragmatics and Beyond. Dordrecht, 1993.
- Pearce, Cronen 1980 - *Pearce W.B., Cronen V.E.* Communication, Action, and Meaning. The Creation of Social Realities. NY, 1980.

- Porteus 1937 — *Porteus S.* Primitive Intelligence and Environment. NY: Macmillan, 1937.
- Potter, Wetherell 1987 — *Potter J., Wetherell M.* Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour. London, 1987.
- Potter, Wetherell 1995 — *Potter J., Wetherell M.* Discourse Analysis // Rethinking Methods in Psychology. London, 1995. P. 80-92.
- Quasthoff 1978 — *Quasthoff U.M.* The Uses of Stereotype in Everyday Argument // Journal of Pragmatics. Vol. 2. P. 1-48.
- Salkie 1995 — *Salkie R.* Text and Discourse Analysis. London, NY, 1995.
- Schank 1982 — *Schank R.C.* Depth of Knowledge // Knowledge and Representation. London, 1982. P. 170-193.
- Schank 1990 — *Schank R.C.* Tell Me a Story: A New Look at Real and Artificial Memory. NY, 1990.
- Schank 1994 — *Schank R.C.* Goal-based Scenarios // Beliefs, Reasoning, and Decision Making. Hillsdale, 1994. P. 1-32.
- Schank, Abelson 1977 — *Schank R. C., Abelson R.P.* Scripts, Plans, Goals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures. Hillsdale (N.J.), 1977.
- Schank, Colby 1973 — *Schank R.C., Colby K.M.* (Eds.) Models of Thought and Language. San Francisco, 1973.
- Schiffer, Steel 1988 — *Schiffer S., Steel S.* (Eds.) Cognition and Representation. Boulder (Colorado), 1988.
- Schiffrin 1987 — *Schiffrin D.* Discourse Markers. Cambridge, 1987.
- Schiffrin 1994 — *Schiffrin D.* Approaches to Discourse. Oxford, Cambridge, Mass., 1994.
- Schmidt 1973 — *Schmidt S.J.* Texttheorie. München, 1973.
- Scholle 1982 — *Scholle R.* (Ed.) Semiotics and Interpretation. Yale Univ. Press, 1982.
- Schwartz 1978 — *Schwartz T.* The Size and Shape of Culture // Scale and Social Organization. / F. Barth (Ed.) Oslo: Universitetsforlaget, 1978.
- Schwartz 1990 — *Schwartz T.* The Structure of National Cultures // Understanding the USA. / P. Funke (Ed.). Tübingen, 1990.
- Sebeok 1969 — *Sebeok Th.* (Ed.) Approaches to Semiotics. The Hague, 1969.
- Segall et al. 1990 — *Segall M.H., Dasen P.R., Berry J.W., Poortinga Y.H.* Human Behaviour in Global Perspective: An Introduction to Cross-Cultural Psychology. NY: Pergamon, 1990.
- Serpell 1993 — *Serpell R.* The Significance of Schooling. NY: Camb. Univ. Press, 1993.
- Shannon, Weaver 1949 — *Shannon C., Weaver W.* The Mathematical Theory of Communication. Urbana, 1949.
- Shotter, Gergen 1994 — *Shotter J., Gergen K.J.* Social Construction: Knowledge, Self, Others, and Continuing the Conversation // Communication Yearbook. Vol. 17. Thousand Oaks, 1994. P. 3-33.
- Shweder 1990 — *Shweder R.A.* Cultural Psychology: What is it? // Cultural Psychology: Essays on Comparative Human Development. / J. W. Stigler, R. A. Shweder and G. Herdt (Eds.). NY: Camb. Univ. Press, 1990.
- Shweder 1991 — *Shweder R.A.* Thinking through Cultures. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1991.
- Shweder, Sullivan 1993 — *Shweder R.A., Sullivan M.A.* Cultural Psychology: Who Needs It? // American Review of Psychology. 1993. Vol. 44. P. 497-523.
- Silverman 1983 — *Silverman K.* The Subject of Semiotics. Oxford Univ. Press, 1983.
- Sinclair 1992 — *Sinclair J. McH.* Priorities in Discourse Analysis // Advances in Spoken Discourse Analysis. London; NY, 1992. P. 79-88.
- Sinclair, Coulthart 1975 — *Sinclair J. McH., Coulthart R.M.* Towards the Analysis of Discourse: The English Used by Teachers and Pupils. Oxford, 1975.
- Smith 1945 — *Smith M.* Social Situation, Social Behaviour, Social Group // Psychology Review. 1945. Vol. 52. P. 224-229.
- Soames 1991 — *Soames S.* How Presuppositions Are Inherited: A Solution to the Projection Problem // Pragmatics: A Reader. NY, Oxford, 1991. P. 428-470.
- Sperber, Wilson 1982 — *Sperber D., Wilson D.* Mutual Knowledge and Relevance in Theories of Comprehension // Mutual Knowledge. London, 1982. P. 61-131.
- Sperber, Wilson 1995 — *Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. Oxford, Cambridge, Mass., 1995.
- Stalnaker 1972 — *Stalnaker R.* Pragmatics // Semantics of Natural Language. Boston, 1972. P. 380-397.
- Stalnaker 1974 — *Stalnaker R.* Pragmatic Presupposition // Semantics and Philosophy. NY, 1974.

- Steiner, Veltman 1988 - *Steiner E.H., Veltman R.* (Eds.) *Pragmatics, Discourse and Text: Some Systematically-Inspired Approaches*. Norwood, 1988.
- Stilling et al. 1987 - *Stilling N.A., Feinstein M.H., Garfield J.L. et al.* *Cognitive Science: An Introduction*. London, Cambridge, Mass., 1987.
- Strauss 1969 - *Strauss A.L.* *Mirrors and Masks*. Glencoe, 1969.
- Stryker 1980 - *Stryker S.* *Symbolic Interactionism*. Menlo Park, 1980.
- Stubbs 1983 - *Stubbs M.* *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford, 1983.
- Taylor 1989 - *Taylor C.* *Sources of the Self: The Making of Modern Identity*. Cambr. Mass., 1989.
- Triandis 1994 - *Triandis H.C.* *Culture and Social Behavior*. NY, 1994.
- Turner 1988 - *Turner J.H.* *Theory of Social Interaction*. Stanford, 1988.
- Valdes 1986 - *Valdes J.* (Ed.) *Culture Bound: Bridging the Cultural Gap in Language Teaching*. Cambr. Univ. Press, 1986.
- Vernon 1969 - *Vernon P.E.* *Intelligence and Cultural Environment*. London: Metuen, 1969.
- Watson 1970 - *Watson O.M.* *Proxemic Behavior. A Cross-Cultural Study*. The Hague-Paris, 1970.
- Watson, Seiler 1992 - *Watson G., Seller R.M.* (Eds.) *Text in Context: Contributions to Ethnomethodology*. Newberry Park, 1992.
- Weinrich 1966 - *Weinrich H.* *Linguistik der Lüge*. Heidelberg, 1966.
- Werth 1984 - *Werth P.* *Focus, Coherence and Emphasis*. London, 1984.
- Wierzbicka 1988 - *Wierzbicka A.* *The Semantics of Grammar*. Amsterdam, 1988.
- Wierzbicka 1991 - *Wierzbicka A.* *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin, NY, 1991.
- Wierzbicka 1992 - *Wierzbicka A.* *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. NY, 1992.
- Wilensky 1994 - *Wilensky R.* *Discourse, Probability, and Inference// Beliefs, Reasoning, and Decision Making*. Hillsdale, 1994. P. 363-388.
- White 1992 - *White H.C.* *Identity and Control: A Structural Theory of Social Action*. Princeton, 1992.
- Wober 1975 - *Wober M.* *Psychology in Africa*. London: International African Institute, 1975.
- Woods 1973 - *Woods W.A.* *An Experimental Parsing System for Transition Network Grammars // Natural Language Processing*. NY, 1973.
- Woods 1975 - *Woods W.A.* *What's in a Link: Foundations for Semantic Net-works // Representations and Understanding*. NY, 1975. P. 35-82.
- Woodworth 1910 - *Woodworth R.S.* *Racial Differences in Mental Traits // Science*. 1910. Vol. 31. P. 171-186.
- Wundt 1921 - *Wundt W.* *Elements of Folk Psychology*. London: Allen and Unwin, 1921.
- Yule 1966 - *Yule G.* *Pragmatics*. Oxford, 1966.
- Ziff 1972 - *Ziff P.* *Understanding Understanding*. Ithaca / London: Cornell Univ. Press. 1972.

• Научное издание

Виктория Владимировна Красных

«СВОЙ» СРЕДИ «ЧУЖИХ»: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Технический редактор А. Магамбетов

ЛР № 066278 от 14 января 1999 г.

Подписано в печать 21.03.2003 г. Формат 70 × 90^{1/16},
Гарнитура «Times». Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. п. л. 27,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 2853.

ООО «Издательско-торговый дом гуманитарной книги "Гнозис"»
123557, г. Москва, ул. Малая Грузинская, д. 25, корп. 1.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.

214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2
Тел.: 3-01-60; 3-46-20; 3-46-05

ISBN 5-94244-004-2

